РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ,

издаваемый

М. Катковымъ.

ТОМЪ СЕМЬДЕСЯТЪ ТРЕТІЙ.

МОСКВА.
Въ Университетской Типографіи (Катковъ и К°).
На Страстномъ бульварѣ.
1868.

Digitized by Google

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ *РУССКОМУ ВѢСТНИКУ.*

ЛУННЫЙ КАМЕНЬ

РОМАНЪ

СОЧИНЕНІЕ

ВИЛЬКИ КОЛЛИНЗА.

ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (Катковъ и К°),
на Страстномъ бульварѣ.
1868.

Digitized by Google

Digitized by Google

ЛУННЫЙ КАМЕНЬ

РОМАНЪ

СОЧ. ВИЛЬКИ КОЛЛИНЗА.

ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО.

ПРОЛОГЪ.

ШТУРМЪ СЕРИНГАПАТАМА.

(1799 г.)

Извлеченіе изъ фамильныхъ бумагъ.

I.

Строки эти, написанныя мною въ Индіи, обращены къ моимъ роднымъ въ Англіи, которымъ я желаю объяснить причины, побудившія меня отказать въ дружескомъ пожатіи руки двоюродному брату моему, Джону Геракаслю. Молчаніе, которое я до сихъ поръ хранилъ объ этомъ обстоятельствѣ, вызвало превратныя толкованія со стороны членовъ моего семейства, добрымъ мнѣніемъ которыхъ я дорожу. И потому прошу ихъ воздержаться отъ окончательнаго приговора до выслушанія моего разказа и вѣрить моему честному слову, что все, о чемъ собираюсь я говорить здѣсь, есть точная и строгая истина.

Тайный раздоръ между мною и моимъ двоюроднымъ братомъ возникъ еще во время великой международной борьбы, въ которой участвовали мы оба, во время штурма Серингапатама, предпринятаго 4-го мая 1799 года, подъ предводительствомъ генерала Берда.

Для удобнѣйшаго разъясненія послѣдующихъ обстоятельствъ, мнѣ необходимо возвратиться къ тому періоду

Digitized by Google

времени, который предшествовалъ осадѣ, и къ ходившимъ въ нашемъ лагерѣ разказамъ о грудахъ золота и драгоцѣнныхъ камней, хранившихся въ Серингапатамскомъ дворцѣ.

II.

Самый фантастическій изъ этихъ разказовъ относился къ желтому алмазу, знаменитому въ отечественныхъ лѣтописяхъ Индіи. По сохранившимся о немъ преданіямъ, онъ украшалъ нѣкогда чело четверорукаго индѣйскаго божества, олицетворявшаго собою мѣсяцъ. Частію вслѣдствіе своего особеннаго цвѣта, частію же вслѣдствіе господствовавшаго предразсудка, будто этотъ камень ощущаетъ на себѣ вліяніе украшаемаго имъ божества, свѣтлѣя во время полнолунія и тускнѣя во время ущерба, ему дано было названіе, которымъ и до сихъ поръ еще именуется онъ въ Индіи, названіе *Луннаго камня*. Подобный же предразсудокъ, говоратъ, существовалъ нѣкогда въ Греціи и Римѣ; съ тою только разницей, что онъ относился не къ алмазу, украшавшему какое-либо божество (какъ это было въ Индіи), но къ полупрозрачному камню низшаго разряда, подверженному также вліяніямъ луны и также получившему отъ нея свое названіе, подъ которымъ онъ и до сихъ поръ извѣстенъ новѣйшимъ минералогамъ.

Приключенія желтаго алмаза начинаются съ одиннадцатаго столѣтія христіанской эры.

Въ это время одинъ изъ магометанскихъ завоевателей, Махмудъ Гизни, вторгся въ Индію, овладѣлъ священнымъ городомъ Сомнаутомъ и разграбилъ сокровища находившагося въ немъ знаменитаго храма, который въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій привлекалъ цѣлыя толпы индѣйскихъ богомольцевъ и считался чудомъ всего Востока.

Изъ всѣхъ божествъ, которымъ поклонялись въ этомъ храмѣ, одинъ богъ Луны не подвергся хищничеству магометанскихъ побѣдителей. Охраняемый тремя брамиными, неприкосновенный кумиръ, съ украшавшимъ его желтымъ алмазомъ, былъ перенесенъ ночью во второй священный городъ Индусовъ — Бенаресъ.

Здѣсь, въ новомъ святилищѣ, въ залѣ инкрустованной драгоцѣнными каменьями, подъ кровлей, опиравшеюся на золотыя колонны, богъ Луны сталъ опять предметомъ ревност-

Digitized by Google

ныхъ поклоненій своихъ приверженцевъ. Въ ночь, когда святилище было совершенно окончено, Вишну-зиждитель явился во снѣ тремъ браминамъ.

Онъ дунулъ своимъ божественнымъ дыханіемъ на алмазъ, украшавшій чело бога Луны, а брамины пали ницъ, закрывъ свои лица одеждой. Божество повелѣло, чтобы впредь до окончанія вѣковъ Лунный камень былъ поочередно охраняемъ днемъ и ночью тремя жрецами, и брамины преклонились предъ его велѣніемъ. Божество грозило также всевозможными бѣдствіями не только тому дерзновенному, который осмѣлится похитить священную драгоцѣнность, но и всѣмъ его потомкамъ, которымъ алмазъ достанется по наслѣдству. По распоряженію браминовъ, эти пророческія слова были написаны золотыми буквами на вратахъ святилища.

Вѣка и поколѣнія смѣняли другъ друга, а преемники трехъ браминовъ не переставали денно и нощно охранять свою драгоцѣнность. Вѣка проходили за вѣками, и наконецъ, въ началѣ восьмнадцатаго столѣтія христіанской эры, на Монгольскомъ престолѣ воцарился Аурангзебъ. По его повелѣнію, храмы поклонниковъ Брамы снова преданы были грабежу и раззоренію. Святилище четверорукаго бога осквернено было умерщвленіемъ въ немъ священныхъ животныхъ; изваянія идоловъ были разбиты въ прахъ, а Лунный камень былъ похищенъ однимъ изъ военачальниковъ Аурангзеба.

Не будучи въ состояніи возвратить свое потерянное сокровище вооруженною силой, три жреца продолжали тайно слѣдить за нимъ переодѣтые. Новыя поколѣнія являлись на смѣну старымъ; воинъ свершившій святотатство погибъ ужасною смертью; Лунный камень (вмѣстѣ съ изреченнымъ проклятіемъ) переходилъ отъ одного беззаконнаго магометанина къ другому; но не взирая на всѣ случайности и перемѣны, преемники трехъ жрецовъ-блюстителей неусыпно охраняли свое сокровище въ ожиданіи того дня, когда, по волѣ Вишну-зиждителя, оно должно было снова перейдти въ ихъ руки. Такъ протекло восьмнадцатое столѣтіе, и въ послѣдніе годы его алмазъ достался серингапатамскому султану Тippo, который велѣлъ оправить его въ рукоятку своего кинжала и беречь въ числѣ избраннѣйшихъ драгоцѣнностей своей оружейной палаты. Но и тамъ, въ самомъ дворцѣ султана, три жреца-блюстителя не переставали тайно охранять алмазъ. Въ числѣ служащихъ при дворѣ Тippo находились

Digitized by Google

три иностранца, которые пріобрѣли особенное довѣріе своего властелина искреннимъ, а можетъ-быть и притворнымъ, сочувствіемъ догматамъ магометанской вѣры. На нихъ-то молва и указывала, какъ на переодѣтыхъ жрецовъ.

III.

Такова была фантастическая легенда ходившая въ нашемъ лагерѣ. Ни на кого изъ насъ не произвела она такого впечатлѣнія какъ на моего двоюроднаго брата, который охотно вѣрилъ всему сверхъестественному. Наканунѣ штурма Серингапатама, онъ повздорилъ со мной и со всѣми, кто только видѣлъ въ этомъ разказѣ одинъ пустой вымыселъ. Поднялся глупѣйшій споръ, и несчастный характеръ Геракасля выказался во всей силѣ. Со свойственною ему хвастливостью, онъ объявилъ, что если англійской арміи удастся взять городъ, то мы увидимъ этотъ бриллiантъ на его пальцѣ. Громкій взрывъ смѣха привѣтствовалъ эту выходку, но этимъ, какъ мы полагали, она и должна была окончиться.

Теперь не угодно ли вамъ перенестись со мною ко дню осады.

Съ самаго начала штурма мы были разлучены съ моимъ двоюроднымъ братомъ. Я не видалъ его ни во время переправы черезъ бродъ, ни при водруженіи англійскаго знамени въ первомъ проломѣ, ни при переходѣ чрезъ лежавшій за бастіономъ ровъ, ни при вступленіи въ самый городъ, гдѣ каждый шагъ доставался намъ съ бою. Я встрѣтился съ Геракаслемъ только въ сумеркахъ, послѣ того какъ самъ генералъ Бердъ отыскалъ подъ кучей убитыхъ трупъ Типпо.

Насъ обоихъ прикомандировали къ отряду, посланному по приказанію генерала для прекращенія грабежа и безпорядковъ, послѣдовавшихъ за нашею побѣдой. Фурштадтскіе солдаты предавались жалкой невоздержности; а что̀ еще хуже, они отыскали ходъ въ дворцовыя кладовыя и стали грабить золото и драгоцѣнныя каменья. Мы сошлись съ братомъ на дворѣ, окружавшемъ кладовыя, съ цѣлью водворить между нашими солдатами законную дисциплину; но я не могъ не замѣтить при этомъ, что пылкій нравъ его, доведенный до высочайшаго раздраженія выдержанною нами рѣзней, дѣлалъ его неспособнымъ къ выполненію этой обязанности.

Digitized by Google

Въ кладовыхъ было волненіе и безпорядокъ, но ни малѣйшаго насилія. Люди (если могу такъ выразиться) позорили себя въ самомъ веселомъ настроеніи духа. Со всѣхъ сторонъ раздавались грубыя шутки и поговорки, а исторія объ алмазѣ неожиданно возникла въ формѣ злѣйшей насмѣшки. „У кого Лунный камень? Кто нашелъ Лунный камень?“ кричали грабители, и разгромъ усиливался еще съ бо́льшимъ ожесточеніемъ. Напрасно пытаясь водворить порядокъ, я вдругъ услыхалъ страшный крикъ на другомъ концѣ двора и бросился туда, чтобы предупредить какой-нибудь новый взрывъ.

На порогѣ, у самаго входа въ какую-то дверь, лежали два убитые Индѣйца (которыхъ по одеждѣ можно было принять за дворцовыхъ чиновниковъ).

Раздавшійся вслѣдъ затѣмъ крикъ изнутри комнаты, очевидно служившей мѣстомъ для храненія оружія, заставилъ меня поспѣшить туда. Въ эту минуту третій Индѣецъ, смертельно раненый, падалъ къ ногамъ человѣка, стоявшаго ко мнѣ спиной. Но въ то время какъ я входилъ, онъ повернулся, и я увидалъ предъ собой Джона Геркасля съ факеломъ въ одной рукѣ и окровавленнымъ кинжаломъ въ другой. Камень, вправленный въ рукоятку кинжала, ярко сверкнулъ мнѣ въ глаза, озаренный пламенемъ. Умирающій Индѣецъ опустился на колѣни, и указывая на кинжалъ, находившійся въ рукѣ Геркасля, проговорилъ на своемъ родномъ языкѣ слѣдующія слова: „Лунный камень будетъ отомщенъ на тебѣ и на твоихъ потомкахъ!“ Сказавъ это, онъ мертвый упалъ на землю.

Прежде нежели я успѣлъ приступить къ разъясненію этого обстоятельства, въ комнату вбѣжала толпа людей, послѣдовавшихъ за мною черезъ дворъ. Двоюродный братъ мой, какъ сумасшедшій, бросился на нихъ съ факеломъ и кинжаломъ въ рукахъ. „Очистите комнату“, крикнулъ онъ мнѣ, „и поставьте караулъ къ дверямъ!“ Солдаты попятились. Я поставилъ у входа караулъ изъ двухъ человѣкъ моего отряда, на которыхъ я могъ положиться, и во всю остальную ночь уже не встрѣчался болѣе съ моимъ двоюроднымъ братомъ.

На другой день, рано поутру, такъ какъ грабежъ все еще не прекращался, генералъ Бердъ публично объявилъ при барабанномъ боѣ, что всякій воръ, пойманный на мѣстѣ

Digitized by Google

преступленія, будетъ повѣшенъ, несмотря на свое званіе. Генералъ-гевальдигеру поручено было при случаѣ подтвердить фактами приказъ Берда. Тутъ, въ толпѣ, собравшейся для выслушанія приказа, мы снова встрѣтились съ Гернкаслемъ.

Онъ, по обыкновенію, протянулъ мнѣ руку и сказалъ: „Здравствуйте“.

Я же съ своей стороны медлилъ подавать ему руку.

— Скажите мнѣ сперва, спросилъ я,—что̀ было причиной смерти Индѣйца въ оружейной палатѣ, и что̀ означали его послѣднія слова, которыя онъ произнесъ, указывая на кинжалъ въ вашей рукѣ.

— Я полагаю, что причиной его смерти была рана, отвѣчалъ Гернкасль. — Смыслъ же его послѣднихъ словъ такъ же мало понятенъ мнѣ, какъ и вамъ.

Я пристально посмотрѣлъ на него. Бѣшенство, въ которомъ находился онъ наканунѣ, совершенно утихло. Я рѣшился еще разъ попытать его.

— Вы ничего болѣе не имѣете сказать мнѣ? спросилъ я.

— Ничего, отвѣчалъ онъ.

Я отвернулся отъ него, и съ тѣхъ поръ мы болѣе не говорили.

IV.

Прошу замѣтить, что все разказанное мною здѣсь о моемъ двоюродномъ братѣ назначается единственно для моего семейства, за исключеніемъ какого-либо непредвидѣннаго случая, могущаго сдѣлать необходимымъ опубликованіе этихъ фактовъ. Въ разговорѣ со мной Гернкасль не высказалъ ничего такого, о чемъ стоило бы доносить нашему полковому командиру. Тѣ, которые помнили его вспышку за алмазъ наканунѣ штурма, нерѣдко подсмѣивались надъ нимъ въ послѣдствіи; но не трудно догадаться, что обстоятельства, при которыхъ я засталъ его въ оружейной палатѣ, вынуждали его хранить молчаніе. Ходятъ слухи, будто онъ намѣренъ перейдти въ другой полкъ, очевидно для того, чтобъ избавиться отъ *меня*.

Правда это, или нѣтъ, я все-таки не могу, по весьма уважительнымъ причинамъ, выступить его обвинителемъ. Какимъ образомъ разглашу я фактъ, для подтвержденія котораго я не имѣю никакихъ другихъ доказательствъ, кромѣ нравственныхъ. Я не только не могу уличить Гернкасля въ

Digitized by Google

убійствѣ двухъ Индѣйцевъ, найденныхъ мною у двери; но не могу даже утверждать, что и третій человѣкъ, убитый въ оружейной палатѣ, палъ его жертвой, такъ какъ самый фактъ преступленія свершился не на моихъ глазахъ. Правда, я слышалъ слова умирающаго Индѣйца; но еслибы слова эти признаны были за бредъ предсмертной агоніи, могъ ли бы я отрицать это съ полнымъ убѣжденіемъ? Пусть родные наши съ той и другой стороны, прочтя этотъ разказъ, сами произнесутъ свой приговоръ и рѣшатъ, основательно ли то отвращеніе, которое я питаю теперь къ этому человѣку.

Несмотря на то что я не придаю ни малѣйшаго вѣроятія этой фантастической индѣйской легендѣ о драгоцѣнномъ алмазѣ, я долженъ однако сознаться, что во мнѣ дѣйствуетъ особенный, мною самимъ созданный предразсудокъ. Я убѣжденъ, считайте это какъ вамъ угодно, что преступленіе всегда влечетъ за собой наказаніе. И я вѣрю не только въ виновность Герракасля, но и въ то, что настанетъ время, когда онъ раскается въ своемъ поступкѣ, если только алмазъ не выйдетъ изъ его рукъ. Вѣрю также, что и тѣ, кому онъ передастъ этотъ камень, будутъ сожалѣть о томъ, что получили его.

РАЗКАЗЪ.

ПЕРІОДЪ ПЕРВЫЙ. ПОТЕРЯ АЛМАЗА.

(1848 г.)

Происшествія, повѣствуемыя Габріелемъ Бетереджъ, дворецкимъ леди Юліи Веринджеръ.

I.

Въ первой части *Робинзона Крузо*, на страницѣ сто двадцать девятой, вы найдете слѣдующее изреченіе: „Теперь только, хотя слишкомъ поздно, увидалъ я, какъ безразсудно предпринимать какое-либо дѣло, не высчитавъ напередъ его издержекъ и не соразмѣривъ съ нимъ первоначально силъ своихъ.“

Не далѣе какъ вчера открылъ я своего *Робинзона Крузо* на этой самой страницѣ, а сегодня утромъ (двадцать перваго мая 1850 г.) пришелъ ко мнѣ племянникъ миледи, мистеръ Франклинъ Блекъ, и повелъ со мною такую рѣчь:

Digitized by Google

— Бетереджъ, сказалъ мистеръ Франклинъ,—я былъ сейчасъ у нашего адвоката по поводу нѣкоторыхъ фамильныхъ дѣлъ; между прочимъ мы разговорились о похищеніи индѣйскаго алмаза, изъ дома тетки моей, въ Йоркширѣ, два года тому назадъ. Адвокатъ думаетъ, и я совершенно съ нимъ согласенъ, что въ интересахъ истины необходимо изложить всю эту исторію въ письменномъ разказѣ, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

Не подозрѣвая его намѣреній и полагая, что въ обезпеченіе мира и спокойствія всегда благоразумнѣе держаться совѣтовъ адвоката, я отвѣчалъ ему, что и самъ раздѣляю его мнѣніе.

— Вамъ извѣстно, продолжалъ мистеръ Франклинъ,—что пропажа набросила тѣнь на многихъ невинныхъ лицъ. Поэтому не трудно предвидѣть, что и въ послѣдствіи память ихъ подвергается незаслуженнымъ нареканіямъ за недостаткомъ письменно изложенныхъ фактовъ, могущихъ возстановить истину. Нечего и говорить, что эта странная фамильная исторія должна быть непремѣнно описана, и я увѣренъ, Бетереджъ, что мы съ адвокатомъ придумали наилучшій способъ изложить ее.

Очень могло быть, что такъ, только я никакъ не могъ уразумѣть, какое отношеніе имѣло все это ко мнѣ.

— Намъ необходимо разказать извѣстныя событія, продолжалъ мистеръ Франклинъ,—и между нами найдутся люди, которыя, сами принимавъ участіе въ этихъ происшествіяхъ, способны описать ихъ въ качествѣ очевидцевъ. Это подало нашему адвокату мысль, что мы всѣ должны поочередно писать исторію Лунного камня, насколько допуститъ это наше личное знакомство съ дѣломъ, но не болѣе. Мы начнемъ съ того, что разкажемъ какимъ путемъ камень впервые достался моему дядѣ Геркаслю, во время службы его въ Индіи, пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ. Этотъ прологъ я уже отыскалъ между старыми фамильными бумагами, въ формѣ рукописи, передающей всѣ необходимыя подробности со словъ очевидца. Затѣмъ послѣдуетъ разказъ о томъ, какъ попалъ этотъ камень въ домъ тетки моей, въ Йоркширѣ, два года тому назадъ, и какъ менѣе нежели черезъ двѣнадцать часовъ послѣ того онъ былъ неизвѣстно кѣмъ похищенъ. Никто не знаетъ лучше васъ, Бетереджъ, что̀ происходило тогда въ этомъ домѣ. Берите же перо въ руки и начинайте.

Digitized by Google

Такимъ-то образомъ мнѣ было объяснено то личное участіе, которое я долженъ былъ принять въ дѣлѣ объ алмазѣ. Если васъ интересуетъ знать какой образъ дѣйствій избралъ я въ данномъ случаѣ, то позвольте доложить вамъ, что я поступилъ такъ, какъ, вѣроятно, поступили бы и вы на моемъ мѣстѣ. Я скромно объявилъ себя неспособнымъ къ возлагаемой на меня обязанности, внутренно сознавая въ то же время, что умѣнья у меня хватило бы, еслибы только я рѣшился дать волю моимъ талантамъ. Мистеръ Франклинъ, вѣроятно, прочиталъ эту мысль на лицѣ моемъ; онъ не повѣрилъ моей скромности и настаивалъ на томъ, чтобы я воспользовался случаемъ приложить свои таланты къ дѣлу.

Вотъ уже два часа какъ мистеръ Франклинъ меня оставилъ. Не успѣлъ онъ повернуть ко мнѣ спину, какъ я подошелъ къ своему бюро, чтобы начать свой разказъ. А между тѣмъ, несмотря на свои таланты, я до сихъ поръ сижу здѣсь безпомощный, не зная какъ приступить къ дѣлу, и размышляю вмѣстѣ съ Робинзономъ Крузо (смотри выше), что безразсудно браться за какое-либо предпріятіе, не высчитавъ напередъ его издержекъ и не соразмѣривъ съ нимъ первоначально силъ своихъ. Вспомните, что я случайно открылъ книгу на этомъ самомъ мѣстѣ наканунѣ своего опрометчиваго рѣшенія, и позвольте спросить васъ, неужто это было не пророчество?

Я не суевѣръ, перечиталъ въ свое время кучу книгъ и могу назвать себя въ нѣкоторомъ родѣ ученымъ. Несмотря на свои семьдесятъ лѣтъ, я имѣю еще свѣжую память и бодрыя ноги. Не принимайте же словъ моихъ за мнѣніе невѣжды, если я скажу вамъ, что никогда еще не было да и не будетъ книги подобной *Робинзону Крузо*; я обращался къ ней въ продолженіе многихъ лѣтъ, обыкновенно покуривая свою трубочку, и Робинзонъ всегда былъ мнѣ истиннымъ другомъ, во всѣхъ трудностяхъ этой земной жизни. Когда я не въ духѣ, открываю *Робинзона Крузо*. Нуженъ ли мнѣ совѣтъ, беру *Робинзона Крузо*. Надоѣстъ ли, бывало, жена, случится ли и въ настоящее время хлебнуть лишнее, опять за *Робинзона Крузо*. Шесть новыхъ экземпляровъ этой книги истрепались въ моихъ рукахъ. А намедни миледи, въ день рожденія, подарила мнѣ седьмой. Я на радостяхъ кликнулъ было немножко, но *Робинзонъ Крузо* скореховько

Digitized by Google

отрезвилъ меня. Цѣна ему четыре шиллинга и шесть пенсовъ, въ голубомъ переплетѣ и съ придачею картинки.

А вѣдь объ алмазѣ-то никакъ я еще не сказалъ ни слова, а? Все брожу да ищу, а гдѣ и чего самъ не знаю. Нѣтъ, ужь видно придется взять новый листъ бумаги, и съ вашего позволенія, читатель, начать сызнова.

II.

Немного повыше я упоминалъ о моей госпожѣ... Ну-съ, такъ алмазу никогда бы не попасть въ нашъ домъ, откуда онъ былъ потомъ похищенъ, еслибы дочь миледи не получила его въ подарокъ, а дочь миледи никакъ не могла бы получить его въ подарокъ; еслибы не мать ея, миледи, которая (въ страданіяхъ и мукахъ) произвела ее на свѣтъ. Слѣдовательно, начиная говорить о матери, мы начинаемъ нашъ разказъ издалека; а это, позвольте вамъ доложить, большое утѣшеніе для человѣка, которому поручено такое мудреное дѣло, какъ, напримѣръ, мнѣ. Если вы хоть сколько-нибудь знакомы съ большимъ свѣтомъ, читатель, то вы, вѣроятно, слыхали о трехъ прекрасныхъ миссъ Герикасль: миссъ Аделаидѣ, миссъ Каролинѣ и миссъ Юліи младшей, и, по моему мнѣнію, самой красивой изъ трехъ; а мнѣ, какъ вы сейчасъ увидите, легко было судить объ этомъ. Я поступилъ въ услуженіе къ старому лорду, отцу ихъ (хвала Всевышнему, что онъ не замѣшанъ въ предстоящей исторіи объ алмазѣ; ибо ни въ высшемъ, ни въ низшемъ кругу никогда не встрѣчалъ я человѣка съ такимъ длиннымъ языкомъ и съ такимъ неуживчивымъ нравомъ), да, такъ я говорю, что пятнадцати лѣтъ отъ роду поступилъ я въ домъ стараго лорда въ качествѣ пажа къ тремъ благороднымъ леди, дочерямъ его. Тамъ оставался я до замужества миссъ Юліи съ покойнымъ сэръ-Джономъ Верингеръ. Славный былъ человѣкъ; онъ желалъ только одного, чтобъ имъ руководилъ кто-нибудь; и, между нами сказать, руководительница ему нашлась; а что всего лучше, сэръ-Джонъ повеселѣлъ, успокоился, сталъ толстѣть и жить себѣ припѣваючи съ того самаго дня какъ миледи повезла его подъ вѣнецъ и вплоть до своей кончины, когда она приняла его послѣдній вздохъ и на вѣки закрыла ему глаза.

Я забылъ еще упомянуть о томъ, что вмѣстѣ съ ново-

Digitized by Google

брачною и я переѣхалъ въ домъ и имѣніе ея супруга. „Сэръ-Джонъ,“ сказала она мужу: — „я никакъ не могу обойдтись безъ Габріеля Бетереджъ.“ „Миледи,“ отвѣчалъ сэръ-Джонъ,— „я и самъ не могу обойдтись безъ него.“ Такъ поступалъ онъ всегда относительно жены, и вотъ какимъ образомъ попалъ я къ нему въ услуженіе. Впрочемъ, мнѣ было рѣшительно все равно, куда бы ни ѣхать, лишь бы не разлучаться съ моею госпожой.

Замѣтивъ, что миледи интересовалась полевымъ хозяйствомъ, фермами и пр., я также началъ ими интересоваться, тѣмъ болѣе, что я самъ былъ седьмой сынъ одного бѣднаго фермера. Миледи сдѣлала меня помощникомъ управляющаго; я исполнялъ свою обязанность какъ нельзя лучше и за свое усердіе былъ, наконецъ, повышенъ. Нѣсколько лѣтъ спустя,— это было, если не ошибаюсь, въ понедѣльникъ, миледи—говоритъ мужу: „Сэръ-Джонъ, вашъ управляющій старъ и глупъ. Увольте его съ хорошимъ награжденіемъ, а на его мѣсто посадите Габріеля Бетереджъ.“ На другой же день, сталобыть, во вторникъ, сэръ-Джонъ говоритъ ей: „Миледи, я уволилъ своего управляющаго, давъ ему хорошее награжденіе, а Габріеля Бетереджъ посадилъ на его мѣсто.“ Читателю, вѣроятно, не разъ приходилось слышать о несчастныхъ супружествахъ. Вотъ вамъ совершенно противоположный примѣръ. Да послужитъ онъ нѣкоторымъ въ назиданіе, другимъ въ поощреніе, а я между тѣмъ буду продолжать свой разказъ.

Теперь-то, вы скажете, что я зажилъ припѣваючи! Занимая почетный и довѣренный постъ, обладая собственнымъ маленькимъ коттеджемъ, по утрамъ объѣзжая поля, послѣ обѣда составляя отчеты, по вечерамъ услаждаясь *Робинзономъ Крузо* и трубочкой, чего могъ я еще желать для полноты своего счастія? А припомните-ка чего недоставало Адаму, когда онъ жилъ въ раю одинокимъ? И если вы оправдываете Адама, такъ не порицайте же меня за одинаковыя съ нимъ желанія.

Женщина, обратившая на себя мое вниманіе, была моя экономка. Ее звали Селина Гоби. Относительно выбора жены, я согласенъ съ мнѣніемъ покойнаго Вильяма Кобета. Смотрите, говоритъ онъ, чтобы женщина хорошо пережевывала пищу, чтобъ она имѣла твердую поступь, и вы не ошибетесь. Селина Гоби вполнѣ соотвѣтствовала этимъ двумъ условіямъ, что̀ и послужило первою побудительною причиной

Digitized by Google

для моей женитьбы на ней. Но у меня была еще и другая причина, до которой я дошелъ уже собственнымъ умомъ. Оставаясь незамужнею, Селина еженедѣльно стоила мнѣ денегъ, получая отъ меня содержаніе и извѣстную плату за свой трудъ. Между тѣмъ какъ ставъ моею женой, она не увеличила бы моихъ расходовъ на свое содержаніе и въ добавокъ служила бы мнѣ даромъ. Вотъ каковъ былъ мой взглядъ на женитьбу: экономія съ легкою примѣсью любви. Объ этомъ я, какъ слѣдуетъ, счелъ за нужное, съ должнымъ почтеніемъ предупредить свою госпожу.

— Миледи, сказалъ я,—все это время я размышлялъ о Селинѣ Гоби и нашелъ, что мнѣ гораздо выгоднѣе будетъ жениться на ней чѣмъ держать ее по найму.

Миледи расхохоталась и сказала, что она не знаетъ чему болѣе удивляться—моимъ правиламъ или моему языку. Тутъ у нея вырвалась шутка, которой вамъ никакъ не понять, читатель, если вы сами не знатная особа. Уразумѣвъ лишь то, что мнѣ позволяли сдѣлать предложеніе Селинѣ, я тотчасъ же къ ней отправился. Что̀ же отвѣчала Селина? Боже праведный! Мало же вы знаете женщинъ, коли еще спрашиваете объ этомъ. Ну, конечно, она отвѣчала „да“.

Не задолго предъ свадьбой, когда начались толки о томъ, что мнѣ необходимо сшить себѣ новое платье къ предстоявшему торжеству, я немножко оробѣлъ. Въ послѣдствіи я справлялся, что̀ испытывали другіе люди, находясь въ одинаковомъ со мною, интерескомъ положеніи, и всѣ въ одинъ голосъ сознались, что за недѣлю до свадьбы имъ страхъ какъ хотѣлось освободиться отъ принятаго обязательства. Я, съ своей стороны, пошелъ кратчайшимъ путемъ далѣе: я не только пожелалъ, но и попытался выйдти изъ этого положенія. Разумѣется, не безъ должнаго возмездія невѣстѣ. Чувство врожденной справедливости никакъ не позволяло мнѣ предполагать, чтобы Селина выпустила меня даромъ. Англійскіе законы вмѣняютъ мущинѣ въ непремѣнную обязанность вознаградить женщину, которую онъ оставляетъ. Повинуясь закону и тщательно сообразивъ всѣ невыгоды этого брака, я предложилъ Селинѣ Гоби перину и пятьдесятъ шиллинговъ вознагражденія. Вѣдь вотъ вы, пожалуй, не повѣрите, а между тѣмъ я говорю вамъ сущую правду—она была такъ глупа, что отказалась.

Послѣ этого, конечно, гибель моя стала неизбѣжною. Я

Digitized by Google

купилъ себѣ дешевенькое платье и сыгралъ самую дешевую свадьбу. Насъ нельзя было назвать ни счастливою, ни несчастною четой, потому что мы были и то, и другое. Самъ не понимаю какъ это случалось, только мы безпрестанно наталкивались другъ на друга, и всегда съ наилучшими побужденіями. Когда мнѣ нужно было идти наверхъ, жена моя спускалась внизъ; а когда женѣ моей нужно было идти внизъ, я поднимался наверхъ. Такъ вотъ какова жизнь женатаго человѣка! ужь это я извѣдалъ собственнымъ горькимъ опытомъ.

Послѣ подобныхъ пятилѣтнихъ столкновеній на лѣстницѣ, мудрому Провидѣнію угодно было, взявъ мою жену, освободить насъ другъ отъ друга, и я остался одинъ съ своею маленькою дочерью, Пенелопой; другихъ дѣтей у меня не было. Вскорѣ послѣ того умеръ сэръ-Джонъ, и миледи также осталась вдовой съ своею единственною дочерью, миссъ Рахилью. Вѣроятно, я плохо описалъ вамъ госпожу мою, если вы не можете догадаться, какъ поступила она послѣ смерти жены моей. Она взяла мою маленькую Пенелопу подъ свое крылышко; помѣстила ее въ школу, учила, сдѣлала изъ нея проворную дѣвочку, а когда она выросла, опредѣлила ее въ горничныя къ самой миссъ Рахили.

Что же до меня касается, я продолжалъ изъ году въ годъ исполнять свою должность управляющаго вплоть до Рождества 1847 года, когда въ жизни моей послѣдовала перемѣна. Въ этотъ день миледи сама назвалась ко мнѣ на чашку чая. Она вспомнила, что съ тѣхъ поръ, какъ я опредѣлился пажомъ въ домъ стараго лорда, отца ея, протекло уже пятьдесятъ лѣтъ моей службы при ея особѣ, и съ этими словами подала мнѣ прекрасный шерстяной жилетъ своего рукодѣлья, назначавшійся для того чтобы защищать меня отъ зимней стужи.

Принимая этотъ великолѣпный подарокъ, я не находилъ словъ благодарить госпожу мою за сдѣланную мнѣ честь. Однако, къ великому удивленію моему, подарокъ оказался не честью, а подкупомъ. Миледи замѣтила прежде меня самого, что я начинаю старѣть, и (если мнѣ позволятъ такъ выразиться) пришла меня умасливать, чтобъ я отказался отъ моихъ трудныхъ занятій внѣ дома и спокойно провелъ остатокъ дней моихъ въ качествѣ ея дворецкаго. Я отклонялъ отъ себя, сколько могъ, обидное предложеніе жить на

Digitized by Google

покоѣ. Но миледи, зная мою слабую сторону, стала просить меня объ этомъ, какъ о личномъ для себя одолженіи. Споръ нашъ кончился тѣмъ, что я, какъ старый дуракъ, утеръ себѣ глаза своимъ новымъ шерстянымъ жилетомъ и отвѣчалъ, что подумаю.

По уходѣ миледи душевное безпокойство мое возрасло до такихъ ужасныхъ размѣровъ, что не будучи въ состояніи „думать", я обратился къ своему обыкновенному средству, всегда выручавшему меня во всѣхъ сомнительныхъ и непредвидѣнныхъ случаяхъ моей жизни. Я закурилъ трубочку и принялся за *Робинзона Крузо*. Но не прошло и пяти минутъ моей бесѣды съ этою удивительною книгой, какъ вдругъ попадаю на слѣдующее утѣшительное мѣстечко (страница сто пятьдесятъ восьмая): „сегодня мы любимъ то, что̀ завтра будемъ ненавидѣть". Не ясный ли это былъ намекъ на мое собственное положеніе? Сегодня мнѣ хотѣлось во что̀ бы то ни стало оставаться управляющимъ; завтра же, по мнѣнію Робинзона Крузо, желанія мои должны были измѣниться. Стоило только войдти въ свою завтрашнюю роль, и дѣло было въ шляпѣ. Успокоившись такимъ образомъ, я легъ спать въ качествѣ управляющаго леди Верриндеръ, а поутру проснулся уже ея дворецкимъ. Отлично! И все это благодаря Робинзону Крузо!

Дочь моя Пенелопа сейчасъ заглянула мнѣ черезъ плечо, желая посмотрѣть, сколько успѣлъ я написать до сихъ поръ. По ея мнѣнію, разказъ мой прекрасенъ и какъ нельзя болѣе правдивъ; но ей кажется, что я не понялъ свою задачу. Меня просятъ описать исторію алмаза, а я вмѣсто того разказываю о самомъ себѣ. Странно, въ толкъ не возьму, отчего это такъ случилось! Неужели же люди, для которыхъ сочиненіе книгъ служитъ промысломъ и средствомъ къ жизни, подобно мнѣ впутываютъ себя въ свои разказы? Если такъ, то я вполнѣ имъ сочувствую. А между тѣмъ вотъ и опять отступленіе. Что̀ жь теперь остается дѣлать? Да ничего другаго, какъ читателю вооружиться терпѣніемъ, а мнѣ въ третій разъ начинать сызнова.

Digitized by Google

III.

Я пробовалъ двумя способами рѣшить задачу о томъ, какъ приступить къ заданному мнѣ разказу. Вопервыхъ, почесалъ затылокъ, что̀ не повело рѣшительно ни къ чему; вовторыхъ, посовѣтовался съ своею дочерью Пенелопой, которая подала мнѣ совершенно новую мысль.

Пенелопа совѣтуетъ мнѣ начать разказъ подробнымъ описаніемъ всего случившагося съ того самаго дня, какъ мы узнали, что въ домѣ ожидаютъ прибытія мистера Франклина Блекъ. Сто́итъ только остановить свою память на извѣстномъ числѣ и годѣ, и она станетъ подбирать вамъ послѣ этого небольшаго умственнаго напряженія фактъ за фактомъ съ необыкновенною быстротой. Главное затрудненіе состоитъ въ томъ, чтобы найдти точку опоры; но въ этомъ Пенелопа берется помочь мнѣ, предлагая для справокъ свой собственный дневникъ, который заставляли ее вести въ школѣ и который она не прекращаетъ и до сихъ поръ. Въ отвѣтъ на мое предложеніе самой разказать эту исторію по своему дневнику, Пенелопа вспыхнула и отвѣчала съ сердитымъ взглядомъ, что она ведетъ свой дневникъ единственно для себя, и что ни одно живое существо не должно знать его содержанія. Я спросилъ ее, о чемъ же она тамъ пишетъ? „Такъ, о пустякахъ,“ отвѣчала она, а я думаю, что скорѣе о любовныхъ продѣлкахъ.

Итакъ, начинаю по плану Пенелопы и прошу читателя замѣтить, что въ среду утромъ, 24-го мая 1848 года, я былъ нарочно позванъ въ кабинетъ миледи.

— Габріель, сказала она, — вотъ новости, которыя должны удивить васъ. Франклинъ Блекъ вернулся изъ чужихъ краевъ. Онъ остался погостить на время у отца своего, въ Лондонѣ, а завтра пріѣдетъ къ намъ и пробудетъ здѣсь около мѣсяца, чтобы провести съ нами день рожденія Рахили.

Имѣй я тогда шляпу въ рукахъ, я развѣ только изъ уваженія къ миледи не позволилъ бы себѣ подбросить ее къ потолку. Я не видалъ мистера Франклина со времени его дѣтства, проведеннаго въ нашемъ домѣ. Изо всѣхъ знакомыхъ мнѣ шалуновъ и буяновъ, это былъ, по моему мнѣнію,

Digitized by Google

самый прелестный мальчикъ. Въ отвѣтъ на это замѣчаніе, миссъ Рахиль сказала мнѣ, что *ей*, по крайней мѣрѣ, онъ до сихъ поръ представляется лютымъ тираномъ, терзавшимъ куколъ и загонявшимъ изнеможенныхъ дѣвочекъ веревочными возжами.

— Я пылаю негодованіемъ и изнемогаю отъ усталости, когда вспомню о Франклинѣ Блекъ, сказала она въ заключеніе.

Прочитавъ все это, вы, конечно, спросите меня, какъ это случилось, что мистеръ Франклинъ провелъ всю свою юность внѣ отечества? А вотъ какъ, отвѣчу я: отецъ его, по несчастію, былъ ближайшимъ наслѣдникомъ одного герцогства, не имѣя возможности доказать своихъ правъ на него.

Короче сказать, вотъ какъ это случилось:

Старшая сестра миледи вышла замужъ за знаменитаго мистера Блекъ, одинаково прославившагося своимъ богатствомъ и своимъ нескончаемымъ процессомъ. Сколько лѣтъ надоѣдалъ онъ судебнымъ мѣстамъ своего государства, требуя изгнанія герцога, овладѣвшаго его правами, и требуя своего собственнаго водворенія на его мѣстѣ; сколькимъ адвокатамъ набилъ онъ котельки и сколько другихъ безобидныхъ людей затормошилъ онъ, доказывая имъ законность своихъ притязаній, — я теперь рѣшительно не въ состояніи перечесть. Жена, такъ же какъ и двое изъ троихъ дѣтей его, умерли прежде чѣмъ суды рѣшили запереть ему дверь и не пользоваться больше его деньгами. Когда средства его уже окончательно истощились, а несокрушимый герцогъ преспокойно продолжалъ пользоваться своею властью, мистеръ Блекъ придумалъ отмстить своему отечеству за несправедливость, лишивъ его чести воспитать его сына.

— Какъ могу я довѣриться своимъ отечественнымъ учрежденіямъ, говорилъ онъ,—послѣ ихъ поступка со *мной*?

Прибавьте къ этому, что мистеръ Блекъ не любилъ вообще мальчиковъ, въ томъ числѣ и своего собственнаго сына, и вы легко поймете, что это должно было привести къ одному концу. Мистеръ Франклинъ былъ взятъ отъ насъ и посланъ въ страну такихъ учрежденій, которымъ могъ довѣриться его отецъ, въ пресловутую Германію. Самъ же мистеръ Блекъ, замѣтьте это, пріютился въ Англіи, съ цѣлью усовершенствовать своихъ соотечественниковъ засѣдающихъ въ парламентѣ и издать свой отчетъ по дѣлу о

Digitized by Google

владѣтельномъ герцогѣ, своемъ соперникѣ, — отчетъ, оставшійся и до сей поры неоконченнымъ. Ну! слава Богу, разказалъ! Ни вамъ, ни мнѣ не нужно болѣе обременять своей головы мистеромъ Блекомъ старшимъ. Оставимъ же его при его герцогствѣ, а сами примемся за исторію алмаза.

Это вынуждаетъ насъ вернуться къ мистеру Франклину, который послужилъ невиннымъ орудіемъ для передачи въ нашъ домъ этой несчастной драгоцѣнности.

Нашъ прелестный мальчикъ не забывалъ насъ и во время своего пребыванія за границей. Отъ времени до времени онъ писалъ то къ миледи, то къ миссъ Рахили, а иногда и ко мнѣ. Предъ отъѣздомъ своимъ онъ отнесся ко мнѣ съ маленькимъ дѣльцемъ: занялъ у меня клубокъ бичевы, ножичекъ о четырехъ клинкахъ и семь сикспенсовъ деньгами. Съ этой минуты я не видалъ ихъ болѣе, да и врядъ ли когда-нибудь увижу. Письма его собственно ко мнѣ заключали въ себѣ только просьбы о новыхъ займахъ, но я все-таки зналъ чрезъ миледи о его житьѣ-бытьѣ за границей, съ тѣхъ поръ какъ онъ сталъ взрослымъ человѣкомъ. Усвоивъ себѣ все, чему могли научить его германскія учебныя заведенія, онъ познакомился съ французскими, а затѣмъ и съ италіянскими университетами. По моимъ понятіямъ, они образовали изъ него нѣчто въ родѣ универсальнаго генія. Онъ немножко пописывалъ, крошечку рисовалъ, пѣлъ, игралъ и даже сочинялъ немного, вѣроятно, не переставая въ то же время занимать направо и налѣво такъ, какъ онъ занималъ у меня. Достигнувъ совершеннолѣтія, онъ получилъ наслѣдство, оставленное ему матерью (семьсотъ фунтовъ въ годъ), и пропустилъ его сквозь пальцы, какъ сквозь рѣшето. Чѣмъ больше у него было денегъ, тѣмъ болѣе онъ въ нихъ нуждался; въ карманѣ мистера Франклина была прорѣха, которую никакъ нельзя было зашить. Его веселый и непринужденный нравъ дѣлалъ его пріятнымъ во всякомъ обществѣ. Онъ умѣлъ поспѣвать всюду съ необыкновенною быстротой; адресъ его всегда былъ слѣдующій: „Европа, почтовая контора, удержать до востребованія.“ Уже два раза собирался онъ къ намъ и всякій разъ (извините меня) подвертывалась какая-нибудь дрянь, которая удерживала его подлѣ себя. Наконецъ, третья попытка его удалась, какъ извѣстно изъ приведеннаго выше разговора моего съ миледи. Во вторникъ, 25-го мая, мы должны были въ первый разъ

Digitized by Google

увидать нашего прелестнаго мальчика въ образѣ мущины. Онъ былъ знатнаго происхожденія, мужественнаго характера, и имѣлъ, по нашему разчету, двадцать пять лѣтъ отъ роду. Ну, теперь вы столько же знаете о мистерѣ Франклинѣ Блекѣ, сколько я самъ зналъ до пріѣзда его къ намъ.

Въ четвергъ была прелестнѣйшая погода. Не ожидая мистера Франклина ранѣе обѣда, миледи и миссъ Рахиль отправились завтракать къ сосѣдямъ. Проводивъ ихъ, я пошелъ взглянуть на спальню, приготовленную нашему гостю, и нашелъ тамъ все въ порядкѣ. Затѣмъ я спустился въ погребъ (нужно сказать вамъ, что я былъ не только дворецкій, но и ключникъ, по собственному моему желанію, замѣтьте, потому что мнѣ досадно было видѣть кого-либо другаго обладателемъ ключей отъ погреба покойнаго сэръ-Джона), досталъ бутылочку нашего превосходнаго кларета и поставилъ ее погрѣться до обѣда на тепломъ лѣтнемъ воздухѣ. Сообразивъ, что если это полезно для стараго бордо, то оно столько же будетъ пригодно и для старыхъ костей, я собрался было и самъ расположиться на солнышкѣ, и взявъ свой плетеный стулъ, направился уже къ заднему двору, какъ вдругъ меня остановилъ тихій барабанный бой, раздавшійся на террасѣ, противъ комнатъ миледи.

Обойдя кругомъ террасы, я увидалъ смотрѣвшихъ на домъ трехъ краснокожихъ Индѣйцевъ, въ бѣлыхъ полотняныхъ шароварахъ и балахонахъ.

Вглядѣвшись пристальнѣе, я замѣтилъ, что у нихъ привязаны были на груди небольшіе барабаны. Ихъ сопровождалъ маленькій, худенькій, свѣтлорусый англійскій мальчикъ съ мѣшкомъ въ рукахъ. Я принялъ этихъ господъ за странствующихъ фокусниковъ, предполагая, что мальчикъ съ мѣшкомъ носитъ за ними орудія ихъ ремесла. Одинъ изъ Индѣйцевъ, говорившій по-англійски и имѣвшій, должно сознаться, довольно изящныя манеры, тотчасъ подтвердилъ мое предположеніе и просилъ позволенія показать свое искусство въ присутствіи хозяйки дома.

Я не брюзгливый старикъ; люблю удовольствія и менѣе другихъ расположенъ не довѣрять человѣку за то только, что онъ темнѣе меня цвѣтомъ кожи. Но лучшіе изъ насъ имѣютъ свои слабости, отъ которыхъ несвободенъ и я; напримѣръ, если мнѣ извѣстно, что корзина съ хозяйскимъ

Digitized by Google

фамильнымъ сервизомъ стоитъ въ кладовой, то я при первомъ взглядѣ на ловкаго странствующаго фокусника немедленно вспоминаю объ этой корзинѣ. Вотъ почему я поспѣшилъ увѣдомить Индѣйца, что хозяйка дома уѣхала, и просилъ его удалиться съ своими товарищами. Въ отвѣтъ на это онъ низко поклонился мнѣ и ушелъ. Я же вернулся къ своему плетеному стулу, и сѣвъ на солнечной сторонѣ двора, погрузился (коли говорить правду) не то что въ сонъ, но въ то сладкое состояніе, которое предшествуетъ сну.

Меня разбудила дочь моя Пенелопа, бѣжавшая ко мнѣ сломя съ извѣстіемъ о пожарѣ. Какъ бы вы думали что̀ ей нужно было? Она требовала, чтобы немедленно арестовали трехъ Индѣйцевъ-фокусниковъ, единственно за то, что они звали кто долженъ былъ пріѣхать къ намъ изъ Лондона и будто бы злоумышляли противъ мистера Франклина Блека.

Услышавъ имя мистера Франклина, я проснулся, открылъ глаза и приказалъ своей дочери объясниться.

Оказалось, что Пенелопа только-что вернулась изъ квартиры нашего привратника, куда она ходила болтать съ его дочерью. Обѣ онѣ видѣли какъ удалились Индѣйцы въ сопровожденіи своего мальчика, послѣ того какъ я просилъ ихъ уйдти. Вообразивъ себѣ, что иностранцы дурно обращаются съ мальчикомъ (хотя поводомъ къ такому предположенію служилъ только его жалкій видъ и слабое сложеніе), обѣ дѣвушки прокрались по внутренней сторонѣ изгороди, отдѣляющей насъ отъ дороги, и стали наблюдать за дѣйствіями иностранцевъ, которые приступили къ слѣдующимъ удивительнымъ штукамъ.

Бросивъ испытующій взглядъ направо и налѣво, чтобъ удостовѣриться, что никого нѣтъ вблизи, они повернулись потомъ лицомъ къ дому и стали пристально смотрѣть на него; затѣмъ потараторивъ и поспоривъ между собой на своемъ родномъ языкѣ, они въ сомнѣніи посмотрѣли другъ на друга и наконецъ обратились къ своему маленькому Англичанину, какъ бы ожидая отъ *него* помощи. Тогда главный магикъ, говорившій по-англійски, сказалъ мальчику. „Протяни свою руку“.

„Эти слова такъ испугали меня, сказала Пенелопа, что я удивляюсь какъ сердце у меня не выскочило.“ А я подумалъ про себя, что этому, вѣроятно, помѣшала шнуровка, хотя сказалъ ей только одно: „Ужасно! Ты и меня заставляешь

Digitized by Google

дрожать отъ страха.“ (Замѣтимъ въ скобкахъ, что женщины большія охотницы до подобныхъ комплиментовъ).

„Услыхавъ приказаніе Индѣйца протянуть руку, мальчикъ отшатнулся назадъ, замоталъ головой и отвѣчалъ, что ему не хочется. Тогда магикъ спросилъ его (впрочемъ, безъ малѣйшаго раздраженія), не желаетъ ли онъ, чтобъ его опять отправили въ Лондонъ и оставили на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ, голодный, оборванный, всѣми покинутый, онъ былъ найденъ спящимъ на рынкѣ въ пустой корзинѣ. Этого было достаточно, чтобы положить конецъ его колебаніямъ, и мальчишка нехотя протянулъ руку. Затѣмъ Индѣецъ вынулъ изъ-за пазухи бутылку, налилъ изъ нея какой-то черной жидкости на ладонь мальчика, и дотронувшись до головы его, помахалъ надъ ней рукой въ воздухѣ, говоря, „гляди“.

„Мальчикъ какъ будто онѣмѣлъ и устремилъ неподвижный взоръ на чернила, налитыя у него на ладони.“

(Все это казалось мнѣ просто фокусами, сопровождавшимися пустою тратой чернилъ. Я уже начиналъ было дремать, какъ вдругъ слова Пенелопы опять разогнали мой сонъ.)

„Индѣйцы, продолжала она, снова оглянулись по сторонамъ, и затѣмъ главный магикъ обратился къ мальчику съ слѣдующими словами:

„— Смотри на Англичанина, пріѣхавшаго изъ чужихъ краевъ.

„— Я смотрю на него, отвѣчалъ мальчикъ.

„— Не по другой какой-нибудь дорогѣ, а именно по той, которая ведетъ къ этому дому, поѣдетъ сегодня Англичанинъ? спросилъ Индѣецъ.

„— Онъ поѣдетъ не по другой какой-нибудь дорогѣ, а именно по той, которая ведетъ къ этому дому, отвѣчалъ мальчикъ.

„Немного погодя Индѣецъ снова сдѣлалъ ему вопросъ:

„— Имѣетъ ли *его* Англичанинъ при себѣ?

„Опять помолчавъ съ минуту, мальчикъ отвѣчалъ:

„— Да.

„Тогда Индѣецъ задалъ ему третій вопросъ:

„— Пріѣдетъ ли сюда Англичанинъ, какъ обѣщался, сегодня вечеромъ?

„— Не могу отвѣчать, сказалъ мальчикъ.

„— Почему же? спросилъ Индѣецъ.

„— Я усталъ, отвѣчалъ мальчикъ.—Въ головѣ подымается туманъ и мѣшаетъ мнѣ видѣть. Не могу ничего болѣе разглядѣть сегодня.“

Digitized by Google

Тѣмъ кончился допросъ. Главный магикъ заговорилъ на своемъ родномъ языкѣ съ остальными товарищами, указывая имъ на мальчика и на близлежащій городъ, въ которомъ они остановились (какъ мы узнали въ послѣдствіи). Затѣмъ, начавъ опять разводить руками по воздуху надъ головой мальчика, онъ дунулъ ему въ лицо и разбудилъ его своимъ прикосновеніемъ. Послѣ этого они всѣ направились въ городъ, и дѣвочки уже болѣе не видали ихъ.

Изъ всякаго обстоятельства, говорятъ, можно сдѣлать свой выводъ. Что же долженъ я былъ заключить изъ разказа Пенелопы?

Вопервыхъ, то, что главный магикъ подслушалъ у воротъ разговоръ прислуги о пріѣздѣ мистера Франклина и думалъ воспользоваться этимъ обстоятельствомъ, чтобы заработать нѣсколько денегъ. Вовторыхъ, что онъ, его товарищи и ихъ маленькій спутникъ (съ цѣлью получить упомянутыя деньги) думали выждать возвращенія миледи домой, вернуться затѣмъ назадъ и съ помощью волхвованій предсказать пріѣздъ мистера Франклина. Втретьихъ, что Пенелопа, вѣроятно, подслушала какъ повторяли они свои фокусы, подобно актерамъ, репетирующимъ извѣстную піесу. Вчетвертыхъ, что мнѣ не мѣшаетъ сегодня вечеромъ хорошенько присмотрѣть за посудой. Впятыхъ, что Пенелопѣ слѣдовало бы лучше успокоиться и оставить отца своего подремать на солнышкѣ. Это показалось мнѣ самымъ разумнымъ взглядомъ на дѣло. Но еслибы вы знали образъ мыслей молодыхъ женщинъ, то вы не удивились бы, что Пенелопа не согласилась со мной. По словамъ ея, это дѣло было весьма серіозное. Она въ особенности обращала мое вниманіе на третій вопросъ Индѣйца: „Имѣетъ ли *его* Англичанинъ при себѣ?“

— О, батюшка, сказала Пенелопа, всплеснувъ руками,—не путите этимъ! Что подразумѣваетъ онъ подъ словомъ *его*?

— Мы спросимъ объ этомъ у мистера Франклина, моя милая, отвѣчалъ я,—если ты будешь только имѣть терпѣніе дождаться его пріѣзда. — Я подмигнулъ ей, желая показать этимъ, что говорю шутя; но Пенелопа не поняла моей шутки. Глядя на ея серіозный видъ, я наконецъ не выдержалъ.— Глупенькая, сказалъ я, — что же можетъ знать объ этомъ мистеръ Франклинъ?

— Спросите его сами, отвѣчала Пенелопа—и увидите тогда, станетъ ли онъ смѣяться.

Digitized by Google

Постращавъ меня этою послѣднею угрозой, дочь моя ушла.

Оставшись одинъ, я порѣшилъ самъ съ собой разспросить объ этомъ мистера Франклина, единственно для того чтобъ успокоить Пенелопу. Какой въ этотъ же вечеръ произошелъ между нами разговоръ, объ этомъ предметѣ вы узнаете въ своемъ мѣстѣ. Но такъ какъ мнѣ не хотѣлось бы возбудить вашихъ ожиданій съ тѣмъ, чтобы послѣ обмануть ихъ, то прежде чѣмъ идти впередъ, я предупрежу васъ въ заключеніе этой главы, что разговоръ нашъ о фокусникахъ оказался далеко не шутливымъ. Къ великому удивленію моему, мистеръ Франклинъ принялъ это извѣстіе такъ же серіозно, какъ приняла его и Пенелопа. А насколько серіозно, вы поймете это сами, когда я скажу вамъ, что по мнѣнію мистера Франклина, подъ словомъ *его* подразумѣвался Лунный камень.

IV.

Мнѣ право очень жаль, читатель, что я еще на нѣсколько времени долженъ удержать васъ около себя и своего плетеняго стула. Знаю, что сонливый старикъ, грѣющійся на солнечной сторонѣ задняго двора, не представляетъ ничего интереснаго. Но для всего есть свой чередъ, и потому вамъ необходимо посидѣть минутку со мной въ ожиданіи пріѣзда мистера Франклина Блека. Не успѣлъ я вторично задремать послѣ ухода дочери моей Пенелопы, какъ меня снова потревожилъ долетавшій изъ людской звонъ тарелокъ и блюдъ, который означалъ время обѣда. Не имѣя ничего общаго со столомъ прислуги (мой обѣдъ мнѣ приносятъ въ мою комнату), я могъ только пожелать имъ всѣмъ хорошаго аппетита, прежде чѣмъ снова успокоиться въ своемъ креслѣ. Едва я успѣлъ вытянуть ноги, какъ на меня наскочила другая женщина. Но на этотъ разъ то была не дочь моя, а кухарка Нанси. Я загородилъ ей дорогу и замѣтилъ, когда она просила меня пропустить ее, что у нея сердитое лицо, чего я, какъ глава прислуги, по принципу, никогда не оставляю безъ изслѣдованія.

— Зачѣмъ вы бѣжите отъ обѣда? спросилъ я.—Что̀ случилось, Нанси?

Нанси хотѣла было выскользнуть, не отвѣчая; но я всталъ

Digitized by Google

и взялъ ее за ухо. Она миленькая толстушка, а я имѣю привычку выражать этою лаской свое личное благоволеніе къ дѣвушкѣ.

— Что̀ же случилось? повторилъ я.

— Розанна опять опоздала къ обѣду, сказала Нанси.— Меня послали за нею. Всѣ тяжелыя работы въ этомъ домѣ падаютъ на мои плеча. Отстаньте, мистеръ Бетереджъ!

Розанна, о которой она упоминала, была наша вторая горничная. Чувствуя къ ней нѣкотораго рода состраданіе (вы сейчасъ узнаете почему) и видя по лицу Нанси, что она готова была осыпать свою подругу словами болѣе жесткими чѣмъ того требовали обстоятельства, я вспомнилъ, что не имѣя никакого особеннаго занятія, я и самъ могу сходить за Розанной, и кстати посовѣтовать ей на будущее время быть поисправнѣе, что̀ она, вѣроятно, терпѣливѣе приметъ *отъ меня*.

— Гдѣ Розанна? спросилъ я.

— Конечно на пескахъ! отвѣчала Нанси, встряхнувъ головой. — Сегодня утромъ съ ней опять приключился обморокъ, и она просила позволенія пойдти подышать чистымъ воздухомъ. У меня не хватаетъ съ ней терпѣнія!

— Идите обѣдать, моя милая, сказалъ я.—У *меня* достаетъ терпѣнія, и я самъ схожу за Розанной.

Нанси (имѣвшая славный аппетитъ) осталась этимъ очень довольна. Когда она довольна, она мила. А когда она мила, я щиплю ее за подбородокъ. Это вовсе не безнравственно, это не болѣе какъ привычка.

Я взялъ свою палку и отправился на пески.

Нѣтъ, погодите. Дѣлать нечего, видно придется еще немножко задержать васъ; мнѣ необходимо сперва разказать вамъ исторію песковъ и исторію Розанны, такъ какъ дѣло объ алмазѣ близко касается ихъ обоихъ. Сколько ни стараюсь я избѣгать отступленій въ своемъ разказѣ, а все безуспѣшно. Но что̀ же дѣлать! Въ этой жизни лица и вещи такъ перепутываются между собой и такъ навязчиво напрашиваются на ваше вниманіе, что иногда нѣтъ возможности обойдти ихъ молчаніемъ. Будьте же хладнокровнѣе, читатель, и я обѣщаю вамъ, что мы скоро проникнемъ въ самую глубь тайны.

Розанна (простая вѣжливость заставляетъ меня отдать преимущество лицу предъ вещью) была единственная новая

Digitized by Google

служанка въ нашемъ домѣ. Четыре мѣсяца тому назадъ госпожа моя была въ Лондонѣ и посѣтила одинъ изъ исправительныхъ домовъ, имѣющихъ цѣлью не допускать освобожденныхъ изъ тюрьмы преступницъ снова возвратиться къ порочной жизни. Видя, что госпожа моя интересуется этимъ учрежденіемъ, надзирательница указала ей на одну дѣвушку, по имени Розанну Сперманъ, и разказала про нее такую печальную исторію, что у меня не хватаетъ духа повторить ее здѣсь. Я не люблю сокрушаться безъ нужды, да и вы, вѣроятно, также, читатель. Дѣло въ томъ, что Розанна Сперманъ была воровка; но не принадлежа къ числу тѣхъ воровъ, которые образуютъ цѣлое общество въ Сити, и не довольствуясь кражей у одного лица, обкрадываютъ цѣлыя тысячи, она была схвачена и по приговору суда посажена въ тюрьму, а оттуда переведена въ исправительный домъ.

Надзирательница находила, что (несмотря на свое прежнее поведеніе) Розанна была славная дѣвушка, и что ей не доставало только случая заслужить участіе любой христіанки. Госпожа моя (другую подобную ей христіанку трудно было бы сыскать на свѣтѣ) отвѣчала надзирательницѣ, что она доставитъ этотъ случай Розаннѣ Сперманъ, взявъ ее къ себѣ въ услуженіе.

Недѣлю спустя Розанна Сперманъ поступила къ намъ въ должность второй горничной. Кромѣ меня и миссъ Рахили, никто не зналъ ея исторіи. Госпожа моя, дѣлавшая мнѣ честь спрашивать моего совѣта во многихъ случаяхъ, посовѣтовалась со мной и относительно Розанны.

Усвоивъ себѣ въ послѣднее время привычку покойнаго сэръ-Джона—всегда соглашаться съ моею госпожой, я и въ настоящемъ случаѣ согласился съ нею вполнѣ. Врядъ ли кому пришлось бы найдти такой удобный случай для исправленія, какой представился Розаннѣ въ нашемъ домѣ. Ни одинъ слуга не могъ бы упрекнуть ее за прошлое, потому что оно было тайной для всѣхъ. Она получала свое жалованье, пользовалась нѣкоторыми привилегіями наравнѣ съ остальною прислугой, а отъ времени до времени была поощряема дружескимъ словомъ моей госпожи. За то и Розанна оказалась, нужно ей отдать справедливость, весьма достойною подобнаго обращенія. Слабаго здоровья и подверженная частымъ обморокамъ, о которыхъ было упомя-

Digitized by Google

нуто выше, она исполняла свою обязанность скромно, безропотно, старательно и исправно. Но несмотря на то, она не сумѣла пріобрѣсти себѣ друзей между остальными служанками, за исключеніемъ дочери моей Пенелопы, которая, избѣгая особенно тѣснаго сближенія, всегда обращалась съ нею ласково и привѣтливо. Самъ не понимаю, за что̀ они не взлюбили эту дѣвушку. Конечно, не красота ея могла возбудить ихъ зависть, потому что она была самой непривлекательной наружности, а въ добавокъ еще имѣла одно плечо выше другаго. Мнѣ кажется, что прислугѣ въ особенности не нравилась ея молчаливость и любовь къ уединенію. Между тѣмъ какъ другіе въ свободное время болтали и сплетничали, она занималась работой или чтеніемъ. Когда же наступала ея очередь выходить со двора, то она спокойно надѣвала свою шляпку и шла прогуливаться одна. Она ни съ кѣмъ не ссорилась, ничѣмъ не обижалась; но не нарушая правилъ общежитія и вѣжливости, она упорно держала своихъ сотоварищей на довольно далекомъ отъ себя разстояніи. Прибавьте къ этому, что при всей простотѣ ея, въ ней было нѣчто скорѣе принадлежащее леди чѣмъ простой горничной. Въ чемъ именно проявлялось это, въ голосѣ или въ выраженіи ея лица — не умѣю сказать вамъ точно; знаю только, что съ перваго же дня ея поступленія въ домъ это возбудило противъ нея сильныя нападки со стороны другихъ женщинъ, которыя говорили (что̀ было однако совершенно несправедливо), будто Розанна Спермавъ важничаетъ. Разказавъ теперь исторію Розанны, мнѣ остается упомянуть еще объ одной изъ многихъ странностей этой непонятной дѣвушки, чтобы затѣмъ уже прямо перейдти къ исторіи песковъ.

Домъ нашъ стоитъ въ близкомъ разстояніи отъ моря, на одномъ изъ самыхъ возвышенныхъ пунктовъ Йоркширскаго берега. Идущія отъ него во всѣхъ направленіяхъ дорожки такъ и манятъ къ прогулкѣ, за исключеніемъ одной, которая ведетъ къ морю. Это, по моему мнѣнію, преотвратительная дорога. Пролегая на четверть мили чрезъ печальныя мѣста, поросшія сосновымъ лѣсомъ, она тянется далѣе между двумя рядами низкихъ утесовъ и приводитъ васъ къ самой уединенной и некрасивой маленькой бухтѣ на всемъ нашемъ берегу. Отсюда спускаются къ морю песчаные холмы и образуютъ наконецъ два остроконечные,

Digitized by Google

насупротивъ другъ друга лежащіе утеса, которые далеко выдаются въ море и теряются въ его волнахъ. Одинъ изъ нихъ носитъ названіе сѣвернаго, другой южнаго утеса. Между ними, колеблясь изъ стороны въ сторону въ извѣстныя времена года, находятся самые ужаснѣйшіе зыбучіе пески Йоркширскаго берега. Во время отлива что-то движется подъ ними въ неизвѣданныхъ безднахъ земли, заставляя всю поверхность дюнъ волноваться самымъ необыкновеннымъ образомъ; вслѣдствіе чего жители этихъ мѣстъ дали имъ названіе „зыбучихъ песковъ". Лежащая у входа въ заливъ большая насыпь въ полмили длиной служитъ преградой свирѣпымъ натискамъ открытаго океана. Зимой и лѣтомъ, во время отлива, море оставляетъ какъ бы позади насыпи свои яростныя волны и уже плавнымъ, тихимъ потокомъ разливается по песку. Нечего сказать, уединенное и мрачное мѣсто! Ни одна лодка не отваживается войдти въ этотъ заливъ. Дѣти сосѣдней рыбачьей деревни, Коббсъ-Голь, никогда не приходятъ играть сюда, и мнѣ кажется, что самыя птицы летятъ какъ можно дальше отъ зыбучихъ песковъ. Потому я рѣшительно не могъ понять, какимъ образомъ молодая дѣвушка, имѣвшая возможность выбирать себѣ любое мѣсто для прогулки и всегда найдти достаточно спутниковъ, готовыхъ идти съ ней по ея первому зову, предпочитала уходить сюда одна и проводить здѣсь время за работой или чтеніемъ. Объясняйте это какъ угодно, но дѣло въ томъ, что Розанна Сперманъ по преимуществу ходила гулять сюда, за исключеніемъ одного или двухъ разъ, когда она отправлялась въ Коббсъ-Голь провѣдать свою единственную жившую вблизи подругу, о которой мы поговоримъ въ послѣдствіи.

Поэтому и я направился прямо къ пескамъ, чтобы звать Розанну обѣдать. Ну, слава Богу! Кажется, мы опять возвратились къ тому моменту, откуда я началъ эту главу.

Въ сосновой аллеѣ не было и слѣда Розанны. Пробравшись чрезъ песчаные холмы ко взморью, я увидалъ ея маленькую соломенную шляпку и простой сѣрый плащъ, который она постоянно носила, желая сколь возможно скрыть свое увѣчье; она стояла на берегу одна, погруженная въ созерцаніе моря и песковъ. Увидя меня, Розанна вздрогнула и отвернулась. Мои принципы не позволяютъ мнѣ, какъ главѣ прислуги, оставлять такіе поступки безъ изслѣдо-

Digitized by Google

ванія, и потому я повернулъ ее къ себѣ и тутъ только замѣтилъ, что она плачетъ. Въ карманѣ моемъ лежалъ прекрасный шелковый платокъ, одинъ изъ полудюжины, подаренной мнѣ миледи. Я вынулъ его и сказалъ Розаннѣ:

— Пойдемте, моя милая, и сядемте вмѣстѣ на берегу. Я сперва осушу ваши слезы, а затѣмъ осмѣлюсь спросить васъ, о чемъ вы плакали?

Если вамъ придется дожить до моихъ лѣтъ, читатель, то вы сами увидите, что усѣсться на покатомъ берегу вовсе не такъ легко какъ это вамъ кажется. Пока я усаживался, Розанна уже утерла свои глаза не моимъ прекраснымъ фуляромъ, а своимъ дешевенькимъ кембриковымъ платкомъ. Несмотря на свое спокойствіе, она казалась въ высшей степени несчастною; но тотчасъ же повиновалась мнѣ и сѣла. Когда вамъ придется утѣшать женщину, прибѣгните къ вѣрнѣйшему для этого средству,—возьмите ее къ себѣ на колѣна. Мнѣ самому пришло въ голову это золотое правило. Но вѣдь Розанна была не Нанси, въ этомъ-то вся и штука!

— Ну, моя милая, сказалъ я,—такъ о чемъ же вы плакали?

— О своемъ прошломъ, мистеръ Бетереджъ, спокойно отвѣчала Розанна,—по временамъ оно снова оживаетъ въ моей памяти.

— Полно, полно, дитя мое, сказалъ я,—отъ вашей прошлой жизни не осталось и слѣда. Что̀ же вамъ мѣшаетъ позабыть ее?

Вмѣсто отвѣта, она взяла меня за полу сюртука. Нужно вамъ сказать, что я пренеопрятный старикашка и постоянно оставляю слѣды кушанья на своемъ платьѣ. Женщины поочередно отчищаютъ ихъ, и еще наканунѣ Розанна вывела сальное пятно изъ полы моего сюртука какимъ-то новымъ составомъ, который уничтожаетъ всевозможныя пятна. Жиръ дѣйствительно вышелъ, но на ворсѣ оставался легкій слѣдъ въ видѣ темноватаго пятна. Дѣвушка указала на это мѣсто и покачала головой.

— Пятна̀-то нѣтъ, сказала она,—но слѣдъ его остался, мистеръ Бетереджъ, слѣдъ остался!

Согласитесь, что не легко отвѣчать на замѣчаніе, сдѣланное вамъ невзначай, и притомъ по поводу вашего же собственнаго платья. Сверхъ того, печальный видъ дѣвушки какъ-то особенно тронулъ меня въ эту минуту. Ея прекрасные темные глаза, единственное, что̀ могло въ ней нравиться,

Digitized by Google

и то уваженіе, съ которымъ она относилась къ моей счастливой старости и заслуженной репутаціи, какъ къ чему-то недосягаемому для нея самой, переполнили мое сердце глубокою жалостью къ нашей второй горничной. Не чувствуя себя способнымъ утѣшать ее, я счелъ за лучшее вести ее обѣдать.

— Помогите-ка мнѣ встать, Розанна, сказалъ я.—Вы опоздали къ обѣду, и я пришелъ за вами.

— Вы, мистеръ Бетереджъ? отвѣчала она.

— Да, за вами послана была Нанси, отвѣчалъ я. — Но я разсудилъ, моя милая, что отъ меня вы скорѣе снесете одно маленькое замѣчаньице.

Вмѣсто того чтобы помочь мнѣ приподняться, бѣдняжка боязливо взяла меня за руку и пожала ее. Она всячески старалась подавить выступавшія на глазахъ ея слезы и наконецъ успѣла въ этомъ. Съ тѣхъ поръ я сталъ уважать Розанну.

— Вы очень добры, мистеръ Бетереджъ, отвѣчала она.—У меня сегодня нѣтъ аппетиту: позвольте мнѣ посидѣть здѣсь еще нѣсколько времени.

— Какая вамъ охота оставаться здѣсь, и почему вы постоянно выбираете это унылое мѣсто для вашихъ прогулокъ? спросилъ я Розанну.

— Что-то влечетъ меня сюда, отвѣчала дѣвушка, чертя пальцемъ по песку.—Я дѣлаю надъ собой усиліе чтобы не приходить сюда и все-таки прихожу иногда, сказала она тихо, будто пугаясь своей собственной мысли,—иногда, мистеръ Бетереджъ, мнѣ кажется, что тутъ найду я свою могилу.

— Знаю одно, что дома найдете вы жареную баранину и жирный пуддингъ! отвѣчалъ я.—Ступайте же скорѣе обѣдать, Розанна! Вотъ, до чего доводятъ размышленія на тощій желудокъ.

Я говорилъ съ ней строго; мнѣ досадно было (въ мои лѣта) слышать, что двадцатипятилѣтняя женщина толкуетъ о смерти! Но, должно-быть, она не слыхала словъ моихъ, потому что положивъ мнѣ руку на плечо, она не трогалась съ мѣста и такимъ образомъ продолжала удерживать меня подлѣ себя.

— Это мѣсто очаровало меня, сказала она. — Ночью я вижу его во снѣ; днемъ я мечтаю о немъ, сидя за своею работой. Вы знаете, мистеръ Бетереджъ, что я признательна

Digitized by Google

за сдѣланное мнѣ добро; я стараюсь показать себя достойною вашего расположенія и довѣрія миледи. Но иногда мнѣ кажется, что жизнь въ этомъ домѣ слишкомъ хороша и безмятежна для такой женщины какъ я, которая столько видѣла, мистеръ Бетереджъ, столько испытала. Я чувствую себя менѣе одинокою въ этомъ уединенномъ мѣстѣ нежели посреди прочихъ слугъ, которые не имѣютъ ничего общаго со мной. Конечно, ни миледи, ни надзирательницѣ исправительнаго дома не понять, какимъ ужаснымъ упрекомъ служатъ честные люди такимъ женщинамъ, какъ я. Не браните меня, миленькій мистеръ Бетереджъ. Вѣдь я все дѣлаю, что̀ мнѣ приказываютъ—не правда ли? Не говорите же миледи, что я чѣмъ-нибудь недовольна; напротивъ того, я всѣмъ довольна. Иногда только душа моя смущается—вотъ и все.

Вдругъ она отдернула свою руку отъ моего плеча и указала мнѣ на пески.

— Смотрите, сказала Розанна, — не удивительное ли, не ужасное ли это зрѣлище?

Мнѣ уже не разъ приходилось его видѣть и несмотря на то оно всегда кажется мнѣ новымъ. Я взглянулъ по направленію ея руки. Въ это время начинался отливъ, и страшный песчаный берегъ заколыхался. Его обширная бурая поверхность медленно вздулась, потомъ подернулась мелкою рябью и задрожала.

— Знаете ли, на что̀ это похоже? сказала Розанна, схвативъ меня опять за плечо?—Мнѣ кажется, будто подъ этими песками задыхаются сотни людей; они силятся выйдти на поверхность, но все глубже и глубже погружаются въ бездну! Бросьте туда камень, мистеръ Бетереджъ, бросьте и посмотрите, какъ его втянетъ въ песокъ.

Вотъ онъ горячечный бредъ-то! Вотъ онъ тощій-то желудокъ, дѣйствующій на тревожный умъ! Съ языка моего уже готовъ былъ сорваться рѣзкій отвѣтъ—въ интересахъ самой бѣдняжки, увѣряю васъ,—какъ вдругъ внезапно раздавшійся между холмами голосъ остановилъ меня. „Бетереджъ, взывалъ голосъ, гдѣ вы?“ „Здѣсь“, отвѣчалъ я, не понимая, кто бы могъ звать меня. Розанна вскочила и стала глядѣть по тому направленію, откуда слышался голосъ. Я и самъ собирался уже встать, но замѣтивъ внезапную перемѣну, происшедшую въ лицѣ дѣвушки, остался прикованнымъ къ своему мѣсту. По щекамъ Розанны разлился прелестный румянецъ, какого еще никогда не приходилось мнѣ у нея

Digitized by Google

видѣть: безмолвное, радостное изумленіе сказалось во всей ея фигурѣ. Кого вы тамъ видите? спросилъ я. Розанна только повторила мой вопросъ: „О! кого я вижу?“ прошептала она, какъ бы думая вслухъ. Но вставая съ своего мѣста, я повернулся и сталъ смотрѣть кто бы могъ звать меня. Къ намъ шелъ изъ-за холмовъ молодой джентльменъ, въ свѣтломъ лѣтнемъ платьѣ, такой же шляпѣ и перчаткахъ, съ розаномъ въ петлицѣ и съ столь яснымъ улыбающимся лицомъ, что даже эта мрачная мѣстность должна была озариться отъ его улыбки. Прежде нежели я успѣлъ встать, онъ бросился возлѣ меня на песокъ, обнялъ меня по иностранному обычаю и такъ крѣпко стиснулъ въ своихъ объятіяхъ, что изъ меня чуть-чуть не вылетѣлъ духъ.

— Милый старый Бетереджъ, говорилъ онъ.—Я долженъ вамъ семь шиллинговъ съ половиной. Теперь, надѣюсь, вы догадываетесь кто я?

Боже праведный! Это былъ мистеръ Франклинъ Блекъ, пріѣхавшій четырьмя часами ранѣе чѣмъ мы его ожидали. Не успѣлъ я еще вымолвить и слова, какъ мнѣ показалось, что мистеръ Франклинъ перенесъ удивленный взоръ свой на Розанну. Вслѣдъ за нимъ и я посмотрѣлъ на нее. Вѣроятно, смутившись отъ взгляда мистера Франклина, она сдѣлалась вся пунцовою, и въ замѣшательствѣ, котораго ничѣмъ не могу объяснить себѣ, ушла отъ насъ, не поклонившись ему и не сказавъ ни слова мнѣ. Я не узнавалъ Розанны, потому что, вообще говоря, трудно было найдти болѣе учтивую и благопристойную горничную.

— Вотъ странная дѣвушка, сказалъ мистеръ Франклинъ.— Не понимаю, что она находитъ во мнѣ такого необыкновеннаго?

— Мнѣ кажется, сэръ, отвѣчалъ я, подсмѣиваясь надъ его континентальнымъ воспитаніемъ,—ее удивляетъ вашъ заграничный лоскъ.

Я привелъ здѣсь пустой вопросъ мистера Франклина, равно какъ и свой дурацкій отвѣтъ лишь въ утѣшеніе и ободреніе всѣмъ ограниченнымъ людямъ; потому что не разъ случалось мнѣ видѣть, какую отраду приноситъ имъ сознаніе, что и болѣе одаренные ихъ собратья оказываются въ иныхъ случаяхъ столько же ненаходчивы, какъ и они сами. Ни мистеру Франклину съ его удивительнымъ заграничнымъ воспитаніемъ, ни мнѣ съ моимъ многолѣтнимъ

Digitized by Google

опытомъ и врожденнымъ остроуміемъ и въ голову не приходило, что было дѣйствительною причиной необъяснимаго смущенія Розанны Спермана. Впрочемъ, мы забыли о бѣдняжкѣ прежде нежели скрылся за холмами ея маленькій сѣрый плащъ. „Ну, что же изъ этого слѣдуетъ?“ вѣроятно, спроситъ читатель. Читайте, почтенный другъ, читайте терпѣливѣе, и кто знаетъ, не пожалѣете ли вы Розанну Спермана столько же, сколько пожалѣлъ я, когда узналъ всю истину.

V.

По уходѣ Розанны, я прежде всего приступилъ къ третьей попыткѣ приседяться съ necky. Но мистеръ Франклинъ остановилъ меня.

— Это мрачное убѣжище имѣетъ свои преимущества, сказалъ онъ.—Мы можетъ быть увѣрены, что здѣсь никто вамъ не помѣшаетъ. Останьтесь на своемъ мѣстѣ, Бетереджъ, мнѣ нужно поговорить съ вами.

Между тѣмъ какъ онъ говорилъ, я не спускалъ съ него глазъ, стараясь отыскать въ сидѣвшемъ подлѣ меня мущинѣ сходство съ тѣмъ мальчикомъ, котораго я знавалъ когда-то. Но мущина рѣшительно сбивалъ меня съ толку. Я могъ бы до утра смотрѣть на мистера Франклина, а все не пришлось бы мнѣ увидать его дѣтскихъ розовыхъ щечекъ, его нарядной маленькой курточки. Онъ былъ теперь блѣденъ, а нижняя часть лица его, къ величайшему моему удивленію и разочарованію, покрылась вьющеюся темною бородой и усами. Живая развязность его манеръ была, конечно, весьма привлекательна, но ничто не могло сравниться съ его прежнею граціозною непринужденностью.

Въ добавокъ онъ обѣщалъ быть высокимъ и не сдержалъ своего обѣщанія. Правда, онъ имѣлъ красивую, тонкую и хорошо сложенную фигуру, но ростъ его ни на одинъ дюймъ не превышалъ того, что обыкновенно зовутъ среднимъ ростомъ. Короче сказать, онъ былъ неузнаваемъ. Время все измѣнило въ немъ, пощадивъ только его прежній открытый, свѣтлый взглядъ. По немъ только и узналъ я наконецъ прежняго любимца, и ужь дальше не пошелъ въ своихъ изслѣдованіяхъ.

— Добро пожаловать въ родное гнѣздышко, мистеръ Франк-

Digitized by Google

линъ, сказалъ я.—Тѣмъ пріятнѣе васъ видѣть, сэръ, что вы нѣсколькими часами предупредили наши ожиданія.

— Мнѣ нужно было поторопиться, отвѣчалъ мистеръ Франклинъ.—Я подозрѣваю, Бетереджъ, что въ эти послѣдніе три или четыре дня за мной присматривали и слѣдили въ Лондонѣ; и потому, желая ускользнуть отъ бдительности одного подозрительнаго иностранца, я, не дожидаясь послѣобѣденнаго поѣзда, пріѣхалъ съ утреннимъ.

Слова эти поразили меня. Они мигомъ напомнили мнѣ трехъ фокусниковъ и предположеніе Пенелопы, будто они злоумышляютъ противъ мистера Франклина Блека.

— Кто же слѣдилъ за вами, сэръ, и съ какою цѣлью? спросилъ я.

— Разкажите-ка мнѣ о трехъ Индѣйцахъ, которые приходили сюда нынче, сказалъ мистеръ Франклинъ, не отвѣчая на мой вопросъ.—Легко можетъ быть, Бетереджъ, что мой незнакомецъ и ваши три фокусника окажутся принадлежащими къ одной и той же шайкѣ.

— Какъ это вы узнали, сэръ, о фокусникахъ? спросилъ я, предлагая ему одинъ вопросъ за другимъ, что̀, сознаюсь, обличало во мнѣ весьма дурной тонъ; но развѣ вы ждали чего-нибудь лучшаго отъ жалкой человѣческой природы, читатель? Такъ будьте же ко мнѣ снисходительнѣе.

— Я сейчасъ видѣлъ Пенелопу, отвѣчалъ мистеръ Франклинъ,—она-то и разказала мнѣ о фокусникахъ. Ваша дочь, Бетереджъ, всегда обѣщала быть хорошенькою и сдержала свое обѣщаніе. У нея маленькая ножка и маленькія уши. Неужели покойная мистрисъ Бетереджъ обладала этими драгоцѣнными прелестями?

— Покойная Бетереджъ имѣла много недостатковъ, сэръ, отвѣчалъ я.—Одинъ изъ нихъ (съ вашего позволенія) состоялъ въ томъ, что она никакимъ дѣломъ не могла заняться серіозно. Она была скорѣе похожа на муху чѣмъ на женщину и ни на чемъ не останавливалась.

— Стало-быть, мы могли бы сойдтись съ ней, отвѣчалъ мистеръ Франклинъ.—Я самъ не останавливаюсь ни на чемъ. Ваше остроуміе, Бетереджъ, не только ничего не утратило, но, напротивъ, выиграло съ лѣтами. Правду сказала Пенелопа, когда я просилъ ее сообщить мнѣ всѣ подробности о фокусникахъ: „Спросите лучше у батюшки, онъ разкажетъ вамъ лучше меня“, отвѣчала ваша дочь, „онъ еще удивительно

Digitized by Google

свѣжъ для своихъ лѣтъ и говоритъ какъ книга.“ Тутъ щеки Пенелопы покрылись божественнымъ румянцемъ, и несмотря на все мое уваженіе къ вамъ, я не могъ удержаться, чтобы.... — догадывайтесь сами. Я зналъ ее еще ребенкомъ, но это не уменьшаетъ въ моихъ глазахъ ея прелестей. Однако, шутки въ сторону. Что̀ дѣлали тутъ фокусники?

Я былъ недоволенъ своею дочерью, не за то что она дала мистеру Франклину поцѣловать себя, — пусть цѣлуетъ сколько угодно, — а за то, что она вынуждала меня повторять ему ея глупую исторію о фокусникахъ. Нечего дѣлать, нужно было разказать все обстоятельно. Но веселость мистера Франклина мгновенно исчезла. Онъ слушалъ меня насупивъ брови и подергивая себя за бороду. Когда же я кончилъ, онъ повторилъ вслѣдъ за мной два вопроса, предложенные мальчику главнымъ магикомъ, и повторилъ, очевидно, для того, чтобы лучше удержать ихъ въ своей памяти.

— Не по другой какой-нибудь дорогѣ, а именно по той, которая ведетъ къ этому дому, поѣдетъ сегодня Англичанинъ? Имѣетъ ли *его* Англичанинъ при себѣ? Я подозрѣваю, сказалъ мистеръ Франклинъ, вынимая изъ кармана маленькій запечатанный конвертъ,—что *его* означало вотъ *это*. А *это*, Бетереджъ, означаетъ не болѣе не менѣе какъ знаменитый желтый алмазъ дяди моего Геракасля.

— Боже праведный, сэръ! воскликнулъ я:—какъ попалъ въ ваши руки алмазъ нечестиваго полковника?

— Въ завѣщаніи своемъ нечестивый полковникъ отказалъ его моей двоюродной сестрѣ Рахили, какъ подарокъ ко дню ея рожденія, отвѣчалъ мистеръ Франклинъ. — А отецъ мой, въ качествѣ дядина душеприкащика, поручилъ мнѣ доставить его сюда.

Еслибы море, кротко плескавшееся въ ту минуту на дюнахъ, вдругъ высохло передъ моими глазами, явленіе это поразило бы меня никакъ не болѣе чѣмъ слова мистера Франклина.

— Алмазъ полковника завѣщанъ миссъ Рахили! сказалъ я.—И вашъ отецъ, сэръ, былъ его душеприкащикомъ! А вѣдь я поспелъ бы на какое угодно пари, мистеръ Франклинъ, что отецъ вашъ не рѣшился бы дотронуться до полковника даже щипцами!

— Сильно сказано, Бетереджъ! Но въ чемъ же виноватъ былъ полковникъ? Впрочемъ, вѣдь онъ принадлежалъ скорѣе

Digitized by Google

къ вашему поколѣнію нежели къ моему. Такъ сообщите же мнѣ о немъ все что̀ вы знаете, а я разкажу вамъ, какимъ образомъ отецъ мой сдѣлался его душеприкащикомъ и еще кое-что. Въ Лондонѣ мнѣ пришлось сдѣлать о моемъ дядѣ Геракслѣ и его знаменитомъ алмазѣ не совсѣмъ благопріятныя открытія; но я желаю узнать отъ васъ, насколько они достовѣрны. Вы сейчасъ называли моего дядю „нечестивымъ полковникомъ". Потарьте-ка въ своей памяти, старый другъ, и скажите, чѣмъ заслужилъ онъ это названіе.

Видя, что мистеръ Франклинъ говоритъ серіозно, я разказалъ ему все, и вотъ вамъ сущность моего разказа, который я повторяю здѣсь въ видахъ вашей же собственной пользы, читатели. Прочтите же его со вниманіемъ, иначе вы совсѣмъ растеряетесь, когда мы доберемся до самой середины этой запутанной исторіи. Выкиньте изъ головы дѣтей, обѣдъ, новую шляпку, словомъ, что̀ бы тамъ ни было. Попытайтесь забыть политику, лошадей, биржевые курсы и клубныя неудачи. Надѣюсь, что вы не обидитесь моею смѣлостью; вѣдь это дѣлается единственно для того, чтобы возбудить ваше благосклонное вниманіе. Боже мой! развѣ не видалъ я въ вашихъ рукахъ знаменитѣйшихъ авторовъ, и развѣ я не знаю какъ легко отвлекается вниманіе читателей, когда его проситъ у нихъ не человѣкъ, а книга?

Нѣсколько страницъ назадъ я упоминалъ объ отцѣ моей госпожи, о старомъ лордѣ съ крутымъ нравомъ и длиннѣйшимъ языкомъ. У него было пять человѣкъ дѣтей. Прежде всего родились два сына, потомъ, много лѣтъ спустя, жена его опять стала беременна, и три молодыя леди быстро послѣдовали одна за другою,—такъ быстро, какъ только допускала то природа вещей; госпожа моя, какъ я уже упоминалъ выше, была самая младшая и самая красивая изъ трехъ. Что касается до двухъ сыновей, старшій, Артуръ, наслѣдовалъ титулъ и владѣніе отца своего; а младшій, досточтимый Джонъ, получивъ прекрасное состояніе, отказанное ему какимъ-то родственникомъ, опредѣлился въ армію.

Пословица говоритъ: дурная та птица, что̀ хулитъ собственное гнѣздо. Я смотрю на благородную фамилію Геракслей какъ на мое родное гнѣздо и счелъ бы за особенную милость, еслибы мнѣ позволили не слишковъ распространяться о досточтимомъ Джонѣ. По моему крайнему разумѣнію, это былъ одинъ изъ величайшихъ негодяевъ, какихъ

Digitized by Google

когда-либо производилъ свѣтъ. Къ такому эпитету врядъ ли остается что-нибудь прибавить. Службу свою началъ онъ въ гвардіи, откуда вышелъ не имѣя еще и двадцати двухъ лѣтъ отъ роду, а почему, объ этомъ не спрашивайте. Въ арміи, видите ли, слишкомъ строга дисциплина, что̀ не совсѣмъ пришлось по вкусу досточтимому Джону. Тогда онъ отправился въ Индію, посмотрѣть, не будетъ ли тамъ посвободнѣе, а также и для того, чтобъ узнать походную жизнь. И въ самомъ дѣлѣ, нужно говорить правду, своею безумною отвагой онъ напоминалъ въ одно и то же время бульдога, пѣтуха-бойца и дикаря. По взятіи Серингапатама, въ которомъ онъ участвовалъ, онъ перешелъ въ другой полкъ и, наконецъ, въ третій. Тутъ онъ былъ произведенъ въ подполковники и вскорѣ послѣ того, получивъ солнечный ударъ, вернулся на родину.

Дурная репутація, которую онъ себѣ составилъ, затворила ему двери ко всѣмъ роднымъ, а моя госпожа (тогда только-что вышедшая замужъ) первая объявила (конечно, съ согласія сэръ-Джона), что братъ ея никогда не переступитъ черезъ порогъ ея дома. Много было и другихъ пятенъ на полковникѣ, изъ-за которыхъ всѣ обѣгали его; но мнѣ подобаетъ говорить только объ одномъ—о похищеніи алмаза.

Ходили слухи, будто онъ овладѣлъ этимъ индѣйскимъ сокровищемъ съ помощью средствъ, въ которыхъ, несмотря на свою дерзость, онъ никакъ не рѣшался сознаться. Не имѣя нужды въ деньгахъ и (справедливость требуетъ это замѣтить) не придавая имъ особеннаго значенія, онъ никогда не пытался продать свое сокровище. Дарить его также не хотѣлъ и не показывалъ его ни одной живой душѣ. Одни говорили, что онъ страшился навлечь на себя непріятности со стороны военныхъ властей; другіе (совершенно не понимая натуру этого человѣка) утверждали, будто онъ боялся лишиться жизни, еслибы вздумалъ показать его.

Въ этомъ послѣднемъ предположеніи была, быть-можетъ, своя доля правды, хотя несправедливо было бы подозрѣвать его въ трусости. Одно вѣрно, что въ Индіи жизнь его дважды подвергалась опасности; и причиною этому былъ, по общему убѣжденію, Лунный камень. Когда полковникъ вернулся въ Англію, всѣ стали отъ него отвертываться, опять-таки изъ-за Лунного камня. Тайна жизни его вѣчно тяготѣла надъ нимъ, какъ будто изгоняла его изъ среды собственныхъ соотечественниковъ. Мущины не принимали его

Digitized by Google

въ члены клубовъ; женщины, которымъ онъ предлагалъ свою руку — а ихъ было не мало — отказывали ему; знакомые и родственники, встрѣчаясь съ нимъ на улицѣ, вдругъ дѣлались близорукими.

Другой на его мѣстѣ попытался бы оправдаться какъ-нибудь въ глазахъ общества. Но досточтимый Джонъ не умѣлъ уступать даже и въ томъ случаѣ, когда чувствовалъ себя неправымъ. Въ Индіи онъ не разставался съ алмазомъ, презирая опасность быть убитымъ. Въ Англіи онъ хранилъ его также бережно, посмѣваясь надъ общественнымъ мнѣніемъ. Вотъ вамъ въ двухъ чертахъ портретъ этого человѣка: безпредѣльная наглость и красивое лицо съ какимъ-то дьявольскимъ выраженіемъ.

По временамъ до насъ доходили о немъ самые разнорѣчивые слухи. Одни говорили, что онъ проводитъ свою жизнь въ куреніи опіума и собираніи старыхъ книгъ; другіе, что онъ занимается какими-то странными химическими опытами; третьи, что онъ бражничаетъ и веселится въ грязнѣйшихъ закоулкахъ Лондона съ людьми самаго низкаго происхожденія. Во всякомъ случаѣ полковникъ велъ уединенную, порочную, таинственную жизнь. Однажды, и только однажды, я встрѣтился съ нимъ лицомъ къ лицу послѣ возвращенія его въ Англію.

Около двухъ лѣтъ до того времени, которое я здѣсь описывалъ, то-есть за полтора года до своей смерти, полковникъ неожиданно посѣтилъ мою госпожу въ Лондонѣ. Это случилось 21-го іюля, вечеромъ, въ день рожденія миссъ Рахили, когда въ домѣ, по обыкновенію, собрались гости. Слуга пришелъ сказать мнѣ, что меня спрашиваетъ какой-то джентльменъ. Войдя въ прихожую, я нашелъ тамъ полковника, худаго, изнуреннаго, стараго, оборваннаго, но, попрежнему, неукротимаго и злаго.

— Подите къ сестрѣ моей, сказалъ онъ, — и доложите ей, что я пріѣхалъ пожелать моей племянницѣ счастливыхъ и долгихъ дней.

Уже не разъ пытался онъ письменно примириться съ миледи и, по моему мнѣнію, лишь для того, чтобы насолить ей. Но лично онъ являлся къ ней въ первый разъ. У меня такъ и вертѣлось на языкѣ сказать ему, что госпожа моя занята съ гостями. Но дьявольское выраженіе лица его меня испугало. Я отправился на верхъ съ его порученіемъ, а онъ

Digitized by Google

пожелалъ остаться въ прихожей и ожидать тамъ моего возвращенія. Прочіе слуги, выпуча на него глаза, стояли немного поодаль, какъ будто онъ былъ ходячая адская машина, начиненная порохомъ и картечью, которая могла неожиданно произвести между ними взрывъ.

Госпожа моя также заражена отчасти фамильнымъ душкомъ

— Доложите полковнику Геркаслю, сказала она, когда я передалъ ей порученіе ея брата,—что миссъ Веріндеръ занята, а я не желаю его видѣть. — Я попытался было склонить ее на болѣе вѣжливый отвѣтъ, зная презрѣніе полковника къ свѣтскимъ приличіямъ. Все было напрасно! Фамильный душокъ сразу заставилъ меня молчать.—Когда мнѣ бываетъ нуженъ вашъ совѣтъ, я сама прошу его у васъ, сказала миледи; — а теперь я въ немъ не нуждаюсь.

Съ этимъ отвѣтомъ я спустился въ прихожую, но прежде чѣмъ передать его полковнику, возымѣлъ дерзость перефразировать его такъ:

— Миледи и миссъ Рахиль, съ прискорбіемъ извѣщая васъ, что они заняты съ гостями, просятъ извиненія въ томъ, что не могутъ имѣть чести принять полковника.

Я ожидалъ взрыва, несмотря на всю вѣжливость, съ которою переданъ былъ мною отвѣтъ миледи. Но къ моему величайшему удивленію, не случилось ничего подобнаго: полковникъ встревожилъ меня своимъ неестественнымъ спокойствіемъ. Посмотрѣвъ на меня съ минуту своими блестящими сѣрыми глазами, онъ засмѣялся, но не *изнутри* себя, какъ обыкновенно смѣются люди, а какъ-то *внутрь* себя, какимъ-то тихимъ, подавленнымъ, отвратительно-злобнымъ смѣхомъ.

— Благодарю васъ, Бетереджъ, сказалъ онъ: — я не позабуду дня рожденія моей племянницы.

Съ этими словами онъ повернулся на каблукахъ и вышелъ изъ дому.

На слѣдующій годъ, когда снова наступилъ день рожденія миссъ Рахили, мы узнали, что полковникъ боленъ и лежитъ въ постели. Шесть мѣсяцевъ спустя, то-есть за шесть мѣсяцевъ до того времени, которое я теперь описываю, госпожа моя получила письмо отъ одного весьма уважаемаго священника. Оно заключало въ себѣ два необыкновенныя извѣстія по части фамильныхъ новостей: первое, что полковникъ, умирая, простилъ свою сестру. Второе, что онъ примирился съ цѣлымъ обществомъ, и что конецъ его былъ самый

Digitized by Google

назидательный. Я самъ питаю (при всемъ моемъ несочувствіи къ епископамъ и духовенству) далеко нелицемѣрное уваженіе къ церкви; однако я твердо убѣжденъ, что душа досточтимаго Джона осталась въ безраздѣльномъ владѣніи нечистаго, и что послѣдній отвратительный поступокъ на землѣ этого гнуснаго человѣка былъ обманъ, въ который онъ вовлекъ священника!

Вотъ сущность того, что̀ мнѣ нужно было разказать мистеру Франклину. Я видѣлъ, что по мѣрѣ того какъ я подвигался впередъ, нетерпѣніе его возрастало, и что разказъ о томъ, какимъ образомъ миледи выгнала отъ себя полковника въ день рожденія своей дочери, поразилъ мистера Франклина какъ выстрѣлъ, попавшій въ цѣль. Хоть онъ и ничего не сказалъ мнѣ, но по лицу его было видно, что слова мои встревожили его.

— Вашъ разказъ конченъ, Бетереджъ, замѣтилъ онъ. — Теперь моя очередь говорить. Но прежде нежели я сообщу вамъ объ открытіяхъ, сдѣланныхъ мною въ Лондонѣ, и о томъ, какъ пришелъ я въ соприкосновеніе съ алмазомъ, мнѣ нужно узнать одну вещь. По вашему лицу, старина, можно заключить, что вы не понимаете къ чему клонится наше настоящее совѣщаніе. Обманываетъ меня ваше лицо, или нѣтъ?

— Нѣтъ, сэръ, отвѣчалъ, — лицо мое говоритъ совершенную правду.

— Въ такомъ случаѣ, сказалъ мистеръ Франклинъ, — я попытаюсь прежде поставить васъ на одну точку зрѣнія со мною. Мнѣ кажется, что подарокъ полковника кузинѣ моей Рахили тѣсно связанъ съ тремя слѣдующими и весьма важными вопросами. Слушайте внимательно, Бетереджъ, и пожалуй отмѣчайте каждый вопросъ по пальцамъ, если это для васъ удобнѣе, сказалъ мистеръ Франклинъ, видимо щеголяя своею дальновидностью, что̀ живо напомнило мнѣ то время, когда онъ былъ еще мальчикомъ.—Вопервыхъ: былъ ли алмазъ полковника предметомъ заговора въ Индіи? Вовторыхъ: послѣдовали ли заговорщики за алмазомъ въ Англію? Втретьихъ: зналъ ли полковникъ, что заговорщики слѣдятъ за алмазомъ? и не съ намѣреніемъ ли завѣщалъ онъ своей сестрѣ это опасное сокровище чрезъ посредство ея невинной дочери? Вотъ къ чему я велъ, Бетереджъ. Только вы, пожалуста, не пугайтесь.

Digitized by Google

Хорошо ему говорить „не пугайтесь“, когда онъ уже напугалъ меня.

Если предположеніе его было справедливо, мы должны были навѣки проститься съ нашимъ спокойствіемъ! Нежданно, негаданно вторгался въ нашъ мирный домъ какой-то дьявольскій алмазъ, а за нимъ врывалась цѣлая шайка негодяевъ, спущенныхъ на насъ злобой мертвеца. Вотъ въ какомъ положеніи находились мы по словамъ мистера Франклина Блека! Кто слыхалъ, чтобы въ XIX столѣтіи, въ вѣкъ прогресса, и притомъ въ странѣ, пользующейся всѣми благами британской конституціи, могло случиться что-либо подобное? Конечно, никто никогда не слыхалъ этого, и потому никто, вѣроятно, и не повѣритъ. Однако, я все-таки буду продолжать свой разказъ.

Когда васъ постигаетъ какой-нибудь внезапный испугъ, читатель, въ родѣ того, который я испытывалъ въ ту минуту, не замѣчали ли вы, что прежде всего онъ отзывается въ желудкѣ? А разъ вы почувствовали его въ желудкѣ, вниманіе ваше развлечено, и вы начинаете вертѣться. Вотъ я и началъ молча вертѣться, сидя на пескѣ. Мистеръ Франклинъ замѣтилъ мою борьбу съ встревоженнымъ желудкомъ, или духомъ (назовите, какъ знаете, а по мнѣ, такъ это рѣшительно все равно), и остановившись въ ту самую минуту, какъ уже готовился приступить къ своимъ собственнымъ открытіямъ, рѣзко спросилъ меня: „да чего вамъ нужно?“

Чего мнѣ было нужно? *ему-то* я не сказалъ; а *вамъ*, пожалуй, открою по секрету. Мнѣ нужно было затянуться трубочкой и пройдтись по *Робинзону*.

VI.

Храня про себя собственное мнѣніе, я почтительно просилъ мистера Франклина продолжать.

— Не егозите, Бетереджъ, отвѣтилъ онъ и продолжалъ разказъ.

Съ первыхъ словъ, молодой джентльменъ увѣдомилъ меня, что его открытія касательно негоднаго полковника съ алмазомъ начались посѣщеніемъ (до пріѣзда къ намъ) адвоката его отца въ Гампстидѣ. Однажды, оставшись наединѣ съ нимъ послѣ обѣда, мистеръ Франклинъ случайно проговорился, что отецъ поручилъ ему передать подарокъ миссъ

Digitized by Google

Рахили, въ день ея рожденія. Слово-за-слово, кончилось тѣмъ, что адвокатъ сказалъ, въ чемъ именно заключался этотъ подарокъ и какъ возникли дружескія отношенія между полковникомъ и мистеромъ Блекомъ старшимъ. Попробую, не лучше ли будетъ изложить открытія мистера Франклина, придерживаясь, какъ можно ближе, собственныхъ его словъ.

— Помните ли вы, Бетереджъ, то время, сказалъ онъ, — когда отецъ мой пытался доказать свои права на это несчастное герцогство? Ну, такъ въ это самое время и дядя Герикасль вернулся изъ Индіи. Отецъ узналъ, что шуринъ его владѣетъ нѣкоторыми документами, которые, по всему вѣроятію, весьма пригодились бы ему въ его процессѣ. Онъ посѣтилъ полковника подъ предлогомъ поздравленія съ возвратомъ въ Англію. Но полковника нельзя было провести такимъ образомъ. „Вамъ что-то нужно, сказалъ онъ: иначе вы не стали бы рисковать своею репутаціей, дѣлая *мнѣ* визитъ.“ Отецъ понялъ, что остается вести дѣло на чистоту, и сразу признался, что ему надобны документы. Полковникъ попросилъ денька два на размышленіе объ отвѣтѣ. Отвѣтъ его пришелъ въ формѣ самаго необычайнаго письма, которое пріятель-законовѣдъ показалъ мнѣ. Полковникъ начиналъ съ того, что имѣетъ нѣкоторую надобность до моего отца, и почтительнѣйше предлагалъ обмѣнъ дружескихъ услугъ между собой. Случайность войны (таково было его собственное выраженіе) ввела его во владѣніе однимъ изъ величайшихъ алмазовъ въ свѣтѣ, и онъ небезосновательно полагаетъ, что ни самъ онъ, ни его драгоцѣнный камень, въ случаѣ храненія его при себѣ, небезопасны въ какой бы то ни было части свѣта. Въ такихъ тревожныхъ обстоятельствахъ онъ рѣшился сдать алмазъ подъ сохраненіе постороннему лицу. Лицо это ничѣмъ не рискуетъ. Оно можетъ помѣстить драгоцѣнный камень въ любое учрежденіе, съ надлежащею стражей и отдѣльнымъ помѣщеніемъ, — какъ, напримѣръ, кладовая банка, или ювелира, для безопаснаго храненія движимостей высокой цѣны. Личная отвѣтственность его въ этомъ дѣлѣ будетъ совершенно пассивнаго свойства. Онъ обязуется, собственноручно или чрезъ повѣреннаго, получать по условленному адресу ежегодно, въ извѣстный, условленный день, отъ полковника письмо, заключающее въ себѣ простое извѣстіе о томъ, что онъ, полковникъ, по сіе число еще находится въ живыхъ.

Digitized by Google

Если же число это пройдетъ безъ полученія письма, то молчаніе полковника будетъ вѣрнѣйшимъ знакомъ его смерти отъ руки убійцъ. Въ такомъ только случаѣ и не иначе, нѣкоторыя предписанія, касающіяся дальнѣйшаго распоряженія алмазомъ, запечатанныя и хранящіяся вмѣстѣ съ нимъ, должны быть вскрыты и безпрекословно исполнены. Если отецъ мой пожелаетъ принять на себя это страшное порученіе, то документы полковника въ свою очередь будутъ къ его услугамъ. Вотъ что было въ этомъ письмѣ.

— Что же сдѣлалъ вашъ батюшка, сэръ, спросилъ я.

— Что сдѣлалъ-то? сказалъ мистеръ Франклинъ;—а вотъ что онъ сдѣлалъ. Онъ приложилъ къ письму полковника безцѣнную способность, называемую здравымъ смысломъ. Все дѣло, по его мнѣнію, было просто нелѣпо. Блуждая по Индіи, полковникъ гдѣ-нибудь подцѣпилъ дрянненькій хрустальчикъ, принятый имъ за алмазъ. Что же касается до опасенія убійцъ и до предосторожностей въ защиту своей жизни вмѣстѣ съ кусочкомъ этого хрусталя, такъ нынѣ девятнадцатое столѣтіе, и человѣку въ здравомъ умѣ стóитъ только обратиться къ полиціи. Полковникъ съ давнихъ поръ завѣдомо употреблялъ опіумъ; и если единственнымъ средствомъ достать тѣ цѣнные документы, которыми онъ владѣлъ, было признаніе опіатнаго призрака за дѣйствительный фактъ, то отецъ мой охотно готовъ былъ принять возложенную на него смѣшную отвѣтственность, — тѣмъ болѣе охотно, что она не влекла за собой никакихъ личныхъ хлопотъ. Итакъ алмазъ, вмѣстѣ съ запечатанными предписаніями, очутился въ кладовой его банкира, а письма полковника, періодически увѣдомлявшія о бытности его въ живыхъ, получались и вскрывались адвокатомъ, повѣреннымъ моего отца. Ни одинъ разсудительный человѣкъ, въ такомъ положеніи, не смотрѣлъ бы на дѣло съ иной точки зрѣнія. На свѣтѣ, Бетереджъ, намъ только то и кажется вѣроятнымъ, что согласно съ нашею ветошною опытностью; и мы вѣримъ въ романы, лишь прочтя его въ газетахъ.

Мнѣ стало ясно, что мистеръ Франклинъ считалъ отцовское мнѣніе о полковникѣ поспѣшнымъ и ошибочнымъ.

— А сами вы, сэръ, какого мнѣнія объ этомъ дѣлѣ? спросилъ я.

— Дайте сперва кончить исторію полковника, сказалъ мистеръ Франклинъ; — въ умѣ Англичанина, Бетереджъ,

Digitized by Google

забавно отсутствіе системы; и вопросъ вашъ, старый дружище, можетъ служить этому примѣромъ. Какъ только мы перестаемъ дѣлать машины, мы (по уму, разумѣется) величайшіе верхи въ мірѣ.

„Вонъ оно, подумалъ я, — заморское-то воспитаніе! Это онъ во Франціи, надо быть, выучился зубаскальству надъ нами.“

Мистеръ Франклинъ отыскалъ прерванную нить разказа и продолжалъ.

— Отецъ мой получилъ бумаги, въ которыхъ нуждался, и съ той поры болѣе не видалъ шурина. Годъ за годъ, въ условленные дни получалось отъ полковника условленное письмо и распечатывалось адвокатомъ. Я видѣлъ цѣлую кучу этихъ писемъ, написанныхъ въ одной и той же краткой, дѣловой формѣ выраженій: „Сэръ, это удостовѣритъ васъ, что я все еще нахожусь въ живыхъ. Пусть алмазъ остается попрежнему. Джонъ Геркасль.“ Вотъ все, что онъ писалъ, и получалось это аккуратно къ назначенному дню; а мѣсяцевъ шесть или восемь тому назадъ въ первый разъ измѣнилась форма письма. Теперь вышло: „Сэръ, говорятъ, я умираю. Пріѣзжайте и помогите мнѣ сдѣлать завѣщаніе.“ Адвокатъ поѣхалъ и нашелъ его въ маленькой, подгородной виллѣ, окруженной принадлежащею къ ней землей, гдѣ полковникъ проживалъ въ уединеніи, съ тѣхъ поръ какъ покинулъ Индію. Для компаніи онъ держалъ котовъ, собакъ и птицъ, но ни единой души человѣческой, кромѣ одной фигуры, ежедневно являвшейся для присмотра за домохозяйствомъ, и доктора у постели. Завѣщаніе было весьма просто. Полковникъ растратилъ бо́льшую часть состоянія на химическія изслѣдованія. Завѣщаніе начиналось и оканчивалось тремя пунктами, которые онъ продиктовалъ съ постели, вполнѣ владѣя умственными способностями. Первый пунктъ обезпечивалъ содержаніе и уходъ его животнымъ. Вторымъ основывалась каѳедра опытной химіи въ одномъ изъ сѣверныхъ университетовъ. Третьимъ завѣщался Лунный камень въ подарокъ племянницѣ, ко дню ея рожденію, съ тѣмъ условіемъ, что отецъ мой будетъ душеприкащикомъ. Сначала отецъ отказался. Однако, пораздумавъ еще разокъ, уступилъ, частію будучи увѣренъ, что эта обязанность не вовлечетъ его ни въ какія хлопоты, частію по намеку, сдѣлан-

Digitized by Google

кому адвокатомъ въ интересѣ Рахили, что алмазъ все-таки можетъ имѣть нѣкоторую цѣнность.

— Не говорилъ ли полковникъ, сэръ, спросилъ я,—почему онъ завѣщалъ алмазъ именно миссъ Рахили?

— Не только сказалъ, а даже это было написано въ завѣщаніи, отвѣтилъ мистеръ Франклинъ:—я досталъ себѣ изъ него выписку и сейчасъ покажу вамъ. Не будьте умственнымъ неряхой, Бетереджъ. Все въ свое время. Вы слышали завѣщаніе полковника; теперь надо выслушать, что̀ случилось по смерти его. Прежде чѣмъ засвидѣтельствовать завѣщаніе, необходимо было оцѣнить алмазъ формальнымъ путемъ. Всѣ бриллiантщики, къ которымъ обращались, сразу подтвердили показаніе полковника, что онъ обладаетъ однимъ изъ величайшихъ въ свѣтѣ алмазовъ. Вопросъ же о точной оцѣнкѣ его представлялъ довольно серіозныя затрудненія. По величинѣ онъ былъ феноменомъ между рыночными бриллiантами; цвѣтъ ставилъ его въ совершенно отдѣльную категорію; и въ добавокъ къ этимъ сбивчивымъ элементамъ присоединялся изъянъ въ видѣ плевы въ самомъ центрѣ камня. Но даже при этомъ важномъ недостаткѣ, самая низшая изъ различныхъ оцѣнокъ равнялась двадцати тысячамъ фунтовъ. Поймите удивленіе моего отца: онъ чуть не отказался быть душеприкащикомъ, чуть не выпустилъ этой великолѣпной драгоцѣнности изъ нашего рода. Интересъ, возбужденный въ немъ этимъ дѣломъ, заставилъ его вскрыть запечатанныя предписанія, хранившіяся вмѣстѣ съ алмазомъ. Адвокатъ показывалъ мнѣ этотъ документъ вмѣстѣ съ прочими, и въ немъ (по моему мнѣнію) содержится ключъ къ разумѣнію того заговора, что̀ грозилъ жизни полковника.

— Такъ вы думаете, сэръ, сказалъ я,—что заговоръ-то дѣйствительно былъ?

— Не владѣя превосходнымъ здравымъ смысломъ отца моего, отвѣчалъ мистеръ Франклинъ,—я думаю, что жизни полковника дѣйствительно угрожали именно такъ, ка̀къ онъ самъ говорилъ. Запечатанныя предписанія, мнѣ кажется, объясняютъ, какъ это случилось, что онъ все-таки преспокойно умеръ въ постели. Въ случаѣ насильственной смерти его (то-есть при неполученіи обычнаго письма въ назначенный день) отецъ мой долженъ былъ тайно переслать Лунный камень въ Амстердамъ: въ этомъ городѣ отдать его извѣстнѣйшему

Digitized by Google

бриллiантщику и сдѣлать изъ него отъ четырехъ до шести отдѣльныхъ камней. Тогда камни продать за то, что̀ дадутъ, а выручку употребить на основаніе той каѳедры опытной химіи, которую полковникъ въ послѣдствіи отдѣлилъ въ своемъ завѣщаніи. Ну, Бетереджъ, теперь пустите въ ходъ свое остроуміе, догадайтесь-ка, къ чему клонились эти распоряженія полковника.

Я тотчасъ пустилъ остроуміе въ ходъ. Оно было англійское, самаго неряшливаго свойства и вслѣдствіе того все перепутало, пока мистеръ Франклинъ не забралъ его въ руки и не указалъ, куда направить.

— Замѣтьте, сказалъ мистеръ Франклинъ,—что неприкосновенность алмаза, въ видѣ цѣльнаго камня, весьма ловко поставлена въ зависимость отъ сохраненія жизни полковника. Ему мало сказать врагамъ, которыхъ онъ опасается: убейте меня, и вамъ будетъ такъ же далеко до алмаза, какъ и теперь; онъ тамъ, гдѣ вамъ до него не добраться, подъ охраной, въ кладовой банка. Вмѣсто этого онъ говоритъ: убейте меня, и алмазъ не будетъ уже прежнимъ алмазомъ; тождество его разрушится. Это что̀ значитъ?

Тутъ (какъ мнѣ показалось) умъ мой освѣтился дивною, заморскою ясностью.

— Знаю! сказалъ я:—значитъ цѣна-то камня понизится, и такимъ образомъ плуты останутся въ дуракахъ.

— И похожаго ничего нѣтъ! сказалъ мистеръ Франклинъ:— я справлялся объ этомъ. Надтреснутый алмазъ въ отдѣльныхъ камняхъ будетъ стоить дороже теперешняго, по той простой причинѣ, что изъ него выйдетъ пять-шесть превосходныхъ бриллiантовъ, которые въ итогѣ выручатъ больше нежели одинъ крупный камень, но съ изъяномъ. Еслибы цѣлью заговора была кража въ видахъ обогащенія, то распоряженія полковника дѣлали алмазъ еще дороже ворамъ. Выручка была бы значительнѣе, а сбытъ на рынкѣ несравненно легче, еслибъ алмазъ вышелъ изъ рукъ амстердамскихъ мастеровъ.

— Господи Боже мой, сэръ! воскликнулъ я: — въ чемъ же наконецъ состоялъ заговоръ?

— Это заговоръ Индѣйцевъ, которые первоначально владѣли сокровищемъ, сказалъ мистеръ Франклинъ,—заговоръ, въ основаніе котораго легло какое-нибудь древне-индѣйское суевѣріе. Вотъ мое мнѣніе, подтверждаемое семейнымъ документомъ, который въ настоящее время находится при мнѣ.

Digitized by Google

Теперь я понялъ, почему появленіе трехъ индѣйскихъ фокусниковъ въ нашемъ домѣ представилось мистеру Франклину такимъ важнымъ обстоятельствомъ.

— Нѣтъ нужды навязывать вамъ мое мнѣніе, продолжалъ мистеръ Франклинъ:—мысль о нѣсколькихъ избранныхъ служителяхъ древне-индѣйскаго суевѣрія, посвятившихъ себя, несмотря на всю трудность и опасности, выжиданію удобнаго случая для возвращенія себѣ священнаго камня, кажется *мнѣ* вполнѣ согласною со всѣмъ тѣмъ, что намъ извѣстно о терпѣніи восточныхъ племенъ и вліяніи восточныхъ религій. Впрочемъ, во мнѣ сильно развито воображеніе; мясникъ, хлѣбникъ и сборщикъ податей не представляются моему уму единственно - правдоподобными, дѣйствительными существованіями. Цѣните же мою догадку относительно истиннаго смысла этого дѣла во что угодно, и перейдемъ къ единственно касающемуся насъ, практическому вопросу: Не пережилъ ли полковника этотъ заговоръ насчетъ Луннаго камня? И не зналъ ли объ этомъ самъ полковникъ, даря его ко дню рожденія своей племянницѣ?

Теперь я начиналъ понимать, что вся суть была въ миледи и миссъ Рахили. Я не проронилъ ни словечка изъ всего имъ говореннаго.

— Узнавъ исторію Луннаго камня, сказалъ мистеръ Франклинъ,—я не такъ-то охотно брался за доставку его сюда. Но пріятель мой, адвокатъ, напомнилъ мнѣ, что кто-нибудь обязанъ же вручить кузинѣ ея наслѣдство, и слѣдовательно я могу сдѣлать это не хуже всякаго другаго. Послѣ того какъ я взялъ алмазъ изъ банка, мнѣ чудилось, что на улицѣ за мной слѣдитъ какой - то темнокожій оборванецъ. Я поѣхалъ къ отцу, чтобы захватить свой багажъ, и нашелъ тамъ письмо, сверхъ ожиданія задержавшее меня въ Лондонѣ. Я вернулся въ банкъ съ алмазомъ и кажется опять видѣлъ этого оборванца. Сегодня поутру, взявъ опять алмазъ изъ банка, я въ третій разъ увидалъ этого человѣка, ускользнулъ отъ него, и прежде чѣмъ онъ снова напалъ на мой слѣдъ, уѣхалъ съ утреннимъ поѣздомъ вмѣсто вечерняго. Вотъ я здѣсь съ алмазомъ, въ цѣлости и сохранности, — и что же я узнаю на первыхъ порахъ? Слышу, что въ домъ заходило трое бродягъ Индѣйцевъ и что пріѣздъ мой изъ Лондона и нѣчто, везомое мною, главная цѣль ихъ розысковъ.

Digitized by Google

Не стану тратить словъ и времени на то, какъ они лили мальчику въ горсть чернила и заставляли его смотрѣть въ нихъ, не увидитъ ли онъ вдали человѣка, который что-то везетъ въ своемъ карманѣ. Эта штука (часто виданная мною на Востокѣ), по нашему съ вами понятію, просто фокусъ-покусъ. Вопросъ, который намъ предстоитъ теперь рѣшить въ томъ: не ошибочно ли я приписываю значеніе простому случаю? И точно ли есть у насъ доказательства, что Индѣйцы слѣдятъ за Луннымъ камнемъ, съ той минуты какъ онъ взятъ изъ банка?

Ни я, ни онъ, казалось, и не думали заниматься этою частью изслѣдованій. Мы глядѣли другъ на друга, потомъ на приливъ, тихо набѣгавшій, выше и выше, на зыбучіе пески.

— О чемъ это вы задумались? вдругъ сказалъ мистеръ Франклинъ.

— Я думалъ, сэръ, отвѣтилъ я, — что хорошо бы зарыть алмазъ въ песчаную зыбь и порѣшить вопросъ *такимъ* образомъ.

— Если вы ужь залучили стоимость его къ себѣ въ карманъ, отвѣтилъ мистеръ Франклинъ, — такъ объявите, Бетереджъ, и по рукамъ!

Любопытно замѣтить, какъ сильно облегчаетъ легкая шутка самое тревожное состояніе ума. Мы въ то время открыли неисчерпаемый родникъ веселости въ мысли о побѣгѣ съ законною собственностью миссъ Рахили и о томъ, въ какія страшныя хлопоты мы впутаемъ мистера Блека, какъ душеприкащика, хотя нынѣ я рѣшительно отказываюсь понять, что въ этомъ было смѣшнаго. Мистеръ Франклинъ первый свернулъ разговоръ къ настоящей его цѣли. Онъ вынулъ изъ кармана пакетъ, вскрылъ его и подалъ мнѣ заключавшуюся въ немъ бумагу.

— Бетереджъ, сказалъ онъ,—ради тетушки, надо разсмотрѣть вопросъ о томъ, съ какою цѣлію полковникъ оставилъ племянницѣ это наслѣдство. Вспомните, какъ леди Верриндеръ обращалась съ братомъ съ самаго возвращенія его въ Англію и до той поры, когда онъ сказалъ вамъ, что попомнитъ день рожденія своей племянницы. Прочтите-ка вотъ это. Мистеръ Франклинъ далъ мнѣ выписку изъ завѣщанія полковника. Она при мнѣ и теперь, когда я пишу эти строки; вотъ съ нея копія на пользу вашу:

Digitized by Google

„Втретьихъ и въ послѣднихъ: дарю и завѣщаю племянницѣ моей, Рахили Верендеръ, единственной дочери сестры моей Юліи, вдовы Верендеръ, — если ея мать, упомянутая Юлія Верендеръ, будетъ въ живыхъ къ первому послѣ моей смерти дню рожденія вышеписанной Рахили Верендеръ,—принадлежащій мнѣ желтый алмазъ, извѣстный на Востокѣ подъ названіемъ Лунного камня: единственно при томъ условіи, если ея мать, реченная Юлія Верендеръ, будетъ въ то время находиться въ живыхъ. Притомъ желаю, чтобы душеприкащикъ мой передалъ алмазъ или собственноручно, или чрезъ назначенное имъ довѣренное лицо, въ личное владѣніе означенной племянницы моей Рахили въ первый послѣ смерти моей день ея рожденія и, буде возможно, въ присутствіи сестры моей, вышеписанной Юліи Верендеръ. Еще желаю, чтобы реченная сестра моя была поставлена въ извѣстность посредствомъ точной копіи съ этого третьяго и послѣдняго пункта моего завѣщанія, что я дарю алмазъ дочери ея, Рахили, въ знакъ охотнаго прощенія зла, причиненнаго моей репутаціи въ теченіе жизни поведеніемъ ея со мною; особенно же въ доказательство того, что я, какъ подобаетъ умирающему, прощаю обиду, нанесенную въ лицѣ моемъ офицеру и джентльмену въ то время, когда слуга ея, по ея приказу, затворилъ мнѣ дверь ея дома въ день рожденія ея дочери.“ Дальше слѣдовали распоряженія на случай смерти миледи или миссъ Рахили до кончины завѣщателя; въ такомъ случаѣ алмазъ долженъ быть отправленъ въ Голландію, согласно съ запечатанными предписаніями, первоначально хранившимися вмѣстѣ съ нимъ, а выручка отъ продажи должна быть прибавлена къ суммѣ, уже оставленной по завѣщанію на каѳедру химіи при одномъ изъ сѣверныхъ университетовъ.

Я въ прискорбномъ смущеніи возвратилъ бумагу мистеру Франклину, не зная что̀ ему сказать. До сихъ поръ (какъ вамъ извѣстно) я держался того мнѣнія, что полковникъ умеръ такъ же нераскаянно, какъ и жилъ. Не скажу, чтобъ эта копія съ завѣщанія заставила меня отступить отъ своего мнѣнія, но она все-таки поразила меня.

— Ну, сказалъ мистеръ Франклинъ,—теперь, прочтя собственное показаніе полковника, что̀ вы на это скажете? Внося Лунный камень въ домъ тетушки, служу ли я слѣпымъ орудіемъ его мести, или возстановляю его въ истинномъ свѣтѣ кающагося христіанина?

Digitized by Google

— Едва ли можно сказать, сэръ, отвѣтилъ я,—чтобъ онъ умеръ съ отвратительною жаждой мщенія въ сердцѣ и гнусною ложью на устахъ. Одному Богу открыта истина. Не спрашивайте же *меня*.

Мистеръ Франклинъ сидѣлъ, вертя и комкая въ рукахъ выписку изъ завѣщанія, будто надѣясь этимъ пріемомъ выжать изъ нея правду. Въ то же время самъ онъ явно измѣнился. Изъ веселаго, живаго молодаго человѣка, онъ теперь почти безпричинно сталъ сдержаннымъ, важнымъ и задумчивымъ.

— Въ этомъ вопросѣ двѣ стороны, сказалъ онъ: —.объективная и субъективная. Съ которой начать?

Онъ получилъ нѣмецкое воспитаніе пополамъ съ французскимъ. Одно изъ двухъ до сихъ поръ владѣло имъ (какъ мнѣ кажется) на правѣ полной собственности. Теперь же (насколько я могъ догадаться) выступило другое. У меня въ жизни есть правило: никогда не обращать вниманія на то, чего я не понимаю. Я пошелъ по пути, среднему между объективною и субъективною сторонами. Попросту, по-англійски, я вытаращилъ глаза и ни слова не вымолвилъ.

— Постараемся извлечь внутренній смыслъ этого, сказалъ мистеръ Франклинъ.—Зачѣмъ дядя мой завѣщалъ алмазъ Рахили? Почему бы не завѣщать его тетушкѣ?

— Ну, вотъ объ этомъ, сэръ, по крайней мѣрѣ не трудно догадаться, сказалъ я.—Полковникъ Геракасль достаточно зналъ миледи, чтобы не сомнѣваться въ томъ, что она откажется отъ всякаго наслѣдства, которое перешло бы къ ней отъ *него*.

— Почему жь онъ зналъ, что Рахиль не откажется точно такъ же?

— Да развѣ есть на свѣтѣ, сэръ, такая молодая особа, что̀ устоитъ противъ искушенія принять въ день рожденія подарокъ, подобный Лунному камню?

— Вотъ она субъективная точка зрѣнія, сказалъ мистеръ Франклинъ. — Это дѣлаетъ вамъ честь, Бетереджъ, что вы способны къ субъективнымъ взглядамъ. Но въ завѣщаніи полковника есть еще одна таинственность, до сихъ поръ не разъясненная. Какъ объяснить, что онъ даритъ Рахиль въ день ея рожденія съ тѣмъ условіемъ, чтобъ ея мать была въ живыхъ?

Digitized by Google

— Не желаю чернить покойника, сэръ, отвѣтилъ я: — но если онъ точно съ намѣреніемъ оставилъ наслѣдство, грозящее горемъ и бѣдами сестрѣ чрезъ посредство ея дочери, то это наслѣдство должно обусловливаться ея нахожденіемъ въ живыхъ, для того чтобъ она испытала эти муки.

— О! такъ вотъ ваше объясненіе его цѣли: это самое? Опять субъективное объясненіе! Вы ни разу не бывали въ Германіи, Бетереджъ?

— Нѣтъ, сэръ. А ваше объясненіе, если позволите узнать?

— Я допускаю, сказалъ мистеръ Франклинъ,—что полковникъ,—и это весьма вѣроятно,—могъ имѣть цѣлью не благодѣяніе племянницѣ, которой сроду не видалъ, а доказательство сестрѣ своей, что онъ умеръ, простивъ ей, и весьма изящное доказательство посредствомъ подарка ея дитяти. Вотъ объясненіе, совершенно противоположное вашему, Бетереджъ, возникшее изъ субъективно-объективной точки зрѣнія. Судя по всему, то и другое могутъ быть равно справедливы.

Давъ этому дѣлу такой пріятный и успокоительный исходъ, мистеръ Франклинъ, повидимому, счелъ покончеиным все что̀ отъ него требовалось. Легъ себѣ на спину на диванъ и спросилъ, что̀ теперь остается дѣлать. Онъ отличался такимъ остроуміемъ и яснымъ разумѣніемъ (по крайней мѣрѣ до коверканья словъ на заморскій ладъ), и до сихъ поръ съ такимъ совершенствомъ держалъ путеводную нить всего дѣла, что я вовсе не былъ приготовленъ къ внезапной перемѣнѣ, которую онъ выказалъ, безсильно полагаясь на *меня*. Лишь гораздо позднѣе узналъ я,—и то благодаря миссъ Рахили, первой сдѣлавшей это открытіе,—что этими загадочными скачками и превращеніями мистеръ Франклинъ обязанъ вліянію своего воспитанія за границей. Въ томъ возрастѣ, когда всѣ мы наиболѣе склонны окрашиваться въ чужіе цвѣта, какъ бы отражая ихъ на себѣ, онъ былъ посланъ за границу и переѣзжалъ изъ края въ край, не давая ни одной краскѣ пристать къ себѣ крѣпче другой. Вслѣдствіе того онъ вернулся на родину съ такимъ множествомъ разнообразныхъ сторонъ въ характерѣ, болѣе или менѣе плохо прилаженныхъ другъ къ другу, что жизнь его, повидимому, проходила въ вѣчномъ противорѣчіи съ самимъ собой. Онъ могъ быть разомъ дѣльцомъ и лѣнтяемъ; самыхъ обивчивыхъ и самыхъ ясныхъ понятій о

Digitized by Google

вещахъ, образцомъ рѣшимости и олицетвореніемъ безсилія. Въ немъ было немножко Француза, немножко Нѣмца, немножко Италіянца, причемъ кое-гдѣ просвѣчивала и врожденная англійская основа, какъ бы говоря: „вотъ и я, къ величайшему прискорбію, засоренная, но все жь и отъ меня осталось кое-что въ самомъ фундаментѣ". Миссъ Рахиль обыкновенно говаривала, что Италіянецъ въ немъ бралъ верхъ въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ неожиданно подавался и такъ мило, добродушно просилъ васъ взвалить себѣ на плеча лежащую на немъ отвѣтственность. Соблюдая полную справедливость, кажется, можно заключить, что и теперь въ немъ Италіянецъ взялъ верхъ.

— Развѣ не вамъ, сэръ, спросилъ я, надлежитъ знать, что̀ теперь остается дѣлать? Ужь разумѣется, не мнѣ.

Мистеръ Франклинъ, повидимому, не замѣтилъ всей силы моего вопроса: такъ въ это время самая поза его не позволяла замѣчать ничего, кромѣ неба надъ головой.

— Я не хочу безпричинно тревожить тетушку, сказалъ онъ,—и не желаю оставить ее безъ того, что̀ можетъ быть полезнымъ предостереженіемъ. Еслибы вы были на моемъ мѣстѣ, Бетереджъ,—скажите мнѣ въ двухъ словахъ, что̀ бы вы сдѣлали?

Я сказалъ ему въ двухъ словахъ:

— Подождалъ бы.

— Отъ всего сердца, сказалъ мистеръ Франклинъ:—долго ли?

Я сталъ объяснять свою мысль.

— На сколько я понялъ, сэръ, сказалъ я,—кто-нибудь обязанъ же вручить этотъ проклятый алмазъ миссъ Рахили въ день ея рожденія,—и вы можете исполнить это не хуже кого иного. Очень хорошо. Сегодня двадцать пятое мая, а рожденіе ея двадцать перваго іюня. У насъ почти четыре недѣли впереди. Подождемте и посмотримъ, не случится ли чего въ это время; а тамъ предостерегайте миледи или нѣтъ, какъ укажутъ обстоятельства.

— До сихъ поръ превосходно, Бетереджъ! сказалъ мистеръ Франклинъ:—но отнынѣ и до дня рожденія что̀ же намъ дѣлать съ алмазомъ?

— Разумѣется, то же, что̀ и вашъ батюшка, сэръ, отвѣтилъ я:—батюшка вашъ сдалъ его въ банкъ подъ сохраненіе въ Лондонѣ, а вы сдайте его подъ сохраненіе Фризингальскому банку (Фризингаллъ былъ отъ насъ ближайшимъ городомъ, и банкъ его не уступалъ въ состоятельности англійскому).

Digitized by Google

Будь я на вашемъ мѣстѣ, сэръ, прибавилъ я:—тотчасъ поскалъ бы съ нимъ верхомъ въ Фризингаллъ, прежде чѣмъ леди вернутся домой.

Возможность нѣчто сдѣлать, и сверхъ того сдѣлать это на лошади, мигомъ подняла лежавшаго навзничь мистера Франклина. Онъ вскочилъ на ноги, безцеремонно таща и меня за собой.

— Бетереджъ, васъ надо цѣнить на вѣсъ золота, сказалъ онъ:—идемъ, и сейчасъ же сѣдлайте мнѣ лучшую лошадь изо всей конюшни!

Наконецъ-то (благодаря Бога) сквозь всю заморскую политуру пробилась у него врожденная основа Англичанина! Вотъ онъ памятный мнѣ мистеръ Франклинъ, вошедшій въ прежнюю колею при мысли о скачкѣ верхомъ и напомнившій мнѣ доброе, старое время! Осѣдлать ему лошадь? Да я бы осѣдлалъ ему цѣлый десятокъ, еслибъ онъ только могъ поѣхать на всѣхъ разомъ.

Мы поспѣшно вернулись домой, поспѣшно засѣдлали самаго быстраго коня, и мистеръ Франклинъ со всѣхъ ногъ поскакалъ съ проклятымъ алмазомъ еще разъ въ кладовую банка. Когда затихъ послѣдній топотъ копытъ его лошади, и я, оставшись одинъ, пошелъ назадъ по двору, мнѣ, кажется, хотѣлось спросить себя, не пробудился ли я отъ сна.

VII.

Пока я обрѣтался въ такомъ растерянномъ состояніи ума, сильно нуждаясь хотя бы въ минуткѣ спокойнаго уединенія, для того чтобы снова оправиться, тутъ-то мнѣ и подвернулась дочь моя, Пенелопа (точь-въ-точь, какъ ея покойная мать сталкивалась со мной на лѣстницѣ), и мигомъ потребовала, чтобъ я разказалъ ей все происходившее на совѣщаніи между мной и мистеромъ Франклиномъ. Въ такихъ обстоятельствахъ оставалось тутъ же на мѣстѣ прихлопнуть гасильникомъ любопытство Пенелопы. Поэтому я отвѣтилъ ей, что мы съ мистеромъ Франклиномъ толковали объ иностранныхъ дѣлахъ, пока не договорились до-нельзя и не заснули оба на солнечномъ припекѣ. Попытайтесь отвѣтить что-нибудь въ этомъ родѣ въ первый разъ, какъ жена или дочь досадятъ вамъ неумѣстнымъ и несвоевременнымъ вопросомъ,

Digitized by Google

и будьте увѣрены, что по врожденной женской кротости, онѣ при первомъ удобномъ случаѣ зацѣлуютъ васъ и возобновятъ разспросы.

Послѣполуденное время кое-какъ дотянулось; миледи съ миссъ Рахилью пріѣхали.

Нечего и говорить, какъ удивились онѣ, узнавъ о прибытіи мистера Франклина Блека и вторичномъ отъѣздѣ его верхомъ. Нечего также говорить, что онѣ тотчасъ же засыпали меня неумѣстными вопросами, а „иностранныя дѣла“ и „сонъ на солнечномъ припекѣ“ для *них*-то ужь не годились. Изобрѣтательность моя истощилась, и я могъ только сказать, что прибытіе мистера Франклина съ утреннимъ поѣздомъ надо приписать единственно одной изъ его причудъ. Будучи вслѣдъ за тѣмъ спрошенъ, неужели отъѣздъ его верхомъ былъ также причудой, я сказалъ: „точно такъ“ и, кажется, чистенько отдѣлался этимъ отвѣтомъ.

Преодолѣвъ затрудненія съ дамами, я встрѣтилъ еще больше затрудненій, воротясь въ свою комнату. Пришла Пенелопа, съ свойственною женщинамъ кротостью и врожденнымъ женскимъ любопытствомъ, за поцѣлуями и разспросами. На этотъ разъ она только желала услыхать отъ меня, что̀ такое сдѣлалось съ нашею младшею горничной, Розанной Сперманъ.

Оставивъ мистера Франклина со мной на зыбучихъ пескахъ, Розанна, повидимому, вернулась домой въ самомъ непонятномъ расположеніи духа. Она (если вѣрить Пенелопѣ) мѣнялась, какъ цвѣта радуги. Была весела безъ всякой причины и безпричинно грустна. Не переводя духу, засыпала сотней вопросовъ о мистерѣ Франклинѣ Блекѣ и тутъ же разсердилась на Пенелопу, какъ та смѣла подумать, чтобы заѣзжій джентльменъ могъ ее сколько-нибудь интересовать. Ее застали улыбающеюся и чертящею вензель мистера Франклина на крышкѣ рабочаго столика. Въ другой разъ ее застали въ слезахъ, смотрѣвшею въ зеркало на свое уродливое плечо. Не знавали ли они съ мистеромъ Франклиномъ другъ-друга до нынѣшняго дня? Невозможно! Не слыхали ли чего другъ о другѣ? Опять невозможно! Я готовъ бы засвидѣтельствовать неподдѣльность удивленія мистера Франклина въ то время, какъ дѣвушка уставилась на него глазами. Пенелопа готова была засвидѣтельствовать неподдѣльное любопытство, съ какимъ дѣвушка разспрашивала о

Digitized by Google

мистерѣ Франклинѣ. Наши переговоры, при такомъ способѣ веденія ихъ, тянулись довольно скучно, пока дочь моя не кончила ихъ, внезапно разразясь такимъ чудовищнымъ предположеніемъ, что я, кажется, отъ роду не слыхивалъ подобнаго.

— Батюшка, совершенно серіозно проговорила Пенелопа:— тутъ одна разгадка. Розанна съ перваго взгляда влюбилась въ мистера Франклина Блека!

Вы, конечно, слыхали о прелестныхъ молодыхъ леди, влюблявшихся съ перваго взгляда, и находили это довольно естественнымъ. Но горничная изъ исправительнаго дома, съ простымъ лицомъ и уродливымъ плечомъ, влюбляющаяся съ перваго взгляда въ джентльмена, пріѣхавшаго посѣтить ея госпожу,— найдите мнѣ, если можете, что-нибудь подъ пару этой нелѣпости въ любомъ изъ романовъ христіанскаго міра!

Я такъ хохоталъ, что у меня слезы текли по щекамъ. Пенелопа какъ-то странно огорчилась моимъ смѣхомъ.

— Никогда я не видывала васъ, батюшка, такимъ злымъ, кротко проговорила она и ушла.

Слова моей дѣвочки точно обдали меня холодною водой. Я взбѣсился на себя за то неловкое ощущеніе, съ которымъ выслушалъ ее, но ощущеніе все-таки было. Но перемѣнимъ матерію съ вашего позволенія. Мнѣ прискорбно, что я увлекся разказомъ, и не безъ причины, какъ вы увидите, прочитавъ немного далѣе.

Насталъ вечеръ, и вскорѣ послѣ звонка, извѣщавшаго о предъобѣденномъ туалетѣ, мистеръ Франклинъ вернулся изъ Фризингалла. Я самъ понесъ горячую воду въ его комнату, надѣясь, послѣ такой продолжительной отлучки, услышать что-нибудь новое. Но къ величайшему разочарованію моему (вѣроятно, такъ же и вашему), ничего не случилось. Онъ не встрѣчалъ Индѣйцевъ на пути своемъ — ни туда, ни обратно. Онъ сдалъ Лунный камень въ банкъ, обозначивъ его просто драгоцѣнностью высокой стоимости, и благополучно привезъ расписку въ его полученіи. Я пошелъ внизъ, находя, что все это какъ-то прозаично кончилось послѣ нашихъ утреннихъ тревогъ объ алмазѣ.

Какъ происходило свиданіе мистера Франклина съ его тетушкой и кузиной, этого я не знаю.

Я готовъ былъ бы заплатить за право служить въ тотъ день за столомъ. Но при моемъ положеніи въ домѣ, служить

Digitized by Google

за столомъ (кромѣ торжественныхъ семейныхъ празднествъ) значило бы ронять свое достоинство въ глазахъ прочей прислуги, а миледи и такъ уже считала меня весьма склоннымъ къ этому. Въ этотъ вечеръ вѣсти съ верхнихъ этажей дошли до меня отъ Пенелопы и выѣзднаго лакея. Пенелопа сообщила, что никогда не знавала еще за миссъ Рахилью такой заботливости о своей прическѣ и никогда не видывала ее такою веселою и прелестною, какъ въ то время, когда она пошла встрѣчать мистера Франклина въ гостиной. Лакей отрапортовалъ, что сохраненіе почтительной степенности въ присутствіи высшихъ и прислуживаніе мистеру Франклину Блеку за столомъ—двѣ вещи, до того трудно согласуемыя между собой, что въ его служебномъ поприщѣ не встрѣчалось еще ничего подобнаго. Вечеркомъ попозднѣе мы слышали ихъ игру и пѣніе дуэтовъ, причемъ мистеръ Франклинъ забиралъ высоко, а миссъ Рахиль еще выше, и миледи, едва поспѣвая за ними на фортепіано, словно въ скачкѣ чрезъ рвы и заборы, все-таки благополучно достигала цѣли. Дивно было и пріятно слушать эту музыку въ ночной тиши сквозь отворенныя окна на террасу. Еще позднѣе я принесъ мистеру Франклину вина и содовой воды въ курильную комнату и нашелъ, что миссъ Рахиль совершенно вытѣснила изъ его головы алмазъ. „Очаровательнѣйшая дѣвушка изъ всѣхъ видѣнныхъ мной по пріѣздѣ въ Англію“, вотъ все чего я могъ отъ него добиться, пытаясь навести разговоръ на болѣе серіозную тему.

Около полуночи я, по обычаю, пошелъ въ обходъ вокругъ дома, чтобы запереть всѣ двери, въ сопровожденіи своего помощника (лакея Самуила). Когда всѣ двери, кромѣ боковой на террасу, были заперты, я отпустилъ Самуила на покой и вышелъ подышать свѣжимъ воздухомъ на совъ грядущій.

Ночь была тихая, облачная, а мѣсяцъ во всей полнотѣ сіялъ на небѣ. На дворѣ до того все пріумолкло, что ко мнѣ, хотя очень слабо и глухо, по временамъ доносился ропотъ моря, когда прибой вздымался на песчаную отмель въ устьѣ нашей губы. Домъ стоялъ такъ, что терраса была въ тѣни его; но бѣлый свѣтъ луны ярко обдавалъ гравельную дорожку, огибавшую террасу сбоку. Поглядѣвъ сперва на небо, а потомъ и въ направленіи дорожки, я замѣтилъ

Digitized by Google

человѣческую тѣнь, отбрасываемую мѣсяцемъ далеко впередъ изъ-за угла дома.

Будучи старъ и хитеръ, я удержался отъ окрика. Но такъ какъ я, вмѣстѣ съ тѣмъ, къ несчастію, старъ и тяжеловатъ, то ноги измѣнили мнѣ на пескѣ. Прежде чѣмъ я успѣлъ внезапно прокрасться за уголъ дома, я услыхалъ торопливый бѣгъ болѣе легкихъ ногъ и, кажется, не одной пары. Пока я достигъ угла, бѣглецы исчезли въ кустарникѣ по ту сторону дорожки и скрылись изъ виду въ чащѣ деревьевъ и кустовъ той части сада. Изъ кустарниковъ они легко могли пробраться чрезъ рѣшетку на большую дорогу. Будь я лѣтъ на сорокъ помоложе, быть-можетъ, мнѣ удалось бы перехватить ихъ, прежде чѣмъ они выбрались бы изъ нашего обиталища. Но теперь я воротился за парою ногъ помоложе моихъ. Никого не безпокоя, мы съ Самуиломъ взяли по ружью и пошли въ обходъ около дома и по кустарникамъ. Удостовѣрясь, что въ нашихъ владѣніяхъ нѣтъ ни одного бродяги, мы вернулись назадъ. Переходя дорожку, на которой видѣлъ тѣнь, я въ первый разъ еще замѣтилъ свѣтленькую вещицу, лежащую въ свѣтѣ мѣсяца на пескѣ. Поднявъ ее, я увидалъ, что это стклянночка съ какою-то густою, пріятно пахучею жидкостью, черною, какъ чернила.

Я ничего не сказалъ Самуилу. Но вспомнивъ разказъ Пенелопы о фокусникахъ и чернильной лужицѣ въ горсти мальчика, я тотчасъ заподозрилъ, что потревожилъ трехъ Индѣйцевъ, шатавшихся вокругъ дома и занятыхъ развѣдками объ алмазѣ.

VIII.

Здѣсь я нахожу нужнымъ пріостановиться.

Вызывая собственныя воспоминанія, и въ помощь имъ справляясь съ дневникомъ Пенелопы, я считаю возможнымъ окинуть лишь бѣглымъ взглядомъ промежутокъ времени между пріѣздомъ мистера Франклина Блека и днемъ рожденія миссъ Рахили. Большею частію дни проходили безъ всякихъ событій, о которыхъ стоило бы упоминать. Итакъ, съ вашего позволенія и при помощи Пенелопы, я отмѣчу здѣсь только нѣкоторыя числа, предоставляя себѣ возобновить разказъ изо дня въ день, лишь только дойдемъ до той поры, когда Лунный камень сталъ главнѣйшею заботой всѣхъ домашнихъ.

Digitized by Google

Отговорясь такимъ образомъ, можно продолжать, начавъ, разумѣется, со стклянночки пріятно-пахучихъ чернилъ, найденной мною ночью на дорожкѣ. На слѣдующее утро (26-го числа) я показалъ мистеру Франклину эту шарлатанскую штуку и передалъ уже извѣстное вамъ. Онъ заключилъ, что Индѣйцы не только бродятъ около дома ради алмаза, но и въ самомъ дѣлѣ имѣютъ глупость вѣрить въ свое колдовство: онъ разумѣлъ подъ этимъ знакомъ на головѣ мальчика, наливанье чернилъ въ его горсть и надежду, что онъ увидитъ лица и вещи, недоступныя человѣческому глазу. Мистеръ Франклинъ сказалъ мнѣ, что и въ нашихъ странахъ, такъ же какъ на Востокѣ, есть люди, которые занимаются этимъ забавнымъ фокусъ-покусомъ (хотя и безъ чернилъ) и называютъ его французскимъ словомъ, значащимъ что-то въ родѣ яснаго зрѣнія.

— Повѣрьте, сказалъ мистеръ Франклинъ,—Индѣйцы убѣждены, что алмазъ хранится у насъ здѣсь; вотъ они и привели этого clairvoyant, чтобъ онъ показалъ имъ дорогу, еслибъ имъ удалось вчера пробраться въ домъ.

— Вы полагаете, что они возобновятъ попытку, сэръ? спросилъ я.

— Это будетъ зависѣть отъ того, что мальчикъ въ состояніи исполнить на самомъ дѣлѣ, сказалъ мистеръ Франклинъ.—Если онъ прозритъ алмазъ въ цѣлости за желѣзными запорами Фризингальскаго банка, то посѣщенія Индѣйцевъ не будутъ болѣе тревожить насъ до извѣстнаго времени; если же нѣтъ, не пройдетъ нѣсколькихъ ночей, какъ намъ представится еще случай подстеречь ихъ въ кустарникахъ.

Я съ полнѣйшимъ довѣріемъ сталъ выжидать этого случая, но, странная вещь, онъ не повторился. Сами ли фокусники развѣдали въ городѣ, что мистеръ Франклинъ былъ въ банкѣ, и вывели изъ этого свое заключеніе, или мальчикъ дѣйствительно видѣлъ гдѣ нибудь хранится алмазъ (чему, впрочемъ, туго вѣрится), или, наконецъ, было это простою случайностію; но дѣло въ томъ, что въ теченіе нѣсколькихъ недѣль до дня рожденія миссъ Рахили, ни тѣни Индѣйца не появлялось вблизи нашего дома. Фокусники пробавлялись себѣ по городу и въ окрестностяхъ своимъ ремесломъ, а мы съ мистеромъ Франклиномъ выжидали дальнѣйшихъ событій, остерегаясь встревожить мошенниковъ преждевременнымъ заявленіемъ нашихъ подозрѣній. Этимъ поведеніемъ

Digitized by Google

обѣихъ сторонъ ограничивается все, что пока слѣдовало сказать объ Индѣйцахъ.

Съ двадцать девятаго числа миссъ Рахиль съ мистеромъ Франклиномъ изобрѣли новый способъ убивать время, которое имъ иначе некуда было сбыть съ рукъ. По нѣкоторымъ причинамъ надо обратить особенное вниманіе на занятіе ихъ забавлявшее. Вы увидите, что оно имѣетъ нѣкоторую связь съ тѣмъ, что еще впереди.

Господамъ въ житейскомъ морѣ постоянно грозитъ подводный камень, — собственная ихъ праздность. Жизнь ихъ большею частію проходитъ въ поискахъ за какимъ-нибудь дѣломъ, и любопытно замѣтить при этомъ,—въ особенности если вкусъ ихъ направленъ на такъ-называемыя умственныя наслажденія,—какъ они слѣпо бросаются на самыя неопрятныя занятія. Изъ десяти разъ девять они ужь вѣрно что-нибудь или мучатъ, или портятъ, и при этомъ твердо увѣрены, что обогащаютъ свой умъ, тогда какъ въ сущности просто кутерьму подымаютъ во всемъ домѣ. Я видалъ, какъ они (леди, къ величайшему прискорбію, не хуже джентльменовъ) слоняются, напримѣръ, изо дня въ день съ пустыми коробочками отъ пилюль, ловятъ ящерицъ, таракановъ, пауковъ и лягушекъ, приносятъ ихъ домой и прокалываютъ несчастныхъ булавками или, безъ всякаго зазрѣнія совѣсти, кромсаютъ ихъ на кусочки. Вы застаете молодаго господина или молодую госпожу, разсматривающихъ въ увеличительное стекло выворочеккаго на изнанку паука, или встрѣчаете на лѣстницѣ лягушку, которая возвращается восвояси безъ головы, и когда вы дивитесь, что бы такое могла значить эта жестокая пачкотня, вамъ отвѣчаютъ, что молодой господинъ или молодая госпожа вошли во вкусъ естественныхъ наукъ. Или опять, иногда вы видите, какъ они оба вмѣстѣ по цѣлымъ часамъ портятъ превосходный цвѣтокъ остроконечнымъ инструментомъ, изъ-за тупаго желанія знать какъ онъ устроенъ. Что жь, если вы узнаете, цвѣтъ что ли будетъ лучше, или запахъ пріятнѣй станетъ? Да вотъ, подите! Бѣднажкамъ надо скоротать время, понимаете, просто время скоротать. Въ дѣтствѣ вы себѣ копались да пачкались въ грязи и дѣлали изъ нея пироги, а выросли, копаетесь да пачкаетесь въ наукѣ, разсѣкаете пауковъ, портите цвѣты. Въ обоихъ случаяхъ вся штука въ томъ, что пустой головушкѣ нечѣмъ заняться, а праз-

Digitized by Google

выхъ ручекокъ не къ чему приложить. И кончается оно тѣмъ, что вы мажетесь красками, а по всему дому вонь стоитъ; или держите головастиковъ въ стеклянномъ ящикѣ, полнехонькомъ грязной воды, отчего у всѣхъ домашнихъ нутро воротитъ, или откалываете и тамъ, и самъ, повсюду, обращики камней и засыпаете всю домашнюю провизію; или пачкаете себѣ пальцы при фотографическихъ опытахъ, съ безпощаднымъ велицепріятіемъ снимая всѣхъ и каждаго въ домѣ. Оно, конечно, зачастую и тяжеленько достается тѣмъ, кто дѣйствительно долженъ доставать себѣ пропитаніе, кому необходимо зарабатывать себѣ носильное платье, теплый кровъ и хлѣбъ насущный. Но сравните же самый тяжкій поденный трудъ, когда-либо выпадавшій вамъ, съ тою праздностію, что̀ портитъ цвѣты да сверлитъ желудки паукокъ, и благодарите свою счастливую звѣзду за то, что въ головѣ вашей есть нѣчто, о чемъ ей *надо* подумать, а на рукахъ то, что̀ *надо* исполнить.

Что касается мистера Франклина и миссъ Рахили, то я съ удовольствіемъ долженъ сказать, что они никого не истязали. Они просто посвятили себя произведенію кутерьмы, и, надо отдать имъ справедливость, испортили только одну дверь.

Всеобъемлющій геній мистера Франклина, копавшійся всюду, докопался до такъ-называемой имъ „декоративной живописи". Онъ сообщилъ намъ о своемъ изобрѣтеніи новаго состава для разведенія краски. Изъ чего составъ дѣлался, не знаю, но могу сказать въ двухъ словахъ, что̀ онъ самъ дѣлалъ: онъ вонялъ. Видя, что миссъ Рахили неймется, чтобы не набить руку въ новомъ процессѣ, мистеръ Франклинъ послалъ въ Лондонъ за матеріалами, смѣшалъ ихъ, отчего произошелъ такой запахъ, что даже случайно забредшія въ комнату собаки чихали; подвязалъ миссъ Рахили фартукъ съ передничкомъ и задалъ ей декоративную работу въ собственной ея маленькой гостиной, названной, по бѣдности англійскаго языка, „будуаромъ". Начали они со внутренней стороны двери. Мистеръ Франклинъ содралъ пемзой прекрасную лакировку дочиста и приготовилъ, по его словамъ, поверхность производства. Затѣмъ миссъ Рахиль, по его указаніямъ и при его помощи, покрыла эту поверхность арабесками и разными изображеніями: грифовъ, цвѣтовъ, птицъ, купидоновъ и тому подобнаго,

Digitized by Google

святыхъ съ рисунковъ знаменитаго италіянскаго живописца, имени котораго ужъ не припомню, — кажется, того самаго, что наполнилъ міръ своею *Дѣвой Маріей* и завелъ себѣ милаго дружка въ булочной. Работа эта была прекопотливая, и начкотня страшная. Но молодежь наша, повидимому, никогда не уставала за нею. Если не было прогулки верхомъ или пріема гостей, или стола, или пѣнія, то они ужъ тутъ-какъ-тутъ, голова съ головой, хлопочутъ словно пчелы, надъ порчей двери. Какой это поэтъ сказалъ, что у сатаны всегда найдется каверза для занятія праздныхъ рукъ? Еслибъ онъ былъ на моемъ мѣстѣ при этой семьѣ и видѣлъ бы миссъ Рахиль съ помазкомъ, а мистера Франклина съ составомъ, онъ не написалъ бы о нихъ ничего правдивѣе.

Слѣдующее число, стоящее отмѣтки, пришлось въ воскресенье 4-го іюня. Вечеромъ этого дня мы въ первый разъ еще обсуждали въ людской домашнее дѣльце, которое, подобно декораціи двери, имѣетъ связь съ тѣмъ что еще впереди. Видя съ какимъ удовольствіемъ мистеръ Франклинъ и миссъ Рахиль бывали вмѣстѣ и что это за славная парочка во всѣхъ отношеніяхъ, мы весьма естественно разчитывали, что они сойдутся въ своихъ воззрѣніяхъ и на другіе предметы, кромѣ украшеній для дверей. Нѣкоторые поговаривали, что лѣто еще не пройдетъ, какъ въ домѣ будетъ свадьба. Другіе (со мной во главѣ) допускали вѣроятность замужества миссъ Рахили; но мы сомнѣвались (по причинамъ, которыя сейчасъ будутъ изложены), чтобы женихомъ ея сдѣлался мистеръ Франклинъ Блекъ. Никто видѣвшій и слышавшій мистера Франклина не усомнился бы въ томъ, что онъ, съ своей стороны, положительно влюбленъ. Труднѣе было разгадать миссъ Рахиль. Позвольте мнѣ имѣть честь познакомить васъ съ нею; затѣмъ я предоставлю вамъ разгадать ее самимъ, если сумѣете.

Двадцать перваго іюня наступалъ восемнадцатый день рожденія нашей молодой леди. Если вамъ нравятся брюнетки (которыя въ большомъ свѣтѣ, какъ я слышу, въ послѣднее время вышли изъ моды) и если вы не питаете особенныхъ предразсудковъ въ пользу роста, я отвѣчаю за миссъ Рахиль, что она одна изъ самыхъ хорошенькихъ дѣвушекъ, вами виданныхъ. Маленькая, тоненькая, но вполнѣ стройная отъ головы до ногъ. Умному человѣку довольно бы взгля-

Digitized by Google

нуть на нее, когда она сидитъ или встаетъ, и въ особенности когда идетъ, для убѣжденія себя въ томъ, что грація всей ея фигуры (если смѣю такъ выразиться) въ ней самой, а не въ туалетѣ. Я не видывалъ волосъ чернѣе какъ у ней. Глаза имъ не уступали. Носъ, пожалуй, маловатъ. Ротъ и подбородокъ (по словамъ мистера Франклина) лакомые кусочки боговъ; а цвѣтъ ея лица (согласно съ тѣмъ же неопровержимымъ авторитетомъ) словно красное солнышко, только съ тѣмъ преимуществомъ, что всегда былъ въ лучшей исправности для желающихъ полюбоваться. Прибавьте къ предыдущему, что голову она держала прямѣе стрѣлы, съ поразительно-горделивымъ видомъ, что голосъ ея былъ звонкій, съ серебристымъ оттѣнкомъ, а улыбка такъ мило зачиналась въ глазахъ, еще не переходя на губы,—и вотъ вамъ портретъ ея, насколько я гораздъ рисовать, въ натуральной величинѣ!

Что̀ же сказать о ея наклонностяхъ? Ужели въ этомъ очаровательномъ лицѣ не было ни одного недостатка? Въ ней было ровно столько же недостатковъ, какъ и въ васъ самихъ, сударыня,—ни больше, ни меньше.

Говоря серіозно, милая, дорогая моя миссъ Рахиль, обладая бездною прелестей и очарованій, имѣла одинъ недостатокъ; строгое безпристрастіе заставляетъ меня въ этомъ сознаться. Отъ большинства своихъ сверстницъ она отличалась тѣмъ, что имѣла собственное мнѣніе и была такъ своенравна, что пренебрегала даже модами, если онѣ не соотвѣтствовали ея вкусамъ. Въ мелочахъ эта независимость была еще́ туда-сюда, но въ дѣлахъ важныхъ она (по мнѣнію миледи и моему собственному) далеконько заходила. Немногія женщины, даже и вдвое постарше ея, отличались такимъ сужденіемъ, какъ она; она никогда не просила совѣта, никогда не говорила заранѣе, что̀ хочетъ сдѣлать; ни къ кому не лѣзла съ тайнами и секретами, начиная съ матери. Въ важныхъ дѣлахъ и въ мелочахъ, съ людьми, которыхъ любила или ненавидѣла (и то и другое у ней выходило одинаково чистосердечно) миссъ Рахиль вела себя по-своему, довольствуясь собой во всѣхъ радостяхъ и печаляхъ своей жизни. Не разъ и не два слыхивалъ я, какъ миледи говорила, что „лучшій другъ Рахили и злѣйшій врагъ ея — сама Рахиль“. Еще одно слово, и я кончу. При всей ея замкнутости, при всемъ своенравіи, въ ней не было ни тѣни

Digitized by Google

какой-нибудь фальши. Я не помню, чтобъ она когда-нибудь не сдержала слова; не помню, чтобъ она когда-нибудь сказала: нѣтъ, думая: да. Мнѣ припоминается изъ ея дѣтства множество случаевъ, при которыхъ добренькое сердечко ея принимало на себя выговоры и переносило наказаніе за какую-нибудь вину любимой подруги. Никто не запомнитъ, чтобъ она созналась въ этомъ, когда дѣло разъяснялось, и ее снова тянули къ отвѣту; но никто не запомнитъ и того, чтобъ она когда-нибудь лгала. Она глядѣла вамъ прямо въ лицо, качала упрямою головкой и просто говорила: „не скажу!“ Если ее опять наказывали за это, она сознавалась, что сожалѣетъ объ этихъ словахъ; но, несмотря на хлѣбъ и на воду, все-таки не говорила. Своенравна, чертовски своенравна подъ часъ, признаюсь въ этомъ; но все-таки прелестнѣйшее созданіе, когда-либо встрѣчавшееся мнѣ на жизненномъ пути въ сей юдоли. Быть-можетъ, вы полагаете, что здѣсь есть противорѣчіе? Въ такомъ случаѣ позвольте вамъ сказать на ушко. Въ слѣдующіе двадцать четыре часа изучите повнимательнѣе вашу супругу. Если въ теченіе этого времени добрая леди не выкажетъ чего-нибудь въ родѣ противорѣчія, Боже упаси васъ! Вы женились на чудовищѣ.

Теперь, когда я познакомилъ васъ съ миссъ Рахилью, мы какъ разъ на пути къ вопросу о супружескихъ видахъ этой молодой леди.

12-го іюня госпожа моя послала въ Лондонъ одному джентльмену приглашеніе пріѣхать провести здѣсь день рожденія миссъ Рахили. Вотъ этому-то счастливому смертному, какъ я полагалъ, и было отдано ея сердце. Подобно мистеру Франклину, онъ доводился ей двоюроднымъ. Звали его мистеръ Годфрей Абльвайтъ.

Вторая сестра миледи (не бойтесь, на этотъ разъ мы не слишкомъ погрузимся въ семейныя дѣла), — вторая сестра миледи, говорю я, обманулась въ любви, а въ послѣдствіи, выйдя замужъ очертя голову, сдѣлала такъ - называемый mésalliance. Страшная суматоха поднялась въ семьѣ, когда высокородная Каролина стала на своемъ, чтобы выйдти просто за мистера Абльвайта, фризингальскаго банкира. Онъ былъ очень богатъ, весьма добродушенъ и произвелъ на свѣтъ поразительно большое семейство, — все это пока въ его пользу. Но онъ пожелалъ возвыситься изъ скромнаго положенія въ свѣтѣ,—и это обратилось противъ него. Впро-

Digitized by Google

чемъ, время и успѣхи современнаго просвѣщенія поправили дѣло; и къ этому mésaillance понемножку присмотрѣлись. Мы теперь поголовно либеральничаемъ; и (лишь бы могъ я васъ царапнуть, когда вы меня царапнете) какое мнѣ дѣло, въ парламентѣ вы или нѣтъ, мусорщикъ вы или герцогъ? Вотъ современная точка зрѣнія, а я придерживаюсь современности. Абльвайты жили въ прекрасномъ домѣ съ большою землей, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Фризингалла. Предостойные люди, весьма уважаемые во всемъ околоткѣ. Они не слишкомъ обезпокоятъ насъ на этихъ страницахъ, за исключеніемъ мистера Годфрея, втораго сына мистера Абльвайта, который, съ вашего позволенія, займетъ здѣсь надлежащее мѣсто ради миссъ Рахили. При всемъ блескѣ, умѣ и прочихъ качествахъ мистера Франклина, шансы его относительно первенствованія надъ мистеромъ Годфреемъ во мнѣніи молодой леди, по-моему, были весьма плохи.

Вопервыхъ, мистеръ Годфрей превосходилъ его ростомъ. Онъ былъ свыше шести футовъ; цвѣтъ кожи бѣлый, румяный; гладкое, круглое лицо всегда выбрито, словно ладонь; цѣлая масса чудныхъ, длинныхъ волосъ льнянаго цвѣта небрежно закинутыхъ на затылокъ. Но зачѣмъ я стараюсь описать его личность? Если вы когда-нибудь подписывались въ обществѣ дамскаго милосердія въ Лондонѣ, такъ вы не хуже меня знаете мистера Годфрея Абльвайта. Онъ былъ законовѣдъ по профессіи, дамскій угодникъ по темпераменту, и добрый Самарянинъ по собственному избранію. Женская благотворительность и женская нищета ничего бы не подѣлали безъ него. Материнскія общества заключенія бѣдныхъ женщинъ, Магдалинины общества спасенія бѣдныхъ женщинъ, хитроумныя общества помѣщенія бѣдныхъ женщинъ на должности бѣдныхъ мущинъ и предоставленія послѣднимъ самимъ о себѣ заботиться,—всѣ считали его вице-президентомъ, экономомъ, докладчикомъ. Гдѣ только столъ съ женскимъ комитетомъ, держащимъ совѣтъ, тамъ и мистеръ Абльвайтъ со шляпой въ рукѣ сдерживаетъ пылъ собранія и ведетъ бѣдняжекъ по терніямъ дѣловой тропинки. Мнѣ кажется, что это былъ совершеннѣйшій изъ филантроповъ (съ небольшимъ состояніемъ), какихъ когда-либо производила Англія. Изъ спикеровъ на митингамъ милосердія не легко было найдти ему ровню по умѣнью выжать слезы и деньги. Онъ былъ вполнѣ общественный дѣятель. Въ послѣднюю

Digitized by Google

побывку мою въ Лондонѣ, миледи дала мнѣ два билета. Она отпустила меня въ театръ посмотрѣть на танцовщицу, производившую фуроръ, и въ Экстеръ-Галлъ послушать мистера Годфрея. Артистка исполняла свое съ оркестромъ музыки. Джентльменъ исполнялъ свое съ носовымъ платкомъ и стаканомъ воды. Давка на представленіи ногами. То же самое на представленіи языкомъ. И при всемъ томъ добродушнѣйшее существо (я разумѣю мистера Годфрея), простѣйшій и милѣйшій человѣкъ изъ всѣхъ вами виданныхъ. Онъ всѣхъ любилъ и всѣ *его* любили. Какіе же могъ имѣть шансы мистеръ Франклинъ,—да и вообще кто бы то ни было, при самой лучшей репутаціи и способностяхъ,—противъ такого человѣка?

Четырнадцатаго числа отъ мистера Годфрея полученъ отвѣтъ.

Онъ принималъ приглашеніе миледи съ середы (дня рожденія) и до вечера пятницы, когда обязанности по женскому милосердію заставятъ его вернуться въ городъ. Въ письмѣ были и стихи на торжество, которое онъ такъ изысканно назвалъ днемъ „происхожденія на свѣтъ“ своей кузины. Мнѣ передавали, что миссъ Рахиль, присоединясь къ мистеру Франклину, смѣялась надъ этими стихами за обѣдомъ, и Пенелопа, будучи на сторонѣ мистера Франклина, съ торжествомъ задала мнѣ вопросъ, что̀ я объ этомъ думаю.

— Миссъ Рахиль такъ провела васъ, что *ты*, душечка, можетъ-быть, и не разберешь чѣмъ тутъ пахнетъ, отвѣтилъ я. Но *мой* носъ не такъ податливъ. Подожди, что̀ будетъ, когда, вслѣдъ за стихами мистера Абльвайта, явится самъ мистеръ Абльвайтъ.

Дочь моя возразила, что мистеръ Франклинъ можетъ еще пріударить и попытать счастья прежде чѣмъ за стихами прибудетъ самъ поэтъ. Въ пользу этого воззрѣнія, надо сознаться, говорило то, что не было такого средства, котораго бы мистеръ Франклинъ не испробовалъ, чтобы добиться благосклонности миссъ Рахили. Будучи однимъ изъ самыхъ закоснѣлыхъ курильщиковъ, которые мнѣ попадались, онъ отказался отъ сигары, потому что она сказала разъ, что терпѣть не можетъ ея запаха, которымъ продушено его платье. Послѣ такой самоотверженной попытки онъ такъ дурно спалъ, за лишеніемъ привычнаго, успокоительнаго дѣйствія табаку, и каждое утро являлся такимъ растерянно-измученнымъ, что миссъ

Digitized by Google

Рахиль сама просила его приняться за сигары. Такъ нѣтъ! Онъ ужь не примется болѣе за то, что̀ доставляетъ ей хоть минутное неудовольствіе; онъ рѣшился побороть привычку и рано или поздно возвратить себѣ сонъ одной силою терпѣливаго выжиданья. Подобная преданность, скажете вы (какъ внизу нѣкоторые и говорили), не могла не произвесть надлежащаго дѣйствія на миссъ Рахиль, преданность, подогрѣваемая къ тому же ежедневными декоративными работами надъ дверью. Все такъ, но у нея въ спальнѣ былъ фотографическій портретъ мистера Годфрея, представленнаго говорящимъ рѣчь на публичномъ митингѣ, причемъ вся фигура его являлась погашенною дыханіемъ собственнаго краснорѣчія, а глаза самымъ восхитительнымъ образомъ такъ и выколдовывали деньги изъ вашего кармана. Что̀ вы на это скажете? Каждое утро, какъ говорила мнѣ Пенелопа, нарисованный мущина, столь замѣтный для прекраснаго пола, смотрѣлъ какъ Рахиль чесала свои волосы. Мое мнѣніе таково, что онъ гораздо лучше пожелалъ бы смотрѣть на это не картиной, а живымъ человѣкомъ.

Шестнадцатаго іюня случилось, нѣчто повернувшее шансы мистера Франклина, на мой взглядъ, еще хуже прежняго.

Въ это утро пріѣхалъ какой-то джентльменъ, иностранецъ, говорящій по-англійски съ чуждымъ акцентомъ, и желалъ видѣть мистера Франклина Блека по дѣлу. Дѣло это никоимъ образомъ не могло касаться алмаза, по тѣмъ двумъ причинамъ, что, вопервыхъ, мистеръ Франклинъ мнѣ ничего не сказалъ, а вовторыхъ, онъ (по отъѣздѣ чужестранца) сообщилъ что-то миледи. Она, вѣроятно, кое-что намекнула объ этомъ дочери. Какъ бы то ни было, разказывали, что миссъ Рахиль въ тотъ вечеръ, сидя за фортепіано, строго выговаривала мистеру Франклину насчетъ людей, среди которыхъ жилъ, и принциповъ, усвоенныхъ имъ въ чужихъ краяхъ. На другой день, въ первый разъ еще, декорація двери ни на шагъ не подвинулась. Я подозрѣваю, что какая-нибудь неосторожность мистера Франклина на континентѣ,—касательно женщины или долговъ,—преслѣдовала его и въ Англіи. Но все это лишь догадки. Въ этомъ случаѣ не только мистеръ Франклинъ, но, къ удивленію моему, и миледи оставили меня въ невѣдѣніи.

Семнадцатаго числа тучи, повидимому, снова разсѣялись. Мистеръ Франклинъ и миссъ Рахиль вернулись къ декоративнымъ работамъ и казались попрежнему друзьями.

Digitized by Google

Если вѣрить Пенелопѣ, то мистеръ Франклинъ воспользовался примиреніемъ, чтобы сдѣлать миссъ Рахили предложеніе, и не получилъ ни согласія, ни отказа. Дочь моя была убѣждена (по нѣкоторымъ признакамъ, которые передавать нахожу излишнимъ), что молодая госпожа отклонила предложеніе мистера Франклина, отказываясь вѣрить серіозности этого предложенія, а потомъ сама втайнѣ сожалѣла, что обошлась съ нимъ такимъ образомъ. Хотя Пенелопа пользовалась большею фамиліарностію у своей молодой госпожи нежели горничныя вообще,такъ какъ обѣ съ дѣтства почти вмѣстѣ воспитывались,—все же я слишкомъ хорошо зналъ сдержанный характеръ миссъ Рахили, чтобы повѣрить, будто она выказала кому-нибудь свой образъ мыслей. Сказанное мнѣ дочерью въ настоящемъ случаѣ было, сдается мнѣ, скорѣе тѣмъ, чего ей желалось, нежели дѣйствительно извѣстнымъ ей фактомъ.

Девятнадцатаго числа случилось новое происшествіе. Пріѣзжалъ докторъ. Его требовали для прописанія рецепта одной особѣ, которую я имѣлъ случай представить вамъ на этихъ страницахъ,—именно второй горничной, Розаннѣ Спермaнъ.

Бѣдняжка, озадачивъ меня, какъ вамъ извѣстно уже, на зыбучихъ пескахъ, не разъ озадачивала меня въ теченіе описываемаго мною времени. Пенелопино мнѣніе, будто бы ея подруга влюбилась въ мистера Франклина (мнѣніе это дочь моя, по моему приказу, держала въ строжайшей тайнѣ), казалось мнѣ попрежнему нелѣпымъ. Но должно сознаться, что кое-что, замѣченное мной и дочерью въ поведеніи второй горничной, становилось по крайней мѣрѣ загадочнымъ. Напримѣръ, эта дѣвушка постоянно искала встрѣчи съ мистеромъ Франкликомъ, тихо и спокойно, но тѣмъ не менѣе постоянно. Онъ не болѣе обращалъ на нее вниманія, чѣмъ на кошку: казалось, онъ не затратилъ ни одного взгляда на простодушное лицо Розанны. А у бѣдняжки все-таки пропалъ аппетитъ, и по утрамъ въ глазахъ ея выступали явные признаки безсонницы и слезъ. Разъ Пенелопа сдѣлала пренеловкое открытіе, которое мы тутъ же и замяли. Она застала Розанну у туалетнаго стола мистера Франклина въ то время, какъ та украдкой вынимала розу, подаренную ему миссъ Рахилью для ношенія въ петличкѣ, и замѣняла ее другою, совершенно схожею, но сорванною собственноручно. Послѣ того она раза два отвѣчала дерзостями на мой

Digitized by Google

благонамѣренный и весьма общій намекъ, чтобъ она была заботливѣе относительно своего поведенія; и что̀ еще хуже, она была не слишкомъ почтительна и въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда съ ней заговаривала сама миссъ Рахиль. Миледи замѣтила эту перемѣну и спросила меня, что̀ я объ этомъ думаю. Я старался покрыть бѣдняжку, отвѣтивъ, что она, по моему мнѣнію, просто нездорова; кончилось тѣмъ, что девятнадцатаго, какъ я уже сказалъ, послали за докторомъ. Онъ сказалъ, что это нервы, и сомнѣвался въ ея годности къ службѣ. Миледи предложила ей испробовать перемѣну воздуха на одной изъ нашихъ дальнихъ фермъ. Та со слезами на глазахъ упрашивала, чтобъ ей позволили остаться, и я, въ недобрый часъ, посовѣтовалъ миледи испытать ее еще нѣсколько времени. Какъ показали дальнѣйшія происшествія, и какъ вы сами скоро увидите, это былъ худшій изъ всѣхъ возможныхъ совѣтовъ. Еслибъ я могъ хоть крошечку заглянуть въ будущее, я тутъ же собственноручно вывелъ бы Розанну Спермавъ изъ дому.

Двадцатаго получена записка отъ мистера Годфрея. Онъ располагалъ сегодня ночевать въ Фризингаллѣ, имѣя надобность посовѣтоваться съ отцомъ объ одномъ дѣлѣ. А завтра послѣ полудня онъ съ двумя старшими сестрами пріѣдетъ верхомъ къ обѣду. При запискѣ былъ изящный фарфоровый ларчикъ, презентованный миссъ Рахили отъ любящаго кузена съ пожеланіемъ всего лучшаго. Мистеръ Франклинъ подарилъ ей просто браслетъ, не стоившій и половины того, что̀ стоилъ ларчикъ. А Пенелопа тѣмъ не менѣе,— таково женское упрямство,—все пророчила ему успѣхъ.

Слава Богу, наконецъ-то мы дошли до канунa дня рожденія! Надѣюсь, вы признаете, что я на этотъ разъ не слишкомъ уклонялся отъ прямаго пути. Радуйтесь! Я облегчу васъ въ слѣдующей главѣ, и, что̀ еще важнѣе, глава эта введетъ васъ въ самую глубь исторіи.

IX.

21-го іюня, въ день рожденія миссъ Рахили, погода, съ утра пасмурная и перемѣнчивая, къ полудню разгулялась, и солнце выглянуло во всей красѣ.

Этотъ торжественный праздникъ начинался у насъ обыкновенно тѣмъ, что всѣ слуги подносили свои маленькіе

Digitized by Google

подарки миссъ Рахили, причемъ я, какъ глава ихъ, каждый годъ произносилъ приличный торжеству спичъ. Я рѣшился разъ навсегда держаться методы нашей королевы при открытіи парламента, а именно, изъ году въ годъ аккуратно повторять одно и то же. Спичъ мой (подобно королевскому) обыкновенно возбуждалъ самыя нетерпѣливыя ожиданія, какъ нѣчто новое и доселѣ неслыханное. Но какъ скоро я его произносилъ, обманутые слушатели, хоть и ворчали немножко, но затѣмъ снова начинали питать надежду, что въ будущемъ году имъ придется услыхать что-нибудь поновѣе и поинтереснѣе. Не слѣдуетъ ли изъ этого, что и въ парламентѣ, и на кухнѣ англійскій народъ не взыскателенъ, и что управлять имъ вовсе не трудно?

Послѣ завтрака я имѣлъ съ мистеромъ Франкликомъ тайное совѣщаніе по поводу Луннаго камня, такъ какъ наступало, наконецъ, время вынуть его изъ Фризингальскаго банка и вручить самой миссъ Рахили.

Пробовалъ ли мистеръ Франклинъ еще разъ приволокнуться за своею двоюродною сестрицей, но потерпѣлъ при этомъ пораженіе, или виновата была его безсонница, которая съ каждымъ днемъ увеличивала странныя противорѣчія и нерѣшительность его характера,—не знаю; только онъ показалъ себя въ это утро въ самомъ невыгодномъ свѣтѣ. Онъ ежеминутно измѣнялъ свои намѣренія насчетъ алмаза. Что же до меня касается, то я держался простыхъ фактовъ, не давая воли своему воображенію. За все это время не случилось ни малѣйшаго обстоятельства, которое давало бы намъ поводъ тревожить миледи открытіями объ алмазѣ; слѣдовательно и мистеръ Франклинъ не имѣлъ никакого права уклоняться отъ принятаго имъ на себя обязательства передать завѣщанный подарокъ въ руки своей двоюродной сестры. Таковъ былъ мой взглядъ на дѣло, и какъ ни переиначивалъ его мистеръ Франклинъ, а подъ конецъ онъ все-таки вынужденъ былъ со мной согласиться. Мы порѣшили, что послѣ полдника онъ поѣдетъ въ Фризингаллъ и вернется оттуда съ алмазомъ, вѣроятно, въ обществѣ мистера Годфрея и двухъ его сестеръ.

Уговорившись со мной на этотъ счетъ, нашъ молодой джентльменъ отправился къ миссъ Рахили.

Цѣлое утро и нѣкоторую часть дня провозились они за разрисовкой двери, при участіи Пенелопы, которая, стоя

Digitized by Google

тутъ же по ихъ приказанію, терла и мѣшала краски, между тѣмъ какъ миледи, по мѣрѣ приближенія полдника, то входила къ нимъ, то уходила вонъ, зажимая носъ платкомъ (отъ нестерпимаго запаха, распространяемаго составомъ мистера Франклина) и тщетно пытаясь оторвать артистовъ отъ ихъ работы. Наконецъ, въ три часа они сняли свои передники, отпустили Пенелопу (которой больше всѣхъ досталось отъ состава) и смыли съ себя всю эту пачкотню. Цѣль была достигнута, дверь готова, и молодые люди гордились своимъ произведеніемъ. И въ самомъ дѣлѣ, прелестное зрѣлище представляли эти грифы, купидоны и прочія изображенныя на двери существа; но ихъ было такъ много, они были такъ перепутаны цвѣтами и девизами, имѣли такія ненатуральныя позы, что даже часъ спустя послѣ созерцанія всѣхъ этихъ прелестей, не было никакой возможности выбросить ихъ изъ головы. Если я прибавлю сверхъ того, что по окончаніи этой утренней возни Пенелопу стошнило въ задней кухнѣ, то вы не подумайте, пожалуста, что я хочу компрометтировать составъ. Ей-ей, нисколько! Вопервыхъ, высохши, онъ пересталъ распространять зловоніе, а вовторыхъ, ужь если искусство немыслимо безъ подобныхъ жертвъ, то воздадимъ ему должное, хотя бы отъ этого пострадала и моя родная дочь.

Закусивъ на скорую руку, мистеръ Франклинъ уѣхалъ въ Фризингаллъ, чтобы привезти оттуда своихъ кузинъ, какъ объявилъ онъ миледи, въ сущности же для того чтобы вынуть изъ банка Лунный камень.

Въ виду предстоявшаго торжественнаго обѣда, на которомъ, въ качествѣ главнаго буфетчика, я долженъ былъ наблюдать за сервировкой стола, мнѣ еще о многомъ предстояло подумать и позаботиться до возвращенія мистера Франклина. Сначала я приготовилъ вино; потомъ, сдѣлавъ смотръ своей мужской и женской командѣ, которая должна была служить за обѣдомъ, я удалился къ себѣ, чтобы собраться съ мыслями и запастись бодростью духа для пріема гостей. Для этого мнѣ стоило только затянуться разокъ-другой,—сами знаете: чѣмъ?—да заглянуть въ извѣстную книгу, о которой я уже имѣлъ случай упоминать выше, и я почувствовалъ полное душевное и тѣлесное спокойствіе. Раздавшійся на дворѣ топотъ лошадиныхъ копытъ внезапно пробудилъ меня, не то чтобъ отъ сна, но скорѣе отъ

Digitized by Google

раздумья, и я выбѣжалъ встрѣчать кавалькаду, состоявшую изъ мистера Франклина, его двоюроднаго брата мистера Годфрея и двухъ сестеръ послѣдняго, сопровождаемыхъ однимъ изъ грумовъ стараго мистера Абльвайта. Я былъ чрезвычайно пораженъ, увидавъ, что мистеръ Годфрей, подобно мистеру Франклину, не въ своей тарелкѣ. Правда, онъ, по обыкновенію, дружески пожалъ мнѣ руку и даже выразилъ удовольствіе видѣть своего стараго пріятеля Бетереджа въ добромъ здоровьи. Однако его озабоченный видъ оставался для меня загадкой, а на вопросъ мой о здоровьи его батюшки онъ отрывисто отвѣчалъ: „Попрежнему, Бетереджъ, попрежнему". За то обѣ миссъ Абльвайтъ были веселы за десятерыхъ и вполнѣ возстановляли нарушенное равновѣсіе. Почти одного роста съ своимъ братомъ, эти дюжія, желтоволосыя, краснощекія дѣвицы поражали изобыткомъ мяса и крови, здоровья и чрезмѣрной веселости. Когда бѣдныя лошади, шатаясь отъ усталости, подтащили ихъ къ крыльцу, барышни (безъ чужой помощи) сами соскочили съ сѣделъ, и подпрыгнули на землѣ словно пара резиновыхъ мячиковъ. Каждому ихъ слову предшествовало протяжное „о-о!" каждое движеніе ихъ непремѣнно сопровождалось шумомъ, и онѣ кстати и не кстати хихикали, ахали и тараторили. Я прозвалъ ихъ трещотками.

Пользуясь шумомъ, производимымъ молодыми дѣвицами, я имѣлъ возможность незамѣтно перешепнуться въ прихожей съ мистеромъ Франклиномъ.

— Съ вами ли алмазъ, сэръ? спросилъ я.

Онъ кивнулъ мнѣ головой и ударилъ себя по боковому карману сюртука.

— А Индѣйцы? Не попадались ли гдѣ?

— Какъ въ воду канули.

Затѣмъ онъ спросилъ гдѣ миледи, и узнавъ, что она въ маленькой гостиной, тотчасъ же отправился къ ней. Но не прошло и минуты, какъ изъ гостиной раздался звонокъ, и Пенелопу послали доложить миссъ Рахили, что мистеръ Франклинъ Блекъ желаетъ о чемъ-то говорить съ ней. Проходя чрезъ столовую полчаса спустя, я остановился какъ вкопанный, услыхавъ внезапный взрывъ восклицаній нестихся изъ маленькой гостиной. Не могу сказать, чтобъ это обстоятельство встревожило меня, потому что посреди шума я тотчасъ же различилъ неизмѣнное протяжное „о-о" обѣихъ

Digitized by Google

миссъ Абльвайтъ. Однако (подъ предлогомъ полученія необходимыхъ инструкцій насчетъ обѣда) я взошелъ въ комнату, чтобъ удостовѣриться, не произошло ли и въ самомъ дѣлѣ чего-нибудь серіознаго.

Миссъ Рахиль стояла у стола какъ очарованная, держа въ рукахъ злосчастный алмазъ полковника. Трещотки помѣщались подлѣ нея на колѣняхъ, пожирая глазами драгоцѣнный камень и восторженно ахая, всякій разъ какъ онъ сверкалъ имъ въ глаза новыми разноцвѣтными огнями. На противоположномъ концѣ стола мистеръ Годфрей, какъ взрослый ребенокъ, восторженно всплескивалъ руками, тихо повторяя своимъ пѣвучимъ голосомъ: „Какъ хорошъ! Какъ очарователенъ!“ А мистеръ Франклинъ, сидя около книжнаго шкафа, пощипывалъ свою бороду и тревожно посматривалъ на окно, у котораго стоялъ предметъ его наблюденій—сама миледи, спиной ко всему обществу, и съ завѣщаніемъ полковника въ рукахъ. Когда я подошелъ къ ней за приказаніями, она обернулась; лобъ ея былъ наморщенъ, ротъ судорожно подергивался, и я тотчасъ же узналъ фамильныя черты.

— Зайдите чрезъ полчаса въ мою комнату, отвѣчала она.— Мнѣ нужно сказать вамъ кое-что; и съ этими словами она вышла изъ гостиной. Очевидно было, что миледи находилась въ томъ же затрудненіи, въ какомъ находились и мы съ мистеромъ Франклиномъ во время бесѣды нашей на пескахъ. Она сама не умѣла опредѣлить, слѣдовало ли ей упрекать себя за несправедливость и жестокость относительно брата, или наоборотъ видѣть въ немъ злѣйшаго и мстительнѣйшаго изъ людей? Между тѣмъ какъ она пыталась разрѣшить эти два серіозные вопроса, дочь ея, не посвященная въ тайну семейныхъ раздоровъ, уже держала въ своихъ рукахъ подарокъ дяди.

Только что хотѣлъ я въ свою очередь выйдти изъ комнаты, какъ меня остановила миссъ Рахиль, всегда столь внимательная къ своему старому слугѣ, который зналъ ее съ самаго дня ея рожденія.

— Взгляните-ка сюда, Габріель, сказала она, сверкнувъ предо мной на солнцѣ своимъ драгоцѣннымъ алмазомъ.

Господи помилуй! Ужь это и впрямь былъ алмазъ! почти съ яйцо ржанки! Блескъ его уподоблялся свѣту луны во время ущерба. Всматриваясь въ глубину камня, я чувство-

Digitized by Google

вали, что его желтоватая пучина неотразимо притягивала вашъ взоръ и затмевала собой все окружающее. Этотъ алмазъ, который легко можно было держать двумя пальцами, казался неизмѣримымъ, безконечнымъ какъ само небо. Мы положили его на солнцѣ, притворили ставни, и онъ странно заблисталъ въ темнотѣ своимъ луннымъ сіяніемъ. Не удивительно, что миссъ Рахиль была имъ очарована, и что кузины ея ахали. Алмазъ околдовалъ даже меня, такъ что и я, подобно трещоткамъ, разинулъ ротъ и испустилъ громкое „о-о!" Изъ всѣхъ насъ одинъ только мистеръ Годфрей сохранилъ свое спокойствіе. Держа своихъ сестеръ за таліи и сострадательно посматривая то на меня, то на алмазъ, онъ произнесъ наконецъ:

— А вѣдь это простой уголь, Бетереджъ, не болѣе какъ простой уголь, дружище!

Цѣль его, вѣроятно, была научить меня, но онъ только напомнилъ мнѣ о забытомъ обѣдѣ, и я заковылялъ поскорѣе внизъ къ своей командѣ. Я слышалъ какъ мистеръ Годфрей сказалъ мнѣ вслѣдъ: „Милый, старый Бетереджъ, я искренно его уважаю!" Удостоивая меня подобнымъ изъявленіемъ дружбы, онъ въ то же время обнималъ сестеръ своихъ и строилъ глазки миссъ Рахили. По истинѣ неисчерпаемый источникъ любви! Мистеръ Франклинъ въ сравненіи съ нимъ былъ настоящій дикарь.

По прошествіи получаса, я, по приказанію миледи, явился въ ея комнату.

Нашъ разговоръ на этотъ разъ былъ почти повтореніемъ моей бесѣды съ мистеромъ Франклиномъ на пескахъ, съ тою только разницей, что я ничего не сказалъ ей о фокусникахъ, не имѣя покамѣсть ни малѣйшаго повода тревожить ее на этотъ счетъ. Когда аудіенція кончилась, и миледи дала мнѣ позволеніе удалиться, я могъ замѣтить, по ея лицу, что она истолковала побужденія полковника въ самую дурную сторону и втайнѣ порѣшила воспользоваться первымъ удобнымъ случаемъ, чтобъ отнять у дочери Лунный камень.

Возвращаясь на свою половину, я повстрѣчалъ мистера Франклина, который освѣдомился у меня, не видалъ ли я кузины его, Рахили. И на мой отвѣтъ, что̀ я не видалъ ея, онъ пожелалъ узнать, не извѣстно ли мнѣ, по крайней мѣрѣ, куда дѣвался его двоюродный братъ Годфрей? Но я и на это не сумѣлъ отвѣчать ему удовлетворительно, хотя, по

Digitized by Google

правдѣ сказать, мнѣ начинало сдаваться, что двоюродный братецъ Годфрей былъ, по всей вѣроятности, не далеко отъ своей двоюродной сестрицы Рахили. Должно-быть, тѣ же подозрѣнія промелькнули и въ головѣ мистера Франклина, потому что онъ сильно щипнулъ себя за бороду, ушелъ въ библіотеку и громко хлопнулъ дверью, предоставляя мнѣ выводить изъ этого какія угодно заключенія.

Затѣмъ уже никто не отрывалъ меня отъ приготовленій къ обѣду, пока не наступило наконецъ время мнѣ самому принарядиться для пріема гостей. Не успѣлъ я надѣть свой бѣлый жилетъ, какъ въ комнату вбѣжала Пенелопа съ предложеніемъ причесать мои жиденькіе волосенки и завязать бантъ моего бѣлаго галстуха. Дочь моя была въ большомъ воодушевленіи, и я сейчасъ замѣтилъ, что она собирается что-то сообщить мнѣ. Поцѣловавъ меня въ лысину, она шепнула мнѣ:

— Новости, батюшка! Миссъ Рахиль ему отказала.

— Кому *ему*? спросилъ я.

— Да члену женскаго комитета, отвѣчала Пенелопа.—Прегадкое и прелукавое существо! Я ненавижу его за то, что онъ старается оттѣснить мистера Франклина!

Еслибъ я могъ свободно дохнуть въ эту минуту, то, вѣроятно, не допустилъ бы Пенелопу выражаться такъ непристойно о знаменитомъ филантропѣ; но дочь моя, какъ нарочно, повязывала мнѣ въ это время галстухъ, и вся сила ея ненависти къ мистеру Годфрею перешла въ ея пальцы. Въ жизнь мою еще никто не душилъ меня такимъ образомъ, и никогда не былъ я такъ близокъ къ опасности задохнуться.

— Я сама видѣла, какъ онъ повелъ ее въ цвѣтникъ, продолжала Пенелопа,—и притаившись за остролиственникомъ, стала ждать ихъ возвращенія. Отправились-то они подъ ручку и смѣючись, а возвратились уже врозь, нахмуренные, почти не глядя другъ на друга, такъ что не мудрено было догадаться, отчего они поссорились. Ужь никогда я такъ не торжествовала, батюшка, увѣряю васъ! Нашлась же наконецъ хоть одна женщина, которая можетъ устоять противъ мистера Годфрея Абльвайта, а будь *я* леди, то нашлась бы и другая!

Напрасно хотѣлъ я открыть ротъ, чтобы защитить филантропа. Дочь моя вооружилась теперь головною щеткой, и вся сила чувствъ ея устремилась на этотъ предметъ. Если вы сами плѣшивы, читатель, то вы, конечно, поймете, какъ

Digitized by Google

жестоко она меня исцарапала; если нѣтъ, то пропустите эти строки и возблагодарите Бога, что голова ваша еще защищена чѣмъ-нибудь отъ колючей щетины.

— Мистеръ Годфрей остановился какъ разъ на противоположной сторонѣ остролиственника, продолжала Пенелопа.—„Вы желаете, чтобъ я остался здѣсь, сказалъ онъ,—какъ будто между нами не произошло ничего особеннаго.“ Миссъ Рахиль повернулась къ нему съ быстротой молніи.—„Вы пріѣхали сюда по приглашенію мамаши, отвѣчала она,—и если не хотите чтобы вышелъ скандалъ, то, конечно, должны остаться.“ Однако, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ впередъ, она, повидимому, смягчилась.—„Забудемъ это, Годфрей, сказала она, подавая ему руку,—и сохранимъ наши прежнія родственныя отношенія.“ Онъ поцѣловалъ протянутую ему руку, что̀ я сочла за величайшую съ его стороны вольность, и затѣмъ миссъ Рахиль удалилась. Оставшись одинъ, мистеръ Годфрей понурилъ голову и съ минуту задумчиво выдавливалъ на пескѣ ямку, концомъ своего коблука. Нѣтъ, батюшка, вамъ навѣрное не приходилось никогда видѣть человѣка болѣе сконфуженнаго. „Неловко!“ проговорилъ онъ наконецъ сквозь зубы, поднимая голову и направляясь къ дому,—„весьма неловко!“ Если этими словами онъ выражалъ свое мнѣніе о себѣ, то я была съ нимъ совершенно согласна. А въ концѣ концовъ, вѣдь я-таки угадала, батюшка, воскликнула Пенелопа, въ послѣдній разъ изъ всѣхъ силъ царапнувъ меня щеткой по головѣ,—что побѣдителемъ-то вышелъ мистеръ Франклинъ.

Завладѣвъ наконецъ щеткой, я уже открылъ было ротъ, чтобы дать дочери хорошенькій нагоняй, который, вы согласитесь, читатель, она вполнѣ заслужила своими непристойными словами и поступками. Но не успѣлъ я вымолвить слова, какъ у подъѣзда раздался стукъ колесъ. Гости начинали съѣзжаться. Пенелопа тотчасъ же улизнула, а я надѣлъ свой фракъ и посмотрѣлся въ зеркало. Правда, голова моя была красна какъ у печенаго рака; но за то во всѣхъ другихъ отношеніяхъ туалетъ мой вполнѣ соотвѣтствовалъ предстоявшему пиршеству. Я во̀-время поспѣлъ въ прихожую, чтобы доложить о пріѣздѣ двухъ первыхъ гостей. То были, впрочемъ, неинтересныя личности — отецъ и мать знаменитаго филантропа, мистеръ и мистрисъ Абльвайтъ.

Digitized by Google

X.

Вслѣдъ за Абльвайтами стали съѣзжаться и остальные гости, пока не собралось наконецъ все общество, состоявшее, со включеніемъ самихъ хозяевъ, изъ 24 человѣкъ. Глазамъ представилось великолѣпное зрѣлище, когда всѣ усѣлись за обѣденнымъ столомъ, и приходскій священникъ изъ Фризингалла, вставъ съ своего мѣста, звучнымъ, внятнымъ голосомъ прочиталъ предобѣденную молитву. Нѣтъ никакой надобности утомлять васъ перечнемъ гостей. Ручаюсь вамъ, читатель, что вы не встрѣтите ихъ болѣе, по крайней мѣрѣ въ моей части разказа, за исключеніемъ двухъ лицъ.

Эти два лица сидѣли по правую и по лѣвую сторону отъ миссъ Рахили, которая, какъ царица праздника, была предметомъ всеобщаго вниманія. Но на этотъ разъ она исключительно обращала на себя всѣ взоры, потому что (къ тайному неудовольствію миледи) на ней сіялъ великолѣпный подарокъ дяди, затмившій собой всѣ остальные подарки. Лунный камень врученъ ей былъ безъ всякой оправы; но нашъ универсальный геній, мистеръ Франкливъ, ухитрился, съ помощью своихъ искусныхъ пальцевъ и небольшаго кусочка серебряной проволоки, приколоть его въ видѣ брошки на корсажѣ ея бѣлаго платья. Всѣ, конечно, удивлялись необыкновенной величинѣ и красотѣ алмаза. Но лишь два упомянутые гостя, сидѣвшіе по правую и по лѣвую руку отъ миссъ Рахили, говоря о немъ, не ограничились одними общими мѣстами. Гость, сидѣвшій слѣва, былъ мистеръ Канди, нашъ докторъ изъ Фризингалла.

Это былъ веселый, общительный человѣчекъ, имѣвшій, впрочемъ одинъ недостатокъ—восхищаться кстати и не кстати своими шуточками, и не ощупавъ напередъ почвы, опрометчиво пускаться въ разговоръ съ незнакомыми ему людьми.

Въ обществѣ онъ постоянно попадалъ въ просакъ и неумышленно стравливалъ между собой собесѣдниковъ. Но за то въ своей медицинской практикѣ онъ былъ гораздо искуснѣе, благодаря извѣстнаго рода инстинкту, который (по увѣренію его враговъ) всегда нашептывалъ ему безошибочное средство тамъ, гдѣ даже болѣе разсудительные медики оказывались несостоятельными. Все, сказанное имъ миссъ

Digitized by Google

Рахили по поводу алмаза, имѣло, по обыкновенію, оттѣнокъ шутки или мистификаціи. Онъ пресеріозно убѣждалъ ее (въ интересахъ науки) пожертвовать алмазомъ и позволить сжечь его.

— Сначала, миссъ Рахиль, говорилъ онъ,—мы подогрѣемъ его до извѣстнаго градуса теплоты, потомъ подвергнемъ его дѣйствію воздуха, и мало-по-малу,—пуфъ!—алмазъ нашъ испарится, и освободитъ васъ такимъ образомъ отъ непрестанныхъ заботъ о сохраненіи этой драгоцѣнности.

По встревоженному лицу миледи видно было, что ей и въ самомъ дѣлѣ хотѣлось принять слова доктора не за шутку, и что она была бы очень рада, еслибъ ему удалось вымаклить у миссъ Рахили ея великолѣпный подарокъ.

Другой гость, сидѣвшій по правую руку отъ новорожденной, былъ не кто иной какъ знаменитый индѣйскій путешественникъ, мистеръ Мартветъ, который, съ опасностью собственной жизни, проникалъ переодѣтый въ такія трущобы, куда не заглядывалъ до тѣхъ поръ ни одинъ Европеецъ. Это былъ смуглый, длинный, сухощавый и молчаливый джентльменъ; онъ отличался усталымъ видомъ и твердымъ, проницательнымъ взглядомъ. Говорили, что скучая однообразнымъ строемъ нашей общественной жизни, онъ жаждалъ новыхъ странствій по дикимъ пустынямъ Востока.

За исключеніемъ замѣчаній, сдѣланныхъ имъ миссъ Рахили по поводу алмаза, онъ въ продолженіе всего обѣда врядъ ли проронилъ шесть словъ и едва ли выпилъ стаканъ вина. Единственный интересъ на этомъ обѣдѣ представлялъ для него Лунный камень, о которомъ онъ, вѣроятно, слыхалъ во время своихъ странствій по Индіи. Послѣ долгихъ наблюденій надъ алмазомъ, наблюденій, до такой степени упорныхъ и пристальныхъ, что миссъ Рахиль начала наконецъ смущаться подъ его неотвязчивымъ взглядомъ, онъ сказалъ ей своимъ невозмутимо-спокойнымъ тономъ:

— Если вамъ когда-нибудь случится поѣхать въ Индію, миссъ Верендеръ, то не берите съ собой подарка вашего дядюшки. Индѣйскій алмазъ считается въ иныхъ мѣстахъ религіозною святыней. Еслибы вы явились въ этомъ нарядѣ въ одинъ извѣстный мнѣ городъ и въ находящійся въ немъ храмъ, то, безъ сомнѣнія, вамъ не дали бы прожить и пяти минутъ.

Миссъ Рахиль, сознавая себя безопасною въ Англіи, была въ восхищеніи отъ грозившей ей опасности въ Индіи. Трещотки были еще въ большемъ восторгѣ, и съ

Digitized by Google

шумомъ побросавъ ножи и вилки, неистово воскликнули въ одинъ голосъ: „Ахъ, какъ интересно!“ Миледи завертѣлась на своемъ стулѣ и перемѣнила разговоръ.

Между тѣмъ какъ обѣдъ подвигался впередъ, я начиналъ замѣчать, что праздникъ нашъ въ этомъ году былъ далеко не такъ удаченъ какъ въ прежніе годы.

Вспоминая теперь объ этомъ днѣ подъ впечатлѣніемъ дальнѣйшихъ событій, я почти готовъ вѣрить, что проклятый алмазъ набросилъ какое-то мрачное уныніе на все общество. Напрасно подчивалъ я всѣхъ виномъ и въ качествѣ привилегированнаго лица ходилъ вслѣдъ за самими кушаньями, конфиденціально нашептывая гостямъ: „Сдѣлайте милость, попринудьтесь немного и отвѣдайте этого блюда; я увѣренъ, что оно вамъ понравится.“ Правда, что девять разъ изъ десяти гости соглашались на мою просьбу, изъ снисхожденія къ старому оригиналу Бетереджу, какъ они говорили, но все было тщетно. Разговоръ не клеился, и иногда наступало такое продолжительное молчаніе, что мнѣ самому становилось неловко. Когда же прекращалась эта томительная тишина, то присутствовавшіе, въ простотѣ сердечной, заводили, будто нарочно, самые несообразные и нелѣпые разговоры. Напримѣръ, нашъ докторъ мистеръ Канди болѣе обыкновеннаго говорилъ невпопадъ. Вотъ вамъ образчикъ его разговора, изъ котораго вамъ легко будетъ понять, каково мнѣ было выносить все это, стоя за буфетомъ и прислуживая въ качествѣ человѣка, дорожившаго успѣхомъ праздника.

Въ числѣ присутствовавшихъ дамъ была одна достопочтенная мистрисъ Тредгаль, вдова профессора того же имени. Постоянно говоря о своемъ покойномъ супругѣ, эта достойная леди никогда не предупреждала незнакомыхъ ей лицъ, что мужъ ея уже умеръ, вѣроятно, въ той мысли, что всякій взрослый Англичанинъ долженъ былъ и самъ знать это. Случилось, что во время одной изъ наступившихъ паузъ кто-то завелъ сухой и неприличный разговоръ объ анатоміи человѣческаго тѣла; этого достаточно было, чтобы мистрисъ Тредгаль тотчасъ же впутала въ разговоръ своего покойнаго супруга, по обыкновенію не упомянувъ о томъ, что онъ умеръ. По ея словамъ, анатомія была любимымъ занятіемъ профессора въ его досужіе часы. Тутъ мистеръ Канди, какъ будто на зло сидѣвшій насупротивъ,

Digitized by Google

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

5196

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ,

издаваемый

М. Катковымъ.

ТОМЪ СЕМЬДЕСЯТЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

19

МОСКВА.
Въ Университетской Типографіи (Катковъ и К°).
На Страстномъ бульварѣ.
1868.

Digitized by Google

всѣхъ? Ни чуть не бывало! Хотя онъ и успѣлъ уже поуспокоиться немного, узнавъ, вѣроятно чрезъ Пенелопу, о пріемѣ сдѣланномъ мистеру Годфрею въ цвѣтникѣ, и вслѣдствіе этого былъ въ большомъ ударѣ, однако остроуміе его на этотъ разъ оказывалось безсильнымъ. Въ разговорахъ своихъ онъ или нападалъ на неудачные предметы, или обращался не къ тому, къ кому бы слѣдовало; кончилось тѣмъ, что иныхъ онъ задѣлъ за живое, и всѣхъ безъ исключенія озадачилъ. Это заморское воспитаніе его, о которомъ я упоминалъ выше, эти усвоенныя имъ своеобразныя черты французской, нѣмецкой, италіянской національностей, проявились въ самомъ яркомъ и поразительномъ видѣ за гостепріимнымъ столомъ миледи.

Что̀ вы скажете напримѣръ объ его блестящемъ, игривомъ, чисто-французскомъ остроуміи, съ которымъ онъ старался доказать дѣвствующей теткѣ фризингальскаго викарія насколько позволительно замужней женщинѣ увлекаться достоинствами посторонняго мущины, или какъ понравится вамъ его глубокомысленный, чисто-нѣмецкій отвѣтъ одному изъ значительныхъ землевладѣльцевъ Англіи, когда этотъ великій авторитетъ по части скотоводства вздумалъ было щегольнуть предъ нимъ своею опытностію въ дѣлѣ разведенія быковъ? Опытность тутъ ровно ничего не значитъ, замѣтилъ мистеръ Франклинъ, уступая на этотъ разъ нѣмецкимъ вліяніямъ:—„вѣрнѣйшее же средство для успѣшнаго разведенія быковъ—это углубиться въ самого себя, развить въ головѣ идею образцоваго быка и затѣмъ произвести его“. Но этимъ еще не кончилось. Когда на столѣ появился сыръ и салатъ, присутствовавшій за обѣдомъ членъ нашего графство, съ жаромъ ораторствуя о чрезмѣрномъ развитіи демократіи въ Англіи, разразился слѣдующими словами:

— Если мы пожертвуемъ древнѣйшими и самыми прочными основами нашего общественнаго быта, мистеръ Блекъ, что̀ же у насъ останется, я васъ спрашиваю, что̀ у насъ останется?

И какъ бы вы думали, что̀ отвѣчалъ на это мистеръ Франклинъ?

— У насъ останутся еще три вещи, сэръ, сказалъ онъ, быстро переходя на сторону своихъ италіянскихъ воззрѣній:—любовь, музыка и салатъ.

Digitized by Google

Казалось, этихъ выходокъ было достаточно, чтобы привести въ ужасъ всю публику, но мистеръ Франклинъ не проялся ими. Когда въ немъ, въ свою очередь, заговорилъ наконецъ истый Англичанинъ, куда исчезъ его заграничный лоскъ, куда дѣвалась его свѣтская мягкость обращенія?

Случайно коснувшись медицинской профессіи, онъ такъ безпощадно осмѣялъ всѣхъ докторовъ, что привелъ въ совершенную ярость маленькаго, добродушнаго мистера Канди.

Споръ между ними начался съ того, что мистеръ Франклинъ,—не помню по какому поводу,— сталъ жаловаться на безсонницу. Мистеръ Канди отнесъ это къ разстроеннымъ нервамъ и посовѣтовалъ ему немедленно приступить къ лѣченію; на что мистеръ Франклинъ возразилъ, что лѣчиться и бродить ощупью въ потьмахъ по его мнѣнію одно и то же. Мистеръ Канди, быстро отражая нападеніе, отвѣчалъ, что съ медицинской точки зрѣнія мистеръ Франклинъ дѣйствительно бродитъ въ потьмахъ, отыскивая свой утраченный сонъ, но что помочь ему въ этихъ поискахъ можетъ только медицина. Въ свою очередь парируя новый ударъ, мистеръ Франклинъ замѣтилъ, что хотя ему и часто приходилось слышать о слѣпцѣ, ведущемъ другаго слѣпца, однако истинное значеніе этихъ словъ становится ему ясно только въ настоящую минуту. Такъ продолжали они свои препиранія до тѣхъ поръ, пока оба не разгорячились, а особенно мистеръ Канди, который, отстаивая свою профессію, до того позабылся, что миледи вынуждена была вступиться и положить конецъ дальнѣйшему спору. Это необходимое вмѣшательство власти окончательно сковало общее веселье. Разговоръ возникалъ еще по временамъ то тамъ, то сямъ, но безъ всякаго одушевленія, безъ малѣйшей искры огня. Надъ обществомъ положительно тяготѣло вліяніе злаго духа, или, если хотите, алмаза, такъ что всѣ почувствовали облегченіе, когда хозяйка дома встала и тѣмъ подала знакъ всѣмъ дамамъ оставить мущинъ за виномъ.

Едва успѣлъ я разставить графины предъ старымъ мистеромъ Абльвайтомъ (представлявшимъ хозяина дома), какъ на террасѣ раздались звуки, которые до того меня поразили, что я мгновенно утратилъ свои ловкія свѣтскія манеры. Мы переглянулись съ мистеромъ Франклиномъ; это были звуки индѣйскаго барабана. Не сойдти мнѣ съ мѣста, если

Digitized by Google

къ нимъ не возвращались фокусники, по слѣдамъ Лунного камня!

Когда они показались изъ-за угла террасы, я заковылялъ къ нимъ навстрѣчу, чтобъ удалить ихъ. Но по несчастью, „трещотки“ опередили меня. Какъ двѣ ракеты, съ шумомъ и трескомъ вылетѣли онѣ на террасу, сгарая отъ нетерпѣнія поскорѣе насладиться фокусами Индѣйцевъ. За ними послѣдовали и остальныя леди, а наконецъ и джентльмены. Еще не успѣлъ я и глазомъ мигнуть, какъ плуты уже начали свое представленіе, а „трещотки“ принялись цѣловать ихъ хорошенькаго спутника.

Мистеръ Франклинъ подошелъ къ миссъ Рахили; я помѣстился позади ея. Ну что, если опасенія наши были основательны, а она, бѣдняжка, стояла тутъ, не подозрѣвая истины и поддразнивая Индѣйцевъ драгоцѣннымъ алмазомъ, блиставшимъ на ея груди!

Не умѣю вамъ сказать въ чемъ именно заключалось представленіе, и хорошо ли исполнили его фокусники. Огорченный неудачнымъ обѣдомъ и раздосадованный неожиданнымъ возвращеніемъ плутовъ, какъ разъ подоспѣвшихъ къ тому времени, когда они могли собственными глазами увидать драгоцѣнный камень, я, признаюсь, совсѣмъ потерялъ голову. Первый кто бросился мнѣ въ глаза былъ, внезапно выступившій на сцену дѣйствія, индѣйскій путешественникъ мистеръ Мортветъ. Обойдя полукругъ зрителей, онъ преспокойно подошелъ къ фокусникамъ сзади и неожиданно заговорилъ съ ними на ихъ родномъ языкѣ.

Уколъ штыкомъ не произвелъ бы на Индѣйцевъ болѣе потрясающаго дѣйствія и не заставилъ бы ихъ поспѣшнѣе обернуться назадъ чѣмъ звукъ его первыхъ словъ. Но въ ту же минуту они стали низко изгибаться предъ нимъ со всѣми знаками величайшаго почтенія. Поговоривъ немного съ Индѣйцами на незнакомомъ намъ языкѣ, мистеръ Мортветъ удалился такъ же спокойно, какъ и пришелъ. Тогда главный магикъ, игравшій роль переводчика, снова направился къ зрителямъ. Я замѣтилъ, что послѣ разговора съ мистеромъ Мортветомъ лицо его изъ кофейнаго сдѣлалось сѣрымъ. Онъ поклонился миледи и объявилъ ей, что представленіе кончено. Обманутыя въ своихъ ожиданіяхъ, „трещотки“ разразились громкими упреками противъ мистера Мортвета за то, что онъ прекратилъ представленіе. Главный

Digitized by Google

Индѣецъ, смиренно приложивъ руку къ груди, вторично возвѣстилъ публикѣ, что фокусы кончены. Маленькій мальчикъ обошелъ зрителей со шляпой въ рукахъ, послѣ чего леди отправились въ гостиную, а джентльмены (за исключеніемъ мистера Франклина и мистера Мортвета) возвратились въ столовую къ своему вину. Я же съ однимъ изъ слугъ отправился выпроваживать Индѣйцевъ подальше отъ нашего дома.

Когда я возвращался назадъ чрезъ кусты, носъ мой ощутилъ запахъ табаку, и я увидалъ мистера Франклина и мистера Мортвета (послѣдняго съ сигарой въ рукахъ), медленно ходившихъ взадъ и впередъ между деревьями. Мистеръ Франклинъ сдѣлалъ мнѣ знакъ, чтобъ я подошелъ къ нему.

— Вотъ, сказалъ онъ, представляя меня знаменитому путешественнику,—рекомендую вамъ Габріеля Бетереджа, стараго слугу и друга нашего семейства, о которомъ я сейчасъ вамъ разказывалъ. Повторите ему, пожалуста, все, что̀ вы сообщили мнѣ сію минуту.

Мистеръ Мортветъ вынулъ изо рта свою сигару и съ утомленнымъ видомъ прислонился спиной къ дереву.

— Мистеръ Бетереджъ, началъ онъ, — эти три Индѣйца такіе же фокусники, какъ и мы съ вами.

Вотъ огоротилъ-то! Я, разумѣется, спросилъ его, не встрѣчалъ ли онъ ихъ прежде.

— Никогда, отвѣчалъ мистеръ Мортветъ,—но вѣдь я слишкомъ присмотрѣлся къ индѣйскимъ фокусникамъ, чтобы не угадать въ этихъ людяхъ плохихъ и неискусныхъ подражателей. Если мой опытный глазъ меня не обманываетъ, они принадлежатъ скорѣе къ высокой кастѣ браминовъ. Замѣтили ли вы, когда я объявилъ имъ, что узнаю ихъ даже переодѣтыми, какъ сильно они смутились, несмотря на все искусство, съ которымъ Индѣйцы умѣютъ скрывать свои ощущенія. Не могу только объяснить себѣ, какая тайна заставляетъ ихъ дѣйствовать такимъ образомъ. Они дважды преступили законы своей касты,—вопервыхъ, переплывъ чрезъ океанъ, вовторыхъ, переодѣвшись фокусниками. Въ Индіи это почитается ужаснымъ преступленіемъ. Но, вѣроятно, тутъ кроется какая-нибудь важная причина, съ помощью которой они сумѣютъ оправдать свой поступокъ въ глазахъ соотечественниковъ, вернувшись на родину, и возвратить свои утраченныя права.

Digitized by Google

Я онѣмѣлъ отъ удивленія. Мистеръ Мортветъ снова принялся за свою сигару, а мистеръ Франклинъ казалось недоумѣвалъ про себя, на какомъ бы изъ трехъ иностранныхъ коньковъ своихъ подъѣхать къ знаменитому путешественнику. Наконецъ онъ рѣшился пустить въ ходъ свою италіянскую тонкость съ примѣсью здравой англійской положительности.

— Мнѣ весьма не хотѣлось бы, мистеръ Мортветъ, началъ онъ,—безпокоить васъ нашими семейными дѣлами, въ которыхъ вы, конечно, не можете принимать ни малѣйшаго участія, и о которыхъ я самъ говорю неохотно внѣ своего домашняго кружка. Но послѣ всего, что̀ мнѣ пришлось сейчасъ слышать отъ васъ, я считаю своимъ долгомъ, въ интересахъ леди Веринде̂ръ и ея дочери, сообщить вамъ нѣкоторые факты, могущіе послужить ключомъ къ разгадкѣ таинственныхъ происшествій нынѣшняго дня. Я говорю вамъ конфиденціально, и надѣюсь, что вы этого не забудете.

Послѣ такого предисловія, онъ сталъ передавать индѣйскому путешественнику (употребляя на этотъ разъ свой ясный, отчетливый французскій способъ изложенія) все разказанное мнѣ раньше на Пескахъ. И самъ невозмутимый мистеръ Мортветъ до такой степени заинтересовался разказомъ, что даже выпустилъ изо рта свою сигару.

— Теперь, спросилъ мистеръ Франклинъ, окончивъ свой разказъ, — что̀ скажетъ на это ваша опытность?

— Моя опытность, отвѣчалъ путешественникъ,—говоритъ мнѣ, что вы, мистеръ Франклинъ Блекъ, гораздо ближе бывали къ смерти чѣмъ я, а это сравненіе весьма сильное.

Теперь наступилъ чередъ мистеру Франклину ахать и удивляться.

— Неужели это такъ серіозно? спросилъ онъ.

— По моему мнѣнію: да, отвѣчалъ мистеръ Мортветъ.—Послѣ всего разказаннаго вами я не сомнѣваюсь болѣе, что тайная причина, побудившая Индѣйцевъ преступить законы своей касты и могущая въ послѣдствіи послужить имъ оправданіемъ, заключается именно въ томъ, чтобы возвратить во что̀ бы то ни стало похищенный алмазъ и снова украсить имъ чело своего четверорукаго идола. Эти люди будутъ съ терпѣніемъ кошки выжидать удобнаго случая и воспользуются имъ съ жестокостью тигра. Не могу понять какъ вы ускользнули отъ нихъ, сказалъ знаменитый

Digitized by Google

путешественникъ, снова зажигая сигару и устремляя пристальный взглядъ на мистера Франклина. Вы разъѣзжали съ алмазомъ по Лондону, вы пріѣхали съ нимъ сюда, и вы еще живы! Удивительно! Попробуемъ однако разъяснить это. Вѣдь вы, если не ошибаюсь, оба раза вынимали его изъ Лондонскаго банка среди дня?

— Среди бѣлаго дня, отвѣчалъ мистеръ Франклинъ.

— И на улицахъ было тогда людно?

— Конечно.

— Вы, безъ сомнѣнія, заранѣе предупредили леди Верриндеръ о времени своего прибытія къ ней? Вѣдь отсюда до станціи желѣзной дороги мѣстность довольно глухая. Поспѣли ли вы къ назначенному сроку?

— Я пріѣхалъ четырьмя часами ранѣе.

— Съ чѣмъ васъ и поздравляю! сказалъ мистеръ Мортветъ.—А какъ скоро успѣли вы сдать алмазъ въ здѣшній городской банкъ?

— Я сдалъ его чрезъ часъ послѣ моего пріѣзда съ нимъ сюда, и тремя часами прежде чѣмъ меня кто-либо ожидалъ здѣсь.

— Еще разъ примите мое поздравленіе! Ну, а возвращаясь съ нимъ сюда изъ города, вы были одни, или нѣтъ?

— Мнѣ пришлось ѣхать въ сопровожденіи моего двоюроднаго брата, кузина и грума.

— Въ третій разъ позвольте васъ поздравить! Если когда-нибудь, мистеръ Блекъ, вамъ вздумается путешествовать за предѣлами цивилизованнаго міра, предупредите меня, я непремѣнно съ вами поѣду. Вы пресчастливый человѣкъ.

Тутъ я не выдержалъ. Въ моей англійской головѣ не вмѣщались подобныя вещи.

— Да неужели вы въ самомъ дѣлѣ полагаете, сэръ, спросилъ я, — что Индѣйцы не задумались бы при случаѣ пожертвовать жизнью мистера Франклина, лишь бы выручить свой драгоцѣнный алмазъ?

— Вы курите, мистеръ Бетереджъ? спросилъ меня путешественникъ.

— Какъ же, сэръ, курю.

— А дорожите ли вы тою золой, что̀ остается на днѣ вашей трубки?

— Нисколько, сэръ.

— Ну, такъ я вамъ скажу, что въ той странѣ, откуда

Digitized by Google

пріѣхали эти люди, также мало дорожатъ жизнью человѣка, какъ вы дорожите золой вашей трубки. Еслибы тысяча людей преграждали имъ путь къ алмазу, и они были увѣрены, что могутъ убить ихъ безнаказанно, то, конечно, они рѣшились бы на это не задумавшись. Преступить законы касты почитается въ Индіи дѣломъ величайшей важности; а пожертвовать жизнью человѣка — на это смотрятъ какъ на пустяки.

Я высказалъ свое мнѣніе насчетъ Индѣйцевъ, назвавъ ихъ просто разбойниками. Мистеръ Мортветъ, наоборотъ, замѣтилъ, что это удивительный народъ, а мистеръ Франкливъ, не высказывая никакихъ мнѣній, вернулъ насъ къ прерванному разговору.

— Индѣйцы видѣли Лунный камень на платьѣ миссъ Веринде́ръ, сказалъ онъ.—Что̀ нужно намъ дѣлать теперь?

— Сдѣлайте то, чѣмъ угрожалъ имъ вашъ дядя, отвѣчалъ мистеръ Мортветъ. — Полковникъ Геркасль хорошо понималъ людей, съ которыми имѣлъ дѣло. Пошлите завтра же алмазъ (подъ конвоемъ нѣсколькихъ человѣкъ) въ Амстердамъ и прикажите его распилить. Изъ одного алмаза выйдетъ цѣлыхъ шесть, и тогда конецъ священному значенію Лунного камня, а съ нимъ и конецъ заговору.

Мистеръ Франкливъ повернулся ко мнѣ.

— Нечего дѣлать, сказалъ онъ, — придется завтра же поговорить объ этомъ съ леди Веринде́ръ.

— Отчего же не сегодня, сэръ? спросилъ я. — Представьте себѣ, что Индѣйцы вернутся сюда ночью?

Мистеръ Мортветъ поспѣшилъ отвѣчать за него.

— Сегодня Индѣйцы не рискнутъ вернуться сюда. Они никогда не идутъ къ своей цѣли прямымъ путемъ, а тѣмъ болѣе будутъ они осторожны въ такомъ дѣлѣ, гдѣ малѣйшій промахъ можетъ погубить все предпріятіе.

— Но представьте себѣ, сэръ, настаивалъ я, — что плуты отважнѣе чѣмъ вы предполагаете?

— Въ такомъ случаѣ, отвѣчалъ мистеръ Мортветъ,—спустите на ночь собакъ. Есть ли у васъ на дворѣ большія собаки?

— Есть, сэръ, двѣ: бульдогъ и ищейка.

— Этого достаточно. Въ виду ожидаемыхъ событій, мистеръ Бетереджъ, бульдогъ и ищейка являются неоцѣненными

Digitized by Google

помощниками: они не задумаются, подобно вамъ, надъ неприкосновенностью человѣческой жизни.

Въ то самое время какъ онъ пустилъ въ меня этимъ зарядомъ, изъ гостиной раздались звуки фортепіано. Знаменитый путешественникъ бросилъ свою сигару, и взявъ мистера Франклина подъ руку, собрался идти къ дамамъ. Идя вслѣдъ за ними, я замѣтилъ, что небо быстро покрывается тучами. Мистеръ Мортветъ тоже обратилъ на это вниманіе, и окинувъ меня своимъ холоднымъ, насмѣшливымъ взглядомъ, сказалъ:

— А вѣдь Индѣйцамъ понадобятся, пожалуй, ихъ зонтики нынѣшнею ночью, мистеръ Бетереджъ.

Да, хорошо *ему* было шутить. Но вѣдь я-то не былъ знаменитымъ путешественникомъ, и благодаря своей скромной долѣ, не имѣлъ никакой нужды гоняться за опасностями въ неизвѣданныхъ странахъ земнаго шара, посреди воровъ и разбойниковъ. Я отправился въ свою маленькую комнатку и въ изнеможеніи упалъ на стулъ, обливаясь пóтомъ и напрасно ломая голову, чтобы придумать какія-либо мѣры для отвращенія опасности.

При такомъ тревожномъ настроеніи духа съ другимъ сдѣлалась бы, пожалуй, горячка. А со мной не случилось ничего подобнаго. Я только закурилъ трубочку и принялся за *Робинзона Крузо*.

Не просидѣлъ я за нимъ и пяти минутъ, какъ вдругъ нападаю на слѣдующее поразительное мѣсто — страница сто шестьдесятъ первая: „Ожидаемая опасность въ тысячу разъ грознѣе наступившей; и мы часто убѣждаемся, что бремя опасеній несравненно тягостнѣе самого зла.“

Неужели найдется человѣкъ, который и послѣ этихъ чудесныхъ предреканій не увѣруетъ въ *Робинзона Крузо*? Въ такомъ случаѣ у него или развинтились гайки въ мозгу, или онъ погрязъ въ пучинѣ самомнѣнія! Вразумлять его не стóитъ; это значило бы тратить слова по-пустому; а состраданіе лучше приберечь для человѣка съ болѣе живою вѣрой.

Я уже давно курилъ свою вторую трубку, не переставая въ то же время восхищаться пророческою книгой, когда изъ гостиной прибѣжала ко мнѣ Пенелопа, разносившая чай присутствовавшимъ. Она разказала мнѣ, что предъ ея уходомъ, „трещотки“ затянули дуэтъ, который начинался

Digitized by Google

протяжнымъ „о!“ съ соотвѣтствующею словамъ музыкой; что миледи безпрестанно ошибалась въ вистѣ, чего прежде мы никогда за ней не замѣчали; что знаменитый путешественникъ заснулъ себѣ подъ шумокъ въ уголкѣ; что мистеръ Франклинъ острилъ надъ мистеромъ Годфреемъ по поводу женской благотворительности вообще, а мистеръ Годфрей, въ свою очередь, возражалъ ему рѣзче нежели подобало бы джентльмену съ столь гуманнымъ направленіемъ. Дочь моя подмѣтила также, что миссъ Рахиль, притворно погруженная въ разсматриваніе фотографическихъ снимковъ вмѣстѣ съ мистрисъ Тредгаль, которую она желала какъ-нибудь умаслить, на самомъ дѣлѣ бросала мистеру Франклину такіе взгляды, что ни одна сметливая горничная не могла бы ошибиться въ ихъ значеніи; и наконецъ, что мистеръ Канди, сначала таинственно пропавшій изъ гостиной, потомъ такъ же таинственно въ нее вернувшійся, вступилъ въ конфиденціальный разговоръ съ мистеромъ Годфреемъ. Однимъ словомъ, дѣла шли лучше нежели можно было ожидать, судя по неудачно начавшемуся обѣду.

Но въ этомъ мірѣ нѣтъ ничего прочнаго; даже благотворное вліяніе *Робинзона Крузо* изгладилось изъ души моей съ уходомъ Пенелопы. Я опять загомозился и положилъ во что̀ бы то ни стало предпринять рекогносцировку дома до наступленія дождя. Но вмѣсто того чтобы взять съ собой слугу, который съ своимъ человѣчьимъ носомъ оказался бы совершенно безполезенъ въ данномъ случаѣ, я взялъ ищейку: ужь отъ ея чутья не укрылся бы ни одинъ чужой человѣкъ.

Мы обошли вокругъ всей усадьбы, заглянули на большую дорогу и все-таки вернулись ни съ чѣмъ, нигдѣ не подмѣтивъ даже тѣни притаившагося живаго существа. До наступленія ночи я привязалъ собаку на цѣпь, и возвращаясь къ дому чрезъ кустарники, повстрѣчалъ двухъ джентльменовъ, шедшихъ мнѣ навстрѣчу изъ гостиной. Это были мистеръ Канди и мистеръ Годфрей. Они все еще продолжали свой разговоръ, о которомъ донесла мнѣ Пенелопа, и потихоньку смѣялись надъ какою-то забавною выдумкой своего собственнаго изобрѣтенія. Внезапная дружба этихъ двухъ господъ показалась мнѣ чрезвычайно подозрительною, но я прошелъ мимо, будто не замѣчая ихъ.

Пріѣздъ экипажей былъ сигналомъ къ дождю. Онъ полилъ

Digitized by Google

какъ изъ ведра и, повидимому, обѣщалъ не прекращаться во всю ночь. За исключеніемъ доктора, котораго ожидала открытая одноколка, все общество преспокойно отправилось домой въ каретахъ. Я высказалъ мистеру Канди свое опасеніе, чтобы дождь не промочилъ его до костей, но онъ возразилъ мнѣ на это, что удивляется лишь одному, какъ могъ я дожить до такихъ лѣтъ и не знать, что докторская кожа непромокаема.

Такимъ образомъ, орошаемый жестокимъ ливнемъ, мистеръ Канди отправился въ своей одноколкѣ, подсмѣиваясь надъ собственною остротой; а съ нимъ мы избавились, наконецъ, и отъ нашего послѣдняго гостя. Теперь послѣдуетъ разказъ о происшествіяхъ ночи.

XI.

Проводивъ нашего послѣдняго гостя, я возвратился въ столовую, гдѣ засталъ Самуила, хлопотавшаго за буфетомъ около водки и сельтерской воды. Вскорѣ вошли къ намъ изъ гостиной миледи и миссъ Рахиль въ сопровожденіи двухъ джентльменовъ. Мистеръ Годфрей спросилъ себѣ водки и сельтерской воды, а мистеръ Франклинъ отказался отъ того и другаго. Онъ сѣлъ на стулъ съ видомъ полнаго изнеможенія; думаю, что эта праздничная суетня была ему не подъ силу.

Повернувшись къ своимъ гостямъ, чтобы пожелать имъ доброй ночи, миледи сурово взглянула на подарокъ нечестиваго полковника, блестѣвшій на платьѣ ея дочери.

— Рахиль, спросила она, — куда намѣрена ты положить свой алмазъ на нынѣшнюю ночь?

Возбужденная впечатлѣніями дня, миссъ Рахиль находилась въ томъ лихорадочно-веселомъ настроеніи, когда молодыя дѣвушки охотно болтаютъ всякій вздоръ, упорно отстаивая его какъ нѣчто разумное. Вѣроятно, вамъ самимъ приходилось замѣчать это, читатель.

Объявивъ сначала, что она сама не знаетъ куда ей спрятать свой алмазъ, миссъ Рахиль прибавила вслѣдъ за тѣмъ, что положитъ его на свой туалетный столъ, вмѣстѣ съ прочими вещами. Потомъ ей вдругъ пришло въ голову, что алмазъ можетъ заблестѣть своимъ страшнымъ лунным свѣтомъ и

Digitized by Google

напугать ее до смерти посреди ночной темноты. Наконецъ, внезапно вспомнивъ объ индѣйскомъ шкапчикѣ, стоявшемъ въ ея будуарѣ, она тотчасъ же рѣшила спрятать свой алмазъ туда, чтобы дать этимъ двумъ прекраснымъ произведеніямъ Индіи возможность вдоволь налюбоваться другъ на друга. Миледи долго и терпѣливо слушала эту пустую болтовню, но наконецъ рѣшилась остановить ее.

— Ты забываешь, моя милая, сказала она, — что твой индѣйскій шкапъ не запирается.

— Боже праведный, мамаша! воскликнула миссъ Рахиль:— да развѣ мы въ гостиницѣ? Развѣ въ домѣ есть воры?

Не обративъ вниманія на эти вздорныя слова, миледи пожелала джентльменамъ доброй ночи и потомъ поцѣловала миссъ Рахиль.

— Поручи лучше свой алмазъ *мнѣ*, сказала она дочери.

Миссъ Рахиль встрѣтила это предложеніе такъ, какъ десять лѣтъ тому назадъ встрѣтила бы она предложеніе разстаться съ новою куклой. Миледи поняла, что убѣжденія будутъ безполезны.

— Завтра поутру, какъ только ты встанешь, Рахиль, приди въ мою комнату, сказала она.—Мнѣ нужно поговорить съ тобой.

Съ этими словами она медленно удалилась, погруженная въ глубокое раздумье и, повидимому, не совсѣмъ довольная оборотомъ, который принимали ея мысли.

Послѣ нея стала прощаться и миссъ Рахиль. Сначала она пожала руку мистеру Годфрею, который разсматривалъ какую-то картину на противоположномъ концѣ залы; а затѣмъ вернулась къ мистеру Франклину, который продолжалъ сидѣть въ углу, усталый и молчаливый. Что̀ они говорили между собой, этого я не слыхалъ, только стоя около нашего большаго зеркала, оправленнаго въ старинную дубовую раму, я хорошо различалъ отражавшуюся въ немъ фигуру миссъ Рахили. Я видѣлъ, какъ она достала украдкой изъ-за корсажа своего платья медальйонъ, подаренный ей мистеромъ Франклиномъ, и блеснувъ имъ на мгновеніе предъ его глазами, многозначительно улыбнулась и вышла.

Это обстоятельство поколебало мое прежнее довѣріе къ собственной догадливости. Я начиналъ убѣждаться, что мнѣніе Пенелопы относительно чувствъ ея молодой госпожи было гораздо безошибочнѣе.

Digitized by Google

Какъ только миссъ Рахиль перестала поглощать вниманіе своего кузена, мистеръ Франклинъ увидалъ меня. Непостоянство его характера, проявлявшееся всегда и во всемъ, уже успѣло измѣнить его мнѣніе и насчетъ Индѣйцевъ.

— Бетереджъ, сказалъ онъ, — я почти готовъ думать, что мы преувеличили значеніе нашего разговора съ мистеромъ Мортветомъ въ кустахъ. Право, онъ хотѣлъ только попугать насъ своими розказнями. А вы, не шутя, намѣрены спустить собакъ?

— Я намѣренъ освободить ихъ отъ ошейниковъ, сэръ, отвѣчалъ я, — дабы они могли въ случаѣ надобности побродить на свободѣ и нанюхать чужой слѣдъ.

— Прекрасно, отвѣчалъ мистеръ Франклинъ. — А завтра мы подумаемъ что̀ намъ дѣлать. Мнѣ не хотѣлось бы тревожить тетушку по-пустому. Доброй ночи, Бетереджъ.

Онъ былъ такъ измученъ и блѣденъ, кивая мнѣ на прощаньи головой и отправляясь на верхъ со свѣчой въ рукахъ, что я осмѣлился предложить ему на сонъ грядущій вина съ водой. Въ этомъ поддержалъ меня и мистеръ Годфрей, подошедшій къ намъ съ другаго конца комнаты.

Онъ сталъ дружески настаивать, чтобы мистеръ Франклинъ подкрѣпилъ себя чѣмъ-нибудь, ложась въ постель.

Я упоминаю объ этихъ мелочныхъ обстоятельствахъ единственно потому, что послѣ всего видѣннаго и слышаннаго мною въ этотъ день, мнѣ пріятно было замѣтить возстановленіе прежнихъ добрыхъ отношеній между обоими джентльменами. Ихъ крупный разговоръ въ гостиной (подслушанный Пенелопой) и соперничество за благосклонность миссъ Рахили, казалось, не произвели между ними серіозной размолвки. Впрочемъ, что̀ же тутъ было удивительнаго? оба были благовоспитанные свѣтскіе джентльмены. А извѣстно, что люди съ высокимъ положеніемъ въ обществѣ никогда не бываютъ такъ сварливы и задорны, какъ люди ничего не значущіе.

Еще разъ отказавшись отъ вина, мистеръ Франклинъ отправился на верхъ въ сопровожденіи мистера Годфрея, такъ какъ комнаты ихъ были смежныя. Но взойдя на площадку, онъ или склонился на убѣжденія своего двоюроднаго брата, или, по свойственной ему вѣтренности характера, самъ перемѣнилъ свое намѣреніе относительно вина.

— Бетереджъ, крикнулъ онъ мнѣ сверху: — пожалуй, при-

Digitized by Google

шлите мнѣ вина съ водой; быть-можетъ, оно и понадобится мнѣ ночью.

Я послалъ водку съ Самуиломъ, а самъ вышелъ на дворъ и разстегнулъ ошейники собакъ. Почувствовавъ себя на свободѣ въ такую необычную для нихъ пору, онѣ потеряли голову и бросались на меня какъ щенки! Однако дождь скоро умѣрилъ ихъ восторги. Полокавъ немного струившуюся съ нихъ воду, онѣ снова вползли въ свои конуры. Я возвратился домой и по нѣкоторымъ признакамъ на небѣ заключилъ, что погода скоро должна перемѣниться къ лучшему. Однако дождь все еще не переставалъ лить съ ужасною силой, и земля была какъ мокрая губка.

Мы съ Самуиломъ обошли кругомъ всего дома и по обыкновенію заперли всѣ двери и окна. Я самъ обшарилъ каждый уголокъ, не довѣряя на этотъ разъ своему помощнику, и убѣдившись, что все заперто и безопасно, я наконецъ и самъ отправился на покой уже въ первомъ часу ночи.

Но, должно-быть, хлопоты этого дня были выше силъ моихъ. Дѣло въ томъ, что я и самъ заразился болѣзнію мистера Франклина и заснулъ уже послѣ восхода солнца. Зато лежа въ продолженіе всей ночи съ открытыми глазами, я могъ удостовѣриться, что въ домѣ царствовала могильная тишина и что не слышно было другаго звука, кромѣ плеска дождя да подымавшагося передъ утромъ вѣтра, который съ легкимъ шумомъ пробѣгалъ по деревьямъ.

Около половины восьмаго я проснулся, и раскрывъ окно, увидалъ, что на дворѣ прелестный солнечный день. Ровно въ восемь я собрался было идти привязывать собакъ, какъ вдругъ слышу позади себя на лѣстницѣ шелестъ женскихъ юпокъ. Я обернулся и увидалъ Пенелопу, летѣвшую ко мнѣ сломя голову.

— Батюшка, кричала она, — Бога ради, идите скорѣе на верхъ! *Алмазъ пропалъ!*

— Съ ума ты сошла что̀ ли? спросилъ я ее.

— Пропалъ, отвѣчала Пенелопа. — Пропалъ, и никто не знаетъ когда и какимъ образомъ! Идите скорѣе, и сами увидите!

Она потащила меня въ кабинетъ барышни, находившійся рядомъ съ ея спальней, и тутъ-то, на порогѣ между двумя комнатами, я увидалъ миссъ Рахиль, блѣдную какъ ея бѣлый пеньюаръ. Обѣ половинки индѣйскаго шкафа были отво-

Digitized by Google

рены настежь; а одинъ изъ ящиковъ выдвинутъ до основанія.

— Смотрите! сказала Пенелопа. — Я своими глазами видѣла, какъ миссъ Рахиль спрятала свой алмазъ въ этотъ ящикъ, вчера вечеромъ.

Я подошелъ къ шкафу. Дѣйствительно, ящикъ былъ пустъ.

— Такъ ли она говоритъ, миссъ? спросилъ я. Но миссъ Рахиль была не узнаваема.

— Алмазъ пропалъ, повторила она будто не своимъ голосомъ, и сказавъ это, удалилась въ свою спальню и заперла за собой дверь.

Еще мы стояли какъ оталѣлые, не зная что̀ намъ дѣлать, когда въ комнатѣ появилась миледи. Она услыхала мой голосъ въ кабинетѣ своей дочери и пришла узнать что̀ случилось. Извѣстіе о пропажѣ алмаза, повидимому, сразило ее. Она прямо подошла къ спальнѣ своей дочери и потребовала чтобъ ей отворили. Миссъ Рахиль впустила ее.

Затѣмъ тревога съ быстротой пожара распространилась по всему дому и достигла, наконецъ, до обоихъ джентльменовъ.

Мистеръ Годфрей первый вышелъ изъ своей комнаты. Услыхавъ о происшедшемъ, онъ только въ изумленіи развелъ руками, что̀ не слишкомъ говорило въ пользу его природной находчивости. Зато я сильно разчитывалъ на свѣтлый умъ мистера Франклина, надѣясь, что онъ-то и поможетъ намъ выйдти изъ затрудненія; но и онъ въ свою очередь оказался столько же ненаходчивымъ, какъ и его двоюродный братецъ. Противъ всякаго ожиданія, онъ хорошо проспалъ ночь, и сонъ, по его словамъ, какъ непривычная роскошь, подѣйствовалъ на него одуряющимъ образомъ. Однако послѣ чашки кофе, которую онъ, по иностранному обычаю, выпивалъ обыкновенно за нѣсколько часовъ до завтрака, ясность ума его опять возвратилась. Французская сообразительность выступила на первый планъ, и онъ съ большею ловкостью и рѣшительностью принялъ слѣдующія мѣры:

Прежде всего онъ велѣлъ позвать слугъ и приказалъ имъ оставить всѣ двери и окна нижняго этажа запертыми, такъ, ка̀къ они были оставлены наканунѣ, за исключеніемъ главнаго входа, который я уже отперъ. Затѣмъ, не предпринимая никакихъ дальнѣйшихъ мѣръ, онъ предложилъ мнѣ и мистеру Годфрею лично удостовѣриться, не завалился ли какъ-нибудь алмазъ за шкафъ или за столъ, на которомъ помѣщалась эта индѣйская вещица. Послѣ безуспѣшныхъ

Digitized by Google

поисковъ и толковъ съ Пенелопой, которая въ отвѣтъ на всѣ вопросы не прибавила ничего новаго къ сообщеннымъ уже ею свѣдѣніямъ, мистеръ Франклинъ рѣшился допросить самое миссъ Рахиль и послалъ Пенелопу постучаться въ дверь ея спальни.

На стукъ вышла только одна миледи и тотчасъ же притворила за собой дверь; но минуту спустя мы услыхали, что миссъ Рахиль сама запираетъ дверь изнутри. Госпожа моя вышла къ намъ сконфуженная и опечаленная.

— Пропажа алмаза до такой степени сокрушаетъ бѣдную Рахиль, сказала она мистеру Франклину, — что она упорно отказывается говорить о немъ даже со *мной*, и вамъ никакъ нельзя увидать ее теперь.

Удвоивъ наше смущеніе разказомъ объ отчаяніи своей дочери, миледи, послѣ небольшаго внутренняго усилія, вполнѣ овладѣла собой и начала дѣйствовать со свойственною ей рѣшимостью.

— Мнѣ кажется, спокойно сказала она, — что намъ не остается ничего болѣе дѣлать какъ послать за полиціей.

— Которая прежде всего, подхватилъ мистеръ Франклинъ, — должна задержать индѣйскихъ фокусниковъ, приходившихъ сюда вчера вечеромъ.

Миледи и мистеръ Годфрей (не посвященные въ тайны наши съ мистеромъ Франклиномъ) пришли въ величайшее изумленіе.

— Мнѣ некогда теперь объясняться, продолжалъ мистеръ Франклинъ. — Одно могу сказать вамъ, что алмазъ, по всей вѣроятности, похищенъ Индѣйцами. Напишите мнѣ поскорѣе рекомендательное письмо къ одному изъ фризингальскихъ судей, сказалъ онъ, обращаясь къ миледи, — и упомяните въ немъ, что я уполномоченъ вами дѣйствовать въ вашихъ интересахъ. Я сейчасъ же отправлюсь въ городъ, потому что каждая потерянная минута можетъ дать похитителямъ время скрыться отъ нашихъ преслѣдованій. (*Nota bene:* На какой сторонѣ его характера былъ теперь перевѣсъ, на французской или на англійской? не знаю, только очевидно было, что разумная сторона одержала верхъ. Оставалось рѣшить еще одинъ вопросъ: долго ли продлится это счастливое настроеніе?)

Мистеръ Франклинъ придвинулъ къ теткѣ перо, чернила и бумагу, но миледи (какъ мнѣ показалось) не совсѣмъ-то

Digitized by Google

охотно написала требуемое письмо. Еслибы можно было пренебречь такимъ обстоятельствомъ, какъ пропажа алмаза въ двадцать тысячъ фунтовъ стерлинговъ, то судя по невыгодному мнѣнію моей госпожи объ ея покойномъ братѣ и по ея недовѣрію къ сдѣланному имъ подарку, она, мнѣ кажется, порадовалась бы, еслибы ворамъ удалось скрыться съ Лунным камнемъ.

Я отправился въ конюшню съ мистеромъ Франклиномъ и не упустилъ при этомъ случая спросить его, какимъ образомъ могли Индѣйцы (которыхъ я, конечно, и самъ подозрѣвалъ не менѣе его) забраться къ намъ въ домъ?

— Вѣроятно, во время суматохи, причиненной разъѣздомъ гостей, отвѣчалъ мистеръ Франклинъ,—одинъ изъ негодяевъ пробрался незамѣтно въ столовую, и забившись подъ диванъ, подслушалъ разговоръ тетушки съ Рахилью насчетъ того, куда лучше припрятать алмазъ на ночь. Затѣмъ, выждавъ пока въ домѣ все угомонилось, онъ преспокойно взошелъ въ кабинетъ и укралъ Лунный камень изъ шкапчика.

Съ этими словами мистеръ Франклинъ, крикнулъ груму чтобъ отворили ворота и ускакалъ въ городъ. Это было, повидимому, самое разумное объясненіе. Однако какимъ же образомъ ухитрился воръ выйдти изъ дому? Отправляясь поутру отпирать главный входъ, я нашелъ его точь-въ-точь въ томъ же видѣ какъ накануне, крѣпко запертымъ на засовъ. Что же касается до другихъ дверей и окошекъ, то они сами говорили за себя, потому что до сихъ поръ еще оставались неотворенными. А собаки? Предположимъ, что воръ ушелъ чрезъ окно верхняго этажа; какъ могъ онъ во всякомъ случаѣ миновать собакъ? Ужь не запасся ли онъ для нихъ отравленнымъ мясомъ? Въ ту самую минуту какъ подозрѣніе это промелькнуло въ моей головѣ, собаки выбѣжали ко мнѣ изъ-за угла, стали валяться по мокрой травѣ и были такъ здоровы и веселы, что я не безъ труда образумилъ ихъ и снова посадилъ на цѣпь. Чѣмъ болѣе размышлялъ я надъ объясненіемъ мистера Франклина, тѣмъ несостоятельнѣе оно мнѣ казалось. Наконецъ, когда наступило время, мы, по обыкновенію, позавтракали: никакое происшествіе въ домѣ, даже самое необычайное, какъ напримѣръ грабежъ или убійство, не должны мѣшать завтраку. По окончаніи его миледи потребовала меня къ себѣ, и я принужденъ былъ разказать ей все, что̀ такъ тщательно таилось отъ нея

Digitized by Google

до сихъ поръ относительно Индѣйцевъ и ихъ заговора. Какъ женщина съ твердымъ характеромъ, она скоро оправилась отъ потрясающаго впечатлѣнія, произведеннаго на нее моимъ разказомъ. Ее не столько смущали поганые Индѣйцы, сколько печаль дочери.

— Вы сами знаете, Бетереджъ, какой странный характеръ у Рахили, и какъ не похожи бываютъ ея дѣйствія на поступки ея сверстницъ, сказала мнѣ миледи.—Но никогда не казалась она мнѣ столь загадочною и скрытною какъ въ настоящую минуту. Пропажа камня словно лишила ее разсудка. Кто бы подумалъ, что этотъ ужасный алмазъ околдуетъ ее въ такое короткое время?

Дѣйствительно, все это было очень странно. Миссъ Рахиль никогда не выказывала свойственнаго всѣмъ молодымъ дѣвушкамъ пристрастья къ драгоцѣннымъ вещамъ и украшеніямъ. Однако она была неутѣшна и до сихъ поръ сидѣла запершись въ своей спальнѣ. Правда, пропажа алмаза отразилась и на прочихъ обитателяхъ дома. Даже мистеръ Годфрей, напримѣръ, по профессіи общій утѣшатель и совѣтчикъ, и тотъ не зналъ куда ему дѣвать себя. За недостаткомъ общества, и не имѣя возможности примѣнить къ миссъ Рахили свое умѣнье утѣшать огорченныхъ женщинъ, онъ тревожно и безцѣльно сновалъ взадъ и впередъ по дому и по саду, раздумывая, какъ бы лучше поступить ему въ приключившейся бѣдѣ. Ужь не уѣхать ли и не избавить ли семью отъ тяжелой обязанности занимать его какъ гостя, а то не остаться ли лучше въ ожиданіи того времени, когда и его ничтожныя услуги могутъ оказаться полезными? Наконецъ онъ остановился на послѣднемъ рѣшеніи какъ на самомъ благоразумномъ и наиболѣе приличномъ при настоящемъ грустномъ положеніи семьи. Только время и обстоятельства могутъ быть пробнымъ камнемъ для человѣка. Когда наступилъ чередъ мистеру Годфрею быть испробованнымъ, цѣнность его оказалась гораздо болѣе низкаго достоинства нежели я воображалъ. Что же касается до женской прислуги, то женщины всѣ, за исключеніемъ Розанны Спермазъ, державшейся поодаль отъ другихъ, принялись шушукать во всѣхъ углахъ дома и перекидываться подозрительными взглядами, какъ обыкновенно поступаетъ слабѣйшая половина человѣческаго рода при всѣхъ сколько-нибудь замѣчательныхъ происшествіяхъ. Сознаюсь, что я самъ былъ

Digitized by Google

встревоженъ и не въ духѣ. Проклятый алмазъ всѣхъ насъ перевернулъ вверхъ дномъ. Около одиннадцати часовъ мистеръ Франклинъ вернулся назадъ. Его рѣшимость очевидно исчезла во время поѣздки въ городъ подъ гнетомъ свалившихся на него заботъ.

Отправляясь изъ дому, онъ скакалъ въ галопъ, а домой возвращался шагомъ. Уѣзжая, онъ былъ твердъ какъ сталь, а вернулся словно наваченный, тряпка—тряпкой.

— Ну, что̀ жь, спросила миледи,—когда будетъ полиція?

— Сейчасъ, отвѣчалъ мистеръ Франклинъ;—они сказали, что мигомъ послѣдуютъ за мною. Сюда прибудетъ надзиратель сыщиковъ, Сигревъ, съ двумя полицейскими помощниками. Но это только для формы. Дѣло наше проиграно!

— Какъ, сэръ, спросилъ я.—Неужто Индѣйцы скрылись?

— Бѣдные оклеветанные Индѣйцы посажены въ тюрьму безъ малѣйшаго основанія, отвѣчалъ мистеръ Франклинъ.— Они такъ же невинны какъ неродившійся младенецъ. Мое предположеніе, будто одинъ изъ нихъ притаился у насъ въ домѣ, разсѣялось какъ дымъ, подобно прочимъ моимъ фантазіямъ; и мнѣ доказали фактами, продолжалъ мистеръ Франклинъ, съ наслажденіемъ налегая на сдѣланный имъ промахъ,— что это вещь положительно невозможная.

Озадачивъ насъ этимъ новымъ и неожиданнымъ оборотомъ дѣла относительно пропажи Луннаго камня, нашъ молодой джентльменъ, по просьбѣ своей тетки ,сѣлъ и объяснился.

Энергія, повидимому, не покидала его вплоть до самаго Фризингалла, гдѣ онъ обстоятельно передалъ обо всемъ происшедшемъ судьѣ, который тотчасъ же послалъ за полиціей. Изъ наведенныхъ справокъ оказалось, что Индѣйцы и не пытались бѣжать изъ города; мало того, полиція видѣла, какъ наканунѣ въ одиннадцатомъ часу вечера они возвращались въ Фризингаллъ въ сопровожденіи своего маленькаго спутника; изъ чего можно было заключить (принимая въ разчетъ время и разстояніе), что Индѣйцы вернулись домой тотчасъ же по окончаніи своихъ фокусовъ на террасѣ. Еще позднѣе въ полночь, дѣлая обыскъ въ заѣзжемъ домѣ, гдѣ проживали фокусники, полиція опять видѣла трехъ Индейцевъ вмѣстѣ съ ихъ маленькимъ спутникомъ. А за тѣмъ, вскорѣ послѣ полуночи, я самъ собственноручно заперъ въ домѣ всѣ двери и окна. Болѣе очевидныхъ доказательствъ въ пользу невинности Индѣйцевъ,

Digitized by Google

повидимому, не могло и быть. Судья объявилъ, что покамѣсть нѣтъ ни малѣйшаго повода подозрѣвать ихъ. Но такъ какъ при дальнѣйшемъ слѣдствіи полиція легко могла сдѣлать насчетъ ихъ нѣкоторыя открытія, то онъ рѣшилъ засадить ихъ въ тюрьму, въ качествѣ бродягъ и плутовъ, и выдержать тамъ съ недѣлю для нашихъ интересовъ. Прямымъ же поводомъ къ аресту послужило нарушенное ими по незнанію какое-то постановленіе городскаго начальства, но какое именно, не помню. Всѣ людскія учрежденія (не исключая и правосудія) имѣютъ своего рода эластичность: нужно только надавить надлежащую пружину. Почтенный судья былъ стариннымъ пріятелемъ миледи, и какъ только засѣданіе открылось, онъ отдалъ приказъ арестовать фокусниковъ на недѣлю.

Вотъ что разказалъ намъ мистеръ Франклинъ о своихъ похожденіяхъ въ Фризингаллѣ. Очевидно было, что индѣйскій ключъ, съ помощью котораго мы надѣялись розыскать похищенный алмазъ, сломался въ нашихъ рукахъ и сталъ никуда негоднымъ. Но если фокусники были невинны, кто же, спрашивается, похитилъ Лунный камень изъ ящика миссъ Рахили?

Десять минутъ спустя пріѣхалъ, наконецъ, ко всеобщему успокоенію, надзиратель Сигревъ. Онъ сообщилъ намъ, что, проходя по террасѣ, видѣлъ мистера Франклина, грѣвшагося на солнцѣ (должно-быть, италіянскою стороной къ верху), и что онъ поспѣшилъ будто бы предупредить его, мистера Сигрева, что розыски полиціи будутъ совершенно напрасны.

Въ данныхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ всей семьи, врядъ ли кто могъ быть столь пріятнымъ для насъ посѣтителемъ, какъ надзиратель фризингальскихъ сыщиковъ. Онъ былъ высокъ и дороденъ; имѣлъ чисто военные пріемы, громкій повелительный голосъ, твердый взглядъ и длинный широкій сюртукъ, застегнутый на всѣ пуговицы до самаго воротника. На лицѣ его, казалось, было написано: „Я и есть тотъ человѣкъ, котораго вамъ нужно!“ А строгость, съ которою онъ отдавалъ приказанія своимъ помощникамъ, убѣждала насъ всѣхъ, что съ *нимъ* шутить нельзя.

Онъ приступилъ сначала ко внутреннему и наружному осмотру всѣхъ надворныхъ строеній; послѣ чего объявилъ, что воры не имѣли возможности проникнуть къ намъ извнѣ, и что слѣдовательно воровство учинено было кѣмъ-

Digitized by Google

нибудь изъ живущихъ въ домѣ. Вообразите себѣ переполохъ прислуги послѣ этого офиціальнаго объявленія! Надзиратель положилъ сначала осмотрѣть будуаръ, а затѣмъ допросить прислугу. Въ то же время онъ поставилъ одного изъ своихъ подчиненныхъ у лѣстницы, примыкавшей къ спальнямъ слугъ, и приказалъ ему не впускать туда никого изъ живущихъ въ домѣ впредь до новыхъ распоряженій.

Это окончательно отеломило слабѣйшую половину человѣческаго рода. Онѣ повыскакали изъ своихъ угловъ, разомъ взлетѣли наверхъ въ комнату миссъ Рахили (въ томъ числѣ и Розанна Спермавъ), столпились около надзирателя Сигрева, и всѣ съ одинаково преступнымъ видомъ просили его назвать виновную.

Надзиратель не потерялся: онъ окинулъ ихъ своимъ рѣшительнымъ взглядомъ и скомандовалъ по-военному:

— Васъ здѣсь не спрашиваютъ! Маршъ всѣ внизъ. Смотрите, прибавилъ онъ, внезапно указывая имъ на маленькое пятнышко, образовавшееся на разрисованной двери въ комнатѣ миссъ Рахили, какъ разъ подъ замочною скважиной,—смотрите, что надѣлали ваши юнки. Ступайте, ступайте отсюда!

Розанна Спермавъ, стоявшая ближе всѣхъ къ нему и къ запачканой двери, первая показала примѣръ послушанія и немедленно отправилась къ своимъ занятіямъ. За ней послѣдовали и всѣ остальныя. Окончивъ обыскъ комнаты, что не привело его ни къ какому положительному результату, надзиратель спросилъ меня, кто первый открылъ воровство. Открыла его Пенелопа, и потому за ней немедленно послали.

Сказать правду, надзиратель немножко круто приступилъ къ допросу моей дочери.

— Слушайте меня внимательно, молодая женщина, сказалъ онъ ей,—и не забывайте, что вы должны говорить правду.

Пенелопа мгновенно вспыхнула.

— Меня никогда не учили лгать, господинъ надзиратель, и если отецъ мой, стоя здѣсь, можетъ равнодушно выслушивать, какъ меня обвиняютъ во лжи и въ воровствѣ, выгоняютъ изъ моей комнаты и отнимаютъ у меня доброе имя, единственное достояніе бѣдной дѣвушки, такъ онъ значитъ не тотъ добрый отецъ, какимъ я привыкла считать его!

Во-время вставленное мною словечко примирило нѣсколько Пенелопу съ правосудіемъ. Вопросы и отвѣты потекли плавно

Digitized by Google

и безостановочно, но не привели на къ какимъ особеннымъ открытіямъ. Дочь моя видѣла, какъ, отправляясь ко сну, миссъ Рахиль спрятала свой алмазъ въ одинъ изъ ящиковъ индѣйскаго шкафа. На другой день, въ восемь часовъ утра, относя ей на верхъ чашку чая, Пенелопа увидала ящикъ открытымъ и пустымъ, вслѣдствіе чего и произвела въ домѣ тревогу. Далѣе этого не шли ея показанія.

Тогда надзиратель попросилъ позволенія видѣть самое миссъ Рахиль. Пенелопа передала ей эту просьбу черезъ дверь, и тѣмъ же путемъ получила отвѣтъ:

— Мнѣ нечего сообщать г. надзирателю, сказала миссъ Рахиль, — и я никого не въ состояніи принять теперь.

Нашъ опытный служака былъ чрезвычайно удивленъ и даже оскорбленъ подобнымъ отвѣтомъ; но я поспѣшилъ увѣрить его, что барышня нездорова, и просилъ повременить немного свиданіемъ съ нею. Послѣ того мы сошли внизъ, гдѣ намъ попались навстрѣчу мистеръ Годфрей и мистеръ Франклинъ, проходившіе чрезъ залу.

Оба джентльмена, въ качествѣ временныхъ обитателей дома, приглашены были разказать съ своей стороны все могущее пролить свѣтъ на разбираемое дѣло. Но и тотъ, и другой объявили, что имъ ровно ничего неизвѣстно. Не слыхали ли они въ прошлую ночь какого подозрительнаго шума? спрашивалъ надзиратель. Ничего не слыхали, кромѣ шума дождя.

— А вы, обратился онъ ко мнѣ, также ничего не слыхали лежа безъ сна долѣе другихъ?

— Рѣшительно ничего!

Освобожденный отъ дальнѣйшихъ разспросовъ, мистеръ Франклинъ, все еще отчаиваясь въ успѣхѣ предпріятія, шепнулъ мнѣ на ухо: „Этотъ господинъ не окажетъ намъ ни малѣйшей помощи. Надзиратель Сигревъ настоящій оселъ.“ Между тѣмъ какъ мистеръ Годфрей, окончивъ свои показанія, шепталъ мнѣ съ другой стороны: „Сейчасъ видно, что это знатокъ своего дѣла! Я сильно на него надѣюсь, Бетереджъ!“

Сколько людей, столько же и различныхъ мнѣній, — такъ сказалъ еще до меня одинъ изъ древнихъ философовъ. Чтобы продолжать свои изслѣдованія, надзиратель снова вернулся въ будуаръ, неотступно сопровождаемый мною и Пенелопой. Онъ хотѣлъ удостовѣриться, не переставлена ли была ночью

Digitized by Google

какая-нибудь мебель, такъ какъ поверхностный осмотръ комнаты не далъ ему возможности убѣдиться въ этомъ.

Между тѣмъ какъ мы тарили около столовъ и стульевъ, дверь спальни внезапно отворилась, и миссъ Рахиль, никого къ себѣ не допускавшая, ко всеобщему удивленію вышла къ намъ безъ всякаго вызова. Взявъ со стула свою круглую садовую шляпку, она прямо подошла къ Пенелопѣ съ слѣдующимъ вопросомъ:

— Мистеръ Франклинъ Блекъ посылалъ васъ сегодня утромъ ко мнѣ?

— Да, миссъ, посылалъ.

— Онъ желалъ говорить со мною, не такъ ли?

— Точно такъ, миссъ.

— Гдѣ же онъ теперь?

Слыша голоса на террасѣ, я выглянулъ изъ окошка и увидалъ ходившихъ по ней джентльменовъ.

— Мистеръ Франклинъ на террасѣ, миссъ, отвѣчалъ я за свою дочь.

Не сказавъ болѣе ни слова, не обративъ ни малѣйшаго вниманія на надзирателя, хотѣвшаго было заговорить съ ней, блѣдная какъ смерть и погруженная въ свои собственныя мысли, миссъ Рахиль вышла изъ комнаты и спустилась на террасу къ своимъ двоюроднымъ братьямъ.

Сознаюсь, что я нарушилъ въ этомъ случаѣ должное къ моимъ господамъ уваженіе, что я оскорбилъ приличіе и выказалъ недостатокъ хорошихъ манеръ, но хоть зарѣжьте меня, а я не въ силахъ былъ удержаться отъ искушенія посмотрѣть изъ окошка, какъ встрѣтится миссъ Рахиль съ джентльменами. Она прямо подошла къ мистеру Франклину, словно не замѣчая присутствія мистера Годфрея, который изъ скромности отошелъ къ сторонѣ и оставилъ ихъ вдвоемъ. Миссъ Рахиль говорила не долго, но съ большою запальчивостію; и судя по лицу мистера Франклина, которое я наблюдалъ изъ окна, слова ея привели его въ неописанное изумленіе.

Между тѣмъ какъ они еще разговаривали, на террасѣ появилась миледи. Увидавъ ее, миссъ Рахиль сказала еще нѣсколько словъ мистеру Франклину, и не дождавшись приближенія матери, внезапно возвратилась домой. Замѣтивъ изумленіе, написанное на лицѣ мистера Франклина, удивленная миледи обратилась къ нему съ разспросами, въ которыхъ принялъ участіе и мистеръ Годфрей. Всѣ трое стали

Digitized by Google

ходить по террасѣ, но когда мистеръ Франклинъ сообщилъ имъ о словахъ миссъ Рахили, миледи и мистеръ Годфрей остановились какъ вкопанные. Въ ту минуту какъ я слѣдилъ за ними изъ окошка, дверь кабинета растворилась съ шумомъ, и гнѣвная миссъ Рахиль, съ сверкающимъ взоромъ и воспламененнымъ лицомъ, быстро прошла мимо насъ къ своей спальнѣ. Надзиратель опять было обратился къ ней съ вопросами, но она, стоя у двери своей комнаты, обернулась только для того, чтобы запальчиво проговорить ему въ отвѣтъ:

— Я не посылала за вами, и вы мнѣ ненужны! Мой алмазъ пропалъ, но ни вамъ, да и никому на свѣтѣ не удастся отыскать его!

Съ этими словами она скрылась, и хлопнувъ дверью, заперла ее у насъ подъ носомъ. Пенелопа, стоявшая къ ней ближе всѣхъ, слышала, какъ, оставшись одна, миссъ Рахиль громко зарыдала.

Чудное дѣло! То въ сердцахъ, то въ слезахъ! Что̀ бы это могло значить?

Я старался объяснить эту вспышку надзирателю чрезмѣрнымъ огорченіемъ миссъ Рахили по случаю пропажи ея алмаза. Дорожа фамильною честью, я былъ весьма опечаленъ тѣмъ, что ваша молодая госпожа компрометтировала себя такимъ образомъ въ глазахъ полицейскаго чиновника, и потому я всячески старался оправдать ее, не переставая въ то же время удивляться про себя страннымъ рѣчамъ и поступкамъ миссъ Рахили. Изъ словъ, сказанныхъ ею у дверей спальни, я могъ только заключить, что она была жестоко оскорблена появленіемъ въ домѣ полицейскихъ сыщиковъ, и что удивленіе мистера Франклина на террасѣ вызвано было, вѣроятно, ея упреками на этотъ счетъ, обращенными къ нему, какъ къ главному виновнику предпринятыхъ розысковъ. Но если предположеніе мое было основательно, то какъ могла миссъ Рахиль, разъ утративъ свой алмазъ, столь недружелюбно относиться къ лицу пріѣхавшему его разыскивать? И почему, ради самого Бога, могла она знать, что Лунный камень никогда не отыщется?

При настоящемъ положеніи дѣлъ мнѣ не отъ кого было ждать разъясненія этихъ вопросовъ. Честь, повидимому, воспрещала мистеру Франклину посвятить даже такого стараго слугу какъ я въ тайну миссъ Рахили. Съ своей стороны и мистеръ Годфрей, хотя и пользовавшійся, въ качествѣ

Digitized by Google

джентельмена и родственника, довѣріемъ мистера Франклина, вѣроятно, считалъ своею обязанностію неварушимо хранить ввѣренную ему тайну. Что же касается до миледи, которая, конечно, знала о разговорѣ на террасѣ и сверхъ того одна только имѣла доступъ къ миссъ Рахили, миледи прямо сознавала себя безсильною добиться отъ дочери какого-либо путнаго объясненія насчетъ алмаза. „Вы бѣсите меня своими разспросами о немъ!“ говорила миссъ Рахиль, и даже вліяніе матери не могло вырвать у нея другихъ словъ.

Такимъ образомъ мы были какъ въ потемкахъ и насчетъ миссъ Рахили, и насчетъ Лунного камня. Относительно первой даже сама миледи не могла разсѣять нашихъ недоумѣній. А относительно втораго (какъ вы сейчасъ увидите) мистеръ Сигревъ быстро приближался къ тому моменту, когда умъ полицейскаго сыщика окончательно становится въ тупикъ.

Обшаривъ весь будуаръ и не сдѣлавъ никакихъ новыхъ открытій, нашъ опытный дѣлецъ обратился ко мнѣ съ слѣдующимъ вопросомъ: извѣстно ли было прислугѣ, куда спрятали на ночь алмазъ?

— Начиная съ меня, вѣроятно, это было извѣстно всѣмъ, сэръ, отвѣчалъ я.—Слуга Самуилъ находился вмѣстѣ со мною въ столовой въ то время, какъ зашла рѣчь о выборѣ мѣста для храненія алмаза въ эту ночь. Дочери моей Пенелопѣ, какъ она уже докладывала вамъ, это также было извѣстно. А остальные слуги могли или узнать объ этомъ чрезъ мою дочь и Самуила, или сами услыхать этотъ разговоръ чрезъ боковую дверь столовой, которая, быть-можетъ, была отворена въ эту минуту около задней лѣстницы. Во всякомъ случаѣ я никакъ не могъ поручиться, чтобы въ домѣ не было извѣстно всѣмъ и каждому куда миссъ Рахиль собиралась спратать свой алмазъ.

Такъ какъ надзиратель нашелъ, что отвѣтъ мой представлялъ слишкомъ обширное поле для его догадокъ, то чтобы не затеряться на немъ, онъ попытался нѣсколько сжать его разспросами о личности нашихъ слугъ.

Мнѣ тотчасъ же пришла въ голову Розанна Спермавъ, но было бы неумѣстно и жестоко съ моей стороны возбуждать подозрѣнія надзирателя противъ бѣдной дѣвушки, въ честности которой я не имѣлъ ни малѣйшаго повода усомниться съ тѣхъ поръ, какъ она поступила къ намъ въ услуженіе. Рекомендуя ее миледи, надзирательница исправительнаго

Digitized by Google

дома прибавляла, что Розанна искренно раскаялась и заслуживаетъ теперь полнаго довѣрія. Вотъ еслибы мистеръ Сигревъ самъ возымѣлъ противъ нея подозрѣнія, тогда, и только тогда, обязанъ бы я былъ разказать ему, какимъ образомъ попала она въ нашъ домъ.

— Всѣ наши слуги имѣютъ отличные аттестаты, сказалъ я, — и всѣ они достойны довѣрія своей госпожи.

Послѣ такого отвѣта мистеру Сигреву ничего болѣе не оставалось дѣлать, какъ самому ознакомиться съ репутаціей нашей прислуги.

Всѣ они были поочередно подвергнуты допросу, и всѣ отвѣчали, что ничего не могутъ сообщить ему; при чемъ женщины не ограничились одними прямыми отвѣтами, но наговорили много лишняго и непріятнаго по поводу секвестра, наложеннаго на ихъ комнаты. Когда всѣ были снова отпущены внизъ, надзиратель опять позвалъ Пенелопу и вторично допросилъ ее.

Маленькая вспышка моей дочери въ будуарѣ и поспѣшность, съ которою она вообразила себя заподозрѣнною въ покражѣ, казалось, произвели невыгодное впечатлѣніе на надзирателя Сигрева. Сверхъ того, ему очевидно запало на умъ и то обстоятельство, что она послѣдняя видѣла въ этотъ вечеръ алмазъ. По окончаніи втораго допроса, дочь моя вернулась ко мнѣ разогорченною до нельзя. Сомнѣваться долѣе было невозможно. Надзиратель только что не назвалъ ее въ глаза воровкой. Мнѣ не вѣрилось (глядя на него съ точки зрѣнія мистера Франклина), чтобъ онъ былъ дѣйствительно такой оселъ. Однако, не взводя на дочь мою прямыхъ обвиненій, онъ все-таки посматривалъ на нее не совсѣмъ-то благопріятнымъ окомъ. Я старался успокоить бѣдную Пенелопу и увѣрить ее, что подозрѣнія эти были слишкомъ забавны, чтобы придавать имъ серіозное значеніе. Да и въ самомъ дѣлѣ это было такъ. А между тѣмъ въ душѣ я и самъ былъ настолько глупъ, что обижался, кажется, не менѣе Пенелопы. Да коли хотите, оно и было чѣмъ обидѣться. Дѣвка моя забилась въ уголокъ и сидѣла тамъ какъ убитая, закрывъ лицо передникомъ. Вы скажете, пожалуй, читатель, что это было весьма глупо съ ея стороны, и что ей слѣдовало бы подождать офиціальнаго обвиненія. Какъ человѣкъ прямаго и ровнаго характера, я готовъ согласиться съ вами. Однако все-таки надзирателю не мѣшало бы вспомнить.... ну, да не

Digitized by Google

скажу, что̀ именно не мѣшало бы ему вспомнить. Чортъ бы его побралъ совсѣмъ!

Слѣдующій и окончательный шагъ въ предпринятыхъ розыскахъ довелъ дѣла, какъ говорится, до кризиса. Надзиратель имѣлъ съ моею госпожой свиданіе (при которомъ присутствовалъ и я); объявилъ ей, что алмазъ, по всей вѣроятности, похищенъ кѣмъ-нибудь изъ домашнихъ, и просилъ для себя и для своихъ помощниковъ позволенія немедленно обыскать комнаты и сундуки прислуги. Наша добрая госпожа, какъ женщина великодушная и благовоспитанная, отвѣчала, что не позволитъ обходиться съ своими служителями какъ съ ворами.

— Никогда не рѣшусь я, сказала она, — отплатить неблагодарностію за усердіе моихъ преданныхъ слугъ.

Послѣ такого отвѣта надзиратель сталъ откланиваться, бросивъ въ мою сторону взглядъ, который ясно говорилъ: „Зачѣмъ было звать меня, коли вы связываете мнѣ руки?“ Какъ глава прислуги, я тотчасъ же почувствовалъ, что справедливость обязываетъ насъ всѣхъ не злоупотреблять великодушіемъ нашей госпожи.

— Мы весьма признательны миледи, сказалъ я, — но просимъ позволенія исполнить все по закону и сами отдаемъ наши ключи. Если Габріель Бетереджъ первый покажетъ примѣръ, сказалъ я, останавливая у двери мистера Сигрева, — то вся прислуга поступитъ также. За это я ручаюсь. Вотъ вамъ прежде всего мои собственные ключи!

Миледи взяла меня за руку и со слезами на глазахъ благодарила за этотъ поступокъ. Боже! чего бы не далъ я въ эту минуту за позволеніе поколотить надзирателя Сигрева!

Остальные слуги, какъ я и ожидалъ, послѣдовали моему примѣру, и хотя не совсѣмъ охотно, однако рѣшились дѣйствовать заодно со мной. Нужно было видѣть женщинъ въ то время, когда полицейскіе рылись въ ихъ сундукахъ. Кухарка такъ смотрѣла на надзирателя, какъ будто ей хотѣлось посадить его въ печь живаго, а остальныя женщины словно готовились проглотить его, какъ только онъ поджарится.

Когда обыскъ кончился, и нигдѣ не нашлось даже и слѣда алмаза, надзиратель Сигревъ удалился въ мою маленькую комнату, чтобы составить себѣ дальнѣйшій планъ дѣйствій. Уже нѣсколько часовъ провелъ онъ въ нашемъ домѣ съ своими помощниками, а между тѣмъ мы ни на волосъ не

Digitized by Google

подвинулись въ розысканіи Лунного камня и его таинственнаго похитителя. Пока мистеръ Сигревъ сидѣлъ одинъ, погруженный въ свои размышленія, меня позвали къ мистеру Франклину въ библіотеку. Но едва успѣлъ я дотронуться до ручки двери, какъ она внезапно отворилась изнутри, и къ моему величайшему удивленію, изъ комнаты выскочила Розанна Сперманъ!

Библіотеку обыкновенно подметали и убирали поутру, послѣ чего въ продолженіе цѣлаго дня ни первой, ни второй горничной не зачѣмъ было являться въ эту комнату, и потому я тутъ же остановилъ Розанну Сперманъ, уличая ее въ нарушеніи домашней дисциплины.

— Что̀ вамъ понадобилось въ библіотекѣ въ такую необыкновенную пору? спросилъ я.

— Мистеръ Франклинъ Блекъ обронилъ одно изъ своихъ колецъ на верху, отвѣчала Розанна, — и я сошла въ библіотеку, чтобъ отдать ему это кольцо.

Съ этими словами дѣвушка вспыхнула и удалилась, самодовольно тряхнувъ головой и предоставивъ мнѣ ломать голову надъ ея страннымъ поведеніемъ. Правда, постигшая насъ бѣда произвела переполохъ между всею женскою прислугой, но ни одна изъ женщинъ не была до такой степени выбита изъ своей колеи, какъ Розанна Сперманъ.

Я засталъ мистера Франклина за письменнымъ столомъ въ библіотекѣ. Лишь только я взошелъ, онъ потребовалъ себѣ экипажъ, чтобъ ѣхать на станцію желѣзной дороги, и одинъ звукъ его голоса убѣдилъ меня, что энергическая сторона его характера снова одержала верхъ. Куда дѣвались его вялость и нерѣшительность? Предо мной снова сидѣлъ человѣкъ съ желѣзною волей и непоколебимою твердостью.

— Не собираетесь ли въ Лондонъ, сэръ? спросилъ я.

— Нѣтъ, хочу только отправить туда депешу, отвѣчалъ мистеръ Франклинъ. — Я убѣдилъ тетушку, что для нашего дѣла необходимъ человѣкъ болѣе искусный чѣмъ надзиратель Сигревъ, и она уполномочила меня телеграфировать къ моему отцу. Онъ знакомъ съ шефомъ лондонской полиціи, который, вѣроятно, сумѣетъ указать намъ человѣка, способнаго открыть таинственнаго похитителя алмаза. Кстати, о тайнахъ; продолжалъ мистеръ Франклинъ, понижая голосъ:—я намѣренъ, Бетереджъ, сказать вамъ еще нѣсколько словъ прежде чѣмъ вы отправитесь на конюшню. Пусть это

Digitized by Google

остается пока между нами; но знайте, что мое мнѣніе таково: или Розанна Спермавъ не въ своемъ умѣ, или она знаетъ о Лунномъ камнѣ болѣе чѣмъ бы ей слѣдовало знать.

Слова эти и поразили, и смутили меня. Будь я помоложе, я, пожалуй, созналася бы въ этомъ мистеру Франклину; но съ лѣтами мы пріобрѣтаемъ одну неоцѣненную привычку—умѣніе вò-время попридержать свой языкъ, на основаніи пословицы: „не суйся въ воду, не спросясь броду“.

— Она принесла сюда кольцо, которое я обронилъ въ своей спальнѣ, продолжалъ мистеръ Франклинъ.—Я поблагодарилъ ее и ожидалъ, что она тотчасъ же уйдетъ; но вмѣсто того она стала насупротивъ стола, за которымъ я сидѣлъ, и устремила на меня странный, полуробкій, полубезцеремонный взглядъ. „Мудреное дѣло приключилось у насъ съ алмазомъ, сэръ“, сказала она неожиданно и опрометчиво, приступая къ разговору. Я отвѣчалъ ей, что все это, дѣйствительно, было чрезвычайно мудрено, и ждалъ, чтò будетъ дальше. Клянусь честью, Бетереджъ, она помѣшалась. „А вѣдь имъ не найдти алмаза, сэръ, неправда ли? Нѣтъ! Да не только имъ, но даже и тому, кто похитилъ его, за это я вамъ ручаюсь“, сказала она, подмигивая мнѣ съ улыбкой. Я только что собирался просить у нея объясненія, какъ вдругъ за дверью послышались ваши шаги. Должно-быть, она испугалась, что вы ее застанете тутъ, потому что покраснѣла и сейчасъ же вышла изъ комнаты. Чтò бы это могло значить, Бетереджъ?

Даже послѣ такого разказа я не рѣшался открыть мистеру Франклину исторію Розанны. Это равнялось бы прямому обвиненію ея въ воровствѣ. Наконецъ, еслибы даже я и рѣшился открыть ему всю истину и указать на нее, какъ на похитительницу алмаза, то все-таки мнѣ было бы непонятно, почему она выбрала именно мистера Франклина повѣреннымъ своей тайны.

— Конечно, я не рѣшусь погубить бѣдную дѣвушку единственно за ея вѣтренность и безразсудную болтовню, продолжалъ мистеръ Франклинъ.—А между тѣмъ, узнай только надзиратель о томъ чтò она мнѣ сказала, и я не ручаюсь, что, несмотря на всю его глупость.... тутъ онъ остановился, не договоривъ своей мысли.

— Не лучше ли будетъ, сэръ, сказалъ я, — при первомъ удобномъ случаѣ доложить объ этомъ миледи? Миледи принимаетъ дружеское участіе въ Розаннѣ, и легко можетъ

Digitized by Google

статься, что эта дѣвушка дѣйствительно была только опрометчива и безразсудна въ своихъ сужденіяхъ. Замѣтьте, сэръ, что когда въ домѣ заваривается какая-нибудь каша, то вся женская прислуга обыкновенно смотритъ на исходъ дѣла съ самой мрачной стороны; это придаетъ бѣдняжкамъ нѣкоторое значеніе въ ихъ собственныхъ глазахъ. Заболитъ ли кто въ домѣ, послушайте только женщинъ, и онѣ напророчатъ вамъ, что больной умретъ. Пропадетъ ли драгоцѣнная вещь, спросите только у нихъ, и онѣ непремѣнно предскажутъ вамъ, что она никогда не отыщется.

Такой взглядъ на дѣло (который и мнѣ самому показался послѣ нѣкотораго размышленія правдоподобнымъ), повидимому, успокоилъ мистера Франклина: онъ сложилъ свою телеграмму и покончилъ свой разговоръ со мной. Отправляясь на конюшню, чтобы распорядиться насчетъ тарабана, я заглянулъ въ людскую, гдѣ въ это время обѣдала прислуга. Розанны Спермана не было за столомъ. Спросивъ о ней, я узналъ, что она внезапно занемогла и лежитъ наверху въ своей комнатѣ.

— Странно! сказалъ я, уходя. — Я видѣлъ ее недавно совершенно здоровою.

Пенелопа вышла за мной изъ людской.

— Не говорите этого при всѣхъ, батюшка, сказала она.— Вы этимъ еще болѣе вооружите прислугу противъ Розанны. Бѣдняжка изнываетъ отъ любви къ мистеру Франклину Блеку.

Послѣ такого открытія, поведеніе дѣвушки представлялось уже совсѣмъ въ иномъ свѣтѣ. Если Пенелопа не ошибалась, то можно было слѣдующимъ образомъ растолковать странныя слова и поступки Розанны: сама не думая о своихъ словахъ, она старалась только вовлечь какъ-нибудь въ разговоръ мистера Франклина. Если подобное истолкованіе было справедливо, то съ помощью его можно было, пожалуй, объяснить и ея самодовольный видъ при встрѣчѣ со мной въ прихожей. Хотя мистеръ Франклинъ сказалъ съ ней не болѣе трехъ словъ, однако, во всякомъ случаѣ, цѣль ея была достигнута: онъ говорилъ съ ней. Затѣмъ я отправился самолично наблюдать какъ запрягали пони.

Для человѣка, подобно мнѣ опутаннаго дьявольскою сѣтью всевозможныхъ тайнъ и сомнѣній, право, утѣшительно было видѣть какъ пряжки и ремни упряжи понимали другъ друга.

Digitized by Google

Глядя на пони, стоявшаго въ оглобляхъ тарабана, можно было, по крайней мѣрѣ, сказать себѣ: это фактъ, не подлежащій ни малѣйшему сомнѣнію. А такія отрадныя явленія, доложу вамъ, становились рѣдкою и непривычною роскошью въ нашемъ домѣ.

Подъѣзжая въ тарабанѣ къ главному подъѣзду, я увидѣлъ не только мистера Франклина, но и мистера Годфрея и надзирателя Сигрева, ожидавшихъ меня на крыльцѣ.

Размышленія господина надзирателя (послѣ неудачной попытки его найдти алмазъ въ комнатахъ или сундукахъ прислуги) привели его къ совершенно новому заключенію. Оставаясь при прежнемъ убѣжденіи, что алмазъ похищенъ кѣмъ-нибудь изъ домашнихъ, нашъ опытный служака пришелъ теперь къ той мысли, что воръ (надзиратель имѣлъ осторожность не назвать бѣдной Пенелопы по имени) дѣйствовалъ сообща съ Индѣйцами; вслѣдствіе чего онъ и предложилъ перенести слѣдствіе въ фризингальскую тюрьму, куда посажены были фокусники. Узнавъ объ этомъ новомъ намѣреніи, мистеръ Франклинъ вызвался свезти надзирателя въ городъ, рѣшивъ, что оттуда можно такъ же легко отправить телеграмму въ Лондонъ, какъ и со станціи желѣзной дороги. Мистеръ Годфрей, не терявшій своей благоговѣйной вѣры въ мистера Сигрева и въ высшей степени заинтересованный слѣдствіемъ надъ Индѣйцами, просилъ позволенія сопровождать надзирателя въ Фризингаллъ. Одинъ изъ полицейскихъ помощниковъ оставленъ былъ въ домѣ, для какого-либо непредвидѣннаго случая, а другой взятъ былъ надзирателемъ въ городъ. Такимъ образомъ всѣ четыре мѣста тарабана были заняты.

Предъ тѣмъ какъ садиться въ экипажъ, мистеръ Франклинъ отвелъ меня на нѣсколько шаговъ въ сторону, чтобы никто не могъ насъ слышать.

— Я подожду телеграфировать въ Лондонъ, сказалъ онъ,— пока не увижу, что̀ выйдетъ изъ допроса Индѣйцевъ. Мое внутреннее убѣжденіе говоритъ мнѣ, что этотъ пустоголовый надзиратель ни на шагъ не подвинулъ дѣла и просто старается только выиграть время. Предположеніе его, будто кто-нибудь изъ слугъ находится въ заговорѣ съ Индѣйцами, по моему мнѣнію, сущій вздоръ. Стерегите-ка получше домъ до моего возвращенія, Бетереджъ, и попробуйте попытать Розанну Спермавъ. Я не требую, чтобы вы

Digitized by Google

прибѣгали къ средствамъ унизительнымъ для вашего достоинства или жестокимъ относительно самой дѣвушки, но только прошу васъ усилить вашу обычную бдительность. Мы найдемъ чѣмъ объяснить это въ глазахъ тетушки, только не забывайте, что это дѣло болѣе важное чѣмъ вы, можетъ-быть, предполагаете.

— Еще бы не важное, сэръ, когда дѣло идетъ о двадцати тысячахъ фунтовъ стерлинговъ, сказалъ я, думая о стоимости алмаза.

— Дѣло идетъ о томъ, чтобъ успокоить Рахиль, серіозно отвѣчалъ Франклинъ. — Я очень тревожусь за нее.

Сказавъ это, онъ внезапно отошелъ отъ меня, чтобы разомъ положить конецъ нашему разговору. Я, казалось, понялъ его мысль; дальнѣйшія разглагольствованія могли бы выдать мнѣ тайну, сообщенную ему миссъ Рахилью на террасѣ.

Затѣмъ они отправились въ Фризингаллъ. Я былъ готовъ, въ интересахъ самой Розанны, поговорить съ ней наединѣ, но удобный случай какъ нарочно не представлялся. Она только къ чаю сошла внизъ и была въ такомъ ненормальномъ, возбужденномъ состояніи духа, что съ ней сдѣлался истерическій припадокъ; ей дали, по приказанію миледи, понюхать эѳиру и послали снова на верхъ.

Нечего сказать, скучно и грустно оканчивался этотъ день. Миссъ Рахиль не выходила изъ своей комнаты, объявивъ, что нездоровье помѣшаетъ ей сойдти къ обѣду. А миледи до того сокрушалась о дочери, что я не рѣшился увеличивать ея безпокойство разказомъ о томъ, что̀ говорила Розанна Спермакъ мистеру Франклину. Пенелопа была неутѣшна, воображая, что ее немедленно отдадутъ подъ судъ и приговорятъ къ ссылкѣ за воровство. Что же касается до остальныхъ женщинъ, то онѣ принялись за свои библіи и молитвенники, и занимаясь этимъ душеполезнымъ чтеніемъ, корчили самыя кислыя мины, что̀ обыкновенно случается, когда люди исполняютъ свои благочестивыя обязанности не въ положенное время. А я съ своей стороны не имѣлъ даже духу открыть своего *Робинзона Крузо*. Я вышелъ на дворъ, и чувствуя потребность развлечь себя пріятною компаніей, поставилъ стулъ у конуры и началъ бесѣдовать съ собаками.

За полчаса до обѣда, оба джентльмена вернулись изъ Фри-

Digitized by Google

зингалла, уговорившись съ надзирателемъ Сигревомъ, что онъ пріѣдетъ къ намъ на слѣдующій день. Они заѣзжали къ мистеру Мортвету, индѣйскому путешественнику, проживавшему въ то время вблизи отъ города. По просьбѣ мистера Франклина, онъ очень любезно согласился служить переводчикомъ при допросахъ двухъ Индѣйцевъ, не знавшихъ англійскаго языка. Однако, долгій и тщательный допросъ кончился ничѣмъ, такъ какъ не оказалось ни малѣйшаго повода подозрѣвать фокусниковъ въ стачкѣ съ кѣмъ-либо изъ нашихъ слугъ. Узнавъ о такомъ заключеніи надзирателя, мистеръ Франклинъ послалъ въ Лондонъ свою телеграфическую депешу, и на этомъ дѣло пока остановилось до слѣдующаго дня.

Объ истекшемъ днѣ говорить болѣе нечего, до сихъ поръ все еще оставалось покрыто глубокимъ мракомъ, который лишь чрезъ нѣсколько дней сталъ понемногу разсѣиваться. Какимъ образомъ это случилось и что̀ изъ этого воспослѣдовало, вы сейчасъ увидите сами.

XII.

Вечеръ четверга прошелъ безъ всякихъ приключеній. Но въ пятницу утромъ мы узнали двѣ новости. Первая изъ нихъ шла отъ булочника, который объявилъ, что въ четвергъ послѣ полудня онъ встрѣтилъ Розанну Спермакъ, пробиравшуюся подъ густымъ вуалемъ чрезъ болота въ направленіи къ Фризингаллу. Повидимому, странно было бы обознаться въ Розаннѣ, плечо которой дѣлало ее, бѣдняжку, черезчуръ замѣтною, но что булочникъ ошибся, это не подлежало ни малѣйшему сомнѣнію, потому что Розанна, какъ вамъ извѣстно, пролежала весь этотъ день больная у себя на верху съ самаго полудня. Второе извѣстіе принесъ почтальонъ. Уѣзжая отъ насъ подъ проливнымъ дождемъ въ день рожденія миссъ Рахили и замѣтивъ мнѣ тогда, что докторская кожа непромокаема, достойный мистеръ Канди сказалъ одну изъ своихъ самыхъ неудачныхъ остротъ, потому что, несмотря на плотность своей кожи, онъ все-таки промокъ до костей, простудился и схватилъ сильную горячку. Въ письмѣ, которое доставилъ намъ почтальонъ, насъ извѣщали, что бѣдняга лежитъ въ бреду и продолжаетъ врать всякій вздоръ такъ же бѣгло и безостановочно, какъ вралъ

Digitized by Google

его въ здравомъ видѣ. Мы всѣ сожалѣли о бѣдномъ маленькомъ докторѣ; но мистеръ Франклинъ, казалось, сожалѣлъ о его болѣзни преимущественно изъ опасенія за миссъ Рахиль. Изъ разговора его съ миледи во время завтрака можно было заключить, что если миссъ Рахиль не будетъ въ самомъ скоромъ времени успокоена насчетъ Лунного камня, то здоровье ея потребуетъ серіозной и немедленной помощи со стороны лучшихъ медиковъ въ околоткѣ.

Немного спустя послѣ завтрака пришла телеграмма отъ мистера Блека старшаго въ отвѣтъ на депешу сына. Онъ извѣщалъ насъ, что чрезъ своего пріятеля, шефа лондонской полиціи, онъ напалъ, наконецъ, на настоящаго полицейскаго сыщика, по имени приставъ Коффъ, который долженъ былъ на другой же день прибыть къ намъ изъ Лондона съ утреннимъ поѣздомъ.

Имя новаго полицейскаго сыщика, казалось, поразило мистера Франклина: въ бытность свою въ Лондонѣ онъ слыхалъ отъ отцовскаго адвоката много любопытныхъ разказовъ о приставѣ.

— Я начинаю надѣяться, что скоро наступитъ конецъ нашимъ тревогамъ, сказалъ онъ, прочитавъ депешу.—Если половина того, что̀ мнѣ разказывали объ этомъ человѣкѣ, справедлива, то въ цѣлой Англіи не найдти такого мастера, какъ приставъ Коффъ, для дознанія тайны!

По мѣрѣ того какъ приближалось время, назначенное для пріѣзда этого знаменитаго сыщика, мы съ каждою минутой становились все нетерпѣливѣе и тревожнѣе. Въ урочный часъ явился надзиратель Сигревъ, но узнавъ, что мы ждемъ пристава, немедленно заперся въ отдѣльную комнату, и запасшись необходимыми письменными принадлежностями, принялся составлять черновой отчетъ, котораго, по всей вѣроятности, отъ него должны были потребовать. Я охотно отправился бы и самъ на станцію желѣзной дороги, чтобы привести пристава. Но на карету и лошадей миледи не могъ разчитывать даже и знаменитый Коффъ, а кабріолетъ потребовался вечеромъ для мистера Годфрея. Мистеръ Годфрей глубоко сожалѣлъ о необходимости оставить свою тетушку въ такихъ непріятныхъ для нея обстоятельствахъ, и раздѣляя ея безпокойство, благосклонно откладывалъ свой отъѣздъ до послѣдняго поѣзда желѣзной дороги, чтобъ узнать мнѣніе знаменитаго лондонскаго сыщика о похищеніи алмаза.

Digitized by Google

Но въ пятницу вечеромъ ему необходимо было вернуться въ городъ, чтобы въ субботу утромъ присутствовать на засѣданіи женскаго благотворительнаго комитета, нуждавшагося въ его совѣтахъ по поводу какого-то серіознаго затрудненія.

Когда наступило время для пріѣзда пристава, я пошелъ дожидаться его у воротъ.

Въ ту минуту какъ я подходилъ къ квартирѣ привратника, къ воротамъ подъѣхалъ извощичій кабріолетъ, изъ котораго вышелъ пожилой сѣдоватый человѣкъ, до такой степени худой и изможденный, что на всемъ тѣлѣ его, казалось, не было ни одного унца мяса. Это были кости, обтянутыя кожей и одѣтыя въ приличное черное платье съ бѣлымъ галстухомъ. Лицо его было остро какъ топоръ, а кожа суха и желта какъ поблекшій осенній листъ. Его свѣтлосѣрые стальнаго цвѣта глаза производили странное и вмѣстѣ съ тѣмъ непріятное впечатлѣніе. Вы какъ будто читали въ нихъ, что онъ предполагалъ найдти въ васъ гораздо болѣе нежели нашелъ. Походка его была медленная; голосъ меланхолическій, а длинные сухощавые пальцы были загнуты крючкомъ на подобіе когтей. Его можно было принять за пастора или подрядчика погребальныхъ процессій, словомъ, за кого хотите, только не за полицейскаго чиновника. Лица, болѣе противоположнаго надзирателю Сигреву и менѣе утѣшительнаго для людей огорченныхъ, трудно было бы отыскать, за это я могъ поручиться.

— Не здѣсь ли живетъ леди Веримдеръ? спросилъ онъ.

— Точно такъ, сэръ.

— Я приставъ Коффъ.

— Не угодно ли вамъ за мной пожаловать, сэръ?

Провожая его къ дому, я сообщилъ ему о своемъ имени и положеніи въ семействѣ, чтобы развязать ему языкъ насчетъ дѣла, по которому вызывала его моя госпожа. Однако о дѣлѣ-то онъ и не заикнулся. Онъ похвалилъ мѣстность, замѣтилъ, что морской воздухъ отличался весьма пріятною свѣжестью. А я въ это время ломалъ голову, спрашивая себя, чѣмъ могъ знаменитый Коффъ заслужить такую громкую репутацію. Такимъ образомъ мы дошли до дому въ настроеніи двухъ незнакомыхъ псовъ, въ первый разъ въ жизни посаженныхъ на одну цѣпь.

Спросивъ о миледи и узнавъ, что она прогуливается по

Digitized by Google

оранжереямъ, мы отправились въ нижній садъ и послали слугу предупредить ее о пріѣздѣ приетава.

Покамѣсть мы ждали возвращенія слуги, приставъ Коффъ бросилъ взглядъ налѣво, за зеленую арку, обвитую вѣчнозелеными растеніями, увидалъ сквозь нее нашу розовую плантацію и прямо направилъ къ ней свои шаги, между тѣмъ какъ на лицѣ его впервые отразилось нѣчто похожее на интересъ. Къ удивленію садовника и къ моему полному отвращенію, этотъ знаменитый полисменъ оказался настоящимъ мудрецомъ въ безполезномъ искусствѣ разведенія розъ.

— Славное выбрали вы для нихъ мѣстечко, на югъ и на юго-западъ, сказалъ приставъ, качая своею сѣдоватою головой, и меланхолическій голосъ его зазвучалъ удовольствіемъ.—Вотъ настоящая планировка для розовыхъ кустовъ—клумбы, расположенныя кругами, обнесенныя квадратами. Такъ, такъ, а между ними дорожки. Но для чего онѣ изъ гравеля? Засѣйте ихъ лучше газономъ, господинъ садовникъ, гравель негодится для вашихъ розъ. О, какая очаровательная группа бѣлыхъ и красныхъ розъ! Неправда ли, какое милое сочетаніе цвѣтовъ? А вотъ бѣлая мускатная роза, мистеръ Бетереджъ, наша старинная англійская роза, которою можно любоваться на-ряду съ лучшими и новѣйшими сортами. Охъ, ты моя миленькая! сказалъ приставъ, нѣжно лаская мускатную розу своими изсохшими пальцами и разговаривая съ нею какъ съ ребенкомъ.

Болѣе деликатнаго человѣка для разысканія алмаза миссъ Рахили и для открытія вора поистинѣ нельзя было придумать!

— Вы, кажется, очень любите розы, приставъ? спросилъ я.

— У меня слишкомъ мало времени, чтобы тратить его на какія бы то ни было забавы, отвѣчалъ приставъ Коффъ.— Но когда случается и у меня свободная минутка, мистеръ Бетереджъ, то я почти всегда посвящаю ее моимъ любимицамъ. Я взросъ между ними въ питомникѣ отца моего, и если удастся, то съ ними же проведу и остатокъ дней моихъ. Да, коли угодно будетъ Богу, я думаю не иначе—завтра совсѣмъ отказаться отъ поимки воровъ и начать ухаживать за розами. Но дорожки въ моемъ садикѣ будутъ непремѣнно зеленыя, господинъ садовникъ, сказалъ приставъ, на котораго нашъ гравель, очевидно, произвелъ самое невыгодное впечатлѣніе.

Digitized by Google

— А вѣдь, смѣю сказать, для человѣка вашей профессіи это довольно странные вкусы, сэръ, рѣшился я замѣтить.

— Если вы оглянетесь кругомъ себя (чего однако многіе не дѣлаютъ), сказалъ приставъ Коффъ,—то вы замѣтите, что въ большинствѣ случаевъ врожденныя наклонности человѣка бываютъ діаметрально противоположны его офиціальнымъ занятіямъ. Найдите мнѣ двѣ вещи болѣе неподходящія другъ къ другу чѣмъ роза и воръ, и я постараюсь измѣнить свои вкусы, если только не ушло время. Я вижу, что вы употребляете дамасскую розу, господинъ садовникъ, какъ красивую подставку для болѣе нѣжныхъ и мелкихъ сортовъ. Я и самъ того же мнѣнія. А кто эта леди, которая идетъ сюда? Вѣроятно, леди Вериндеръ.

Приставъ увидалъ ее прежде чѣмъ я или садовникъ успѣли замѣтить, несмотря на то что онъ не зналъ, а мы оба знали съ какой стороны должна была придти она, изъ чего я вывелъ заключеніе, что приставъ былъ гораздо шустрѣе нежели это казалось съ перваго взгляда.

Появленіе новаго сыщика или дѣло, по которому онъ былъ вызванъ, а быть-можетъ, и то и другое вмѣстѣ, повидимому, сильно смутили мою госпожу. Въ первый разъ въ жизни пришлось мнѣ видѣть, что она не знала какъ начать разговоръ съ постороннимъ человѣкомъ. Но мистеръ Коффъ сейчасъ же вывелъ ее изъ затрудненія. Онъ спросилъ, не призывали ли до него другаго сыщика; и узнавъ, что надзиратель Сигревъ уже велъ слѣдствіе и находился теперь у насъ, выразилъ желаніе прежде всего переговорить съ нимъ. Миледи направилась къ дому. Предъ тѣмъ чтобы послѣдовать за ней, приставъ обратился къ садовнику и облегчилъ свою душу послѣднимъ прощальнымъ замѣчаніемъ насчетъ гравельныхъ дорожекъ.

— Уговорите-ка миледи засѣять ихъ лучше газономъ, сказалъ онъ, бросая кислый взглядъ на дорожки.—Только не гравель, господинъ садовникъ, отнюдь не гравель!

Отчего надзиратель Сигревъ, будучи представленъ приставу Коффу, показался мнѣ несравненно ниже своего дѣйствительнаго роста, этого я никакъ не берусь объяснить; мое дѣло только заявить фактъ, который бросился мнѣ въ глаза. Оба сослуживца удалились въ отдѣльную комнату и долго оставались тамъ наединѣ, не впуская къ себѣ на

Digitized by Google

единаго живаго существа. Когда они вышли, г. надзиратель казался взволнованнымъ, а г. приставъ зѣвалъ.

— Приставъ желаетъ осмотрѣть будуаръ миссъ Верриндеръ, сказалъ мистеръ Сигревъ, обращаясь ко мнѣ съ величайшею торжественностью и большимъ воодушевленіемъ.— Приставу могутъ понадобиться нѣкоторыя указанія. Не угодно ли вамъ проводить пристава.

Слушая все это, я смотрѣлъ на знаменитаго Коффа, а знаменитый Коффъ въ свою очередь смотрѣлъ на надзирателя Сигрева своимъ спокойнымъ испытующимъ взглядомъ, который давно уже былъ мною подмѣченъ. Конечно, я не могъ утверждать, чтобъ онъ выжидалъ той минуты, когда его сотоварищъ явится предъ нимъ въ роли осла; но скажу, что я сильно подозрѣвалъ это.

Я шелъ впереди, показывая дорогу на верхъ. Приставъ осторожно обшарилъ индѣйскій шкафикъ, осторожно осмотрѣлъ будуаръ, и обращаясь частію къ надзирателю, а большею частію ко мнѣ, предлагалъ намъ вопросы, тайная цѣль которыхъ казалась непонятною для насъ обоихъ. Продолжая осмотръ комнаты, онъ дошелъ наконецъ до двери спальни и остановившись предъ извѣстною вамъ декораціей, вопросительно ткнулъ своимъ сухощавымъ пальцемъ въ небольшое пятно подъ самою замочною скважиной, которое уже замѣчено было надзирателемъ Сигревомъ, въ то время какъ онъ выгонялъ изъ будуара женщинъ, столпившихся туда для показаній.

— Какая жалость! сказалъ приставъ Коффъ. — Кто сдѣлалъ это пятно? прибавилъ онъ, обращаясь ко мнѣ.

Я отвѣчалъ, что, вѣроятно, въ этомъ виноваты были юнки женщинъ, которыя приходили сюда наканунѣ для допроса.— Но надзиратель Сигревъ тотчасъ же выпроводилъ ихъ вонъ, сэръ, чтобъ онѣ не надѣлали еще бо́льшаго вреда, поспѣшилъ я прибавить.

— Дѣйствительно такъ, подтвердилъ надзиратель своимъ воинственнымъ голосомъ.—Я тотчасъ же скомандовалъ имъ внизъ. Всему виной ихъ юнки, приставъ, непремѣнно ихъ юнки.

— А не замѣтили ли вы какая именно юнка надѣлала это? спросилъ приставъ Коффъ, продолжая разспрашивать меня, а не своего сослуживца.

— Не замѣтилъ, сэръ.

Digitized by Google

— Ну, такъ, вѣроятно, вы замѣтили? сказалъ онъ, обращаясь на этотъ разъ къ надзирателю.

Г. надзиратель былъ видимо застигнутъ врасплохъ, но постарался вывернуться.

— Такимъ вздоромъ не стóило обременять свою память, приставъ, сказалъ онъ,—пустяки, сущіе пустяки.

Приставъ Коффъ посмотрѣлъ на мистера Сигрева тѣмъ же самымъ взглядомъ, какимъ онъ смотрѣлъ на гравельныя дорожки въ нашемъ цвѣтникѣ, и не покидая своего меланхолическаго тона, далъ намъ впервые почувствовать свои способности.

— На прошедшей недѣлѣ, господинъ надзиратель, я производилъ одно тайное слѣдствіе, сказалъ онъ.—Съ одной стороны было убійство, съ другой—чернильное пятно на скатерти, появленіе котораго никто не могъ объяснить. Скажу вамъ, что съ тѣхъ поръ какъ я странствую по грязнѣйшимъ закоулкамъ этого грязнаго маленькаго міра, я еще ни разу не нападалъ на то, что̀ называютъ пустяками; и потому прежде чѣмъ приступать къ какимъ-либо дальнѣйшимъ мѣрамъ, намъ слѣдуетъ отыскать ту юнку, которая сдѣлала это пятно, и удостовѣриться, когда именно могла высохнуть эта краска.

Съ неудовольствіемъ проглотивъ эту первую пилюлю, г. надзиратель надулся и спросилъ пристава, не прикажетъ ли онъ созвать женщинъ. Приставъ Коффъ подумалъ немного, вздохнулъ и покачалъ головой.

— Нѣтъ, сказалъ онъ, — мы сначала займемся краской. Вопросъ о краскѣ можно рѣшить въ двухъ словахъ; между тѣмъ какъ вопросъ о женской юнкѣ потребуетъ гораздо болѣе времени. Въ которомъ часу приходили сюда вчера утромъ женщины? Въ одиннадцать часовъ, не такъ ли? Нѣтъ ли въ домѣ человѣка, который могъ бы рѣшить намъ, суха была въ это время краска или нѣтъ?

— Никто не можетъ рѣшить этого, кромѣ мистера Франклина Блекъ, племянника миледи, сказалъ я.

— Дома ли теперь этотъ джентльменъ?

Мистеръ Франклинъ сидѣлъ въ сосѣдней комнатѣ, выжидая случая быть представленнымъ великому Коффу. Чрезъ минуту онъ явился въ будуарѣ и сдѣлалъ слѣдующее показаніе:

— Эта дверь, приставъ, сказалъ онъ,—была разрисована

Digitized by Google

самою миссъ Верндеръ, подъ моимъ личнымъ наблюденіемъ и руководствомъ и съ помощью изобрѣтеннаго мною состава, который совершенно высыхаетъ чрезъ двѣнадцать часовъ времени, съ какими бы красками его ни смѣшивали.

— Не помните ли вы, сэръ, когда окончекъ былъ этотъ попорченный кусочекъ? спросилъ приставъ.

— Конечно помню, отвѣчалъ мистеръ Франклинъ. — Это было послѣднее недорисованное мѣсто. Намъ нужно было кончить его въ прошедшую середу и я собственноручно дорисовалъ его въ тотъ же день около трехъ часовъ пополудни.

— Сегодня пятница, сказалъ приставъ Коффъ, обращаясь къ надзирателю Сигреву.—Вернемтесь назадъ и будемъ считать съ самаго начала, сэръ. Въ три часа пополудни, въ среду, это мѣсто было дорисовано. Составъ долженъ былъ высохнуть чрезъ двѣнадцать часовъ, слѣдовательно къ тремъ часамъ утра въ четвергъ краска была совершенно суха. Въ одиннадцать часовъ вы призвали сюда женщинъ для снятія показаній. Вычтите изъ одиннадцати три, останется восемь. Слѣдовательно, господинъ надзиратель, краска *высохла за восемь часовъ* до того времени, когда вы обвинили женскія юпки въ причиненіи этого пятна.

Это былъ второй жестокій ударъ для мистера Сигрева! Не заподозри онъ бѣдную Пенелопу, мнѣ кажется, я пожалѣлъ бы его.

Когда вопросъ о краскѣ былъ порѣшенъ, приставъ Коффъ потерялъ послѣднее уваженіе къ своему сотоварищу и сталъ преимущественно обращаться къ мистеру Франклину, какъ къ болѣе дѣльному и смышленому изъ своихъ помощниковъ.

— Вы превосходно подыскали намъ ключъ къ разгадкѣ этой тайны, сэръ, сказалъ приставъ.

Но въ ту самую минуту какъ онъ произносилъ эти слова, дверь спальни отворилась, и миссъ Рахиль внезапно вошла въ будуаръ.

Она прямо обратилась къ приставу, какъ будто не считая его за незнакомаго человѣка.

— Не вы ли сказали сейчасъ, спросила она, указывая на мистера Франклина,—что *онъ* подыскалъ вамъ ключъ къ разгадкѣ тайны?

— Это миссъ Верндеръ, прошепталъ я на ухо приставу.

Digitized by Google

— Очень можетъ быть, миссъ, отвѣчалъ приставъ, пытливо устремляя свои стальные глаза на лицо моей молодой госпожи,—очень можетъ быть, что этотъ джентльменъ дѣйствительно навелъ насъ на „настоящій слѣдъ“.

Она повернула голову и попыталась взглянуть на мистера Франклина. Я говорю: попыталась, потому что прежде чѣмъ глаза ихъ встрѣтились, она уже смотрѣла въ другую сторону. Въ умѣ ея, казалось, происходила какая-то странная борьба. Она сначала покраснѣла, потомъ поблѣднѣла, и вмѣстѣ съ блѣдностію на лицѣ ея появилось выраженіе, которое заставило меня вздрогнуть.

— Отвѣтивъ на вашъ вопросъ, миссъ, сказалъ приставъ Коффъ, — я беру на себя смѣлость, въ свою очередь, просить у васъ нѣкоторыхъ объясненій. На этой разрисованной двери есть пятно. Не можете ли вы сказать мнѣ, когда или кѣмъ оно было сдѣлано?

Не обративъ ни малѣйшаго вниманія на его слова, какъ будто бы онъ и не говорилъ ихъ, миссъ Рахиль возобновила свои вопросы.

— Вы новый сыщикъ? спросила она.

— Я приставъ Коффъ, миссъ, изъ слѣдственной полиціи.

— Примете ли вы совѣтъ молодой дѣвушки?

— Очень радъ буду его выслушать, миссъ.

— Итакъ, исполняйте вашу обязанность сами и не позволяйте мистеру Франклину Блеку помогать вамъ.

Она сказала это съ такимъ дикимъ озлобленіемъ, съ такимъ необъяснимымъ взрывомъ негодованія противъ мистера Франклина, что мнѣ въ первый разъ въ жизни сдѣлалось стыдно за миссъ Рахиль, несмотря на то что я любилъ и уважалъ ее не менѣе самой миледи.

Приставъ Коффъ не спускалъ съ нея своихъ неподвижныхъ сѣрыхъ глазъ.

— Благодарю васъ, миссъ, отвѣчалъ онъ. — Но не знаете ли вы чего-нибудь о пятнѣ? Быть-можетъ, вы сами сдѣлали его какъ-нибудь случайно?

— О пятнѣ мнѣ ровно ничего не извѣстно, отвѣчала миссъ Рахиль, и съ этими словами опять ушла въ свою спальню и заперлась на ключъ. На этотъ разъ и я услыхалъ, подобно Пенелопѣ, какъ она начала плакать, оставшись одна. Не смѣя взглянуть на пристава, я взглянулъ на мистера

Digitized by Google

Франклина, который стоялъ ко мнѣ поближе. Онъ казался еще болѣе огорченнымъ нежели я.

— Теперь вы видите, сказалъ онъ мнѣ,—что я имѣлъ причину о ней безпокоиться.

— Миссъ Верриндеръ немножко взволнована вслѣдствіе потери своего алмаза, замѣтилъ приставъ,—да и весьма естественно, весьма естественно! Лишиться такой драгоцѣнности!

Тѣ же самыя слова, въ которыхъ я старался наканунѣ извинить ее предъ надзирателемъ Сигревомъ, повторялъ теперь совершенно посторонній намъ человѣкъ, который не могъ принимать въ миссъ Рахили такое живое участіе, какое принималъ въ ней я! Холодная дрожь пробѣжала по моему тѣлу, хотя я и не могъ дать себѣ отчета въ этомъ чувствѣ. Но теперь я сознаю совершенно ясно, что въ умѣ моемъ впервые промелькнуло тогда подозрѣніе о томъ новомъ и ужасномъ свѣтѣ, въ какомъ должно было представиться это дѣло приставу Коффъ, единственно вслѣдствіе словъ и поведенія миссъ Рахили во время ихъ перваго свиданія.

— Языкъ молодой дѣвушки пользуется самыми обширными привилегіями, сэръ, замѣтилъ приставъ мистеру Франклину. — Забудемъ это и перейдемъ прямо къ дѣлу. Благодаря вамъ, мы узнали теперь, когда высохла краска. Затѣмъ намъ остается еще узнать, кто и когда видѣлъ въ послѣдній разъ эту дверь безъ пятна. *У васъ*, по крайней мѣрѣ, есть голова на плечахъ, сэръ, и вы, конечно, меня понимаете.

Мистеръ Франклинъ съ усиліемъ отвлекъ свои мысли отъ миссъ Рахили, чтобы сосредоточить ихъ на предлагаемомъ ему вопросѣ.

— Мнѣ кажется, я понимаю васъ, сказалъ онъ приставу.— Ограничивая время, мы ограничиваемъ рамку для нашихъ изслѣдованій и тѣмъ облегчаемъ ихъ.

— Именно такъ, сэръ, отвѣчалъ приставъ. — Теперь позвольте васъ спросить, обратили ли вы вниманіе на вашу работу въ среду вечеромъ, когда дверь была уже дорисована?

Мистеръ Франклинъ отрицательно покачалъ головой.

— Навѣрное не упомню, сказалъ онъ.

— А *вы*? обратился ко мнѣ приставъ.

— И я также не могу отвѣчать положительно, сэръ.

Digitized by Google

— Кто же послѣдній входилъ въ эту комнату въ среду вечеромъ?

— Вѣроятно, миссъ Рахиль, сэръ.

— А можетъ-быть и ваша дочь, Бетереджъ, перебилъ меня мистеръ Франклинъ, и обратившись къ приставу, онъ объяснилъ ему, что дочь моя была горничною миссъ Вериндеръ.

— Попросите сюда вашу дочь, мистеръ Бетереджъ. Впрочемъ, нѣтъ, постойте! сказалъ приставъ, отводя меня къ окну, чтобы насъ не могли слышать. — Вотъ этотъ господинъ, продолжалъ онъ шепотомъ, указывая на надзирателя,— представилъ мнѣ сейчасъ довольно подробный отчетъ о произведенномъ имъ въ вашемъ домѣ слѣдствіи. Между прочимъ онъ самъ сознался, что возстановилъ противъ себя всю прислугу; ну, а я считаю необходимымъ помириться съ ней. Кланяйтесь имъ отъ меня и скажите вашей дочери, равно какъ и остальнымъ женщинамъ, что, вопервыхъ, я не имѣю еще ни малѣйшаго повода думать, чтобъ алмазъ былъ кѣмъ-либо похищенъ; мнѣ извѣстно только, что онъ исчезъ; а вовторыхъ, что если я желаю говорить съ ними, то это единственно въ надеждѣ получить нѣкоторые совѣты и указанія для достиженія вполнѣ успѣшныхъ результатовъ въ нашихъ поискахъ.

Зная, какое ужасное впечатлѣніе произвелъ на нашихъ женщинъ секвестръ, наложенный надзирателемъ Сигревомъ на ихъ комнаты и имущества, я ловко подслужился приставу, подавъ ему слѣдующую мысль:

— Не разрѣшите ли вы мнѣ вмѣстѣ съ поклономъ передать нашимъ женщинамъ еще одну вещь, приставъ? спросилъ я: — а именно, что вы позволяете имъ сновать внизъ и вверхъ по лѣстницамъ и свободно заглядывать въ ихъ спальни, когда бы имъ ни вздумалось.

— Разрѣшаю и позволяю, отвѣчалъ приставъ.

— Это непремѣнно смягчитъ ихъ, сэръ, замѣтилъ я, — начиная съ кухарки и до судомойки.

— Такъ ступайте же, мистеръ Бетереджъ, и дѣлайте ваше дѣло.

Порученіе пристава было исполнено въ пять минутъ. Но когда я объявилъ женщинамъ о снятіи секвестра съ ихъ имущества и спаленъ, то мнѣ пришлось употребить весь свой начальническій авторитетъ, чтобъ удержать эту ватагу отъ попытки взлетѣть на верхъ вслѣдъ за Пенелопой и

Digitized by Google

явиться предъ приставомъ Коффомъ въ роли добровольныхъ свидѣтельницъ.

Пенелопа, повидимому, понравилась приставу. Онъ оживился немного, увидавъ ее, а на лицѣ его появилось то же самое выраженіе, какъ въ цвѣтникѣ, когда онъ любовался бѣлою мускатною розой. Вотъ вамъ показанія моей дочери на допросъ сержанта. Мнѣ кажется, что она отвѣчала весьма разумно и мило, вѣдь недаромъ же она мое дѣтище! Въ меня, вся въ меня,—материнскаго, благодаря Бога, ничего нѣтъ!

По словамъ Пенелопы, она съ большимъ интересомъ слѣдила за разрисовкой двери, помогая своей госпожѣ и мистеру Франклину мѣшать краски. Мѣсто подъ замочною скважиной какъ нельзя лучше врѣзалось у нея въ памяти, потому что оно было дорисовано послѣднее; нѣсколько часовъ спустя она видѣла его не запачканнымъ и въ полночь также оставила его безъ малѣйшей порчи. Уходя изъ спальни своей молодой госпожи, и желая ей спокойной ночи, она слышала какъ часы въ будуарѣ пробили двѣнадцать; въ это время рука ея опиралась на ручку двери; но зная, что краска была еще не совсѣмъ суха, такъ какъ сама же она помогала составлять ее, Пенелопа приняла всевозможныя предосторожности, чтобы не задѣть платьемъ двери; она готова была побожиться, что подобрала вокругъ себя юнку, и что въ то время никакого пятна на двери не было; однако не ручалась, что выходя, не задѣла ее какъ-нибудь случайно; она хорошо помнила какое платье было на ней въ этотъ день, потому что это былъ подарокъ миссъ Рахили; да и отецъ ея, вѣроятно, помнитъ его и можетъ подтвердить ея слова. Отецъ дѣйствительно помнилъ, и подтвердилъ, и привесъ платье; платье было имъ признано, и юнка изслѣдована со всѣхъ сторонъ, что доставило не мало хлопотъ слѣдователямъ по обширности ея размѣровъ; но пятна отъ краски не оказалось нигдѣ. Конецъ допросу Пенелопы—показанія ея найдены разумными и убѣдительными. Подписалъ Габріель Бетереджъ. Затѣмъ сержантъ обратился ко мнѣ съ вопросомъ, нѣтъ ли у насъ въ домѣ большихъ собакъ, которыя могли какъ-нибудь пробраться въ будуаръ и размазать краску концомъ хвоста. Услыхавъ отъ меня, что ничего подобнаго не могло случиться, онъ потребовалъ увеличительное стекло и навелъ его на поврежденное мѣсто. Но краска не сохранила ни малѣйшаго отпечатка человѣческой

Digitized by Google

кожи, какъ это обыкновенно бываетъ отъ прикосновенія руки. Напротивъ, все доказывало, что пятно произошло отъ легкаго и случайнаго прикосновенія чьей-либо одежды. Судя по показаніямъ Пенелопы и мистера Франклина, въ комнату, вѣроятно, входила какая-нибудь таинственная личность, которая и учинила вышеупомянутое повреждеиіе въ четвергъ между двѣнадцатью часами ночи и тремя часами утра.

Дошедъ до такого результата, приставъ Коффъ вспомнилъ наконецъ о существованіи надзирателя Сигрева, и въ назиданіе своему сослуживцу сдѣлалъ слѣдующій краткій выводъ изъ наведеннаго имъ слѣдствія:

— Эти *пустяки*, господинъ надзиратель, сказалъ приставъ, указывая на запачканное мѣсто,—пріобрѣли весьма большое значеніе съ тѣхъ поръ, какъ вы обошли ихъ вашимъ вниманіемъ. При настоящей постановкѣ дѣла, это пятно возбуждаетъ три вопроса, требующіе немедленнаго разрѣшенія. Вопервыхъ, нѣтъ ли въ домѣ одежды, носящей слѣды краски; вовторыхъ, если таковая окажется, то кому принадлежитъ она. Втретьихъ, какъ объяснить это лицо свое появленіе въ будуарѣ и причиненное имъ на двери пятно между двѣнадцатью часами ночи и тремя часами утра. Если лицо это не дастъ удовлетворительнаго отвѣта, то похититель алмаза почти найденъ. Дальнѣйшія розысканія по этому дѣлу я, съ вашего позволенія, принимаю на себя, а васъ не стану долѣе отвлекать отъ вашихъ городскихъ занятій. Но вы привезли, какъ я вижу, одного изъ вашихъ помощниковъ. Оставьте его мнѣ на всякій случай и затѣмъ позвольте пожелать вамъ добраго утра.

Надзиратель Сигревъ питалъ глубокое уваженіе къ приставу, но самого себя онъ уважалъ еще болѣе. Уходя изъ комнаты, онъ напрягъ всѣ свои умственныя способности, чтобъ отразить ударъ Коффа столь же ловкимъ и мѣткимъ ударомъ.

— До сей минуты я не высказывалъ никакого мнѣнія, началъ господинъ надзиратель своимъ воинственнымъ голосомъ, не обличавшимъ ни смущенія, ни колебанія.—Но теперь, передавая это дѣло въ ваши руки, я рѣшаюсь замѣтить вамъ, приставъ, что изъ мухи весьма легко сдѣлать слона. Прощайте.

— А я скажу вамъ на это, отвѣчалъ Коффъ, — что есть

Digitized by Google

люди, которые и вовсе не замѣтятъ мухи, потому что слишкомъ высоко задираютъ голову.

Отплативъ своему сотоварищу этимъ комплиментомъ, приставъ повернулся на каблукахъ и отошелъ къ окну.

Мы стояли съ мистеромъ Франкликомъ и ждали, что̀ будетъ дальше. Приставъ смотрѣлъ въ окно, засунувъ руки въ карманы, и тихо насвистывая мотивъ „послѣдняя лѣтняя роза". Въ послѣдствіи, при болѣе короткомъ знакомствѣ, я замѣтилъ, что всякій разъ какъ мозгъ его удвоивалъ свою дѣятельность, отыскивая путь къ какой-нибудь тайной цѣли, приставъ измѣнялъ себѣ только этимъ легкимъ свистомъ, при чемъ „послѣдняя лѣтняя роза" всегда оказывала на него самое ободрительное и возбуждающее дѣйствіе. Вѣроятно, мотивъ этотъ гармонировалъ съ его душой, напоминая ему о любимыхъ цвѣтахъ; но такъ ка̀къ онъ его насвистывалъ, трудно было вообразить себѣ что-нибудь печальнѣе и заунывнѣе.

Чрезъ минуту приставъ отвернулся отъ окна, дошелъ до середины комнаты и остановившись въ глубокомъ раздумьи, устремилъ глаза на дверь спальни миссъ Рахили. Немного погодя онъ опомнился, кивнулъ головой, какъ бы говоря себѣ: „этого будетъ достаточно!" Потомъ обратился ко мнѣ съ просьбой передать миледи, что онъ былъ бы весьма признателенъ миледи, еслибъ она удѣлила ему десять минутъ времени для переговоровъ.

Въ ту минуту какъ я выходилъ изъ комнаты съ этимъ порученіемъ, мистеръ Франкликъ предложилъ приставу одинъ вопросъ, и любопытство заставило меня пріостановиться немного на порогѣ, чтобъ услыхать отвѣтъ послѣдняго.

— Не догадываетесь ли вы наконецъ, кто похитилъ алмазъ? спросилъ мистеръ Франкликъ.

— *Алмаза никто не похитилъ*, отвѣчалъ приставъ Коффъ.

Такой странный взглядъ на дѣло до того поразилъ насъ обоихъ, что мы оба просили его объясниться.

— Погодите немного, сказалъ приставъ,—еще не всѣ кусочки этой путаницы подобраны.

Digitized by Google

XIII.

Я нашелъ миледи въ ея кабинетѣ. Она показалась мнѣ испуганною и недовольною, услыхавъ, что приставъ Коффъ желаетъ говорить съ ней.

— Дѣйствительно ли это *нужно?* спросила она.—Не можете ли вы замѣнить меня, Габріель?

Я до такой степени пораженъ былъ ея словами, что на лицѣ моемъ, вѣроятно, отразилось полное недоумѣніе; но миледи тотчасъ же соблаговолила объясниться.

— Боюсь, не разстроены ли у меня нервы? сказала она.— Сама не знаю, почему этотъ лондонскій сыщикъ внушаетъ мнѣ такое отвращеніе. Я предчувствую, что онъ внесетъ въ нашъ домъ одни огорченія и тревоги. Конечно, это очень глупо съ моей стороны и вовсе на *меня* не похоже; а между тѣмъ это такъ.

Я рѣшительно не зналъ что̀ отвѣчать ей. Чѣмъ ближе я знакомился съ приставомъ Коффомъ, тѣмъ болѣе онъ мнѣ нравился. Впрочемъ, благодаря этому признанію и своему твердому характеру, о которомъ вамъ уже извѣстно, читатель, миледи скоро овладѣла собою.

— Ужь если мнѣ необходимо его видѣть, сказала она,—то я рѣшаюсь на это; только не требуйте отъ меня, чтобъ я принала его наединѣ. Пусть онъ придетъ сюда, Габріель, но и вы оставайтесь здѣсь до тѣхъ поръ пока онъ не уйдетъ.

Съ самаго дѣвичества моей госпожи это былъ, сколько я могъ припомнить, ея первый припадокъ мигрени. Я вернулся въ „будуаръ". Мистера Франклина тамъ уже не было. Онъ ушелъ въ садъ, чтобы пройдтись немного съ мистеромъ Годфреемъ, передъ его отъѣздомъ въ Лондонъ. А мы съ приставомъ Коффомъ тотчасъ же отправились въ комнату моей госпожи.

Увѣряю васъ, что миледи поблѣднѣла, увидавъ его! Однако она превозмогла себя и спросила пристава, не будетъ ли онъ противиться моему присутствію въ комнатѣ. По добротѣ своей она не забыла даже прибавить, что смотрѣла на меня не только какъ на стараго слугу своего дома, но и какъ на довѣренное лицо, съ которымъ считала полезнымъ совѣтоваться во всѣхъ дѣлахъ, касавшихся дома. Приставъ

Digitized by Google

вѣжливо отвѣчалъ ей, что собираясь говорить о прислугѣ вообще и уже имѣя доказательство той пользы, которую можетъ принести ему въ этомъ отношеніи моя опытность, онъ будетъ смотрѣть на мое присутствіе въ комнатѣ какъ на личное для себя одолженіе. Миледи знакомъ предложила намъ два стула, и мы немедленно приступили къ совѣщанію.

— Мое личное мнѣніе о дѣлѣ уже составлено, сказалъ приставъ Коффъ,—но съ позволенія миледи, я намѣренъ умолчать о немъ до поры до времени. Въ настоящую же минуту на мнѣ лежитъ обязанность передать вамъ, къ какому результату привелъ меня осмотръ будуара миссъ Верриндеръ, и къ какимъ мѣрамъ считаю я необходимымъ приступить теперь съ вашего разрѣшенія.

Затѣмъ онъ разказалъ ей объ изслѣдованіи пятна на разрисованной двери, о выведенныхъ имъ изъ этого заключеніяхъ, и повторилъ почти то же, что онъ говорилъ надзирателю Сигревъ, только въ болѣе почтительныхъ выраженіяхъ. „Первый фактъ, не подлежащій сомнѣнію, это пропажа алмаза изъ шкафика“, въ заключеніе сказалъ приставъ: „почти столько же вѣроятенъ и другой фактъ, что слѣды пятна, сдѣланнаго на двери, должны были остаться на одеждѣ кого-либо изъ живущихъ въ домѣ. Прежде нежели идти впередъ мы должны разыскать эту одежду.“

— Отъ этого открытія, замѣтила моя госпожа,—вѣроятно, будетъ зависить и открытіе вора?

— Извините, миледи, я не говорю, что алмазъ украденъ. Я утверждаю только, что алмазъ пропалъ. Открытіе испачканнаго платья можетъ только указать намъ путь къ разысканію его.

Миледи взглянула на меня.

— Понимаете ли вы это? спросила она.

— Вѣроятно, приставъ Коффъ понимаетъ это, миледи, отвѣчалъ я.

— Какимъ же путемъ предполагаете вы разыскивать испачканное платье? спросила моя госпожа, еще разъ обращаясь къ приставу.—Мнѣ совѣстно сказать, что комнаты и сундуки моихъ добрыхъ старыхъ слугъ уже были обысканы первымъ слѣдователемъ, и потому я не могу и не хочу вторично подвергать ихъ подобному оскорбленію!

Вотъ это была госпожа, вотъ это была женщина, единственная, быть-можетъ, изъ десяти тысячъ!

Digitized by Google

— Объ этомъ я и хотѣлъ поговорить съ вами, сударыня, сказалъ приставъ.—Прежній слѣдователь тѣмъ и испортилъ все дѣло, что не сумѣлъ скрыть отъ слугъ своего подозрѣнія противъ нихъ. Еслибъ я вздумалъ поступить по его примѣру, то нѣтъ сомнѣнія, что всѣ они, и преимущественно женщины, старались бы всячески препятствовать слѣдствію. А между тѣмъ, ихъ сундуки *непремѣнно должны* быть обысканы, по той простой причинѣ, что первый обыскъ имѣлъ цѣлію найдти алмазъ, тогда какъ второй будетъ клониться къ тому, чтобъ отыскать испачканное платье. Я совершенно согласенъ съ вами, миледи, что слѣдуетъ пощадить самолюбіе слугъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ я убѣжденъ и въ томъ, что необходимо осмотрѣть ихъ платья.

Признаюсь, было отъ чего стать въ тупикъ! Даже и миледи высказала это, только, разумѣется, въ болѣе изящныхъ выраженіяхъ.

— Я уже составилъ планъ, который долженъ устранить это затрудненіе, сказалъ приставъ Коффъ,—если вамъ угодно будетъ на него согласиться. Я предлагаю прямо и откровенно объясниться съ слугами.

— Но женщины тотчасъ же сочтутъ себя заподозрѣнными, перебилъ я.

— Женщины этого не сдѣлаютъ, мистеръ Бетереджъ, отвѣчалъ сержантъ,—если только я предупрежу ихъ, что намѣренъ осмотрѣть, начиная съ гардероба миледи, вещи *всѣхъ* лицъ, ночевавшихъ здѣсь въ прошлый вторникъ. Это, конечно, пустая формальность, прибавилъ онъ, искоса поглядывая на мою госпожу,—но слуги подчинятся ей охотно, если ихъ уравняютъ съ господами, и вмѣсто того чтобы препятствовать обыску, они сочтутъ за честь ему содѣйствовать.

Я тотчасъ же уразумѣлъ истину его словъ; даже и миледи, оправившись отъ изумленія, поняла, что онъ былъ правъ.

— Такъ вы убѣждены, что осмотръ необходимъ? сказала она.

— Я не вижу, миледи, кратчайшаго пути для достиженія нашихъ цѣлей.

Госпожа моя встала, чтобы позвонить свою горничную.

— Прежде чѣмъ говорить съ прислугой, вы получите ключи отъ моего собственнаго гардероба, сказала она.

— Не лучше ли намъ прежде удостовѣриться, что осталь-

Digitized by Google

ные леди и джентльмены, живущіе въ домѣ, согласны на мое предложеніе? неожиданно перебилъ ее приставъ.

— Но, кромѣ меня, единственная леди въ этомъ домѣ миссъ Веринде́ръ, отвѣчала моя госпожа съ видомъ величайшаго удивленія, — а единственные джентльмены племянники мои: мистеръ Блекъ и мистеръ Абльвайтъ. Ни отъ кого изъ трехъ нельзя ожидать отказа.

Тутъ я напомнилъ миледи, что мистеръ Годфрей уѣзжаетъ. Но не успѣлъ я промолвить это, какъ самъ онъ постучался въ дверь и вошелъ проститься съ моею госпожой вмѣстѣ съ мистеромъ Франкликомъ, который ѣхалъ проводить его до станціи желѣзной дороги. Миледи объяснила ему возникшее затрудненіе, и мистеръ Годфрей мигомъ уладилъ его. Онъ крикнулъ въ окно Самуилу, чтобы внесли на верхъ его чемоданъ, и собственноручно передалъ свои ключи приставу.

— Багажъ мой можно переслать въ Лондонъ по окончаніи розыска, сказалъ онъ.

Принимая ключи отъ мистера Годфрея, приставъ счелъ за нужное извиниться предъ нимъ.

— Весьма сожалѣю, сэръ, сказалъ онъ,—что я принужденъ безпокоить васъ изъ-за пустой формальности; но примѣръ господъ благотворно подѣйствуетъ на прислугу, примиривъ ее съ обыскомъ.

Трогательно простившись съ миледи, мистеръ Годфрей просилъ ее передать его прощальное привѣтствіе миссъ Рахили. Судя по его словамъ, онъ какъ будто не вѣрилъ въ возможность положительнаго отказа со стороны своей кузины и, повидимому, готовъ былъ возобновить ей свое предложеніе при первомъ удобномъ случаѣ. Выходя изъ комнаты, вслѣдъ за своимъ двоюроднымъ братомъ, мистеръ Франклинъ объявилъ приставу, что всѣ его вещи готовы для обыска, такъ какъ онъ не имѣетъ обыкновенія держать ихъ подъ замкомъ, за что̀ приставъ поспѣшилъ принести ему свою глубочайшую признательность. Стало-быть, миледи, мистеръ Годфрей и мистеръ Франклинъ съ полною готовностію отозвались на предложеніе слѣдователя. Теперь оставалось только получить согласіе миссъ Рахили, а затѣмъ, созвавъ прислугу, приступить къ розыску испачканной одежды.

Необъяснимое отвращеніе миледи къ приставу сдѣлало это совѣщаніе почти невыносимымъ для нея, когда я и приставъ опять остались съ ней наединѣ.

Digitized by Google

— Если я пришлю вамъ сейчасъ ключи миссъ Верандеръ, сказала миледи,—то вы, надѣюсь, не потребуете отъ меня ничего болѣе въ настоящую минуту.

— Извините, миледи, отвѣчалъ приставъ Коффъ,—прежде чѣмъ приступить къ обыску, я желалъ бы, съ вашего позволенія, просмотрѣть книгу для записки бѣлья. Легко можетъ статься, что пятно осталось на какой-нибудь полотняной вещи. Въ случаѣ, если осмотръ гардеробовъ не приведетъ насъ къ желаемому результату, то необходимо будетъ приступить къ переборкѣ не только бѣлья, оставшагося въ домѣ, но и отданнаго въ стирку. Если по счету окажется, что недостаетъ какой-нибудь штуки бѣлья, то можно будетъ смѣло предположить, что на ней-то и сдѣлано было пятно, вслѣдствіе чего владѣлецъ означенной вещи, вѣроятно, съ умысломъ уничтожилъ ее вчера или нынче. Когда женщины приходили сюда въ четвергъ утромъ для допроса, надзиратель Сигревъ обратилъ ихъ вниманіе на попорченную дверь, „и я боюсь, мистеръ Бетереджъ", прибавилъ приставъ, обращаясь ко мнѣ, — „чтобъ это не оказалось въ послѣдствіи одною изъ грубѣйшихъ ошибокъ надзирателя Сигрева".

Миледи приказала мнѣ позвонить и распорядиться насчетъ бѣльевой книги. Она медлила уходить изъ комнаты, въ ожиданіи новыхъ требованій со стороны пристава послѣ просмотра книги.

Бѣльевую книгу внесла Розанна Спермакъ. Она явилась въ это утро къ завтраку, блѣдная и печальная, хотя уже на столько оправившаяся отъ нездоровья, что могла исполнять свои обязанности. При входѣ ея въ комнату приставъ Коффъ пристально посмотрѣлъ ей въ лицо, а когда она повернулась спиной, чтобы выйдти вонъ, глаза его пытливо устремились на ея искривленное плечо.

— Вы ничего болѣе не имѣете сказать мнѣ? спросила миледи, желая какъ можно скорѣе отдѣлаться отъ пристава.

Великій Коффъ открылъ бѣльевую книгу, въ полминуты ознакомился съ ея содержаніемъ и снова закрылъ ее.

— Осмѣлюсь обезпокоить миледи еще однимъ послѣднимъ вопросомъ, сказалъ онъ. — Столько ли времени находится у васъ эта молодая женщина, приносившая сейчасъ книгу, сколько и остальные ваши слуги, или менѣе?

— Къ чему этотъ вопросъ? сказала миледи.

Digitized by Google

— Въ послѣдній разъ какъ я ее видѣлъ, она содержалась въ тюрьмѣ за воровство, отвѣчалъ приставъ.

Что оставалось намъ дѣлать послѣ этого, какъ не открыть ему всю правду. При этомъ госпожа наша постаралась обратить особенное вниманіе пристава на похвальное поведеніе Розанны въ ея домѣ и на хорошее мнѣніе, высказанное о ней надзирательницей исправительной тюрьмы.

— Надѣюсь, вы не подозрѣваете ея въ похищеніи алмаза? съ участіемъ спросила миледи въ заключеніе.

— Я уже имѣлъ честь вамъ докладывать, что до сей минуты еще не заподозрилъ въ воровствѣ никого изъ живущихъ въ домѣ.

Послѣ такого отвѣта миледи встала и отправилась наверхъ за ключами миссъ Рахили. Приставъ, опередивъ меня, поспѣшилъ отворить ей дверь съ низкимъ поклономъ. Но она вздрогнула, проходя мимо его.

Оставшись вдвоемъ, мы долго и напрасно ожидали ключей. Приставъ Коффъ не высказалъ мнѣ по этому поводу никакого замѣчанія, а повернувъ свое задумчивое лицо къ окну и засунувъ свои сухощавыя руки въ карманы, печально насвистывалъ себѣ подъ носъ „Послѣднюю лѣтнюю розу“.

Наконецъ взошелъ Самуилъ, но вмѣсто ключей онъ подалъ мнѣ записку. Чувствуя на себѣ пристальный, угрюмый взглядъ пристава, я долго и неловко надѣвалъ свои очки. На бумажкѣ написано было карандашомъ не болѣе двухъ-трехъ строчекъ, въ которыхъ госпожа моя увѣдомляла меня, что миссъ Рахиль положительно не согласилась на обыскъ своего гардероба; когда же ее спросили о причинѣ такого отказа, то она сначала разрыдалась, а потомъ отвѣчала: „не хочу, оттого что не хочу. Если употребятъ силу, я вынуждена буду уступить ей; а кромѣ этого ничто не заставитъ меня повиноваться.“

Я понималъ вполнѣ, какъ непріятно было бы миледи лично передать приставу Коффу подобный отвѣтъ своей дочери. Будь мнѣ еще къ лицу милая юношеская застѣнчивость, я, по всей вѣроятности, и самъ покраснѣлъ бы отъ одной мысли, что долженъ посмотрѣть ему въ лицо.

— Какія новости о ключахъ миссъ Веринджеръ? спросилъ приставъ.

— Барышня не соглашается на обыскъ своего гардероба, отвѣчалъ я.

Digitized by Google

— А! воскликнулъ приставъ.

Голосъ его не былъ у него въ такомъ безусловномъ повиновеніи какъ лицо, и восклицаніе его сдѣлано было тономъ человѣка, услыхавшаго то, чего онъ вполнѣ ожидалъ.

Самъ не умѣю сказать почему, но только онъ и напугалъ, и разбѣсилъ меня этимъ восклицаніемъ.

— Придется, кажется, отмѣнить обыскъ гардеробовъ? спросилъ я.

— Конечно придется, отвѣчалъ приставъ,—если ваша барышня не хочетъ подчиниться ему наравнѣ съ прочими. Слѣдуетъ осмотрѣть или всѣ гардеробы, или ни одного. Отправьте-ка съ первымъ же поѣздомъ чемоданъ мистера Абльвайта въ Лондонъ, и вмѣстѣ съ моею благодарностью, возвратите бѣльевую книгу той молодой женщинѣ, которая приносила ее сюда.

Затѣмъ, положивъ книгу на столъ, онъ вынулъ свой перочинный ножичекъ и принялся подчищать себѣ ногти.

— Вы, кажется, не обманулись въ вашихъ ожиданіяхъ? спросилъ я.

— Нѣтъ, я не совсѣмъ обманулся въ моихъ ожиданіяхъ, отвѣчалъ приставъ Коффъ.

Я попытался вызвать его на объясненіе.

— Почему бы это миссъ Рахили препятствовать вашимъ розыскамъ? спросилъ я. — Не лучше ли бы ей, ради своихъ собственныхъ интересовъ, дѣйствовать заодно съ вами?

— Обождите маленько, мистеръ Бетереджъ, обождите маленько, отвѣчалъ онъ.

Человѣкъ болѣе дальновидный нежели я, или менѣе преданный миссъ Рахили, пожалуй, отгадалъ бы его тайную мысль. Я готовъ теперь думать, что и миледи чувствовала къ нему такое отвращеніе единственно потому, что она провидѣла его тайныя цѣли „яко зерцаломъ въ гаданіи", какъ говоритъ Библія. Одно знаю, что я съ своей стороны не понималъ ровно ничего.

— Что̀ же мы будемъ дѣлать теперь? спросилъ я.

Приставъ Коффъ дочистилъ свой ноготь, осмотрѣлъ его съ грустнымъ участіемъ и наконецъ закрылъ ножичекъ.

— Пойдемте-ка въ садъ, сказалъ онъ,—и полюбуемся розами.

Digitized by Google

XIV.

Кратчайшій путь въ садъ изъ кабинета миледи былъ чрезъ извѣстные уже читателю кусты. Для болѣе удобнаго разъясненія послѣдующихъ обстоятельствъ нужно прибавить, что дорожка, пролегавшая черезъ эти кусты, была любимымъ мѣстомъ прогулки мистера Франклина. Когда случалось ему уходить изъ дому и его нигдѣ нельзя было найдти, мы обыкновенно начинали искать его въ кустахъ. Нечего дѣлать, приходится сознаться предъ вами, читатель, что я преупрямый старикашка. Чѣмъ упорнѣе старался приставъ Коффъ скрыть отъ меня свои мысли, тѣмъ болѣе я настаивалъ, чтобъ ихъ вывѣдать. Когда мы повернули въ кусты, я попробовалъ попытать его еще однимъ способомъ.

— Будь я на вашемъ мѣстѣ, приставъ, сказалъ я,—то при настоящихъ обстоятельствахъ я совершенно сталъ бы въ тупикъ.

— Будь вы на моемъ мѣстѣ, отвѣчалъ приставъ,—вы составили бы себѣ извѣстное мнѣніе, и именно вслѣдствіе настоящихъ обстоятельствъ совершенно убѣдились бы въ точности и безошибочности вашихъ первоначальныхъ предположеній. До моихъ мыслей, мистеръ Бетереджъ, вамъ покамѣсть нѣтъ никакого дѣла. Я привелъ васъ не затѣмъ, чтобы вы подкапывались подъ меня, какъ барсукъ, а затѣмъ чтобъ отъ васъ же получить кое-какія свѣдѣнія. Конечно, вы могли бы сообщить мнѣ ихъ и въ комнатѣ; но двери и уши обладаютъ необъяснимою силой взаимнаго притяженія, а потому людямъ моей профессіи не мѣшаетъ почаще пользоваться свѣжимъ воздухомъ.

Ну, была ли какая-нибудь возможность провести *этого* человѣка? Дѣлать нечего, я уступилъ и съ величайшимъ терпѣніемъ сталъ ожидать что̀ будетъ дальше.

— Не стану вникать въ побужденія вашей барышни, продолжалъ приставъ,—хотя не могу не пожалѣть о томъ, что она отказывается содѣйствовать мнѣ и затрудняетъ такимъ образомъ производство слѣдствія. Что̀ жь, мы и безъ нея постараемся разрѣшить какъ-нибудь тайну пятна, отъ

Digitized by Google

которой, — даю вамъ слово — одинъ шагъ до открытія вора. Гардеробовъ я обыскивать не буду; но за то я намѣренъ порыться въ мысляхъ и поступкахъ вашихъ слугъ, поговоривъ съ ними наединѣ. Однако прежде чѣмъ приступать къ этому разговору, мнѣ необходимо предложить вамъ еще нѣсколько вопросовъ. Вы человѣкъ наблюдательный, мистеръ Бетереджъ, скажите же мнѣ, не замѣтили ли вы какихъ-нибудь рѣзкихъ странностей въ комъ-либо изъ слугъ (кромѣ естественнаго въ этомъ случаѣ переполоха и тревоги), когда оказалось, что алмазъ похищенъ? Не поссорились ли они между собой? Не вспылилъ ли кто-нибудь изъ нихъ случайно, или не заболѣлъ ли кто невзначай?

Мнѣ тотчасъ же пришла въ голову вчерашняя болѣзнь Розанны Сперманъ, но едва хотѣлъ я отвѣчать приставу, какъ взоръ его быстро устремился въ бокъ по направленію кустовъ, а изъ груди вылетѣло тихое восклицаніе: „вотъ тебѣ на!“

— Что̀ съ вами? спросилъ я.

— Да опять ревматизмъ въ спинѣ,—громко отвѣчалъ приставъ, какъ бы съ намѣреніемъ возвысивъ голосъ для какого-то третьяго, невидимаго слушателя.—Вѣрно погода скоро перемѣнится.

Чрезъ нѣсколько шаговъ мы достигли до угла дома, и круто повернувъ направо, вошли на террасу, а оттуда по главнымъ ступенямъ спустились въ садъ. Тутъ приставъ Коффъ остановился на открытомъ мѣстѣ, со всѣхъ сторонъ доступномъ зрѣнію.

— Да! такъ я опять возвращаюсь къ этой молодой женщинѣ, Розаннѣ Сперманъ. Съ такою непривлекательною наружностью, какъ у нея, врядъ ли можно имѣть любовника, не такъ ли? Однако, въ интересахъ самой бѣдняжки, я желалъ бы удостовѣриться, не запаслась ли и она вздыхателемъ, по примѣру своихъ подругъ?

Къ чему, я васъ спрашиваю, клонились всѣ эти вопросы въ данныхъ обстоятельствахъ? Но вмѣсто отвѣта, я только пристально смотрѣлъ ему въ лицо.

— Проходя сейчасъ мимо кустовъ, сказалъ приставъ, — я замѣтилъ въ нихъ Розанну Сперманъ.

— Не въ то ли время вы ее замѣтили, сэръ, когда сказали: „вотъ тебѣ на“?

— Именно тогда. Если тутъ замѣшанъ любовникъ, то нѣтъ

Digitized by Google

ничего удивительнаго, что она пряталась; если же любовника нѣтъ, то при настоящемъ положеніи дѣлъ подобное укрывательство становится въ высшей степени подозрительнымъ, и я, съ прискорбіемъ, долженъ буду дѣйствовать въ силу этихъ подозрѣній.

Скажите мнѣ ради самаго Бога, что̀ могъ я отвѣчать ему на это? Мнѣ извѣстно было, что кустарниковая дорожка была любимымъ мѣстомъ прогулки мистера Франклина; что вернувшись со станціи желѣзной дороги, онъ долженъ былъ непремѣнно пройдти чрезъ нее домой, и что Пенелопа не разъ заставала тутъ Розанну, цѣль которой, по словамъ моей дочери, состояла въ томъ, чтобъ обратить на себя какъ-нибудь вниманіе мистера Франклина. Если дочь моя была права, Розанна дѣйствительно могла поджидать тутъ мистера Франклина, въ то время какъ замѣтилъ ее приставъ. Стоя между двухъ огней, я положительно не зналъ, на что̀ рѣшиться: выдать ли вздорное предположеніе Пенелопы за свою собственную мысль, или возбудить подозрѣнія пристава противъ Розанны и чрезъ это подвергнуть ее весьма важнымъ послѣдствіямъ. Изъ состраданія къ бѣдной дѣвушкѣ—клянусь и честью и совѣстью, что изъ одного только состраданія — я предпочелъ посвятить пристава въ ея тайну, и разказалъ ему, что Розанна имѣла глупость влюбиться въ мистера Франклина Блека.

Приставъ Коффъ никогда не смѣялся. Но въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда что-нибудь казалось ему забавнымъ, углы рта его слегка искривлялись, но далѣе этого улыбка не шла. Такъ случилось и теперь.

— Ужь не скажете ли вы, что глупо съ ея стороны имѣть такое некрасивое лицо и быть простою горничной? спросилъ онъ. — Во всякомъ случаѣ любовь ея къ джентльмену съ наружностію и манерами мистера Франклина Блека еще не кажется *мнѣ* наибольшею глупостію въ ея образѣ дѣйствій. Тѣмъ не менѣе я весьма радъ, что дѣло это разъяснилось: на душѣ стало какъ-то легче. Да, мистеръ Бетереджъ, будьте увѣрены, что я сохраню вашу тайну. Я по природѣ снисходителенъ къ человѣческимъ слабостямъ, хотя должность моя и не всегда позволяетъ мнѣ прилагать эту добродѣтель къ практикѣ. Вы думаете, что мистеръ Франклинъ Блекъ и не подозрѣваетъ о тайной склонности къ нему этой дѣвушки? Небось, будь она посмазливѣе, онъ

Digitized by Google

тотчасъ бы догадался. Да, некрасивымъ женщинамъ плохо жить на бѣломъ свѣтѣ; нужно надѣяться, что хоть въ будущей жизни онѣ получатъ за это свое вознагражденіе. А вѣдь у васъ премиленькій садикъ, и какъ прекрасно содержится газонъ! Ну, посмотрите сами, какъ выигрываютъ цвѣты, когда они окружены зеленью, а не пескомъ. Нѣтъ, благодарю васъ, я не возьму этой розы. Я не могу равнодушно видѣть, когда подламываютъ ихъ стебли; это волнуетъ меня столько же, сколько васъ самихъ волнуютъ дрязги и неурядица въ людской. Ну, такъ какъ же, не подмѣтили ли вы въ вашихъ слугахъ чего-нибудь особеннаго, непонятнаго, когда распространилось извѣстіе о пропажѣ алмаза?

До сихъ поръ я былъ довольно откровеннымъ съ приставомъ Коффомъ; но вкрадчивость, съ которою онъ подъѣхалъ ко мнѣ съ этимъ послѣднимъ вопросомъ, заставила меня быть поосторожнѣе. Другими словами, я не чувствовалъ ни малѣйшей склонности помогать его розыскамъ, когда (подобно змѣѣ, искусно пробирающейся подъ травкой) онъ коварно подползъ къ моимъ сотоварищамъ.

— Ничего не пришлось мнѣ замѣтить, отвѣчалъ я, — знаю только, что всѣ мы потеряли головы, не исключая и меня самого.

— О! сказалъ приставъ: — и неужели вы ничего болѣе не имѣете сообщить мнѣ?

— Рѣшительно ничего, отвѣчалъ я, и мнѣ казалось, что лицо мое въ эту минуту было совершенно ясно и невозмутимо.

Унылые глаза пристава Коффа пристально смотрѣли мнѣ въ лицо.

— Надѣюсь, мистеръ Бетереджъ, что вы позволите мнѣ пожать вашу руку? сказалъ онъ. — Я чувствую къ вамъ какое-то особенное расположеніе.

(Въ толкъ не возьму, почему выбралъ онъ для заявленія своей пріязни именно ту самую минуту, когда я его обманывалъ. Это польстило моему самолюбію, и я не на шутку возгордился тѣмъ, что успѣлъ-таки наконецъ надуть знаменитаго Коффа!)

Мы вернулись домой, такъ какъ приставъ просилъ меня отвести ему особую комнату и затѣмъ препровождать туда для совѣщанія съ нимъ, по-одиночкѣ и по разряду занима-

Digitized by Google

емыхъ ими должностей, всѣхъ слугъ, жившихъ собственно въ домѣ.

Я ввелъ пристава въ мою комнату, а потомъ собралъ прислугу въ прихожей. Розанна Сперманъ явилась въ числѣ прочихъ безъ малѣйшаго смущенія. Но въ лукавствѣ и хитрости она не уступала самому приставу, и я подозрѣваю, что прежде чѣмъ онъ успѣлъ замѣтить ее въ кустахъ, она уже подслушала нашъ разговоръ о слугахъ. Какъ бы то ни было, лицо ея имѣло такое выраженіе, словно ей никогда не приводилось даже и слышать о существованіи въ нашемъ саду кустарниковой дорожки. По требованію пристава я сталъ по-одиночкѣ посылать къ нему слугъ. Первое лицо, представшее на судилище—другими словами въ мою комнату—была кухарка. Она оставалась тамъ не долго и возвратилась съ слѣдующимъ замѣчаніемъ: „Приставъ Коффъ хоть и угрюмъ, но за то настоящій джентльменъ.“ За ней послѣдовала горничная миледи. Она оставалась на допросѣ подолѣе, и вышедши оттуда, проворчала: „Если приставъ Коффъ не вѣритъ словамъ почтенной женщины, то онъ могъ бы по крайности помолчать объ этомъ!“ Вслѣдъ за горничной миледи отправилась Пенелопа, но она скоренько выбѣжала оттуда съ слѣдующимъ замѣчаніемъ: „Какъ мнѣ жаль пристава Коффа, батюшка. Въ молодости онъ вѣрно испыталъ какую-нибудь сердечную неудачу.“ Послѣ Пенелопы наступилъ чередъ старшей служанки. Подобно горничной миледи, она оставалась на допросѣ довольно долго, и вернувшись, отрапортовала слѣдующее: „Я не затѣмъ поступала въ услуженіе къ нашей госпожѣ, мистеръ Бетереджъ, чтобы какой-нибудь полицейскій чиновникъ смѣлъ почти въ глаза называть меня лгуньей!“ Наконецъ очередь дошла до Розанны Сперманъ, которая, пробывъ у пристава долѣе всѣхъ прочихъ, вернулась безъ малѣйшаго замѣчанія—безмолвная какъ могила и съ поблѣднѣвшими какъ полотно губами. Вслѣдъ за Розанной отправился слуга Самуилъ. Онъ оставался на допросѣ не болѣе двухъ минутъ, и вернувшись, замѣтилъ только, что стыдно тому человѣку, который чиститъ сапоги пристава Коффа. Послѣдняя отправилась Нанси—судомойка. Побывъ тамъ минуты двѣ, она вышла къ намъ съ слѣдующимъ заявленіемъ: „Приставъ Коффъ не безсердечный человѣкъ, мистеръ Бетереджъ; *онъ* не отпускаетъ шуточекъ надъ бѣдною работящею дѣвушкой.“

Digitized by Google

Войдя къ мистеру Коффу по окончаніи допроса, чтобъ узнать, не будетъ ли какихъ дальнѣйшихъ распоряженій, я засталъ пристава за его любимымъ занятіемъ—онъ смотрѣлъ въ окно и насвистывалъ себѣ подъ носъ „Послѣднюю лѣтнюю розу“.

— Не сдѣлали ли какихъ открытій, сэръ? спросилъ я.

— Если Розанна Спермакъ попросится со двора, отвѣчалъ приставъ,—то отпустите ее, бѣдняжку; только не забудьте тогда предупредить меня, что она уходитъ.

И зачѣмъ я говорилъ ему объ ея чувствахъ къ мистеру Франклину! Очевидно было, что несчастная дѣвушка не избѣжала подозрѣній пристава, вопреки всѣмъ усиліямъ моимъ отвратить отъ нея эту бѣду.

— Надѣюсь, вы не подозрѣваете Розанну въ пропажѣ алмаза? отважился я спросить у него.

Углы меланхолическаго рта снова искривились, и приставъ посмотрѣлъ на меня такъ же пристально, какъ и въ саду.

— Позвольте мнѣ лучше помолчать объ этомъ, мистеръ Бетереджъ, отвѣчалъ онъ.—А то, пожалуй, вы и во второй разъ потеряете голову.

Тутъ меня взяло сомнѣніе, ужь дѣйствительно ли удалось мнѣ надуть знаменитаго Коффа. Я положительно обрадовался, когда кухарка прервала нашъ разговоръ, постучавшись въ дверь и объявивъ, что Розанна Спермакъ просится со двора; причины по обыкновенію были тѣ же: дурнота и желаніе подышать свѣжимъ воздухомъ. По данному приставомъ знаку, я отвѣчалъ, что Розанна можетъ идти.

— Гдѣ у васъ задній выходъ для слугъ? спросилъ онъ, когда посланная удалилась.

Я указалъ ему.

— Заприте дверь вашей комнаты, сказалъ приставъ; — и если меня будутъ спрашивать, скажите, что я заперся, чтобы поразмыслить о слѣдствіи. Углы рта его опять искривились, и съ этими словами онъ исчезъ.

Будучи оставленъ одинъ при такихъ странныхъ обстоятельствахъ, я почувствовалъ всепожирающее любопытство и съ своей стороны пустился на розыски.

Ясно было, что приставъ Коффъ заподозрилъ Розанну во время допроса слугъ въ моей комнатѣ. Единственныя женщины, остававшіяся съ нимъ долѣе другихъ, за исключеніемъ самой Розанны, были: горничная миледи и наша старшая

Digitized by Google

служанка, которыя не взлюбили бѣдную дѣвушку съ перваго дня ея поступленія въ нашъ домъ. Сообразивъ все это, я какъ будто случайно заглянулъ въ людскую, увидалъ обѣихъ женщинъ за чайнымъ столомъ и немедленно къ нимъ присоединился. (Замѣтьте, что капля чаю для женскаго язычка то же, что капля масла для угасающей лампы.)

Надежды мои на содѣйствіе чайника не обманули меня. Онъ послужилъ мнѣ какъ вѣрный союзникъ, и менѣе нежели чрезъ полчаса я узналъ столько же, сколько самъ приставъ Коффъ. Оказалось, что ни горничная миледи, ни старшая служанка не повѣрили болѣзни Розанны, случившейся въ четвергъ. Въ тотъ день обѣ чертовки (извините меня за выраженіе, но какимъ другимъ именемъ охарактеризовать двухъ злыхъ женщинъ?) частенько заглядывали на верхъ; пробовали отворить дверь Розанны, но нашли ее запертою; стучались, но не получили отвѣта; прислушивались, но не слыхали въ ея комнатѣ ни малѣйшаго шороха. Вечеромъ, когда Розанна сошла къ чаю, и миледи снова отослала ее въ постель, двѣ упомянутыя чертовки еще разъ стучались въ ея комнату, но опять нашли ее запертою; онѣ пытались было заглянуть въ замочную скважину, но она была заткнута изнутри; въ полночь увидали онѣ изъ-подъ двери свѣтъ, а въ четыре часа утра услыхали трескъ огня (огонь въ комнатѣ служанки въ іюнѣ мѣсяцѣ!) Все это донесено было приставу Коффу, который въ благодарность за ихъ усердіе скорчилъ кислую физіономію, и далъ имъ ясно почувствовать, что показанія ихъ не внушаютъ ему ни малѣйшаго довѣрія. Отсюда неблагопріятные отзывы о немъ женщинъ по выходѣ ихъ съ допроса. Отсюда и та готовность (если не считать вліянія чайника), съ которою онѣ принялись злословить пристава за его будто бы невѣжливое съ ними обращеніе.

Зная уловки великаго Коффа и убѣдившись въ его намѣреніи тайно выслѣдить Розанну, я понялъ, что онъ нашелъ нужнымъ скрыть отъ доносщицъ, какую существенную пользу принесли онѣ ему своими открытіями. Это были такого рода женщины, которыя, разъ смекнувъ, что имъ повѣрили, не преминули бы прихвастнуть своимъ значеніемъ, и, конечно, заставили бы Розанну Спермавъ стать еще осторожнѣе въ своихъ поступкахъ.

Былъ великолѣпный лѣтній вечеръ; сокрушаясь о судьбѣ этой несчастной дѣвушки и крайне встревоженный общимъ

Digitized by Google

положеніемъ нашихъ дѣлъ, я вышелъ погулять немного, и, конечно, направился въ кусты. Тамъ я встрѣтилъ мистера Франклина, ходившаго по своей любимой дорожкѣ. Онъ уже давно вернулся со станціи и все время просидѣлъ у миледи. Своимъ разказомъ о непостижимомъ сопротивленіи миосъ Рахили допустить осмотръ своего гардероба госпожа моя привела его въ такое уныніе, что онъ видимо уклонялся даже со мной отъ разговора объ этомъ предметѣ. Въ первый разъ съ тѣхъ поръ какъ я зналъ мистера Франклина, пришлось мнѣ подмѣтить на его лицѣ фамильныя складки, характеризовавшія всѣхъ членовъ этой благородной семьи.

— Ну, Бетереджъ, сказалъ онъ, — какъ вамъ нравится эта таинственная, полная подозрѣній атмосфера, въ которой мы живемъ все это время? Помните ли вы то утро, когда я впервые пріѣхалъ сюда съ Луннымъ камнемъ? Боже мой! и для чего мы тогда же не бросили его въ пески!

Послѣ этого приступа мистеръ Франклинъ замолчалъ, желая пересилить свое волненіе. Минуты двѣ мы шли рядомъ, не говоря ни слова; наконецъ онъ спросилъ меня, что̀ сталось съ приставомъ. Мистера Франклина нельзя было удовлетворить отвѣтомъ, будто приставъ сидитъ въ моей комнатѣ, обдумывая слѣдствіе, и потому я безъ всякой утайки передалъ ему о случившемся, въ особенности налегая на доносы двухъ горничныхъ относительно Розанны Сперманъ.

Съ свойственною ему сообразительностью, мистеръ Франклинъ понялъ во мгновеніе ока, на кого должны были устремиться подозрѣнія пристава.

— Не говорили ли вы мнѣ сегодня утромъ, спросилъ онъ,— что одинъ изъ городскихъ лавочниковъ встрѣтилъ вчера Розанну Сперманъ, пробиравшуюся чрезъ болота въ Фризингаллъ, между тѣмъ какъ всѣ считали ее больною и даже въ постели?

— Точно такъ, сэръ.

— Если горничная тетушки и старшая служанка не солгали, стало-быть, лавочникъ не могъ ошибиться. Дѣвушка прикинулась больною, чтобъ обмануть насъ. Ей просто нужно было тайкомъ отлучиться въ городъ для какой-нибудь преступной цѣли. Я убѣжденъ, что платье, испачканное краской, принадлежало ей; а огонь, трещавшій въ ея комнатѣ въ четыре часа утра, зажженъ былъ съ намѣреніемъ истребить это платье. Алмазъ похищенъ Розанной, въ этомъ нѣтъ

Digitized by Google

болѣе сомнѣнія, и я тотчасъ же иду къ тетушкѣ, чтобъ объявить ей объ этомъ обстоятельствѣ.

— Нѣтъ, ужь пожалуста повремените немного, сэръ, раздался позади насъ меланхолическій голосъ.

Мы оба обернулись и очутились лицомъ къ лицу съ приставомъ Коффомъ.

— Но почему хотите вы, чтобы я медлилъ? спросилъ мистеръ Франклинъ.

— Потому что слова ваши миледи тотчасъ же передастъ миссъ Верриндеръ, отвѣчалъ приставъ.

— Прекрасно, но что̀ же можетъ выйдти изъ этого? спросилъ мистеръ Франклинъ, внезапно разгорячаясь, какъ будто приставъ смертельно оскорбилъ его.

— А какъ вы думаете, сэръ, спокойно возразилъ приставъ Коффъ,—благоразумно ли съ вашей стороны дѣлать мнѣ подобные вопросы, да еще въ такое время?

Наступила пауза, мистеръ Франклинъ близко подошелъ къ приставу, и оба пристально посмотрѣли другъ другу въ лицо. Мистеръ Франклинъ заговорилъ первый, но уже цѣлымъ тономъ ниже.

— Вамъ, вѣроятно, извѣстно, мистеръ Коффъ, сказалъ онъ,—что почва, по которой вы теперь ступаете, требуетъ съ вашей стороны величайшей осторожности и деликатности.

— Не въ первый, а можетъ-быть, въ сотый разъ приходится мнѣ имѣть дѣло съ подобною почвой, сэръ, отвѣчалъ приставъ съ своею обычною невозмутимостью.

— Итакъ, я долженъ понять изъ этого, что вы запрещаете мнѣ разказывать тетушкѣ обо всемъ случившемся?

— Я прошу васъ понять только одно, сэръ, что если вы безъ моего разрѣшенія разкажете объ этомъ леди Верриндеръ или кому бы то ни было, то я откажусь отъ слѣдствія!

Послѣ такого рѣшительнаго отвѣта мистеру Франклину ничего болѣе не оставалось дѣлать какъ подчиниться. Онъ съ сердцемъ отвернулся отъ насъ и ушелъ.

Стоя поодаль и съ трепетомъ прислушиваясь къ ихъ разговору, я рѣшительно недоумѣвалъ, кого слѣдовало мнѣ подозрѣвать теперь и на чемъ остановить свои догадки. Впрочемъ, несмотря на сильное смущеніе, я уразумѣлъ двѣ вещи. Вопервыхъ, что поводомъ къ крупному разговору между приставомъ и мистеромъ Франклиномъ, была, по непостижимой для меня причинѣ, сама миссъ Рахиль. Вовторыхъ,

Digitized by Google

что оба собесѣдника вполнѣ поняли другъ друга, безъ всякихъ околичностей и предварительныхъ объясненій.

— А вы-таки поглупили въ мое отсутствіе, мистеръ Бетереджъ, пустившись на розыски безъ моего вѣдома, сказалъ приставъ;—пожалуста будьте впередъ полюбезнѣе и не забывайте приглашать меня съ собой, когда вамъ вздумается кое-что поразвѣдать.

Онъ взялъ меня подъ руку, и повернувъ назадъ, пошелъ опять въ томъ же направленіи, откуда только-что вернулся. Положимъ, что упрекъ его былъ дѣйствительно мною заслуженъ, но изъ этого еще не слѣдовало, чтобъ я сталъ ловить вмѣстѣ съ нимъ Розанну Сперманъ. Я не разсуждалъ въ то время, воровка она была, или нѣтъ; законно ли было мое сочувствіе къ ней, или преступно, я просто жалѣлъ ее—вотъ и все.

— Чего вы хотите отъ меня? спросилъ я, останавливаясь и освобождая свою руку изъ руки пристава.

— Небольшихъ топографическихъ указаній, отвѣчалъ онъ.

Я не имѣлъ причины не дать ему маленькаго урока въ мѣстной географіи.

— Нѣтъ ли въ этомъ направленіи дорожки отъ взморья къ дому? спросилъ приставъ, указывая на сосновую аллею, ведшую къ пескамъ.

— Да, отвѣчалъ я, — тутъ есть дорожка.

— Ну, такъ проведите меня къ ней.

Лѣтаіе сумерки начинали уже сгущаться, когда мы съ приставомъ Коффомъ отправились на пески.

XV.

Погруженный въ глубокое раздумье, приставъ молчалъ до тѣхъ поръ, пока мы не вошли въ сосновую аллею. Тутъ онъ очнулся, какъ человѣкъ принявшій извѣстное рѣшеніе, и снова заговорилъ со мной.

— Мистеръ Бетереджъ, сказалъ онъ,—такъ какъ вы сдѣлали мнѣ честь быть моимъ сотрудникомъ въ нашемъ общемъ дѣлѣ и можете, если не ошибаюсь, оказать мнѣ нѣкоторыя услуги до истеченія нынѣшняго вечера, то я нахожу дальнѣйшую мистификацію между нами излишнею и первый подаю вамъ примѣръ откровенности. Вы рѣшились, кажется, утаивать отъ меня все могущее повредить Розаннѣ Сперманъ, по той причинѣ, что относительно *васъ* она

Digitized by Google

всегда вела себя хорошо, и вы о ней искренно сожалѣете. Такія гуманныя побужденія дѣлаютъ вамъ, конечно, величайшую честь, но въ данномъ случаѣ вы расточаете ихъ напрасно. Розаннѣ Сперманъ не грозитъ ни малѣйшая опасность, даже если я обличу ее въ похищеніи алмаза, и притомъ на основаніи доказательствъ, столько же для меня очевидныхъ, какъ вашъ носъ, на который я смотрю въ настоящую минуту.

— Вы хотите сказать, что миледи не станетъ ее преслѣдовать? спросилъ я.

— Я хочу сказать, что миледи *не можетъ* ее преслѣдовать, отвѣчалъ приставъ.—Розанна Сперманъ не болѣе какъ орудіе въ рукахъ другаго лица, и ради этого лица необходимо будетъ пощадить ее.

Онъ говорилъ искренно и серіозно, въ этомъ не могло быть ни малѣйшаго сомнѣнія; однако въ душѣ моей шевельнулось какое-то недоброе чувство противъ пристава Коффа.

— Кто же эта другая особа? спросилъ я.

— *Не можете ли* вы сами назвать ее, мистеръ Бетереджъ?

— Нѣтъ, не могу, отвѣчалъ я.

Приставъ Коффъ остановился какъ вкопаный и устремилъ на меня взоръ, полный грустнаго участія.

— Мнѣ всегда пріятно сострадать человѣческимъ слабостямъ, сказалъ онъ, — и въ настоящую минуту, напримѣръ, я особенно сочувствую вамъ, мистеръ Бетереджъ, а вы по той же самой причинѣ сочувствуете Розаннѣ Сперманъ, не правда ли? Но не привелось ли вамъ узнать какъ-нибудь случайно, что она шила себѣ новое бѣлье въ послѣднее время?

Я рѣшительно не могъ постичь, съ какою цѣлью ввернулъ онъ мнѣ такъ неожиданно этотъ послѣдній вопросъ. Сознавая, что откровенность моя не могла въ этомъ случаѣ повредить Розаннѣ, я отвѣчалъ, что дѣвушка поступила въ нашъ домъ съ самымъ скуднымъ запасомъ бѣлья, и что въ награду за ея хорошее поведеніе (я особенно налегъ на послѣднемъ словѣ) миледи снабдила ее цѣлымъ приданымъ не болѣе двухъ недѣль тому назадъ.

— Грустно жить въ этомъ мірѣ, мистеръ Бетереджъ, сказалъ приставъ.—Человѣческую жизнь можно уподобить мишени, въ которую постоянно мѣтитъ несчастіе и безъ промаха попадаетъ въ цѣль. Да, кабы не этотъ новый запасъ

Digitized by Google

бѣлья, мы, вѣроятно, отыскали бы между вещами Розанны какую-нибудь новую кофточку, или юпку и, пожалуй, накрыли бы ее на мѣстѣ. Вы, конечно, понимаете о чемъ говорю я, не такъ ли? изъ лично наведенныхъ вами между прислугой справокъ, вы, вѣроятно, узнали, что̀ подмѣчено было обѣими горничными у дверей комнаты Розанны. Вѣроятно, извѣстно вамъ и то, куда ходила она вчера вечеромъ, сказавшись больною? Неужто не догадываетесь? О, Боже мой, а вѣдь это такъ же ясно, какъ та полоса свѣта, что̀ видна въ концѣ аллеи. Въ четвергъ, въ одиннадцать часовъ утра, надзиратель Сигревъ (эта двигающаяся масса всевозможныхъ человѣческихъ слабостей) обратилъ вниманіе всей женской прислуги на попорченную дверь. Имѣя причину подозрѣвать, что слѣды этого пятна остались на ея одеждѣ, Розанна, при первомъ удобномъ случаѣ, отправилась въ свою комнату, нашла пятно на своей юпкѣ, кофточкѣ или на чемъ бы тамъ ни было, прикинулась больною, пошла въ городъ, купила нужные матеріалы, чтобы сдѣлать себѣ новую вещь взамѣнъ испачканной, проработала надъ нею, запершись въ своей комнатѣ, всю ночь подъ четвергъ, и рано поутру развела огонь не съ тою цѣлью, чтобы сжечь что-нибудь: она знала, что двѣ изъ ея подругъ подсматриваютъ за ней у двери; и потому, сознавая, что можно было отдѣлаться отъ платья безъ запаха гари и кучи пепла, съ которымъ опять таки пришлось бы повозиться, она развела вышеупомянутый огонь, съ цѣлію высушить и выгладить новую штуку бѣлья, сшитую взамѣнъ испачканной. Испачканную же она, по всей вѣроятности, скрыла *на себѣ* и въ настоящее время хлопочетъ о томъ, чтобы закинуть ее въ какое-нибудь глухое мѣстечко на томъ уединенномъ берегу, который видѣнъ отсюда. Сегодня вечеромъ я слѣдилъ за Розанной и видѣлъ, какъ она вошла въ одну изъ хижинъ сосѣдней рыбачьей деревни, куда, быть-можетъ, мы и сами зайдемъ до возвращенія домой. Побывъ немного въ хижинѣ, она вышла оттуда, держа что-то подъ мантильей, какъ мнѣ показалось. Мантилья на плечахъ женщины есть эмблема милосердія, она прикрываетъ собой множество грѣшковъ. Я видѣлъ, какъ, вышедши изъ хижины, Розанна пошла вдоль берега, по направленію къ сѣверу. Неужели вашъ берегъ, мистеръ Бетереджъ, считается однимъ изъ самыхъ красивыхъ по части морскихъ видовъ? спросилъ приставъ.

Digitized by Google

Я отвѣчалъ ему самымъ короткимъ „да“.

— У всякаго свой вкусъ, замѣтилъ приставъ Коффъ.—На мой взглядъ онъ никуда не годится. Попробуйте-ка вы тутъ послѣдить за кѣмъ-нибудь, ну, и негдѣ будетъ спрятаться, если лицо вами преслѣдуемое вздумаетъ оглянуться назадъ. Но возвратимся къ Розаннѣ; я долженъ былъ или арестовать ее по одному подозрѣнію, или предоставить ей на время полную свободу дѣйствій, какъ бы не замѣчая ея маневровъ. Вслѣдствіе причинъ, о которыхъ я умолчу, чтобы не тревожить васъ понапрасну, я рѣшился идти лучше на всевозможныя жертвы, нежели преждевременно обезпокоить одну особу, которую мы покамѣсть не станемъ называть по имени. Я вернулся домой съ цѣлью просить васъ, чтобы вы указали мнѣ другой путь къ сѣверному концу берега. Песокъ, обладающій свойствомъ сохранять слѣды человѣческихъ шаговъ, есть самый лучшій сыщикъ. Если мы не встрѣтимъ самое Розанну Спермавъ, перерѣзавъ ей путь съ этой стороны, то слѣды ея шаговъ на пескѣ укажутъ намъ по крайней мѣрѣ куда она ходила, лишь бы не помѣшали сумерки. А! *вотъ* ужь и пески. Не обижайтесь, мистеръ Бетереджъ, если я попрошу васъ теперь помолчать немного и пропустить меня впередъ.

Если находится въ докторскомъ каталогѣ болѣзнь, именуемая слѣдственною горячкой, то я увѣренъ, что она-то и овладѣла въ эту минуту вашимъ покорнѣйшимъ слугой. Приставъ Коффъ пробирался между холмами къ берегу, а я шелъ за нимъ едва сдерживая порывистое біеніе своего сердца и ожидая что̀ будетъ дальше.

Такимъ образомъ я очутился почти на томъ же самомъ мѣстѣ, гдѣ бесѣдовалъ нѣкогда съ Розанной, въ минуту неожиданнаго появленія предъ нами мистера Франклина, по пріѣздѣ его изъ Лондона. Между тѣмъ какъ я смотрѣлъ на пристава, въ головѣ моей невольно оживали воспоминанія о томъ, что̀ произошло тогда между мной и Розанной. Все это представилось мнѣ такъ живо, что я почти чувствовалъ, какъ рука ея скользнула въ мою руку и слабо пожала ее въ благодарность за мое участіе. Я какъ будто слышалъ ея голосъ, говорившій мнѣ, что зыбучіе пески неудержимо влекутъ ее къ себѣ всякій разъ, какъ она выходитъ гулять; мнѣ казалось даже, что я вижу ея лицо, снова озаренное такою же радостною улыбкой, какою засіяло оно въ ту минуту,

Digitized by Google

когда она замѣтила мистера Франклина, быстро шедшаго къ намъ изъ-за холмовъ. Думая обо всемъ этомъ, я становился все печальнѣй и угрюмѣй, а видъ уединенной маленькой бухты, которую я окинулъ взоромъ, чтобы поразвлечься немного отъ своихъ мыслей, только усилилъ грустное настроеніе моего духа. День угасалъ, и надо всею этою безотрадною мѣстностью царила глубокая и ужасающая тишина. Плескъ волнъ о большую песчаную отмель, выдвигавшуюся въ открытое море, былъ почти беззвученъ; а воды залива, одѣтыя мглой, лежали невозмутимо спокойно, и ни малѣйшее дуновеніе вѣтерка не возмущало ихъ поверхности. Пласты грязноватой, желтой тины плавали по безжизненной глади залива. При свѣтѣ послѣднихъ догаравшихъ лучей слабо мерцали клоки пѣны и ила, приставшіе тамъ и сямъ къ двумъ большимъ утесамъ, которые съ сѣвера и съ юга выдавались въ море. Наступало время отлива, и покамѣсть я стоялъ тутъ въ раздумьи, широкая бурая поверхность зыбучихъ песковъ стала дрожать и колыхаться—другаго движенія не замѣтно было во всемъ этомъ ужасномъ мѣстѣ.

Я замѣтилъ, что приставъ вздрогнулъ, увидавъ какъ заколебались пески. Посмотрѣвъ на нихъ съ минуту, онъ отвернулся отъ этого зрѣлища и подошелъ ко мнѣ.

— Эхидное мѣстечко, мистеръ Бетереджъ, сказалъ онъ,— сколько не ищи, а слѣдовъ Розанны не отыщешь по цѣлому взморью.

Мы спустились съ нимъ еще ниже по берегу и я самъ удостовѣрился, что на пескѣ видны были только слѣды его и моихъ ногъ.

— Въ какомъ направленіи лежитъ отсюда вотъ эта рыбачья деревня? спросилъ приставъ Коффъ.

— Это Коббсъ-Голь, отвѣчалъ я (такъ какъ о ней шла теперь рѣчь),—она лежитъ прямо на югъ.

— Я видѣлъ какъ Розанна возвращалась сегодня берегомъ изъ Коббсъ-Голя въ направленіи къ сѣверу, сказалъ приставъ.—Слѣдовательно, должно предполагать, что она шла именно къ этому мѣсту. Не лежитъ ли Коббсъ-Голь по другую сторону того мыса? и нельзя ли намъ, пользуясь отливомъ, пробраться до нея по взморью?

На оба эти вопроса я отвѣчалъ утвердительно.

— Извините, что я тороплю васъ, сказалъ приставъ,— но

Digitized by Google

мы должны немедленно пуститься въ путь, такъ какъ мнѣ необходимо засвѣтло отыскать то мѣсто на берегу, у котораго оканчиваются слѣды ея ногъ.

Мы сдѣлали шаговъ двѣсти по направленію къ Коббсъ-Голю, какъ вдругъ приставъ Коффъ внезапно бросился на колѣна, какъ будто желая молиться.

— А, наконецъ-то нашелъ нѣчто говорящее и въ пользу вашихъ морскихъ видовъ, замѣтилъ приставъ. — Вотъ они женскіе-то слѣды, мистеръ Бетереджъ! Предположимъ, что это слѣды Розанны, пока не найдемъ явно противорѣчащихъ тому доказательствъ. Посмотрите-ка, пожалуста, какіе спутанные слѣды, можно сказать, умышленно спутанные слѣды. А, бѣдняжка! видно она не хуже моего понимаетъ обличительныя свойства песка! Но вѣрно она слишкомъ торопилась и не успѣла окончательно изгладить своихъ шаговъ. Должно-быть, что такъ. Вотъ одни слѣды, возвращающіеся изъ Коббсъ-Голля; а вотъ другіе, идущіе опять туда же. Не ея ли этотъ носокъ, обращенный прямо къ окраинѣ берега? А вотъ еще подалѣе, почти у самой воды, слѣды двухъ пятокъ. Нисколько не желая оскорблять вашихъ чувствъ, мистеръ Бетереджъ, я все-таки долженъ замѣтить, что Розанна большая плутовка. Очевидно, что она хотѣла достигнуть до того мѣста, которое мы сейчасъ только покинули, не оставляя позади себя слѣдовъ, могущихъ послужить намъ путеводною нитью. Предположимъ, что отсюда она прошла по водѣ до тѣхъ утесовъ, которые остались позади насъ; потомъ, вернувшись тою же дорогой, опять вышла на берегъ въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ до сихъ поръ еще видны слѣды ея пятокъ. Это будетъ самое безошибочное предположеніе. Оно утверждаетъ меня еще и въ той мысли, что Розанна дѣйствительно вынесла съ собой нѣчто изъ хижины, подъ плащомъ. Только не съ цѣлью истребить эту вещь,—нѣтъ, иначе она не стала бы такъ тщательно скрывать отъ меня направленіе своихъ шаговъ, а скорѣе съ цѣлью спрятать эту вещь въ безопасное убѣжище. Если мы пойдемъ далѣе до самой хижины, то, быть-можетъ, откроемъ и самую вещь, вынесенную оттуда Розанной.

Послѣ такого предложенія слѣдственная горячка моя мгновенно остыла.

— Теперь ужь, мнѣ кажется, я болѣе не нуженъ вамъ, при-

Digitized by Google

ставъ. Какой пользы можете вы ожидать отъ меня? спросилъ я.

— Чѣмъ болѣе узнаю васъ, мистеръ Бетереджъ, отвѣчалъ приставъ, — тѣмъ болѣе открываю въ васъ добродѣтелей. Боже мой! Какъ рѣдко встрѣчаешь въ этомъ мірѣ скромность! И какъ щедро одарены вы этимъ неоцѣненнымъ качествомъ! Подумайте только, что если я войду въ хижину одинъ, уста замкнутся, не давъ отвѣта на мои вопросы; если же меня будетъ сопровождать человѣкъ, пользующійся, подобно вамъ, уваженіемъ цѣлаго околотка, то я никому не внушу подозрѣній и услышу откровенныя рѣчи. Вотъ въ какомъ свѣтѣ представляется мнѣ это дѣло, а вы какъ на него смотрите, мистеръ Бетереджъ?

Не имѣя подъ рукой готоваго и мѣткаго отвѣта, я, чтобы выиграть время, спросилъ у него, о какой именно хижинѣ говоритъ онъ. Приставъ описалъ мѣстность, и я догадался, что рѣчь шла о хижинѣ рыбака Іолланда, въ которой жилъ онъ съ своею женой и двумя взрослыми дѣтьми—сыномъ и дочерью. Если вы оглянетесь назадъ, читатель, то вѣроятно вспомните, какъ въ самомъ началѣ этого разказа я упоминалъ вамъ, что Розанна Сперманъ мѣняла иногда мѣсто своей прогулки и въ видѣ рѣдкихъ исключеній отправлялась не на пески, а къ своимъ друзьямъ въ Коббсъ-Голь. Друзья эти и были Іолланды, весьма почтенные люди, дѣлавшіе честь своему околотку. Знакомство ихъ съ Розанной завязалось чрезъ дочь, которая, благодаря своей кривой ногѣ, слыла въ нашихъ мѣстахъ подъ именемъ хромой Люси. Обѣ увѣчныя дѣвушки, вѣроятно, чувствовали другъ къ другу взаимное влеченіе, и потому всякій разъ какъ Розанна приходила къ Іолландамъ, ее встрѣчали привѣтливо и ласково. Убѣдившись, что приставъ Коффъ подкараулилъ дѣвушку, вошедшую именно въ эту хижину, я сталъ иначе разсуждать о своемъ участіи въ розыскахъ. Розанна, говорилъ я себѣ, уже не въ первый разъ посѣщаетъ семейство рыбака, стало-быть, доказать фактъ ея присутствія у Іолландовъ значило доказать отчасти ея невинность. Такимъ образомъ, вмѣсто вреда, я могъ принести ей существенную пользу, склонившись на доводы пристава, вслѣдствіе чего я и рѣшился принять его предложеніе.

Мы отправились въ Коббсъ-Голь, и слѣды шаговъ на

Digitized by Google

пискѣ были намъ ясно видны до тѣхъ поръ, пока не угасли послѣдніе дневные лучи.

Въ хижинѣ мы узнали, что рыбакъ съ сыномъ выѣхалъ въ море на ловлю, и что хромая Люси, вѣчно больная и слабая, лежитъ у себя наверху. Добрая мистрисъ Іолландъ одна приняла насъ въ своей кухнѣ. Узнавъ о громкой репутаціи пристава Коффа въ Лондонѣ, она поставила предъ нимъ бутылку голландскаго джина, выложила пару чистыхъ трубокъ и вытаращила на него глаза, какъ на какую-нибудь заморскую диковинку.

Я помѣстился въ уголкѣ, выжидая какимъ образомъ доберется мистеръ Коффъ до разговора о Розаннѣ Спермавъ. Окольные пути, которыми онъ любилъ приступать къ дѣлу, оказались на этотъ разъ извилистѣе чѣмъ когда-либо. Какимъ образомъ добрался онъ до своего предмета, я рѣшительно не сумѣлъ бы передать этого ни тогда, ни теперь. Знаю только, что начавъ съ королевской фамиліи, первыхъ методистовъ и цѣны на рыбу, онъ постепенно перешелъ (въ самомъ заунывномъ, минорномъ тонѣ) къ пропажѣ алмаза, къ злобѣ нашей старшей служанки, и вообще къ жестокимъ интригамъ всей женской прислуги противъ Розанны Спермавъ. Вслѣдъ затѣмъ онъ упомянулъ, что предпринятое имъ въ настоящее время слѣдствіе клонится не только къ тому, чтобъ отыскать алмазъ, но также и къ тому, чтобъ оправдать Розанну отъ несправедливыхъ подозрѣній ея недоброжелателей. Словомъ, не прошло и четверти часа со времени нашего появленія въ хижинѣ, какъ добрая мистрисъ Іолландъ успѣла уже убѣдить себя, что говоритъ съ лучшимъ другомъ Розанны, и усердно приглашала пристава Коффа, для подкрѣпленія желудка и бодрости своего духа, отвѣдать ея голландскаго джина.

Твердо убѣжденный, что приставъ попусту тратитъ свои слова съ мистрисъ Іолландъ, я не менѣе того наслаждался ихъ бесѣдой, какъ драматическимъ представленіемъ.

Великій Коффъ выказалъ при этомъ случаѣ необыкновенное терпѣніе; онъ всячески пыталъ свое счастіе, пуская зарядъ за зарядомъ, въ надеждѣ, не попадетъ ли хоть одинъ изъ нихъ въ цѣль. Однако, какъ онъ ни ухитрялся, дѣло Розанны отъ этого не пострадало, а выиграло, даромъ что мистрисъ Іолландъ болтала безъ малѣйшей осторожности. Наконецъ, когда, взглянувъ на часы, мы встали, чтобы

Digitized by Google

проститься съ доброю хозяйкой, мистеръ Коффъ какесъ послѣдній, рѣшительный ударъ.

— Теперь пора пожелать вамъ спокойной ночи, сударыня, сказалъ приставъ.—Но мнѣ хотѣлось бы увѣрить васъ на прощаньи, что въ вашемъ покорномъ слугѣ вы видите искренняго доброжелателя Розанны Сперманъ. Къ сожалѣнію, должно сознаться, что ей никогда не повезетъ въ этомъ домѣ; и потому лучше было бы, еслибъ она вовсе его оставила.

— Благослови васъ Богъ! воскликнула мистрисъ Іолландъ:— вѣдь она и впрямь *собирается* его оставить. (Замѣтьте, что я перевожу слова мистрисъ Іолландъ съ йоркширскаго нарѣчія на чистый англійскій языкъ. Ужь если самъ велемудрый Коффъ въ разговорѣ съ ней прибѣгалъ иногда къ моимъ объясненіямъ, то посудите, какую работу задалъ бы я вамъ, читатель, еслибы привелъ ея слова на мѣстномъ нарѣчіи!)

Розанна Сперманъ собирается уходить отъ насъ. Услышавъ это, я навострилъ уши. Что ни говорите, а мнѣ казалось весьма страннымъ, что рѣшаясь на подобный поступокъ, она не предупредила о немъ ни меня, ни миледи. Вотъ оказія, подумалъ я, видно и въ самомъ дѣлѣ послѣдній выстрѣлъ пристава мѣтко попалъ въ цѣль! Я снова началъ размышлять о томъ, дѣйствительно ли мое участіе въ розыскахъ было такъ безвредно, какъ мнѣ казалось. Должность пристава, быть-можетъ, обязывала его мистифировать честную женщину, опутывая ее непроницаемою сѣтью лжи; что же до меня касается, то я, какъ добрый протестантъ, долженъ былъ помнить, что дьяволъ есть отецъ лжи, и что предаваясь лжи, мы предаемъ себя въ руки дьявола. Почуявъ въ воздухѣ что-то недоброе, я попробовалъ было увести какъ-нибудь пристава Коффа. Но онъ тотчасъ же усѣлся и попросилъ еще рюмочку изъ голландской бутылки, а мистрисъ Іолландъ, занявъ мѣсто насупротивъ его, опять принялась потчивать гостя. Чувствуя величайшую неловкость, я объявилъ имъ, что ухожу домой, и уже направился было къ дверямъ, однако уйдти все-таки не имѣлъ духу.

— Такъ она собирается оставить это мѣсто? сказалъ приставъ. — Но куда же она себя дѣнетъ? Жалко мнѣ ее, бѣдняжку, жалко! Вѣдь у нея въ цѣломъ мірѣ нѣтъ друзей, кромѣ васъ, да меня.

Digitized by Google

— Ну, этого нельзя сказать! отвѣчала мистрисъ Іолландъ.— Сегодня вечеромъ, какъ я уже вамъ докладывала, она пришла посидѣть съ нами, и поговоривъ немного со мной и Люси, просила позволенія пойдти на верхъ въ комнату моей дочери. Это единственная комната, гдѣ у насъ водятся чернила и перья. „Мнѣ нужно написать письмо къ другу, сказала она, а дома не удастся этого сдѣлать, потому что наши любопытныя горничныя то и дѣло заглядываютъ въ комнату.“ Ужь кому писала она это письмо, сказать вамъ точно не умѣю; а судя по употребленному ею на то времени, должно полагать, что письмо было смертельно длинно. Когда она сошла внизъ, я предложила ей почтовую марку; но письма въ ея рукахъ не оказалось, и марки она не приняла. Вѣдь вамъ, я думаю, извѣстно, какъ скрытна, бѣдняжка, насчетъ себя и своихъ дѣйствій. Тѣмъ не менѣе я положительно знаю, что у нея есть другъ и къ кому-то, какъ я полагаю, она и отправится.

— И скоро? спросилъ приставъ.

— При первой возможности, отвѣчала мистрисъ Іолландъ.

Я рѣшительно воротился. Въ качествѣ главнаго дворецкаго и распорядителя въ домѣ госпожи моей, я никакъ не могъ допустить, чтобы въ моемъ присутствіи позволяли себѣ такъ свободно разсуждать, оставитъ ли насъ наша вторая горничная или нѣтъ.

— Не ошибаетесь ли вы насчетъ Розанны Спермакъ? спросилъ я.—Еслибъ она дѣйствительно собиралась отойдти отъ насъ, то прежде всего, вѣроятно, заявила бы объ этомъ мнѣ.

— Я ошибаюсь? воскликнула мистрисъ Іолландъ.—Въ такомъ случаѣ для чего же купила она у меня часъ тому назадъ, вотъ въ этой самой комнатѣ, нѣкоторыя необходимыя для дороги принадлежности? Кстати, хорошо что вспомнила, продолжала несносная женщина, внезапно принимаясь шарить въ своемъ карманѣ,—я еще хотѣла сказать вамъ кое-что о Розаннѣ и ея деньгахъ. Не увидитъ ли ее кто-нибудь изъ васъ по возвращеніи домой?

— Я охотно передамъ ваше порученіе бѣдняжкѣ, отвѣчалъ приставъ Коффъ, прежде чѣмъ я успѣлъ вверкнуть словцо.

Мистрисъ Іолландъ вытащила изъ кармана нѣсколько шиллинговъ и сикспенсовъ и принялась отсчитывать ихъ на ладонь съ какою-то раздражающею осторожностью. Видно

Digitized by Google

было, что подавая деньги приставу, она разсталась съ ними весьма неохотно.

— Не возьметесь ли вы передать эти деньги Розаннѣ съ моимъ сердечнымъ привѣтомъ и уваженіемъ? спросила мистрисъ Іолландъ.—Она почти навязала мнѣ ихъ насильно за купленныя у меня сегодня вещи. Конечно, скрывать нечего—денежки у насъ рѣдкіе и желанные гости; однако меня мучаетъ, что я взяла у бѣдняжки ея скудныя сбереженія, да и мужъ-то не похвалитъ меня за это, вернувшись завтра съ работы.... Такъ скажите же пожалуста Розаннѣ, что я отъ всего сердца прошу ее принять эти вещи въ подарокъ. Только денегъ-то не оставляйте на столѣ, прибавила мистрисъ Іолландъ, быстро пододвигая ихъ къ приставу, словно онѣ жгли ей руки.—Ой, не оставляйте ихъ тутъ, голубчикъ! Времена тяжкія, а плоть немощна, чего добраго, пожалуй и опять возьметъ искушеніе положить ихъ въ карманъ!

— Уйдемте, сказалъ я.—Мнѣ невозможно оставаться долѣе, пора домой.

— Идите, я не заставлю ждать себя, отвѣчалъ приставъ.

Я вторично направился къ дверямъ, но несмотря на всѣ мои усилія, никакъ не могъ перешагнуть за порогъ.

— Возвращать деньги, сказалъ приставъ,—дѣло весьма щекотливое. Вѣдь вы вѣрно дешево взяли съ нея за проданный вами товаръ?

— Дешево! отвѣчала мистрисъ Іолландъ. — Судите лучше сами!

И взявъ со стола свѣчу, она повела пристава въ уголъ кухни. Ну, хоть зарѣжьте меня, а я никакъ не могъ удержаться, чтобы не послѣдовать за ними. Въ углу свалена была куча разнаго хлама, состоявшаго преимущественно изъ обломковъ стараго металла. Всякій разъ какъ случалось кораблекрушеніе, рыбакъ прибавлялъ къ своему хламу новые обломки, но выгоднаго сбыта этому товару еще не находилъ. Мистрисъ Іолландъ нырнула въ кучу и вытащила оттуда старый лакированный жестяной ящикъ съ крышкой и кольцомъ для вѣшанья; такого рода ящики употребляются обыкновенно на корабляхъ для предохраненія географическихъ и морскихъ картъ и другихъ подобныхъ бумагъ отъ вліянія сырости.

— Смотрите! сказала она.—Сегодня вечеромъ Розанна купила у меня точь-въ-точь такой же ящикъ. „Вотъ это какъ

Digitized by Google

разъ годится для моихъ воротничковъ и рукавчиковъ," сказала она, „они не будутъ такъ мяться въ немъ какъ въ сундукѣ". И стóитъ-то всего одинъ шиллингъ девять пенсовъ, мистеръ Коффъ, продолжала рыбачка,—не сойдти мнѣ съ этого мѣста, если я взяла съ нея хоть полпенни болѣе!

— Дешево продано, сказалъ приставъ, глубоко вздохнувъ.

Онъ взвѣсилъ ящикъ на рукѣ, и въ то время какъ глаза его разсматривали этотъ предметъ, мнѣ послышались двѣ-три нотки „Послѣдней лѣтней розы". Сомнѣваться долѣе было невозможно. Приставъ сдѣлалъ новое открытіе ко вреду Розанны, да еще въ такомъ мѣстѣ, гдѣ я считалъ ее наиболѣе безопасною. И все чрезъ меня! Судите сами, чтò почувствовалъ я въ эту минуту и какъ сильно упрекнулъ себя за свое неумѣстное посредничество между нимъ и мистрисъ Іолландъ.

— Да ужь будетъ вамъ, пора домой, сказалъ я.

Но не обращая на меня никакого вниманія, мистрисъ Іолландъ предприняла вторую экскурсію въ кучу хлама, и на этотъ разъ вытащила оттуда собачью цѣпь.

— Взвѣсьте-ка ее на рукѣ, сэръ, сказала она приставу.— У насъ было три такія цѣпи, и двѣ изъ нихъ взяла Розанна! „Ну, на чтò вамъ эти цѣпи, моя милая?" спросила я ее. „Если ихъ связать вмѣстѣ, отвѣчала она, то онѣ какъ разъ обойдутся вокругъ моего сундука."—„Да веревки-то вѣдь дешевле," говорю я. „А цѣпи надежнѣе," отвѣчала она. „Ну, слыханное ли это дѣло, чтобы сундукъ обвязывали цѣпями?" сказала я. „О, мистрисъ Іолландъ, не противорѣчьте мнѣ," отвѣчала она, „отдайте мнѣ эти цѣпи." Странная дѣвушка, мистеръ Коффъ, сердце у нея золотое, и съ дочерью моею обходится какъ родная сестра, а все-таки чудна до крайности. Нечего дѣлать, отдала я ей эти цѣпи, и всего-то за три шиллинга шесть пенсовъ. Какъ честная женщина, мистеръ Коффъ, за три шиллинга шесть пенсовъ!

— За каждую? спросилъ приставъ.

— Какое за каждую! За обѣ! отвѣчала мистрисъ Іолландъ.

— Даромъ отдали, сударыня, сказалъ приставъ, покачавъ головой.—Просто даромъ!

— Вотъ и деньги, сказала мистрисъ Іолландъ, опять подвигаясь бочкомъ къ маленькой кучкѣ серебра, лежавшаго на столѣ, словно тянула ее къ ней какая-то непреодолимая сила. Жестяной ящикъ да собачьи цѣпи, вотъ все чтò

Digitized by Google

она купила и унесла съ собой сегодня. Одинъ шиллингъ девять пенсовъ и три шиллинга шесть пенсовъ составляютъ пять шиллинговъ три пенса, которые и прошу васъ передать бѣдняжкѣ съ моимъ сердечнымъ привѣтомъ. Право, мнѣ совѣстно лишать ее этихъ маленькихъ сбереженій, самой пригодятся со временемъ.

— А *мнѣ*, сударыня, совѣстно будетъ возвращать ей эти деньги, отвѣчалъ приставъ Коффъ.—Вы и безъ того продешевили вашъ товаръ; право, такъ.

— И вы дѣйствительно такъ думаете, сэръ? спросила мистрисъ Іолландъ, съ неожиданно просіявшимъ лицомъ.

— Къ чему же мнѣ васъ обманывать, сударыня? отвѣчалъ приставъ.—Да вотъ спросите хоть у мистера Бетереджа.

Что было пользы спрашивать у *меня*? Чтобы какъ-нибудь отдѣлаться отъ нихъ, я только пожелалъ имъ спокойной ночи и сдѣлалъ видъ, что собираюсь уходить.

— Провалъ ихъ возьми, эти деньги! внезапно воскликнула мистрисъ Іолландъ, теряя всякую власть надъ собой; и накинувшись на серебро, она поспѣшно сунула его въ свой карманъ.—Право, зло разбираетъ, глядя, какъ тутъ же у тебя подъ носомъ лежатъ деньги, и никто не хочетъ ими пользоваться, продолжала безразсудная женщина, съ шумомъ кидаясь на свое мѣсто и бросая на пристава взглядъ, ясно говорившій: теперь, когда они опять попали въ мой карманъ, попробуй-ка ихъ достать оттуда, коли сумѣешь!

На этотъ разъ я не только направился къ дверямъ, но и въ самомъ дѣлѣ вышелъ за порогъ. Объясняйте это какъ умѣете, только я испытывалъ ощущеніе смертельной обиды со стороны пристава и мистрисъ Іолландъ. Не успѣлъ я пройдти по деревнѣ и трехъ шаговъ, какъ уже приставъ нагналъ меня.

— Спасибо вамъ за знакомство, мистеръ Бетереджъ, сказалъ онъ.—Я обязанъ женѣ рыбака совершенно новымъ, еще неизвѣстнымъ мнѣ доселѣ ощущеніемъ: мистрисъ Іолландъ сбила меня съ толку.

На языкѣ моемъ уже вертѣлся рѣзкій отвѣтъ, по той причинѣ, что будучи золъ на самого себя, я былъ озлобленъ и противъ пристава. Но услышавъ такое признаніе, я внутренно возрадовался, въ надеждѣ, что вредъ, причиненный мной Розанкѣ еще, быть-можетъ, не слишкомъ важенъ.

Digitized by Google

Однако благоразумное молчаніе сковало мои уста, и я ждалъ что скажетъ онъ дальше.

— Да, продолжалъ приставъ, какъ бы насквозь читая мои мысли.—При вашемъ сочувствіи къ судьбѣ Розанны, мистеръ Бетереджъ, васъ должно радовать одно обстоятельство: что вы не только не навели меня на слѣдъ, но напротивъ содѣйствовали тому, чтобъ я потерялъ его. Нынѣшніе маневры дѣвушки ясны какъ день. Сдѣлавъ изъ двухъ цѣпей одну, она привязала одинъ конецъ къ крышкѣ жестяного ящика, опустила ящикъ въ воду или въ песчаную зыбь, а другой конецъ цѣпи прикрѣпила подъ скалой, въ какомъ-нибудь потаенномъ, только ей одной извѣстномъ мѣстѣ. На этомъ якорѣ ящикъ провиситъ до окончанія настоящаго слѣдствія; когда же оно кончится, Розанна улучитъ удобную минуту и придетъ украдкой вытащить его изъ этого потаеннаго хранилища. До сихъ поръ планъ дѣйствій ея совершенно ясенъ. Но вотъ въ чемъ тайна, продолжалъ приставъ, и голосъ его впервые зазвучалъ нетерпѣніемъ,—какую чертовщину упрятала она въ жестяной ящикъ?

Въ умѣ моемъ тотчасъ же промелькнуло: да вѣрно Лунный камень! но я ограничился только вопросомъ:

— Неужто не догадываетесь?

— Нѣтъ, это не алмазъ, отвѣчалъ приставъ.—Если Розанна Спермакъ спрятала туда алмазъ, то наплюйте тогда на мою опытность.

При этихъ словахъ проклятая слѣдственная горячка воспылала во мнѣ съ новою силой. Увлеченный желаніемъ разъяснить эту мудреную загадку, я позабылся и опрометчиво спросилъ у пристава:

— Ужь не запачканное ли платье?

Приставъ Коффъ остановился какъ вкопанный и положилъ въ темнотѣ свою руку на мое плечо.

— Можетъ ли снова выныривуть когда-нибудь на поверхность то, что попало однажды въ вашу песчаную зыбь? спросилъ онъ.

— Никогда, отвѣчалъ я.—Зыбучіе пески всасываютъ въ себя безъ различія и легкіе предметы, и тяжелые, но ничего не возвращаютъ назадъ.

— И это извѣстно Розаннѣ Спермакъ?

— Столько же сколько и мнѣ.

— Въ такомъ случаѣ, сказалъ приставъ,—отчего бы ей не привязать къ испачканному платью камня, и не бросить его

Digitized by Google

прямо въ пески? Прятать его, повидимому, не было ни малѣйшей причины, а между тѣмъ она его спрятала, это несомнѣнно. Еще одинъ вопросъ, продолжалъ приставъ, снова пускаясь въ путь,—какого рода эта одежда: кофта ли, юпка ли, или другая какая-нибудь вещь, которую ей необходимо сберечь во что бы то ни стало? Если ничто не помѣшаетъ мнѣ до тѣхъ поръ, мистеръ Бетереджъ, то я завтра же отправлюсь въ Фризингаллъ, чтобы развѣдать какіе матеріалы покупала она въ городѣ для этой новой одежды. Конечно, при настоящемъ положеніи дѣлъ покидать домъ не совсѣмъ безопасно, однако еще опаснѣе идти впередъ съ завязанными глазами. Не сѣтуйте на меня за мою раздражительность, мистеръ Бетереджъ; признаюсь, я упалъ въ моихъ собственныхъ глазахъ, съ тѣхъ поръ какъ позволилъ Розаннѣ Спермавъ провести меня!

Прислуга ужинала, когда мы возвратились домой. Первое лицо, попавшееся намъ на переднемъ дворѣ, былъ тотъ самый полисменъ, котораго надзиратель Сигревъ оставилъ въ распоряженіе пристава Коффа. Приставъ спросилъ у него, возвратилась ли Розанна?—Да, отвѣчалъ полисменъ.—Давно ли?—Съ часъ тому назадъ.—Что она дѣлала это время?—Она входила на верхъ, чтобы снять свою шляпку и плащъ, а теперь преспокойно ужинаетъ съ остальною прислугой.

Не сдѣлавъ ни малѣйшаго замѣчанія и продолжая все ниже и ниже падать въ своемъ собственномъ мнѣніи, приставъ Коффъ направился къ задней части дома. Но темнота помѣшала ему увидать входъ, и онъ все шелъ впередъ, не останавливаясь, до тѣхъ поръ, пока не наткнулся на садовую калитку. Я поспѣшилъ къ нему на выручку, и тутъ только замѣтилъ, что глаза его внимательно изучаютъ одно изъ оконъ задняго фасада въ томъ этажѣ, гдѣ помѣщались спальни.

Взглянувъ туда въ свою очередь, я увидалъ, что предметомъ его наблюденій было окно миссъ Рахили, гдѣ взадъ и впередъ мелькали огни, обличавшіе необычайную суетню въ домѣ.

— Не это ли комната миссъ Вериндеръ? спросилъ приставъ Коффъ.

Я отвѣчалъ утвердительно и пригласилъ его войдти въ домъ чтобы поужинать; но приставъ не трогался съ мѣста и только пробормоталъ себѣ что-то подъ носъ о наслажденіи упиваться вечернимъ благоуханіемъ цвѣтовъ. Я ушелъ,

Digitized by Google

предоставивъ его этимъ наслажденіямъ; но въ то самое время какъ я подходилъ къ дверямъ дома, у калитки раздался знакомый мнѣ мотивъ „Послѣдней лѣтней розы". Приставъ Коффъ сдѣлалъ новое открытіе, поводомъ къ которому было на этотъ разъ окно моей молодой госпожи. Эта мысль заставила меня снова вернуться къ приставу, подъ тѣмъ любезнымъ предлогомъ, будто я не имѣлъ духу оставить его одного.

— Не находите ли вы тутъ чего-нибудь загадочнаго? спросилъ я, указывая ему на окно миссъ Рахили.

Судя по интонаціи голоса пристава, я заключилъ, что онъ опять поднялся въ своемъ мнѣніи.

— Вѣдь у васъ въ Йоркширѣ, если не ошибаюсь, сильно развита страсть къ пари, не такъ ли? спросилъ онъ.

— Положимъ, что и такъ, отвѣчалъ я;—ну, что жь изъ этого слѣдуетъ?

— Будь я Йоркширецъ, продолжалъ приставъ, взявъ меня подъ руку,—я бы прозакладывалъ вамъ цѣлый суверенъ, мистеръ Бетереджъ, утверждая, что ваша барышня приняла внезапное рѣшеніе покинуть свой домъ. А выигравъ его, побился бы и на другой суверенъ, что мысль эта пришла ей не далѣе какъ часъ тому назадъ.

Первое изъ предположеній пристава поразило меня, а второе какъ-то странно перепуталось въ моей головѣ съ донесеніемъ полицейскаго о томъ, что часъ тому назадъ Розанна Сперманъ вернулась домой съ песковъ. Обѣ эти догадки произвели на меня такое странное впечатлѣніе, между тѣмъ какъ мы шли ужинать рука объ руку съ приставомъ Коффомъ, что позабывъ всякую учтивость, я высвободилъ свою руку и юркнулъ мимо его въ дверь, чтобы самому навести справки.

Первый попавшійся мнѣ навстрѣчу человѣкъ былъ лакей нашъ Самуилъ.

— Миледи ожидаетъ васъ и пристава Коффа, сказалъ онъ, прежде нежели я успѣлъ приступить къ своимъ разспросамъ.

— Давно ли она ожидаетъ насъ? послышался позади меня голосъ пристава.

— Около часу, сэръ.

Странная игра случая! Розанна вернулась домой, миссъ Рахиль приняла какое-то необыкновенное рѣшеніе, а миледи ожидала къ себѣ пристава Коффа. И все это произошло въ теченіе одного часа! Непріятно было сознавать

Digitized by Google

подобное сцѣпленіе между лицами и обстоятельствами столь противоположными другъ другу. Я отправился на верхъ, не взглянувъ на пристава Коффа и даже не сказавъ ему ни слова. Въ то время какъ я собирался постучаться въ дверь госпожи моей, рука моя сильно задрожала.

— Меня не удивило бы, шепнулъ мнѣ чрезъ плечо приставъ,—еслибы въ домѣ разразился нынѣшнею ночью скандалъ. Но не тревожьтесь! На своемъ вѣку я улаживалъ семейныя дѣла и потруднѣе этихъ.

Въ эту минуту я услышалъ голосъ миледи, звавшей насъ къ себѣ въ комнату.

XVI.

Мы застали миледи въ ея комнатѣ, освѣщенной лишь одною настольною лампочкой, съ опущеннымъ абажуромъ, такъ что все лицо ея было въ тѣни. Противъ своего обыкновенія смотрѣть прямо въ лицо входящимъ, она сидѣла наклонясь къ столу и упорно глядя въ развернутую книгу.

— Господинъ приставъ, сказала она,—въ виду производимаго слѣдствія, важно ли вамъ заранѣе знать, если кто-нибудь изъ находящихся теперь въ домѣ пожелаетъ выѣхать?

— Весьма важно, миледи.

— Ну, такъ надо сказать вамъ, что миссъ Веринджеръ хочетъ отправиться къ своей тетушкѣ миссъ Абльвайтъ, въ Фризингалль. Она располагаетъ выѣхать завтра рано утромъ.

Приставъ Коффъ поглядѣлъ на меня. Я ступилъ шагъ впередъ, хотѣлъ заговорить съ госпожой, но чувствуя, что сердце во мнѣ такъ и упало (если ужь надо признаться въ этомъ), отступилъ снова, ничего не сказавъ.

— Смѣю ли спросить, миледи, *когда* именно миссъ Веринджеръ задумала эту поѣздку къ тетушкѣ? спросилъ приставъ.

— Съ часъ тому назадъ, отвѣтила моя госпожа.

Приставъ Коффъ еще разъ поглядѣлъ на меня. Говорятъ, что старческое сердце не такъ-то легко растевелить. Что до меня, то *мое* сердце не могло бы забиться сильнѣе теперешняго, еслибы даже мнѣ сызнова стало двадцать пять лѣтъ отъ роду!

— Я не въ правѣ, миледи, контролировать поступки миссъ Веринджеръ, сказалъ приставъ, — могу только просить васъ, если можно, отложить поѣздку ея на нѣсколько часовъ. Мнѣ

Digitized by Google

самому надо быть завтра поутру въ Фризингаллѣ, я вернусь часамъ къ двумъ, если не раньше. Если миссъ Верриндеръ можно удержать здѣсь до этого времени, мнѣ бы хотѣлось перемолвить съ ней словечка два, эдакъ невзначай, предъ отъѣздомъ.

Миледи поручила мнѣ передать кучеру приказаніе, чтобы карету миссъ Рахили не подавали ранѣе двухъ часовъ.

— Не имѣете ли еще чего сказать? спросила она пристава, покончивъ съ этимъ.

— Только одно. Если миссъ Верриндеръ удивится этой отмѣнѣ ея распоряженій, благоволите не упоминать при ней, что именно я задерживаю поѣздку.

Моя госпожа внезапно подняла голову надъ книгой, какъ бы собираясь что-то сказать, съ величайшимъ усиліемъ удержалась, и снова уставясь въ развернутыя страницы, отпустила насъ движеніемъ руки.

— Вотъ удивительная женщина! сказалъ приставъ, когда мы вышли. — Не владѣй она собой, тайна, которая мучитъ васъ, мистеръ Бетереджъ, нынче же разрѣшилась бы.

При послѣднихъ словахъ истина озарила, наконецъ, мою старую башку. На мигъ я, кажется, начисто лишился разсудка, схватилъ пристава за воротъ сюртука и пригвоздилъ его къ стѣнѣ.

— Проклятіе! вскрикнулъ я: — тутъ что-то не ладно насчетъ миссъ Рахили, а вы все время скрывали это отъ меня!

Приставъ Коффъ взглянулъ на меня, — все еще приплюснутый къ стѣнѣ, — не шевельнувъ пальцемъ, не трогаясь на однимъ мускуломъ грустнаго лица.

— А! сказалъ онъ: — угадали, наконецъ!

Рука моя выпустила его воротъ, голова склонилась на грудь.

— Вспомните, ради нѣкотораго извиненія моей вспышки, что вѣдь я пятьдесятъ лѣтъ служилъ этому семейству. Сколько разъ, бывало, миссъ Рахиль еще ребенкомъ лазила ко мнѣ на колѣна и дергала меня за бакенбарды. Миссъ Рахиль, со всѣми ея недостатками, была, на мой взглядъ, милѣе, краше и лучше всѣхъ молодыхъ госпожъ, располагавшихъ услугами и любовью стараго слуги.

Я просилъ прощенія у пристава Коффа, чуть ли не со слезами на глазахъ и не совсѣмъ-то прилично.

— Не огорчайтесь, мистеръ Бетереджъ, сказалъ приставъ

Digitized by Google

гораздо мягче нежели я могъ ожидать, — при нашемъ дѣлѣ, да если быть скорымъ на обидчивость, такъ мы бы не стоили щепоти соли къ похлебкѣ. Если это васъ утѣшаетъ, схватите меня за воротъ еще разъ. Вы вовсе не умѣете сдѣлать этого какъ слѣдуетъ; но ужь я, такъ и быть, прощу неумѣлость въ уваженіе вашихъ чувствъ.

Онъ скривилъ губы и съ обычнымъ унынiемъ въ лицѣ, повидимому, думалъ, что отпустилъ славную шутку.

Я провелъ его въ мою небольшую прiемную и затворилъ дверь.

— Скажите мнѣ по правдѣ, приставъ, сказалъ я,—что̀ вы такое подозрѣваете? Теперь ужь не хорошо скрывать отъ меня.

— Я не подозрѣваю, сказалъ приставъ Коффъ,—а знаю.

Несчастный характеръ мой снова началъ одолѣвать меня.

— То-есть, по-просту, по-англійски, сказалъ я,—вы хотите сказать, что миссъ Рахиль сама у себя украла собственный алмазъ?

— Да, сказалъ приставъ,—это именно то, что̀ я хочу сказать, и ни слова болѣе. Сначала и до конца миссъ Верндеръ владѣла алмазомъ въ тайнѣ и взяла себѣ въ повѣренныя Розанну Спермавъ, по разчету, что мы заподозримъ ее въ кражѣ. Вотъ вамъ все дѣло въ орѣховой скорлупкѣ. Хватайте меня за воротъ, мистеръ Бетереджъ. Если это исходъ вашимъ чувствамъ, хватайте меня за воротъ.

Боже, помоги мнѣ! Чувства мои не облегчились бы этимъ путемъ.

— Ваши доказательства! Вотъ все что̀ я могъ сказать ему.

— Доказательства мои вы завтра услышите, сказалъ приставъ:—Если миссъ Верндеръ откажется отсрочить свою поѣздку къ тетушкѣ (а вотъ посмотрите, она откажется непремѣнно), тогда я долженъ буду изложить завтра всю суть вашей госпожѣ. А такъ какъ я не знаю что̀ изъ этого выйдетъ, то и попрошу васъ присутствовать и выслушать все, что̀ произойдетъ съ обѣихъ сторонъ. А пока, на ночь глядя, оставимъ это дѣло. Нѣтъ, мистеръ Бетереджъ, больше отъ меня слова не добьетесь насчетъ Лунного камня. Вотъ и столъ накрытъ къ ужину. Это одна изъ человѣческихъ слабостей, къ которой я отношусь наинѣжнѣйше. Звоните, а я прочту молитву.

— Желаю вамъ хорошаго аппетита, приставъ, сказалъ я,—

Digitized by Google

а у *меня* онъ пропалъ. Я подожду, пока вамъ подадутъ, а потомъ попрошу позволенія уйдти и постараюсь осилить это горе наединѣ съ самимъ собой.

Я присмотрѣлъ, чтобъ ему подали всякой всячины изъ отборныхъ запасовъ, и право, не жалѣлъ бы, еслибъ онъ всѣмъ этимъ подавился. Въ то же время зашелъ и главный садовникъ (мистеръ Бегби) съ недѣльнымъ отчетомъ. Приставъ немедленно заговорилъ о розахъ и относительномъ достоинствѣ дерновыхъ и песчаныхъ тропинокъ. Я оставилъ ихъ обоихъ и вышелъ съ камнемъ на сердцѣ. Въ теченіе многихъ и долгихъ лѣтъ, помнится мнѣ, то было еще первое горе, котораго я не могъ разсѣять въ табачномъ дыму и которое не поддавалось даже *Робинзону Крузо*. Въ тревогѣ, въ скорби, не находя себѣ мѣста за недостаткомъ отдѣльной комнаты, я прошелся по террасѣ, раздумывая про себя на досугѣ и въ тишинѣ. Не велика важность въ томъ, каковы именно были мои думы. Я чувствовалъ себя изъ рукъ вонъ старымъ, умаявшимся, негоднымъ для своей должности, и въ первый разъ еще во всю свою жизнь, началъ загадывать, когда же Богу угодно будетъ отозвать меня. Несмотря на все это, я твердо держался вѣры въ миссъ Рахиль. Будь приставъ Коффъ самимъ Соломономъ, во всей его славѣ, и скажи онъ мнѣ, что моя молодая леди впуталась въ низкую, преступную интригу, я могъ бы одно лишь отвѣтить Соломону, при всей его премудрости: „Вы ея не знаете, а я знаю.“

Размышленія мои прервалъ Самуилъ, принесшій мнѣ записку отъ моей госпожи.

Уходя съ террасы за свѣчой, чтобъ я могъ при свѣтѣ ея прочесть записку, Самуилъ замѣтилъ, что погода, повидимому, перемѣняется. До сихъ поръ я въ смущеніи ума не обратилъ на это вниманія, но теперь, когда оно пробудилось, услыхалъ тревожное ворчанье собакъ и тихій вой вѣтра. Взглянувъ на небо, я видѣлъ, какъ скученныя облака, темнѣя, тише и тише неслись надъ мутнымъ мѣсяцемъ. Наступаетъ гроза, Самуилъ правъ, наступаетъ гроза.

Записка миледи извѣщала меня, что фризингальскій судья писалъ ей, напоминая о трехъ Индѣйцахъ. Въ началѣ будущей недѣли мошенниковъ поневолѣ выпустятъ на свободу. Если намъ нужно предложить имъ еще какіе-нибудь вопросы, то времени терять болѣе нельзя. Забывъ объ этомъ

Digitized by Google

при послѣднемъ свиданіи съ приставомъ Коффомъ, миледи поручала мнѣ исправить ея упущеніе. Индѣйцы совершенно вышли у меня изъ головы (вѣроятно, изъ вашей также). Я не видѣлъ большаго проку въ томъ, чтобы снова ворошить это дѣло. Но, разумѣется, тотчасъ же исполнилъ приказаніе.

Я нашелъ пристава Коффа съ садовникомъ, за бутылкой шотландскаго виски, по горло въ обсуживаніи различныхъ способовъ выращиванія розъ. Приставъ до того заинтересовался, что при входѣ моемъ поднялъ руку и знакомъ просилъ меня не перебивать пренія. Насколько я могъ понять, вопросъ заключался въ томъ, слѣдуетъ или не слѣдуетъ бѣлую махровую розу для лучшаго произрастанія прививать къ шиповнику. Мистеръ Бегби говорилъ: да, а приставъ: нѣтъ. Они сослались на меня, горячась какъ мальчишки. Ровно ничего не разумѣя въ уходѣ за розами, я выбралъ средній путь,—точь-въ-точь какъ судьи ея величества, когда вѣсы правосудія затрудняютъ ихъ, на волосъ не уклоняясь отъ равновѣсія.

— Джентльмены, замѣтилъ я, — тутъ многое можно сказать за обѣ стороны.

Пользуясь временнымъ затишьемъ послѣ этого безпристрастнаго приговора, я положилъ записку миледи на столъ предъ глазами пристава Коффа.

Въ это время я уже былъ какъ нельзя болѣе близокъ къ тому, чтобы возненавидѣть пристава. Но, сознаться по правдѣ, въ отношеніи быстроты соображенія онъ былъ дивный человѣкъ.

Полминуты не прошло еще по прочтеніи имъ записки, онъ уже справился на память съ рапортомъ смотрителя Сигрева; извлекъ изъ него касающееся Индѣйцевъ и уже приготовилъ отвѣтъ. Въ рапортѣ мистера Сигрева упоминалось вѣдь о нѣкоторомъ знатномъ путешественникѣ, понимавшемъ нарѣчіе Индѣйцевъ, не такъ ли? Очень хорошо. Не извѣстны ли мнѣ имя и адресъ этого джентльмена? Очень хорошо. Не напишу ли я ихъ на оборотѣ записки отъ миледи? Весьма благодаренъ. Приставъ Коффъ разыщетъ этого джентльмена завтра утромъ по пріѣздѣ въ Фризингаллъ.

— Развѣ вы надѣетесь, что изъ этого что-нибудь выйдетъ? спросилъ я:—смотритель Сигревъ находилъ Индѣйцевъ невиннѣе младенца во чревѣ матери.

Digitized by Google

— Доказано, что смотритель Сигревъ до сихъ поръ ошибался во всѣхъ своихъ выводахъ, отвѣтилъ приставъ.—Быть-можетъ, стóитъ позаняться изслѣдованіемъ, не ошибся ли онъ точно также и относительно Индѣйцевъ. Затѣмъ онъ обратился къ мистеру Бегби, возобновивъ споръ именно съ того пункта, на которомъ остановился.—Вопросъ нашъ, господинъ садовникъ, сводится на вопросъ о почвѣ и времени года, о трудѣ и терпѣніи. Теперь позвольте мнѣ поставить его съ другой точки зрѣнія. Возьмите вы бѣлую махровую розу....

Въ это время я уже затворилъ за собой дверь и не слышалъ конца ихъ диспута.

Въ корридорѣ встрѣтилъ я Пенелопу, которая тамъ расхаживала, и спросилъ, чего она дожидается.

Она дожидалась звонка молодой леди, когда ей угодно будетъ позвать ее, чтобы снова приняться за укладываніе вещей на завтрашнюю поѣздку. Изъ дальнѣйшихъ разспросовъ я узналъ, что миссъ Рахиль выставила причиной своего желанія ѣхать къ тетушкѣ то обстоятельство, будто ей стало нестерпимо дома, и она болѣе не можетъ выносить ненавистнаго присутствія полицейскаго подъ одною съ ней кровлей. Съ полчаса тому назадъ узнавъ, что отъѣздъ ея долженъ быть отложенъ до двухъ часовъ пополудни, она сильно разгнѣвалась. Миледи, будучи при этомъ, строго выговаривала ей, а затѣмъ (повидимому для того чтобы сказать ей нѣчто съ глазу на глазъ) выслала Пенелопу. Дочь моя сильно пріуныла по случаю перемѣны въ домашнемъ быту.

— Все какъ-то не ладно, батюшка, все какъ-то не попрежнему. Мнѣ чудится, будто надъ всѣми нами виситъ какое-то страшное бѣдствіе.

Таково было и мое ощущеніе. Но при дочери я придалъ этому лучшій видъ. Пока мы толковали, раздался звонокъ миссъ Рахили. Пенелопа убѣжали по черной лѣстницѣ продолжать укладку. Я пошелъ въ залу взглянуть, чтò показываетъ барометръ насчетъ погоды. Только что я подошелъ къ боковой двери изъ людской въ залу, какъ ее сильно распахнули съ той стороны, и мимо меня пробѣжала Розанна Сперманъ съ такимъ жалкимъ видомъ страданія въ лицѣ, прижавъ руку къ сердцу, словно тамъ и была вся боль.

— Чтò это, чтò случилось? спросилъ я, остановивъ ее: — вамъ дурно?

— Ради Бога, не говорите со мной, отвѣтила она,

Digitized by Google

вывернулась у меня изъ рукъ и побѣжала на черную лѣстницу. Я крикнулъ кухаркѣ (мой голосъ былъ ей слышенъ отсюда) присмотрѣть за бѣдняжкой. Но кромѣ кухарки, меня услыхали еще двое. Изъ моей комнаты осторожно выскочилъ приставъ Коффъ и спросилъ, что̀ случилось. „Ничего,“ отвѣтилъ я. А мистеръ Франклинъ отворилъ боковую дверь съ той стороны, и поманя меня въ залу, спросилъ, не видалъ ли я Розанны Сперманъ.

— Сейчасъ только попалась мнѣ, сэръ, такая разстроенная и странная.

— Боюсь, не я ли невинная причина ея разстройства, Бетереджъ.

— Вы, сэръ!

— Не умѣю объяснить, сказалъ мистеръ Франклинъ: — но если дѣвушка точно замѣшана въ утратѣ алмаза, я право думаю, что она готова была сознаться мнѣ во всемъ, именно мнѣ одному изъ всѣхъ на свѣтѣ,—и не далѣе двухъ минутъ тому назадъ.

При этихъ словахъ я взглянулъ на боковую дверь, и мнѣ почудилось, что она потемножку отворяется съ той стороны. Не подслушиваетъ ли кто? Дверь прихлопнулась прежде чѣмъ я успѣлъ подойдти. Минуту спустя, когда я выглянулъ въ нее, мнѣ показалось, будто я видѣлъ фалды почтеннаго чернаго сюртука пристава Коффа, мелькнувшія за уголъ корридора. Онъ зналъ, не хуже меня, что теперь ужь нечего надѣяться на мою помощь, когда я догадался, къ чему именно клонится его слѣдствіе. При такихъ обстоятельствахъ было бы совершенно въ его характерѣ положиться на собственныя силы и повести подкопъ.

Не будучи увѣренъ въ томъ, что я точно видѣлъ пристава, и не желая прибавлять ненужной каверзы къ тѣмъ, которыхъ и безъ того Богъ вѣсть сколько накоплялось, я сказалъ мистеру Франклину, что это вѣрно взошла собака, и затѣмъ просилъ его разказать, что̀ у него такое произошло съ Розанной Сперманъ.

— Вы шли чрезъ залу, сэръ? спросилъ я: — вы случайно ее встрѣтили, когда она съ вами заговорила.

Мистеръ Франклинъ указалъ на бильярдъ.

— Я гонялъ шары, сказалъ онъ:—и старался выгнать изъ головы это проклятое дѣло съ алмазомъ. Случайно поднялъ голову, и вдругъ вижу около себя Розанну Сперманъ, точно

Digitized by Google

привидѣніе! Подкрадываться такимъ образомъ до того странно съ ея стороны, что я сначала совсѣмъ растерялся. Но видя въ лицѣ ея страшное безпокойство, спросилъ, не нужно ли ей что-нибудь сказать мнѣ. Она отвѣтила: „да, если осмѣлюсь". Зная, какое на ней подозрѣніе, я только одинъ смыслъ и могъ дать подобнымъ рѣчамъ. Сознаюсь, что мнѣ стало неловко. Я вовсе не желалъ вызывать ее на сознаніе. Въ то же время, при теперешнихъ затрудненіяхъ нашихъ было бы непростительно отказаться ее выслушать, если она точно желала высказаться. Преневловкое было это положеніе, и, могу сказать, вышелъ я изъ него еще хуже. „Я, — говорю, — не совсѣмъ понялъ васъ. Не могу ли я чѣмъ-нибудь служить вамъ?" Замѣтьте, Бетереджъ, я не грубо вѣдь это сказалъ! Бѣдняжка не можетъ помириться съ тѣмъ, что дурна собой, я тутъ же это почувствовалъ. Я все еще держалъ въ рукахъ кій и продолжалъ гонять шары, чтобы скрыть неловкость положенія. Но оказалось, что отъ этого дѣло вышло еще хуже. Кажется, я вовсе безъ намѣренія огорчилъ ее. Она вдругъ повернулась и пошла отъ меня. „На шары глядитъ, послышалось мнѣ:— на что угодно, лишь бы не на *меня*!" Не успѣлъ я остановить ее, какъ она уже вышла изъ залы. Меня это тревожитъ, Бетереджъ. Не потрудитесь ли передать Розаннѣ, что я вовсе не хотѣлъ оскорбить ее? Въ мысляхъ, конечно, я былъ жестокъ къ ней, я почти надѣялся, что *ее* можно уличить въ пропажѣ алмаза. Не то чтобы я зла желалъ бѣдняжкѣ, но....

Тутъ онъ умолкъ, и снова подойдя къ бильярду, опять принялся гонять шары.

Послѣ всего происшедшаго между мной и приставомъ, я не хуже самого мистера Франклина зналъ, что именно онъ не договаривалъ.

Теперь ужь ничто не могло отклонить отъ миссъ Рахили позорнаго подозрѣнія, тяготѣвшаго надъ ней въ умѣ пристава Коффа. Вопросъ былъ ужь не въ томъ, чтобъ успокоить нервное раздраженіе молодой леди, а въ томъ, чтобы доказать ея невинность. Еслибы Розанна ничѣмъ не компрометтировала себя, то надежда, въ которой сознался мистеръ Франклинъ, по совѣсти была бы довольно жестока по отношенію къ ней. Но дѣло было не такъ. Она притворялась больною и тайно была въ Фризингаллѣ; не спала всю ночь, что-то работая или порча. А въ тотъ вечеръ ходила на

Digitized by Google

зыбкіе пески при обстоятельствахъ въ высшей степени подозрительныхъ. По всѣмъ этимъ причинамъ (какъ ни жаль было мнѣ Розанны) я не могъ не полагать, что во взглядѣ мистера Франклина на это дѣло не было ничего неестественнаго или безразсуднаго, особенно въ положеніи мистера Франклина. Я закинулъ ему словечко на этотъ счетъ.

— Да, да! отвѣтилъ онъ: — но есть еще одинъ шансъ, — слабый конечно, — что поведеніе Розанны допускаетъ объясненіе, какого мы пока не видимъ. Я ненавижу оскорблять женскую чувствительность, Бетереджъ! Скажите бѣдняжкѣ то, что̀ я просилъ васъ передать. И если она хочетъ переговорить со мной, нужды нѣтъ, попадусь ли я въ просакъ или нѣтъ, пришлите ее ко мнѣ въ библіотеку. Съ этимъ добрымъ словомъ онъ положилъ кій и ушелъ.

Изъ разспросовъ въ людской я узналъ, что Розанна удалилась въ свою комнату. Она съ благодарностью отклонила всѣ предложенія услугъ и только просила, чтобъ ей дали успокоиться. Тѣмъ оканчивались на сегодня ея признанія (если только ей дѣйствительно предстояло сознаться); я передалъ результатъ мистеру Франклину, который затѣмъ вышелъ изъ библіотеки и отправился въ постель.

Я гасилъ свѣчи и затворялъ окна, когда Самуилъ пришелъ съ вѣсточкой про двухъ гостей, оставленныхъ мною въ своей комнатѣ. Споръ о бѣлой махровой розѣ, повидимому, кончился наконецъ. Садовникъ ушелъ домой, а пристава Коффа нигдѣ не найдутъ во всемъ нижнемъ этажѣ.

Я заглянулъ въ свою комнату. Дѣйствительно, никого не видать, стоитъ лишь пара пустыхъ стакановъ и чувствуется сильный запахъ грога. Не попалъ ли приставъ въ приготовленную для него спальню? Я зашелъ на верхъ посмотрѣть. По всходѣ на второй этажъ, мнѣ почудилось влѣво отъ меня чье-то тихое и ровное дыханіе. Влѣво отъ меня былъ корридоръ, ведшій въ комнату миссъ Рахили; я заглянулъ въ него, и тамъ-то, свернувшись на трехъ стульяхъ, поставленныхъ какъ разъ поперегъ корридора, обвязавъ свою просѣдь краснымъ фуляромъ, и сложивъ подушкой почтенный черный ертукъ, лежалъ и спалъ себѣ приставъ Коффъ.

Лишь только я подошелъ къ нему, онъ мигомъ и не двигаясь проснулся, точно песъ, когда къ нему подходятъ.

— Доброй ночи, мистеръ Беттереджъ, сказалъ онъ: — попомните же, если вамъ когда-нибудь вздумается выращивать

Digitized by Google

розы, бѣлую махровую лучше не прививать къ шиповнику, что̀ бы тамъ садовникъ ни говорилъ противъ этого.

— Что̀ вы здѣсь дѣлаете? спросилъ я: — почему вы не въ своей постели?

— Потому я не въ своей постели, отвѣтилъ приставъ: — что я одинъ изъ многихъ въ сей юдоли, которымъ не дано честно и въ то же время легко добывать деньгу. Нынче произошло нѣкоторое совпаденіе времени возвращенія Розанны Спермавъ съ песковъ и времени, когда миссъ Верриндеръ порѣшила выѣхать изъ дому. Что̀ бы тамъ Розанна ни прятала, моей головѣ совершенно ясно, что ваша молодая леди не могла рѣшиться уѣхать, пока не узнала, что уже *спрятано*. Обѣ онѣ сегодня, должно-быть, ужь переговорили разокъ между собой. Если же онѣ попытаются снова переговорить, когда въ домѣ все успокоится, то мнѣ слѣдуетъ быть по близости, чтобы помѣшать этому. Не браните меня за разстройство приготовленнаго вами спанья, мистеръ Бетереджъ, браните алмазъ.

— Какъ бы я желалъ, чтобъ алмаза и не бывало никогда въ этомъ домѣ! вырвалось у меня.

Приставъ Коффъ окинулъ унылымъ взглядомъ тѣ три стула, на которыхъ осудилъ себя провести ночь.

— И я также, серіозно проговорилъ онъ.

XVII.

За̀-ночь особеннаго ничего не случилось, и (я счастливъ, что могу это прибавить) ни малѣйшей попытки къ переговорамъ между миссъ Рахилью и Розанной не было: бдительность пристава Коффа не была вознаграждена ничѣмъ.

Я ожидалъ, что поутру первымъ дѣломъ пристава будетъ отправиться въ Фризингалъ. Онъ однако медлилъ, словно ему сперва предстояло нѣчто иное. Я оставилъ его на собственный произволъ, и вскорѣ послѣ того, ходя по саду, встрѣтилъ мистера Франклина въ любимой его аллеѣ у кустарниковъ.

Не успѣли мы обмѣняться двумя словами, откуда ни возьмись, присоединился къ намъ и приставъ. Онъ подошелъ къ мистеру Франклину, который принялъ его, надо сознаться, немножко свысока: „что̀ скажете?“ — вотъ и весь отвѣтъ, полученный имъ на вѣжливое пожеланіе добраго утра мистеру Франклину.

Digitized by Google

— Имѣю нѣчто сказать вамъ, сэръ, отвѣтилъ приставъ,— по поводу производимаго мной слѣдствія. Вчера вы догадались, какой именно оборотъ оно принимаетъ. Весьма естественно, что въ вашемъ положеніи это вамъ непріятно и прискорбно. Весьма естественно также, что вы свое гнѣвное чувство противъ скандала въ вашемъ семействѣ обращаете на меня.

— Что же вамъ угодно? довольно рѣзко перебилъ мистеръ Франклинъ.

— Мнѣ угодно, сэръ, напомнить вамъ, что по крайней мѣрѣ до сихъ поръ я не уличенъ въ ошибкѣ. Имѣя это въ виду, благоволите помнить въ то же время, что я здѣсь исполнитель закона, дѣйствующій съ соизволенія хозяйки дома. При такихъ обстоятельствахъ, должны ли вы или не должны, какъ честный гражданинъ, помочь мнѣ всѣми тѣми свѣдѣніями, какими вы располагаете?

— Я не располагаю никакими особенными свѣдѣніями, сказалъ мистеръ Франклинъ.

Приставъ пропустилъ этотъ отвѣтъ мимо ушей, словно его и не было.

— Вы могли бы, сэръ, избавить меня отъ потери времени на слѣдствіе въ нѣсколькихъ миляхъ отсюда, продолжалъ онъ,—еслибы вамъ угодно было понять меня и высказаться.

— Я васъ не понимаю, отвѣтилъ мистеръ Франклинъ, — и нечего мнѣ сказать.

— Одна изъ служанокъ (не хочу называть по имени) говорила съ вами наединѣ, сэръ, въ прошлый вечеръ.

Мистеръ Франклинъ опять оборвалъ его, и еще разъ отвѣтилъ:

— Нечего мнѣ сказать.

Стоя возлѣ, я молча думалъ о томъ, какъ вчера слегка отворялась боковая дверь въ залу, и о фалдахъ сюртука, мелькнувшихъ по корридору. Приставъ Коффъ, безъ сомнѣнія, успѣлъ кое-что подслушать, прежде чѣмъ я помѣшалъ ему, и это заставило его подозрѣвать, что Розанна облегчила свою душу, сознавшись въ чемъ-то мистеру Франклину Блеку.

Только что это соображеніе поразило меня, какъ вдругъ на концѣ кустарной аллеи появилась Розанна собственною своею персоной! За ней слѣдовала Пенелопа, явно старавшаяся вернуть ее назадъ къ дому. Видя, что мистеръ Франклинъ не одинъ, Розанна стала какъ вкопанная,

Digitized by Google

очевидно, въ крайнемъ затрудненіи, не зная что̀ ей дѣлать. Пенелопа ждала позади. Мистеръ Франклинъ увидалъ дѣвушекъ въ одно время со мной. Приставъ же съ бѣсовскою хитростью притворился, что вовсе не замѣчаетъ ихъ. Все это произошло въ одинъ мигъ. Ни я, ни мистеръ Франклинъ слова еще не молвили, а приставъ уже плавно заговорилъ, какъ бы продолжая предыдущій разговоръ.

— Напрасно вы боитесь повредить этой дѣвушкѣ, обратился онъ къ мистеру Франклину, говоря громкимъ голосомъ, чтобы Розаннѣ было слышно. — Напротивъ, я рекомендую вамъ почтить меня откровенностью, если вы принимаете какое-нибудь участіе въ Розаннѣ Спермавъ.

Мистеръ Франклинъ мигомъ притворился, будто и онъ тоже не замѣтилъ дѣвушекъ. Онъ также громко отвѣтилъ:

— Я въ Розаннѣ Спермавъ ровно никакого участія не принимаю.

Я посмотрѣлъ на тотъ конецъ аллеи. Но могъ только разглядѣть, что Розанна, съ послѣднимъ словомъ мистера Франклина, быстро повернула назадъ. Вмѣсто того чтобы противиться Пенелопѣ, какъ за минуту тому назадъ, она позволила моей дочери взять себя подъ руку и увести домой.

Пока обѣ дѣвушки скрывались изъ глазъ, прозвонили къ завтраку, и самъ приставъ Коффъ долженъ былъ сознаться, что его дѣло дрянь. Онъ просто сказалъ мнѣ: „Я поѣду въ Фризингалъ, мистеръ Бетереджъ, и вернусь къ двумъ часамъ,“ и пошелъ своею дорогой, не прибавивъ ни слова болѣе; а мы хоть на нѣсколько часовъ отдѣлались отъ него совершенно.

— Оправдайте меня предъ Розанной, сказалъ мистеръ Франклинъ, оставшись наединѣ со мной.—Я точно осужденъ говорить или дѣлать одни неловкости при этой несчастной дѣвушкѣ. Вы сами должны были замѣтить, что приставъ Коффъ поставилъ западню намъ обоимъ. Удайся ему сконфузить *меня* или раздражить *ее* до взрыва, тогда или ей, или мнѣ пришлось бы проговориться соотвѣтственно его дѣлу. Подъ вліяніемъ минуты, я не видѣлъ лучшаго выхода. Дѣвушка ни въ чемъ не проболталась, а приставу показано, что я вижу его насквозь. Очевидно, онъ подслушивалъ вчера, когда мы съ вами говорили, Бетереджъ.

„Мало того что подслушивалъ, подумалъ я про себя. Онъ

Digitized by Google

припомнилъ мой разказъ о томъ, что Розанна влюблена въ мистера Франклина, и на это именно и разчитывалъ, взывая къ участію мистера Франклина въ Розаннѣ, — при самой Розаннѣ."

— Что̀ до подслушиванья, сэръ, замѣтилъ я (оставя тотъ пунктъ про себя), — то всѣ мы скорехонько будемъ заодно съ нимъ въ одной шайкѣ, если дѣла такого рода позатянутся. Шарить, высматривать, подслушивать, это весьма естественныя занятія людей въ нашемъ положеніи. Деньки черезъ два, мистеръ Франклинъ, мы всѣ онѣмѣемъ другъ для друга, по той причинѣ, что всякій станетъ подслушивать, не проболтается ли другой, и всѣ узнаютъ взаимныя тайны. Извините мою вспышку, сэръ. Ужасная тайна, что̀ гнететъ насъ въ этомъ домѣ, ударила мнѣ въ голову, точно вино, и доводитъ меня до безумія. Я не забуду о томъ, что̀ вы приказывали. Воспользуюсь первымъ же случаемъ, чтобъ оправдать васъ предъ Розанной Спермана.

— Вы ей ничего не говорили про вчерашнее, или сказали? спросилъ мистеръ Франклинъ.

— Нѣтъ, сэръ.

— Такъ и не говорите пока ничего. Лучше не вызывать ея на откровенность, пока приставъ выжидаетъ, какъ бы подстеречь насъ обоихъ. Мое поведеніе непослѣдовательно, Бетереджъ, не правда ли? Я не вижу другаго исхода этого дѣла, кромѣ улики Розанны, и все-таки я не могу, не хочу помогать приставу изловить эту дѣвушку.

Да, таки безразсудно, конечно. Но таковъ былъ и мой взглядъ. Я вполнѣ его понялъ. Если вы, хоть разъ въ жизни, припомните, что вы сами смертны, быть-можетъ, и вы поймете его.

Въ краткихъ словахъ, вотъ каково было положеніе дѣлъ въ домѣ и внѣ его, пока приставъ Коффъ ѣздилъ въ Фризингаллъ.

Миссъ Рахиль, упорно сидя въ своей комнатѣ, дожидалась времени, когда ей можно будетъ сѣсть въ коляску и поѣхать къ теткѣ. Миледи завтракала съ мистеромъ Франклиномъ. Послѣ завтрака мистеръ Франклинъ принялъ одно изъ своихъ обычно-внезапныхъ рѣшеній и торопливо ушелъ облегчать волненіе ума на прогулкѣ. Я одинъ видѣлъ его уходъ, и онъ сказалъ мнѣ, что вернется прежде пристава. Перемѣна погоды, обозначась еще свечера, теперь

Digitized by Google

наступила. Вскорѣ послѣ разсвѣта, за крупнымъ дождемъ, подулъ сильный вѣтеръ и все свѣжѣлъ въ теченіе дня. Но хотя тучи грозили не разъ, дождя больше не было. Недурной денекъ для прогулки; если вы молоды и крѣпки, можете дышать сильными порывами вѣтра, налетающаго съ моря.

Я прислуживалъ миледи послѣ завтрака и помогалъ ей въ сведеніи хозяйственныхъ счетовъ. Она всего разъ намекнула на Лунный камень, и то чтобъ отклонить пока всякій разговоръ о немъ.

— Подождите возвращенія этого господина, сказала она, разумѣя пристава,—тогда *надо* будетъ говорить объ этомъ, а теперь ничто насъ не обязываетъ.

Оставивъ госпожу, я засталъ въ своей комнатѣ поджидавшую меня Пенелопу.

— Что̀ бы вамъ, батюшка, сходить поговорить съ Розанной, сказала она,—мнѣ за нее что-то страшно.

Я живехонько догадался въ чемъ дѣло. Но одно изъ моихъ правилъ состоитъ въ томъ, что мущины (будучи существами высшаго разряда) обязаны исправлять женщинъ, по возможности. Когда женщина хочетъ заставить меня что-нибудь сдѣлать (дочь она мнѣ, или нѣтъ, все равно), я всегда настаиваю, чтобъ она сообщила мнѣ побудительную причину. Чѣмъ чаще заставлять ихъ разыскивать собственнымъ умомъ причины, тѣмъ податливѣй становятся онѣ во всѣхъ житейскихъ отношеніяхъ. Не ихъ вина, что онѣ (бѣдняжки!) сначала дѣйствуютъ, а потомъ уже обдумываютъ; вина тѣхъ дурней, что потакаютъ имъ. Пенелопину причину въ настоящемъ случаѣ можно передать собственными ея словами.

— Мнѣ кажется, батюшка, сказала она,—мистеръ Франклинъ жестоко оскорбилъ Розанну, хотя и безъ умысла.

— Зачѣмъ попала Розанна въ кустарную аллею? спросилъ я.

— По своему сумасбродству, сказала Пенелопа, — иначе этого нельзя и назвать. Она хотѣла переговорить съ мистеромъ Франклиномъ нынче утромъ, во что̀ бы то ни стало. Я употребила всѣ усилія, чтобъ удержать ее; вы это видѣли. Еслибы мнѣ только удалось увести ее до этихъ ужасныхъ словъ....

— Ну, ну! проговорилъ я:—войди въ разсудокъ. Кажется, ничего не было такого, что̀ бы могло встревожить Розанну.

— Ничего такого и не было, батюшка. Но мистеръ Франклинъ сказалъ, что не принимаетъ въ ней ровно никакого

Digitized by Google

участія, и.... ахъ, съ какимъ жестокимъ выраженіемъ онъ сказалъ это!

— Онъ сказалъ это, чтобы зажать ротъ приставу, отвѣтилъ я.

— И я то же говорила ей, сказала Пенелопа, — но видите ли, батюшка (хотя мистера Франклина и нечѣмъ попрекнуть), все же онъ изсушилъ ее, обманывалъ ея надежды за все это время, вотъ уже сколько недѣль, а теперь ужь это выходитъ на покрышку всего! Она, разумѣется, не въ правѣ ждать отъ него участія. Конечно, это изъ рукъ вонъ, что она до такой степени забылась въ ея положеніи. Но она, кажется, потеряла и стыдъ, и всякую мѣру, и все. Она испугала меня, батюшка, когда мистеръ Франклинъ сказалъ эти слова. Она точно окаменѣла отъ нихъ. Вдругъ на нее нашло такое спокойствіе, пошла, взялась за свое дѣло, и вотъ съ тѣхъ самыхъ поръ словно во снѣ.

Я начиналъ понемногу безпокоиться. Въ манерахъ Пенелопы было что-то заглушавшее мое высшее разумѣніе. Теперь, когда мысли мои обратились на этотъ предметъ, я припомнилъ, что̀ произошло съ вечера между мистеромъ Франкликомъ и Розанной. При этой оказіи она казалась пораженною въ самое сердце; а нынче, на ея несчастіе, бѣдняжкѣ неизбѣжно разбередили рану. Жаль, жаль! Тѣмъ болѣе, что ея ничто не оправдывало, и даже обижаться она была не въ правѣ.

Я обѣщалъ мистеру Франклину поговорить съ Розанной, и вотъ, повидимому, наступила пора сдержать слово.

Мы застали дѣвушку, которая мела корридоръ по ту сторону спаленъ, блѣдною, но спокойною и, какъ всегда, чистенько одѣтою въ свое пестрое платье. Я замѣтилъ у нея въ глазахъ странную мутность и отупѣніе, но не отъ слезъ, а какъ бы отъ слишкомъ долгаго и неподвижнаго взгляда на что-то такое. Быть-можетъ, это *что-то такое* было туманнымъ созданіемъ собственныхъ ея думъ. Вокругъ нея, ужь конечно, не было ни одного предмета, котораго бы она не видала сотни разъ.

— Развеселитесь, Розанна, сказалъ я,—нечего мучить себя своими фантазіями. Мнѣ поручено кое-что передать вамъ отъ мистера Франклина.

За тѣмъ я изложилъ ей дѣло съ настоящей точки зрѣнія въ самыхъ дружескихъ и успокоительныхъ выраженіяхъ,

Digitized by Google

какія могъ подобрать. Мои правила въ отношеніи прекраснаго пола, какъ вы могли замѣтить, весьма строги. Но такъ ли, такъ ли, а лишь только сойдусь я съ женщиной лицомъ къ лицу, теорія-то и не согласуется съ практикой.

— Мистеръ Франклинъ очень добръ и внимателенъ. Поблагодарите его, пожалуста.

Вотъ и все, что̀ она мнѣ отвѣтила. Дочь моя уже замѣтила, что Розанна взялась за работу словно во снѣ. Я дополнилъ теперь наблюденіе тѣмъ, что она и слушала, и говорила словно во снѣ. Я усомнился, полно ужь, способенъ ли умъ ея принять сказанное мной какъ слѣдуетъ.

— Вы вполнѣ увѣрены, Розанна, что поняли меня? спросилъ я.

— Вполнѣ увѣрена.

Она отозвалась на мое слово не живою женщиной, но словно автоматъ, приводимый въ движеніе машиной. И все время продолжала мести. Я какъ можно осторожнѣе и нѣжнѣе взялъ у нея изъ рукъ щетку.

— Полноте, Розанна, сказалъ я, — вы вѣдь на себя не похожи. У васъ что-то на душѣ. Я вамъ другъ и останусь другомъ, еслибы вы даже провинились въ чемъ. Очистите свою совѣсть, Розанна,—очистите ее отъ этого.

Было время, когда подобная рѣчь вызвала бы слезы на глазахъ ея. Теперь я не видѣлъ въ нихъ никакой перемѣны.

— Да, сказала она,—я очищу свою совѣсть.

— Предъ миледи? спросилъ я.

— Нѣтъ.

— Предъ мистеромъ Франклиномъ?

— Да, предъ мистеромъ Франклиномъ.

Я почти не зналъ что̀ и сказать на это. Она не въ состояніи была понять предостереженія относительно разговора съ нимъ наединѣ, которое приказалъ передать ей мистеръ Франклинъ. Понемногу собравшись съ мыслями, я только сказалъ ей, что мистеръ Франклинъ ушелъ гулять.

— Нужды нѣтъ, отвѣтила она,—я нынче не стану безпокоить мистера Франклина.

— Отчего бы не поговорить съ миледи? сказалъ я.—Лучшій способъ облегчить себѣ душу, это именно высказаться милосердой госпожѣ, проникнутой истиннымъ христіанствомъ, которая всегда была такъ добра къ вамъ.

Она съ минуту глядѣла на меня съ серіознымъ и твердымъ

Digitized by Google

вниманіемъ, какъ бы удерживая въ памяти все сказанное мной. Потомъ взяла у меня изъ рукъ щетку и тихонько отошла съ ней немного дальше вдоль по коррндору.

— Нѣтъ, проговорила она почти про себя и продолжая мести,—я получше этого сумѣю облегчить свою душу.

— Какъ же это?

— Не мѣшайте мнѣ только работать.

Пенелопа пошла за ней и предложила ей помочь.

— Нѣтъ, отвѣтила она,—мнѣ самой нужно дѣло. Благодарю васъ, Пенелопа. — Она оглянулась на меня. — Благодарю васъ, мистеръ Бетереджъ.

Тутъ уже ничѣмъ ея не возьмешь, нечего и говорить больше. Я сдѣлалъ знакъ Пенелопѣ идти за мной. Мы оставили ее такъ точно, какъ и застали, метущею коррндоръ словно во снѣ.

— Разбирать это—дѣло доктора, сказалъ я, — а мнѣ ужь не подъ силу.

Дочь напомнила мнѣ о болѣзни мистера Канди, происшедшей (какъ помните) отъ простуды послѣ званаго обѣда. Ассистентъ его, нѣкто мистеръ Ездра Дженнингсъ, конечно, былъ къ нашимъ услугамъ. Но его мало знали въ нашей сторонѣ. Онъ былъ приглашаемъ мистеромъ Канди только въ рѣдкихъ случаяхъ. И хорошо ли, худо ли это, но никто изъ насъ не любилъ его и не довѣрялъ ему. Во Фризингаллѣ были и другіе доктора, но были чужды нашему дому; а Пенелопа сомнѣвалась, не принесутъ ли незнакомыя лица больше вреда чѣмъ пользы Розаннѣ въ теперешнемъ ея состояніи.

Я думалъ поговорить съ миледи, но вспомнивъ о тяжкомъ и тревожномъ гнетѣ на душѣ ея, не рѣшался прибавить ко всѣмъ ея мученіямъ еще новое безпокойство. Все же необходимо было что-нибудь сдѣлать. Положеніе дѣвушки было, по моему мнѣнію, крайне опасно, и миледи надо бы извѣстить объ этомъ. Я нехотя пошелъ въ ея комнату. Тамъ никого не было. Миледи затворилась съ миссъ Рахилью. Невозможно увидать ее, пока не выйдетъ. Я прождалъ напрасно, пока часы на главной лѣстницѣ не пробили трехъ четвертей втораго. Спустя минутъ пять, я услыхалъ, что меня зовутъ на подъѣздѣ и тотчасъ узналъ голосъ: приставъ Коффъ вернулся изъ Фризингалла.

Digitized by Google

XVIII.

Спускаясь къ главному выходу, я повстрѣчался на лѣстницѣ съ приставомъ. Послѣ всего происшедшаго между нами, мнѣ, признаться, не хотѣлось выказывать ни малѣйшаго участія къ его дѣйствіямъ; но я никакъ не могъ побѣдить свое любопытство, и потому, заглушивъ чувство собственнаго достоинства, спросилъ у мистера Коффа:

— Что новенькаго въ Фризингаллѣ?

— Видѣлъ Индѣйцевъ, отвѣчалъ приставъ,—и сверхъ того узналъ, что именно покупала въ прошедшій четвергъ Розанна Сперманъ въ городѣ. Индѣйцевъ освободятъ въ среду на будущей недѣлѣ. И я, и мистеръ Мортветъ вполнѣ убѣждены, что они приходили сюда для похищенія Луннаго камня. Но событіе, случившееся здѣсь въ ночь подъ четвергъ, совершенно разрушило ихъ разчеты, и они столько же виноваты въ пропажѣ алмаза, сколько и мы съ вами. Впрочемъ, за одно могу вамъ поручиться, мистеръ Бетереджъ, что если *мы* не отыщемъ Луннаго камня, то ужъ *они* непремѣнно найдутъ его. Погодите немного, мы еще не въ послѣдній разъ видѣлись съ фокусниками.

Между тѣмъ какъ приставъ произносилъ эти загадочныя слова, мистеръ Франклинъ вернулся съ своей прогулки; но болѣе искусный въ умѣніи обуздывать свое любопытство, онъ прошелъ мимо насъ въ домъ, не сказавъ ни слова. Что же до меня касается, то разъ пожертвовавъ своимъ достоинствомъ, я уже хотѣлъ извлечь изъ этой жертвы всевозможныя выгоды.

— Такъ вотъ что вы узнали объ Индѣйцахъ, сказалъ я.— Ну, а какъ же насчетъ Розанны, сэръ, не сдѣлали ли вы и о ней какихъ открытій?

Приставъ Коффъ покачалъ головой.

— Тайна въ этомъ отношеніи остается болѣе чѣмъ когда-либо непроницаемою, отвѣчалъ онъ.—Я напалъ на ея слѣдъ въ одной изъ фризингальскихъ лавокъ, принадлежащей холщевнику Мальтби. У прочихъ торговцевъ, суконщиковъ, модистокъ, портныхъ, она ничего не купила, да и у Мальтби взяла только нѣсколько аршинъ полотна. Долго провозившись надъ выборомъ качества, она наконецъ останови-

Digitized by Google

лась на одномъ кускѣ, и велѣла отрѣзать отъ него столько, сколько нужно для ночной кофты.

— Для чьей же кофты? спросилъ я.

— Да вѣрно для своей собственной. Въ четвергъ рано поутру, между тѣмъ какъ всѣ вы покоились въ своихъ постеляхъ, она, вѣроятно, прокралась въ комнату вашей барышни, чтобы похитить Лунный камень, и выходя оттуда, должно-быть, мазнула какъ-нибудь неосторожно кофтой по невысохшей краскѣ. Пятно на кофтѣ не отмылось, а между тѣмъ она не посмѣла уничтожить испорченную вещь, не замѣнивъ ее прежде новою.

— Что̀ же заставляетъ васъ предполагать, будто это была кофта самой Розанны? возразилъ я.

— Тѣ матеріалы, которые она для себя покупала, отвѣчалъ приставъ.—Будь это кофта миссъ Верриндеръ, то для нея потребовались бы кружева, оборки, и не вѣсть какія украшенія, да къ тому же Розанна и не успѣла бы сшить ее въ одну ночь. Кусокъ ровнаго полотна годится только для незатѣйливой кофты простой служанки. Повѣрьте мнѣ, мистеръ Бетереджъ, это ясно какъ день. Загадка состоитъ лишь въ томъ, съ какою цѣлью (разъ запастись новою одеждой) прячетъ она испачканную, вмѣсто того чтобъ ее уничтожить? Если дѣвушка не сдѣлаетъ добровольныхъ показаній, то намъ останется лишь одно средство разрѣшить этотъ мудреный вопросъ: разыскать то потаенное мѣстечко на зыбучихъ пескахъ, куда она упрятала ящикъ, и тогда дѣло объяснится само собой.

— Но какъ же вы отыщете это мѣсто? спросилъ я.

— Весьма сожалѣю, что на этотъ разъ не могу удовлетворить ваше любопытство, отвѣчалъ приставъ, — но это секретъ, котораго я никому не выдамъ.

(Чтобы не раздразнить вашего любопытства, читатель, подобно тому какъ онъ раздразнилъ мое, я открою вамъ, что приставъ вернулся изъ Фризингалла снабженный обыскнымъ листомъ. Опытность его въ подобныхъ дѣлахъ навела его на мысль, что Розанна Спермакъ, вѣроятно, носила при себѣ описаніе мѣстности, выбранной ею для храненія ящика, чтобы въ послѣдствіи можно было легче отыскать это потаенное убѣжище, еслибъ ей вздумалось вернуться сюда при другихъ обстоятельствахъ. Приставу захотѣлось, во что̀ бы ни стало, овладѣть этою памяткою запиской, и разъ

Digitized by Google

добывъ ее, онъ счелъ бы себя совершенно удовлетворенным.)

— Оставимъ покамѣсть пустыя предположенія, мистеръ Бетереджъ, сказалъ онъ,—и приступимъ-ка лучше къ дѣлу. Я приказывалъ Джойсу присматривать безъ меня за Розанной. Но гдѣ Джойсъ?

Джойсъ былъ тотъ самый фризингальскій полисменъ, котораго надзиратель Сигревъ отдалъ въ распоряженіе пристава. Межъ тѣмъ какъ послѣдній дѣлалъ этотъ вопросъ, пробило два часа, и въ ту же минуту подъѣхала карета, которая должна была увезти миссъ Рахиль къ ея теткѣ въ Фризингаллъ.

— Двухъ дѣлъ разомъ не дѣлаютъ, сказалъ приставъ, останавливая меня въ ту минуту, какъ я уже собирался послать за Джойсомъ. — Дайте мнѣ сперва проводить миссъ Верриндеръ.

Въ воздухѣ все еще пахло дождемъ, и потому для миссъ Рахили запрягли крытую карету. Приставъ Коффъ сдѣлалъ знакъ Самуилу, чтобы тотъ сошелъ къ нему съ своего мѣста за каретой.

— По сю сторону калитки привратника вы увидите одного моего пріятеля, который будетъ ждать васъ между деревьями, сказалъ онъ Самуилу. — Не останавливая кареты, пріятель мой вскочитъ къ вамъ, а вы постарайтесь только не обращать на него вниманія и прикусить вашъ язычокъ: не то бѣда вамъ будетъ.

Сдѣлавъ это наставленіе слугѣ, приставъ позволилъ ему возвратиться на свое мѣсто. Что̀ подумалъ объ этомъ Самуилъ,—не знаю, но я хорошо понималъ, что за миссъ Рахилью положено было учредить строгій надзоръ съ той самой минуты, какъ она выѣдетъ изъ родительскаго дома. Барышня наша подъ присмотромъ! Позади ея, на запяткахъ родительской кареты, будетъ сидѣть шпіонъ! Мнѣ хотѣлось вырвать свой мерзкій языкъ за то, что онъ осмѣлился унизиться до разговора съ приставомъ Коффомъ.

Миледи первая вышла изъ дому, и остановившись на верхней ступенькѣ лѣстницы, стала ждать, что̀ будетъ далѣе. Ни мнѣ, ни приставу она не сказала ни слова. Закутавшись въ легкую лѣтнюю мантилью, которая служила ей для прогулки по саду, она стояла какъ статуя, съ строго сжатыми устами, ожидая появленія дочери.

Digitized by Google

Чрезъ минуту на лѣстницѣ показалась и сама миссъ Рахиль. На ней было хорошенькое платье изъ какой-то нѣжной желтой ткани, которая служила прелестнымъ фономъ для ея смуглаго лица и (въ формѣ кофточки) плотно обхватывала ее талію. На головѣ у нея была щегольская соломенная шляпка съ бѣлымъ обвивавшимся вокругъ вуалемъ; палеваго цвѣта перчатки гладко обтягивали ея руку. Ея прекрасные черные волосы лоснились изъ-подъ шляпки какъ атласъ; а маленькія ушки, похожія на двѣ розовыя раковины, украшены были жемчужными подвѣсками. Она быстро появилась на лѣстницѣ, стройная какъ лилія и столь же гибкая и граціозная въ своихъ движеніяхъ, какъ молодая кошечка. Ничто, сколько я могъ замѣтить, не измѣнилось въ ея прекрасномъ лицѣ, кромѣ глазъ и губъ. Глаза ея получили какой-то сверкающій дикій взглядъ, который вовсе мнѣ не нравился, а губы до такой степени утратили свой прежній цвѣтъ и улыбку, что я едва могъ узнать ихъ. Наскоро и внезапно поцѣловавъ свою мать въ щеку, она проговорила ей: „Постарайтесь простить меня, мамата"; затѣмъ она такъ порывисто спустила свой вуаль, что даже разорвала его. Чрезъ минуту она уже сбѣжала съ лѣстницы и бросилась въ карету, какъ въ убѣжище.

Приставъ Коффъ во мгновеніе ока очутился подлѣ нея. Онъ отстранилъ Самуила, и держась за раскрытую дверку кареты, предсталъ предъ миссъ Рахилью въ то время, когда она усаживалась на своемъ мѣстѣ.

— Что̀ вамъ нужно? спросила она изъ-подъ вуали.

— Прежде чѣмъ вы уѣдете, миссъ, отвѣчалъ приставъ, — мнѣ необходимо сказать вамъ два слова. Препятствовать вашей поѣздкѣ къ тетуткѣ я не имѣю никакого права; одно только осмѣлюсь вамъ замѣтить, что уѣзжая отсюда при настоящемъ положеніи слѣдствія, вы тѣмъ самымъ воздвигаете мнѣ препятствіе къ розысканію вашего алмаза. Прошу васъ хорошенько вникнуть въ мои слова, миссъ, и окончательно рѣшить: ѣдете вы или нѣтъ.

Миссъ Рахиль не удостоила его даже отвѣтомъ.

— Потелъ, Джемсъ! закричала она кучеру.

Не сказавъ болѣе ни слова, приставъ молча захлопнулъ дверку. Но въ эту самую минуту съ лѣстницы сбѣжалъ мистеръ Франклинъ.

— Прощайте, Рахиль, сказалъ онъ, протягивая ей руку.

Digitized by Google

— Потелъ! еще громче крикнула моя молодая госпожа, столько же невнимательная къ мистеру Франклину, какъ и къ мистеру Коффу.

Мистеръ Франклинъ отшатнулся, будто пораженный громомъ. Кучеръ, не зная что̀ дѣлать, въ недоумѣніи смотрѣлъ на миледи, еще стоявшую на крыльцѣ. Гнѣвъ, печаль и стыдъ одновременно отразились на ея лицѣ; она знакомъ велѣла кучеру ѣхать и затѣмъ поспѣшно вошла въ комнаты. Когда карета тронулась, мистеръ Франклинъ очнулся, и обращаясь къ миледи, сказалъ ей:

— Тетушка, вы были совершенно правы; примите же мою благодарность за ваше гостепріимство и позвольте мнѣ уѣхать.

Миледи обернулась, будто собираясь отвѣчать ему, но потомъ одумалась и, какъ бы не довѣряя себѣ, только ласково махнула ему рукой.

— Не уѣзжайте отсюда не повидавшись со мной, Франклинъ, сказала она прерывающимся голосомъ, и затѣмъ удалилась въ свою комнату.

— Послѣдняго одолженія жду отъ васъ, Бетереджъ, обратился тогда ко мнѣ мистеръ Франклинъ, со слезами на глазахъ. — Выпроводите меня отсюда поскорѣе на желѣзную дорогу!

И съ этими словами онъ также вошелъ въ домъ. Вотъ до какой степени могла обезкуражить его миссъ Рахиль; судите же послѣ того, какъ сильно онъ любилъ ее!

Мы остались одни съ приставомъ внизу лѣстницы. Оберкнувшись лицомъ къ деревьямъ, между которыми извивалась дорога, онъ заложилъ руки въ карманы и сталъ тихо насвистывать „Послѣднюю лѣтнюю розу“.

— На все есть свое время, сказалъ я довольно рѣзко. — Теперь не время свистать, сэръ.

Въ эту минуту изъ-за деревьевъ показалась карета, направлявшаяся къ калиткѣ превратника, а позади ея на лакейскомъ мѣстѣ можно было ясно различить подлѣ Самуила еще какую-то незнакомую фигуру. „Ладно!“ сказалъ про себя приставъ, потомъ, обращаясь ко мнѣ, прибавилъ:

— Правду говорите вы, мистеръ Бетереджъ, что свистать теперь не время. Теперь нужно приниматься за дѣло, не щадя никого. Начнемъ-ка съ Розанны. Гдѣ Джойсъ?

Digitized by Google

Мы оба стали его кликать, но не получили отвѣта. Тогда я послалъ за нимъ одного изъ конюховъ.

— Слышали ли вы, что̀ я говорилъ съ миссъ Вериндеръ? спросилъ меня приставъ, пока мы ожидали возвращенія конюха.—И замѣтили ли вы какъ она приняла мои слова? Я напрямки объявилъ ей, что отъѣздъ ея воспрепятствуетъ розыску алмаза, а она все-таки уѣхала! Такъ знайте же, мистеръ Бетереджъ, что ваша барышня уѣхала въ материнской каретѣ не одна, а съ товарищемъ, и товарищъ этотъ никто другой какъ самъ Лунный камень.

Я промолчалъ. Вѣра моя въ миссъ Рахиль была непоколебима какъ и вѣра въ смерть. Конюхъ вернулся въ сопровожденіи Джойса, который, какъ мнѣ показалось, шелъ весьма неохотно.

— Гдѣ Розанна Сперманъ? спросилъ приставъ Коффъ.

— Самъ не понимаю какъ это случилось, сэръ, началъ Джойсъ,—и крайне сожалѣю о томъ, но такъ или иначе....

— Уѣзжая въ Фризингаллъ, перебилъ его приставъ,—я приказалъ вамъ стеречь Розанну Сперманъ, не подавая ей виду, что за ней присматриваютъ, а вы хотите, кажется, сказать мнѣ, что она ускользнула отъ вашей бдительности?

— Боюсь, сэръ, началъ Джойсъ съ внезапною дрожью,—не такъ ли ужь я постарался о томъ, чтобъ она меня не заподозрила. Здѣсь столько корридоровъ въ нижнемъ этажѣ, что....

— А давно ли вы потеряли ее изъ виду?

— Около часу, сэръ.

— Можете возвратиться въ Фризингаллъ къ вашему постоянному посту, сказалъ приставъ своимъ спокойнымъ, меланхолическимъ тономъ.—Мнѣ сдается, мистеръ Джойсъ, что наше ремесло не по плечу вамъ, а должность сыщика слишкомъ ничтожна для вашихъ способностей. Прощайте.

Полисменъ удалился. Не могу разказать вамъ, какъ огорчило меня извѣстіе о Розаннѣ Сперманъ. Тысячи различныхъ предположеній пробѣгали въ головѣ моей, но не умѣя остановиться ни на одномъ изъ нихъ, я стоялъ какъ вкопаный, молча уставясь на пристава.

— Успокойтесь, мистеръ Бетереджъ, сказалъ приставъ, словно угадывая мои главнѣйшія опасенія и стараясь прежде всего устранить ихъ.—Вашей молодой пріятельницѣ Розаннѣ не удастся проскользнуть сквозь мои пальцы. Знайте,

Digitized by Google

что пока мнѣ будетъ извѣстно мѣстопребываніе миссъ Верриндеръ, я не потеряю слѣдовъ и ея сообщницы. Въ прошедшую ночь я помѣшалъ ихъ свиданію. Ну, что жь, они вмѣсто того сойдутся нынче же въ Фризингаллѣ. Стало-быть, намъ нужно перевести наши розыски (и, пожалуй, гораздо ранѣе нежели я предполагалъ) изъ дома леди Верриндеръ въ тотъ домъ, куда поѣхала теперь ея дочь. А покамѣсть придется снова обезпокоить васъ просьбой: еще разъ созвать всю прислугу.

Мы отправились въ людскую. Стыдно мнѣ сознаваться въ такомъ низкомъ любопытствѣ, тѣмъ не менѣе, я долженъ объявить вамъ, читатель, что при послѣднихъ словахъ пристава мною овладѣлъ новый припадокъ слѣдственной горячки. Позабывъ свою ненависть къ приставу Коффу, я дружески ухватилъ его за руку.

— Ради самого Бога, сэръ, сказалъ я,—откройте мнѣ: съ какою цѣлью намѣрены вы созвать прислугу.

Великій Коффъ остановился и въ грустномъ экстазѣ проговорилъ, обращаясь къ пустому пространству:

— Что еслибъ этотъ человѣкъ, сказалъ приставъ (очевидно намекая на меня),—да зналъ толкъ въ розахъ, вѣдь онъ былъ бы совершеннѣйшимъ созданіемъ въ мірѣ!

Вслѣдъ за такимъ сильнымъ изліяніемъ чувствъ, приставъ вздохнулъ и взялъ меня подъ руку.

— Одно изъ двухъ, сказалъ онъ, снова возвращаясь къ прерванному разговору:—или Розанна Сперманъ отправилась прямо въ Фризингаллъ (чтобы поспѣть туда прежде меня), или она пошла сперва провѣдать свое потаенное мѣстечко на пескахъ. Прежде всего нужно удостовѣриться, кто изъ слугъ видѣлъ ее послѣдній предъ тѣмъ какъ она ушла изъ дому.

Изъ допроса оказалось, что послѣдняя видѣла ее судомойка Нанси. Она хорошо замѣтила, какъ Розанна выскочила чрезъ заднюю дверь съ письмомъ въ рукахъ и остановила работника мясника, выгружавшаго въ это время привезенное мясо. Нанси слышала, какъ она просила работника, по возвращеніи въ Фризингаллъ, отдать это письмо на почту. Работникъ, взглянувъ на адресъ, отвѣчалъ ей, что письмо, адресованное въ Коббсъ-Голь, не разчетъ сдавать на фризингальскую почту, что суббота не почтовый день, и потому письмо достигнетъ своего назначенія не ранѣе

Digitized by Google

понедѣльника утромъ. Розанна отвѣчала ему, что это не бѣда, если письмо дойдетъ въ понедѣльникъ утромъ, но что ей важнѣе всего вѣрная доставка. Тогда работникъ уѣхалъ, обѣщавъ ей исполнить ея просьбу. Въ эту минуту Нанси позвали въ кухню, и послѣ нея уже никто не видалъ Розанны Спермакъ.

— Ну, что̀ же предполагаете вы дѣлать теперь? спросилъ я, когда мы снова остались наединѣ.

— Что̀? отвѣчалъ приставъ: — нужно отправляться въ Фризингаллъ.

— Чтобы разыскать письмо, сэръ?

— Да, въ этомъ письмѣ находится памятная записка о потаенномъ хранилищѣ ящика. Въ почтовой конторѣ я разузнаю на чье имя адресовано письмо, и если предположенія мои окажутся справедливыми, то я въ слѣдующій же понедѣльникъ сдѣлаю визитъ нашей пріятельницѣ, мистрисъ Іоллендъ.

Я вышелъ съ приставомъ, чтобы распорядиться насчетъ кабріолета. На конномъ дворѣ мы получили новыя извѣстія о скрывшейся дѣвушкѣ.

XIX.

Слухи о побѣгѣ Розанны уже распространились между дворовою прислугой. Каждый съ своей стороны навелъ справки, и такимъ образомъ добрались до одного проворнаго маленькаго чертенка, по прозвищу „Доффи“, который, будучи употребляемъ иногда для очистки сада отъ сорныхъ травъ, видѣлъ Розанну не далѣе какъ полчаса тому назадъ. Доффи былъ убѣжденъ, что проходя чрезъ сосновую аллею, онъ встрѣтилъ именно Розанну, которая не шла, а бѣгомъ *бѣжала* по направленію къ берегу.

— Знаетъ ли мальчикъ береговыя окрестности? спросилъ приставъ Коффъ.

— Онъ родился и выросъ на этомъ берегу, отвѣчалъ я.

— Доффи, сказалъ тогда приставъ, — хочешь ли заработать шиллингъ? Въ такомъ случаѣ отправляйся за мной, а вы, мистеръ Бетереджъ, приготовьте къ моему возвращенію кабріолетъ.

И съ этими словами онъ такимъ быстрымъ шагомъ пустился на зыбучіе пески, что (несмотря на мои еще хорошо сохранившіяся ноги) я не въ состояніи былъ бы съ нимъ

Digitized by Google

соперничать; а маленькій Доффи, подобно всѣмъ нашимъ молодымъ дикарямъ, когда они бываютъ въ веселомъ настроеніи духа, гикнулъ и побѣжалъ рысью по пятамъ пристава.

Здѣсь опять я нахожу невозможнымъ изобразить то состояніе духа, которое овладѣло мной по уходѣ мистера Коффа: то была какая-то странная, безтолковая гомозливость. Я дѣлалъ тысячу безполезныхъ вещей внутри и внѣ дома, которыхъ рѣшительно не въ состояніи теперь припомнить. Я даже не могъ дать себѣ отчета, сколько времени прошло съ тѣхъ поръ какъ приставъ отправился на пески, когда Доффи примчалъ мнѣ отъ него записку. Это былъ небольшой клочокъ бумажки, вырванный приставомъ изъ его портфеля и заключавшій въ себѣ слѣдующія строки карандашомъ: „Пришлите мнѣ поскорѣе ботинокъ Розанны Спермаръ, да не мѣшкайте, пожалуста.“

Я послалъ первую попавшуюся мнѣ женщину въ комнату Розанны, потомъ, отправляя мальчика къ приставу, велѣлъ передать ему, что самъ немедленно послѣдую съ ботинкомъ.

Очень хорошо понимаю, что путь, избранный мною для выполненія полученныхъ инструкцій, былъ далеко не кратчайшій, но я рѣшился до тѣхъ поръ не отдавать ботинка Розанны въ руки пристава, пока не удостовѣрюсь, не затѣялъ ли онъ какой-нибудь новой мистификаціи. Мое первоначальное желаніе, оправдать какъ-нибудь дѣвушку, если это окажется возможнымъ, снова заговорило во мнѣ въ послѣднюю минуту. Столь возбужденное состояніе чувствъ моихъ, помимо слѣдственной горячки, заставило меня поторопиться, и потому, вооружась ботинкомъ, я отправился на пески такимъ форсированнымъ маршемъ, какимъ только способенъ ходить семидесятилѣтній старикъ, не слишкомъ полагающійся на свои силы.

Между тѣмъ какъ я приближался къ берегу, собрались черныя тучи, дождь, отбиваемый вѣтромъ, хлынулъ широкими струями, а вдали, на песчаной отмели у входа въ заливъ, слышенъ былъ грозный ревъ набѣгавшихъ морскихъ волнъ. Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ впередъ, я увидалъ Доффи, пріютившагося на подвѣтренной сторонѣ песчаныхъ холмовъ. Но скоро глазамъ моимъ предстала картина еще болѣе мрачная: расвирѣпѣвшее море, валы разбивавшіеся о песчаную отмель, гонимый вѣтромъ дождь, который, подобно легкой дымкѣ, вился надъ поверхностью водъ, и бурый пустынный

Digitized by Google

берегъ, на которомъ одиноко выдѣлялась черная фигура пристава Коффа.

Завидѣвъ меня, онъ указалъ рукой на сѣверъ.

— Держитесь этой стороны и спускайтесь ко мнѣ отсюда, громко крикнулъ онъ.

Я сталъ спускаться съ холмовъ, едва переводя дыханіе, между тѣмъ какъ сердце мое такъ и хотѣло выскочить. Говорить я положительно не могъ: сотни вопросовъ роились въ моей головѣ, но ни одинъ изъ нихъ не выходилъ изъ моихъ устъ. Лицо пристава испугало меня; взоръ его былъ ужасенъ. Онъ выхватилъ у меня ботинокъ и вложилъ его въ слѣдъ ноги, глядѣвшій прямо на югъ отъ того мѣста, гдѣ мы стояли, въ направленіи къ утесу, извѣстному подъ названіемъ южной скалы. Слѣдъ еще не размыло дождемъ, и ботинокъ дѣвушки пришелся по немъ точь-въ-точь. Приставъ молча указалъ мнѣ на ботинокъ, стоявшій въ слѣду.

Я схватилъ его за руку, снова пытаясь заговорить съ нимъ, но какъ и прежде ничего не въ силахъ былъ вымолвить. А онъ между тѣмъ продолжалъ спускаться все ниже и ниже, до того самаго мѣста, гдѣ утесы упирались въ песокъ. Въ это время около южной скалы только-что начиналася приливъ, и набѣгавшая вода вздувалась надъ песчаною зыбью. Въ глубокомъ молчаніи, которое свинцомъ падало мнѣ на сердце, съ упорною, наводящею страхъ настойчивостью, приставъ Коффъ то здѣсь, то тамъ вкладывалъ ботинокъ въ слѣды, постоянно указывавшіе, что дѣвушка шла въ направленіи *къ* скаламъ, а не *отъ* скалъ. Въ противоположномъ направленіи никакихъ слѣдовъ не было.

Наконецъ приставъ бросилъ эти безплодные поиски. Онъ снова взглянулъ на меня, а затѣмъ на воды, все выше и выше вздымавшіяся надъ таинственною поверхностью зыбучихъ песковъ. Я въ свою очередь посмотрѣлъ туда же и угадалъ его тайную мысль. Ужасная, нѣмая дрожь внезапно пробѣжала по моему тѣлу; я упалъ на колѣни.

— Она, должно-быть, приходила сюда, послышался голосъ пристава, говорившаго съ самимъ собой,—и эти скалы были, вѣроятно, свидѣтелями какой-нибудь ужасной катастрофы.

Тогда только пришли мнѣ на память странные взгляды, слова и поступки дѣвушки, то отупѣніе и безжизненность, съ которыми она слушала меня и отвѣчала на мои вопросы нѣсколько часовъ тому назадъ, когда я засталъ ее въ

Digitized by Google

корридорѣ со щеткой въ рукахъ. Все это промелькнуло въ моей головѣ, пока говорилъ приставъ, и я разомъ убѣдился, что онъ былъ далекъ отъ страшной истины. Я хотѣлъ повѣдать ему объ оледенившемъ меня ужасѣ, я пытался было сказать ему: „Приставъ, она сама искала этой смерти“; напрасно! слова не выходили изъ моихъ устъ. Нѣмая дрожь не покидала меня. Я не чувствовалъ дождя, не замѣчалъ прибывавшей воды. Предо мной стоялъ какъ бы призракъ бѣднаго погибшаго созданія, мнѣ живо представилось то утро, когда я приходилъ за ней на пески, чтобы звать ее обѣдать. Въ ушахъ моихъ еще раздавались эти слова, что песчаная зыбь неудержимо влечетъ ее къ себѣ, и что въ ней-то, быть-можетъ, она и найдетъ свою могилу. Я почувствовалъ какой-то безотчетный ужасъ, примѣнивъ несчастную судьбу этой дѣвушки къ моему родному дѣтищу. Розанна была ей ровесница. Кто знаетъ, быть-можетъ, и дочь моя не перенесла бы тѣхъ испытаній, которыя выпали на долю Розанны, быть-можетъ, и она, подобно ей, наложила бы на себя руки.

Приставъ съ участіемъ помогъ мнѣ встать и заставилъ меня отвернуться отъ того мѣста, гдѣ погибла несчастная. Я вздохнулъ свободнѣе и сталъ понемногу отдавать себѣ отчетъ въ окружающихъ меня предметахъ. Съ холмовъ бѣжали къ намъ наши дворовые люди, вмѣстѣ съ рыбакомъ Іолландомъ, которые, узнавъ о случившемся, еще издали спрашивали у насъ, нашлась ли дѣвушка. Убѣдивъ ихъ въ короткихъ словахъ, что слѣды сохранившіеся на пескѣ принадлежали именно Розаннѣ, приставъ высказалъ предположеніе, что она, вѣроятно, сдѣлалась жертвой какого-нибудь несчастнаго случая. Потомъ, отозвавъ въ сторону рыбака, онъ повернулся съ нимъ къ морю, и сталъ его разспрашивать:

— Скажите-ка мнѣ, мой любезный, началъ приставъ,—есть ли какое-нибудь вѣроятіе, чтобы къ этому утесу, у котораго оканчиваются ея слѣды, могла подъѣхать лодка и увезти ее отсюда цѣлою и невредимою.

Рыбакъ указалъ ему на валы, яростно стремившіеся къ песчаной отмели, и на большія сердитыя волны, съ пѣной и брызгами разбивавшіяся объ изгибы берега.

— Еще не существовало такой лодки, которой удалось бы совладать съ этимъ, отвѣчалъ онъ.

Digitized by Google

Приставъ Коффъ въ послѣдній разъ взглянулъ на слѣды, оставшіеся на пескѣ и почти уже размытые дождемъ.

— Вотъ, сказалъ онъ, указывая на нихъ,—очевидное доказательство того, что она не могла возвратиться отсюда берегомъ.—А здѣсь, какъ вы мнѣ сейчасъ объяснили, продолжалъ онъ, глядя на рыбака,—другое доказательство того, что она не могла вернуться и водой. — Онъ замолчалъ и задумался.—За полчаса до моего прихода сюда, продолжалъ онъ, снова обращаясь къ Іолланду,—видѣли ее бѣжавшею къ этому мѣсту. Съ тѣхъ поръ прошло еще нѣсколько времени; стало-быть, сложивъ все вмѣстѣ, выйдетъ, пожалуй, добрый часъ.... Высока ли была въ то время вода около этихъ скалъ? спросилъ онъ, указывая на южный выступъ, то-есть на мѣсто, не занимаемое зыбучими песками.

— Судя по нынѣшнему приливу, отвѣчалъ рыбакъ,—должно предполагать, что часъ тому назадъ, вода въ этомъ мѣстѣ была настолько низка, что въ ней не могла бы утонуть и кошка.

Приставъ Коффъ повернулся тогда на сѣверъ, въ направленіи къ Зыбучимъ Пескамъ.

— А по эту сторону? спросилъ онъ.

— А здѣсь и того меньше, отвѣчалъ Іолландъ. — Зыбучіе пески развѣ чуть-чуть были прикрыты водой.

Тогда приставъ обратился ко мнѣ съ замѣчаніемъ, что несчастный случай съ Розанной произошелъ, вѣроятно, на пескахъ. Тутъ, наконецъ, языкъ мой развязался.

— Какой тамъ случай! сказалъ я:—жизнь была ей въ тягость, и она просто пришла сюда на добровольную смерть.

Приставъ отшатнулся отъ меня.

— Почему вы это знаете? спросилъ онъ.

Всѣ столпились вокругъ насъ; но мистеръ Коффъ не растерялся. Онъ отстранилъ отъ меня всѣхъ присутствующихъ, сказавъ, что въ мои лѣта такое странное происшествіе не могло не отозваться на мнѣ самымъ потрясающимъ образомъ.

— Не приставайте къ нему, сказалъ онъ. Потомъ, обратившись къ Іолланду, онъ спросилъ его: — нельзя ли будетъ найдти Розанну послѣ отлива?

— Никакими судьбами, отвѣчалъ Іолландъ. — Что̀ разъ попало въ пески, то ужь не возвратится оттуда никогда. — Сказавъ это, рыбакъ обратился ко мнѣ: — Мистеръ Бетереджъ, сказалъ онъ, — я долженъ вамъ передать кое-

Digitized by Google

что насчетъ смерти этой молодой женщины. Во всю длину скалы, на полсажени подъ пескомъ, находится каменный выступъ въ четыре фута шириной. Я спрашиваю себя, почему Розанна не наткнулась на него. Если она случайно соскользнула съ утеса, то она могла бы удержаться на этомъ выступѣ, гдѣ песокъ не закрылъ бы ея выше таліи. Стало-быть, нужно предположить, что она или перебралась съ рифа по водѣ въ песчаную глубь, или она прямо спрыгнула туда съ утеса,—иначе куда бы ей дѣваться. Нѣтъ, сэръ, я и самъ думаю, что это не случай! Ее поглотили зыбучіе пески, и она отдалась имъ по своей доброй волѣ.

Приставъ ничего не могъ возразить противъ показаній человѣка, столь опытнаго въ морскомъ дѣлѣ какъ рыбакъ Іолландъ. Всѣ мы, подобно ему, хранили глубокое молчаніе, и наконецъ, какъ бы сговорившись, стали разомъ взбираться на крутой берегъ.

Поровнявшись съ песчаными холмами, мы были встрѣчены грумомъ, бѣжавшимъ къ намъ изъ дому. Это былъ добрый малый, всегда относившійся ко мнѣ съ почтеніемъ. Онъ подалъ мнѣ маленькую записочку, между тѣмъ какъ на лицѣ его написано было искреннее горе.

— Пенелопа велѣла передать вамъ это, мистеръ Бетереджъ, сказалъ онъ. — Она нашла эту записочку въ комнатѣ Розанны.

Такъ вотъ оно ея послѣднее прощальное слово старику, который старался—да, благодаря Бога,—всегда старался приголубить бѣдняжку.

„Въ былое время", писала она, „вы многое прощали мнѣ, мистеръ Бетереджъ; когда снова увидите зыбучіе пески, постарайтесь простить меня въ послѣдній разъ. Я нашла свою могилу тамъ, гдѣ она меня ожидала. Я жила и умираю признательною за ваши ласки."

Тѣмъ и оканчивалось это письмо. Какъ ни было оно коротко, я не имѣлъ достаточно мужества, чтобы не заплакать. Человѣкъ легко плачетъ въ юности, когда вступаетъ только въ жизнь; человѣкъ легко плачетъ и въ старости, когда покидаетъ ее. И я залился слезами.

Не сомнѣваюсь, что приставъ Коффъ съ участіемъ подошелъ ко мнѣ; но я отшатнулся отъ него.

— Оставьте меня, сказалъ я. — Вѣдь это все надѣлалъ страхъ, который вы ей внушали.

Digitized by Google

— Вы не правы, мистеръ Бетереджъ, спокойно отвѣчалъ онъ.—Но мы еще успѣемъ поговорить объ этомъ когда вернемся домой.

Опираясь на руку грума, я послѣдовалъ за моими спутниками, и мы по проливному дождю вернулись домой, гдѣ нашли всеобщее смятеніе и ужасъ.

XX.

Тѣ изъ нашихъ спутниковъ, которые опередили насъ, еще до нашего прибытія домой уже распространили извѣстіе о случившемся, и мы застали прислугу въ паническомъ страхѣ. Въ то время какъ мы проходили около милединой двери, она порывисто отворилась изнутри. Госпожа моя, внѣ себя отъ ужаса, вышла къ намъ въ сопровожденіи мистера Франклина, который тщетно старался ее успокоить.

— Вы всему виной, воскликнула она, дико угрожая приставу рукой.—Габріэль! разчитайте этого несчастнаго и избавьте меня отъ его присутствія.

Изъ всѣхъ насъ одинъ приставъ въ состояніи былъ возражать ей, такъ какъ только онъ одинъ владѣлъ собою.

— Я столько же виноватъ въ этомъ несчастіи, миледи, какъ и вы сами, сказалъ онъ.—Если по прошествіи получасу вы будете настаивать на моемъ удаленіи изъ дома, то я подчинюсь вашимъ требованіямъ, но ни въ какомъ случаѣ не возьму вашихъ денегъ.

Слова эти, сказанныя съ большимъ достоинствомъ, хотя весьма почтительно, равно подѣйствовали и на меня, и на миледи, которая, уступивъ, наконецъ, просьбамъ мистера Франклина, ушла въ свою комнату. Когда дверь за ними затворилась, приставъ окинулъ своимъ наблюдательнымъ окомъ всю женскую прислугу и замѣтилъ, что Пенелопа была въ слезахъ, между тѣмъ какъ на лицахъ всѣхъ прочихъ выражался только ужасъ.

— Когда вашъ батюшка перемѣнитъ свое измокшее платье, сказалъ онъ ей,—то взойдите въ его комнату и побесѣдуйте съ нами.

Я скоренько переодѣлся и снабдилъ пристава Коффа необходимою для него одеждой, послѣ чего Пенелопа взошла къ намъ, чтобъ узнать, чего желалъ отъ нея приставъ. Казалось, я впервые сознавалъ теперь, какая у меня добрая и

Digitized by Google

почтительная дочь. Я посадилъ ее къ себѣ на колѣни и внутренно просилъ Бога, чтобъ онъ благословилъ ее. Приникнувъ головой къ моей груди, она обвила мою шею руками, и мы съ минуту безмолвно просидѣли въ этомъ положеніи, погруженные въ думу о погибшей дѣвушкѣ.

Приставъ отошелъ къ окну и сталъ смотрѣть въ него. Справедливость обязывала меня поблагодарить его за такое вниманіе къ нашимъ чувствамъ, что̀ я и не преминулъ потомъ исполнить. Люди высшаго круга пользуются всякаго рода преимуществами и, между прочимъ, преимуществомъ свободно выражать свои чувства. Мы же, люди низменные, не имѣемъ этихъ правъ. Нужда, минующая сильныхъ міра сего, обходится съ нашею мелкою братіей безъ всякой пощады, и мы должны, затаивъ чувства, нести свою обязанность съ терпѣніемъ. Впрочемъ, не думайте чтобъ я жаловался на свою судьбу, я только такъ мимоходомъ упомянулъ объ этомъ.

Мы съ Пенелопой не заставили долго ждать пристава. На вопросъ о томъ, не извѣстна ли ей причина, побудившая Розанну лишить себя жизни, дочь моя отвѣчала (какъ вы, вѣроятно, и предвидите), что подруга ея сдѣлала это отъ любви къ мистеру Франклину Блеку. Затѣмъ онъ спросилъ ее, не высказывала ли она этихъ предположеній кому-либо другому?

— Я никому не упоминала объ этомъ, ради самой Розанны, отвѣчала моя дочь.

— Да, наконецъ, и ради мистера Франклина, моя милая, прибавилъ я, находя нужнымъ дополнить ея отвѣтъ.—Если Розанна *умерла* отъ любви къ нему, то нѣтъ сомнѣнія, что это случилось безъ его вѣдома и воли. Дадимъ же ему спокойно уѣхать отсюда, если только онъ дѣйствительно намѣренъ насъ сегодня оставить, не причиняя ему безполезнаго горя открытіемъ такой печальной истины.

— Совершенно справедливо, сказалъ приставъ Коффъ, снова впадая въ раздумье и, вѣроятно, сравнивая въ своемъ умѣ предположеніе Пенелопы съ какимъ-нибудь другимъ изъ своихъ тайныхъ предположеній.

По истеченіи получаса въ комнатѣ госпожи моей раздался звонокъ. Я поспѣшилъ на ея зовъ, и у дверей встрѣтилъ мистера Франклина, выходившаго изъ кабинета своей тетки. Онъ сказалъ мнѣ, что миледи готова принять пристава

Digitized by Google

Коффа, попрежнему, въ моемъ присутствіи, но что сперва ему самому хотѣлось бы переговорить съ приставомъ. На возвратномъ пути въ мою комнату, мистеръ Франклинъ остановился въ передней, чтобы взглянуть на росписаніе поѣздовъ желѣзной дороги.

— Неужто вы вправду оставляете насъ, сэръ? спросилъ я.— Миссъ Рахиль, вѣроятно, одумается, если вы только дадите ей время.

— Да, отвѣчалъ мистеръ Франклинъ,—она, конечно, одумается, услыхавъ, что я уѣхалъ отсюда съ тѣмъ, чтобы никогда болѣе не возвращаться.

Я-было подумалъ, что въ немъ говоритъ одна досада на дурное обхожденіе нашей барышни, но оказалось не то. Наша госпожа сама замѣтила, что съ того времени какъ въ домѣ нашемъ появилась полиція, достаточно было упомянуть имя мистера Франклина, чтобы миссъ Рахиль мгновенно пришла въ негодованіе. Онъ же съ своей стороны такъ любилъ свою кузину, что самъ не хотѣлъ вѣрить такой перемѣнѣ до тѣхъ поръ, пока отъѣздъ ея къ теткѣ не сдѣлалъ истину слишкомъ очевидною. Какъ скоро эта жестокая выходка открыла глаза мистеру Франклину, онъ тотчасъ же принялъ рѣшеніе,—единственно возможное для человѣка съ характеромъ,—рѣшеніе уѣхать изъ дому.

Онъ говорилъ съ приставомъ въ моемъ присутствіи. Объявивъ, что миледи искренно раскаивается въ своей горячности, онъ спросилъ пристава, не согласится ли тотъ, получивъ свою плату, оставить дѣло алмаза въ настоящемъ его положеніи.

— Нѣтъ, сэръ, отвѣчалъ приставъ; — я принимаю плату только за выполненную обязанность, но такъ какъ дѣло еще не кончено, то я отказываюсь отъ нея.

— Я васъ не понимаю, сказалъ мистеръ Франклинъ.

— Въ такомъ случаѣ я объясню́сь, сэръ, отвѣчалъ приставъ. — Пріѣхавъ сюда, я взялся разыскать пропавшій алмазъ и теперь ожидаю только позволенія выполнить свою обязанность. Откровенно изложивъ леди Верндеръ всѣ обстоятельства дѣла въ его настоящемъ видѣ и тотъ планъ дѣйствій, котораго необходимо держаться для разысканія Лунного камня, я тѣмъ самымъ сниму съ себя всякую дальнѣйшую отвѣтственность по этому дѣлу. Пусть же миледи рѣшитъ тогда, продолжать ли мнѣ начатое слѣдствіе или

Digitized by Google

бросить его. Тогда обязанность моя будетъ исполнена, и я приму назначенную мнѣ плату.

Такими словами приставъ Коффъ напомнилъ намъ, что и между сыщиками есть люди, которые дорожатъ своею репутаціей.

Взглядъ его на дѣло былъ до того правиленъ, что трудно было бы возражать противъ него. Между тѣмъ какъ я вставалъ, чтобы вести его въ комнату миледи, онъ спросилъ мистера Франклина, не желаетъ ли и онъ присутствовать при этомъ разговорѣ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ мистеръ Франклинъ,—развѣ если того потребуетъ тетушка.

Но въ то время какъ я выходилъ изъ комнаты вслѣдъ за приставомъ, онъ шепнулъ мнѣ на ухо:

— Вѣдь я напередъ знаю, что̀ онъ будетъ говорить о Рахили, а я слишкомъ люблю ее, чтобы равнодушно выслушать это и сдержать свое негодованіе. Лучше идите безъ меня.

Мы ушли, оставивъ его въ самомъ грустномъ настроеніи духа. Опершись на подоконникъ, онъ закрылъ свое лицо руками, между тѣмъ какъ Пенелопа выглядывала изъ-за двери, желая какъ-нибудь утѣшить его. Будь я на мѣстѣ мистера Франклина, я непремѣнно велѣлъ бы ей войдти. Когда васъ оскорбитъ какая-нибудь женщина, то вамъ всегда пріятно высказаться другой, потому что изъ десяти разъ девять эта послѣдняя навѣрно приметъ вашу сторону. А можетъ-быть, онъ и позвалъ ее, лишь только я вышелъ вонъ. Въ такомъ случаѣ, отдавая полную справедливость моей дочери, я долженъ замѣтить, что она, не задумавшись, рѣшилась бы на все, лишь бы утѣшить мистера Франклина Блекъ. А мы тѣмъ временемъ вошли съ приставомъ Коффомъ въ комнату миледи.

Во время нашего послѣдняго съ нею совѣщанія она ни разу не соблаговолила оторвать глазъ отъ книги, лежавшей предъ нею на столѣ. На этотъ же разъ произошла перемѣна къ лучшему. Взоръ ея, устремленный на пристава, былъ такъ же непоколебимъ, какъ и его собственный. Фамильный нравъ выражался въ каждой чертѣ ея лица, и я былъ увѣренъ, что если женщина, подобная моей госпожѣ, разъ приготовится къ непріятному разговору, то она, конечно, выдержитъ характеръ и поспоритъ въ стойкости съ самимъ мистеромъ Коффомъ.

Digitized by Google

Когда мы усѣлись на свои мѣста, миледи заговорила первая.

— Приставъ Коффъ, сказала она,—я, можетъ-быть, нашла бы оправданіе для моихъ необдуманныхъ словъ, сказанныхъ вамъ полчаса тому назадъ. Но я вовсе не желаю искать оправданій и чистосердечно каюсь въ своей горячности.

Прелесть голоса и манеръ миледи неотразимо подѣйствовали на пристава. Чтобы доказать свое уваженіе къ моей госпожѣ, онъ попросилъ позволенія сказать нѣсколько словъ въ свою защиту. Онъ объявилъ, что его никакъ нельзя было упрекать за случившееся въ нашемъ домѣ несчастіе, по той простой причинѣ, что успѣшное окончаніе слѣдствія зависѣло именно отъ того, чтобы ни словами, ни поступками не возбудить подозрѣнія Розанны Сперманъ. Онъ ссылался на мои показанія, спрашивая меня, дѣйствительно ли выполнилъ онъ эту цѣль. И я по совѣсти засвидѣтельствовалъ, что въ этомъ отношеніи онъ ни на минуту не уклонился отъ принятаго имъ образа дѣйствій. На томъ, какъ мнѣ казалось, разговоръ нашъ, право, могъ бы и остановиться.

Однако приставъ Коффъ пошелъ нѣсколько далѣе, очевидно съ тою цѣлью (какъ вы и сами легко можете заключить теперь), чтобы разъ навсегда покончить съ самымъ затруднительнымъ объясненіемъ, которое предстояло ему имѣть съ миледи.

— Мнѣ извѣстна одна изъ причинъ, которою объясняютъ самоубійство молодой женщины, сказалъ приставъ.—Причина эта, можетъ-быть, и основательна; но она не имѣетъ никакого отношенія къ производимому мною слѣдствію, и я обязанъ къ тому же прибавить, что мои собственныя догадки указываютъ въ совершенно противоположную сторону. По моему мнѣнію, тяжкое душевное безпокойство, находящееся въ связи съ пропажей алмаза, побудило несчастную наложить на себя руки. Я не берусь разгадать, что̀ именно мучило ее, но думаю, что (съ вашего позволенія, миледи) я въ состояніи буду указать на одно лицо, могущее рѣшить правъ я или нѣтъ.

— Особа эта здѣсь? спросила моя госпожа, послѣ минутнаго молчанія.

— Нѣтъ, миледи, она уѣхала отсюда.

Это былъ явный намекъ на миссъ Рахиль. Наступило молчаніе, которое мнѣ казалось безконечнымъ. Боже мой! Какъ ужасно завывалъ вѣтеръ, какъ сильно хлесталъ дождь въ

Digitized by Google

окно, въ то время какъ я выжидалъ, чтобы кто-либо изъ нихъ прервалъ это молчаніе!

— Будьте такъ добры, говорите ясвѣе, сказала наконецъ миледи. — Не намекаете ли вы на мою дочь?

— Точно такъ, коротко отвѣчалъ приставъ.

Когда мы входили въ комнату, предъ госпожой моей лежалъ на столѣ портфель съ денежными бланками, приготовленный, безъ сомнѣнія, для разчета съ приставомъ. Но теперь она взяла его со стола и опять спрятала въ ящикъ. Мнѣ больно было видѣть, какъ дрожала при этомъ ея бѣдная рука, излившая столько милостей на своего стараго слугу, рука, которую мнѣ отрадно было бы пожать въ своихъ рукахъ предъ наступленіемъ вѣчной разлуки.

— Я надѣялась, тихо и спокойно сказала миледи, — что принявъ вознагражденіе за свои труды, вы разстанетесь со мной безъ всякихъ намековъ на миссъ Верриндеръ. Однако этого не случилось. Но развѣ племянникъ мой не предупреждалъ васъ объ этомъ до прихода вашего сюда?

— Мистеръ Блекъ исполнилъ ваше порученіе, миледи. Но я замѣтилъ ему на это, что....

— Не трудитесь договаривать, возразила миледи.—Вы, вѣроятно, понимаете не хуже меня, что вы сказали слишкомъ много, чтобы возвращаться назадъ, и потому я считаю себя обязанною предъ собой и предъ своею дочерью настоятельно требовать, чтобы вы остались здѣсь и высказались вполнѣ.

Приставъ посмотрѣлъ на свои часы.

— Еслибъ я имѣлъ достаточно времени, миледи, отвѣчалъ онъ,—то я предпочелъ бы письменное объясненіе словесному. Но если слѣдствіе должно продолжаться, то время для насъ слишкомъ дорого, чтобы тратить его на письмо. Я, пожалуй, готовъ сразу приступить къ дѣлу, хотя не скрою, что мнѣ будетъ въ высшей степени затруднительно говорить объ этомъ предметѣ, а вамъ будетъ крайне тяжело меня слушать.

Тутъ госпожа моя еще разъ перебила его.

— Я, можетъ-быть, облегчу нѣсколько и ваше положеніе, и положеніе этого добраго стараго слуги и друга, сказала она,— если съ своей стороны покажу примѣръ рѣшительности, смѣло приступивъ къ этому разговору. Вы предполагаете, что миссъ Верриндеръ всѣхъ насъ обманываетъ, скрывая алмазъ для какой-нибудь собственной тайной цѣли? Не правда ли?

Digitized by Google

— Совершенно справедливо, миледи, отвѣчалъ приставъ.

— Прекрасно. Но прежде чѣмъ вы начнете говорить, я, какъ мать миссъ Верендеръ, должна предупредить васъ, что она *положительно не способна* на подобный поступокъ. Ваше знакомство съ ней началось не болѣе двухъ, трехъ дней назадъ, я же знаю ее съ колыбели. Какъ бы ни сильны были направленныя противъ нея подозрѣнія, они не могутъ оскорбить меня. Прежде всего я увѣрена, что (при всей вашей опытности) вы впали относительно этого дѣла въ величайшее заблужденіе. Не забывайте, что я не владѣю никакими тайными свѣдѣніями и не хуже васъ исключена изъ довѣренности моей дочери. Но еще разъ повторяю вамъ единственную причину, заставляющую меня такъ твердо отстаивать мою дочь: я слишкомъ хорошо знаю ея характеръ!

Она обернулась въ мою сторону и подала мнѣ руку, которую я молча поцѣловалъ.

— Вы можете продолжать теперь, сказала она, устремивъ на пристава свой обычный, твердый взглядъ.

Приставъ Коффъ поклонился. Замѣтно было, что миледи произвела на него нѣкоторое впечатлѣніе: ему какъ будто стало жаль ея, и его угловатое лицо на минуту умилилось. Что же касается до его внутренняго убѣжденія, то ясно было, что оно осталось непоколебимымъ. Принявъ въ своемъ креслѣ болѣе удобное положеніе, онъ въ слѣдующихъ словахъ повелъ свою низкую атаку противъ репутаціи миссъ Рахили.

— Я долженъ просить васъ, миледи, взглянуть на дѣло не только съ вашей, но и съ моей точки зрѣнія, сказалъ онъ.— Не угодно ли вамъ будетъ представить себѣ, что вы пріѣхали сюда вмѣсто меня, но съ тѣми же практическими свѣдѣніями, которыя вынесъ я изъ своей жизни, и которыя, если позволите, я изложу вамъ сейчасъ вкратцѣ.

Госпожа моя кивнула ему головой въ доказательство того, что она его слушаетъ, и приставъ продолжалъ такъ:

— За послѣднія двадцать лѣтъ, сказалъ онъ,—я, какъ довѣренное лицо, часто бывалъ употребляемъ на разбирательства тайныхъ семейныхъ дѣлъ. Вотъ въ двухъ словахъ результатъ, пріобрѣтенный мною на этомъ поприщѣ и имѣющій нѣкоторое примѣненіе къ настоящему дѣлу. Я знаю по опыту, что молодыя леди, занимающія блестящее положеніе въ свѣтѣ, имѣютъ иногда тайные долги, въ

Digitized by Google

которыхъ онѣ не смѣютъ сознаться своимъ ближайшимъ родственникамъ и друзьямъ. Иногда онѣ должаютъ модисткѣ и ювелиру; иногда же деньги бываютъ имъ нужны для другихъ цѣлей, которыхъ я не предполагаю въ настоящемъ случаѣ, и о которыхъ умолчу, изъ уваженія къ вамъ. Постарайтесь не забыть того, что̀ я сейчасъ сказалъ вамъ, миледи; а теперь прослѣдимъ, какимъ путемъ событія этой недѣли почти вынудили меня искать объясненій въ моей долговременной опытности.

Онъ собрался съ мыслями и продолжалъ свой разказъ съ ужасающею ясностью, заставлявшею васъ понимать смыслъ каждаго его слова и съ жестокою справедливостью, не щадившею никого.

— Первыя свѣдѣнія относительно пропажи Луннаго камня получены мною отъ надзирателя Сигрева, и я тутъ же убѣдился, что онъ былъ совершенно неспособенъ къ производству этого слѣдствія. Изъ всего что̀ онъ разказалъ мнѣ, я обратилъ вниманіе лишь на одно обстоятельство, а именно, что миссъ Верриндеръ уклонилась отъ его допросовъ и говорила съ нимъ съ совершенно необъяснимою суровостью и презрѣніемъ. Какъ ни удивительно казалось мнѣ подобное обращеніе, но я приписывалъ его какой-нибудь неловкости надзирателя, который могъ неумышленно оскорбить молодую миссъ. Затаивъ про себя это предположеніе, я сталъ одинъ производить обыскъ комнаты, который, какъ вамъ извѣстно, кончился открытіемъ пятна на двери и показаніями мистера Франклина, убѣдившими меня, что это самое пятно имѣло прямое отношеніе къ пропажѣ алмаза. Я могъ до сихъ поръ подозрѣвать только одно, что Лунный камень украденъ, и что похитителемъ его, вѣроятно, окажется кто-нибудь изъ слугъ. Прекрасно. Что̀ же далѣе? Миссъ Верриндеръ внезапно выходитъ изъ своей комнаты, начинаетъ говорить со мной, и мнѣ немедленно бросаются въ глаза три обстоятельства весьма подозрительнаго свойства. Первое, что она сильно взволнована, несмотря на то что со времени пропажи алмаза прошло уже болѣе сутокъ. Второе, что она обращается со мной точь-въ-точь какъ съ надзирателемъ Сигревомъ. Третье, что она считаетъ себя смертельно оскорбленною мистеромъ Франклиномъ. Хорошо. Вотъ (думаю я про себя) молодая миссъ, которая потеряла драгоцѣнный алмазъ, и которая, какъ я самъ имѣлъ случай

Digitized by Google

убѣдиться, обладаетъ весьма пылкимъ нравомъ. Но что же она дѣлаетъ въ настоящемъ случаѣ подъ вліяніемъ этого пылкаго нрава? Она обнаруживаетъ непонятную злобу противъ мистера Блека, господина надзирателя и меня, иначе сказать, противъ тѣхъ самыхъ лицъ, которые, каждый по-своему, старались помочь ей въ разысканіи ея потеряннаго алмаза. *Тогда*, миледи, и только *тогда* началъ я искать указаній въ своей опытности, которая и объяснила мнѣ загадочное поведеніе миссъ Верриндеръ. Руководимый ею, я сопоставилъ личность вашей дочери съ личностью другихъ извѣстныхъ мнѣ молодыхъ леди и пришелъ къ тому убѣжденію, что у нея, вѣроятно, есть также долги, въ которыхъ она не хочетъ сознаться и которые между тѣмъ необходимо заплатить. Я спрашиваю себя, ужь не потому ли и изчезъ алмазъ, что нужно было заложить его тайкомъ для уплаты этихъ долговъ? Вотъ тѣ заключенія, которыя я вывожу изъ простыхъ фактовъ. Что возразитъ на это ваша собственная опытность, миледи?

— То же, что и прежде, отвѣчала моя госпожа,—а именно, что обстоятельства ввели васъ въ заблужденіе.

Я съ своей стороны молчалъ. Богъ вѣсть почему забрелъ въ эту минуту въ мою сумашедшую голову *Робинзонъ Крузо*. „Еслибы, думалъ я, приставъ Коффъ мгновенно очутился на необитаемомъ островѣ, лишенный общества господина Пятницы, и не имѣя корабля, на которомъ онъ могъ бы уѣхать съ острова, то онъ былъ бы, по моему мнѣнію, въ самомъ приличномъ для него мѣстѣ! (*Nota bene*: говоря вообще, я остаюсь хорошимъ христіаниномъ до тѣхъ поръ, пока не слишкомъ насилуютъ мои христіанскія чувства, и утѣшаюсь тою мыслію, что и вы всѣ, господа, не лучше меня въ этомъ отношеніи.)

— Правъ я былъ или нѣтъ, миледи, продолжалъ приставъ Коффъ,—но разъ составивъ себѣ такія убѣжденія, мнѣ необходимо было провѣрить ихъ на дѣлѣ. Я просилъ тогда вашего позволенія произвести осмотръ всѣхъ находящихся въ домѣ гардеробовъ. Это послужило бы средствомъ къ разысканію той одежды, которая, по всей вѣроятности, размазала краску на двери, и къ провѣркѣ моихъ догадокъ. Что же изъ этого вышло? Вы изволили согласиться на мое предложеніе; мистеръ Блекъ и мистеръ Абльвайтъ сдѣлали то же самое. Одна миссъ Верриндеръ отвѣчала мнѣ положитель-

Digitized by Google

нымъ отказомъ, что̀ и убѣдило меня въ безошибочности моихъ предположеній. Если вы и теперь не согласитесь со мной, миледи, то я готовъ буду думать, что и вы, и мистеръ Бетереджъ не вникали въ событія нынѣшняго дня. Не при васъ ли говорилъ я вашей дочери, что ея отъѣздъ изъ дому (при настоящихъ обстоятельствахъ) затруднитъ успѣшное окончаніе слѣдствія, а между тѣмъ она уѣхала, несмотря на такое предостереженіе. Вы видѣли, что она не только не простила мистеру Блеку его усиленныхъ стараній облегчить мнѣ раскрытіе этой тайны, но напротивъ публично оскорбила его у порога родительскаго дома. Что̀ все это значитъ? Если миссъ Верриндеръ не имѣетъ никакой прикосновенности къ пропажѣ алмаза, то скажите же мнѣ, что̀ все это можетъ значить?

На этотъ разъ онъ посмотрѣлъ въ мою сторону. Право, страшно было слушать, какъ онъ подбиралъ противъ миссъ Рахили одно доказательство за другимъ, тѣмъ болѣе, что при всемъ желаніи оправдать ее, не было никакой возможности оспаривать истину его словъ. Имѣя (благодаря Бога) врожденную склонность къ резонерству, я тотчасъ же примкнулъ къ сторонѣ миледи, чтобъ отстаивать наши общія съ ней убѣжденія. Это подняло мой упавшій духъ и придало мнѣ смѣлости въ разговорѣ съ приставомъ Коффомъ.

Усердно прошу васъ, друзья мои, воспользоваться моимъ примѣромъ; это избавитъ васъ отъ множества непріятностей. Развивайте въ себѣ діалектику, и вы увидите какъ славно подрѣжете вы ноготки всѣмъ этимъ умницамъ, еслибъ они вздумали когда-нибудь поцарапать васъ ради вашей же собственной пользы!

Видя, что мы не возражаемъ, приставъ Коффъ какъ ни въ чемъ не бывало опять возвратился къ своему разказу. Господи! какъ же я злился на него, замѣчая, что наше молчаніе не сконфузило его ни на волосъ!

— Вотъ, миледи, мой взглядъ на дѣло по отношенію его къ одной миссъ Верриндеръ, сказалъ онъ.—Теперь постараюсь изложить вамъ то же самое дѣло по отношенію его къ миссъ Верриндеръ и умершей Розаннѣ Спермавъ, взятымъ вмѣстѣ. Съ вашего позволенія мы вернемся для этого назадъ, къ тому самому времени, когда дочь ваша отказалась допустить осмотръ своего гардероба. Сдѣлавъ свое заключеніе объ этомъ обстоятельствѣ, я старался разъяснить себѣ два

Digitized by Google

вопроса: вопервыхъ, какого метода приличнѣе будетъ держаться въ производствѣ слѣдствія; вовторыхъ, не имѣла ли миссъ Верандеръ соучастницы между домашнею женскою прислугой. Послѣ тщательнаго размышленія я рѣшился вести слѣдствіе, что̀ называется на языкѣ служащихъ, самымъ неправильнымъ образомъ, по той простой причинѣ, что мнѣ ввѣрали семейную тайну, которую я обязанъ былъ удерживать въ предѣлахъ тѣснаго домашняго кружка. Чѣмъ менѣе шуму, чѣмъ менѣе огласки и посторонняго вмѣшательства, тѣмъ лучше. Что же касается до обыкновенной процедуры слѣдствія, какъ-то: поимки людей по подозрѣнію, явки ихъ въ судъ и тому подобное, объ этомъ нечего было и думать, такъ какъ, по моему крайнему убѣжденію, дочь ваша, миледи, была явно замѣшана въ этомъ дѣлѣ. Мнѣ было ясно, что человѣкъ, съ характеромъ и положеніемъ мистера Бетереджа, былъ бы для меня въ этомъ случаѣ гораздо болѣе надежнымъ помощникомъ нежели всякій другой человѣкъ, взятый на сторонѣ. Я, конечно, могъ бы вполнѣ довѣриться и мистеру Блеку, еслибы не предвидѣлъ тутъ одного маленькаго затрудненія. *Онъ* слишкомъ скоро угадалъ въ какую сторону устремились мои догадки и разысканія. И дружба его къ миссъ Верандеръ помѣшала бы ему дѣйствовать заодно со мной. Я безпокою васъ, миледи, такими подробностями съ цѣлью показать вамъ, что я не вынесъ семейной тайны за предѣлы домашняго кружка. Я единый посторонній человѣкъ, которому она извѣстна, а моя профессія обязываетъ меня придерживать свой языкъ.

Тутъ я почувствовалъ, что моя профессія, наоборотъ, обязывала меня дать ему волю. Признаюсь, что выполнять въ мои года, и предъ моею госпожой, роль какого-то полицейскаго помощника превосходило мѣру моего христіанскаго терпѣнія.

— Прошу позволенія заявить вамъ, миледи, сказалъ я,—что̀ отъ начала и до конца этого гнуснаго слѣдствія я никогда не помогалъ ему сознательно, и я прошу пристава Коффа опровергнуть меня, если у него достаетъ смѣлости. Когда я высказался такимъ образомъ, у меня отлегло отъ сердца. Госпожа моя дружески потрепала меня по плечу, и я въ справедливомъ негодованіи взглянулъ на пристава Коффа, какъ бы говоря ему: „А! что̀ вы на это скажете?“ Но при-

Digitized by Google

ставъ отвѣчалъ мнѣ кроткимъ взглядомъ ягненка, въ которомъ выразилось, кажется, еще большее ко мнѣ расположеніе.

— Я увѣрена, сказала миледи, обращаясь къ приставу,—что вы, какъ честный человѣкъ, дѣйствовали въ моихъ интересахъ, и готова выслушать что̀ вы скажете намъ далѣе.

— Мнѣ остается еще прибавить нѣсколько словъ, относящихся къ Розаннѣ Спермавъ, сказалъ онъ.—Вы, вѣроятно, помните, миледи, что когда эта молодая женщина внесла въ комнату книгу для записки бѣлья, я тотчасъ же узналъ ее. До того времени я еще склоненъ былъ сомнѣваться въ томъ, что миссъ Верриндеръ довѣрила кому-либо свою тайну. Но увидавъ Розанну, я перемѣнилъ свое мнѣніе и немедленно заподозрилъ ея участіе въ пропажѣ алмаза. Бѣдняжку постигла ужасная смерть, но хотя ея и нѣтъ уже болѣе въ живыхъ, я все-таки желалъ бы снять съ себя обвиненіе въ моей будто бы несправедливой къ ней жестокости. Будь это обыкновенный случай воровства, я заподозрилъ бы Розанну ни болѣе ни менѣе какъ и всѣхъ остальныхъ слугъ въ домѣ. Мы знаемъ по опыту, что женщины, поступающія изъ исправительныхъ тюремъ въ услуженіе къ господамъ, которые обходятся съ ними благосклонно и справедливо, въ большинствѣ случаевъ мѣняютъ свое поведеніе и дѣлаются достойными оказаннаго имъ благодѣянія. Но это было, по моему мнѣнію, не простое воровство, а хитро-задуманное похищеніе, при содѣйствіи самой владѣлицы алмаза. Глядя на дѣло съ этой точки зрѣнія, мнѣ прежде всего пришло въ голову слѣдующее соображеніе, касавшееся Розанны Спермавъ. Удовольствуется ли миссъ Верриндеръ (не взыщите, миледи) тѣмъ, что вселитъ въ насъ убѣжденіе, будто Лунный камень просто потерянъ? Или она пойдетъ дальше и постарается насъ увѣрить, что онъ украденъ? На этотъ случай у нея уже готова была Розанна Спермавъ, которая скорѣе всѣхъ сумѣла бы отвлечь и меня, и васъ, миледи, отъ настоящаго слѣда.

Казалось, ужь нельзя было хуже очернить миссъ Рахиль и Розанну, какъ очернилъ ихъ приставъ Коффъ. А между тѣмъ вы сами сейчасъ убѣдитесь, что это было возможно.

— Я имѣлъ еще одинъ поводъ подозрѣвать умершую, продолжалъ приставъ,—и этотъ поводъ казался мнѣ наиболѣе основательнымъ. Кому же легче было достать подъ залогъ денегъ для миссъ Верриндеръ, какъ не Розаннѣ Спермавъ? Ни одна молодая леди въ положеніи миссъ Верриндеръ не

Digitized by Google

взяла бы на себя такого рискованнаго дѣла. Ей необходимо было имѣть соучастницу, и я опять васъ спрашиваю, кто же годился болѣе для этой роли, какъ не Розанна Спермакъ? Ваша покойная горничная, миледи, занимаясь воровствомъ, изучила свою профессію во всѣхъ ея тонкостяхъ. Она имѣла сношенія, я знаю это достовѣрно, съ однимъ изъ тѣхъ немногихъ людей въ Лондонѣ (изъ разряда закладчиковъ), которые готовы дать значительную сумму денегъ подъ залогъ столь цѣннаго алмаза, какъ Лунный камень, не затрудняя своихъ кліентовъ ни неловкими вопросами, ни обременительными условіями. Потрудитесь не забыть этого, миледи, а теперь позвольте мнѣ доказать вамъ, на сколько мои подозрѣнія противъ Розанны Спермакъ подтвердились ея собственными поступками, и къ какимъ заключеніямъ могли они привести меня.

Затѣмъ онъ сталъ разбирать все поведеніе Розанны въ этомъ дѣлѣ съ начала и до конца. Оно столько же знакомо вамъ, читатель, сколько и мнѣ, и потому вы легко поймете, что въ этой части своего разказа приставъ Коффъ безаппелляціонно заклеймилъ память бѣдной умершей дѣвушки подозрѣніемъ въ покражѣ алмаза. Даже сама миледи приведена была въ ужасъ его словами. Когда онъ кончилъ, она ничего ему не отвѣчала, но приставъ, казалось, и не безпокоился о томъ, отвѣчаютъ ему или нѣтъ. Онъ продолжалъ (чтобъ ему пусто было!) съ прежнею невозмутимостью.

— Теперь, когда я изложилъ вамъ всѣ обстоятельства этого дѣла такъ, какъ я ихъ понимаю, сказалъ онъ,—мнѣ остается только сообщить вамъ, миледи, какія мѣры имѣю я въ виду на будущее время. Я вижу два способа привести слѣдствіе къ успѣшному окончанію. На одинъ изъ нихъ я смотрю какъ на вѣрнѣйшее средство достичь цѣли; другой же, сознаюсь, есть не болѣе какъ смѣлый опытъ. Рѣшайте сами, миледи, не должны ли мы начать съ вѣрнѣйшаго способа?

Госпожа моя выразила ему знакомъ, что она совершенно предоставляетъ это на его усмотрѣніе:

— Благодарю васъ, сказалъ приставъ.—Пользуясь вашимъ позволеніемъ, миледи, я, конечно, испытаю первый способъ. Останется ли миссъ Верриндеръ въ Фризингаллѣ, или вернется сюда, я во всякомъ случаѣ предлагаю учредить неотступный надзоръ за всѣми ея поступками, за людьми, съ

Digitized by Google

которыми она будетъ имѣть сношенія, за ея прогулками верхомъ или пѣшкомъ, и за ея корреспонденціей.

— Далѣе что? спросила моя госпожа.

— Далѣе, отвѣчалъ приставъ,—я буду просить вашего позволенія помѣстить къ вамъ на мѣсто Розанны Спермавъ женщину, привыкшую къ тайнымъ слѣдствіямъ и за скромность которой я ручаюсь.

— Далѣе что? спросила моя госпожа.

— Послѣднее мое предложеніе, продолжалъ приставъ,—состоитъ въ томъ, чтобы послать одного изъ моихъ сослуживцевъ въ Лондонъ для сдѣлки съ тѣмъ закладчикомъ, который, какъ я упоминалъ выше, былъ знакомъ съ Розанной Спермавъ, и котораго имя и адресъ, будьте въ этомъ увѣрены, миледи, были сообщены ею миссъ Веринадеръ. Не отрицаю, что подобная мѣра потребуетъ и времени, и денегъ; но результатъ ея вѣренъ. Мы со всѣхъ сторонъ оцѣпимъ Лунный камень и будемъ постепенно стягивать эту цѣпь до тѣхъ поръ, пока не найдемъ алмаза въ рукахъ миссъ Веринадеръ, предполагая, что она съ нимъ не разстается. Если же долги ея потребуютъ немедленной уплаты, и она рѣшится пожертвовать имъ, тогда товарищъ мой встрѣтитъ Лунный камень немедленно по прибытіи его въ Лондонъ.

Подобное предложеніе, касавшееся ея дочери, задѣло мою госпожу за живое, и она въ первый разъ сердито заговорила съ приставомъ.

— Считайте ваше предложеніе отвергнутымъ по всѣмъ его пунктамъ, сказала она, — и переходите къ другому способу.

— Другой способъ, продолжалъ приставъ, ни мало не смущаясь, — заключается въ томъ смѣломъ опытѣ, о которомъ я уже упоминалъ выше. Мнѣ кажется, я хорошо оцѣнилъ характеръ миссъ Веринадеръ. По моему мнѣнію, она способна на смѣлый обманъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ она слишкомъ горяча и вспыльчива, слишкомъ непривычна къ фальши, чтобъ быть лицемѣркой въ мелочахъ и умѣть себя сдерживать при всякомъ возбужденіи: Чувства ея въ продолженіе этого слѣдствія неоднократно брали верхъ надъ ея волей, даже въ то время, когда ея собственный интересъ требовалъ, чтобъ она ихъ скрывала. Имѣя въ виду дѣйствовать на эту особенность ея характера, я готовлю ей внезапное потрясеніе, и при такихъ обстоятельствахъ, которыя задѣнутъ ее за живое. Иначе говоря, я хочу безъ всякаго

Digitized by Google

приготовленія объявить миссъ Верендеръ о смерти Розанны Спермавъ—въ надеждѣ, что ея лучшія чувства понудятъ ее къ признанію. Не согласитесь ли вы, миледи, на эту мѣру?.

Не умѣю разказать вамъ, какъ удивила меня моя госпожа. Она безъ запинки отвѣчала ему: „Пожалуй, я согласна.“

— Кабріолетъ готовъ, сказалъ приставъ.—Итакъ, позвольте пожелать вамъ добраго утра, миледи.

Но въ эту минуту госпожа моя подняла руку и знакомъ остановила его у двери.

— Вы предполагаете затронуть благородныя чувства моей дочери, сказала она.—Но я, какъ мать, требую права сама подвергнуть ее этому испытанію. Не хотите ли остаться здѣсь, пока я съѣзжу въ Фризингаллъ?

Въ первый разъ въ жизни великій Коффъ растерялся и, какъ самый обыкновенный смертный, онѣмѣлъ отъ удивленія. Госпожа моя позвонила и велѣла приготовить себѣ непромокаемое платье. Дождь все еще продолжалъ лить, а закрытая карета, какъ вамъ извѣстно, увезла миссъ Рахиль въ Фризингаллъ. Я попробовалъ было убѣдить миледи, чтобъ она не подвергала себя такой ненастной погодѣ, но это оказалось совершенно безполезно! Тогда я попросилъ позволенія сопровождать ее, чтобы держать по крайней мѣрѣ надъ ея головой зонтикъ, но она и слушать ничего не хотѣла. Кабріолетъ былъ поданъ грумомъ.

— Можете быть увѣрены въ двухъ вещахъ, сказала миледи приставу Коффъ, выходя въ переднюю. — Вопервыхъ, что я буду дѣйствовать на чувства миссъ Верендеръ такъ же рѣшительно, какъ бы вы сдѣлали это сами; вовторыхъ, что сегодня же, до отхода послѣдняго вечерняго поѣзда въ Лондонъ, я лично или письменно увѣдомлю васъ о результатѣ этого опыта.

Съ этими словами она сѣла въ кабріолетъ, и взявъ вожжи въ руки, отправилась въ Фризингаллъ.

XXI.

Когда уѣхала моя госпожа, я вспомнилъ на досугѣ о приставѣ Коффѣ, который, сидя въ уютномъ уголкѣ передней, рылся въ своей записной книгѣ и саркастически подергивалъ губами.

— Что̀, или дѣлаете свои замѣтки? спросилъ я.

Digitized by Google

— Нѣтъ, отвѣчалъ приставъ Коффъ,—смотрю, какое слѣдственное дѣло стоитъ теперь на очереди.

— О! воскликнулъ я.—Неужто, вы думаете, что здѣсь все уже кончено?

— Я думаю, вопервыхъ, отвѣчалъ приставъ, — что леди Вериндеръ одна изъ умнѣйшихъ женщинъ въ Англіи, а вовторыхъ, что розами пріятнѣе заниматься нежели алмазомъ. Гдѣ садовникъ, мистеръ Бетереджъ?

Я видѣлъ, что отъ него не добьешься болѣе ни слова насчетъ Луннаго камня. Онъ утратилъ всякій интересъ къ слѣдствію и пошелъ искать садовника. Часъ спустя изъ оранжереи уже послышались ихъ нескончаемые споры о шиповникѣ.

Между тѣмъ мнѣ предстояло освѣдомиться, не измѣнилъ ли мистеръ Франклинъ своего рѣшенія уѣхать съ послѣобѣденнымъ поѣздомъ. Узнавъ о совѣщаніи, происходившемъ въ комнатѣ миледи, и объ его исходѣ, онъ немедленно рѣшился ждать новостей изъ Фризингалла. На всякаго другаго человѣка подобная перемѣна въ планахъ не произвела бы никакого впечатлѣнія, но мистера Франклина она совершенно перевернула.

При такомъ излишкѣ свободнаго времени, какой оставался у него впереди, онъ сдѣлался неугомоненъ, и всѣ его заграничные коньки повыскакали одинъ за другимъ, какъ крысы изъ мѣшка.

Представляя собой нѣчто въ родѣ хамелеона, у котораго къ существеннымъ чертамъ англійскаго характера примѣшивались нѣмецкіе, италіянскіе, французскіе оттѣнки, онъ безъ устали сновалъ по всему дому, не имѣя ни другой темы для разговора, кромѣ жестокаго обращенія съ нимъ миссъ Рахили, ни другаго слушателя, кромѣ меня. Я, напримѣръ, нашелъ его въ библіотекѣ, сидящаго подъ картой современной Италіи. Не находя другаго выхода изъ постигшаго его горя, онъ старался по крайней мѣрѣ излить его въ словахъ.

— Я чувствую въ себѣ много прекрасныхъ стремленій, Бетереджъ, сказалъ онъ,—но на что̀ я обращу ихъ теперь? Во мнѣ есть зародыши многихъ превосходныхъ качествъ, которыя могли бы развиться лишь при содѣйствіи Рахили! Но что̀ я буду дѣлать съ ними теперь?

Затѣмъ онъ такъ краснорѣчиво описалъ мнѣ свои отверг-

Digitized by Google

нутыя достоинства и потомъ сталъ такъ трогательно сокрушаться надъ своею судьбой, что я изъ всѣхъ силъ придумывалъ что̀ бы мнѣ сказать ему въ утѣшеніе. Вдругъ пришло мнѣ въ голову, что въ настоящемъ случаѣ всего удобнѣе было бы пустить въ ходъ *Робинзона Крузо*. Я поспѣшно заковылялъ въ свою комнату и немедленно вернулся съ этою безсмертною книгой. Глядь, а библіотека уже пуста. Только карта современной Италіи уставилась на *меня* со стѣны, и *я* въ свою очередь уставился на карту современной Италіи. Заглянулъ въ гостиную. Вижу, что на полу лежитъ платокъ мистера Франклина; ясное доказательство, что онъ недавно только промчался тутъ; но и пустая комната съ своей стороны говорила также, что онъ уже направилъ свои шаги въ другое мѣсто. Сунулся въ столовую, и вижу, стоитъ Самуилъ съ бисквитомъ и рюмкой хереса въ рукахъ, безмолвно вопрошая пустое пространство.

Только минуту тому назадъ мистеръ Франклинъ порывисто дернулъ за звонокъ, чтобы спросить себѣ прохладительнаго питья. Но въ то время какъ Самуилъ со всѣхъ ногъ кинулся исполнять его приказаніе, а звонокъ продолжалъ еще звенѣть и колебаться, мистеръ Блекъ былъ уже далеко. Нечего дѣлать, я толкнулся въ чайную, и тутъ-то наконецъ нашелъ мистера Франклина. Онъ стоялъ у окна, чертя іероглифы по отпотѣвшему стеклу.

— Васъ ждетъ хересъ, сэръ, сказалъ я. Но разговаривать съ нимъ было, кажется, такъ же безполезно, какъ и обращаться къ одной изъ четырехъ стѣнъ; онъ погрузился въ неизмѣримую бездну своихъ размышленій, откуда не было никакой возможности извлечь его. „Какъ *вы* объясняете себѣ поведеніе Рахили, Бетереджъ?“ былъ полученный мною отвѣтъ Не зная, что̀ сказать на это, я подалъ ему *Робинзона Крузо*, въ которомъ, по моему твердому убѣжденію, нашлось бы нужное объясненіе, еслибы только онъ далъ себѣ трудъ поискать его. Мистеръ Франклинъ закрылъ *Робинзона Крузо* и тутъ же пустился въ свою англо-германскую тарабарщину.

— Отчего же не вникнуть въ это дѣло поглубже? сказалъ онъ, точно какъ будто я противился необходимости такого анализа.—На кой чортъ теряете вы терпѣніе, Бетереджъ, когда только съ помощью его мы можемъ добраться до истины. Не прерывайте меня. Поведеніе Рахили станетъ вамъ совершенно понятнымъ, если, руководясь справедли-

Digitized by Google

востью, мы взглянемъ на дѣло сперва съ объективной точки зрѣнія, потомъ съ субъективной, а наконецъ, въ заключеніе, съ объективно-субъективной. Что̀ узнаемъ мы въ такомъ случаѣ? Что пропажа Лунного камня, случившаяся въ прошлый четвергъ утромъ, повергла Рахиль въ состояніе нервнаго раздраженія, отъ котораго она и до сихъ поръ еще не оправилась. Надѣюсь, что пока вамъ нечего возражать противъ моего объективнаго взгляда. Прекрасно, такъ не прерывайте же меня. Разъ убѣдившись въ состояніи нервнаго раздраженія Рахили, могли ли мы ждать, чтобы поведеніе ея съ окружающими осталось такимъ, какимъ оно было при другихъ обстоятельствахъ? Объясняя такимъ образомъ ея поступки на основаніи ея внутреннихъ ощущеній, до чего доходимъ мы? Мы доходимъ до субъективной точки зрѣнія. Да лучше и не пытайтесь оспаривать меня, Бетереджъ. Хорошо; что̀ же дальше? Боже праведный! Само собою разумѣется, что отсюда проистекаетъ объективно-субъективный взглядъ на дѣло. Рахиль, собственно говоря, *не* Рахиль, а отвлеченная личность. Но могу ли я оскорбиться несправедливымъ со мною обращеніемъ отвлеченной личности? Само собою разумѣется, что нѣтъ. При всемъ вашемъ неблагоразуміи, Бетереджъ, врядъ ли и *вы* обвините меня въ подобной щепетильности. Ну, и что̀ же можно изъ всего этого вывесть? То, что на зло вашимъ прокватымъ узкимъ англійскимъ воззрѣніямъ и предразсудкамъ, я чувствую себя совершенно спокойнымъ и счастливымъ. Гдѣ же мой хересъ?

Голова моя между тѣмъ до того отупѣла, что я самъ не могъ различить: моя ли это голова, или голова мистера Франклина. Въ этомъ жалкомъ положеніи я приступилъ къ исполненію трехъ, какъ мнѣ казалось, чисто-объективныхъ вещей. Вопервыхъ, я принесъ мистеру Франклину его хересъ; потомъ удалился въ свою комнату и, наконецъ, усладилъ свою душу наиприятнѣйшею и наиуспокоительнѣйшею трубочкой, какую я когда-либо выкуривалъ въ своей жизни. Не думайте однако, чтобъ я такъ дешево отдѣлался отъ мистера Франклина. Изъ чайной заглянувъ въ переднюю, онъ, наконецъ, пустился въ людскую, и ощутивъ запахъ моей трубки, вдругъ вспомнилъ, что онъ пересталъ курить изъ глупой уступчивости желаніямъ миссъ Рахили. Въ одно мгновеніе ока онъ влетѣлъ ко мнѣ съ сигарочницей въ рукахъ

Digitized by Google

и, съ свойственнымъ ему французскимъ легкомысліемъ и остроуміемъ, снова принялся развивать свою неисчерпаемую тему.

— Дайте-ка мнѣ огня, Бетереджъ, сказалъ онъ.—Можно ли допустить, чтобы человѣкъ, столько лѣтъ занимающійся куреніемъ табаку, какъ я, не открылъ до сихъ поръ на двѣ сигарочницы цѣлой системы обращенія мущинъ съ женщинами? Слѣдите за мной неуклонно, и я докажу вамъ это въ двухъ словахъ. Представьте себѣ, что вы выбираете сигару, закуриваете ее, и она обманываетъ ваши ожиданія. Что̀ вы дѣлаете въ такомъ случаѣ? Вы бросаете ее и берете другую. Теперь замѣтьте примѣненіе этого правила къ женщинамъ! Вы выбираете женщину, стараетесь сблизиться съ ней, а она разбиваетъ ваше сердце. Безумецъ! воспользуйтесь наставленіями вашей сигарочницы. Бросьте ее и возьмите другую!

Услыхавъ это, я покачалъ головой. Ловко было придумано, нечего сказать; но мой собственный опытъ противорѣчилъ этой системѣ.

— При жизни покойной мистрисъ Бетереджъ, сказалъ я,— мнѣ часто хотѣлось примѣнить къ дѣлу вашу философію, мистеръ Франклинъ. Но, къ сожалѣнію, законъ настаиваетъ на томъ, чтобы разъ выбравъ себѣ сигару, вы докуривали ее до конца, и говоря это, я подмигнулъ ему глазомъ.

Мистеръ Франклинъ расхохотался, и мы оба остались въ игривомъ настроеніи двухъ веселыхъ сверчковъ, до тѣхъ поръ, пока не заговорила въ немъ новая сторона его характера. Въ такой-то бесѣдѣ проводили мы время съ моимъ молодымъ господиномъ въ ожиданіи новостей изъ Фризингалла (между тѣмъ какъ приставъ Коффъ велъ съ садовникомъ нескончаемые споры о розахъ).

Кабріолетъ вернулся домой цѣлымъ получасомъ ранѣе нежели я ожидалъ. Рѣшившись на время остаться въ домѣ своей сестры, миледи прислала съ грумомъ два письма, изъ которыхъ одно было адресовано къ мистеру Франклину, а другое ко мнѣ.

Я отослалъ письмо мистера Франклина въ библіотеку, куда онъ вторично забрелъ, безцѣльно снуя по дому; свое же прочиталъ у себя въ комнатѣ. При вскрытіи пакета, я выронилъ оттуда банковый билетъ, который извѣстилъ меня (прежде нежели я узналъ содержаніе письма), что увольненіе

Digitized by Google

пристава Коффа отъ производства слѣдствія о Лунномъ камнѣ было уже теперь дѣломъ рѣшеннымъ.

Я послалъ сказать приставу, что желаю немедленно переговорить съ нимъ. Онъ явился на мой зовъ изъ оранжереи подъ впечатлѣніемъ своихъ споровъ съ садовникомъ и объявилъ, что мистеръ Бегби не имѣетъ, да никогда и не будетъ имѣть себѣ соперника въ упрямствѣ. Я просилъ его позабыть на время эти пустяки и обратить свое вниманіе на дѣло поистинѣ серіозное. Тогда только онъ замѣтилъ письмо, которое я держалъ въ рукахъ.

— А! сказалъ онъ скучающимъ голосомъ: — вы, вѣроятно, получили извѣстіе отъ миледи. Имѣетъ ли оно какое-либо отношеніе ко мнѣ, мистеръ Бетереджъ?

— А вотъ судите сами, мистеръ Коффъ.

Сказавъ это, я принялся (съ возможною выразительностью и скромностью) читать письмо госпожи моей.

„Добрый мой Габріель, прошу васъ передать приставу Коффу, что я исполнила данное ему обѣщаніе по поводу Розанны Спермавъ. Миссъ Верендеръ торжественно объявила мнѣ, что съ тѣхъ поръ какъ эта несчастная дѣвушка поступила въ домъ нашъ, она ни разу не имѣла съ ней никакихъ тайныхъ разговоровъ. Онѣ даже случайно не встрѣчались въ ту ночь, когда произошла пропажа алмаза, и между ними не было никакихъ сношеній съ четверга утромъ, когда поднялась въ домѣ тревога, и до нынѣшней субботы, когда миссъ Верендеръ уѣхала послѣ полудня изъ дому. Вотъ что̀ узнала я отъ дочери въ отвѣтъ на мое внезапное и краткое объявленіе ей о самоубійствѣ Розанны Спермавъ.“

Тутъ я остановился, и взглянувъ на пристава Коффа, спросилъ его, что̀ думаетъ онъ объ этой части письма?

— Я только оскорбилъ бы васъ, еслибы высказалъ вамъ мое мнѣніе, отвѣчалъ приставъ.—Продолжайте, мистеръ Бетереджъ, прибавилъ онъ съ самымъ убійственнымъ хладнокровіемъ,—продолжайте.

Когда я вспомнилъ, что этотъ человѣкъ только что имѣлъ дерзость упрекнуть нашего садовника въ упрямствѣ, то мнѣ, признаюсь, захотѣлось, вмѣсто того чтобы продолжать письмо, хорошенько отдѣлать его по-своему. Но наконецъ христіанское смиреніе мое одержало верхъ, и я неуклонно продолжалъ чтеніе письма миледи.

„Обратившись къ чувствамъ миссъ Верендеръ, такъ, какъ желалъ этого господинъ приставъ, я потомъ заговорила съ

Digitized by Google

ней по внушенію моего собственнаго сердца, что̀ должно было подѣйствовать на нее гораздо сильнѣе. Еще въ то время, когда дочь моя не покидала родительскаго крова, я при двухъ различныхъ обстоятельствахъ предостерегала ее, что она подвергаетъ себя самымъ унизительнымъ подозрѣніямъ. Теперь же я откровенно разказала ей насколько сбылись мои опасенія.

Торжественно увѣривъ меня въ искренности своихъ словъ, дочь моя заявила, вопервыхъ, что у нея нѣтъ никакихъ тайныхъ долговъ; а вовторыхъ, что алмазъ не былъ въ ея рукахъ съ тѣхъ самыхъ поръ, когда, ложась спать во вторникъ ночью, она положила его въ свой индѣйскій шкатулкъ; на этомъ и остановилось признаніе моей дочери. Она хранитъ упорное молчаніе, когда я спрашиваю ее, не можетъ ли она разъяснить тайну пропажи алмаза, и плачетъ, когда я прошу ее хоть ради меня оставить свою скрытность.—„Настанетъ время, говоритъ она, когда вы узнаете, почему я „остаюсь равнодушна къ обращеннымъ противъ меня подо„зрѣніямъ, и почему я отказываюсь довѣриться даже вамъ. „Поступки мои могутъ только вызвать состраданіе моей ма„тери, но я никогда не заставлю ее краснѣть за меня.“—Вотъ подлинныя слова моей дочери.

„Послѣ всего происшедшаго между мной и приставомъ, я считаю необходимымъ, несмотря на то что онъ человѣкъ совершенно намъ посторонній, сдѣлать ему извѣстнымъ, равно какъ и вамъ, мой добрый Бетереджъ, отвѣтъ миссъ Вериндеръ. Прочтите ему это письмо и передайте ему прилагаемый банковый билетъ. Отказываясь отъ его услугъ, я должна прибавить, что отдаю полную справедливость его уму и честности, хотя я болѣе чѣмъ когда-либо убѣждена, что обстоятельства ввели его въ глубокое заблужденіе относительно этого дѣла.“

Тѣмъ и оканчивалось письмо миледи. Прежде нежели передать приставу банковый билетъ, я спросилъ его, не сдѣлаетъ ли онъ какихъ-нибудь замѣчаній по поводу высказанныхъ моею госпожой мнѣній.

— Дѣлать замѣчанія о дѣлѣ, которое мною оставлено, мистеръ Бетереджъ,—не входитъ въ мои обязанности, отвѣчалъ онъ.

— Такъ вѣрите ли вы по крайней мѣрѣ хоть въ *эту* часть письма миледи? спросилъ я, съ негодованіемъ перебрасывая ему черезъ столъ банковый билетъ.

Приставъ взглянулъ на него и приподнялъ свои мрачныя брови, въ знакъ удивленія къ великодушію моей госпожи.

— Это такая щедрая плата за потраченное мною время, сказалъ онъ,—что я считаю себя въ долгу у миледи. Я запо-

Digitized by Google

маю стоимость этого билета, мистеръ Бетереджъ, и при случаѣ постараюсь расквитаться.

— Что̀ вы хотите сказать этимъ? спросилъ я.

— То, что миледи очень ловко устроила дѣла на время, сказалъ приставъ, — но что эта семейная тайна принадлежитъ къ числу такихъ неурядицъ, которыя снова могутъ возникнуть, когда всего менѣе ожидаютъ этого. Посмотрите, сэръ, что не пройдетъ двухъ-трехъ мѣсяцевъ, какъ Лунный камень опять задастъ намъ дѣла.

Смыслъ и тонъ этихъ словъ можно было объяснить слѣдующимъ образомъ. Изъ письма госпожи моей мистеръ Коффъ усмотрѣлъ, что миссъ Рахиль оказалась настолько упорною, что не уступила самымъ настойчивымъ просьбамъ своей матери и даже рѣшилась обмануть ее (и при какихъ обстоятельствахъ, какъ подумаешь) цѣлымъ рядомъ гнуснѣйшихъ выдумокъ. Не знаю какъ бы другіе на моемъ мѣстѣ возражали приставу; я же безъ церемоніи отвѣчалъ ему такъ:

— Я смотрю на ваше послѣднее замѣчаніе, приставъ Коффъ, какъ на прямое оскорбленіе для миледи и ея дочери!

— Смотрите на него лучше, мистеръ Бетереджъ, какъ на сдѣланное вамъ предостереженіе, и вы будете гораздо ближе къ истинѣ.

Уже и безъ того раздраженный его замѣчаніями, я окончательно замолчалъ послѣ этой дьявольски-откровенной выходки.

Я подошелъ къ окну, чтобы нѣсколько поуспокоиться. Дождь пересталъ, и какъ бы вы думали, кого я увидалъ на дворѣ? Самого мистера Бегби, садовника, который ожидалъ случая снова вступить съ приставомъ Коффомъ въ состязанія о типовникѣ.

— Передайте мое нижайшее почтеніе господину приставу, сказалъ мистеръ Бегби, увидавъ меня въ окнѣ,—и скажите ему, что если онъ согласенъ прогуляться до станціи желѣзной дороги, то мнѣ было бы весьма пріятно сопутствовать ему.

— Какъ! воскликнулъ приставъ, изъ-за моего плеча:—неужто вы еще не убѣдились моими доводами?

— Чорта съ два, очень я убѣдился! отвѣчалъ мистеръ Бегби.

— Въ такомъ случаѣ я пройдусь съ вами до станціи! сказалъ приставъ.

Digitized by Google

— Такъ мы встрѣтимся у воротъ! заключилъ мистеръ Бегби.

Я былъ очень разсерженъ, какъ вамъ извѣстно, читатель, но спрашиваю васъ: чей гнѣвъ устоялъ бы противъ подобной смѣшной выходки? Перемѣна, происшедшая внутри меня, не ускользнула отъ наблюдательности пристава Коффа, и онъ постарался поддержать это благотворное настроеніе кстати вставленнымъ словцомъ.

— Полно! полно! сказалъ онъ:—отчего вы, по примѣру миледи, не считаете моего взгляда на дѣло ошибочнымъ? Почему бы вамъ не утверждать, что я впалъ въ величайшее заблужденіе?

Несмотря на явную насмѣшку, которая проглядывала въ этомъ предложеніи пристава Коффа, мысль слѣдовать во всемъ примѣру миледи такъ льстила мнѣ, что волненіе мое постепенно утихло: я снова пришелъ въ нормальное состояніе и съ величайшимъ презрѣніемъ готовъ былъ встрѣтить всякое постороннее мнѣніе о миссъ Рахили, еслибы только оно противорѣчило мнѣнію миледи или моему собственному.

Одного не въ силахъ я былъ сдѣлать: это воздержаться отъ разговора о Лунномъ камнѣ! Конечно, благоразумнѣе было бы вовсе не затрогивать этого предмета, но что же вы хотите! Добродѣтели, которыя украшаютъ современное поколѣніе, не были въ ходу въ мое время. Приставъ Коффъ задѣлъ меня за живое, и хотя я и смотрѣлъ на него съ презрѣніемъ, однако чувствительное мѣсто все-таки болѣло. Кончилось тѣмъ, что я умышленно навелъ его на разговоръ о письмѣ миледи.

— Хотя въ умѣ моемъ нѣтъ и тѣни сомнѣнія, сказалъ я,—но вы не смущайтесь этимъ! продолжайте такъ, какъ бы говорили съ человѣкомъ совершенно доступнымъ вашимъ доводамъ. Вы думаете, что не слѣдуетъ вѣрить миссъ Рахили на слово и утверждаете, будто мы снова услышимъ о Лунномъ камнѣ. Поддержите же ваше мнѣніе, приставъ, заключилъ я веселымъ голосомъ,—поддержите же ваше мнѣніе фактами.

Вмѣсто того чтобъ обидиться моими словами, приставъ Коффъ схватилъ мою руку и такъ усердно пожималъ ее, что у меня пальцы захрустѣли.

— Клянусь небомъ, торжественно сказалъ этотъ чудакъ,—что я завтра же поступилъ бы на должность лакея, еслибы только мнѣ привелось служить вмѣстѣ съ вами, мистеръ

Digitized by Google

Бетереджъ. Если я скажу, что вы чисты какъ ребенокъ, то этимъ самымъ польщу дѣтямъ, изъ которыхъ бо́льшая часть навѣрное не заслуживаютъ подобнаго комплимента. Полно, полно, не будемъ болѣе спорить. Любопытство ваше будетъ удовлетворено безъ всякихъ пожертвованій съ вашей стороны. Я не упомяну ни о миледи, ни о миссъ Вериндеръ и, такъ и быть, ради васъ, попробую сдѣлаться оракуломъ. Я уже говорилъ вамъ, что дѣло съ Луннымъ камнемъ еще не совсѣмъ покончено. Хорошо. Теперь же на прощанье я предскажу вамъ три вещи, которыя непремѣнно должны случиться и поневолѣ обратятъ на себя ваше вниманіе.

— Продолжайте! сказалъ я, не конфузясь и такъ же весело, какъ и прежде.

— Вопервыхъ, началъ приставъ, — вы получите извѣстіе объ Голландахъ, какъ только въ будущій понедѣльникъ почтальонъ доставитъ письмо Розанны въ Коббсъ-Голль.

Еслибъ онъ обдалъ меня цѣлымъ ушатомъ холодной воды, то, признаюсь, онъ и тогда поразилъ бы меня не столько, какъ въ настоящую минуту. Показаніе миссъ Рахили, подтверждавшее ея непричастность къ этому дѣлу, не разъяснило ни одного изъ поступковъ Розанны Сперманъ, какъ напримѣръ: шитья новой кофточки, ея стараній отдѣлаться отъ испачканнаго платья и т. п.; и обстоятельство это никакъ не приходило мнѣ въ голову до тѣхъ поръ, пока приставъ Коффъ сразу не навелъ меня на мысль о немъ.

— Вовторыхъ, продолжалъ приставъ,—вы опять услышите кое-что объ Индѣйцахъ: или въ здѣшнемъ околоткѣ, если миссъ Рахиль не уѣдетъ отсюда, или въ Лондонѣ, если она переселится въ этотъ городъ.

Утративъ всякій интересъ къ тремъ фокусникамъ и совершенно убѣдившись въ невинности моей молодой госпожи, я довольно спокойно выслушалъ это второе предсказаніе.

— Ну, вотъ и два обстоятельства, которыхъ мы должны ожидать въ будущемъ, сказалъ я.—Теперь очередь за третьимъ.

— Третье и послѣднее, сказалъ приставъ Коффъ,—заключается въ томъ, что рано или поздно вы получите извѣстіе объ этомъ лондонскомъ закладчикѣ, имя котораго я уже дважды упоминалъ въ разговорѣ съ вами. Дайте мнѣ вашъ портфель, мистеръ Бетереджъ, и я для памяти запишу вамъ его имя и адресъ, такъ чтобы вы не могли ошибиться, въ случаѣ еслибы мое предсказаніе дѣйствительно сбылось.

Digitized by Google

Сказавъ это, онъ написалъ на чистомъ листкѣ слѣдующія строки: „Мистеръ Септемій Локеръ, Мидльсекская площадь, Ламбетъ, Лондонъ.“

— Этими словами, сказалъ онъ, указывая на адресъ,—должны кончиться всѣ наши толки о Луиномъ камнѣ. Я болѣе не стану докучать вамъ, а время само укажетъ, правъ ли я былъ или виноватъ. Покамѣсть же, сэръ, я уношу съ собой искреннее къ вамъ сочувствіе, которое, какъ мнѣ кажется, дѣлаетъ честь намъ обоимъ. Если намъ не придется болѣе встрѣтиться до моего выхода въ отставку, то я надѣюсь, что вы посѣтите меня въ моемъ маленькомъ домикѣ, который я уже высмотрѣлъ для себя въ окрестностяхъ Лондона. Обѣщаю вамъ, мистеръ Бетереджъ, что въ *моемъ садикѣ* будетъ много газону. Что̀ же касается до бѣлой мускатной розы..

— Чорта съ два! не выростите вы бѣлой мускатной розы, пока не привьете ее къ шиповнику, послышался голосъ у окна.

Мы оба обернулись и опять увидали мистера Бегби, который, въ виду предстоявшихъ состязаній, не имѣлъ терпѣнія болѣе ожидать у воротъ. Приставъ пожалъ мнѣ руку, и съ своей стороны сгорая нетерпѣніемъ сразиться съ садовникомъ, опрометью бросился вонъ изъ комнаты.

— Когда онъ возвратится съ прогулки, поразспросите-ка его хорошенько о мускатной розѣ и вы убѣдитесь тогда, что я разбилъ его на всѣхъ пунктахъ! крикнулъ великій Коффъ, въ свою очередь окликнувъ меня изъ окна.

— Господа! отвѣчалъ я, стараясь умѣрить ихъ пылъ, какъ это уже удалось мнѣ однажды. — Бѣлая мускатная роза представляетъ обѣимъ сторонамъ обширное поле для разглагольствій.

Но видно отвѣчать имъ было точно такъ же безполезно, какъ и насвистывать жигу предъ поверстнымъ столбомъ (какъ говорятъ Ирландцы). Они оба ушли, продолжая свою распрю о розахъ и безпощадно нанося другъ другу удары. Предъ тѣмъ какъ обоимъ скрыться изъ глазъ моихъ, я увидалъ, что мистеръ Бегби качалъ своею упрямою головой, между тѣмъ какъ приставъ Коффъ схватилъ его за руку, какъ арестанта. Ну вотъ, подите же! Какъ ни насолилъ мнѣ за это время приставъ, а онъ все-таки мнѣ нравился. Пусть читатель самъ объяснитъ себѣ это странное состояніе моего духа. Еще

Digitized by Google

немножко, и онъ совсѣмъ отдѣлается и отъ меня, и отъ моихъ противорѣчій. Разказавъ отъѣздъ мистера Франклина, я закончу дневникъ субботнихъ происшествій; описавъ же нѣкоторые странные факты, случившіеся въ теченіе слѣдующей недѣли, я тѣмъ окончательно заверну мой разказъ и передамъ перо той особѣ, которая должна продолжать его послѣ меня. Если вы, читатель, такъ же утомлены чтеніемъ моего повѣствованія, какъ я утомленъ его изложеніемъ,—то, Боже! какая общая радость ожидаетъ насъ чрезъ нѣсколько страницъ!

XXII.

Я велѣлъ приготовить кабріолетъ, на случай еслибы мистеръ Франклинъ захотѣлъ, во что бы то ни стало, уѣхать отъ насъ съ вечернимъ поѣздомъ. Появленіе на лѣстницѣ багажа, за которымъ слѣдовалъ и самъ мистеръ Франклинъ, убѣдило меня, что на этотъ разъ рѣшеніе его осталось непоколебимымъ.

— Да вы и вправду уѣзжаете, сэръ? сказалъ я, встрѣтясь съ нимъ въ сѣняхъ.—Что бы вамъ подождать еще денекъ-другой и дать миссъ Рахили время одуматься?

Куда дѣвался весь заграничный лоскъ мистера Франклина, когда наступила минута прощанья! Вмѣсто отвѣта, онъ сунулъ мнѣ въ руку письмо, полученное имъ отъ миледи. Бо́льшая часть его заключала въ себѣ повтореніе того, что было уже сообщено въ письмѣ, адресованномъ на мое имя. Но въ концѣ его было прибавлено нѣсколько строкъ, относящихся до миссъ Рахили, которыя если и не могли служить объясненіемъ чему-либо другому, то по крайней мѣрѣ дѣлали понятнымъ непоколебимость рѣшенія мистера Франклина.

„Вы вѣрно удивитесь, узнавъ, какъ терпѣливо переношу я скрытность моей дочери по поводу всего происшедшаго (писала миледи). Въ домѣ пропалъ алмазъ, сто́ящій 20.000 фунтовъ стерлинговъ, и все заставляетъ меня предполагать, что пропажа его, составляющая для насъ тайну, во всѣхъ подробностяхъ извѣстна Рахили, хотя нѣкоторыя неизвѣстныя мнѣ лица, въ виду непонятной для меня цѣли, наложили на нее странное обязательство хранить молчаніе. Вамъ, можетъ-быть, странно, что я позволяю своей дочери издѣваться надо мной? А между тѣмъ это весьма просто. Вник-

Digitized by Google

вите только хорошенько въ положеніе Рахили. Нервы ея до такой степени разстроены, что жалко смотрѣть на нее. Я не рѣшусь поднимать разговоръ о Лунномъ камнѣ до тѣхъ поръ, пока время не принесетъ ей должнаго успокоенія. Съ этою цѣлью я даже не задумалась удалить полисмена. Смущающая насъ тайна и его самого приводитъ въ замѣшательство; какъ человѣкъ посторонній, онъ не въ силахъ помочь намъ, а только увеличиваетъ мои мученія и однимъ своимъ именемъ доводитъ Рахиль до бѣшенства.

„Я по возможности хорошо устроила свои планы на будущее. Въ настоящее время я намѣрена увезти Рахиль въ Лондонъ, отчасти для того, чтобы разсѣять ея мысли перемѣной обстановки, а съ другой стороны для того, чтобы посовѣтоваться о ней съ лучшими медиками. Какъ мнѣ звать васъ къ себѣ въ Лондонъ? Берите съ меня примѣръ терпѣнія, мой дорогой Франклинъ, и подождите вмѣстѣ со мной болѣе счастливаго времени. При томъ ужасномъ настроеніи духа, въ которомъ находится теперь Рахиль, она никакъ не можетъ простить вамъ вашего полезнаго содѣйствія къ розыску алмаза и не перестаетъ видѣть въ этомъ личную для себя обиду. Дѣйствуя ощупью въ этомъ дѣлѣ, вы, тѣмъ не менѣе, грозили ей раскрыть ея тайну и тѣмъ увеличивали и безъ того уже терзавшее ее безпокойство. Я не въ состояніи извинить то упорство, съ которымъ она старается сдѣлать васъ отвѣтственнымъ въ послѣдствіяхъ, которыхъ ни вы, ни я не могли не только предвидѣть, но и вообразить себѣ. Разумить ее нѣтъ возможности, о ней можно только сожалѣть. Съ величайшимъ прискорбіемъ должна предупредить васъ, что вамъ лучше пока вовсе не встрѣчаться съ Рахилью. Предоставьте все времени—вотъ единственный совѣтъ, который я могу предложить вамъ.“

Я возвратилъ письмо мистеру Франклину, сердечно сокрушаясь за него, потому что мнѣ извѣстно было какъ искренно любилъ онъ мою молодую госпожу и какъ сильно должны были уколоть его слова миледи.

— Знаете ли, сэръ, пословицу, рѣшился я только сказать ему. — Когда обстоятельства достигли наихудшаго состоянія, то нужно скоро ожидать перемѣны ихъ къ лучшему. А сами посудите, мистеръ Франклинъ, что же можетъ быть хуже настоящаго положенія дѣлъ?

Мистеръ Франклинъ сложилъ письмо своей тетки и, казалось, мало успокоился замѣчаніемъ, которое я рѣшился ему сдѣлать.

— Увѣренъ, сказалъ онъ,—что въ пору моего прибытія сюда съ этимъ проклятымъ алмазомъ изъ Лондона, въ цѣлой

Digitized by Google

Англіи не было семейства болѣе счастливаго чѣмъ это. Взгляните же на него теперь! Какое разъединеніе въ его средѣ и какая подозрительная таинственность во всей окружающей атмосферѣ! Припоминаете ли вы, Бетереджъ, то утро, когда мы разговаривали съ вами на зыбучихъ пескахъ о дядѣ моемъ Геркаслѣ и о подаркѣ его ко дню рожденія Рахили. Самъ полковникъ не подозрѣвалъ въ чьихъ рукахъ Лунный камень сдѣлается орудіемъ его мщенія!

Съ этими словами онъ пожалъ мою руку и направился къ кабріолету.

Я послѣдовалъ за нимъ по лѣстницѣ. Мнѣ было очень грустно видѣть, при какой обстановкѣ покидаетъ онъ старое гнѣздышко, гдѣ протекли самые счастливые годы его жизни. Пенелопа (крайне встревоженная всѣмъ происшедшимъ въ домѣ), обливаясь слезами, пришла проститься съ нимъ. Мистеръ Франклинъ поцѣловалъ ее, на что я махнулъ рукой, какъ бы желая этимъ сказать: „На здоровье, сэръ, на здоровье.“ Кое-кто изъ остальной женской прислуги очутился тутъ же, выглядывая на него изъ-за угла. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ мущинъ, которые нравятся всѣмъ женщинамъ. Въ послѣднюю минуту прощанья я подошелъ къ кабріолету и какъ милости просилъ у мистера Франклина, чтобы онъ далъ намъ о себѣ вѣсточку. Но онъ не обратилъ вниманія на мои слова, а перенося свой взглядъ отъ одного предмета на другой, какъ будто прощался со старымъ домомъ и со всею усадьбой.

— Смѣю ли спросить, сэръ, куда вы ѣдете? сказалъ я, продолжая держаться за кабріолетъ и пытаясь проникнуть въ его будущіе планы. Мистеръ Франклинъ внезапно надвинулъ себѣ на глаза шляпу.

— Куда я ѣду? повторилъ онъ за мной:—Къ чорту!

Вмѣстѣ съ этимъ словомъ пони рванулся съ мѣста, какъ бы испуганный такимъ нечестивымъ отвѣтомъ.

— Да благословитъ васъ Богъ на всѣхъ путяхъ вашихъ, сэръ! успѣлъ я промолвить, прежде нежели онъ скрылся отъ вашихъ глазъ.

Нечего сказать, пріятный и милый джентльменъ былъ мистеръ Франклинъ! Несмотря на свои недостатки и дурачества, это былъ весьма пріятный и милый джентльменъ! По отъѣздѣ его изъ дома миледи, вездѣ чувствовалась ужасная пустота.

Digitized by Google

Печаленъ и скученъ былъ наступившій затѣмъ субботній вечеръ. Для поддержанія крѣпости своего духа я усердно принялся за свою трубочку и *Робинзона Круэо*. Женщины (исключая Пенелопу) проводили время въ толкахъ о самоубійствѣ Розанны. Онѣ всѣ упорно держались того мнѣнія, будто бѣдняжка украла Лунный камень и лишила себя жизни изъ боязни быть уличенною въ воровствѣ. Дочь моя, конечно, твердо держалась первоначально высказаннаго ею мнѣнія. Странно, что ни мнѣніе Пенелопы о причинѣ побудившей Розанну къ самоубійству, ни показанія моей молодой госпожи насчетъ ея неприкосновенности къ дѣлу, ничуть не объясняли поведенія несчастной дѣвушки. И тайная отлучка ея въ Фризингаллъ, и всѣ похожденія ея съ кофточкой оставались попрежнему загадочными. Конечно, безполезно было обращать на это обстоятельство вниманіе Пенелопы: всякое раздраженіе дѣйствовало на нее также мало, какъ проливной дождь на непромокаемую одежду. По правдѣ сказать, дочь моя наслѣдовала отъ меня стойкость взгляда и мысли и въ этомъ отношеніи даже за поясъ заткнула своего отца.

На слѣдующій день (въ воскресенье) карета, остававшаяся до сихъ поръ въ домѣ мистера Абльвайта, возвратилась къ намъ пустая. Кучеръ привезъ мнѣ письмо и нѣкоторыя приказанія для горничной миледи и для Пенелопы.

Письмо увѣдомляло меня, что моя госпожа рѣшилась въ понедѣльникъ увезти миссъ Рахиль въ свой домъ, находящійся въ Лондонѣ. Въ письменномъ же распоряженіи обѣимъ горничнымъ отдавались нѣкоторыя приказанія насчетъ необходимаго туалета, и назначалось время, когда онѣ должны были встрѣтить свою госпожу въ городѣ. Съ ними же приказано было отправиться и большей части слугъ. Уступая желанію миссъ Рахили не возвращаться болѣе домой, послѣ всего происшедшаго въ немъ, миледи рѣшилась отправиться въ Лондонъ прямо изъ Фризингалла. Я же, впредь до новыхъ распоряженій, долженъ былъ остаться въ деревнѣ для присмотра надъ домашнимъ и полевымъ хозяйствомъ. Слугамъ, оставшимся со мной, назначалось полное содержаніе.

Вспомнивъ по этому поводу все, что̀ говорилъ мистеръ Франклинъ о разъединеніи, водворившемся въ нашей средѣ, я естественно напалъ на мысль и о самомъ мистерѣ Франклинѣ. Чѣмъ болѣе я думалъ о немъ, тѣмъ болѣе я безпоко-

Digitized by Google

ился объ его будущемъ, и наконецъ рѣшился съ воскресною почтой написать слугѣ его батюшки, мистеру Джефко (котораго я знавалъ въ былое время), просся его увѣдомить меня, что̀ предприметъ мистеръ Франкливъ по прибытіи своемъ въ Лондонъ.

Воскресный вечеръ былъ, кажется, еще печальнѣе субботняго. Мы кончили праздничный день такъ, какъ бо̀льшая часть жителей нашего острова кончаютъ его аккуратно одинъ разъ въ недѣлю, то-есть, предупредивъ время отхода ко сну, мы всѣ задремали на своихъ стульяхъ.

Не знаю, что̀ принесъ съ собой понедѣльникъ для остальныхъ нашихъ домашнихъ; *я же* въ этотъ день испыталъ сильное потрясеніе. Именно въ понедѣльникъ и сбылось первое предсказаніе пристава Коффа, насчетъ Іолландовъ.

Отправивъ Пенелопу и горничную миледи со всѣмъ багажемъ по желѣзной дорогѣ въ Лондонъ, я бродилъ по усадьбѣ, присматривая за хозяйствомъ, какъ вдругъ слышу, что кто-то зоветъ меня. Я оглянулся назадъ и учутился лицомъ къ лицу съ дочерью рыбака, хромою Люси. За исключеніемъ хромой ноги дѣвушки и ея чрезмѣрной худобы (что̀ въ моихъ глазахъ составляетъ страшный недостатокъ въ женщинѣ), въ ней можно было бы отыскать и нѣкоторыя пріятныя для каждаго мущины качества. Смуглое, выразительное, умное лицо ея; звучный, пріятный голосъ и прекрасные, густые, темнорусые волосы были въ числѣ ея достоинствъ. Костыль былъ грустнымъ придаткомъ къ другимъ ея бѣдствіямъ; а бѣшеный нравъ довершалъ собою ея недостатки.

— А, это вы, моя милая, сказалъ я,—что̀ вамъ нужно?

— Гдѣ тотъ человѣкъ, котораго вы зовете Франкликомъ Блекомъ? спросила дѣвушка, опершись на костыль и бросивъ мнѣ свирѣпый взглядъ.

— Такъ неучтиво выражаться о джентльменѣ, сказалъ я.— Если вы желаете освѣдомиться о племянникѣ миледи, то должны называть его мистеромъ Франклиномъ Блекомъ.

Она, прихрамывая, сдѣлала шагъ впередъ и такъ дико взглянула на меня, точно заживо хотѣла меня съѣсть.

— *Мистеръ* Франкливъ Блекъ! повторила она.—Убійца Франкливъ Блекъ было бы для него болѣе приличное названіе.

Опытность, пріобрѣтенная мною въ супружеской жизни, оказалась на этотъ разъ сподручною. Если женщина хочетъ

Digitized by Google

досадить *вамъ*, то перемѣнитесь съ ней ролями и постарайтесь сами вывести *ее* изъ терпѣнія. Женщины всегда заранѣе предвидятъ всякій маневръ, который вы предпримете въ свою защиту, кромѣ этого, и одно слово въ подобномъ случаѣ стóитъ цѣлой сотни. Вотъ почему и теперь достаточно было одного слова, чтобы разбѣсить хромую Люси. Насмѣшливо глядя ей въ лицо, я проговорилъ:

— Тьфу ты пропасть!

Дѣвушка мгновенно вспыхнула. Ставъ на здоровую ногу, она схватила свой костыль и неистово ударила имъ три раза по землѣ.

— Онъ убійца, убійца, убійца! Онъ былъ виновникомъ смерти Розанны Спермана!

Она проговорила эти слова такимъ громкимъ голосомъ, что стоявшіе неподалеку человѣка два работниковъ оглянулись на насъ; но увидавъ хромую Люси, и зная чего можно отъ нея ожидать, они опять отвернулись.

— Онъ былъ виновникомъ смерти Розанны Спермана? повторилъ я. — Чтò же заставляетъ васъ предполагать это, Люси?

— А вамъ чтò за дѣло? Да и есть ли кому-нибудь надобность до этого? сказала она. — О! еслибъ она смотрѣла на мущинъ такъ, какъ я смотрю на нихъ, то навѣрное она была бы еще въ живыхъ!

— Она, бѣдняжка, всегда была хорошаго мнѣнія обо *мнѣ*, замѣтилъ я, — а я съ своей стороны ласково обращался съ *нею*.

Я произнесъ эти слова самымъ успокоительнымъ тономъ. Дѣло въ томъ, что у меня духу не достало снова раздражить ее какимъ-нибудь колкимъ отвѣтомъ. Сперва я имѣлъ въ виду только ея бѣшеный нравъ; теперь же я вспомнилъ объ ея горѣ, которое, какъ извѣстно, часто доводитъ бѣдняковъ до дерзости! Отвѣтъ мой смягчилъ хромую Люси. Она склонила голову и оперлась ею на костыль.

— Я любила ее, нѣжно сказала дѣвушка. — Она была несчастлива въ жизни; мистеръ Бетереджъ, низкіе люди дурно обходились съ ней, вели ее къ злу; но это не ожесточило ея кроткаго нрава. Она была ангелъ. Она могла бы быть счастлива со мной. Мы вмѣстѣ строили планы, чтобъ уѣхать въ Лондонъ и жить тамъ, какъ сестры, трудами рукъ нашихъ. Но этотъ человѣкъ явился здѣсь и разрушилъ мой

Digitized by Google

плавъ. Онъ околдовалъ ее. Не говорите мнѣ, будто онъ не желалъ сдѣлать это и даже не зналъ ничего объ ея любви къ нему. Онъ долженъ былъ знать это и долженъ былъ пожалѣть ее. „Жить безъ него не могу, Люси, а онъ никогда даже и не взглянетъ на меня“, часто говаривала она. Ужасно, ужасно, ужасно! „Ни одинъ мущина, отвѣчала я, не стóитъ, чтобъ объ немъ такъ сокрушались.“—„Есть мущины, за которыхъ можно жизнь свою отдать, Люси, и онъ одинъ изъ числа ихъ!“ возражала она. Я сдѣлала небольшія денежныя сбереженія, порѣшила дѣло съ батюшкой и матушкой и намѣрена была увезти ее отъ униженія, которому она здѣсь подвергалась. Мы нняли бы маленькую квартирку въ Лондонѣ и жили бы вмѣстѣ какъ сестры. Вамъ извѣстно, сэръ, что она была хорошо воспитана, имѣла прекрасный почеркъ и работа у нея кипѣла въ рукахъ. Я тоже получила воспитаніе и хорошо пишу, хотя и не такъ скоро работаю, какъ она; но все же я поспѣвала бы съ своимъ дѣломъ, и мы зажили бы припѣваючи. Но что̀ же вдругъ случилось сегодня утромъ? что̀ случилось? Получаю отъ нея письмо и узнаю, что она порѣшила съ своею жизнію. Получаю ея письмо, въ которомъ она прощается со мной навѣки.... Гдѣ онъ? воскликнула дѣвушка, приподнимая голову съ костыля, между тѣмъ какъ глаза ея, сквозь слезы, снова заблистали гнѣвомъ... Гдѣ этотъ джентльменъ, о которомъ я не должна иначе говорить, какъ съ уваженіемъ? А недалекъ тотъ день, мистеръ Бетереджъ, когда бѣдные возстанутъ противъ богатыхъ. Молю Бога, чтобъ они начали съ *него*. Молю Бога объ этомъ!

Вотъ они, соединенныя въ одномъ и томъ же лицѣ, и христіанское чувство любви, и чувство ненависти, обыкновенное слѣдствіе той же самой любви, доведенной до крайности! Самъ священникъ (сознаюсь, что это уже слишкомъ сильно сказано) едва ли бы въ состояніи былъ вразумить дѣвушку въ настоящемъ ея положеніи. Я же рѣшился только не давать ей удаляться отъ главнаго предмета, въ надеждѣ, что услышу нѣчто заслуживающее вниманія.

— Что̀ вамъ нужно отъ мистера Франклина Блека? спросилъ я.

— Мнѣ нужно его видѣть.

— По какóму-нибудь особенному дѣлу?

— Я имѣю къ нему письмо.

Digitized by Google

— Отъ Розанны Спермавъ?

— Да.

— Оно было прислано къ вамъ въ вашемъ письмѣ? спросилъ я.

— Да.

Неужели мракъ долженъ былъ разсѣяться? Неужели тѣ открытія, которыхъ я такъ жаждалъ, сами собой напрашивались на мое вниманіе. Необходимо было, однако, подождать съ минутку. Приставъ Коффъ заразилъ нашу атмосферу и, судя по нѣкоторымъ симптомамъ, я догадался, что слѣдственная горячка начинаетъ снова овладѣвать мною.

— Вы не можете видѣться съ мистеромъ Франклиномъ, сказалъ я.

— Я должна и хочу его видѣть, былъ ея отвѣтъ.

— Онъ въ прошлую ночь отправился въ Лондонъ.

Хромая Люси пристально посмотрѣла мнѣ въ лицо, и убѣдившись, что я не обманулъ ея, не говоря ни слова, немедленно повернула назадъ въ Коббсъ-Голль.

— Стойте! сказалъ я.—Къ завтрашнему дню я ожидаю извѣстій отъ мистера Франклина Блека. Дайте мнѣ ваше письмо, и я перешлю его къ нему по почтѣ.

Хромая Люси пріостановилась и посмотрѣла на меня черезъ плечо.

— Я должна передать ему это письмо изъ рукъ въ руки, сказала она,—и иначе не отдамъ его.

— Не написать ли ему о томъ, что̀ я узналъ отъ васъ?

— Напишите ему, что я ненавижу его, и вы скажете ему правду.

— Хорошо, хорошо. Но какъ же насчетъ письма?

— Если ему понадобится письмо, то пусть онъ вернется сюда и получитъ его отъ меня.

Сказавъ это, она заковыляла по дорогѣ въ Коббсъ-Голль. Достоинство мое, подъ вліяніемъ жара слѣдственной горячки, мгновенно испарилось. Я послѣдовалъ за ней и попытался было заставить ее говорить; но все было напрасно. Къ несчастью, я былъ мущина, и хромая Люси пользовалась случаемъ помучить меня. Въ тотъ же день, только немного попозже, я рѣшился попытать счастья у ея матери, но добрая мистрисъ Іолландъ въ состояніи была только плакать, да подчивать меня усладительною влагой голландскаго джина. На берегу я засталъ рыбака. „Скверное дѣло“, ска-

Digitized by Google

залъ онъ въ отвѣтъ на мои разспросы и снова принялся чинить свою сѣть. Ни отецъ Люси, ни ея мать не могли сообщить мнѣ болѣе того что̀ я уже зналъ. Оставалось испробовать послѣднее средство: завтра утромъ написать къ мистеру Франклину Блеку.

Можете себѣ вообразить, съ какимъ нетерпѣніемъ ожидалъ я во вторникъ утромъ пріѣзда почтальона. Онъ привезъ мнѣ два письма. Изъ перваго (которое я едва имѣлъ терпѣніе прочитать) я узналъ отъ Пенелопы, что миледи и миссъ Рахиль благополучно водворились въ Лондонѣ. Второе, отъ мистера Джефко, увѣдомляло меня, что сынъ его господина уже уѣхалъ изъ Англіи.

Прибывъ въ столицу, мистеръ Франклинъ, кажется, прямо отправился на квартиру своего батюшки. Онъ пріѣхалъ невпопадъ. Мистеръ Блекъ старшій, по горло занятый дѣлами палаты общинъ, забавлялся въ этотъ день любимою парламентскою игрушкой, называемою ими „проектировкой билля". Самъ мистеръ Джефко провелъ мистера Франклина въ кабинетъ его отца.

— Какъ ты изумляешь меня своимъ неожиданнымъ появленіемъ, милый Франклинъ? Или что-нибудь случилось?

— Рахиль нездорова, и это меня ужасно безпокоитъ.

— Весьма сожалѣю о ней, но слушать теперь не могу.

— Ну, а когда же вамъ *можно* будетъ это сдѣлать?

— Мой дорогой сынъ! не хочу тебя обманывать. Я весь къ твоимъ услугамъ по окончаніи сессіи, но никакъ не ранѣе. Прощай.

— Благодарю васъ, сэръ. Прощайте.

Таковъ былъ, по донесенію мистера Джефко, разговоръ, происходившій въ кабинетѣ. Разговоръ же за дверями его былъ еще менѣе продолжителенъ.

— Справьтесь, Джефко, когда отходитъ завтра первый поѣздъ, отправляющійся въ Дувръ?

— Безъ двадцати минутъ въ шесть, мистеръ Франклинъ.

— Такъ разбудите же меня въ пять.

— Вы уѣзжаете въ чужіе края, сэръ?

— Ѣду куда глаза глядятъ, Джефко.

— Прикажете доложить объ этомъ батюшкѣ?

— Да; доложите ему объ этомъ по окончаніи сессіи.

На слѣдующее утро мистеръ Франклинъ уѣхалъ за границу. Куда именно ѣхалъ онъ, этого никто не зналъ (въ

Digitized by Google

томъ числѣ и онъ самъ). Мы могли ожидать отъ него писемъ изъ Европы, Азіи, Африки или Америки. Всѣ четыре части свѣта, по мнѣнію мистера Джефко, имѣли одинакія права на мистера Франклина. Такое неблагопріятное извѣстіе, разрушивъ всякую надежду устроить свиданіе между мистеромъ Франклиномъ и хромою Люси, сразу положило конецъ моимъ дальнѣйшимъ открытіямъ. Убѣжденіе Пенелопы, будто ея подруга лишила себя жизни вслѣдствіе безнадежной любви своей къ мистеру Франклину Блеку, подтвердилось словами Люси; но затѣмъ мы ничего болѣе не узнали.

Трудно было положительно сказать, заключало ли въ себѣ предсмертное письмо Розанны то открытіе, которое, по мнѣнію мистера Франклина, она пыталась сдѣлать ему еще при жизни; или это было не болѣе какъ ея послѣднее прощальное слово и признаніе въ неудавшейся любви къ человѣку, который по своему общественному положенію стоялъ такъ неизмѣримо выше ея. А можетъ-быть, письмо заключало въ себѣ только объясненіе тѣхъ странныхъ поступковъ ея, за которыми слѣдилъ приставъ Коффъ, съ той самой минуты, какъ пропалъ Луный камень, и до того времени, когда она рѣшилась искать смерти въ зыбучихъ пескахъ. Запечатанное письмо отдано было хромой Люси и такимъ же неприкосновеннымъ осталось оно какъ для меня, такъ и для всѣхъ окружающихъ ее, не исключая даже мистера и мистрисъ Іолландъ. Мы всѣ подозрѣвали, что ей извѣстна была тайна Розанны, и дѣлали попытки разузнать отъ нея хоть что-нибудь, — но все было напрасно. Всѣ слуги, убѣжденные, что Розанна украла и спрятала алмазъ, по очередно осмотрѣли и обшарили утесы, къ которымъ вели слѣды оставленные ею на пескѣ, но и это оказалось безуспѣшнымъ. Приливъ смѣнялся отливомъ; прошло лѣто, наступила осень, а зыбучіе пески, сокрывшіе въ себѣ тѣло Розанны, схоронили вмѣстѣ съ ней и ея тайну.

Извѣстіе объ отъѣздѣ мистера Франклина изъ Англіи въ воскресенье утромъ, равно какъ и извѣстіе о прибытіи миледи съ миссъ Рахилью въ Лондонъ въ понедѣльникъ послѣ полудня, дошли до меня, какъ вамъ извѣстно, во вторникъ. Среда окончилась, не принеся съ собой ничего; въ четвергъ же пришелъ новый запасъ новостей отъ Пенелопы.

Digitized by Google

Дочь моя писала мнѣ, что одинъ знаменитый лондонскій докторъ былъ приглашенъ къ нашей молодой госпожѣ, получилъ гинею и объявилъ, что развлеченія будутъ лучшимъ для нея лѣкарствомъ. Цвѣточныя выставки, оперы, балы, словомъ, цѣлый рядъ увеселеній представлялся въ перспективѣ, и миссъ Рахиль, къ удивленію своей матери, совершенно отдалась этой шумной жизни. Мистеръ Годфрей навѣщалъ ихъ и, какъ видно, попрежнему ухаживалъ за своею кузиной, не взирая на пріемъ, который онъ встрѣтилъ съ ея стороны, пробуя свое счастье въ день ея рожденія. Къ величайшему сожалѣнію Пенелопы, онъ былъ очень радушно принятъ и тутъ же записалъ миссъ Рахиль членомъ своего благотворительнаго комитета. Госпожа моя, какъ говорятъ, была не въ духѣ и два раза имѣла долгія совѣщанія съ своимъ адвокатомъ. Затѣмъ начинались въ письмѣ нѣкоторыя разсужденія касательно одной бѣдной родственницы миледи, миссъ Клакъ, которую, въ моемъ отчетѣ о нашемъ праздничномъ обѣдѣ, я отмѣтилъ именемъ сосѣдки мистера Годфрея и большой охотницы до шампанскаго. Пенелопа удивлялась, что миссъ Клакъ не сдѣлала до сихъ поръ визита своей тетушкѣ, но впрочемъ не сомнѣвалась, что она не замедлитъ привязаться къ миледи и т. д., и т. д., тутъ сыпались насмѣшки, которыми женщины обыкновенно такъ щедро награждаютъ другъ друга въ письмахъ и на словахъ. Обо всемъ этомъ, пожалуй, и не стоило бы упоминать, еслибы не одно обстоятельство. Кажется, что распростившись со мной, читатель, вы перейдете въ руки миссъ Клакъ. Въ такомъ случаѣ сдѣлайте мнѣ одолженіе: не вѣрьте ни единому слову изъ того, что она будетъ разказывать вамъ про вашего покорнѣйшаго слугу.

Въ пятницу не произошло ничего особеннаго, за исключеніемъ того только, что у одной изъ собакъ сдѣлались за ушами болячки. Я далъ ей пріемъ настоя поддорожника, и впредь до новыхъ распоряженій посадилъ ее на діету, состоящую изъ помоевъ и растительной пищи. Прошу извинить меня, читатель, за то, что я упомянулъ объ этомъ обстоятельствѣ, но самъ не знаю какъ оно вкралось въ мой разказъ. Пропустите его, если угодно. Я уже прихожу къ концу и скоро перестану оскорблять вашъ облагороженный современный вкусъ. Но собака была славное животное и заслуживала хорошаго ухода, право такъ.

Digitized by Google

Суббота, послѣдній день недѣли, есть вмѣстѣ съ тѣмъ и послѣдній день моего повѣствованія.

Утренняя почта привезла мнѣ сюрпризъ въ формѣ лондонской газеты. Пораженный почеркомъ адреса, выставленнаго на конвертѣ, я сравнилъ его съ написаннымъ въ моей карманной книжкѣ именемъ и адресомъ лондонскаго закладчика, и сразу узналъ въ немъ руку пристава Коффа.

Сдѣлавъ это открытіе, я съ жадностью пробѣжалъ листокъ и напалъ на одно изъ объявленій полиціи, кругомъ обведенное чернилами. Вотъ оно, къ вашимъ услугамъ. Прочтите его вмѣстѣ со мной, читатель, и вы вполнѣ оцѣните вѣжливое вниманіе пристава Коффа, приславшаго мнѣ газету.

„*Ламбетъ*. Незадолго до закрытія суда, мистеръ Септемій Локеръ, извѣстный продавецъ старинныхъ драгоцѣнностей, скульптурныхъ и рѣзныхъ вещей и пр., и пр., обратился къ засѣдавшему судьѣ за совѣтомъ. Проситель заявилъ, что въ продолженіе дня ему неоднократно докучали какіе-то бродячіе Индѣйцы, которыми въ настоящее время переполнены наши улицы. Ихъ было трое. Несмотря на то что полиція велѣла имъ удалиться, они снова и снова возвращались, и даже дѣлали попытки войдти въ домъ, подъ тѣмъ будто бы предлогомъ, чтобы попросить милостыни. Хотя ихъ и прогнали отъ главной двери, но они снова очутились у задняго входа. Жалуясь на безпокойство, доставляемое ими, мистеръ Локеръ изъявилъ и нѣкоторое опасеніе насчетъ того, не злоумышляютъ ли они противъ его собственности. Въ коллекціи его находилось множество единственныхъ, въ своемъ родѣ, неоцѣненныхъ драгоцѣнностей классическаго и восточнаго міра. Наканунѣ еще онъ вынужденъ былъ разчитать одного искуснаго рѣщика (какъ кажется, уроженца Индіи), котораго подозрѣвалъ въ покушеніи на воровство; и мистеръ Локеръ предполагалъ, будто человѣкъ этотъ и уличные фокусники, на которыхъ онъ жаловался, дѣйствуютъ теперь заодно. Цѣль ихъ, можетъ-быть, состоитъ именно въ томъ, чтобы собрать толпу, произвести тревогу на улицѣ, и пользуясь общею суматохой, забраться въ домъ. Отвѣчая на вопросы судьи, проситель заявилъ, что не имѣетъ очевидныхъ доказательствъ противъ замышляемой попытки на воровство, и можетъ только положительно жаловаться на докучливость и безпокойство, доставляемое ему Индѣйцами. Судья предупредилъ просителя, что если и впредь Индѣйцы не перестанутъ безпокоить его, то онъ въ правѣ будетъ призвать ихъ къ суду, гдѣ съ ними немедленно поступлено будетъ по закону. Что же касается до драгоцѣнностей, находящихся во владѣніи мистера Локера, то онъ совѣтовалъ ему принять всевозможныя

Digitized by Google

мѣры для надежнѣйшаго охраненія ихъ, прибавивъ, что, пожалуй, не лишнее будетъ объявить объ этомъ полиціи и послѣдовать ея указаніямъ, основаннымъ на опытности ея въ подобныхъ дѣлахъ. Затѣмъ проситель поблагодарилъ судью и удалился."

Разказываютъ, что одинъ изъ древнихъ философовъ (не помню по какому случаю) совѣтовалъ своимъ ближнимъ „всегда имѣть въ виду конецъ дѣла". Размышляя нѣсколько дней тому назадъ о томъ, какой будетъ конецъ этихъ странницъ и какъ удастся мнѣ сладить съ нимъ, я нашелъ, что простое изложеніе заключительныхъ фактовъ выйдетъ само собой какъ нельзя болѣе складно. Описывая исторію Луннаго камня, мы не выходили изъ области чудеснаго и кончаемъ ее теперь самымъ удивительнымъ чудомъ, а именно: разказомъ о трехъ предсказаніяхъ пристава Коффа, которыя всѣ сбылись въ продолженіе одной недѣли.

Получивъ извѣстіе объ Іолландахъ въ понедѣльникъ, я вслѣдъ затѣмъ узналъ объ Индѣйцахъ и о закладчикѣ изъ присланныхъ мнѣ лондонскихъ газетъ, такъ какъ въ то время, если помните, читатель, сама миссъ Рахиль была уже въ Лондонѣ. Сами видите, что я представляю вещи въ наихудшемъ свѣтѣ, не взирая на то что это противорѣчитъ моему собственному взгляду. Если же, руководствуясь очевидностію, вы заключите, что миссъ Рахиль заложила мистеру Локеру Лунный камень, и покинувъ меня, примкнете къ сторонѣ пристава, то я, признаться сказать, не въ состояніи буду слишкомъ порицать васъ за сдѣланное вами заключеніе. Во мракѣ добрели мы съ вами до этого мѣста разказа и во мракѣ же я вынужденъ буду покинуть васъ, почтеннѣйшій читатель.

„Почему же такъ?" спросятъ меня, пожалуй. Почему я отказываюсь ввести читателя, который такъ долго странствовалъ вмѣстѣ со мной, въ область высшаго знанія, въ которой я самъ нахожусь теперь?

Въ оправданіе свое я могу отвѣтить только одно, что дѣйствую не произвольно, а по приказанію другихъ, и что такія распоряженія сдѣланы были въ интересахъ истины. Мнѣ воспрещено разказывать здѣсь болѣе того, что̀ было мнѣ извѣстно въ то время; проще сказать, придерживаясь только указаній собственнаго опыта, я не долженъ говорить того, что̀ узналъ въ послѣдствіи отъ другихъ лицъ, по той

Digitized by Google

достаточной причинѣ, что вы услышите все это изъ первыхъ рукъ отъ самихъ очевидцевъ. Главная же цѣль разказа о Луиномъ камнѣ заключается не въ простомъ сгруппированіи фактовъ, а въ свидѣтельствѣ очевидцевъ. Мое воображеніе рисуетъ мнѣ почтеннаго члена семейства, занятаго 50 лѣтъ спустя чтеніемъ этихъ страницъ. Боже! какъ будетъ онъ считать себя польщеннымъ, когда его попросятъ ничего не принимать на вѣру и отнесутся къ нему, какъ къ судьѣ, отъ котораго ждутъ приговора!

Итакъ, послѣ долгаго путешествія, совершеннаго вмѣстѣ мы теперь разстаемся съ вами, читатель, унося съ собой надѣюсь, чувство взаимнаго уваженія другъ къ другу.

Чертовская пляска индѣйскаго алмаза довела его до Лондона, куда и вы, читатель, должны будете послѣдовать за нимъ, оставивъ меня въ деревенскомъ домѣ. Прошу извиненія за недостатки этого сочиненія, за мои безконечные толки о самомъ себѣ и за то, что я былъ, можетъ-быть, чересчуръ фамиліаренъ съ вами. Но право я не имѣлъ дурнаго умысла и на прощанье почтительно выпиваю за ваше здоровье и благоденствіе (я только что пообѣдалъ) кружку эля изъ погреба миледи. Желаю, чтобы вы вынесли изъ моего повѣствованія то, что Робинзонъ Крузо вынесъ изъ жизни своей на необитаемомъ островѣ, а именно то утѣшительное сознаніе, что между дурнымъ и хорошимъ, встрѣчаемымъ какъ въ жизни, такъ и въ этомъ разказѣ, перевѣсъ все-таки остается на сторонѣ послѣдняго.

Digitized by Google

ПЕРІОДЪ ВТОРОЙ. РАСКРЫТІЕ ИСТИНЫ.

(1848—1849.)

СОБЫТІЯ, ОПИСАННЫЯ ВЪ НѢСКОЛЬКИХЪ ОТДѢЛЬНЫХЪ РАЗКАЗАХЪ.

Разказъ 1-й, сообщаемый миссъ Клакъ, племянницей покойнаго сэръ-Джона Веринджеръ.

I.

Я благодарна своимъ дорогимъ родителямъ (царство имъ небесное), за то что они пріучали меня съ самаго юнаго возраста къ точности и порядку.

Въ это блаженное былое время меня обязывали быть гладко причесанною во всякое время дня и ночи и каждый день передъ отходомъ ко сну заставляли меня, тщательно свернувъ свое платье, класть его въ томъ же порядкѣ, на тотъ же самый стулъ, въ одномъ и томъ же мѣстѣ, у изголовья моей постели. Уборкѣ моего платья неизмѣнно предшествовало вписываніе каждодневныхъ событій въ мой маленькій дневникъ, а за ней также неизмѣнно слѣдовала (произносимая въ постели) вечерняя молитва, послѣ которой, въ свою очередь, наступалъ сладкій дѣтскій сонъ.

Въ послѣдствіи (увы!) молитву смѣнили печальныя и горькія думы, а сладкій сонъ перешелъ въ неспокойную дремоту, которая всегда посѣщаетъ изголовье озабоченнаго бѣдняка. Что же касается до остальныхъ моихъ привычекъ, то я попрежнему продолжала складывать свое платье и вести свой маленькій дневникъ. Первая изъ этихъ привычекъ

Digitized by Google

составляетъ собой звено, соединяющее меня съ тою порой моего счастливаго дѣтства, когда благосостояніе моего отца еще не было разрушено. Вторая же (съ помощью которой я стараюсь обуздывать свою грѣховную природу, наслѣдованную нами отъ Адама) неожиданно оказалась пригодною совершенно въ иномъ смыслѣ, для моихъ скромныхъ матеріальныхъ нуждъ. Это дало возможность *мнѣ*, бѣдной родственницѣ, исполнить прихоть богатаго члена нашей фамиліи. Я почитаю себя весьма счастливою, что могу оказать пользу (разумѣется, въ мірскомъ значеніи этого слова) мистеру Франклину Блеку.

За послѣднее время я лишена была всякихъ извѣстій о благоденствующей отрасли нашей фамиліи. Когда человѣкъ бѣденъ и живетъ въ уединеніи, то онъ почти всегда забывается всѣми. Въ настоящее время я живу изъ экономіи въ маленькомъ городкѣ Бретани, гдѣ, посреди избраннаго кружка моихъ степенныхъ соотечественниковъ, я пользуюсь преимуществомъ имѣть всегда подъ рукой протестантскаго священника и дешевый рынокъ.

Въ это-то уединенное мѣстечко, своего рода Патмосъ, окруженный бурнымъ океаномъ папизма, до меня дошло наконецъ письмо изъ Англіи, которое извѣстило меня, что мистеръ Франклинъ Блекъ внезапно вспомнилъ о моемъ ничтожномъ существованіи. Мой богатый родственникъ,—желала бы я имѣть право добавить: мой нравственно-богатый родственникъ,—не дѣлая ни малѣйшей попытки замаскировать отъ меня настоящую цѣль своего письма, не стѣсняясь, объявляетъ, что имѣетъ во мнѣ нужду. Ему пришла въ голову фантазія воспроизвести въ разказѣ печальную исторію Луннаго камня. Онъ проситъ меня содѣйствовать этому дѣлу письменнымъ изложеніемъ тѣхъ обстоятельствъ, которыхъ я была свидѣтельницей въ домѣ тетушки Верриндеръ въ Лондонѣ, и съ безцеремонностью, свойственною исключительно богачамъ, предлагаетъ мнѣ за это денежное вознагражденіе. Я должна буду раскрыть раны, которыя едва уврачевало время; должна буду воскресить въ своей памяти самыя тягостныя воспоминанія, и въ награду за все это мистеръ Блекъ обѣщаетъ мнѣ новое униженіе въ видѣ его банковаго билета. Я по природѣ своей несовершенна, и потому я вынуждена была вынести тяжкую внутреннюю борьбу, прежде чѣмъ христіанское смиреніе побѣдило мою

Digitized by Google

грѣховную гордость и заставило меня съ самоотверженіемъ принять предлагаемый мнѣ банковый билетъ. Не будь у меня дневника подъ рукой, я сомнѣваюсь, была ли бы я въ состояніи (скажу не обинуясь) честно заслужить свою плату. Съ помощью же его бѣдная труженица (которая прощаетъ мистеру Блеку нанесенное ей оскорбленіе) сдѣлается достойною своей награды. Ни одно изъ происшествій того времени не ускользнуло отъ моей наблюдательности. Каждое обстоятельство (благодаря привычкамъ, пріобрѣтеннымъ мною съ дѣтства) день за день вписывалось въ надлежащемъ порядкѣ въ мой дневникъ, и потому все до малѣйшихъ подробностей должно имѣть свое мѣсто въ этомъ разказѣ. Мое священное благоговѣніе передъ истиной (благодаря Бога) стоитъ недосягаемо выше моего уваженія къ лицамъ. Мистеръ Блекъ можетъ вычеркнуть изъ этихъ страницъ то, что покажется ему говорящимъ не въ пользу главнаго дѣйствующаго лица этого разказа. Онъ купилъ мое время, но при всемъ *своемъ* богатствѣ, онъ не въ силахъ былъ бы купить вмѣстѣ съ тѣмъ и мою совѣсть.*

Справившись съ своимъ дневникомъ, я узнала, что въ понедѣльникъ, 3-го іюля 1848 г., я случайно проходила мимо дома тетушки Верриндеръ, находящемся въ Монтегю Скверѣ.

Увидавъ, что ставни отперты, а гардинки спущены, я почувствовала себя обязанною изъ вѣжливости позвонить и

* *Примѣчаніе, прибавленное рукою Франклина Блека*: Миссъ Клакъ можетъ быть совершенно спокойна на этотъ счетъ. Въ рукописи ея, такъ же какъ и во всѣхъ остальныхъ рукописяхъ, которыя я собираю, не будетъ сдѣлано никакихъ прибавокъ, измѣненій или изъятій. Какія бы мнѣнія ни высказывали авторы, какъ бы ни относились они къ лицамъ и событіямъ; какъ бы ни искажали разказъ свой въ литературномъ отношеніи, они все-таки могутъ быть увѣрены, что каждая строчка съ начала до конца этого повѣствованія останется неприкосновенною. Я сохраню эти рукописи въ томъ видѣ, въ какомъ получилъ ихъ; это подлинныя документы, значеніе которыхъ возвышается чрезъ свидѣтельство очевидцевъ, могущихъ подтвердить истину приводимыхъ ими фактовъ. Въ заключеніе прибавлю только одно: что особа, которая есть „главное дѣйствующее лицо разказа“ миссъ Клакъ, такъ счастлива въ настоящую минуту, что не только не страшится упражненій ядовитаго пера ея, но даже признаетъ за нимъ одну весьма важную заслугу, а именно: посредствомъ его обрисовалась личность самой миссъ Клакъ.

Digitized by Google

освѣдомиться о тетушкѣ. Особа, отворившая мнѣ дверь, объявила мнѣ, что тетушка и дочь ея (право не могу называть ее кузиной!) съ недѣлю уже какъ пріѣхали изъ деревни и намѣрены пробыть нѣкоторое время въ Лондонѣ. Отказываясь безпокоить ихъ своимъ визитомъ, я послала только доложить имъ о себѣ и узнать, не могу ли быть имъ чѣмъ-нибудь полезною.

Особа, отворившая мнѣ дверь, въ презрительномъ молчаніи выслушала мое порученіе и ушла, оставивъ меня въ передней. Она дочь этого отверженнаго старикашки, Бетереджа,—долго, слишкомъ долго терпимаго въ семействѣ тетушки. Въ ожиданіи отвѣта я сѣла въ передней, и постоянно имѣя въ своемъ ридикюлѣ маленькій запасъ душеспасительнаго чтенія, я выбрала одну изъ книжекъ, которая точно нарочно написана была для особы, отворявшей мнѣ дверь. Передняя была грязная, а стулъ жесткій, но утѣшительное сознаніе, что я плачу за зло добромъ, ставило меня недосягаемо выше подобныхъ мелочныхъ обстоятельствъ. Брошюрка эта принадлежала къ разряду тѣхъ сочиненій, которыя бесѣдуютъ съ молодыми женщинами по поводу ихъ предосудительныхъ туалетовъ. Оно написано было въ самомъ популярномъ духѣ, имѣло нравственно-религіозный характеръ и носило слѣдующее заглавіе: „Бесѣда съ читательницей о ленточкахъ ея чепца.“

— Миледи благодаритъ васъ за вниманіе и приглашаетъ васъ на завтрашній полдникъ къ двумъ часамъ, сказала особа, отворявшая мнѣ дверь.

Не обративъ вниманія ни на манеру, съ которою она передала мнѣ возложенное на нее порученіе, ни на дерзкую смѣлость ея взгляда, я поблагодарила эту молодую отверженницу и сказала ей тономъ христіанскаго участія:

— Сдѣлайте одолженіе, моя милая, примите отъ меня эту книжечку на память.

Она посмотрѣла на заглавіе.

— Кто написалъ ее мистъ? Мущина или женщина? Если женщина, то я лучше вовсе не стану читать ея. Если же мущина, то прошу васъ передать ему отъ меня, что онъ ровно ничего не смыслитъ въ этихъ дѣлахъ.

Она возвратила мнѣ книжечку и отворила предо мной двери. Однако подобныя выходки не должны смущать васъ, и мы всѣми силами обязаны стараться сѣять доброе сѣмя.

Digitized by Google

Выждавъ поэтому, чтобы за мною заперли дверь, я опустила одну книжечку въ почтовый письменный ящикъ, а затѣмъ просунувъ другую сквозь рѣшетку двора, я наконецъ почувствовала себя хотя въ малой степени облегченною отъ тяжелой отвѣтственности предъ своими ближними.

Въ тотъ же самый вечеръ, въ избирательномъ комитетѣ „Материнскаго Общества Дѣтской Одежды", назначенъ былъ митингъ. Цѣль этого прекраснаго благотворительнаго учрежденія состоитъ въ томъ, какъ извѣстно всякому дѣльному человѣку, чтобы выкупать изъ залога просроченные отцовскіе брюки, и въ отвращеніе тѣхъ же самыхъ поступковъ со стороны неисправимаго родителя, немедленно перешивать ихъ по росту невиннаго сына. Въ то время я была членомъ избирательнаго комитета и потому лишь упоминаю здѣсь о нашемъ Обществѣ, что мой безцѣнный и прекрасный другъ мистеръ Годфрей Абльвайтъ принималъ участіе въ нашемъ нравственно и вещественно полезномъ дѣлѣ. Я предполагала встрѣтить его вечеромъ того понедѣльника, о которомъ я теперь говорю, и собиралась при свиданіи въ мастерской сообщить ему о пріѣздѣ дорогой тетушки Верриндеръ въ Лондонъ. Къ величайшему моему разочарованію онъ вовсе не пріѣхалъ. Когда я высказала удивленіе по поводу его отсутствія, то сестры-благотворительницы, оторвавъ глаза отъ работы (въ тотъ вечеръ мы всѣ были заняты передѣлкой старыхъ брюкъ), въ изумленіи спросили меня, неужто я ничего не знаю о случившемся. Я призналась имъ въ своемъ полномъ невѣдѣніи, и тутъ только въ первый разъ мнѣ разказали о происшествіи, которое, какъ говорится, составляетъ точку отправленія настоящаго разказа.

Въ прошлый понедѣльникъ два джентльмена, занимавшіе совершенно различныя положенія въ свѣтѣ, сдѣлались жертвами величайшаго злодѣянія, поразившаго весь Лондонъ.

Одинъ изъ джентльменовъ былъ мистеръ Септемій Локеръ, изъ Ламбета, другой—мистеръ Абльвайтъ.

Живя теперь въ совершенномъ уединеніи, я не имѣю возможности представить въ своемъ разказѣ подлинное объявленіе газетъ о томъ, какъ совершилось это злодѣяніе. Даже и въ то время я лишена была драгоцѣннаго преимущества слышать этотъ разказъ изъ устъ увлекательно-краснорѣчиваго мистера Годфрея Абльвайта. Все, что я могу сдѣлать, это изложить вамъ факты въ тѣхъ же словахъ, въ

Digitized by Google

какихъ они были переданы мнѣ въ понедѣльникъ вечеромъ, соблюдая при этомъ неизмѣнный порядокъ, которому еще съ дѣтства слѣдовала я при уборкѣ своего платья, а именно: всему свое мѣсто и время. Не забудьте, что строки эти писаны бѣдною, слабою женщиной; а развѣ у кого-либо достаетъ жестокости требовать бо́льшаго отъ ея слабыхъ силъ?

Это случилось (благодаря моимъ дорогимъ родителямъ я поспорю въ хронологіи съ любымъ календаремъ) въ пятницу 30-го іюня, 1848 года.

Рано утромъ въ этотъ знаменательный день нашъ даровитый мистеръ Годфрей отправился въ контору банка, въ Ломбардскую улицу, чтобы размѣнять свой банковый билетъ. Названіе фирмы какъ-то нечаянно стерлось въ моемъ дневникѣ, а благоговѣйное уваженіе къ истинѣ воспрещаетъ мнѣ въ подобномъ дѣлѣ говорить что-либо на-обумъ. Къ счастію, нѣтъ никакой надобности въ названіи фирмы. Главная суть въ томъ, что̀ приключилось послѣ того какъ мистеръ Годфрей покончилъ свое дѣло въ банкѣ. Подойдя къ двери, онъ встрѣтилъ совершенно незнакомаго ему джентльмена, который случайно выходилъ изъ конторы въ то же самое время какъ и онъ. Между ними возникъ минутный церемонный споръ о томъ, кто первый долженъ пройдти чрезъ двери банка. Незнакомецъ настаивалъ на томъ, чтобы мистеръ Годфрей прошелъ первый; тогда мистеръ Годфрей учтиво поблагодарилъ его, а затѣмъ они раскланялись и разошлись въ разныя стороны.

Легкомысленные и недальновидные люди, можетъ-статься, будутъ порицать меня за ту излишнюю подробность, съ которою я описываю весьма пустой, повидимому, случай. О, мои молодые друзья и грѣшные братья! Остерегайтесь и не дерзайте полагаться на вашъ ограниченный разсудокъ. О, будьте нравственно опрятны! Пусть вѣра ваша будетъ также чиста какъ ваши чулки, а чулки ваши также чисты какъ ваша вѣра, и то и другое безъ малѣйшаго пятна и всегда готовые безбоязненно предстать на общій судъ.

Тысячу разъ прошу извинить меня. Я незамѣтно перешла къ стилю воскресныхъ школъ. Но онъ не годится для настоящаго разсказа. Попробую же заговорить на свѣтскій ладъ и скажу только, что нерѣдко пустяки ведутъ въ этомъ и въ другихъ подобныхъ случаяхъ къ ужаснымъ результатамъ. Теперь же, упомянувъ, что вѣжливый незнакомецъ былъ

Digitized by Google

мистеръ Локеръ изъ Ламбета, мы послѣдуемъ за мистеромъ Годфреемъ въ его квартиру, въ Кильбурскую улицу.

Придя домой, онъ увидалъ, что въ передней ожидаетъ его бѣдно одѣтый, но миловидный, худенькій мальчикъ. Ребенокъ подалъ ему письмо, сказавъ, что оно вручено ему было старою незнакомою леди, которая не предупредила его даже о томъ, долженъ ли онъ ждать отвѣта или нѣтъ. Подобные случаи встрѣчались нерѣдко во время дѣятельнаго служенія мистера Годфрея на поприщѣ общественной благотворительности. Онъ отпустилъ мальчика и распечаталъ письмо.

Письмомъ этимъ, написаннымъ совершенно незнакомымъ ему почеркомъ, его приглашали на часъ времени въ Нортумберландскую улицу, близь набережной, въ домъ, гдѣ ему ни разу не приходилось бывать прежде. Свиданіе это назначалось ему какою-то престарѣлою леди съ тою цѣлью, чтобы получить отъ уважаемаго директора подробныя свѣдѣнія насчетъ Материнскаго Общества Дѣтской Одежды. Леди эта готова была щедрою рукой содѣйствовать увеличенію средствъ благотворительнаго общества, еслибы только вопросы ея получили желаемое разрѣшеніе. Въ концѣ письма она назвала себя по имени, прибавивъ, что краткость ея пребыванія въ Лондонѣ лишаетъ ее удовольствія войдти въ болѣе продолжительныя сношенія съ знаменитымъ филантропомъ.

Обыкновенные люди, можетъ-быть, колебались бы оставить свои собственныя занятія для нуждъ совершенно незнакомаго имъ человѣка. Истинный же христіанинъ никогда не колеблется предъ возможностью сдѣлать добро, и потому мистеръ Годфрей немедленно отправился въ назначенный домъ въ Нортумберландскую улицу. Человѣкъ очень почтенной наружности, но нѣсколько тучной корпуленціи, отворилъ дверь, и услыхавъ имя мистера Годфрея, немедленно повелъ его въ пустую комнату, находившуюся въ задней части бельэтажа. Войдя въ гостиную, мистеръ Годфрей замѣтилъ двѣ необыкновенныя вещи: слабый, смѣшанный запахъ мускуса и камфары и раскрытую на столѣ старинную восточную рукопись, разукрашенную индѣйскими фигурами и девизами. Занявшись разсматриваніемъ рукописи, мистеръ Годфрей сталъ спиной къ запертымъ створчатымъ дверямъ, которыя сообщались съ передними комнатами дома, какъ вдругъ, не слыхавъ ни малѣйшаго шуму, который бы могъ предостеречь его отъ опасности, онъ почувство-

Digitized by Google

валъ, что сзади хватаютъ его за шею. Едва успѣлъ онъ замѣтить темнобурый цвѣтъ схватившей его руки, какъ уже глаза его были завязаны, ротъ зажатъ и, безпомощный, онъ повалевъ былъ (какъ ему показалось) двумя человѣками на полъ. Третій же между тѣмъ принялся шарить въ его карманахъ и,— если леди позволительно такъ выразиться, безъ церемоніи раздѣлъ его и обыскалъ съ ногъ до головы. Желала бы очень сказать нѣсколько похвальныхъ словъ по поводу той благоговѣйной надежды на Промыслъ, которая одна лишь поддержала мистера Годфрея въ его тяжеломъ испытаніи. Но видъ и положеніе, въ которомъ находился мой несравненный другъ въ самую критическую минуту злодѣянія (какъ описано выше), едва ли составляютъ предметъ приличный для обсужденія женщины. Пройдемъ же лучше молчаніемъ эти немногія послѣдующія минуты и станемъ продолжать разказъ о мистерѣ Годфреѣ съ того времени, когда окончился гнусный обыскъ его. Незримые для мистера Годфрея негодяи въ безмолвіи свершили свой злодѣйскій поступокъ, и только окончивъ его, обмѣнялись между собой нѣсколькими словами. Языкъ, которымъ они говорили, былъ непонятенъ для мистера Годфрея, но въ интонаціи ихъ голоса слишкомъ ясно слышались злоба ихъ и негодованіе. Его внезапно приподняли съ полу, посадили на стулъ и связали по рукамъ и по ногамъ. Чрезъ минуту послѣ того онъ почувствовалъ струю свѣжаго воздуха, долетавшаго до него чрезъ открытую дверь; прислушался и убѣдился, что никого нѣтъ въ комнатѣ.

Нѣсколько времени спустя онъ услышалъ внизу шорохъ, похожій на шуршанье женскаго платья; шорохъ этотъ приближался по лѣстницѣ, наконецъ смолкъ, и женскіе крики огласили преступную атмосферу.

— Что̀ тамъ случилось? послышался снизу и мужской голосъ, и вслѣдъ за тѣмъ мужскіе шаги раздались на лѣстницѣ. Тутъ почувствовалъ мистеръ Годфрей, что милосердые пальцы принялись развязывать его повязку.... Въ изумленіи взглянулъ онъ на стоявшихъ предъ нимъ двухъ незнакомыхъ ему мущину и даму и чуть слышно прошепталъ: „что̀ все это значитъ, что̀ со мной сдѣлали?“ Почтенные незнакомцы въ свою очередь смотрѣли на него съ удивленіемъ и отвѣчали: „мы то же самое хотѣли спросить у *васъ*.“ Тутъ начались неизбѣжныя объясненія. Нѣтъ! поста-

Digitized by Google

раюсь придерживаться болѣе строгой точности. Сперва привесены были эѳиръ и вода для успокоенія нервовъ дорогаго мистера Годфрея, а за тѣмъ уже послѣдовало объясненіе.

Изъ разказовъ хозяина и хозяйки дома (людей вполнѣ уважаемыхъ въ своемъ сосѣдствѣ) оказалось, что комнаты перваго и втораго этажа на извѣстную недѣлю нанятъ были накануне однимъ джентльменомъ весьма почтенной наружности, тѣмъ самымъ, который, какъ сказано выше, отворялъ дверь мистеру Годфрею. Заплативъ впередъ за недѣлю постоя и за всѣ недѣльныя издержки, джентльменъ объявилъ, что помѣщеніе это нанято имъ для трехъ знатныхъ друзей его, въ первый разъ пріѣхавшихъ съ Востока въ Англію. Рано поутру того дня, въ который свершилось злодѣяніе, двое изъ этихъ чужестранцевъ, сопровождаемые своимъ почтеннымъ англійскимъ другомъ, заняли свою квартиру. Въ самомъ непродолжительномъ времени къ нимъ долженъ былъ присоединиться и третій квартирантъ; но принадлежащій имъ багажъ (весьма объемистый по ихъ словамъ) долженъ былъ прибыть послѣ осмотра въ таможнѣ, то-есть не ранѣе какъ вечеромъ. Минутъ за десять до пріѣзда мистера Годфрея прибылъ и третій чужестранецъ. До сихъ поръ внизу не произошло ничего достойнаго вниманія хозяина и хозяйки дома, и только пять минутъ тому назадъ они увидали трехъ иностранцевъ, которые, въ сопровожденіи своего почтеннаго англійскаго друга, вышли всѣ вмѣстѣ изъ дому и преспокойно направились къ набережной. Вспомнивъ, что у нихъ былъ посѣтитель, котораго теперь не видно было между ними, хозяйка подивилась, зачѣмъ джентльмена оставили одного на верху. Посовѣтовавшись съ своимъ супругомъ, она сочла благоразумнымъ удостовѣриться своими глазами, не случилось ли чего недобраго. Я уже пробовала передавать читателю о результатѣ ея рѣшенія идти на верхъ, на чемъ и оканчиваются показанія хозяина и хозяйки дома.

Затѣмъ послѣдовалъ обыскъ комнаты, гдѣ найдены были разбросанныя во всѣхъ углахъ вещи дорогаго мистера Годфрея. Когда онѣ были подобраны, то все оказалось на лицо: часы, цѣпочка, ключи, кошелекъ, носовой платокъ, памятная книжка и всѣ находившіяся при немъ бумаги были тщательно пересмотрѣны и въ цѣлости оставлены владѣльцу. Всѣ хозяйскія вещи остались также нетронутыми.

Digitized by Google

Знатные чужестранцы увезли съ собой свой разукрашенный манускриптъ, но ничего болѣе.

Какъ растолковать это обстоятельство?

Разсуждая о немъ съ мірской точки зрѣнія, можно было заключить, что мистеръ Годфрей сдѣлался жертвой необъяснимой ошибки какихъ-то неизвѣстныхъ людей. Посреди насъ состоялся ихъ злодѣйскій заговоръ, и нашъ дорогой и невинный другъ попался въ его сѣти. Какимъ поучительнымъ предостереженіемъ должно служить для всѣхъ насъ зрѣлище христіанина-подвижника, попадающаго въ ловушку, разставленную ему по ошибкѣ! Какъ часто наши порочныя страсти, такъ же какъ и эти восточные чужестранцы, могутъ неожиданно вовлечь насъ въ погибель!

Я въ состояніи была бы написать на одну эту тему цѣлыя страницы дружескаго предостереженія, но (увы!) мнѣ не позволено поучать—я осуждена только разказывать. Банковый билетъ, обѣщанный мнѣ моимъ богатымъ родственникомъ—и отнынѣ служащій отравой моего существованія—напоминаетъ мнѣ, что я еще не окончила разказа о злодѣяніи.

Мы вынуждены, пожелавъ выздоровленія мистеру Годфрею, оставить его пока въ Нортумберландской улицѣ и прослѣдить приключенія мистера Локера, случившіяся въ болѣе поздній періодъ того же самаго дня.

Выйдя изъ банка, мистеръ Локеръ перебывалъ по своимъ дѣламъ въ разныхъ частяхъ Лондона. Вернувшись домой, онъ нашелъ письмо, которое не за долго предъ тѣмъ было принесено къ нему мальчикомъ. Оно написано было, какъ и письмо мистера Годфрея, незнакомымъ почеркомъ; но имя, выставленное въ концѣ письма, принадлежало одному изъ обычныхъ покупателей мистера Локера. Корреспондентъ извѣщалъ его (письмо было написано въ третьемъ лицѣ, вѣроятно, чрезъ посредство секретаря), что онъ неожиданно былъ вызванъ въ Лондонъ. Онъ только что занялъ квартиру на площади Альфреда и желалъ бы немедленно повидаться съ мистеромъ Локеромъ по поводу предстоявшей ему покупки. Джентльменъ этотъ былъ ревностный собиратель восточныхъ древностей и уже многіе годы состоялъ щедрымъ кліентомъ торговаго дома въ Ламбетѣ. О! когда перестанемъ мы служить мамонѣ! Мистеръ Локеръ взялъ кебъ и немедленно отправился къ своему щедрому покупателю.

Digitized by Google

Все что случилось съ мистеромъ Годфреемъ въ Нортумберландской улицѣ, повторилось теперь и съ мистеромъ Локеромъ на площади Альфреда. Опять человѣкъ почтенной наружности отворилъ дверь и провелъ посѣтителя на верхъ; въ отдаленную гостиную. Тамъ точно также на столѣ лежала разукрашенная индѣйская рукопись: мистеръ Локеръ, какъ и мистеръ Годфрей, съ величайшимъ вниманіемъ сталъ разсматривать это прекрасное произведеніе индѣйскаго искусства, какъ вдругъ посреди своихъ наблюденій онъ внезапно почувствовалъ, что голая, темно-бурая рука обвила его шею. Ему завязали глаза, заткнули ротъ, повалили на полъ, и обыскавъ до-нога, наконецъ оставили одного. Въ этомъ положеніи оставался онъ долѣе нежели мистеръ Годфрей; но дѣло кончилось тою же развязкой: появленіемъ хозяевъ дома, которые, подозрѣвая что-то недоброе, пошли посмотрѣть, не случилось ли чего на верху. Показанія ихъ, сдѣланныя мистеру Локеру, ничѣмъ не розвились отъ показаній, которыя получилъ мистеръ Годфрей отъ хозяевъ въ Нортумберландской улицѣ. Какъ тѣ такъ и другіе обмануты были весьма правдоподобною выдумкой и туго набитымъ кошелькомъ почтеннаго незнакомца, который объявилъ, что хлопочетъ для своихъ иностранныхъ друзей. Одно только различіе замѣчено было между этими двумя происшествіями, послѣ того какъ вещи выброшенныя изъ кармановъ мистера Локера подобраны были съ полу. Его часы и кошелекъ были цѣлы, но (менѣе счастливый нежели мистеръ Годфрей) онъ не досчитался одной изъ находившихся при немъ бумагъ. Это была квитанція на полученіе очень цѣнной вещи, которую мистеръ Локеръ отдалъ въ этотъ день на сбереженіе своимъ банкирамъ. Документъ этотъ не могъ служить чьимъ-либо воровскимъ цѣлямъ, такъ какъ въ роспискѣ упомянуто было, что драгоцѣнность имѣетъ быть возвращена только по личному востребованію самого владѣльца. Какъ только мистеръ Локеръ опомнился отъ ужаса, онъ поспѣшилъ въ банкъ, въ томъ предположеніи, что воры, обокравшіе его, по невѣдѣнію своему предъявятъ росписку въ контору банка. Однако ни тогда, ни послѣ они и не появлялись тамъ. Ихъ почтенный англійскій другъ (по мнѣнію банкировъ), вѣроятно, разсмотрѣлъ квитанцію прежде чѣмъ они вздумали воспользоваться ею, и успѣлъ во-время предостеречь ихъ.

Digitized by Google

Объ этихъ двухъ злодѣяніяхъ извѣстили полицію, и, какъ видно, необходимые розыски приняты были ею съ большою энергіей. Лица, облеченныя властью, придерживались того мнѣнія, что воры приступили къ дѣлу съ весьма недостаточными свѣдѣніями. Они не знали даже, довѣрилъ ли мистеръ Локеръ выдачу своей драгоцѣнности другому лицу, или нѣтъ, и бѣдный, учтивый мистеръ Годфрей поплатился за свой случайный разговоръ съ нимъ. Прибавлю къ этому, что мистеръ Годфрей не былъ на нашемъ вечернемъ митингѣ по тому случаю, что былъ приглашенъ на совѣщаніе властей, а затѣмъ, разъяснивъ всѣ необходимыя обстоятельства этого дѣла, я стану продолжать менѣе интересный разказъ моихъ личныхъ впечатлѣній въ Монтегю-Скверѣ.

Во вторникъ я пришла къ тетушкѣ въ назначенный мнѣ часъ. Справка съ дневникомъ показываетъ, что день этотъ былъ наполненъ весьма разнообразными событіями, изъ которыхъ одни возбудили мое глубокое сожалѣніе, а другія сердечную благодарность.

Дорогая тетушка Верриндеръ приняла меня съ свойственнымъ ей радушіемъ и лаской. Но минуту спустя я замѣтила, что она чѣмъ-то встревожена и ежеминутно устремляетъ безпокойные взгляды на свою дочь. Я всегда удивлялась сама, что такая съ виду ничтожная личность какъ Рахиль происходитъ отъ такихъ знаменитыхъ родителей какъ сэръ-Джонъ и леди Верриндеръ. Но на этотъ разъ она не только удивила меня, но окончательно поразила. Грустно мнѣ было замѣтить въ разговорахъ и манерѣ ея отсутствіе всякой женской сдержанности. Въ поступкахъ ея проглядывала какая-то лихорадочная возбужденность; она особенно громко смѣялась и во все время завтрака была предосудительно прихотлива и расточительна въ пищѣ и питьѣ.

Не посвященная еще въ тайны этой печальной исторіи, я уже глубоко сочувствовала ея бѣдной матери.

По окончаніи завтрака, тетушка обратилась къ своей дочери.

— Не забывай, Рахиль, что докторъ предписалъ тебѣ послѣ стола нѣкоторое отдохновеніе за книгой.

— Я пойду въ библіотеку, мамаша, отвѣчала она. — Но если пріѣдетъ Годфрей, то не забудьте увѣдомить меня объ этомъ. Я горю нетерпѣніемъ узнать что-нибудь объ исходѣ его приключеній въ Нортумберландской улицѣ. Она поцѣло-

Digitized by Google

вала свою мать въ лобъ, и повернувшись ко мнѣ, небрежно прибавила:—Прощайте, Клакъ!

Однако наглость ея не пробудила во мнѣ гнѣвныхъ чувствъ; я только записала о томъ въ свою памятную книжку, чтобы потомъ помолиться за нее.

Когда мы остались вдвоемъ, тетушка разказала мнѣ всю эту ужасную исторію объ индѣйскомъ алмазѣ, которую, къ величайшему моему удовольствію, мнѣ нѣтъ надобности повторять здѣсь. Она не скрыла отъ меня, что предпочла бы вовсе умолчать о ней. Но такъ какъ всѣ ея слуги знали о пропажѣ Луннаго Камня; такъ какъ нѣкоторыя обстоятельства этого дѣла стали даже предметомъ газетныхъ объявленій и толковъ постороннихъ людей, которые отыскивали связь между происшествіями, случившимися въ деревенскомъ домѣ леди Вериндеръ, въ Нортумберландской улицѣ и на Альфредовой площади, то скрытность была уже излишнею, и полная откровенность становилась не только необходимостью, но даже добродѣтелью.

Маоріе, услышавъ то, что̀ пришлось мнѣ выслушать въ тотъ день, вѣроятно, были бы поражены удивленіемъ. Что же до меня касается, то я приготовлена была ко всему, что̀ могла тетушка сообщить мнѣ по поводу своей дочери, такъ какъ я знала, что со времени дѣтства Рахили, во нравѣ ея не произошло существенной перемѣны. Еслибы мнѣ сказали, что слѣдуя по пути преступленія она дошла до убійства, то я нисколько не удивилась бы, а только подумала бы про себя: вотъ онъ естественный-то результатъ! этого всегда можно было ожидать отъ нея! Одно *поражало* меня: это образъ дѣйствій тетушки въ данныхъ обстоятельствахъ. Въ настоящемъ случаѣ благоразумнѣе было бы прибѣгнуть къ священнику, а леди Вериндеръ обратилась къ доктору. Впрочемъ, вся молодость моей бѣдной тетушки протекла въ безбожномъ семействѣ отца ея, а потому и поступки ея были естественнымъ результатомъ ея прежней жизни! Опять-таки простое слѣдствіе данныхъ причинъ.

— Доктора предписываютъ Рахили какъ можно больше моціона и развлеченій и въ особенности просятъ меня удалять отъ нея всякое воспоминаніе о прошломъ, сказала леди Вериндеръ.

„О, какой языческій совѣтъ!“ подумала я про себя.

Digitized by Google

„Боже, какой языческій совѣтъ дается въ нашей христіанской странѣ!“

— Я употребляю всѣ усилія, чтобы выполнить ихъ предписанія, продолжала тетушка.—Но это странное приключеніе Годфрея случилось въ самое несчастное время. Услышавъ о немъ, Рахиль не переставала тревожиться и волноваться и не давала мнѣ покоя до тѣхъ поръ, пока я не написала племяннику Абльвайту, прося его пріѣхать къ намъ. Ее интересуетъ даже и другая личность, сдѣлавшаяся предметомъ жестокаго насилія — мистеръ Локеръ, или что-то въ этомъ родѣ, хотя она, конечно, вовсе не знаетъ его.

— Ваше знаніе свѣта, дорогая тетушка, безъ сомнѣнія, больше моего, замѣтила я недовѣрчиво.—Однако такое необъяснимое поведеніе со стороны Рахили должно непремѣнно имѣть свою причину. Она, вѣроятно, хранитъ отъ васъ и ото всѣхъ окружающихъ ее какую-нибудь грѣховную тайну. Не угрожаютъ ли недавнія событія сдѣлать эту тайну извѣстною?

— Извѣстною? повторила моя тетушка. — Что̀ вы хотите этимъ сказать? Извѣстною чрезъ мистера Локера! Извѣстною чрезъ моего племянника?

Между тѣмъ какъ она произносила эти слова, Провидѣніе посылало намъ свою помощь: дверь отворилась, и слуга возвѣстилъ пріѣздъ мистера Годфрея Абльвайта.

II.

Мистеръ Годфрей — безукоризненный во всѣхъ своихъ поступкахъ—въ самое время появился на порогѣ гостиной. Онъ не такъ поспѣшно взошелъ за слугой, чтобы смутить насъ своимъ неожиданнымъ появленіемъ; а съ другой стороны не настолько и медлилъ, чтобы поставить насъ въ неловкое положеніе, заставляя ожидать себя у раскрытой двери. Истинный христіанинъ виденъ былъ въ полнотѣ его повседневной жизни. Да, дорогой мистеръ Годфрей былъ всегда вѣренъ самому себѣ.

— Доложите миссъ Верендеръ, сказала тетушка, обращаясь къ слугѣ,—что пріѣхалъ мистеръ Абльвайтъ.

Мы обѣ освѣдомились о его здоровьѣ и разомъ принялись разспрашивать его, оправился ли онъ послѣ приключенія прошлой недѣли. Съ свойственнымъ ему удивительнымъ

Digitized by Google

тактомъ, онъ сумѣлъ въ одно и то же время отвѣтить вамъ обѣимъ вмѣстѣ: леди Веринджеръ получила его словесный отвѣтъ; мнѣ же досталась на долю его очаровательная улыбка.

— Что̀ сдѣлалъ я, воскликнулъ онъ съ глубокимъ чувствомъ,—чтобы заслужить ваше участіе? Дорогая тетушка! дорогая миссъ Клакъ! Меня просто приняли за какого-то другаго человѣка и ничего болѣе какъ завязали мнѣ глаза, зажали ротъ и платмя бросили меня на весьма тонкій коврикъ, разостланный на очень жесткомъ полу. Подумайте же однако, насколько положеніе мое могло бы быть хуже! Меня могли бы убить; меня могли бы обокрасть. Въ сущности, что̀ же я потерялъ? Я на время лишенъ былъ силы своихъ мускуловъ, которую законъ не признаетъ за собственность; слѣдовательно, въ буквальномъ смыслѣ слова, я ничего не потерялъ. Еслибы мнѣ предоставили свободу дѣйствій, то я, конечно, умолчалъ бы о своемъ приключеніи—такъ какъ я избѣгаю вообще шума и огласки. Но мистеръ Локеръ опубликовалъ нанесенное *ему* оскорбленіе, вслѣдствіе чего и *мое* приключеніе сдѣлалось извѣстнымъ. Я до тѣхъ поръ не перестану служить темой для газетныхъ статей, пока предметъ этотъ не прискучитъ благосклонной публикѣ. Признаться сказать, мнѣ самому ужасно надоѣла эта исторія! Очень бы желалъ, чтобъ она поскорѣе надоѣла и благосклонной публикѣ! А какъ поживаетъ дорогая Рахиль? Все еще наслаждается лондонскими увеселеніями? Весьма радъ за нее. Взываю теперь къ вашей снисходительности, миссъ Клакъ. Мнѣ весьма грустно, что я вынужденъ былъ на такой долгій срокъ покинуть дѣла комитета и моихъ дорогихъ благотворительныхъ дамъ. Надѣюсь однако, что не далѣе какъ на будущей недѣлѣ я найду возможность посѣтить Общество Дѣтской Одежды. Успѣшно ли шли дѣла на вчерашнемъ митингѣ? Какія надежды высказалъ совѣтъ относительно будущаго? Великъ ли сдѣланный вами запасъ брюкъ?

Божественная прелесть его улыбки дѣлала извиненіе его неотразимымъ. Неподражаемая пріятность его звучнаго густаго баса придавала особенный интересъ занимательному дѣлу, о которомъ онъ разспрашивалъ меня. Дѣйствительно, мы сдѣлали слишкомъ большой запасъ брюкъ, мы просто были завалены ими, и я собралась-было разказать ему обо всемъ этомъ, какъ вдругъ дверь снова отворилась, и въ

Digitized by Google

комнату проникъ элементъ пустоты и суетности, изображаемый личностью миссъ Вериндеръ.

Неприличною, размашистою походкой подошла она къ дорогому мистеру Годфрею, между тѣмъ какъ волосы ея были въ крайнемъ безпорядкѣ, а лицо, какъ я сказала бы, непристойно пылало.

— Весьма рада, что вижу васъ, Годфрей, сказала она, обращаясь къ нему (стыдно и больно прибавить), съ развязностью молодаго человѣка, говорящаго съ своимъ товарищемъ.—Какъ жаль, что вы не привезли съ собой мистера Локера. Вы и онъ, пока еще длится это возбужденное состояніе общества, самые интересныя личности въ цѣломъ Лондонѣ. Говорить такъ, можетъ-быть, неприлично, предосудительно; благородная миссъ Клакъ должна содрогнуться отъ моихъ словъ. Но нужды нѣтъ. Разкажите-ка мнѣ сами исторію вашихъ приключеній въ Нортумберландской улицѣ. Я знаю, газеты говорятъ о нихъ неполно.

Грустно сказать, что самъ дорогой мистеръ Годфрей не можетъ отрѣшиться отъ грѣховной природы, наслѣдованной вами отъ Адама; какъ ни малозначительна степень его грѣховности, но увы! и онъ также зараженъ ею. Сознаюсь, что мнѣ прискорбно было видѣть, какъ онъ взялъ руку Рахили и нѣжно прижалъ ее къ лѣвой сторонѣ своего жилета. Это было явное поощреніе ея безцеремоннаго разговора и дерзкаго намека на меня.

— Дорогая Рахиль, сказалъ онъ тѣмъ же нѣжнымъ голосомъ, который проникалъ мнѣ въ самую душу во время бесѣды его со мной про наши планы и брюки,—газеты разказали уже все въ подробности и, конечно, сдѣлали это лучше меня.

— Годфрей думаетъ, что мы придаемъ слишкомъ большое значеніе этому дѣлу, замѣтила тетушка.—Онъ сейчасъ только увѣрялъ насъ, что объ этомъ вовсе не стóитъ и говорить.

— Почему такъ? спросила Рахиль.

Съ этими словами глаза ея внезапно заискрились, и она быстро взглянула въ лицо мистера Годфрея. Онъ съ своей стороны посмотрѣлъ на нее съ такою безразсудною и незаслуженною снисходительностью, что я почувствовала себя обязанною вмѣшаться.

— Рахиль, душечка, кротко увѣщевала я ее, — истинное

Digitized by Google

величіе и истинное мужество не любятъ выставлять себя на показъ.

— Знаю, что вы въ своемъ родѣ хорошій малый, Годфрей, сказала она, не обращая, замѣтьте это, ни малѣйшаго вниманія на меня и продолжая говорить съ своимъ двоюроднымъ братомъ такъ же безцеремонно, какъ говорятъ между собой мущины. — Однако я совершенно увѣрена, что въ васъ нѣтъ величія; не думаю также, чтобы вы отличались особеннымъ мужествомъ, и твердо убѣждена, что если въ васъ была хоть капля скромности, то ваши обожательницы уже много лѣтъ тому назадъ освободили васъ отъ этой добродѣтели. Какая-нибудь тайная причина заставляетъ васъ избѣгать разговора о приключеніи вашемъ въ Нортумберландской улицѣ, и мнѣ кажется, что я догадываюсь о ней.

— Причина тому самая обыкновенная, и мнѣ не трудно будетъ открыть ее вамъ, отвѣчалъ онъ, не теряя терпѣнія.— Исторія эта ужь надоѣла мнѣ.

— Вамъ наскучила эта исторія? Я позволю себѣ маленькое замѣчаніе, милый Годфрей.

— Какое, напримѣръ?

— Вы слишкомъ много вращаетесь въ обществѣ женщинъ и вслѣдствіе этого вы сдѣлали двѣ привычки. Вы выучились серіозно говорить всякій вздоръ и пустословите изъ любви къ искусству. Положимъ, что вы не можете быть искреннимъ съ вашими обожательницами, со *мной* же я хочу чтобы вы были откровенны. Пойдемте и сядемъ. Я приготовила вамъ кучу вопросовъ и надѣюсь, что вы отвѣтите мнѣ, по возможности, полно и искренно.

Она потащила его чрезъ всю комнату къ окну и посадила лицомъ къ свѣту. Мнѣ грустно, что я вынуждена передавать здѣсь подобный разговоръ и описывать подобное поведеніе. Но что̀ же остается мнѣ дѣлать, когда съ одной стороны меня побуждаетъ къ тому банковый билетъ мистера Франклина Блека, а съ другой стороны мое собственное благоговѣйное уваженіе къ истинѣ? Я взглянула на тетушку, которая неподвижно сидѣла и, повидимому, нисколько не расположена была останавливать свою дочь. Никогда прежде не замѣчала я въ ней такого оцѣпенѣнія. Не была ли то неизбѣжная реакція послѣ трудныхъ обстоятельствъ, пережитыхъ ею за послѣднее время? Во всякомъ случаѣ это былъ

Digitized by Google

зловѣщій симптомъ въ ея лѣта и при ея уже почтенной наружности.

Рахиль между тѣмъ усѣлась у окна съ нашимъ любезнымъ и терпѣливымъ, съ нашимъ слишкомъ терпѣливымъ мистеромъ Годфреемъ, и забросала его угрожавшими ему вопросами, такъ же мало обращая вниманія на свою мать и на меня, какъ бы насъ вовсе не было въ комнатѣ.

— Открыла ли что-нибудь полиція, Годфрей?

— Рѣшительно ничего.

— Мнѣ кажется весьма вѣроятнымъ, что тѣ же три человѣка, которые поймали васъ въ ловушку, разставили ее потомъ и мистеру Локеру.

— Если разсуждать по-человѣчески, моя милая Рахиль, то въ этомъ, конечно, нельзя и сомнѣваться.

— Неужто и слѣда ихъ не отыскано?

— Ни малѣйшаго.

— Ходятъ ли въ публикѣ толки о томъ, будто бы эти три человѣка тѣ же самые три Индѣйца, которые приходили къ намъ въ деревню?

— Нѣкоторые убѣждены въ томъ.

— А вы-то какъ думаете сами?

— Милая Рахиль, мнѣ завязали глаза, прежде чѣмъ я успѣлъ взглянуть имъ въ лицо. Я не судья въ этомъ дѣлѣ и не въ состояніи высказать о немъ какое-либо мнѣніе.

Какъ видите сами, даже ангельская кротость мистера Годфрея возмутилась такою неотвязчивостью. Ужь я не стану васъ спрашивать о томъ, что внушало миссъ Веринде́ръ подобные вопросы: необузданное ли любопытство, или же неудержимый страхъ. Скажу только, что когда мистеръ Годфрей отвѣтилъ ей, какъ сказано выше, и попытался-было встать, то она безъ церемоніи взяла его за плечи и толкнула въ стулъ. О, не говорите, что это было не скромно съ ея стороны! Воздержитесь даже отъ мысли, будто этотъ поступокъ былъ невольнымъ проявленіемъ ея преступной совѣсти! Мы не должны осуждать нашихъ ближнихъ. Воистину, друзья и братья, не судите, да не судимы будете!

Она, не конфузясь, продолжала свои допросы. Всякій ревностный читатель Библіи вспомнитъ при этомъ,—какъ вспомнила и я,—тѣхъ ослѣпленныхъ исчадій зла, которыя, заглушивъ въ себѣ совѣсть, предавались своимъ буйнымъ оргіямъ предъ наступленіемъ потопа.

Digitized by Google

— Я желала бы узнать кое-что о мистерѣ Локерѣ, Годфрей.

— Я крайне несчастливъ, Рахиль, что опять-таки не могу отвѣчать на вашъ вопросъ: я менѣе всѣхъ знаю мистера Локера.

— Развѣ до вашей случайной встрѣчи въ банкѣ вы никогда не видали его прежде?

— Никогда.

— А видѣлись ли вы послѣ этого происшествія?

— Да. Насъ допрашивали вмѣстѣ и порознь, чтобы помочь розыскамъ полиціи.

— У мистера Локера, говорятъ, украли росписку, полученную имъ отъ своего банкира; правда ли это, Годфрей, и о чемъ упоминалось въ этой роспискѣ?

— О какой-то драгоцѣнности, отданной имъ на сбереженіе банку.

— Это писали и въ газетахъ. Такого объясненія, можетъ-быть, достаточно для обыкновеннаго читателя; я же не могу имъ довольствоваться. Въ банковой роспискѣ, вѣроятно, было поименовано какого рода эта драгоцѣнность?

— Въ роспискѣ, какъ говорили мнѣ, Рахиль, ничего подобнаго не значилось. Драгоцѣнная вещь, принадлежащая мистеру Локеру, заложенная мистеромъ Локеромъ, запечатанная печатью мистера Локера, долженствующая быть возвращенною по личному востребованію мистера Локера. Вотъ форма этой росписки и все, что я знаю о ней.

Съ минуту помолчавъ послѣ его отвѣта, она взглянула на свою мать, вздохнула и снова обратилась къ мистеру Годфрею.

— Какъ кажется, продолжала она, — нѣкоторыя изъ нашихъ семейныхъ тайнъ опубликованы въ газетахъ.

— Съ прискорбіемъ долженъ сознаться, что это правда.

— Говорятъ, будто праздные люди стараются отыскать связь между тѣмъ, что происходило у насъ въ Йоркширѣ, и тѣмъ, что случилось здѣсь въ Лондонѣ.

— Общественное мнѣніе дѣйствительно начинаетъ принимать это направленіе.

— Если находятся люди, утверждающіе, что три злодѣя, наругавшіеся надъ мистеромъ Локеромъ, тѣ же самые три Индѣйца, которые приходили къ намъ въ деревню, то не думаютъ ли они также, что и драгоцѣнный камень....

Digitized by Google

Она вдругъ остановилась на этомъ словѣ. Въ послѣднія минуты ея разговора она замѣтно становилась блѣднѣе и блѣднѣе. Черный цвѣтъ ея волосъ до такой степени возвышалъ эту блѣдность, что страшно было глядѣть на нее, и мы всѣ ожидали, что она сейчасъ упадетъ въ обморокъ. Милый мистеръ Годфрей сдѣлалъ вторичную попытку встать со стула, а тетушка умоляла свою дочь прекратить этотъ разговоръ. Я присоединилась къ тетушкѣ, предлагая Рахили свое скромное медицинское пособіе въ видѣ флакончика съ солями. Однако никто изъ насъ не произвелъ на нее ни малѣйшаго впечатлѣнія.

— Не уходите, Годфрей, сказала она. Нѣтъ никакого основанія безпокоиться за меня, мамаша. А вамъ, Клакъ, до смерти хочется услышать окончаніе моихъ словъ; чтобы сдѣлать *вамъ* удовольствіе, я постараюсь не падать въ обморокъ.

Вотъ ея подлинныя слова, которыя по прибытіи домой я немедленно вписала въ свой дневникъ. О, нѣтъ! не будемъ осуждать ее! Братья во Христѣ, не будемъ осуждать своего ближняго! Она снова обратилась къ мистеру Годфрею и съ ужасающимъ упорствомъ вернулась опять къ тому мѣсту разговора, на которомъ остановилась.

— Минуту тому назадъ, продолжала она,—мы говорили съ вами объ извѣстнаго рода толкахъ, распространенныхъ въ публикѣ. — Скажите же мнѣ откровенно, Годфрей, говоритъ ли хоть кто-нибудь, что драгоцѣнность мистера Локера есть не что иное какъ Лунный Камень?

При имени индѣйскаго алмаза мой прелестный другъ замѣтно измѣнился въ лицѣ. Онъ покраснѣлъ, мгновенно утративъ свойственную ему пріятность манеръ, эту главную украшающую его прелесть. Въ немъ заговорило благородное негодованіе.

— Они *дѣйствительно* предполагаютъ это, отвѣчалъ онъ.— Нѣкоторые люди, не колеблясь, обвиняютъ даже мистера Локера во лжи, которою онъ старается будто бы замаскировать свои тайные интересы. Онъ не разъ объявлялъ торжественно, что вовсе не зналъ о существованіи Луннаго Камня, до приключенія своего на площади Альфреда. А низкіе люди эти совершенно бездоказательно утверждаютъ, что у него есть свои причины скрывать истину, и отказываются вѣрить его клятвамъ. Постыдно! Безбожно!

„Во все время его разговора Рахиль не спускала съ него

Digitized by Google

страннаго, непонятнаго для меня взгляда. Но лишь только онъ замолчалъ, какъ она заговорила въ свою очередь.

— Принимая въ разчетъ, Годфрей, что знакомство ваше съ мистеромъ Локеромъ есть не болѣе какъ случайная встрѣча, я нахожу, что вы слишкомъ горячо вступаетесь за него.

Даровитый другъ мой отвѣчалъ ей истинно по-евангельски; въ жизнь мою не слыхала подобнаго отвѣта.

— Мнѣ кажется, Рахиль, сказалъ онъ,—что я всегда горячо вступаюсь за угнетенныхъ.

Тонъ, которымъ произнесены были эти слова, право, способенъ былъ тронуть самый камень. Но, Боже мой, что̀ такое твердость камня въ сравненіи съ твердостью ожесточеннаго человѣческаго сердца! Она злобно засмѣялась. Я краснѣю отъ стыда за нее, — она засмѣялась ему прямо въ лицо.

— Приберегите свое красноречіе, Годфрей, для благотворительныхъ дамъ вашего комитета, сказала она. — Я увѣрена, что толки, осуждавшіе мистера Локера, не пощадили и *васъ*.

При этихъ словахъ сама тетушка пробудилась отъ своего оцѣпенѣнія.

— Милая Рахиль, увѣщевала она ее, — по какому праву говорить ты это?

— Слова мои не имѣютъ дурнаго намѣренія, мамаша, отвѣчала она,—я напротивъ желаю ему добра. Потерпите немножко, и вы сами это увидите.

Она посмотрѣла на мистера Годфрея, и во взглядѣ ея выразилось нѣчто похожее на состраданіе. Она дошла даже до такой несвойственной женщинѣ нескромности, что взяла его за руку.

— Я увѣрена, сказала она, — что я отгадала настоящую причину, почему вы такъ неохотно говорите объ этомъ дѣлѣ при мнѣ и мамашѣ. По несчастному совпаденію обстоятельствъ, общественное мнѣніе связало ваше имя съ именемъ мистера Локера. Вы уже разказали мнѣ, что̀ говоритъ молва про *него*; разкажите же въ свою очередь то, что̀ говоритъ она про васъ?

Но и *въ одиннадцатый часъ* дорогой мистеръ Годфрей, вѣчно готовый добромъ платить за зло, еще разъ попробовалъ пощадить ее.

Digitized by Google

— Не разспрашивайте меня, Рахиль, сказалъ онъ. — Объ этомъ лучше вовсе забыть, право лучше.

— *Я хочу* это знать! закричала она неистовымъ, громкимъ голосомъ.

— Говорите, Годфрей! умоляла моя тетушка. — Ничто такъ не вредно для нея, какъ настоящее ваше молчаніе.

Прекрасные глаза мистера Годфрея наполнились слезами. Онъ бросилъ на нее послѣдній умоляющій взглядъ и затѣмъ проговорилъ роковыя слова:

— Слушайте же, Рахиль, молва говоритъ, что Лунный камень заложенъ мистеру Локеру, и что заложилъ его я.

Она съ крикомъ вскочила со стула и такъ дико начала озираться, то на тетушку, то на мистера Годфрея, что я, право, сочла ее за сумасшедшую.

— Не говорите со мной! Не прикасайтесь ко мнѣ, воскликнула она, убѣгая отъ насъ въ дальній уголъ комнаты (словно преслѣдуемый звѣрь). Это моя вина, и я же сама должна исправить ее. Я пожертвовала собой, я имѣла право сдѣлать это, если хотѣла. Но смотрѣть равнодушно, какъ гибнетъ невинный человѣкъ; хранить тайну и тѣмъ самымъ позорить его доброе имя, — о, Боже правый, это слишкомъ ужасно! это просто невыносимо!

Тетушка приподнялась было на половину съ своего кресла, но внезапно опять опустилась въ него и потихоньку подозвавъ меня къ себѣ, указала на маленькую стклянночку, лежавшую въ ея рабочей корзинкѣ.

— Скорѣе, прошептала она.—Дайте мнѣ шесть капель въ водѣ, да постарайтесь, чтобы Рахиль этого не видала.

При другихъ обстоятельствахъ я нашла бы это весьма страннымъ; но тогда не время было разсуждать, нужно было скорѣе давать лѣкарство. Дорогой мистеръ Годфрей безсознательно помогалъ мнѣ укрываться отъ взоровъ Рахили, утѣшая ее на другомъ концѣ комнаты.

— Увѣряю васъ, что вы преувеличиваете дѣло, говорилъ онъ. — Моя репутація стоитъ такъ высоко, что подобныя глупыя, скоропреходящія сплетни не могутъ повредить ей. Все забудется чрезъ недѣлю. Не станемъ же и мы болѣе возвращаться къ этому предмету.

Но даже подобное великодушіе не тронуло ея, и она продолжала свое, еще съ бо́льшимъ противъ прежняго остервенѣніемъ.

Digitized by Google

— Я хочу положить этому конецъ, сказала она. — Мамаша! слушайте, что̀ я скажу. Слушайте и вы, миссъ Клакъ! Я знаю чья рука похитила Лунный камень. Я знаю,—она сдѣлала особенное удареніе на этихъ словахъ и въ бѣшенствѣ топнула ногой.—*Я знаю, что Годфрей Абльвайтъ невиненъ!* Ведите меня къ судьѣ, Годфрей! Ведите меня къ судьѣ, и я покаянусь ему въ томъ!

Тетушка схватила меня за руку и прошептала:

— Загородите меня на минутку отъ Рахили.

Синеватый оттѣнокъ, появившійся на ея лицѣ, испугалъ меня.

— Капли возстановятъ меня чрезъ минуту или двѣ, сказала она, замѣтя мое смущеніе, и закрывъ глаза, стала ожидать дѣйствія лѣкарства.

Между тѣмъ какъ это происходило на одномъ концѣ комнаты, на другомъ, въ то же самое время, дорогой мистеръ Годфрей продолжалъ свои кроткія увѣщанія.

— Вамъ не слѣдуетъ публично являться въ подобное мѣсто, сказалъ онъ. — *Ваша* репутація, дорогая Рахиль, слишкомъ чиста и священна для того чтобы можно было шутить ею.

— *Моя* репутація! воскликнула она, разразившись смѣхомъ. — Какъ, Годфрей, развѣ вы не знаете, что и меня обвиняютъ не менѣе васъ? Извѣстный въ цѣлой Англіи полицейскій чиновникъ утверждаетъ, что я украла свой собственный алмазъ. Спросите его съ какою цѣлью я это сдѣлала, и онъ отвѣтитъ вамъ, что я заложила Лунный камень для того, чтобъ уплатить свои тайные долги! Она замолчала, кинулась на другой конецъ комнаты и упала на колѣни, у ногъ своей матери.—О, мамаша! мамаша! мамаша! Не сумасшедшая ли я, что даже и *теперь* отказываюсь открыть всю истину! Не правда ли?

Слишкомъ взволнованная, чтобы замѣтить положеніе своей матери, она въ одну минуту опять вскочила на ноги и возвратилась къ мистеру Годфрею.

— Я не допущу, чтобы васъ, или другаго невиннаго человѣка, обвиняли и безчестили чрезъ мою же вину. Если вы отказываетесь вести меня къ судьѣ, то напишите на бумагѣ заявленіе о своей невинности и я подпишу подъ нимъ свое имя. Сдѣлайте это, Годфрей, или же я опубликую это въ газетахъ, я прокричу объ этомъ на улицахъ!

Не заговорилъ ли въ ней голосъ пробудившейся совѣсти?

Digitized by Google

Нѣтъ, то былъ не болѣе какъ истерическій припадокъ. Чтобъ успокоить ее, снисходительный мистеръ Годфрей взялъ листъ бумаги и написалъ требуемое заявленіе. Она подписала подъ нимъ свое имя съ лихорадочною торопливостью.

— Показывайте это вездѣ, Годфрей, не смущаясь мыслію обо мнѣ, сказала она, отдавая ему бумагу. — Мнѣ кажется, что я до сихъ поръ не умѣла цѣнить васъ какъ слѣдуетъ. Вы великодушнѣе и лучше нежели я думала. Приходите къ намъ, когда вы будете свободны, и я постараюсь поправить то зло, которое я вамъ сдѣлала.

Она подала ему руку. Увы, нашей грѣховной природѣ! Увы, мистеру Годфрею! Онъ до того забылся, что не только поцѣловалъ ея руку, но даже и голосу своему придалъ необыкновенную мягкость и кротость, что̀ въ данномъ случаѣ равнялось общенію съ грѣхомъ.

— Я приду, моя дорогая, отвѣчалъ онъ, — только съ тѣмъ условіемъ, чтобы не было и помину объ этомъ ненавистномъ предметѣ.

Никогда еще нашъ христіанинъ-подвижникъ не представлялся мнѣ въ менѣе благопріятномъ свѣтѣ какъ на этотъ разъ.

Всѣ еще безмолвствовали послѣ его отвѣта, какъ вдругъ сильный ударъ въ парадную дверь заставилъ насъ встрепенуться. Я взглянула въ окно: около дома нашего стоялъ воплощенный грѣхъ, суетность и соблазнъ, изображаемые каретой съ лошадьми, напудреннымъ лакеемъ и тремя дамами въ самыхъ шикарныхъ, ухарскихъ нарядахъ.

Рахиль встала съ своего мѣста и старалась оправиться.

— За мной заѣхали, мамаша, чтобы везти меня на цвѣточную выставку, сказала она, подойдя къ своей матери. — Одно словечко, мамаша, прежде чѣмъ я уѣду: не огорчила ли я васъ, скажите, нѣтъ?

Сама не знаю, сожалѣть ли намъ или порицать такое отупѣніе нравственныхъ чувствъ и такой неумѣстный вопросъ послѣ всего происшедшаго? Я охотнѣе склоняюсь къ милосердію. Такъ пожалѣемъ же ее!

Капли между тѣмъ произвели свое дѣйствіе, и прежній цвѣтъ лица моей бѣдной тетушки совершенно возстановился.

— Нѣтъ, нисколько, душа моя, отвѣчала она. — Ступай съ нашими друзьями и веселись какъ можно больше.

Digitized by Google

Рахиль остановилась и поцѣловала свою мать. Я же между тѣмъ отошла отъ окна и стала неподалеку отъ двери, къ которой она направлялась. Новая перемѣна произошла опять въ Рахили: она была вся въ слезахъ. Я съ участіемъ посмотрѣла на это минутное смягченіе ея ожесточеннаго сердца и почувствовала сильное желаніе сказать при этомъ случаѣ нѣсколько торжественныхъ поучительныхъ словъ. Увы! мое сердечное сочувствіе только оскорбило ее.

— Кто васъ проситъ сожалѣть обо мнѣ? язвительно прошептала она, подходя къ двери.—Развѣ вы не видите какъ я счастлива, Клакъ? Я ѣду на цвѣточную выставку и у меня есть шляпка, лучшая въ цѣломъ Лондонѣ.

Она дополнила свою глупую выходку, пославъ мнѣ поцѣлуй по воздуху, и вышла изъ комнаты.

Очень желала бы я выразить словами то состраданіе, которое возбудила во мнѣ эта несчастная и неблаговоспитанная дѣвушка. Но мой запасъ словъ такъ же бѣденъ, какъ и запасъ денегъ, и потому я скажу только одно, что сердце мое обливалось за нее кровью.

„Подойдя снова къ креслу тетушки, я замѣтила, что дорогой мистеръ Годфрей втихомолку ищетъ чего-то во всѣхъ углахъ комнаты. Прежде нежели я могла предложить ему свою помощь, онъ нашелъ уже то, чего искалъ, и вернулся къ тетушкѣ и ко мнѣ, держа въ одной рукѣ удостовѣреніе въ своей невинности, а въ другой коробочку спичекъ.

— Маленькій заговоръ! дорогая тетушка, сказалъ онъ.— Безгрѣшный обманъ, милая миссъ Клакъ,—обманъ, который вы, конечно, извините, несмотря на всю вашу высокую нравственную прямоту. Оставьте Рахиль въ той увѣренности, будто я воспользовался благороднымъ самопожертвованіемъ, внушившимъ ей мысль оправдать меня предъ лицомъ свѣта, и будьте свидѣтельницами того, что въ вашемъ присутствіи, не выходя изъ дому, я уничтожаю эту бумагу.—Онъ поджегъ ее спичкой и положилъ на подносикъ, стоявшій на столѣ.—Всякая непріятность, которую, быть можетъ, мнѣ придется перенести на себѣ, замѣтилъ онъ, ничто въ сравненіи съ необходимостію предохранить ея непорочное имя отъ заразительнаго соприкосновенія съ свѣтомъ. Смотрите же сюда! Мы обратили эту бумагу въ маленькую безвредную кучку пепла, и наша дорогая, восторженная Рахиль никогда и не узнаетъ о томъ, что мы сдѣлали! Ну, какъ же

Digitized by Google

вы чувствуете себя теперь, мои неоцѣненные друзья, какъ вы себя чувствуете? Что̀ до меня касается, то у меня на сердцѣ такъ же легко и радостно, какъ и на сердцѣ младенца.

Онъ озарилъ насъ своею прекрасною улыбкой и протянулъ одну руку тетушкѣ, а другую мнѣ. Я была до того растрогана его благороднымъ поступкомъ, что не могла говорить и закрыла глаза, и предавшись духовному самозабвенію, поднесла его руку къ своимъ губамъ. Онъ прошепталъ мнѣ тихій, нѣжный упрекъ. О, восторгъ! чистый, небесный восторгъ, объявшій мою душу! Сама не помню, гдѣ и на чемъ я сидѣла, углубившись въ свои собственныя возвышенныя чувства. Когда я открыла глаза, мнѣ показалось, что я снова опустилась съ неба на землю. Въ комнатѣ никого не было кромѣ тетушки; онъ уже ушелъ!

На этомъ мѣстѣ я желала бы остановиться; я желала бы закончить свое существованіе разказомъ о благородномъ поступкѣ мистера Годфрея. Но, къ несчастію, непреклонный стимулъ, въ видѣ банковаго билета мистера Блека, осуждаетъ меня на долгое, долгое повѣствованіе. Печальныя открытія, которыя должны были обнаружиться въ понедѣльникъ, во время моего пребыванія въ Монтегю-Скверѣ, еще не пришли къ концу.

Оставшись вдвоемъ съ леди Верриндеръ, я естественно завела разговоръ о ея здоровьѣ, осторожно намекая на необъяснимую заботливость, съ которою она старалась скрывать отъ своей дочери и нездоровье свое, и употребляемое противъ него лѣкарство.

Отвѣтъ тетушки чрезвычайно удивилъ меня.

— Друзилла, сказала она (если я забыла упомянуть, что меня зовутъ Друзиллой, то позвольте же исправить эту ошибку),—вы затрогиваете совершенно неумышленно, а увѣрена въ томъ, весьма грустный вопросъ.

Я немедленно встала со стула. Деликатность внушала мнѣ одинъ исходъ изъ этого положенія: мнѣ оставалось извиниться предъ тетушкой и затѣмъ уйдти. Но леди Верриндеръ остановила меня и настояла на томъ, чтобъ я опять заняла свое мѣсто.

— Вы подстерегли тайну, сказала она,—которую я довѣрила своей сестрѣ, мистрисъ Абльвайтъ, адвокату своему, мистеру Броффу, и никому болѣе. Я могу вполнѣ довѣриться

Digitized by Google

имъ двоимъ и знаю, что могу положиться и на вашу скромность, разказавъ вамъ всѣ обстоятельства дѣла. Свободны ли вы, Друзилла, и можете ли посвятить мнѣ ваше дообѣденное время?

Лишнее будетъ упоминать здѣсь, что я предоставила свое время въ полное распоряженіе тетушки.

— Въ такомъ случаѣ, сказала она, — побесѣдуйте со мной еще часокъ. Я сообщу вамъ нѣчто весьма печальное для васъ, а потомъ, если только вы не откажетесь содѣйствовать мнѣ, попрошу васъ объ одномъ одолженіи.

Опять лишнее говорить, что я не только не отказалась, но, напротивъ, съ величайшею готовностію вызвалась служить тетушкѣ.

— Слѣдовательно, продолжала она, — вы подождете мистера Броффа, который долженъ пріѣхать сюда къ пяти часамъ, и будете присутствовать въ качествѣ свидѣтеля, когда я стану подписывать свое духовное завѣщаніе?

Ея духовное завѣщаніе! Тутъ вспомнила я про капли, лежавшія въ ея рабочей корзинкѣ; вспомнила и про синеватый оттѣнокъ, замѣченный мною въ лицѣ тетушки. Пророческій свѣтъ,—свѣтъ, выходящій изъ глубины еще не вырытой могилы, торжественно озарилъ мой умъ, и тайна моей тетки перестала быть тайной.

III.

Почтительное участіе къ бѣдной леди Верриндеръ не дозволило мнѣ даже и намекнуть на то, что я угадала грустную истину, пока она сама не заговоритъ объ этомъ. Я молча выждала ея доброй воли и мысленно, подобравъ на всякій случай нѣсколько ободрительныхъ словъ, чувствовала себя готовою къ исполненію всякаго долга, который могъ призвать меня, какъ бы ни былъ онъ тягостенъ.

— Вотъ уже нѣсколько времени, Друзилла, какъ я не на шутку больна, начала тетушка,—и, странно сказать, сама этого не знала.

Я подумала о томъ, сколько тысячъ погибающихъ ближнихъ въ настоящую минуту не на шутку больны духомъ, сами того не зная; и мнѣ сильно сдавалось, что бѣдная тетушка, пожалуй, въ томъ же числѣ.

— Такъ, милая тетушка, грустно проговорила я, — такъ!

Digitized by Google

— Я привезла Рахиль въ Лондонъ, какъ вамъ извѣстно, съ тѣмъ, чтобы посовѣтоваться съ врачами, продолжала она;—я сочла за лучшее пригласить двухъ докторовъ.

Двухъ докторовъ! И, увы мнѣ! (въ положеніи Рахили) ни одного священника!

— Такъ, милая тетушка, повторила я,—такъ!

— Одинъ изъ медиковъ, продолжала тетушка, — мнѣ вовсе не былъ знакомъ. Другой, старый пріятель моего мужа, ради его памяти, всегда принималъ во мнѣ искреннее участіе. Прописавъ лѣкарство Рахили, онъ выразилъ желаніе поговорить со мной съ глазу на глазъ въ другой комнатѣ. Я, разумѣется, ожидала какихъ-нибудь особенныхъ предписаній относительно ухода за болѣзнію дочери. Къ удивленію моему, онъ озабоченно взялъ меня за руку и сказалъ: „Я все смотрѣлъ на васъ, леди Вериндеръ, какъ по профессіи, такъ и съ личнымъ участіемъ. Вы сами, кажется, гораздо больше дочери нуждаетесь въ совѣтѣ медика.“ Онъ поразспросилъ меня, чему я сначала не придавала большой важности, пока не замѣтила, что отвѣты мои его встревожили. Кончилось тѣмъ, что онъ взялся посѣтить меня съ своимъ пріятелемъ, медикомъ, на другой день и въ такой часъ, когда Рахили не будетъ дома. Результатомъ этого визита, сообщеннымъ мнѣ съ величайшею деликатностью и осторожностью, было убѣжденіе обоихъ докторовъ въ ужасной, невознаградимой запущенности моей болѣзни, развившейся нынѣ за предѣлы ихъ искусства. Болѣе двухъ лѣтъ страдала я скрытою болѣзнью сердца, которая, безъ всякихъ тревожныхъ признаковъ, мало-по-малу, безнадежно уходила меня. Быть-можетъ, я проживу еще нѣсколько мѣсяцевъ, быть-можетъ, умру, не дождавшись слѣдующаго утра, — положительнѣе этого доктора не могли и не рѣшались высказаться. Напрасно было бы увѣрять, мой другъ, что я обошлась безъ горькихъ минутъ съ тѣхъ поръ, какъ истинное мое положеніе стало мнѣ извѣстнымъ. Но теперь я легче прежняго покоряюсь моей судьбѣ и стараюсь по возможности привести въ порядокъ земныя дѣла. Пуще всего мнѣ хотѣлось бы, чтобы Рахиль оставалась въ невѣдѣніи истины. Узнавъ ее, она тотчасъ припишетъ разстройство моего здоровья этой передрягѣ съ алмазомъ и станетъ горько упрекать себя, бѣдняжка, въ томъ, что̀ вовсе не ея вина. Оба медика согласны, что недугъ начался

Digitized by Google

года два, если не три, тому назадъ. Я увѣрена въ томъ, что вы сохраните мою тайну, Друзилла, такъ же какъ и въ томъ, что вижу въ лицѣ вашемъ искреннюю печаль и участіе ко мнѣ.

Печаль и участіе! Да можно ли ждать этихъ языческихъ чувствъ отъ англійской женщины-христіанки, укрѣпленной на якорѣ вѣры!

Бѣдная тетушка и не воображала, какимъ ливнемъ ревностной благодарности переполнялось мое сердце по мѣрѣ того, какъ она досказывала свою грустную повѣсть. Вотъ, наконецъ, открывается предо мной то поприще, на которомъ я могу быть полезною! Вотъ возлюбленная родственница и погибающій ближній, накануне великаго перемѣненія вовсе къ нему неприготовленная, но наставленная,—свыше наставленная, — открыться въ своемъ положеніи предо мной! Какъ описать мнѣ ту радость, съ которою я вспомнила нынѣ, что безцѣнныхъ духовныхъ друзей моихъ, на которыхъ могу положиться, надо считать не единицами, не парами, а десятками и болѣе. Я заключила тетушку въ объятія: *теперь* моя нѣжность, выступавшая черезъ край, не могла удовлетвориться чѣмъ-либо менѣе объятія. „О, какимъ неописаннымъ счастіемъ вдохновляете вы меня!“ ревностно проговорила я: „сколько добра я вамъ сдѣлаю, милая тетушка, прежде чѣмъ мы разставемся!“ Сказавъ нѣсколько серіозныхъ словъ въ видѣ вступительнаго предостереженія, я указала ей троихъ изъ моихъ друзей, равно упражнявшихся въ дѣлахъ милосердія съ утра до ночи по всему околотку, равно неутомимыхъ на увѣщаніе, равно готовыхъ съ любовью приложить къ дѣлу свои дарованія по одному *моему* слову. Увы! результатъ вышелъ далеко не ободрителенъ. Бѣдная леди Веринде́ръ казалась озадаченною, испуганною, и на все, что̀ я ни говорила ей, отвѣчала чисто свѣтскимъ возраженіемъ, будто не въ силахъ еще видѣться съ чужими людьми. Я уступила, но только на время, разумѣется. Обширная моя опытность (въ качествѣ чтеца и посѣтительницы, подъ руководствомъ не менѣе четырнадцати духовныхъ друзей, считая съ перваго и до послѣдняго) подсказала мнѣ, что въ этомъ случаѣ требуется подготовка посредствомъ книгъ. У меня была библіотека, составленная изъ сочиненій какъ нельзя болѣе соотвѣтствующихъ неожиданно постигшей меня заботѣ и какъ бы разчитанныхъ на то, чтобы пробудить, убѣдить, приготовить,

Digitized by Google

просвѣтить и укрѣпить мою тетушку. „Можетъ-быть, вы вздумаете почитать, милая тетушка?“ сказала я какъ можно вкрадчивѣй, „я бы вамъ привесла своихъ собственныхъ, безцѣнныхъ книжекъ? Съ загнутыми страницами въ надлежащемъ мѣстѣ, тетушка, и съ отмѣтками карандашомъ тамъ, гдѣ вамъ слѣдуетъ пріостановиться и спросить себя: не относится ли это ко мнѣ?“ Но даже эта простая просьба,—такъ безусловно язычески вліяетъ свѣтъ,—повидимому, пугала тетушку. „По возможности, Друзилла, я сдѣлаю все угодное вамъ“, сказала она съ видомъ удивленія, который былъ и поучителенъ, и ужасенъ. Нельзя было терять ни минуты. Часы на каминѣ показывали, что я какъ разъ только успѣю сбѣгать домой, запастись первымъ отдѣленіемъ избранныхъ сочиненій (ну, хоть одною дюжинкой) и вернуться во-время, чтобы принять адвоката и засвидѣтельствовать завѣщаніе леди Верриндеръ. Обѣщавъ навѣрное возвратиться къ пяти часамъ, я вышла изъ дому и отправилась по дѣламъ милосердія.

Когда дѣло идетъ о моихъ собственныхъ интересахъ, я при переѣздѣ съ мѣста на мѣсто смиренно довольствуюсь омнибусомъ. Позвольте дать вамъ понятіе о моей ревности къ интересамъ тетушки, упомянувъ, что въ настоящемъ случаѣ я провинилась въ расточительности и взяла кебъ.

Я поѣхала домой, выбрала и перемѣтила первое отдѣленіе книгъ, и вернулась въ Монтегю-скверъ съ дорожнымъ мѣшкомъ, набитымъ дюжиною сочиненій, которому подобныхъ, по моему твердому убѣжденію, не найдется ни въ одной литературѣ изъ всѣхъ прочихъ странъ Европы. Извощику я заплатила по таксѣ, что̀ слѣдовало; но онъ принялъ деньги съ побранкой, вслѣдствіе чего я тотчасъ подала ему печатную проповѣдь. Но этотъ отверженецъ такъ растерялся, точно я навела ему въ лицо пистолетное дуло. Онъ прыгнулъ на козлы и съ нечестивыми кликами ужаса яростно погналъ прочь. Къ счастію, это было уже безполезно! На зло ему, я посѣяла доброе сѣмя, бросивъ другую проповѣдь въ окошко кеба.

Слуга, отворившій мнѣ дверь,—къ величайшему облегченію моему, не та особа, что̀ въ чепцѣ съ лентами, а просто лакей, — увѣдомилъ меня, что докторъ пожаловалъ и все еще сидитъ взаперти съ леди Верриндеръ. Мистеръ Броффъ,

Digitized by Google

адвокатъ, прибылъ съ минуту тому назадъ и дожидается въ библіотекѣ. Меня также провели въ библіотеку дожидаться.

Мистеръ Броффъ, кажется, удивился, увидавъ меня. Онъ ведетъ дѣла всего семейства, и мы съ нимъ еще прежде встрѣчались подъ кровомъ леди Веринджеръ. То былъ человѣкъ,—прискорбно сказать,—состарѣвшійся и посѣдѣлый на службѣ свѣту, человѣкъ, бывшій въ часы занятій избраннымъ служителемъ Закона и Маммона, а въ досужное время равно способный читать романы и рвать серіозные трактаты.

— Погостить пріѣхали, миссъ Клакъ? спросилъ онъ, взглянувъ на мой дорожный мѣшокъ.

Повѣдать содержимое безцѣннаго мѣшка подобной личности значило бы, просто-на-просто, вызвать нечестивый взрывъ. Я снизошла до его уровня и упомянула о дѣлѣ, по которому пріѣхала.

— Тетушка извѣстила меня о своемъ намѣреніи подписать завѣщаніе, отвѣтила я,—и была такъ добра, что просила меня присутствовать въ числѣ свидѣтелей.

— А! Вотъ какъ! Что жь, миссъ Клакъ, вы на это годитесь. Вамъ болѣе двадцати одного года, и въ завѣщаніи леди Веринджеръ вамъ нѣтъ ни малѣйшей денежной выгоды.

Ни малѣйшей денежной выгоды въ завѣщаніи леди Веринджеръ! О, какъ я была благодарна, услыхавъ это! Еслибы тетушка, владѣя тысячами, вспомнила обо мнѣ бѣдной, для которой и пять фунтовъ сумма немаловажная, еслибъ имя мое появилось въ завѣщаніи при маленькомъ наслѣдствѣ, въ видѣ утѣшенія,—враги мои заподозрили бы чистоту побужденій, которыя нагрузили меня избраннѣйшими сокровищами моей библіотеки, а изъ скудныхъ средствъ моихъ извлекли разорительный расходъ на кебъ. Теперь меня не заподозритъ и злѣйшій насмѣшникъ. Все къ лучшему! О, конечно, конечно, все къ лучшему!

Голосъ мистера Броффа вызвалъ меня изъ этихъ утѣшительныхъ размышленій. Мое созерцательное молчаніе, кажется, угнетало духъ этого міранина и какъ бы заставляло его противъ воли бесѣдовать со мной.

— Ну, миссъ Клакъ, что̀ же новенькаго въ кружкахъ милосердія? Какъ поживаетъ пріятель вашъ мистеръ Абльвайтъ послѣ трепки, что̀ задали ему эти мошенники въ Нортумберландъ-стритѣ? Признаюсь, славную исторію разказываютъ въ моемъ клубѣ объ этомъ милосердомъ джентльменѣ!

Digitized by Google

Я пренебрегла ужимкой, съ которою эта личность замѣтила, что мнѣ болѣе двадцати одного года и что въ тетушкиномъ завѣщаніи не предстоитъ мнѣ денежной выгоды. Но тона, которымъ онъ говорилъ о дорогомъ мистерѣ Годфеѣ, я уже не могла вынести. Послѣ всего происшедшаго пополудни въ моемъ присутствіи, я чувствовала себя обязанною заявить невинность моего дивнаго друга, какъ только высказано сомнѣніе относительно ея,—и, признаюсь, также чувствовала себя обязанною къ исполненію правдиваго намѣренія прибавить и язвительное наказаніе мистеру Броффу.

— Я живу вдали отъ свѣта, сэръ, сказала я,— и не пользуюсь выгодами принадлежности къ какому-нибудь клубу. Но исторія, на которую вы намекаете, случайно извѣстна мнѣ, а также и то, что еще не бывало клеветы болѣе подлой чѣмъ эта исторія.

— Да, конечно, миссъ Клакъ, вы увѣрены въ своемъ другѣ. Весьма естественно. Но мистеру Годфрею Абльвайту не такъ легко будетъ убѣдить весь свѣтъ, какъ онъ убѣждаетъ комитеты милосердыхъ леди. Всѣ вѣроятности безнадежно противъ него. Онъ былъ въ домѣ во время пропажи алмаза, и первый изъ всѣхъ домашнихъ выѣхалъ послѣ того въ Лондонъ. Гаденькія обстоятельства, сударыня, если еще поосвѣтить ихъ позднѣйшими событіями.

Я знаю, что мнѣ слѣдовало бы поправить его на этомъ же мѣстѣ рѣчи. Мнѣ слѣдовало бы сказать ему, что онъ говоритъ, не зная о свидѣтельствѣ невинности мистера Годфрея, представленномъ единственною особой, которая безспорно могла говорить съ положительнымъ знаніемъ дѣла. Увы! Соблазнъ искусно довести адвоката до пораженія самого себя былъ слишкомъ силенъ. Съ видомъ крайней наивности, я спросила, что̀ онъ разумѣетъ подъ „позднѣйшими событіями“.

— Подъ позднѣйшими событіями, миссъ Клакъ, я разумѣю тѣ, въ которыхъ замѣшаны Индѣйцы, продолжалъ мистеръ Броффъ, съ каждымъ словомъ все болѣе и болѣе забирая верхъ надо мною бѣдняжкой:—что̀ дѣлаютъ Индѣйцы тотчасъ по выпускѣ ихъ изъ фризингальской тюрьмы? Они ѣдутъ прямо въ Лондонъ и останавливаются у мистера Локера. Что̀ же говоритъ мистеръ Локеръ, впервые обращаясь къ судебной защитѣ? Онъ заявляетъ подозрѣніе на Индѣйцевъ въ подговорѣ проживающаго въ его заведеніи

Digitized by Google

иностранца рабочаго. Возможно ли яснѣйшее нравственное доказательство, по крайней мѣрѣ, хоть того, что мошенники нашли себѣ сообщника въ числѣ наемниковъ мистера Локера и знали о мѣстонахожденіи Лунного камня въ его домѣ? Очень хорошо. Что же дальше? Мистеръ Локеръ встревоженъ (и весьма основательно) насчетъ безопасности драгоцѣннаго камня, взятаго имъ въ залогъ. Онъ тайно помѣщаетъ его (описавъ его въ общихъ выраженіяхъ) въ кладовую своего банкира. Чрезвычайно умно съ его стороны, но Индѣйцы, съ своей стороны, не глупѣе. Они подозрѣваютъ, что алмазъ тайкомъ перевезенъ съ одного мѣста на другое и нападаютъ на необыкновенно смѣлое и удовлетворительнѣйшее средство выяснить свои подозрѣнія. За кого жь они хватаются? Кого обыскиваютъ? Не одного мистера Локера, что было бы еще понятно, а также и мистера Годфрея Абльвайта. Почему? Мистеръ Абльвайтъ объясняетъ, что они дѣйствовали по темному подозрѣнію, случайно заставъ его въ разговорѣ съ мистеромъ Локеромъ. Нелѣпость! Въ то утро съ мистеромъ Локеромъ говорило по крайней мѣрѣ полдюжины людей. Почему же за ними никто не слѣдилъ до дому и не заманилъ ихъ въ ловушку? Нѣтъ! Нѣтъ! Простѣйшій выводъ тотъ, что мистеръ Абльвайтъ лично былъ не менѣе мистера Локера заинтересованъ въ Лунномъ камнѣ, а Индѣйцы такъ мало знали, у кого изъ двухъ находится алмазъ, что имъ не оставалось ничего иного, какъ обыскать обоихъ. Таково общественное мнѣніе, миссъ Клакъ. И въ этомъ случаѣ общественное мнѣніе не такъ-то легко отвергнуть.

Послѣднія слова онъ проговорилъ съ видомъ такой поражающей мудрости, такъ свѣтски-самоувѣренно, что, право, я (къ стыду моему будь сказано) не могла удержаться, чтобы не провести его еще крошечку подальше, прежде чѣмъ ошеломить истиной.

— Не смѣю спорить съ такимъ даровитымъ законникомъ, сказала я. — Но вполнѣ ли честно, сэръ, въ отношеніи мистера Абльвайта, пренебрегать мнѣніемъ знаменитаго въ Лондонѣ полицейскаго чиновника, производившаго слѣдствіе по этому дѣлу? У пристава Коффа и въ мысляхъ не было подозрѣнія на кого-либо, кромѣ миссъ Верриндеръ.

— Ужь не хотите ли вы сказать, миссъ Клакъ, что согласны съ приставомъ?

Digitized by Google

— Я никого не виню, сэръ, и не заявляю никакого мнѣнія.

— А я грѣшенъ и въ томъ и въ другомъ, сударыня. Я виню пристава въ полнѣйшемъ заблужденіи и заявляю мнѣніе, что еслибъ онъ, подобно мнѣ, зналъ характеръ миссъ Рахили, то заподозрилъ бы сначала всѣхъ домашнихъ, прежде чѣмъ добраться до *нея*. Я допускаю въ ней недостатки: она скрытна, своевольна, причудлива, вспыльчива и не похожа на другихъ своихъ сверстницъ; но чиста какъ сталь, благородна и великодушна до послѣдней степени. Еслибъ яснѣйшія въ свѣтѣ улики клонили дѣло въ одну сторону, а на другой сторонѣ не было бы ничего, кромѣ честнаго слова миссъ Рахили, я отдалъ бы преимущество слову ея передъ уликами, даромъ что я законникъ! Сильно сказано, миссъ Клакъ, но таково мое искреннее мнѣніе.

— Не найдете ли удобнымъ выразить ваше мнѣніе понагляднѣе, мистеръ Броффъ, такъ чтобы во мнѣ ужь не оставалось сомнѣнія, что я поняла его? Положимъ, вы нашли бы миссъ Верриндеръ неизвѣстно почему заинтересованною происшествіемъ съ мистеромъ Абльвайтомъ и мистеромъ Локеромъ. Предположимъ, она стала бы самымъ страннымъ образомъ разспрашивать объ этомъ ужасномъ скандалѣ и выказала бы неодолимое волненіе, увидавъ, какой оборотъ принимаетъ дѣло?

— Предполагайте все, что̀ вамъ угодно, миссъ Клакъ, вы ни на волосъ не поколебаете моей вѣры въ Рахиль Верриндеръ.

— До такой степени безусловно можно положиться на нее?

— До такой степени.

— Такъ позвольте же сообщить вамъ, мистеръ Броффъ, что мистеръ Абльвайтъ не болѣе двухъ часовъ тому назадъ былъ здѣсь въ домѣ, и полнѣйшая невинность его во всемъ касающемся пропажи Луннаго камня была провозглашена самою миссъ Верриндеръ въ сильнѣйшихъ выраженіяхъ, какихъ я и не слыхивала отъ молодыхъ леди.

Я наслаждалась торжествомъ, — кажется, надо сознаться, грѣшнымъ торжествомъ, — видя мистера Броффа въ конецъ уничтоженнымъ и опрокинутымъ моими немногими простыми словами. Онъ вскочилъ на ноги и молча вытаращилъ на меня глаза. Я же, спокойно сидя на своемъ мѣстѣ, разказала ему всю сцену точь-въ-точь какъ она происходила.

— Что̀ же *теперь-то* вы скажете о мистерѣ Абльвайтѣ?

Digitized by Google

спросила я со всею возможною кротостью, какъ только договорила.

— Если миссъ Рахиль засвидѣтельствовала его невинность, а не стыжусь сказать, что и я вѣрю въ его невинность не менѣе васъ, миссъ Клакъ. Я, подобно прочимъ, былъ обманутъ кажущимися обстоятельствами и сдѣлаю все возможное во искупленіе своей вины, публично опровергая, гдѣ бы я ни услышалъ ее, сплетню, которая вредитъ вашему другу. А между тѣмъ позвольте мнѣ привѣтствовать мастерскую ловкость, съ которою вы открыли по мнѣ огонь изъ всѣхъ вашихъ батарей въ ту самую минуту, когда я менѣе всего могъ этого ожидать. Вы далеко бы пошли въ моей профессіи, сударыня, еслибы вамъ посчастливилось быть мущиной.

Съ этими словами онъ отвернулся отъ меня и началъ раздражительно ходить изъ угла въ уголъ.

Я могла ясно видѣть, что новый свѣтъ, брошенный мною на это дѣло, сильно удивилъ и смутилъ его. По мѣрѣ того какъ онъ болѣе и болѣе погружался въ свои мысли, съ устъ его срывались нѣкоторыя выраженія, позволившія мнѣ угадать отвратительную точку зрѣнія, съ какой онъ до сихъ поръ смотрѣлъ на тайну пропажи Лунного камня. Онъ, не стѣсняясь, подозрѣвалъ дорогаго мистера Годфрея въ позорномъ захватѣ алмаза и приписывалъ поведеніе Рахили великодушной рѣшимости скрыть преступленіе. Въ силу же утвержденія самой миссъ Вериндеръ, неопровержимаго, по мнѣнію мистера Броффа, это объясненіе обстоятельствъ оказывается теперь совершенно ложнымъ. Смущеніе, въ которое я погрузила высоко-знаменитаго юриста, до того ошеломило его, что онъ уже не въ силахъ былъ и скрыть его отъ моей наблюдательности.

— Каково дѣльце! слышалось мнѣ, какъ онъ ворчалъ про себя, остановясь у окна и барабаня пальцами по стеклу: — Ужь не говоря про объясненія, даже и догадкамъ-то недоступно!

Съ моей стороны вовсе не требовалось отвѣта на эти слова, но все-таки я отвѣтила! Трудно повѣрить, что я все еще не могла оставить въ покоѣ мистера Броффа. Пожалуй, покажется верхомъ человѣческой испорченности, что я нашла въ послѣднихъ словахъ его новый поводъ наговорить ему непріятностей. Но что жь дѣлать, друзья мои, развѣ есть мѣра людской испорченности! все возможно, когда падшая природа осиливаетъ насъ!

Digitized by Google

— Извините, что я помѣшаю вашимъ размышленіямъ, сказала я ничего не подозрѣвавшему мистеру Броффу:—мнѣ кажется, можно сдѣлать еще предположеніе, до сихъ поръ никому изъ насъ не приходившее въ голову.

— Можетъ-быть, миссъ Клакъ. Признаюсь, даже не знаю какое.

— Предъ тѣмъ какъ мнѣ посчастливилось, сэръ, убѣдить васъ въ невинности мистера Абльвайта, вы упомянули въ числѣ поводовъ къ подозрѣнію самое присутствіе его въ домѣ во время пропажи алмаза. Позвольте напомнить вамъ, что мистеръ Франклинъ Блекъ въ то время также находился въ домѣ.

Старый сребролюбецъ отошелъ отъ окна, сѣлъ въ кресло какъ разъ противъ меня и пристально поглядѣлъ на меня съ тяжелою, лукавою усмѣшкой.

— Нѣтъ, вы не такъ ловки въ адвокатурѣ, какъ я полагалъ, миссъ Клакъ, задумчиво проговорилъ онъ: — вы не умѣете въ пору кончить.

— Боюсь, что я не совсѣмъ понимаю васъ, мистеръ Броффъ, скромно сказала я.

— Неподходящее дѣло, миссъ Клакъ,—на этотъ разъ, право, не подходящее. Франклинъ Блекъ, какъ вамъ хорошо извѣстно, первый любимецъ мой. Но не въ томъ дѣло. Извольте, я въ этомъ случаѣ согласенъ съ вашимъ взглядомъ. Вы совершенно правы, сударыня. Я подозрѣвалъ мистера Абльвайта въ силу тѣхъ обстоятельствъ, которыя, отвлеченно говоря, оправдываютъ подозрѣнія и относительно мистера Блека. Очень хорошо, заподозримъ и его. Скажемъ, что это въ его характерѣ, — онъ въ состояніи украсть Лунный камень. Я спрашиваю только, выгодно ли это было для него?

— Долги мистера Франклина Блека, замѣтила я, — дѣло извѣстное всему семейству.

— А долги мистера Годфрея Абльвайта не достигли еще такой степени развитія. Совершенно справедливо. Но въ теоріи вашей, миссъ Клакъ, встрѣчаются два затрудненія. Я завѣдую дѣлами Франклина Блека и прошу позволенія сообщить вамъ, что огромное большинство его кредиторовъ (зная богатство его отца) очень охотно ждетъ уплаты, причисляя процентъ къ суммѣ. Вотъ первое затрудненіе, — и довольно тяжеловѣсное. А другое, увидите, еще тяжелѣе.

Digitized by Google

Мнѣ извѣстно изъ устъ самой леди Веринде́ръ, что предъ самымъ исчезновеніемъ этого адскаго индѣйскаго алмаза, дочь ея готовилась выйдти замужъ за Франклина Блека. Она завлекла его и оттолкнула потомъ по кокетству молодой дѣвушки. Но все-таки она успѣла признаться матери, что любитъ кузена Франклина, а мать посвятила кузена Франклина въ эту тайну. И вотъ онъ пребываетъ, миссъ Клакъ, въ увѣренности, что кредиторы терпѣливы, и въ надеждѣ жениться на богатой наслѣдницѣ. Считайте его мошенникомъ, сколько угодно, только скажите на милость, зачѣмъ же ему красть-то Лунный камень?

— Сердце человѣческое неисповѣдимо, сказала я съ кротостью:—кто въ него проникнетъ?

— То-есть, другими словами, сударыня: хотя не было никакой надобности красть алмазъ, онъ тѣмъ не менѣе взялъ его по врожденной испорченности. Очень хорошо. Положимъ такъ. За коимъ же чортомъ....

— Извините меня, мистеръ Броффъ. Когда при мнѣ упоминаютъ о чортѣ въ такомъ смыслѣ, мнѣ слѣдуетъ уйдти.

— *Меня* извините, миссъ Клакъ, я постараюсь впередъ быть поразборчивѣй въ выраженіяхъ. Я только одно хотѣлъ спросить. Зачѣмъ бы Франклину Блеку,—предположивъ даже, что онъ взялъ алмазъ, — становиться во главѣ всѣхъ домашнихъ для розысковъ? Вы можете сказать, что онъ употребилъ хитрость для отвлеченія отъ себя подозрѣній. Но я отвѣчу, что ему не было нужды отвлекать подозрѣнія, такъ какъ никто его не подозрѣвалъ. Итакъ онъ сначала крадетъ Лунный камень (безъ малѣйшей надобности) по врожденной испорченности, а потомъ вслѣдствіе пропажи камня играетъ роль, вовсе не нужную и доводящую его до смертельнаго оскорбленія молодой особы, которая иначе вышла бы за него замужъ. Вотъ какой чудовищный тезисъ вы принуждены защищать, если попытаетесь связать пропажу Луннаго камня съ Франклиномъ Блекомъ. Нѣтъ, нѣтъ, миссъ Клакъ! Послѣ всего сказаннаго сегодня между нами, узелокъ затянутъ наглухо. Невинность миссъ Рахили (какъ извѣстно ея матери и мнѣ) внѣ сомнѣній. Невинность мистера Абльвайта также безспорна,—иначе миссъ Рахиль не свидѣтельствовала бы объ ней. А невинность Франклина Блека, какъ видите, неопровержимо говоритъ сама за себя. Съ

Digitized by Google

одной стороны мы нравственно увѣрены во всемъ этомъ. А съ другой стороны, мы равно увѣрены въ томъ, что кто-нибудь да привезъ же Лунный камень въ Лондонъ, и что въ настоящее время онъ въ рукахъ мистера Локера или его банкира. Къ чему же ведетъ моя опытность, къ чему привела бы чья бы то ни было опытность, въ подобномъ дѣлѣ? Она сбиваетъ съ толку и меня, и васъ, и всѣхъ.

„Нѣтъ, не всѣхъ. Оно не сбило съ толку пристава Коффа", только что я хотѣла сказать это, — со всевозможною кротостью и съ необходимою оговоркой, чтобы не заподозрили меня въ желаніи запутать Рахиль,—какъ лакей пришелъ доложить, что докторъ уѣхалъ, и тетушка ожидаетъ васъ.

Это прекратило пренія. Мистеръ Броффъ собралъ свои бумаги, видимо утомленный вопросами, которые задалъ ему нашъ разговоръ. Я подняла свой мѣшокъ, наполненный драгоцѣнными изданіями, чувствуя себя въ состояніи протолковать еще цѣлые часы. Мы молча отправились въ комнату леди Веридеръ.

Позвольте мнѣ, прежде чѣмъ разказъ мой перейдетъ къ другимъ событіямъ, прибавить, что я описала происходившее между мной и адвокатомъ, имѣя въ виду опредѣленную цѣль. Мнѣ поручено включить въ мою письменную дань прискорбной исторіи Луннаго камня полное изложеніе не только общаго направленія подозрѣній, но и имена тѣхъ особъ, которыхъ подозрѣніе касалось въ то время, когда стало извѣстно, что индѣйскій алмазъ находится въ Лондонѣ. Изложеніе моего разговора съ мистеромъ Броффомъ въ библіотекѣ показалось мнѣ какъ разъ соотвѣтствующимъ этому требованію; вмѣстѣ съ тѣмъ, оно обладаетъ и великимъ нравственнымъ преимуществомъ, принося грѣховное самолюбіе мое въ жертву, которая съ моей стороны была существенно необходима. Я должна была сознаться, что грѣховная природа пересилила меня. Сдѣлавъ же это унизительное признаніе, я осилила свою грѣховную природу. Нравственное равновѣсіе возстановлено; духовная атмосфера снова прочищается. Мы можемъ продолжать, дорогіе друзья мои.

Digitized by Google

IV.

Завѣщаніе было подписано гораздо скорѣе чѣмъ я ожидала. По моему мнѣнію, спѣшили до неприличія. Послали за лакеемъ Самуиломъ, который долженъ былъ присутствовать въ качествѣ втораго свидѣтеля,— и тотчасъ подали тетушкѣ перо. Я чувствовала сильное побужденіе сказать нѣсколько словъ, приличныхъ этому торжественному случаю; но заблагоразсудила подавить порывъ, пока мистеръ Броффъ не уйдетъ изъ комнаты. Дѣло было кончено минуты въ двѣ, и Самуилъ (не воспользовавшись тѣмъ, что̀ я могла бы сказать) вернулся внизъ.

Мистеръ Броффъ свернулъ завѣщаніе и поглядѣлъ въ мою сторону, какъ бы желая знать, намѣрена ли я или нѣтъ оставить его наединѣ съ тетушкой. Но я готовилась къ дѣламъ милосердія, и мѣшокъ съ драгоцѣнными изданіями лежалъ у меня на колѣняхъ. Своимъ взглядомъ онъ скорѣе сдвинулъ бы съ мѣста соборъ Св. Павла нежели меня. Впрочемъ, онъ имѣлъ одно неотрицаемое достоинство, которымъ, безъ сомнѣнія, обязанъ былъ своему свѣтскому воспитанію. Онъ понималъ съ одного взгляда. Я, кажется, произвела на него то же самое впечатлѣніе, какъ и на извощика. Онъ тоже разразился нечестивымъ выраженіемъ и въ сердцахъ поспѣшно вышелъ, уступивъ мнѣ поле.

Какъ только мы остались наединѣ съ тетушкой, она расположилась на диванѣ и съ видомъ нѣкотораго смущенія заговорила о завѣщаніи.

— Надѣюсь, вы не считаете себя забытою, Друзилла, сказала она:—я намѣрена собственноручно *подарить* вамъ коечто на память, моя милая.

Вотъ онъ золотой случай! Я тотчасъ же за него ухватилась. Другими словами, я мигомъ открыла свой мѣшокъ и вынула верхнее сочиненіе. Оно оказалось старымъ изданіемъ, только еще двадцать пятымъ, знаменитаго анонимнаго труда (приписываемаго безподобной миссъ Белловсъ) подъ заглавіемъ „Змій-искуситель въ домашнемъ быту.“ Цѣль этой книги,—быть-можетъ, незнакомой свѣтскому читателю,— показать, какъ врагъ подстерегаетъ насъ во всѣхъ, повиди-

Digitized by Google

мому самыхъ невиннымъ, занятіямъ обыденной жизни. Вотъ главы наиболѣе удобныя для женскаго чтенія: „Сатана за зеркаломъ,“ „Сатана подъ чайнымъ столомъ,“ „Сатана за окнами“ и многія другія.

— Подарите меня, дорогая тетушка, вашимъ вниманіемъ къ этой безцѣнной книгѣ,—и вы дадите мнѣ все, чего я прошу. Съ этими словами я подала ей книгу, развернутую на отмѣченномъ мѣстѣ,—безконечномъ порывѣ пламеннаго краснорѣчія! Содержаніе: „Сатана въ диванныхъ подушкахъ.“ Бѣдная леди Верендеръ (безпечно покоившаяся въ подушкахъ собственнаго дивана) заглянула въ книгу и возвратила ее мнѣ, смущаясь болѣе прежняго.

— Мнѣ кажется, Друзилла, сказала она:—слѣдуетъ подождать, пока мнѣ будетъ немного полегче, чтобы читать это. Докторъ....

Какъ только она упомянула объ докторѣ, я уже знала, что̀ за тѣмъ послѣдуетъ. Многое множество разъ въ прошлой моей дѣятельности посреди гибнущихъ ближнихъ, члены отъявленно богопротивной врачебной профессіи заступали мнѣ дорогу въ дѣлахъ милосердія,—подъ жалкимъ предлогомъ будто бы паціенту необходимъ покой, а изъ всѣхъ разстроивающихъ вліяній пуще-де всего надо бояться вліянія миссъ Клакъ съ ея книгами. Вотъ этотъ-то именно слѣпой матеріализмъ (коварно дѣйствующій изподтишка) и теперь старался лишить меня единственнаго права собственности, котораго я могла требовать при моей бѣдности,—права духовной собственности въ лицѣ погибающей тетушки.

— Докторъ говоритъ, продолжала моя бѣдная, заблудшая родственница,—что я не такъ здорова сегодня. Онъ запретилъ принимать постороннихъ и предписалъ мнѣ, ужь если читать, то читать легчайшія и самыя забавныя книги. „Не занимайтесь, леди Верендеръ, ничѣмъ утомляющимъ умъ или ускоряющимъ пульсъ“,—вотъ, Друзилла, его послѣднія слова нынче на прощаньи.

Нечего дѣлать, надо было снова уступить—лишь на время, разумѣется, какъ и прежде. Открытое заявленіе безконечно большей важности моей должности, въ сравненіи съ должностью врача, только заставило бы доктора повліять на человѣческую слабость паціентки и подорвать все дѣло.

Digitized by Google

По счастію, на посѣвъ добраго сѣмени есть много способовъ и мало кто усвоилъ ихъ лучше меня.

— Можетъ-быть, вы часика черезъ два почувствуете себя крѣпче, милая тетушка, сказала я:—или завтра поутру, можетъ-быть, проснетесь, почувствуете, что вамъ чего-то недостаетъ, и этотъ ничтожный томикъ, можетъ-быть, пригодится. Вы позволите мнѣ оставить у васъ книгу, тетушка? Едва ли докторъ запретитъ и это!

Я сунула ее подъ подушку дивана, оставивъ нѣсколько на виду, какъ разъ подлѣ носоваго платка и флакончика съ солями. Какъ только ей понадобится тотъ или другой, рука ея тотчасъ и тронетъ книгу; а рано или поздно (кто знаетъ?), можетъ-быть, и книга тронетъ *ее*. Распорядясь такимъ образомъ, я почла благоразумнымъ удалиться. „Позвольте мнѣ дать вамъ успокоиться, милая тетушка; завтра я опять побываю.“ Говоря это, я случайно взглянула въ окно; оно было заставлено цвѣтами въ горшкахъ и ящикахъ. Леди Верриндеръ, до безумія любя эти бренныя сокровища, то и дѣло вставала и подходила къ нимъ полюбоваться или понюхать. Новая мысль блеснула въ моемъ умѣ. „Ахъ! позвольте мнѣ сорвать одинъ цвѣтокъ?“ сказала я, и такимъ образомъ, отстранивъ всякое подозрѣніе, подошла къ окну. Но вмѣсто того чтобы взять одинъ изъ цвѣтковъ, я прибавила новый въ формѣ другой книги изъ моего мѣшка, которую запрятала, въ видѣ сюрприза тетушкѣ, между розъ и гераніумовъ. За тѣмъ послѣдовала счастливая мысль:—почему бы не сдѣлать этого для нея, бѣдняжки, во всѣхъ комнатахъ, куда она заходитъ? Я тотчасъ простилась, и пройдя залой, проскользнула въ библіотеку. Самуилъ, взошедшій на верхъ чтобы проводить меня, полагая, что я ушла, вернулся внизъ. Въ библіотекѣ на столѣ я замѣтила двѣ „забавныя книги“, рекомендованныя богопротивнымъ докторомъ. Я мигомъ скрыла ихъ изъ виду подъ двумя изданіями изъ моего мѣшка. Въ чайной комнатѣ пѣла въ клѣткѣ любимая тетушкина канарейка. Тетушка всегда сама кормила эту птицу. На столѣ, какъ разъ подъ клѣткой, насыпано было канареечное сѣмя. Я положила тутъ же и книгу. Въ гостиной представилось еще болѣе удобныхъ случаевъ опростать мѣшокъ. На фортепіано лежали любимыя тетушкины ноты. Я сунула еще двѣ книги и помѣстила еще одну во второй гостиной подъ неоконченнымъ вышиваньемъ, надъ которымъ, какъ мнѣ

Digitized by Google

было извѣстно, трудилась леди Верандеръ. Изъ второй гостиной былъ выходъ въ маленькую комнатку, отдѣленную отъ нея портьерой. Тамъ на каминѣ лежалъ тетушкинъ простенькій, старомодный вѣеръ. Я развернула девятую книгу на самомъ существенномъ отрывкѣ и заложила вѣеромъ вмѣсто замѣтки. Теперь возникалъ вопросъ, идти ли на верхъ попробовать счастья въ спальняхъ, безъ сомнѣнія, рискуя на оскорбленіе, если особа въ чепцѣ съ лентами случится на ту пору въ верхнемъ отдѣленіи дома и встрѣтитъ меня. Но что же до этого? Жалокъ тотъ христіанинъ, который боится оскорбленій. Я пошла на верхъ, готовая все вытерпѣть. Тамъ было тихо и пусто: прислуга, кажется, чайничала въ это время. Тетушкина комната была первою. На стѣнѣ противъ постели висѣлъ миніатюрный портретъ покойнаго милаго моего дядюшки, сэръ-Джона. Онъ, казалось, улыбался мнѣ; онъ, казалось, говорилъ: „Друзилла! положите книгу.“ По бокамъ тетушкиной постели стояли столики. Она плохо спала, и по ночамъ ей то и дѣло надобились,—а можетъ-быть, ей только казалось, что надобятся, — разныя разности. Съ одного боку я положила книгу возлѣ спичечницы, а съ другаго подъ коробку съ шоколатными лепешками. Понадобится ли ей свѣча, или лепешка, ей тотчасъ попадется на глаза или подъ руку драгоцѣнное изданіе и скажетъ ей съ безмолвнымъ краснорѣчіемъ: „коснись меня! коснись!“ На днѣ моего мѣшка оставалась лишь одна книга, и только одна комната оставалась неосмотрѣнною,—ванная, въ которую ходъ былъ изъ спальни. Я заглянула въ нее, и святой, внутренній, никогда не обманывающій голосъ шепнулъ мнѣ:— ты всюду приготовила ей встрѣчи, Друзилла; приготовь ей встрѣчу въ ваннѣ, и трудъ твой оконченъ. Я замѣтила блузу, брошенную на креслѣ. Она была съ карманомъ, и въ этотъ-то карманъ я положила послѣднюю книгу. Можно ли выразить словами отмѣнное чувство исполненнаго долга, съ которымъ я выскользнула изъ дому, никѣмъ незамѣченная, и очутилась на улицѣ съ пустымъ мѣшкомъ подъ мышкой? О вы, свѣтскіе друзья, гоняющіеся за призракомъ удовольствія въ грѣховномъ лабиринтѣ развлеченій, какъ легко и доступно счастье, если вы только захотите быть добрыми!

Въ этотъ вечеръ, укладывая свои вещи, и размышляя объ *истинныхъ* богатствахъ, разсыпанныхъ столь щедрою рукой по всему дому моей богатой тетушки, я чувствовала себя

Digitized by Google

въ такой дали отъ всякихъ горестей, какъ будто я снова стала ребенкомъ. У меня было такъ легко на душѣ, что я запѣла стихъ Вечерняго Гимна. У меня было такъ легко на душѣ, что я заснула, не допѣвъ другаго стиха; точно дѣтство вернулось, полнѣйшее дѣтство!

Такъ я провела благодатную ночь. Какою молодою чувствовала я себя, просыпаясь на слѣдующее утро! Я могла бы прибавить: какою молодою казалась я, еслибъ я была способна остановиться на чемъ-либо, касающемся моего бреннаго тѣла! Но я не способна къ этому,—и ничего не прибавляю.

Когда пришло время завтрака,—не ради чревоугодія, но для того чтобы вѣрнѣе застать тетушку,—я надѣла шляпу, собираясь на Монтегю-скверъ. Но въ ту минуту, какъ я была уже готова, служанка при занимаемыхъ мною нумерахъ заглянула въ дверь и доложила: „слуга леди Веринделъ желаетъ видѣть миссъ Клакъ.“

Въ то время моего пребыванія въ Лондонѣ я занимала нижній этажъ. Входная зала была моею пріемной. Очень маленькая, очень низенькая, весьма бѣдно меблированная, но зато какая чистенькая! Я выглянула въ корридоръ, желая знать, который изъ лакеевъ леди Веринделъ спрашивалъ меня. То былъ молодой Самуилъ, вѣжливый, румяный юноша, съ кроткою наружностью и весьма обязательнымъ обхожденіемъ. Я всегда чувствовала духовное влеченіе къ Самуилу и желаніе попытать надъ нимъ нѣсколько серіозныхъ словъ. Пользуясь этимъ случаемъ, я пригласила его въ пріемную.

Онъ вошелъ съ огромнымъ свертномъ подъ мышкой. Кладя его на полъ, онъ, кажется, испугался своей ноши. „Поклонъ отъ миледи, миссъ; и приказано сказать, что при этомъ есть письмо.“ Передавъ свое порученіе, румяный юноша удивилъ меня своимъ видомъ: какъ будто ему хотѣлось убѣжать.

Я удержала его, предложивъ нѣсколько ласковыхъ вопросовъ. Можно ли будетъ повидать тетушку, зайдя на Монтегю-скверъ? Нѣтъ; она поѣхала кататься. Съ ней отправилась миссъ Рахиль; мистеръ Абльвайтъ также занялъ мѣсто въ экипажѣ. Зная въ какомъ прискорбномъ запущеніи у милаго мистера Годфрея дѣла по милосердію, я находила весьма страннымъ, что онъ поѣдетъ кататься, подобно праздным людямъ. Я остановила Самуила у двери и сдѣлала еще

Digitized by Google

нѣсколько ласковыхъ вопросовъ. Миссъ Рахиль собирается нынче вечеромъ на балъ, мистеръ Абльвайтъ располагаетъ пріѣхать къ кофе и отправиться вмѣстѣ съ нею. На завтра объявленъ утренній концертъ, и Самуилу приказано взять мѣста для многочисленнаго общества, въ томъ числѣ и для мистера Абльвайта. „Того и гляди разберутъ всѣ билеты, миссъ, проговорилъ невинный юноша,—если я не успѣю сбѣгать и захватить ихъ поскорѣе"! Съ этими словами онъ убѣжалъ, и я снова осталась одна, занятая нѣкоторыми тревожными мыслями.

Сегодня вечеромъ назначено было чрезвычайное собраніе Материнскаго Общества Дѣтской Одежды, созванное нарочно въ видахъ полученія совѣта и помощи отъ мистера Годфрея. Но вмѣсто того чтобы поддержать наше братство при ошеломляющемъ притокѣ брюкъ, отъ котораго маленькая наша община упала духомъ, онъ собирался пить кофе на Монтегю-скверѣ и затѣмъ ѣхать на балъ! Слѣдующее утро было избрано для враждества въ Обществѣ Надзора за Воскресными Подругами Прислуги Британскихъ Дамъ. Вмѣсто того чтобы своимъ присутствіемъ вдохнуть жизнь и душу этому ратующему учрежденію, онъ связался съ компаніей міранъ, отправляющихся на утренній концертъ! Я спрашивала себя, что̀ бы это значило? Увы! Это значило, что нашъ христіанскій герой являлся мнѣ въ новомъ свѣтѣ и становился въ умѣ моемъ однимъ изъ ужаснѣйшихъ отступниковъ новѣйшаго времени.

Но возвратимся, однако, къ разказу о текущемъ днѣ. Оставшись одна въ своей комнатѣ, я весьма естественно обратила вниманіе на свертокъ, который такъ пугалъ румянаго молодаго лакея. Не прислала ли тетушка обѣщаннаго подарочка на память? И не облекся ли онъ въ форму заношенныхъ платьевъ, стертыхъ серебряныхъ ложекъ, или драгоцѣнныхъ камней въ старомодной оправѣ, словомъ, чего-либо подобнаго? Готовая все принять не оскорбляясь, я развернула свертокъ,—и что̀ же бросилось мнѣ въ глаза? Дюжина безцѣнныхъ изданій, раскиданныхъ мною наканунѣ по всему дому; всѣ они возвращались мнѣ по приказу доктора! Какъ же было не трепетать юному Самуилу, когда онъ принесъ этотъ свертокъ въ мою комнату! Какъ же было не бѣжать ему, исполнивъ это несчастное порученіе! Что касается письма тетушки, то она, бѣдняжка, просто

Digitized by Google

увѣдомляла меня, что не смѣетъ ослушаться своего врача. Что̀ теперь предстояло дѣлать? При моихъ свѣдѣніяхъ и правилахъ, я не колебалась ни минуты.

Однажды укрѣпленный сознаніемъ, однажды ринувшись на поприще очевидной пользы, христіанинъ никогда не уступаетъ. Ни общественныя, ни домашнія вліянія не производятъ на насъ ни малѣйшаго впечатлѣнія, какъ скоро мы приступили къ исполненію того къ чему мы призваны. Пусть результатомъ нашей миссіи будутъ налоги, пусть результатомъ ея будетъ мятежъ, пусть результатомъ ея будетъ война; мы продолжаемъ свое дѣло, не обращая вниманія ни на какія человѣческія соображенія, которыя двигаютъ внѣшнимъ міромъ; мы выше разума; мы за предѣлами смѣшнаго; мы ничьими глазами не смотримъ, ничьими ушами не слушаемъ, ничьимъ сердцемъ не чувствуемъ, кромѣ собственныхъ. Дивное, славное преимущество! А какъ его добиться? О, друзья мои, вы могли бы избавить себя отъ безполезнаго вопроса! Мы одни только и можемъ добиться его, потому что одни мы всегда правы.

Что̀ же касается заблудшей моей тетушки, то форма, въ которой слѣдовало теперь проявиться моей благочестивой настойчивости, представилась мнѣ весьма ясно.

Приготовленіе чрезъ посредство моихъ духовныхъ друзей не удалось, благодаря собственному нежеланію леди Верриндеръ. Приготовленіе посредствомъ книгъ не удалось, благодаря богопротивному упорству доктора. Быть по сему! Что̀ же теперь попробовать? Теперь надлежало попробовать приготовленіе посредствомъ записочекъ. Другими словами, такъ какъ самыя книги были присланы назадъ, то слѣдовало сдѣлать выписки избранныхъ отрывковъ различнымъ почеркомъ, и адресовавъ ихъ тетушкѣ въ видѣ писемъ, однѣ отправить по почтѣ, а другія размѣстить въ домѣ по плану, принятому мною наканунѣ. Письма не возбудятъ никакихъ подозрѣній; письма будутъ распечатаны, а однажды распечатанныя, быть-можетъ, и прочтутся. Нѣкоторыя изъ нихъ я сама написала: „Милая тетушка, смѣю ли просить вашего вниманія на нѣсколько строкъ?“ и пр. „Милая тетушка, вчера вечеромъ я, читая, случайно напала на слѣдующій отрывокъ и пр.“ Другія письма были написаны моими доблестными сотрудницами, сестрами по Материнскому Обществу Дѣтской Одежды и пр. „Милостивая государыня!

Digitized by Google

Простите участію, принимаемому въ васъ вѣрнымъ, хотя и смиреннымъ другомъ....“ „Милостивая государыня! Позволите ли серіозной особѣ удивить васъ нѣсколькими шутливыми словами?“ Употребляя такіе и тому подобные образцы вѣжливыхъ просьбъ, мы воспроизвели всѣ безцѣнные отрывки въ такой формѣ, что ихъ не заподозрилъ бы даже зоркій матеріализмъ доктора. Еще не смерклись вокругъ насъ вечернія тѣни, какъ я уже запаслась для тетушки дюжиной пробуждающихъ писемъ, вмѣсто дюжины пробуждающихъ книгъ. Шесть изъ нихъ я тотчасъ распорядилась послать по почтѣ, а шесть оставила у себя въ карманѣ для собственноручнаго распредѣленія по всему дому на завтра.

Вскорѣ послѣ двухъ часовъ я снова была уже на полѣ кроткой битвы, и стоя на крыльцѣ у леди Верендеръ, предлагала нѣсколько ласковыхъ вопросовъ Самуилу.

Тетушка дурно провела ночь. Теперь она снова въ той комнатѣ, гдѣ свидѣтельствовали ея завѣщаніе, отдыхаетъ на диванѣ и старается немного соснуть.

Я сказала, что подожду въ библіотекѣ, пока можно будетъ ее видѣть. Въ ревностномъ желаніи поскорѣе размѣстить письма, мнѣ и въ голову не пришло освѣдомиться о Рахили. Въ домѣ было тихо; концертъ давно уже начался. Я была въ полной увѣренности, что она съ своею компаніей искателей удовольствія (и мистеромъ Годфреемъ, увы! въ томъ числѣ) была въ концертѣ, и ревностно посвятила себя доброму дѣлу, пока время и обстановка были въ моемъ распоряженіи.

Полученныя поутру письма къ тетушкѣ, въ томъ числѣ и шесть пробуждающихъ, отправленныхъ мною наканунѣ, лежали нераспечатанными на библіотечномъ столѣ. Очевидно, она чувствовала себя не въ силахъ заняться такою кучей писемъ. Я положила одно письмо изъ второй полдюжины отдѣльно на каминѣ, чтобъ оно возбудило ея любопытство своимъ положеніемъ въ сторонѣ отъ прочихъ. Второе письмо я съ умысломъ бросила на полу, въ чайной. Первый слуга, который войдетъ сюда послѣ меня, подумаетъ, что тетушка обронила его, и тщательно позаботится возвратить ей. Засѣявъ такимъ образомъ поле нижняго этажа, я легко вбѣжала на верхъ, чтобы разсыпать свое милосердіе въ гости-

Digitized by Google

выхъ. Только что я вошла въ первую комнату, какъ на крыльцѣ дважды стукнули въ дверь,—тихо, спѣшно и осторожно. Прежде чѣмъ мнѣ пришло въ голову отступить къ библіотекѣ (въ которой я обѣщала дожидаться), проворный молодой лакей поспѣшилъ въ переднюю и отворилъ дверь. „Не важное дѣло", подумала я. При тетушкиномъ состояніи здоровья, посѣтителей обыкновенно не принимали. Но къ ужасу и удивленію моему, постучавшійся оказался исключеніемъ изъ общаго правила. Голосъ Самуила подо мною (повидимому, отвѣтивъ на кое-какіе вопросы, которыхъ я не разслыхала) несомнѣнно проговорилъ: „пожалуйте на верхъ, сэръ". Вслѣдъ затѣмъ я услыхала походку—мужскую походку—приближающуюся къ гостиной. Кто бы могъ быть этотъ привилегированный посѣтитель мужскаго пола? Почти вмѣстѣ съ этимъ вопросомъ мнѣ пришелъ въ голову и отвѣтъ: „Кому же быть, какъ не доктору?"

Будь это иной посѣтитель, я позволила бы застать себя въ гостиной. Что̀ же необыкновеннаго въ томъ, что я соскучилась въ библіотекѣ и взошла на верхъ ради перемѣны? Но самоуваженіе преграждало мнѣ встрѣчу съ лицемъ, оскорбившимъ меня отсылкой назадъ моихъ книгъ. Я скользнула въ третью комнату, сообщавшуюся, какъ я выше сказала, со второю гостиной, и опустила портьеру у входа. Переждать минутки двѣ—и наступитъ обычный исходъ подобныхъ случаевъ, то-есть доктора проводятъ въ комнату больной.

Я переждала минутки двѣ и болѣе двухъ минутокъ; мнѣ слышалась безпокойная ходьба посѣтителя изъ угла въ уголъ.

Я слышала какъ онъ разговаривалъ про себя; мнѣ даже голосъ его показался знакомымъ. Не ошиблась ли я? Быть-можетъ, это не докторъ, а кто-нибудь другой? Мистеръ Броффъ, напримѣръ? Нѣтъ! Неизмѣнный инстинктъ подсказалъ мнѣ, что это не мистеръ Броффъ. Кто бы онъ ни былъ, но все-таки онъ продолжалъ разговаривать съ самимъ собой. Я крошечку раздвинула портьеру и прислушалась.

Я услыхала слова: „сегодня же сдѣлаю это!" А голосъ, произнесшій ихъ, принадлежалъ мистеру Годфрею Абльвайту.

Digitized by Google

V.

Рука моя выпустила портьеру. Но не думайте, — о нѣтъ, не думайте,—чтобы страшно-затруднительное положеніе мое было главною мыслью въ моемъ умѣ! Братское участіе, принимаемое мною въ мистерѣ Годфреѣ, было такъ ревностно, что я даже не спросила себя: отчего бы онъ не въ концертѣ. Нѣтъ! Я думала лишь о словахъ,—поразительныхъ словахъ,—только что сорвавшихся у него съ устъ. Онъ сегодня же это сдѣлаетъ! Онъ сказалъ съ выраженіемъ грозной рѣшимости, что сдѣлаетъ это сегодня. Что̀ же,—о! что̀ такое онъ сдѣлаетъ! Нѣчто болѣе недостойное его чѣмъ то, что̀ онъ уже сдѣлалъ? Не отступится ли онъ отъ самой вѣры? Не покинетъ ли онъ наше Материнское Общество? Не въ послѣдній ли разъ мы видѣли ангельскую улыбку его въ комитетѣ? Не въ послѣдній ли разъ мы слышали его недоступное соперничеству краснорѣчіе въ Экстеръ-Галлѣ? Я была до того взволнована при одной мысли о столь ужасныхъ превратностяхъ въ судьбѣ такого человѣка, что, кажется, бросилась бы изъ своего тайника, именемъ всѣхъ дамскихъ комитетовъ въ Лондонѣ умоляя его объясниться, какъ вдругъ услыхала въ комнатѣ другой голосъ. Онъ проникъ за портьеру; онъ былъ громокъ, онъ былъ смѣлъ, онъ былъ лишенъ всякой женственной прелести. Голосъ Рахили Веривдеръ!

— Зачѣмъ вы сюда зашли, Годфрей? спросила она:—отчего вы не пошли въ библіотеку?

Онъ тихо засмѣялся и отвѣтилъ:

— Тамъ миссъ Клакъ.

— Клакъ въ библіотекѣ!

Она тотчасъ же сѣла на оттоманку во второй гостиной и сказала:

— Вы совершенно правы, Годфрей. Лучше намъ остаться здѣсь.

Мигъ тому назадъ я была въ лихорадочномъ жару, не зная на что̀ рѣшиться. Теперь я стала холодна какъ ледъ и не ощущала ни малѣйшей нерѣшимости. Послѣ того что̀ я слышала, мнѣ было невозможно показаться. Объ отступ-

Digitized by Google

ленiи, кромѣ устья камина, и думать нечего. Впереди меня ожидало мученичество. Ради справедливости, не щадя себя, я безъ шороху расположила портьеру такъ, чтобы мнѣ все было видно и слышно. И затѣмъ встрѣтила мученiя въ духѣ первобытныхъ христiанъ.

— Не садитесь на оттоманку, продолжала молодая леди,— принесите себѣ кресло, Годфрей. Я люблю, чтобы сидѣли противъ меня во время разговора.

Онъ взялъ ближайшее кресло, на низенькихъ ножкахъ. Оно было ему вовсе не по росту, довольно высокому. Я до сихъ поръ еще не видывала его ногъ въ такой невыгодной обстановкѣ.

— Ну? продолжала она.—Что̀ же вы имъ сказали?

— То самое, что̀ вы мнѣ говорили, милая Рахиль.

— Что мама не совсѣмъ здорова сегодня? И что я не хочу ѣхать въ концертъ, оставивъ ее одну?

— Это самое. Всѣ жалѣли, что лишатся вашего присутствiя въ концертѣ, но совершенно поняли васъ. Всѣ шлютъ вамъ поклонъ и выражаютъ утѣшительную надежду, что нездоровье леди Верриндеръ скоро пройдетъ.

— А вы не думаете, что она опасна, Годфрей, нѣтъ?

— Далеко нѣтъ! Я вполнѣ увѣренъ, что она совсѣмъ поправится въ нѣсколько дней.

— И мнѣ то же думается. Сначала я немного боялась, но теперь и мнѣ то же думается. Вы оказали мнѣ большую любезность, извиняясь за меня предъ людьми, почти незнакомыми вамъ. Но что̀ же вы сами-то не поѣхали съ ними? Мнѣ очень жаль, что и вы лишили себя удовольствiя слушать музыку.

— Не говорите этого, Рахиль. Еслибы вы только знали, на сколько я счастливѣе—здѣсь, съ вами!

Онъ сложилъ руки и взглянулъ на нее. Онъ сидѣлъ въ такомъ положенiи, что ему для этого надо было повернуться въ мою сторону. Можно ли передать словами, какъ мнѣ стало больно, когда я увидѣла въ лицѣ его именно то самое страстное выраженiе, которое такъ очаровывало меня, когда онъ ораторствовалъ на платформѣ Экстеръ - Галла въ пользу летiонка неимущихъ собратьевъ.

— Трудно отвыкать отъ дурныхъ привычекъ, Годфрей. Но постарайтесь отвыкнуть отъ привычки говорить комплименты: вы мнѣ доставите большое удовольствiе.

Digitized by Google

— *Вамъ*, Рахиль, я въ жизнь мою никогда не говорилъ комплиментовъ. Счастливая любовь еще можетъ иногда употреблять языкъ лести, я согласенъ. Но безнадежная любовь всегда правдива.

Говоря „безнадежная любовь", онъ близехонько придвинулъ кресло и взялъ ея руку. Настало минутное молчаніе. Онъ, волновавшій всѣхъ, безъ сомнѣнія, взволновалъ и ее. Мнѣ показалось, что я теперь поняла слова, сорвавшіяся у него, когда онъ былъ одинъ въ гостиной: „сегодня же сдѣлаю это". Увы! чувство строжайшаго приличія едва ли бы помѣшало понять, что онъ теперь именно это и дѣлаетъ.

— Вы развѣ забыли, Годфрей, вашъ уговоръ въ то время, когда мы были въ деревнѣ? Мы уговорились быть двоюродными—и только.

— Я нарушаю уговоръ всякій разъ, какъ съ вами вижусь, Рахиль.

— Такъ не видайтесь со мной.

— Что̀ пользы! Я нарушаю уговоръ всякій разъ, какъ о васъ думаю. О, Рахиль! Съ какою добротой вы вчера еще говорили мнѣ, что цѣните меня гораздо выше прежняго? Ужели безумно основать надежду на этихъ дорогихъ словахъ? Ужели безумно грезить, что настанетъ нѣкогда день, въ который сердце ваше смягчится ко мнѣ? Если я безумецъ, не разувѣряйте меня! Оставьте мнѣ это заблужденіе. Надо хоть *это* лелѣять, хоть *этимъ* утѣшаться, если ужь нѣтъ ничего болѣе.

Голосъ его дрожалъ, и онъ закрылъ глаза бѣлымъ платкомъ. Опять Экстеръ-Галлъ! Для дополненія параллели не доставало только слушателей, рукоплесканій и стакана воды. Даже *ея* ожесточенное сердце было тронуто. Я видѣла, какъ она склонилась немного поближе къ нему. Въ слѣдующихъ словахъ ея послышался небывалый тонъ участія.

— Точно ли вы увѣрены, Годфрей, что до такой степени любите меня?

— Увѣренъ ли! Вы знаете чѣмъ я былъ, Рахиль. Позвольте мнѣ сказать вамъ что̀ я теперь. Я потерялъ всякій интересъ въ жизни, кромѣ васъ. Со мной произошло превращеніе, въ которомъ не могу дать себѣ отчета. Повѣрите ли? Моя дѣятельность по милосердію опротивѣла мнѣ до невозможности; какъ только увижу дамскій комитетъ, радъ бѣжать на край свѣта! Если лѣтописи отступничества и

Digitized by Google

представляютъ что-нибудь подобное этому заявленію, я замѣчу только, что въ огромномъ запасѣ *моей* начитанности не встрѣчается такого случая.

Мнѣ подумалось о Материнскомъ Обществѣ! Подумалось о надзорѣ за воскресными подругами; подумалось и о другихъ обществахъ, слишкомъ многочисленныхъ для перечисленія, которыя всѣ до единаго держались этимъ человѣкомъ, какъ бы выстроенныя на крѣпкой башнѣ. Мнѣ подумалось о ратующихъ женскихъ комитетахъ, втягивавшихъ, такъ сказать, самое дыханіе жизненной дѣятельности сквозь ноздри мистера Годфрея, — того самаго мистера Годфрея, который только что обозвалъ ихъ доброе дѣло „противнымъ" и объявилъ, что радъ бѣжать на край свѣта когда находится въ ихъ обществѣ! Да послужитъ ободреніемъ настойчивости моихъ юныхъ подругъ, если я скажу, что это было сильное испытаніе даже при моей выдержкѣ; но я смогла молча подавить свое правдивое негодованіе. Въ то же время, надо отдать себѣ справедливость, я не проронила ни одного словечка изъ разговора. Первая вслѣдъ затѣмъ заговорила Рахиль.

— Вы кончили свою исповѣдь, сказала она:—не знаю, вылѣчитъ ли васъ отъ этой несчастной привязанности моя исповѣдь, если я покаюсь!

Онъ вздрогнулъ. Сознаюсь, я тоже вздрогнула. Онъ думалъ, и я тоже думала, что она собирается открыть ему тайну Луннаго камня.

— Думалось ли вамъ, глядя на меня, продолжала она, — что я несчастнѣйшая дѣвушка въ свѣтѣ? Можетъ ли быть большее несчастіе чѣмъ жить униженною въ собственномъ мнѣніи? Вотъ какова моя теперешняя жизнь.

— Милая Рахиль! Вамъ нѣтъ никакого основанія высказываться такимъ образомъ.

— Почему вы знаете, что нѣтъ основанія?

— Можно ли это спрашивать! Знаю, — потому что знаю *васъ*. Ваше молчаніе ни на-волосъ не понизило васъ во мнѣніи истинныхъ друзей. Пропажа драгоцѣннаго подарка въ день рожденія можетъ казаться странною; необъяснимая связь ваша съ этимъ происшествіемъ можетъ казаться еще страннѣе....

— Да вы объ Луннномъ камнѣ говорите, Годфрей?

— Конечно, я думалъ, что вы заговорили....

Digitized by Google

— Вовсе я объ этомъ не заговаривала. Я могу слышать о пропажѣ Луннаго камня, — говори, кто хочетъ, — не чувствуя себя униженною въ собственномъ мнѣніи. Если тайна алмаза когда-нибудь выяснится, тогда станетъ извѣстно, что я приняла на себя страшную отвѣтственность; узнаютъ, что я обязалась сохранить несчастную тайну, — но тогда же станетъ яснѣе солнца въ полдень, что я не сдѣлала никакой низости! Вы не поняли меня, Годфрей! Моя вина, что я не такъ ясно выразилась. Во что бы то ни стало, я буду яснѣе. Предположимъ, что вы не любите меня. Положимъ, вы любите другую?

— Да?

— Положимъ, вы узнали бы, что эта женщина вовсе не достойна васъ. Вполнѣ убѣдились бы, что вамъ позорно и подумать о ней лишній разъ. Краснѣли бы отъ одной мысли жениться на такой особѣ.

— Да?

— И, положимъ, что наперекоръ всему, вы не могли бы вырвать ее изъ своего сердца. Положимъ, что чувство, возбужденное ею (въ то время, когда вы еще вѣрили въ нее), неодолимо. Положимъ, любовь, которую эта несчастная внушила вамъ... О, да никакими словами не выразить всего этого! Какъ заставить понять *мущину*, что чувство, производящее во мнѣ омерзеніе къ самой себѣ, въ то же время чаруетъ меня? Это мое дыханіе жизни и вмѣстѣ ядъ, убивающій меня! Уйдите! Надо съ ума сойдти, чтобы говорить такъ какъ я съ вами. Нѣтъ! не уходите, зачѣмъ уносить ложное впечатлѣніе. Надо сказать, что слѣдуетъ, въ свою защиту. Замѣтьте это! *Онъ* не знаетъ—онъ никогда не узнаетъ того, что я *вамъ* сказала. Я никогда съ нимъ не увижусь,—будь что будетъ,—никогда, никогда, никогда больше съ нимъ не увижусь! Не спрашивайте его имени! Не спрашивайте больше ничего! Перемѣнимъ разговоръ. Довольно ли вы сильны въ медицинѣ, Годфрей, чтобы сказать мнѣ, отчего это я точно задыхаюсь? Нѣтъ ли такого рода истерики, которая разражается словами вмѣсто слезъ? Ну, вотъ еще! Къ чему это? Вамъ теперь легко справиться съ огорченіемъ, если только я причинила его вамъ. Неправда ли, вѣдь я теперь понизилась на свое настоящее мѣсто въ вашемъ мнѣніи? Не обращайте вниманія! Не жалѣйте меня! Уйдите, ради Бога!

Она вдругъ отвернулась, порывисто упала руками на спинку

Digitized by Google

оттоманки, головой въ подушку, и зарыдала. Еще не успѣла я скандализоваться этимъ, какъ неожиданный поступокъ со стороны мистера Годфрея поразилъ меня ужасомъ. Повѣрятъ ли, что онъ упалъ на колѣна къ ея ногамъ? Торжественно объявляю, на *оба* колѣна! Дозволитъ ли скромность упомянуть, что онъ обвялъ ея шею руками? И дозволительно ли невольному обожанію сознаться, что онъ наэлектризовалъ ее двумя словами:

— Благородная душа!

Не болѣе того! Но онъ выговорилъ это однимъ изъ тѣхъ порывовъ, которые прославили его, какъ публичнаго оратора. Она сидѣла, — или какъ громомъ пораженная, или совсѣмъ очарованная,—ужь не знаю что̀ именно,—не дѣлая даже попытки отодвинуть его рукъ туда, гдѣ имъ слѣдовало быть. Что касается меня, то мое чувство приличія было ошеломлено въ конецъ. Я такъ прискорбно колебалась относительно выбора перваго долга,—закрыть ли мнѣ глаза или зажать уши,—что не сдѣлала ни того, ни другаго. Даже то обстоятельство, что я еще въ состояніи была поддерживать портье ру въ надлежащемъ положеніи, чтобы видѣть и слышать, я вполнѣ приписываю подавленной истерикѣ. Во время подавляемой истерики, — даже доктора согласны въ этомъ, — надо что-нибудь держать.

— Да, проговорилъ онъ, со всѣмъ очарованіемъ евангельскаго голоса и манеры:—вы благородная душа! Женщина, говорящая правду ради самой правды, женщина, готовая скорѣй пожертвовать своею гордостью нежели любящимъ ее честнымъ человѣкомъ, есть безцѣннѣйшее изъ всѣхъ сокровищъ. Если мужъ такой женщины добьется только ея уваженія и внимательности, онъ добьется достаточнаго для облагороженія всей его жизни. Вы говорили о вашемъ мѣстѣ въ моемъ мнѣніи. Судите же каково это мѣсто, — если я на колѣняхъ умоляю васъ позволить мнѣ взять на себя заботу объ излѣченіи вашего бѣднаго, истерзаннаго сердца. Рахиль! Почтите ли вы меня, осчастливите ли меня вашею рукой?

Къ этому времени я конечно рѣшилась бы заткнуть уши, еслибы Рахиль не поощрила меня оставить ихъ отверстыми, въ первый разъ въ жизни отвѣтивъ ему разумными словами.

— Годфрей! сказала она:—вы съ ума сходите!

— Нѣтъ, я никогда еще не говорилъ разумнѣе,—въ

Digitized by Google

вашихъ и своихъ интересахъ. Загляните на мигъ въ будущее. Слѣдуетъ ли жертвовать вашимъ счастіемъ человѣку, никогда не знавшему вашихъ чувствъ къ нему, съ которымъ вы рѣшились никогда не видаться? Не обязаны ли вы предъ самой собою забыть эту роковую привязанность? А развѣ можно найдти забвеніе въ той жизни, которую вы теперь ведете? Вы испытали эту жизнь и уже наскучили ею. Окружите себя интересами болѣе благородными чѣмъ свѣтскіе. Сердце, любящее и чтящее васъ, домашній очагъ съ его мирными требованіями и веселыми обязанностями, кротко завладѣвающій вами изо дня въ день,—вотъ въ чемъ надо поискать утѣшенія, Рахиль! Я не прошу любви, — я довольствуюсь вашимъ уваженіемъ и вниманіемъ. Предоставьте прочее, съ довѣріемъ предоставьте, преданности вашего мужа и времени, исцѣляющему всѣ раны, не исключая и столь глубокихъ какъ ваши.

Она уже начала уступать. Каково же долженствовало быть ея воспитаніе! О, какъ непохоже на это поступила бы я на ея мѣстѣ!

— Не соблазняйте меня, Годфрей, сказала она.—Я и такъ довольно несчастна, и безъ того довольно легкомысленна. Не соблазняйте меня стать еще несчастнѣй, еще легкомысленнѣй!

— Одинъ вопросъ, Рахиль. Можетъ-быть, я лично вамъ не нравлюсь?

— Мнѣ! Вы мнѣ всегда нравились, а послѣ того, что̀ вы сейчасъ говорили мнѣ, я въ самомъ дѣлѣ была бы безчувственною, еслибы не уважала васъ и не любовалась вами.

— Многихъ ли вы знаете женъ, милая Рахиль, которыя уважаютъ своихъ мужей и любуются ими? А все-таки онѣ съ своими мужьями живутъ очень ладно. Много ли невѣстъ идетъ къ алтарю съ такимъ чистымъ сердцемъ, что его можно было бы вполнѣ раскрыть предъ тѣми, которые ведутъ ихъ? А все жь оно не дурно кончается—такъ или иначе, брачная жизнь идетъ себѣ ни шатко, ни валко. Дѣло въ томъ, что женщинъ, ищущихъ въ бракѣ убѣжища, гораздо больше чѣмъ онѣ добровольно сознаются; а сверхъ того онѣ находятъ, что бракъ оправдалъ ихъ довѣріе къ нему. Посмотрите же еще разъ на свое положеніе. Въ вашемъ возрастѣ, съ вашими достоинствами, можно ли обречь себя на безбрачіе? Повѣрьте моему знанію свѣта, нѣтъ ничего невозможнѣе. Все

Digitized by Google

дѣло во времени. Вы выйдете за кого-нибудь чрезъ нѣсколько лѣтъ. Почему же не выйдти и за того, кто теперь у вашихъ ногъ и цѣнитъ ваше уваженіе, ваше одобреніе, выше любви всѣхъ женщинъ земнаго шара.

— Осторожнѣе, Годфрей! Вы возбуждаете во мнѣ мысли, которыя до сихъ поръ не приходили мнѣ въ голову. Вы заманиваете меня новою надеждой въ то время, когда предо мною нѣтъ болѣе надеждъ. Повторяю вамъ, я настолько несчастна, настолько безнадежна, что, скажите вы еще слово, я, пожалуй, приму ваши условія. Пользуйтесь предостереженіемъ и уходите!

— Я не встану съ колѣнъ, пока вы не скажете: да!

— Если я скажу: да, мы оба раскаемся, когда уже будетъ поздно.

— Оба мы благословимъ тотъ день, въ который я настоялъ на своемъ, а вы уступили.

— Чувствуете ли вы то довѣріе, которое высказываете?

— Судите сами. Я говорю основываясь на томъ, что̀ видѣлъ въ своей семьѣ. Скажите, что̀ вы думаете о нашемъ фризингальскомъ житьѣ? Развѣ отецъ и мать несчастливы?

— Далеко нѣтъ,—по крайней мѣрѣ на сколько я вижу.

— Моя мать, будучи дѣвушкой, Рахиль (вся семья это знаетъ), любила такъ же, какъ и вы, отдала сердце человѣку, недостойному ея. Она вышла за отца, уважая его, удивляясь ему—и только. Вы видѣли своими глазами послѣдствія. Не должно ли это ободрять и васъ, и меня? *

— Вы не будете торопить меня, Годфрей?

— Мое время—ваше время.

— Вы не будете требовать бо́льшаго нежели я могу дать вамъ?

— Ангелъ мой! Я прошу только, чтобы вы отдали мнѣ себя.

— Возьмите меня!

Вотъ какъ она приняла его предложеніе!

Новый порывъ съ его стороны,—на этотъ разъ порывъ грѣховнаго восторга. Онъ привлекъ ее къ себѣ, ближе, ближе, до того, что лицо ея коснулось его лица; и тутъ.... Нѣтъ! Я право не могу совладѣть съ собой, чтобы вести этотъ скандалезный разказъ далѣе. Позвольте мнѣ только сказать, что я старалась закрыть глаза прежде нежели это случи-

* См. разказъ Бетереджа. Глава VIII, стр. 63—64.

Digitized by Google

лось, и ровно секунду опоздала. Я, видите ли, разчитывала на ея сопротивленіе. Она уступила. Всякой уважающей себя особѣ моего пола цѣлые томы не скажутъ болѣе.

Даже моя неопытность въ подобныхъ дѣлахъ теперь начинала прозирать исходъ этого свиданія. Къ этому времени они такъ согласились между собой, что я вполнѣ надѣялась видѣть, какъ они возьмутся подъ руку и пойдутъ вѣнчаться. Однако, судя по слѣдующимъ словамъ мистера Годфрея, еще оказывалась одна пустая формальность, которую необходимо было соблюсти. Онъ сѣлъ — на этотъ разъ невозбранно — возлѣ нея на оттоманку.

— Не мнѣ ли поговорить съ вашею милою матушкой, спросилъ онъ: — или вы сами?

Она отклонила и то, и другое.

— Не будемъ говорить ничего матушкѣ, пока она не поправится. Я желаю, чтобъ это пока оставалось втайнѣ, Годфрей. Теперь идите и возвращайтесь къ вечеру. Мы и такъ засидѣлись уже здѣсь вдвоемъ.

Она встала и, вставая, въ первый разъ еще взглянула на маленькую комнатку, въ которой происходило мое мученичество.

— Кто это опустилъ портьеру? воскликнула она:—комната и безъ того слишкомъ закупорена; къ чему же вовсе лишать ее воздуха!

Она подошла къ портьерѣ. Въ тотъ мигъ какъ она бралась уже за нее рукой,—когда открытіе моего присутствія казалось неизбѣжнымъ, голосъ румянаго молодаго лакея внезапно остановилъ дальнѣйшія дѣйствія съ ея или съ моей стороны. Въ этомъ голосѣ несомнѣнно звучалъ сильнѣйшій переполохъ.

— Миссъ Рахиль! кликалъ онъ:—гдѣ вы, миссъ Рахиль?

Она отскочила отъ портьеры и побѣжала къ дверямъ.

Лакей вошелъ въ комнату. Румянца его какъ не бывало.

— Пожалуйте туда, миссъ, проговорилъ онъ.—Миледи дурно, мы никакъ не приведемъ ея въ чувство.

Минуту спустя я осталась одна и могла въ свою очередь сойдти внизъ, никѣмъ не замѣченною.

Въ залѣ попался мнѣ мистеръ Годфрей, спѣшившій за докторомъ. „Идите туда, помогите имъ!“ сказалъ онъ, указывая въ комнату. Я застала Рахиль на колѣняхъ у дивана; она грудью поддерживала голову матери. Одного взгляда

Digitized by Google

въ лицо тетушки (при моихъ свѣдѣніяхъ) достаточно было, чтобъ убѣдиться въ страшной дѣйствительности. Но я сохранила свои мысли про себя до прибытія доктора. Онъ не долго замѣшкался и началъ съ того, что выслалъ Рахиль изъ комнаты, а потомъ сказалъ намъ, что леди Верриндеръ болѣе не существуетъ. Серіознымъ людямъ, собирающимъ доказательства закоренѣлаго матеріализма, быть-можетъ, интересно будетъ узнать, что онъ не выказалъ ни малѣйшаго признака угрызенія совѣсти при взглядѣ на меня.

Немного позже я заглянула въ чайную и въ библіотеку. Тетушка умерла, не распечатавъ ни одного изъ моихъ писемъ. Я была такъ огорчена этимъ, что мнѣ лишь нѣсколько дней спустя пришло въ голову, что она такъ и не оставила мнѣ обѣщаннаго подарочка на память.

VI.

1. Миссъ Клакъ свидѣтельствуетъ свое почтеніе мистеру Франклину Блеку и, посылая ему пятую главу своего скромнаго разказа, проситъ позволенія заявить, что чувствуетъ себя не въ силахъ распространиться, какъ было бы желательно, о такомъ ужасномъ происшествіи (при извѣстныхъ обстоятельствахъ) какова смерть леди Верриндеръ. Поэтому и присоединяетъ къ собственной рукописи обширныя выписки изъ принадлежащихъ ей безцѣнныхъ изданій, трактующихъ объ этомъ страшномъ предметѣ. Миссъ Клакъ желаетъ отъ всего сердца, да звучатъ эти выписки подобно трубному гласу въ ушахъ ея уважаемаго родственника, мистера Франклина Блека.

2. Мистеръ Франклинъ Блекъ свидѣтельствуетъ свое почтеніе миссъ Клакъ и проситъ позволенія поблагодарить ее за пятую главу ея разказа. Возвращая вмѣстѣ съ тѣмъ посланныя ею выписки, онъ воздерживается отъ выраженій личнаго нерасположенія, которое онъ можетъ питать къ этому роду словесности, и просто заявляетъ, что предложенныя добавленія къ рукописи не нужны для выполненія цѣли, какую онъ имѣетъ въ виду.

3. Миссъ Клакъ проситъ позволенія увѣдомить о полученіи ею обратно выписокъ. Она съ любовію напоминаетъ мистеру Франклину Блеку, что она христіанка, и вслѣдствіе этого ему никакъ невозможно оскорбить ее. Миссъ Клакъ

Digitized by Google

упорно сохраняетъ чувство глубочайшаго участія къ мистеру Блеку и обязуется, при первомъ случаѣ, когда болѣзнь изложитъ его, предложить ему пользованіе ея выписками вторично. Между тѣмъ ей было бы пріятно узнать до начала слѣдующей и послѣдней главы ея разказа, не будетъ ли ей позволено дополнить свое скромное приношеніе, воспользовавшись свѣтомъ, который позднѣйшія открытія могли пролить на тайну Лунного камня.

4. Мистеръ Франклинъ Блекъ сожалѣетъ, что не можетъ исполнить желаніе миссъ Клакъ. Онъ можетъ лишь повторить наставленія, которыя имѣлъ честь преподать ей при началѣ ея разказа. Ее просятъ ограничиться собственно личными свѣдѣніями о лицахъ и происшествіяхъ, изложенныхъ въ ея дневникѣ. Она будетъ имѣть доброту предоставить дальнѣйшія открытія перу тѣхъ лицъ, которыя могутъ писать въ качествѣ очевидцевъ.

5. Миссъ Клакъ чрезвычайно прискорбно безпокоить мистера Франклина Блека вторичнымъ письмомъ. Выписки ея были возвращены ей, а выраженіе болѣе зрѣлаго взгляда на дѣло о Лунномъ камнѣ воспрещено. Миссъ Клакъ съ горечью сознаетъ, что должна (выражаясь по-свѣтски) чувствовать себя униженною. Но нѣтъ, миссъ Клакъ училась настойчивости въ школѣ неудачъ. Цѣль ея письма—узнать, наложитъ ли запрещеніе мистеръ Франклинъ Блекъ (запрещающій все остальное) на появленіе текущей переписки въ разказѣ миссъ Клакъ? При томъ положеніи, въ которое вмѣшательство мистера Франклина поставило ее, какъ автора, ей должны дать право объясненія, на основаніи простой справедливости. А миссъ Клакъ, съ своей стороны, въ высшей степени озабочена появленіемъ ея писемъ, которыя говорятъ сами за себя.

6. Мистеръ Франклинъ Блекъ соглашается на предложеніе миссъ Клакъ съ условіемъ, чтобъ она любезно почла это заявленіе его согласія окончаніемъ ихъ переписки.

7. Миссъ Клакъ считаетъ христіанскимъ долгомъ (до окончанія переписки) увѣдомить мистера Франклина Блека, что послѣднее письмо его,—явно направленное къ оскорбленію ея, — не имѣло успѣха въ исполненіи цѣли писавшаго. Она съ любовью проситъ мистера Блека удалиться въ уединеніе своей комнаты и обдумать про себя, не достойно ли ученіе, — могущее поднять бѣдную, слабую женщину до

Digitized by Google

высоты, недоступной оскорбленію,—бо́льшаго уваженія, чѣмъ какое онъ расположенъ ощущать нынѣ. Если ее почтятъ извѣщеніемъ въ такомъ смыслѣ, миссъ Клакъ торжественно обязуется возвратить мистеру Франклину Блеку полное собраніе ея выписокъ.

(На это письмо не получено никакого отвѣта. Комментаріи излишни. (Подписано) Друзилла Клакъ.)

VII.

Вышеизложенная переписка достаточно объясняетъ, почему мнѣ не остается иного выбора, какъ только упомянуть о смерти леди Вериндеръ, чѣмъ и заканчивается пятая глава моего разсказа.

Далѣе, строго удерживаясь въ предѣлахъ личныхъ моихъ свѣдѣній, надо начать съ того, что по кончинѣ тетушки я болѣе мѣсяца не видала Рахили Вериндеръ. Свиданіе наше произошло, когда мнѣ довелось провести нѣсколько дней подъ однимъ кровомъ съ нею. Въ продолженіе моихъ гостинъ случилось нѣчто, касающееся ея помолвки съ мистеромъ Годфреемъ и на столько важное, что требуетъ особаго отчета на этихъ страницахъ. Разъясненіемъ этого послѣдняго изъ множества прискорбныхъ домашнихъ обстоятельствъ я завершу свой трудъ; ибо тогда я передамъ все, что̀ мнѣ извѣстно, въ качествѣ дѣйствительнаго (и весьма неохотнаго) свидѣтеля событій. Тетушкины останки были перевезены изъ Лондона и погребены на маленькомъ кладбищѣ, прилегающемъ къ церкви, въ собственномъ ея паркѣ. Въ числѣ прочихъ членовъ семейства и я получила приглашеніе на похороны; но не могла еще въ такое короткое время (при моихъ религіозныхъ понятіяхъ) очнуться отъ удара, нанесеннаго мнѣ этою кончиной. Сверхъ того, меня увѣдомили, что заупокойную службу будетъ совершать фризингальскій ректоръ. Видавъ нерѣдко въ прошлыя времена, какъ этотъ отверженецъ духовнаго званія составлялъ партію виста у леди Вериндеръ, я сомнѣваюсь, могло ли быть оправдано мое присутствіе на печальной церемоніи, еслибъ я даже была въ состояніи предпринять поѣздку.

Леди Вериндеръ оставила дочь на попеченіе своего зятя, мистера Абльвайта старшаго. Онъ назначался въ завѣщаніи опекуномъ до тѣхъ поръ, пока племянница его выйдетъ

Digitized by Google

замужъ или достигнетъ совершеннолѣтія. При такихъ обстоятельствахъ мистеръ Годфрей, вѣроятно, увѣдомилъ своего отца о новыхъ отношеніяхъ между нимъ и Рахилью. Какъ бы то ни было, дней десять спустя по смерти тетушки, помолвка уже не была тайной въ семейномъ кругу, и мистеръ Абльвайтъ старшій, еще одинъ изъ отъявленнѣйшихъ отверженцевъ, очень заботился, какъ бы ему сдѣлать и себя, и власть свою наиболѣе пріятными для молодой леди, которая собиралась замужъ за его сына.

Рахиль заставила его порядочно похлопотать насчетъ выбора мѣста, гдѣ бы можно было уговорить ее поселиться. Домъ въ Монтегю-Скверѣ напоминалъ ей о горестной утратѣ матери. Йоркширскій домъ напоминалъ о скандальной пропажѣ Лунного камня. Собственный домъ ея опекуна въ Фризингаллѣ не представлялъ этихъ затрудненій; но присутствіе въ немъ Рахили, послѣ недавней утраты, мѣшало бы веселиться ея двоюроднымъ сестрамъ, и она сама просила о томъ, чтобы посѣщеніе было отложено до болѣе удобнаго времени. Кончилось тѣмъ, что старикъ Абльвайтъ предложилъ попробовать нанять домъ въ Брайтонѣ. Жена его, больная дочь и Рахиль поселятся тамъ вмѣстѣ, поджидая прочихъ къ концу сезона. Онѣ не будутъ принимать никого, кромѣ нѣсколькихъ старыхъ друзей и Годфрея, который всегда будетъ у нихъ подъ рукой, разъѣзжая по желѣзной дорогѣ изъ Лондона къ нимъ и обратно.

Я описываю эти безцѣльные перелеты съ мѣста на мѣсто, эту ненасытную суетню тѣла и ужасающій застой души, имѣя въ виду ихъ послѣдствія. Этотъ наемъ дома въ Брайтонѣ оказался именно тѣмъ случаемъ, которымъ Провидѣніе воспользовалось, чтобы снова свести меня съ Рахилью Вериндеръ.

Тетушка Абльвайтъ, высокая, неговорливая, цвѣтущая на взглядъ женщина. Въ ея характерѣ одна только замѣчательная черта: она съ роду ничего не дѣлала сама и прожила жизнь, принимая всяческія услуги, усваивая всяческія мнѣнія. Я никогда не встрѣчала болѣе безнадежной личности съ духовной точки зрѣнія: этотъ субъектъ озадачиваетъ полнѣйшимъ отсутствіемъ элементовъ сопротивленія, надъ которыми стоило бы поработать. Тетушка Абльвайтъ внимала бы и тибетскому далай-ламѣ, точно такъ же какъ внимаетъ мнѣ, и подобно зеркалу отразила бы его воззрѣнія

Digitized by Google

такъ же охотно, какъ отражаетъ мои. Она отыскала квартиру въ Брайтонѣ, оставаясь въ лондонскомъ отелѣ, покоясь на диванѣ и пославъ за себя сына. Она нашла необходимую прислугу, завтракая однажды утромъ въ постели и отпустивъ со двора свою горничную съ условіемъ, чтобы та „начала свои визиты, сходивъ за миссъ Клакъ". Я застала ее мирно обмахивающуюся вѣеромъ, въ блузѣ, въ одиннадцать часовъ.

— Милая Друзилла, мнѣ нужна кое-какая прислуга. Вы такая умница, пожалуста, найдите мнѣ.

Я окинула взглядомъ неубранную комнату. Церковные колокола благовѣстили ко вседневной службѣ, подсказывая мнѣ слова кроткаго выговора съ моей стороны.

— О тетушка! сказала я съ грустью: — достойно *ли это* англійской женщины и христіанки? *Такъ* ли совершается переходъ отъ временнаго къ вѣчному?

А тетушка отвѣтила:

— Я надѣну платье, Друзилла, если вы будете такъ добры, поможете мнѣ.

Что̀ оставалось говорить послѣ этого? Я производила чудеса надъ женщинами-убійцами, но ни на шагъ не подвинулась въ дѣлѣ тетушки Абльвайтъ.

— Гдѣ же списокъ потребной вамъ прислуги? спросила я.

Тетушка кивнула головой. Въ ней не хватало энергіи даже составить списковъ.

— У Рахили, душа моя, сказала она: — въ той комнатѣ.

Я пошла въ ту комнату и такимъ образомъ, въ первый разъ послѣ разлуки въ Монтегю-Скверѣ, увидала Рахиль. Она казалась такою жалкою, маленькою, худенькою, въ траурномъ платьѣ. Еслибъ я придавала сколько-нибудь серіозное значеніе такой преходящей мелочи, какъ внѣшній видъ, то, пожалуй, прибавила бы, что цвѣтъ ея лица былъ изъ тѣхъ, которые всегда теряютъ, если ихъ не выдѣлить полоской бѣлаго воротничка. Но что̀ такое цвѣтъ нашего лица и наша внѣшность? Это препятствія и западни, разставленныя намъ съ вами, милыя подруги, на пути къ высшимъ цѣлямъ! Къ величайшему изумленію, при входѣ моемъ въ комнату, Рахиль встала и пошла навстрѣчу мнѣ съ протянутою рукой.

— Очень рада васъ видѣть, сказала она: — Въ прежнее время, Друзилла, у меня была привычка очень глупо и очень

Digitized by Google

рѣзко возражать вамъ. Я прошу прощенія. Надѣюсь, вы простите меня.

Лицо мое, кажется, обличило удивленіе, почувствованное мною при этомъ. Она покраснѣла на мигъ и продолжала свое объясненіе.

— При жизни моей бѣдной матушки, ея друзья не всегда бывали моими друзьями. Теперь, потерявъ ее, сердце мое ищетъ утѣшенія въ тѣхъ, кого она любила. Вы были ею любимы. Попробуйте сблизиться со мной, Друзилла, если можете.

Всякаго человѣка, съ правильно-устроенною головой, высказанная такимъ образомъ побудительная причина просто поразила бы. Какъ! въ христіанской Англіи молодая женщина, потерпѣвшая утрату, до такой степени лишена понятія о томъ, гдѣ слѣдуетъ искать истиннаго утѣшенія, что надѣется найдти его въ друзьяхъ своей матери! Въ моей родственницѣ пробуждается сознаніе своихъ выходокъ противъ другихъ лицъ, но не вслѣдствіе убѣжденія и долга, а подъ вліяніемъ чувства и настроенія! Плачевныя думы, но все-таки подающія нѣкоторую надежду лицамъ, подобно мнѣ искусившимся въ совершеніи добрыхъ дѣлъ. Не худо бы, подумала я, изслѣдовать, въ какой мѣрѣ измѣнился характеръ Рахили вслѣдствіе утраты матери. Я рѣшилась, вмѣсто пробнаго камня, употребить ея помолвку съ мистеромъ Годфреемъ Абльвайтомъ.

Отвѣтивъ на первый шагъ со всевозможнымъ радушіемъ, я, по ея приглашенію, сѣла рядомъ съ нею на диванъ. Мы говорили о семейныхъ дѣлахъ и планахъ на будущее время, все еще обходя тотъ планъ, который завершался ея замужествомъ. Какъ я ни старалась направить разговоръ на этотъ пунктъ, она рѣшительно уклонялась отъ моихъ намековъ. Открытая постановка вопроса съ моей стороны была бы преждевременна на первыхъ порахъ нашего примиренія. Къ тому же, я разузнала все, что̀ мнѣ хотѣлось знать. Она уже не была тою легкомысленною, дерзкою дѣвушкой, которую я слышала и видѣла во время моего мученичества въ Монтегю-Скверѣ. Одного этого достаточно было для поощренія меня взяться за ея обращеніе на путь истинный, начавъ съ нѣсколькихъ словъ серіознаго предостереженія, направленныхъ противъ поспѣшнаго заключенія брачныхъ узъ, и затѣмъ переходя къ высшимъ цѣлямъ. Взирая на нее съ

Digitized by Google

новымъ участіемъ, и вспоминая, какъ внезапно, очертя голову, прикала она супружескія воззрѣнія мистера Годфрея, я считала мое вмѣшательство священнымъ долгомъ и ощущала въ себѣ ревность, подававшую надежды на достиженіе необыкновенныхъ результатовъ. Въ такомъ дѣлѣ, думала я, главнѣйшее—быстрота дѣйствія. Я тотчасъ вернулась къ вопросу о прислугѣ, необходимой для нанятаго дома.

— Гдѣ же списокъ, моя милая?

Рахиль отыскала его.

— Поваръ, черная кухарка, горничная и лакей, читала я.— Милая Рахиль, эта прислуга нужна только на время, на то время, пока домъ будетъ въ наймѣ у вашего опекуна. Намъ затруднительно будетъ найдти людей подходящаго характера и способностей на такой краткій срокъ, если искать ихъ въ Лондонѣ. Есть ли еще и домъ-то въ Брайтонѣ?

— Да. Годфрей нанялъ; и кое-кто изъ тамошнихъ просились въ услуженіе; но онъ не думалъ, чтобъ они годились *намъ*, и пріѣхалъ сюда, ничѣмъ не порѣшивъ съ ними.

— А сами вы опытны въ этихъ дѣлахъ, Рахиль?

— Нѣтъ, нисколько.

— А тетушка Абльвайтъ не хлопочетъ?

— Нѣтъ, бѣдняжка. Не судите ея, Друзилла. Мнѣ кажется, она единственная истинно счастливая женщина изъ всѣхъ кого я знаю.

— Счастье счастью рознь, дружокъ мой. Когда-нибудь надо намъ поговорить объ этомъ предметѣ. А между тѣмъ я приму на себя хлопоты о прислугѣ. Тетушка напишетъ письмо къ тамошнимъ....

— То-есть подпишетъ, если я напишу за нее, что̀, впрочемъ, одно и то же.

— Совершенно то же самое. Я захвачу письмо и поѣду завтра въ Брайтонъ.

— Вы чрезвычайно любезны! Мы подоспѣемъ какъ разъ къ тому времени, когда все будетъ готово. И надѣюсь, вы останетесь *моею* гостьей. Въ Брайтонѣ такъ весело, вамъ вѣрно понравится.

Такимъ образомъ я получила приглашеніе, и предо мной открывалась блистательная надежда на вмѣшательство.

Тотъ день была середа. Въ субботу къ полудню домъ для нихъ приготовили. Въ этотъ краткій промежутокъ времени

Digitized by Google

я изслѣдовала не только характеры, но и религіозныя воззрѣнія всей обращавшейся ко мнѣ прислуги безъ мѣста, и успѣла сдѣлать выборъ, одобренный моею совѣстью. Я узнала также, что въ городѣ проживаютъ двое серіозныхъ друзей моихъ, которымъ я вполнѣ могла повѣрить благочестивую цѣль, привлекавшую меня въ Брайтонъ, и посѣтила ихъ. Одинъ изъ нихъ, — церковный другъ, — любезно помогъ мнѣ достать нашему кружку мѣста для сидѣнья въ церкви, гдѣ онъ самъ проповѣдывалъ. Другая, подобно мнѣ, незамужняя леди всѣ богатства своей библіотеки (составленной исключительно изъ драгоцѣннѣйшихъ изданій) передала въ полное мое распоряженіе. Я заимствовала у нея полдюжины изданій, тщательно избранныхъ для Рахили. Обдуманно разложивъ ихъ по всѣмъ комнатамъ, гдѣ она могла, по всей вѣроятности, бывать, я нашла, что приготовленія мои кончены. Глубокая назидательность въ нанятой для нея прислугѣ; глубокая назидательность въ священникѣ, который будетъ ей проповѣдывать, и глубокая назидательность книгъ, лежащихъ у нея на столѣ, — вотъ какова была тріединая встрѣча, приготовленная этой сироткѣ моимъ рвеніемъ! Умъ мой исполнился небеснаго успокоенія въ тотъ день субботній, когда я сидѣла у окна, поджидая пріѣзда моихъ родственницъ. Суетныя толпы проходили предъ моими глазами. Увы! многіе ли изъ нихъ, подобно мнѣ, ощущали въ себѣ несравненное сознаніе исполненнаго долга? Страшный вопросъ! Оставимъ это. Часамъ къ семи путешественницы пріѣхали. Къ неописанному изумленію моему, ихъ сопровождалъ не мистеръ Годфрей (какъ я ожидала), а законовѣдъ, мистеръ Броффъ.

— Какъ поживаете, миссъ Клакъ? сказалъ онъ:—на этотъ разъ я останусь.

Этотъ намекъ на тотъ случай, когда я заставила его отложить свое дѣло и уступить первенство моему, во время нашей встрѣчи въ Монтегю-Скверѣ, убѣдилъ меня, что старый болтунъ пріѣхалъ въ Брайтонъ, имѣя въ виду какую-то личную цѣль. Я было приготовила маленькій рай для возлюбленной Рахили,—а змій-искуситель ужъ тутъ какъ тутъ!

— Годфрей очень досадовалъ, Друзилла, что не могъ пріхать съ нами, сказала тетушка Абльвайтъ:—ему что-то помѣшало и задержало его въ городѣ. Мистеръ Броффъ пожелалъ замѣнить его и дать себѣ отдыхъ у насъ до понедѣль-

Digitized by Google

ника. Кстати, мистеръ Броффъ, мнѣ предписано движеніе на вольномъ воздухѣ, а я вѣдь этого не люблю. Вотъ, прибавила тетушка Абльвайтъ, показывая въ окно на какого-то больнаго, котораго человѣкъ каталъ въ креслѣ на колесахъ,—вотъ какъ я думаю исполнить предписаніе. Если нуженъ воздухъ, такъ можно имъ пользоваться и въ креслѣ. Если же нужна усталость, такъ, право, и смотрѣть на этого человѣка довольно утомительно.

Рахиль молча стояла въ сторонѣ, у окна, устремивъ глаза на море.

— Устала, душка? спросила я.

— Нѣтъ. Немножко не въ духѣ, отвѣтила она, — я часто видала море у насъ на Йоркширскомъ берегу, именно при такомъ освѣщеніи. Вотъ и раздумалась о тѣхъ дняхъ, Друзилла, которые никогда болѣе не возвратятся.

Мистеръ Броффъ остался обѣдать и просидѣлъ весь вечеръ. Чѣмъ болѣе я въ него вглядывалась, тѣмъ болѣе удостовѣрялась въ томъ, что онъ пріѣхалъ въ Брайтонъ съ какою-то личною цѣлью. Я зорко слѣдила за нимъ. Онъ сохранялъ все тотъ же развязный видъ и также безбожно болталъ по цѣлымъ часамъ, пока пришла пора прощаться. Въ то время какъ онъ пожималъ руку Рахили, я подмѣтила, какъ его жесткій и хитрый взглядъ остановился на ней съ особеннымъ участіемъ и вниманіемъ. Она явно была въ связи съ тою цѣлью, которую онъ имѣлъ въ виду. Прощаясь, онъ не сказалъ ничего, выходящаго изъ ряду, ни ей, ни другимъ. Онъ назвался на завтрашній полдникъ и затѣмъ ушелъ въ свою гостиницу.

Поутру не было никакой возможности вытащить тетушку Абльвайтъ изъ ея блузы, чтобы поспѣть въ церковь. Больная дочь ея (по моему мнѣнію, ничѣмъ не страдавшая, кромѣ неизлѣчимой лѣни, унаслѣдованной отъ матери) объявила, что намѣрена весь день пролежать въ постели. Мы съ Рахилью однѣ пошли въ церковь. Мой даровитый другъ произнесъ великолѣпную проповѣдь о языческомъ равнодушіи свѣта къ грѣховности малыхъ грѣховъ. Болѣе часу его краснорѣчіе (усиленное дивнымъ голосомъ) гремѣло подъ сводами священнаго зданія. Выходя изъ церкви, я спросила Рахиль:

— Отозвалась ли проповѣдь въ сердцѣ вашемъ, душа моя?

А та отвѣтила:

Digitized by Google

— Нѣтъ, голова только разболѣлась.

Нѣкоторыхъ это, пожалуй, заставило бы упасть духомъ. Но разъ выступивъ на путь очевидной пользы, я уже никогда не падаю духомъ.

Мы застали тетушку Абльвайтъ и мистера Броффа за завтракомъ. Рахиль отказалась отъ завтрака, ссылаясь на головную боль. Хитрый адвокатъ тотчасъ смекнулъ и ухватился за этотъ поводъ, который она подала ему.

— Противъ головной боли одно лѣкарство, сказалъ этотъ ужасный старикъ:—прогулка, миссъ Рахиль, вотъ что̀ вамъ поможетъ. Я весь къ вашимъ услугамъ, если удостоите принять мою руку.

— Съ величайшимъ удовольствіемъ. Мнѣ именно прогуляться-то и хотѣлось.

— Третій часъ, кротко намекнула я, — а поздняя обѣдня начинается ровно въ три, Рахиль.

— Неужели вы думаете, что я пойду опять въ церковь съ такою головною болью? досадливо проговорила она.

Мистеръ Броффъ обязательно отворилъ ей дверь. Минуту спустя ихъ уже не было въ домѣ. Не помню, сознавала ли я когда священный долгъ вмѣшательства сильнѣе чѣмъ въ эту минуту? Но что̀ жь оставалось дѣлать? Ничего болѣе, какъ отложить его до перваго удобнаго случая въ тотъ же день.

Возвратясь отъ поздней обѣдни, я застала ихъ только-что пришедшими домой и съ одного взгляда поняла, что адвокатъ уже высказалъ все нужное. Я еще не видывала Рахили такою молчаливою и задумчивою, еще не видывала, чтобы мистеръ Броффъ оказывалъ ей такое вниманіе и глядѣлъ на нее съ такимъ явнымъ почтеніемъ. Онъ былъ отозванъ (или сказался отозваннымъ) сегодня на обѣдъ и скоро простился съ нами, намѣреваясь завтра съ первымъ поѣздомъ вернуться въ Лондонъ.

— Вы увѣрены въ своей рѣшимости? спросилъ онъ у Рахили въ дверяхъ.

— Совершенно, отвѣтила она, и такимъ образомъ они разстались.

Какъ только онъ повернулся къ двери, Рахиль ушла въ свою комнату. Къ обѣду она не явилась. Горничная ея (особа въ чепцѣ съ лентами) пришла внизъ объявить, что головная боль возобновилась. Я взбѣжала къ ней и какъ сестра предлагала ей всяческія услуги черезъ дверь. Но дверь была заперта и осталась запертою. Вотъ наконецъ избы-

Digitized by Google

токъ элементовъ сопротивленія, надъ которымъ стóитъ поработать! Я очень обрадовалась и почувствовала себя ободренною тѣмъ, что она заперлась.

Когда на слѣдующее утро ей повесли чашку чая, я зашла къ ней, сѣла у изголовья и сказала нѣсколько серіозныхъ словъ. Она выслушала, вѣжливо скучая. Я замѣтила драгоцѣнныя изданія моего серіознаго друга, скученныя на угольномъ столикѣ.

— Чтò, вы заглядывали въ нихъ? спросилъ я.

— Да, что-то не интересно.

— Позволите ли прочесть нѣкоторые отрывки, исполненные глубочайшаго интереса, которые, вѣроятно, ускользнули отъ вашего вниманія?

— Нѣтъ, не теперь, теперь у меня не то въ головѣ.

Она отвѣчала, обращая, повидимому, все вниманіе на кружево своей кофты, которое вертѣла и складывала въ рукахъ. Очевидно, слѣдовало пробудить ее какимъ-нибудь намекомъ на тѣ мирскіе интересы, которые все еще занимали ее.

— Знаете, душа моя, сказала я,—какая мнѣ вчера пришла странная мысль насчетъ мистера Броффа? Когда я увидала васъ послѣ прогулки съ нимъ, мнѣ показалось, что онъ сообщилъ вамъ какую-то недобрую вѣсть.

Пальцы ея выпустили кружево кофты, а гнѣвные, черные глаза такъ и сверкнули на меня.

— Вовсе нѣтъ! сказала она:—эта вѣсть меня интересовала, и я глубоко обязана мистеру Броффу за ея сообщеніе.

— Да? сказала я тономъ кроткаго любопытства.

Она снова взялась за кружево и вдругъ отвернулась отъ меня. Сотни разъ встрѣчала я такое обращеніе во время служенія святому дѣлу. Оно лишь подстрекнуло меня на новую попытку. Въ неудержимомъ желаніи ей добра, я рѣшилась на большой рискъ и прямо намекнула на ея помолвку.

— Васъ интересовала эта вѣсть, повторила я: — вѣрно вѣсть о мистерѣ Годфрѣ Абльвайтѣ, милая Рахиль.

Она вздрогнула и приподнялась съ подушекъ, поблѣднѣвъ какъ смерть. Очевидно, у ней на языкѣ вертѣлся отвѣтъ съ необузданною дерзостью прошлыхъ временъ. Она удержалась, легла головой на подушку, подумала минутку, и потомъ отвѣтила слѣдующими замѣчательными словами:

— *Я никогда не выйду замужъ за мистера Годфрея Абльвайта.*

Digitized by Google

Я вздрогнула въ свою очередь.

— Возможно ли! Что̀ вы хотите сказать?! воскликнула я:—вся семья считаетъ эту свадьбу дѣломъ рѣшеннымъ.

— Нынѣ ждутъ сюда мистера Годфрея Абльвайта, угрюмо проговорила она:—подождите его пріѣзда и увидите.

— Но, милая моя Рахиль....

Она дернула сонетку въ изголовьи постели. Явилась особа въ чепцѣ съ лентами.

— Пенелопа! Ванну!

Отдадимъ ей должное. Имѣя въ виду тогдашнее состояніе моихъ чувствъ, я искренно сознаюсь, что она напала на единственное средство выпроводить меня изъ комнаты. Ванна! признаюсь, это уже слишкомъ!

Чисто свѣтскому уму мое положеніе относительно Рахили могло показаться представляющимъ необычайныя затрудненія. Я разчитывала привести ее къ высшимъ цѣлямъ посредствомъ легкаго увѣщанія касательно ея свадьбы. Теперь же, если вѣрить ей, ничего похожаго на свадьбу вовсе не будетъ. Но, ахъ, друзья мои! Трудящаяся христіанка съ моею опытностью (съ надеждой на евангельскую проповѣдь) владѣетъ болѣе широкимъ взглядомъ. Положимъ, Рахиль и въ самомъ дѣлѣ разстроитъ свадьбу, которую Абльвайты, отецъ и сынъ, считали дѣломъ рѣшеннымъ,—что̀ же изъ этого выйдетъ? При упорствѣ ея, это можетъ кончиться лишь обмѣномъ жесткихъ рѣчей и горькихъ обвиненій съ обѣихъ сторонъ. А какъ это подѣйствуетъ на Рахиль, когда бурное свиданіе минетъ? Послѣдуетъ спасительный упадокъ нравственныхъ силъ. Ея гордость, ея упорство истощатся въ рѣшительномъ сопротивленіи, которое она непремѣнно окажетъ, по самому характеру своему, при такихъ обстоятельствахъ. Она станетъ искать участія въ первомъ ближнемъ, у кого оно найдется. Ближній же этотъ—я, черезъ край переполненная утѣшеніемъ, готовая излить неудержимый потокъ своевременныхъ, оживляющихъ словъ. Ни разу еще надежда на евангельскую проповѣдь не представлялась глазамъ моимъ блистательнѣе нынѣшняго.

Она сошла внизъ къ завтраку, но ничего не ѣла и почти слова не сказала.

Послѣ завтрака она безпечно бродила по комнатамъ, потомъ вдругъ очнулась и открыла фортепіано. Выбранная ею піеса оказалась самаго скандалезно-нечестиваго свой-

Digitized by Google

ства изъ тѣхъ, что̀ даются на сценѣ; при одной мысли о ней кровь свертывается въ жилахъ. Въ такія минуты вмѣшаться было бы преждевременно. Я тихкомъ справилась, въ которомъ часу ожидаютъ мистера Годфрея Абльвайта, и затѣмъ избѣгла музыки, выйдя изъ дому.

Я воспользовалась одинокою прогулкой, чтобы зайдти къ моимъ здѣшнимъ друзьямъ. Не могу описать наслажденія, съ какимъ я углубляюсь въ серіозные разговоры съ серіозными людьми. Безконечно ободренная и освѣженная, я вернулась домой какъ разъ въ то самое время, когда слѣдовало ожидать нашего желаннаго гостя. Я вошла въ столовую, гдѣ никого не бывало въ эти часы, и очутилась лицомъ къ лицу съ мистеромъ Годфреемъ Абльвайтомъ!

Онъ не пытался избѣжать меня. Напротивъ. Онъ подошелъ ко мнѣ съ крайнею поспѣшностью.

— Милая миссъ Клакъ, *васъ*-то я и поджидалъ! Я сегодня освободился отъ лондонскихъ дѣлъ скорѣе чѣмъ думалъ и вслѣдствіе того пріѣхалъ сюда раньше назначеннаго времени.

Онъ объяснялся безъ малѣйшаго смущенія, хотя это была наша первая встрѣча послѣ сцены въ Монтегю-скверѣ. Онъ, правда, не зналъ, что я была свидѣтельницей этой сцены. Но съ другой стороны онъ зналъ, что мои послуги Материнскому Обществу и дружескія отношенія къ другимъ обществамъ должны были поставить меня въ извѣстность относительно его безстыднаго пренебреженія къ своимъ дамамъ и къ неимущимъ. И все же онъ стоялъ предо мной, вполнѣ владѣя чарующимъ голосомъ и всепобѣдною улыбкой.

— Видѣли вы Рахиль? спросила я.

Онъ тихо вздохнулъ и взялъ меня за руку. Я, конечно, вырвала бы свою руку, еслибы выраженіе, съ которымъ онъ мнѣ отвѣтилъ, не поразило меня изумленіемъ.

— Видѣлъ, отвѣтилъ онъ съ полнѣйшимъ спокойствіемъ:— вы знаете, дорогой другъ, что она дала мнѣ слово? Но теперь она внезапно рѣшилась нарушить его. Размыслив, она убѣдилась, что гораздо согласнѣе какъ съ ея, такъ и съ моимъ благомъ, отказаться отъ поспѣшнаго обѣта и предоставить мнѣ иной, болѣе счастливый выборъ. Вотъ единственная причина, которую она выставляетъ и единственный отвѣтъ на всѣ вопросы, какіе я предлагалъ ей.

— Что̀ же вы съ своей стороны? спросила я:—покорились?

Digitized by Google

— Да, отвѣтилъ онъ съ непоколебимымъ спокойствіемъ,— покорился.

Его поведеніе, при такихъ обстоятельствахъ, было такъ непонятно, что я, какъ отеломленная, стояла предъ нимъ, оставивъ мою руку въ его рукѣ. Грубо останавливать взглядъ на комъ бы то ни было и въ особенности неделикатно останавливать его на джентльменѣ. Я провинилась и въ томъ, и въ другомъ, и какъ бы во снѣ проговорила:

— Что̀ это значитъ?

— Позвольте мнѣ объяснить вамъ, отвѣтилъ онъ;—не присѣсть ли намъ?

Онъ подвелъ меня къ стулу. Мнѣ смутно помнится, что онъ былъ очень нѣженъ. Едва ли не обнялъ меня за талію, чтобы поддержать меня,—впрочемъ, я не увѣрена въ этомъ. Я была беззащитна вполнѣ, а его обращеніе съ дамами такъ плѣнительно. Какъ бы то ни было, мы сѣли. За это по крайнѣй мѣрѣ я могу отвѣчать, если ужь ни за что̀ болѣе.

— Я лишился прекрасной дѣвушки, превосходнаго положенія въ свѣтѣ и славнаго дохода, началъ мистеръ Годфрей:— и покорился этому безъ борьбы: что̀ могло быть побудительною причиной такого страннаго поступка? Безцѣнный другъ мой, причины нѣтъ никакой.

— Никакой причины? повторила я.

— Позвольте мнѣ обратиться, милая миссъ Клакъ, къ вашему знанію дѣтей, продолжалъ онъ: — положимъ, ребенокъ ведетъ себя въ извѣстномъ направленіи. Вы крайне поражены этимъ и стараетесь добраться до причины. Милый крошка не въ состояніи объяснить вамъ причину. Это все равно, что̀ спрашивать у травки, зачѣмъ она растетъ, у птичекъ, зачѣмъ онѣ поютъ. Ну, такъ въ этомъ дѣлѣ я уподобляюсь милому крошкѣ,—травкѣ,—птичкамъ. Не знаю, для чего я сдѣлалъ предложеніе миссъ Верриндеръ. Не знаю, зачѣмъ такъ постыдно пренебрегъ моими милыми дамами. Не знаю, зачѣмъ отступился отъ Материнскаго Общества. Спросите ребенка, зачѣмъ онъ напроказилъ? Ангелочекъ положитъ палецъ въ ротъ и самъ не знаетъ что̀ сказать. Точь-въ-точь какъ я, миссъ Клакъ! Я никому не признался бы въ этомъ. *Вамъ* же меня такъ и тянетъ признаться!

Я стала приходить въ себя. Тутъ замѣшалась нравственная задача! Я глубоко интересуюсь нравственными задачами и, говоратъ, не лишена нѣкотораго умѣнья рѣшать ихъ.

Digitized by Google

— Лучшій другъ мой, напрягите умъ и помогите мнѣ, продолжалъ онъ: — скажите мнѣ, почему это настаетъ время, когда всѣ брачныя хлопоты начинаютъ казаться мнѣ чѣмъ-то происходившимъ во снѣ? Почему это мнѣ внезапно приходитъ въ голову, что истинное мое счастіе заключается въ томъ, чтобы содѣйствовать моимъ милымъ дамамъ, свертать свой скромный круговоротъ полезнаго труда и высказывать нѣсколько серіозныхъ словъ по вызову моего предсѣдателя? Что̀ мнѣ въ общественномъ положеніи? У меня есть положеніе. Что̀ мнѣ въ доходѣ? Я въ состояніи платить за кусокъ хлѣба съ сыромъ, чистенькую квартирку и двѣ пары платья ежегодно. Что̀ мнѣ въ миссъ Верриндеръ? Я слышалъ изъ собственныхъ устъ ея (но это между нами, дорогая леди), что она любитъ другаго и выходитъ за меня только на пробу, чтобы выкинуть изъ головы этого другаго. Что̀ за страшный союзъ! О, Боже мой, что̀ это за страшный союзъ! Вотъ о чемъ я размышлялъ, миссъ Клакъ, по дорогѣ въ Брайтонъ. Подхожу къ Рахили съ чувствомъ преступника, готоваго выслушать приговоръ. И вдругъ вижу, что она тоже измѣнила свои намѣренія, слышу ея предложеніе разстроить свадьбу, и мною овладѣваетъ несомнѣнное чувство величайшаго облегченія. Мѣсяцъ тому назадъ я съ восторгомъ прижималъ ее къ своей груди. Часъ тому назадъ радость, съ которою я узналъ, что никогда болѣе не прижму ея, опьянила меня подобно крѣпкому напитку. Это кажется невозможностью, — да оно и въ самомъ дѣлѣ невозможно. И вотъ однако факты, какъ я имѣлъ честь изложить ихъ вамъ съ тѣхъ поръ, какъ мы сидимъ на этой парѣ стульевъ. Я лишился прекрасной дѣвушки, превосходнаго положенія въ свѣтѣ и славнаго дохода, и покорился этому безъ борьбы. Не можете ли хоть *вы*, милый другъ, объяснить это? *Меня* на это не хватаетъ.

Чудная голова его склонилась на грудь, и онъ въ отчаяніи отступился отъ своей нравственной задачи.

Я была глубоко тронута. Болѣзнь его (если мнѣ позволено будетъ выразиться такъ въ качествѣ духовнаго врача) теперь становилась мнѣ вполнѣ понятною. Каждому изъ насъ извѣстно по личному опыту, что весьма нерѣдко случается видѣть, какъ люди, обладающіе высшими способностями, случайно падаютъ въ уровень съ бездарнѣйшею толпой, ихъ окружающею. Цѣль, которую при этомъ имѣетъ въ виду

Digitized by Google

мудрая распорядительность Провидѣнія, безъ сомнѣнія, состоитъ въ напоминовеніи величію, что оно смертно, и что власть дающая можетъ и отнять его. Теперь, по моему понятію, легко подмѣтить одно изъ этихъ спасительныхъ приниженій въ тѣхъ поступкахъ дорогаго мистера Годфрея, при которыхъ я присутствовала невримою свидѣтельницей. И также легко было признать желанное возстановленіе лучшихъ свойствъ его въ томъ ужасѣ, съ которымъ онъ отступилъ отъ мысли о бракѣ съ Рахилью, и въ чарующей ревности, съ которою онъ поспѣшилъ возвратиться къ дамамъ и къ неимущимъ.

Я изложила ему этотъ взглядъ простыми словами, какъ сестра. Можно было залюбоваться его радостью. По мѣрѣ того какъ я продолжала, онъ сравнивалъ себя съ заблудившимся человѣкомъ, выходящимъ изъ мглы на свѣтъ. Когда я поручилась, что его съ любовію примутъ въ Материнскомъ Обществѣ, сердце героя христіанина переполнилось благодарностью. Онъ попеременно прижималъ мои руки къ своимъ губамъ. Отеломленная несравненнымъ торжествомъ возвращенія его къ намъ, я предоставила мои руки въ полное его распоряженіе. Закрыла глаза. Почувствовала, что голова моя, въ восхищеніи духовнаго самозабвенія, склонилась на его плечо. Еще минута и, конечно, я обмерла бы на его рукахъ, еслибы меня не привела въ себя помѣха со стороны внѣшняго міра. За дверью раздался ужасающій лязгъ ножей и вилокъ, и лакей вошелъ накрывать столъ къ полдинку.

Мистеръ Годфрей вздрогнулъ и взглянулъ на каминные часы.

— Какъ съ *вами* время-то летитъ! воскликнулъ онъ: — я едва успѣю захватить поѣздъ.

Я рѣшилась спросить, зачѣмъ онъ такъ спѣшитъ въ городъ. Отвѣтъ его напомнилъ мнѣ о семейныхъ затрудненіяхъ, которыя оставалось еще согласить между собой, и о предстоящихъ семейныхъ непріятностяхъ.

— Батюшка говорилъ мнѣ, сказалъ онъ,—что дѣла призываютъ его сегодня изъ Фризингалла въ Лондонъ, и онъ намѣренъ пріѣхать или сегодня вечеромъ, или завтра утромъ. Надо разказать ему, что̀ произошло между мной и Рахилью. Онъ сильно желаетъ этой свадьбы; боюсь, что его трудненько будетъ помирить съ разстройствомъ дѣла. Надо

Digitized by Google

задержать его, ради всѣхъ насъ, чтобъ онъ не пріѣзжалъ сюда, не помирившись. Лучшій и дражайшій другъ мой, мы еще увидимся!

Съ этими словами онъ поспѣшно ушелъ. Съ своей стороны, я поспѣшно взбѣжала къ себѣ наверхъ, чтобъ успокоиться до встрѣчи за полдникомъ съ тетушкой Абльвайтъ и Рахилью.

Остановимся еще нѣсколько на мистерѣ Годфреѣ; мнѣ очень хорошо извѣстно, что всеопошляющее мнѣніе свѣта обвинило его въ личныхъ разчетахъ, по которымъ онъ освободилъ Рахиль отъ даннаго ему слова при первомъ поводѣ съ ея стороны. До слуха моего дошло также, что стремленіе его возвратить себѣ прежнее мѣсто въ моемъ уваженіи нѣкоторые приписывали корыстному желанію помириться (черезъ мое посредство) съ одною почтенною членкой Комитета въ Материнскомъ Обществѣ, благословленной въ изобиліи земными благами и состоящей со мною въ самой тѣсной дружбѣ. Я упоминаю объ этихъ отвратительныхъ клеветахъ ради одного заявленія, что на меня онѣ не имѣли ни малѣйшаго вліянія. Повинуясь даннымъ мнѣ наставленіямъ, я изложила колебанія моего мнѣнія о нашемъ героѣ христіанинѣ точь-въ-точь какъ они записаны въ моемъ дневникѣ. Позвольте мнѣ отдать себѣ справедливость, прибавивъ къ этому, что разъ возстановивъ себя въ моемъ уваженіи, даровитый другъ мой никогда болѣе не лишался его. Я пишу со слезами на глазахъ, сгорая желаніемъ сказать болѣе. Но нѣтъ, меня жестокосердо ограничили моими личными свѣдѣніями о лицахъ и событіяхъ. Не прошло и мѣсяца съ описываемаго мною времени, какъ перемѣны на денежномъ рынкѣ (уменьшившія даже *мой* жалкій доходецъ) заставили меня удалиться въ добровольное изгнаніе за границу и не оставили мнѣ ничего, кромѣ сердечнаго воспоминанія о мистерѣ Годфреѣ, осужденномъ свѣтскою клеветой и осужденномъ ею вотще. Позвольте мнѣ осушить слезы и возвратиться къ разказу.

Я сошла внизъ къ полднику, естественно желая видѣть, какъ подѣйствовало на Рахиль освобожденіе отъ даннаго ею слова.

Мнѣ казалось,—впрочемъ, я, правду сказать, плохой знатокъ въ такихъ дѣлахъ,—что возвращеніе свободы снова обратило ея помыслы къ тому другому, котораго она любила,

Digitized by Google

и что она бѣсилась на себя, не въ силахъ будучи подавить возобновленіе чувства, котораго втайнѣ стыдилась. Кто бы могъ быть этотъ человѣкъ? Я имѣла нѣкоторыя подозрѣнія, но безполезно было тратить время на праздныя догадки. Когда я обращу ее на путь истинный, она, по самой силѣ вещей, перестанетъ скрываться отъ меня. Я узнаю все и объ этомъ человѣкѣ, и о Лунномъ камнѣ. Даже не будь у меня высшей цѣли въ пробужденіи ея къ сознанію духовнаго міра, одного желанія облегчить ея душу отъ преступныхъ тайнъ было бы достаточно для поощренія меня къ дальнѣйшимъ дѣйствіямъ.

Послѣ полудня тетушка Абльвайтъ для моціона каталась въ креслѣ на колесахъ. Ее сопровождала Рахиль.

— Какъ бы я желала повозить это кресло! легкомысленно вырвалось у нея.—Какъ бы мнѣ хотѣлось устать до упаду.

Расположеніе ея духа не измѣнилось и къ вечеру. Я нашла въ одной изъ драгоцѣнныхъ книгъ моего друга—*Жизнь, переписка и труды миссъ Дженъ Анны Стемперъ*, изданіе сорокъ пятое,—отрывки, дивно подходящіе къ настоящему положенію Рахили. На мое предложеніе прочесть ихъ она отвѣтила тѣмъ, что сѣла за фортепіано. Поймите, какъ она мало знала серіозныхъ людей, если надѣялась этимъ путемъ истощить мое терпѣніе! Я оставила про себя *Миссъ Дженъ Анну Стемперъ* и ожидала событій съ непоколебимою вѣрой въ грядущее.

Старикъ Абльвайтъ въ этотъ вечеръ не явился. Но я знала, какую важность придаетъ этотъ свѣтскій скрага женитьбѣ его сына на миссъ Верриндеръ, и положительно была убѣждена (какъ бы мистеръ Годфрей ни старался предотвратить это), что мы увидимъ его на другой день. При вмѣшательствѣ его въ это дѣло, конечно, разразится буря, на которую я разчитывала, и за тѣмъ, разумѣется, послѣдуетъ спасительное истощеніе упорства Рахили. Не безызвѣстно мнѣ, что старикъ Абльвайтъ вообще (и въ особенности между низшими) слыветъ замѣчательно добродушнымъ человѣкомъ. Но по моимъ наблюденіямъ, онъ заслуживаетъ эту славу лишь до тѣхъ поръ, пока все дѣлается по его. На другой день, какъ я предвидѣла, тетушка Абльвайтъ, на сколько позволялъ ея характеръ, была удивлена внезапнымъ появленіемъ своего мужа. Но не пробылъ онъ еще и минуты въ домѣ, какъ за нимъ послѣдовало, на этотъ разъ къ

Digitized by Google

моему изумленію, неожиданное усложненіе обстоятельствъ въ лицѣ мистера Броффа.

Я не запомню, чтобы присутствіе адвоката казалось мнѣ болѣе неумѣстнымъ чѣмъ въ это время. Онъ видимо готовъ былъ на всякаго рода помѣху!

— Какая пріятная неожиданность, сэръ, сказалъ мистеръ Абльвайтъ съ свойственнымъ ему обмачивымъ радушіемъ, обращаясь къ мистеру Броффу:—разставаясь вчера съ вами, я не ожидалъ, что буду имѣть честь видѣть васъ нынче въ Брайтонѣ.

— Я обсудилъ про себя нашъ разговоръ, послѣ того какъ вы ушли, отвѣтилъ мистеръ Броффъ, — и мнѣ пришло въ голову, что я могу пригодиться въ этомъ случаѣ. Я только что поспѣлъ къ отходу поѣзда и не могъ разсмотрѣть, въ которомъ вагонѣ вы ѣхали.

Давъ это объясненіе, онъ сѣлъ возлѣ Рахили. Я скромно удалилась въ уголокъ, держа *Миссъ Дженъ Анну Стемперъ* на колѣняхъ, про всякій случай. Тетушка сидѣла у окна, по обыкновенію, мирно отмахиваясь вѣеромъ. Мистеръ Абльвайтъ сталъ посреди комнаты (я еще не видывала, чтобы лысина его была краснѣе теперешняго) и любезнѣйше обратился къ племянницѣ.

— Рахиль, дружочикъ мой, сказалъ онъ, — мнѣ Годфрей передалъ необыкновенную новость. Я пріѣхалъ разспросить объ этомъ. У васъ тутъ есть своя комната. Не окажете ли мнѣ честь провести меня туда?

Рахиль не шевельнулась. Не могу сказать, сама ли она рѣшилась вести дѣло на разрывъ, или мистеръ Броффъ подалъ ей какой-нибудь тайный знакъ. Она уклонилась отъ оказанія чести старику Абльвайту и не повела его въ свою комнату.

— Все, что̀ вамъ угодно будетъ сказать мнѣ, отвѣтила она,—можетъ быть сказано здѣсь, въ присутствіи моихъ родственницъ и (она взглянула на мистера Броффа) при вѣрномъ, старинномъ другѣ моей матери.

— Какъ хотите, душа моя, дружелюбно проговорилъ мистеръ Абльвайтъ и взялъ себѣ стулъ. Остальные смотрѣли ему въ лицо, точно надѣясь, послѣ его семидесятилѣтняго обращенія въ свѣтѣ, прочесть на немъ правду. *Я* же взглянула на маковку его лысины, ибо не разъ уже замѣчала, что

Digitized by Google

истинное расположеніе его духа всегда отпечатывается *тамъ* какъ на термометрѣ.

— Нѣсколько недѣль тому назадъ, продолжалъ старый джентльменъ,—сынъ увѣдомилъ меня, что миссъ Верингдеръ почтила его обѣщаніемъ выйдти за него замужъ. Возможно ли это, Рахиль, чтобъ онъ ошибочно перетолковалъ или преувеличилъ сказанное вами?

— Разумѣется, нѣтъ, отвѣтила она.—Я обѣщала выйдти за него.

— Весьма искренно отвѣчено! проговорилъ Абльвайтъ:— и вполнѣ удовлетворительно до сихъ поръ. Годфрей, значитъ, не ошибся относительно того, что̀ произошло нѣсколько недѣль тому назадъ. Ошибка, очевидно, въ томъ, что̀ онъ говорилъ мнѣ вчера. Теперь я начинаю догадываться. У васъ была съ нимъ любовная ссора, и дурачокъ принялъ ее не въ шутку. Ну! Я бы не попался такъ въ его года.

Грѣховная природа Рахили,—праматери Евы, такъ-сказать,—начала кипятиться.

— Пожалуста, мистеръ Абльвайтъ, поймемте другъ друга, сказала она: — Ничего похожаго на ссору не было у меня вчера съ вашимъ сыномъ. Если онъ вамъ сказалъ, что я предложила отказаться отъ даннаго слова, и онъ съ своей стороны согласился, такъ онъ вамъ правду сказалъ.

Термометръ на маковкѣ лысины мистера Абльвайта сталъ показывать возвышеніе температуры. Лицо его было дружелюбнѣе прежняго, но красота его маковки стала однимъ градусомъ гуще.

— Полно, полно, дружочекъ! сказалъ онъ съ самымъ успокоительнымъ выраженіемъ: — Не сердитесь, не будьте жестоки къ бѣдному Годфрею! Онъ, очевидно, сказалъ вамъ что-нибудь невпопадъ. Онъ всегда былъ неотесанъ, еще съ дѣтства; но у него доброе сердце, Рахиль, доброе сердце!

— Или я дурно выразилась, мистеръ Абльвайтъ, или вы съ умысломъ не хотите понять меня. Разъ навсегда, между мною и сыномъ вашимъ рѣшено, что мы остаемся на всю жизнь двоюродными и только. Ясно ли это?

Тонъ, которымъ она проговорила эти слова, не дозволялъ болѣе сомнѣваться даже старику Абльвайту. Термометръ его поднялся еще на одинъ градусъ, а голосъ, когда онъ заговорилъ, не былъ уже голосомъ свойственнымъ завѣдомо добродушнымъ людямъ.

Digitized by Google

— Итакъ, я долженъ понять, сказалъ онъ,—что ваше слово нарушено?

— Пожалуста, поймите это, мистеръ Абльвайтъ.

— Вы признаете и тотъ фактъ, что вы первая предложили отказаться отъ этого слова?

— Я первая предложила это. А сынъ вашъ, какъ я уже вамъ сказала, согласился и одобрилъ это.

Термометръ поднялся до самаго верху; то-есть, краснота вдругъ стала пурпуромъ.

— Сынъ мой скотъ! въ бѣшенствѣ крикнулъ старый ворчунъ. — Ради меня, отца его, не ради его самого, позвольте спросить, миссъ Веринде́ръ, въ чемъ вы можете пожаловаться на мистера Годфрея Абльвайта?

Тутъ въ первый разъ вмѣшался мистеръ Броффъ.

— Вы не обязаны отвѣчать на этотъ вопросъ, сказалъ онъ Рахили.

Старикъ Абльвайтъ мигомъ накинулся на него.

— Не забывайте, сэръ, сказалъ онъ,—что вы сами назвались сюда въ гости. Ваше вмѣшательство вышло бы гораздо деликатнѣе, еслибы вы обождали, пока его потребуютъ.

Мистеръ Броффъ не обратилъ на это вниманія. Гладкая штукатурка его злаго старческаго лица нигдѣ не потрескалась. Рахиль поблагодарила его за поданный совѣтъ и обратилась къ старику Абльвайту, сохраняя такое хладнокровіе, что (принимая во вниманіе ея лѣта и полъ) просто было страшно смотрѣть.

— Сынъ вашъ предлагалъ мнѣ тотъ же самый вопросъ, который вы только что предложили, сказала она: — у меня одинъ отвѣтъ и ему, и вамъ. Я предложила ему возвратить другъ другу слово, такъ какъ, поразмысливъ, убѣдилась, что гораздо согласнѣе какъ съ его, такъ и съ моимъ благомъ, отказаться отъ поспѣшнаго обѣта и предоставить ему иной, болѣе счастливый выборъ.

— Что̀ же такое сдѣлалъ мой сынъ? упорствовалъ мистеръ Абльвайтъ.—Я имѣю право это знать. Что̀ такое онъ сдѣлалъ?

Она стояла на своемъ съ такимъ же упрямствомъ.

— Вы получили уже единственное объясненіе, которое я почла нужнымъ дать ему и вамъ, отвѣтила она.

— Попросту, по-англійски: на то была ваша верховная

Digitized by Google

власть и воля, миссъ Вериндеръ, чтобы кокетничать съ моимъ сыномъ?

Рахиль съ минуту молчала. Сидя за нею, я слышала, какъ она вздохнула. Мистеръ Броффъ взялъ ея руку и слегка пожалъ ее. Она очнулась и, по обыкновенію, смѣло отвѣтила мистеру Абльвайту.

— Я подвергалась и худшимъ пересудамъ, сказала она,— и выносила ихъ терпѣливо. Прошла та пора, когда вы могли оскорбить меня, назвавъ меня кокеткой.

Она сказала это съ оттѣнкомъ горечи, который убѣдилъ меня, что въ головѣ у ней мелькнуло воспоминаніе о скандалѣ Лунного камня.

— Мнѣ больше нечего сказать, устало прибавила она, ни къ кому въ особенности не обращаясь и глядя, мимо всѣхъ насъ, въ ближайшее къ ней окно.

Мистеръ Абльвайтъ всталъ и такъ бѣшено двинулъ отъ себя стулъ, что тотъ опрокинулся и упалъ на полъ.

— А мнѣ такъ есть что̀ сказать съ своей стороны, объявилъ онъ, хлопнувъ ладонью по столу;—я скажу, что если сынъ не чувствуетъ этого оскорбленія, то я его чувствую!

Рахиль вздрогнула и взглянула на него, пораженная удивленіемъ.

— Оскорбленіе? отозвалась она:—что̀ вы хотите сказать?

— Оскорбленіе! повторилъ мистеръ Абльвайтъ: — я знаю, миссъ Вериндеръ, что̀ заставило васъ отказаться отъ вашего обѣщанія сыну! Знаю такъ же вѣрно, какъ еслибы вы сами признались въ этомъ. Это проклятая ваша фамильная гордость оскорбляетъ Годфрея, какъ она оскорбила *меня*, когда я женился на вашей тетушкѣ. Ея семья,—ея нищенская семья, повернулась къ ней спиной за ея бракъ съ честнымъ человѣкомъ, который самъ пробился въ люди и добылъ свое состояніе. У меня предковъ не было. Я не происхожу отъ мошеннической шайки головорѣзовъ, которые жили разбоемъ и убійствомъ. Я не могу сослаться на тѣ времена, когда Абльвайты рубашки своей не имѣли и не умѣли подписать свое имя. Ха! ха! ха! Я былъ недостоинъ Геракласей, когда женился! А теперь, надо ужь все договаривать,—сынъ мой недостоинъ *васъ*. Я давно ужь подозрѣвалъ это. Въ васъ вѣдь тоже Геракласьская кровь-то! Я давно ужь подозрѣвалъ это!

— Крайне недостойное подозрѣніе, замѣтилъ мистеръ

Digitized by Google

Броффъ:—удивляюсь, какъ у васъ достало дуну сознаться въ немъ.

Мистеръ Абльвайтъ еще не находилъ словъ для возраженія, когда Рахиль заговорила съ оттѣнкомъ самаго раздражающаго презрѣнія.

— Не стóитъ обращать вниманія, сказала она адвокату:— если онъ способенъ такъ думать, пусть думаетъ чтò угодно.

Цвѣтъ лица мистера Абльвайта изъ пурпура переходилъ въ багровый, онъ задыхался, поглядывая то на Рахиль, то на мистера Броффа, въ такомъ изступленномъ бѣшенствѣ на обоихъ, что не зналъ на кого изъ нихъ прежде накинуться. Жена его, до сихъ поръ невозмутимо обмахивавшаяся вѣеромъ, сидя на мѣстѣ, начала тревожиться и тщетно пыталась успокоить его. Я же въ продолженіи этого прискорбнаго свиданія, не разъ ощущала позывъ вмѣшаться нѣсколькими серіозными словами, но сдерживалась подъ страхомъ возможныхъ послѣдствій, вовсе недостойнымъ англійской женщины христіанки, которая заботится не о томъ, чего требуетъ пошлая осторожность, а о нравственной правотѣ.

Теперь же, видя до чего дошло дѣло, я стала выше всякихъ соображеній относительно внѣшнихъ приличій. Имѣя въ виду предложить имъ смиренное увѣщаніе собственнаго своего изобрѣтенія, я могла бы еще колебаться. Но прискорбное домашнее столкновеніе, возникшее на моихъ глазахъ, чудеснымъ образомъ предугадано было въ перепискѣ миссъ Дженъ Анны Стемперъ, — письмо тысяча первое „О мирѣ въ семьѣ“. Я встала изъ своего скромнаго уголка и развернула книгу.

— Дорогой мистеръ Абльвайтъ! сказала я:—одно слово!

Какъ только я, вставъ, обратила на себя общее вниманіе, легко было видѣть, что онъ собирался отвѣтить мнѣ какою-то грубостью, но родственный тонъ моего обращенія удержалъ его. Онъ вытаращилъ глаза съ удивленіемъ язычника.

— Въ качествѣ любящей доброжелательницы, друга, продолжала я,—и лица издавна пріобыкшаго пробуждать, убѣждать, приготовлять, просвѣщать и укрѣплять прочихъ, позвольте мнѣ взять простительнѣйшую смѣлость—успокоить васъ.

Digitized by Google

Онъ сталъ приходить въ себя; онъ готовъ былъ разразиться—и непремѣнно бы разразился, имѣй дѣло съ кѣмъ-нибудь инымъ. Но мой голосъ (обыкновенно нѣжный) въ такихъ случаяхъ повышается ноты на двѣ. И теперь, повинуясь призванію свыше, мнѣ слѣдовало перекричать его.

Держа предъ нимъ драгоцѣнную книгу, я внушительно ударила по страницѣ указательнымъ пальцемъ.

— Не мои слова! воскликнула я въ порывѣ ревности:—О, не думайте, чтобъ я призывала ваше вниманіе на мои смиренныя слова! Манна въ пустынѣ, мистеръ Абльвайтъ! Роса на спаленную землю! Слова утѣшенія, слова мудрости, слова любви,—благодатныя, благодатнѣйшія слова миссъ Дженъ Анны Стемперъ!

Тутъ я пріостановилась перевести духъ. Но прежде чѣмъ я собралась съ силами, это чудовище въ образѣ человѣка неистово проревѣло:

— Будь она..... ваша миссъ Дженъ Анна Стемперъ!

Я не въ силахъ написать ужаснаго слова, изображеннаго здѣсь многоточіемъ. Когда оно вырвалось изъ устъ его, я вскрикнула, кинулась къ угольному столику, на которомъ лежалъ мой мѣшокъ, вытрясла изъ него всѣ проповѣди, выбросила одну изъ нихъ „о нечестивыхъ клятвахъ“ подъ заглавіемъ: „Молчите ради Бога!“ и подала ему съ выраженіемъ скорбной мольбы. Онъ разорвалъ ее пополамъ и бросилъ въ меня черезъ столъ. Прочіе поднялись въ испугѣ, видимо не зная чего ждать послѣ этого. Я тотчасъ же сѣла въ свой уголокъ. Однажды, почти при такой же обстановкѣ, миссъ Дженъ Анну Стемперъ повернули за плеча и вытолкали изъ комнаты. Одушевленная *ея* духомъ, я готовилась къ повторенію *ея* мученичества.

Но нѣтъ,—этому не было суждено свершиться. Вслѣдъ за тѣмъ онъ обратился къ женѣ.

— Кто это, кто, проговорилъ онъ, захлебываясь отъ бѣшенства:—кто пригласилъ с юда эту безстыжую изувѣрку? Вы, что ли?

Не успѣла тетушка Абльвайтъ слова сказать, какъ Рахиль уже отвѣтила за нее:

— Миссъ Клакъ, сказала она,—моя гостья.

Эти слова странно подѣйствовали на мистера Абльвайта. Пламенный гнѣвъ его вдругъ перешелъ въ ледяное презрѣніе.

Digitized by Google

Всѣмъ стало ясно, что Рахиль,—какъ ни былъ кротокъ и ясенъ отвѣтъ ея,—сказала нѣчто, дававшее ему первенство надъ нею.

— А? сказалъ онъ: — Миссъ Клакъ *ваша* гостья въ *моемъ* домѣ?

Рахиль въ свою очередь вышла изъ себя, вспыхнула, глаза ея гнѣвно заблистали. Она обратилась къ адвокату, и показывая на мистера Абльвайта, надменно спросила:

— Что̀ онъ хочетъ этимъ сказать?

Мистеръ Броффъ вступился въ третій разъ.

— Вы, повидимому, забываете, сказалъ онъ, обращаясь къ мистеру Абльвайту,—что вы наняли этотъ домъ для миссъ Верриндеръ въ качествѣ ея опекуна.

— Не торопитесь, перебилъ мистеръ Абльвайтъ, — мнѣ остается сказать послѣднее слово, которое давно было бы сказано, еслибъ эта... (Онъ посмотрѣлъ на меня, прищуривая, какимъ бы мерзкимъ словомъ назвать меня:) еслибъ эта дѣвствующая пролаза не перебила меня. Позвольте вамъ сказать, сэръ, что если сынъ мой не годится въ мужья миссъ Верриндеръ, я не смѣю считать себя достойнымъ быть опекуномъ миссъ Верриндеръ. Прошу понять, что я отказываюсь отъ положенія, предлагаемаго мнѣ въ завѣщаніи леди Верриндеръ. Я, — какъ говорится у юристовъ, — отстраняюсь отъ опеки. Домъ этотъ по необходимости нанятъ былъ на мое имя. Я принимаю всю отвѣтственность на свою шею. Это мой домъ. Я могу оставить его за собой или отдать внаймы, какъ мнѣ будетъ угодно. Я вовсе не желаю торопить миссъ Верриндеръ. Напротивъ, прошу ее вывезти свою гостью и покажу когда ей заблагоразсудится.

— Онъ отдалъ низкій поклонъ и вышелъ изъ комнаты.

Такова-то была месть мистера Абльвайта за то, что Рахиль отказалась выйдти за его сына!

Какъ только дверь затворилась за нимъ, мы всѣ онѣмѣли при видѣ феномена, проявившагося въ тетушкѣ Абльвайтъ. У нея хватило энергіи перейдти комнату.

— Душа моя, сказала она, взявъ Рахиль за руку:—я стыдилась бы за своего мужа, еслибы не знала, что виноватъ его характеръ, а не онъ самъ. Это вы, — продолжала тетушка Абльвайтъ, обращаясь въ мой уголокъ, съ новымъ приливомъ энергіи, на этотъ разъ во взглядѣ, вмѣсто окончательно-

Digitized by Google

стей тѣла: — вы своими козлами раздражили его. Надѣюсь никогда болѣе не видать васъ и вашихъ проповѣдей.

Она обернулась къ Рахили и поцѣловала ее.

— Прошу прощенія, душа моя, сказала она, — отъ имени моего мужа. Что̀ я могу для васъ сдѣлать?

Извращенная въ самомъ существѣ своихъ понятій, капризная и безразсудная во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, Рахиль залилась слезами въ отвѣтъ на эти общія мѣста и молча отдала теткѣ поцѣлуй.

— Если мнѣ позволено будетъ отвѣтить за миссъ Верендеръ, сказалъ мистеръ Броффъ: — смѣю ли просить васъ, мистрисъ Абльвайтъ, послать сюда Пенелопу съ шалью и шляпкой ея госпожи. Оставьте насъ минутъ на десять, прибавилъ онъ, понизивъ голосъ,—и положитесь на то, что я поправлю дѣло къ общему удовольствію, какъ вашему, такъ и Рахили.

Удивительную вѣру питала вся семья въ этого человѣка. Не говоря болѣе ни слова, тетушка Абльвайтъ вышла изъ комнаты.

— Ага! сказалъ мистеръ Броффъ, глядя ей вслѣдъ:—геркасльская кровь не безъ изъяна, согласенъ. А все-таки въ хорошемъ воспитаніи есть нѣчто!

Отпустивъ эту чисто-свѣтскую фразу, онъ пристально поглядѣлъ въ мой уголъ, какъ бы надѣясь, что я уйду. Но мое участіе къ Рахили, безконечно высшее его участія, пригвоздило меня къ стулу. Мистеръ Броффъ отступился, точь-въ-точь какъ у тетушки Верендеръ въ Монтегю-скверѣ. Онъ отвелъ Рахиль въ кресло у окна и тамъ заговорилъ съ нею.

— Милая молодая леди, сказалъ онъ: — поведеніе мистера Абльвайта естественно оскорбило васъ и захватило врасплохъ. Еслибы стоило терять время на обсужденіе этого вопроса съ такимъ человѣкомъ, мы бы скоренько доказали ему, что онъ не совсѣмъ-то въ правѣ распоряжаться по-своему. Но время терять не стоило. Въ совершенно справедливо сказали сейчасъ: „не стóитъ обращать на него вниманіе“.

Онъ пріостановился и поглядѣлъ въ мой уголокъ. Я сидѣла неподвижно, держа проповѣди подъ рукой, а *Миссъ Дженъ Анну Стемперъ* на колѣнахъ.

— Вы знаете, продолжалъ онъ, снова обращаясь къ Рахили:—что нѣжному сердцу вашей матушки свойственно было видѣть одну лучшую сторону окружающихъ ее и вовсе не

Digitized by Google

видѣть худшей. Она назначила своего зятя вашимъ опекуномъ, будучи въ немъ увѣрена и думая угодить сестрѣ. Самъ я никогда не любилъ мистера Абльвайта и убѣдилъ вашу матушку включить въ завѣщаніе статью, въ силу которой душеприкащики могли бы въ извѣстныхъ случаяхъ совѣтоваться со мной о назначеніи новаго опекуна. Одинъ изъ такихъ случаевъ именно и былъ сегодня, и я могу покончить всю эту дѣловую суть и мелочь, надѣюсь, довольно пріятно,—письмомъ отъ моей жены. Угодно ли вамъ почтить мистриссъ Броффъ принятіемъ ея приглашенія? Хотите остаться въ моемъ домѣ, какъ родная въ моей семьѣ, пока мы, умные люди, сговоримся наконецъ и порѣшимъ что̀ тутъ слѣдуетъ предпринять?

При этихъ словахъ я встала съ тѣмъ чтобы вмѣшаться. Мистеръ Броффъ именно то и сдѣлалъ, чего я боялась въ то время какъ онъ спросилъ у мистриссъ Абльвайтъ Рахилины шаль и шляпку. Не успѣла я слова сказать, какъ Рахиль съ горячею благодарностью приняла его приглашеніе. Если я потерплю, чтобы предположеніе ихъ осуществилось, если она разъ переступитъ порогъ въ домѣ мистера Броффа, прощай пламенная надежда моей жизни, надежда на возвращеніе къ стаду заблудшей овцы! Одна мысль о такомъ бѣдствіи совершенно меня ошеломила. Я пустила на вѣтеръ жалкія нити свѣтскихъ приличій и, переполненная ревностью, заговорила безъ всякаго выбора выраженій.

— Стойте! сказала я:—стойте! Вы должны меня выслушать. Мистеръ Броффъ, вы не родня ей, а я—родня! Я приглашаю ее,—я требую у душеприкащиковъ назначенія опекунтей *меня*. Рахиль, милая Рахиль, я предлагаю вамъ мое скромное жилище, пріѣзжайте въ Лондонъ съ первымъ поѣздомъ, и раздѣлите его со мной!

Мистеръ Броффъ ничего не сказалъ на это. Рахиль поглядѣла на меня съ обиднымъ удивленіемъ, даже не стараясь хоть сколько-нибудь скрыть его.

— Вы очень добры, Друзилла, сказала она:—я надѣюсь посѣтить васъ, когда мнѣ случится быть въ Лондонѣ. Но я уже приняла приглашеніе мистера Броффа и считаю за лучшее остаться пока на его попеченіи.

— О, не говорите этого! умоляла я:—не могу я разстаться съ вами, Рахиль,—не могу!

Digitized by Google

Я хотѣла заключить ее въ объятья. Но она увернулась. Ревность моя не сообщилась ей; она только испугала ее.

— Право же, сказала она:—это вовсе лишняя тревога. Я не понимаю, къ чему это.

— И я также, сказалъ мистеръ Броффъ.

Жестокость ихъ, отвратительная свѣтская жестокость, возмутила меня.

— О, Рахиль, Рахиль! вырвалось у меня:—неужели вы *до сихъ поръ* не видите, что сердце мое жаждетъ сдѣлать изъ васъ христіанку? Неужели внутренній голосъ не говоритъ вамъ, что я стараюсь для васъ дѣлать то, что̀ пробовала сдѣлать для вашей милой матушки, когда смерть вырвала ее изъ моихъ рукъ?

Рахиль подвинулась ко мнѣ на шагъ и весьма странно посмотрѣла на меня.

— Не понимаю вашего намека на матушку, сказала она;— будьте такъ добры, объяснитесь, миссъ Клакъ.

Прежде чѣмъ я успѣла отвѣтить, мистеръ Броффъ выступилъ впередъ, и подавъ Рахили руку, хотѣлъ увести ее.

— Лучше оставить это, мой другъ, сказалъ онъ,—лучше бы, миссъ Клакъ, не объясняться.

Будь я пень или камень, и тогда бы подобное вмѣшательство заставило высказать правду. Я съ негодованіемъ собственноручно оттолкнула мистера Броффа и въ приличноторжественныхъ выраженіяхъ изложила взглядъ, какимъ истинное благочестіе взираетъ на ужасное бѣдствіе смерти безъ напутствія. Рахиль отскочила отъ меня,—совѣстно сказать,—съ крикомъ ужаса.

— Уйдемте! сказала она мистеру Броффу:—уйдемте, Бога ради, пока эта женщина не сказала болѣе! О, вспомните, какъ безобидна, какъ благодѣтельна и прекрасна была жизнь бѣдной матушки! Вы были на похоронахъ, мистеръ Броффъ; вы видѣли, какъ всѣ любили ее; вы видѣли, сколько сирыхъ и бѣдныхъ надъ могилой ея оплакивали потерю лучшаго друга. А эта несчастная хочетъ заставить меня усомниться въ томъ, что земной ангелъ сталъ нынѣ ангеломъ небеснымъ! Чего мы стоимъ, о чемъ толкуемъ? Уйдемте! Мнѣ душно при ней! Мнѣ страшно съ ней въ одной комнатѣ!

Не слушая никакихъ увѣщаній, она кинулась къ двери.

Въ то же время ея горничная принесла ей шаль и шляпку. Она кое-какъ накинула ихъ.

Digitized by Google

— Уложите мои вещи, сказала она:—и привезите ихъ къ мистеру Броффу.

Я хотѣла-было подойдти къ ней. Я была поражена и огорчена, но,—нужно ли говорить это?—вовсе не обижена. Мнѣ хотѣлось только сказать ей: „Да укротится жестокосердіе ваше! Я отъ души прощаю вамъ!“ Она опустила вуаль, вырвала шаль у меня изъ рукъ, и быстро выбѣжавъ, захлопнула предо мною дверь. Я снесла оскорбленіе съ обычною твердостью. Я и теперь вспоминаю о немъ съ той же свойственной мнѣ высоты, недосягаемой обидамъ.

У мистера Броффа еще нашлась прощальная насмѣшка на мой счетъ, прежде чѣмъ онъ спасовалъ въ свою очередь.

— Лучше бы вамъ не объясняться, миссъ Клакъ, сказалъ онъ, поклонился и вышелъ.

Затѣмъ послѣдовала особа въ чепцѣ съ лентами.

— На что ясней, кто ихъ всѣхъ такъ взбудоражилъ, сказала она;—я бѣдная служанка, но и мнѣ, скажу вамъ, стыдно за васъ.

И эта ушла, хлопнувъ за собой дверью.

Я осталась одна въ комнатѣ. Всѣми униженная, всѣми покинутая, я осталась одна-одинехонька.

Нужно ли прибавлять что-нибудь къ этому простому изложенію фактовъ, къ этой трогательной картинѣ христіанки, гонимой свѣтомъ? Нѣтъ! Мой дневникъ напоминаетъ, что здѣсь оканчивается еще одна изъ разрозненныхъ страницъ моей жизни. Съ этого дня я уже не видала болѣе Рахили Верриндеръ. Я простила ей во время самой обиды. Съ тѣхъ поръ она пользовалась моими молитвенными желаніями ей всякаго блага. И въ довершеніе платы добромъ за зло, — она получитъ въ наслѣдство, когда я умру, жизнеописаніе, переписку и труды миссъ Джонъ Анны Стемперъ.

Разказъ 2-й, доставленный Матвѣемъ Броффомъ, адвокатомъ изъ Грейзъ-Инъ-Сквера.

I.

Послѣ того какъ доблестный другъ мой, миссъ Клакъ, покинула перо, я беру его, въ свою очередь, по двумъ причинамъ.

Вопервыхъ, я въ состояніи пролить необходимый свѣтъ на нѣкоторыя интересныя обстоятельства, до сихъ поръ

Digitized by Google

оставшіяся въ тѣни. Миссъ Верриндеръ имѣла тайныя основанія нарушить данное слово, и я зналъ ихъ вполнѣ. Мистеръ Годфрей Абльвайтъ также имѣлъ тайныя основанія отказаться отъ всякихъ правъ на полученіе руки очаровательной кузины, и я развѣдалъ въ чемъ дѣло. Вовторыхъ, ужь не знаю къ счастію или къ несчастію, въ описываемое мною время я былъ лично замѣшанъ въ тайну индѣйскаго алмаза. Я имѣлъ честь принимать въ моей собственной конторѣ восточнаго иноземца, который отличался утонченностію своего обращенія и безспорно былъ никто иной, какъ самъ начальникъ трехъ Индѣйцевъ. Прибавьте къ этому, что на другой день, встрѣтивъ знаменитаго путешественника, мистера Мортвета, я имѣлъ съ нимъ разговоръ по предмету Лунного камня, весьма важный относительно дальнѣйшихъ событій. Вотъ изложеніе моихъ правъ на то мѣсто, которое занято мною на этихъ страницахъ.

Разъясненіе истиннаго значенія размолвки предшествовало остальному въ хронологическомъ порядкѣ, а потому и въ настоящемъ разказѣ должно появиться на первомъ мѣстѣ. Оглядываясь назадъ, вдоль по всей цѣпи событій изъ конца въ конецъ, я нахожу нужнымъ, какъ бы то ни казалось страннымъ, начать сценой у постели моего превосходнаго довѣрителя и друга, покойнаго сэръ-Джона Верриндеръ. Въ сэръ-Джонѣ была своя доля, и пожалуй довольно значительная доля, самыхъ невинныхъ и милыхъ слабостей, свойственныхъ человѣческому роду. Надо упомянуть объ одной изъ нихъ, относящейся къ предмету этого разказа, именно о непобѣдимомъ отвращеніи его отъ прямаго взгляда на свою обязанность составить завѣщаніе, пока еще пользовался обычнымъ, добрымъ здоровьемъ. Леди Верриндеръ употребляла все свое вліяніе, чтобы пробудить въ немъ сознаніе долга относительно этого дѣла; я пускалъ въ ходъ все свое вліяніе. Онъ признавалъ справедливость нашихъ взглядовъ, но не шелъ далѣе ни шагу, до тѣхъ поръ пока не овладѣла имъ болѣзнь, которая въ послѣдствіи свела его въ могилу. Тогда-то наконецъ послали за мной, чтобы довѣритель мой могъ передать мнѣ свои распоряженія относительно завѣщанія. Оказалось, что проще этихъ распоряженій мнѣ еще не приходилось выслушивать въ теченіи всего моего поприща.

Войдя въ комнату, я засталъ сэръ-Джона дремлющимъ. Увидавъ меня, онъ окончательно пробудился.

Digitized by Google

— Какъ покажете, мистеръ Броффъ? сказалъ онъ.—Я не долго задержу васъ. А потомъ опять засну.

Онъ смотрѣлъ съ большимъ любопытствомъ, пока я собиралъ перья, чернила и бумагу.

— Готовы? спросилъ онъ.

Я поклонился, обмакнулъ перо и ждалъ распоряженій.

— Завѣщаю все моей женѣ, сказалъ сэръ-Джонъ.—Конецъ!

Онъ повернулся на другой бокъ и готовился заснуть снова.

Я долженъ былъ обезпокоить его.

— Слѣдуетъ ли мнѣ понять это такъ, спросилъ я,—что вы оставляете все, чѣмъ владѣете до кончины, всю свою собственность, всякаго рода, по всѣмъ описямъ, безусловно леди Веринджеръ?

— Да, сказалъ сэръ-Джонъ,—только я кратче выражаюсь. Отчего бы вамъ не выразиться также кратко и не дать мнѣ уснуть? Все моей женѣ. Вотъ мое завѣщаніе.

Собственность его находилась въ полномъ его распоряженіи и была двухъ родовъ. Собственность въ земляхъ (я намѣренно воздерживаюсь отъ употребленія юридическихъ выраженій) и собственность въ деньгахъ.

Въ большинствѣ случаевъ я, вѣроятно, счелъ бы своимъ долгомъ потребовать отъ довѣрителя пересмотра завѣщанія. Въ дѣлѣ же сэръ-Джона, я зналъ, что леди Веринджеръ не только достойна неограниченнаго довѣрія, возлагаемаго на нее мужемъ (его достойна всякая добрая жена), но и способна какъ слѣдуетъ воспользоваться этимъ довѣріемъ (чего не въ силахъ сдѣлать и одна изъ тысячи, насколько я знаю прекрасный полъ). Десять минутъ спустя завѣщаніе сэръ-Джона было написано и скрѣплено его подписью, а самъ добракъ сэръ-Джонъ принялся за прерванный отдыхъ.

Леди Веринджеръ вполнѣ оправдала довѣріе, которымъ облекъ ее мужъ. На первыхъ же дняхъ своего вдовства послала за мной и составила свое завѣщаніе. Она такъ глубоко и разумно понимала свое положеніе, что въ моихъ совѣтахъ не оказывалось ни малѣйшей надобности. Вся моя обязанность ограничивалась облеченіемъ ея распоряженій въ надлежащую законную форму.

Не прошло двухъ недѣль съ тѣхъ поръ какъ сэръ-Джонъ сошелъ въ могилу, будущность его дочери была уже обезпечена съ величайшею мудростію и любовію.

Digitized by Google

Завѣщаніе хранилось въ несгараемомъ шкапѣ моей конторы столько лѣтъ, что мнѣ лѣнь ихъ пересчитывать. Лишь лѣтомъ 1848 года представился случай заглянуть въ него, при обстоятельствахъ весьма печальныхъ.

Около вышеупомянутаго времени доктора произнесли бѣдной леди Верендеръ буквально смертный приговоръ. Мнѣ первому сообщила она о своемъ положеніи и нетерпѣливо желала пересмотрѣть вмѣстѣ со мной свое завѣщаніе.

Что̀ касалось ея дочери, то лучшихъ распоряженій невозможно было бы и придумать. Но ея намѣренія относительно нѣкоторыхъ мелкихъ наслѣдствъ, завѣщаемыхъ разнымъ родственникамъ, въ теченіе времени поизмѣнились, и возникла надобность прибавить къ подлинному документу три-четыре дополненія. Опасаясь внезапнаго случая, я тотчасъ же исполнилъ это и получилъ позволеніе миледи переписать ея послѣднія распоряженія въ новое завѣщаніе. Я имѣлъ въ виду обойдти нѣкоторыя неизбѣжныя неточности и повторенія, которыя теперь обезображивали подлинный документъ и, правду сказать, непріятно коробили свойственное моему званію чувство внѣшней форменности. Скрѣпу этого вторичнаго завѣщанія описала миссъ Клакъ, любезно согласившаяся засвидѣтельствовать его. Въ отношеніи денежныхъ интересовъ Рахили Верендеръ, оно было слово въ слово точнымъ спискомъ съ перваго завѣщанія. Единственныя перемѣны въ немъ ограничивались назначеніемъ опекуна и нѣсколькими оговорками относительно этого назначенія, включенными по моему совѣту. По смерти леди Верендеръ, завѣщаніе перешло въ руки моего проктора для обычнаго, какъ говорится, „заявленія“. Недѣли три спустя, насколько могу припомнить, дошли до меня первые слухи о какой-то необычной, подземной интригѣ. Я случайно зашелъ въ контору моего пріятеля проктора и замѣтилъ, что онъ принимаетъ меня съ видомъ большей внимательности, нежели обыкновенно.

— А я имѣю сообщить вамъ кое-что новенькое, сказалъ онъ:—какъ бы вы думали, что̀ я слышалъ сегодня утромъ въ Докторсъ-Коммонсѣ? Завѣщаніе леди Верендеръ было уже затребовано на просмотръ и наведена справка!

Въ самомъ дѣлѣ нѣчто новенькое! Въ завѣщаніи не было ровно ничего спорнаго, и я не могъ придумать, кому бы это припала хоть малѣйшая нужда наводить справки. (Быть-можетъ, я поступаю неурно, объяснивъ здѣсь,—на пользу тѣхъ немногихъ, кто еще не знаетъ этого,—что законъ позво-

Digitized by Google

лаетъ всѣмъ, кому угодно, наводить справки по всѣмъ завѣщаніямъ въ Докторсъ-Коммонсѣ, съ платой одного шиллинга.)

— Слышали вы, кто именно требовалъ завѣщаніе? спросилъ я.

— Да; писарь, не колеблясь, передалъ это *мнѣ*. Требовалъ его мистеръ Смоллей,—фирма Скиннъ и Смоллей. Завѣщаніе не успѣли еще переписать въ главный реестръ. Поэтому не оставалось ничего болѣе, какъ отступить отъ обычныхъ правилъ и дать просителю на просмотръ подлинный документъ. Онъ просмотрѣлъ его весьма тщательно и сдѣлалъ изъ него выписку въ свой бумажникъ. Можете вы догадываться, зачѣмъ бы это понадобилось ему?

Я отрицательно покачалъ головой.

— Развѣдаю, отвѣтилъ я,—и дня не пройдетъ какъ развѣдаю.

Затѣмъ я тотчасъ же вернулся къ себѣ въ контору.

Еслибы въ этомъ необъяснимомъ просмотрѣ завѣщанія покойной довѣрительницы моей была замѣшана какая-нибудь иная адвокатская фирма, я, пожалуй, встрѣтилъ бы нѣкоторыя затрудненія относительно необходимыхъ развѣдокъ. Но у Скинна и Смоллея я имѣлъ руку, значительно облегчавшую мнѣ ходы въ этомъ дѣлѣ. Мой письмоводитель (большой дѣлецъ и превосходный человѣкъ) былъ родной братъ мистера Смоллея, и благодаря такого рода косвенной связи со мной, Скиннъ и Смоллей въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ подбирали крохи, падавшія съ моего стола, въ видѣ различныхъ дѣлъ, поступавшихъ ко мнѣ въ контору, на которыя я, по разнымъ причинамъ, не считалъ нужнымъ тратить время. Такимъ образомъ мое покровительство имѣло нѣкоторое значеніе для этой фирмы. Теперь я намѣревался, въ случаѣ надобности, напомнить имъ объ этомъ покровительствѣ.

Придя домой, я тотчасъ переговорилъ съ моимъ письмоводителемъ, и разказавъ ему о случившемся, послалъ его въ братнину контору „съ поклономъ отъ мистера Броффа", которому весьма пріятно было бы узнать, почему господа Скиннъ и Смоллей нашли нужнымъ просмотрѣть завѣщаніе леди Вериндеръ.

Вслѣдствіе этого посольства, мистеръ Смоллей вернулся ко мнѣ въ контору въ сопровожденіи своего брата. Тотъ признался, что дѣйствовалъ по просьбѣ одного изъ своихъ довѣрителей, и затѣмъ поставилъ мнѣ на видъ, не будетъ

Digitized by Google

ли съ его стороны нарушеніемъ повѣренной ему тайны, если онъ скажетъ болѣе.

Мы поспорили объ этомъ довольно горячо. Безъ сомнѣнія, онъ былъ правъ, а я не правъ. Надо сознаться, я былъ разсерженъ и подозрителенъ и настойчиво хотѣлъ развѣдать побольше. Мало того: предложенное мнѣ доволительное свѣдѣніе я отказался считать тайной, ввѣренною мнѣ на храненіе; я требовалъ полной свободы въ распоряженіи своею скромностью. Что̀ еще хуже, я непозволительно воспользовался выгодой своего положенія.

— Выбирайте же, сэръ, сказалъ я мистеру Смоллею:—между рискомъ лишиться практики своего довѣрителя, или моей.

Неизвинительно, согласенъ,—чистѣйшая тираннія. Подобно всѣмъ тиранамъ, я былъ непреклоненъ. Мистеръ Смоллей рѣшился на выборъ, не колеблясь и минуты. Онъ покорно улыбнулся и выдалъ имя своего довѣрителя:

— Мистеръ Годфрей Абльвайтъ.

Этого съ меня было довольно,—я болѣе ничего и знать не желалъ.

Достигнувъ этого пункта моего разказа, я считаю необходимымъ поставить читателя на равную ногу со мной относительно свѣдѣній о завѣщаніи леди Вериндеръ.

Итакъ, позвольте мнѣ въ возможно-краткихъ словахъ изложить, что у Рахили Вериндеръ не было ничего, кромѣ пожизненныхъ процентовъ съ имущества. Необыкновенно здравый смыслъ ея матери, вмѣстѣ съ моею долговременною опытностью, освободили ее отъ всякой отвѣтственности и уберегли на будущее время отъ опасности стать жертвой какого-нибудь нуждающагося и недобросовѣстнаго человѣка. Ни она, ни мужъ ея (въ случаѣ ея брака) не могли бы тронуть и шести пенсовъ, какъ изъ поземельной собственности, такъ и изъ капитала. Въ ихъ распоряженіи будутъ дома въ Лондонѣ и Іоркширѣ, порядочный доходъ,—и только. Пораздумавъ о развѣданномъ, я прискорбно затруднялся, какъ мнѣ поступать вслѣдъ затѣмъ.

Не болѣе недѣли прошло съ тѣхъ поръ, какъ я услыхалъ (къ удивленію и прискорбію моему) о предполагаемомъ замужствѣ миссъ Вериндеръ. Я былъ самымъ искреннимъ ея поклонникомъ, питалъ къ ней искреннюю привязанность и безмѣрно огорчился, услыхавъ, что она готова, очертя голову, избрать мистера Годфрея Абльвайта. И вотъ этотъ

Digitized by Google

человѣкъ, котораго я всегда считалъ сладкорѣчивымъ плутомъ, оправдываетъ самое худшее изъ того, что̀ я думалъ о немъ, и явно обличаетъ корыстную цѣль этого брака съ его стороны! „Такъ что̀ же? пожалуй возразите вы:—дѣло обыкновенное.“ Согласенъ, дорогой сэръ. Но такъ ли легко отнеслись бы вы къ этому, еслибы дѣло шло.... ну, хоть о вашей сестрѣ? Первое соображеніе, естественно пришедшее мнѣ въ голову, было слѣдующее. Сдержитъ ли свое слово мистеръ Годфрей Абльвайтъ послѣ того что̀ онъ узналъ отъ адвоката?

Это вполнѣ зависѣло отъ его денежныхъ обстоятельствъ, которыхъ я вовсе не зналъ. Если положеніе его еще не слишкомъ плохо, ему стоило бы жениться на миссъ Верриндеръ ради одного дохода. Если же, наоборотъ, ему крайняя нужда въ значительной суммѣ къ извѣстному сроку, то завѣщаніе леди Верриндеръ придется весьма кстати и спасетъ ея дочь изъ рукъ плута. Въ послѣднемъ случаѣ мнѣ вовсе не нужно будетъ огорчать миссъ Рахиль, въ первые дни траура по матери, немедленнымъ открытіемъ истины. Въ первомъ же, оставаясь безмолвнымъ, я какъ бы посодѣйствую браку, который сдѣлаетъ ее несчастною на всю жизнь.

Колебанія мои разрѣшились посѣщеніемъ лондонской гостиницы, въ которой жили мистрисъ Абльвайтъ и миссъ Верриндеръ. Они сообщили мнѣ, что на другой день выѣзжаютъ въ Брайтонъ, и что непредвидѣнная помѣха препятствуетъ мистеру Годфрею Абльвайту отправиться съ ними. Я тотчасъ предложилъ замѣнить его. Пока я только думалъ о Рахили Верриндеръ, можно было еще колебаться. Увидавъ ее, я тотчасъ рѣшился высказать ей всю правду, будь что̀ будетъ.

Случай представился, когда мы гуляли съ ней вдвоемъ на другой день по пріѣздѣ.

— Позволите ли мнѣ поговорить съ вами о вашей помолвкѣ? спросилъ я.

— Да, равнодушно отвѣтила она:—если не о чемъ поинтереснѣе.

— Простите ли вы старому другу и слугѣ вашего семейства, миссъ Рахиль, если я осмѣлюсь спросить, по сердцу ли вамъ этотъ бракъ?

— Я выхожу замужъ съ отчаянія, мистеръ Броффъ, пробуя неудачу, не нападу ли на что-нибудь въ родѣ

Digitized by Google

счастія застоя, которое могло бы примирить меня съ жизнью.

Сильныя выраженія! намекающія на что-то затаенное, въ формѣ романа. Но я имѣлъ въ виду свою цѣль и уклонился (какъ говорится межъ нами, законниками) отъ изслѣдованія побочныхъ развѣтвленій вопроса.

— Едва ли мистеръ Годфрей Абльвайтъ раздѣляетъ вашъ образъ мыслей, сказалъ я: — *ему* этотъ бракъ во всякомъ случаѣ по сердцу?

— По его словамъ, такъ, и, кажется, я должна ему вѣрить. Послѣ тѣхъ признаній, которыя я сдѣлала ему, едва ли бы онъ захотѣлъ на мнѣ жениться, еслибы не любилъ меня.

Бѣдняжка! Она не допускала и мысли о человѣкѣ, женящемся ради собственныхъ корыстныхъ видовъ. Задача, за которую я взялся, становилась труднѣе чѣмъ я разчитывалъ.

— Странно слышать, продолжалъ я:—особенно для моихъ старосвѣтскихъ ушей....

— Что̀ странно слышать? спросила она.

— Слышать, что вы говорите о будущемъ мужѣ такъ, словно вы не увѣрены въ искренности его привязанности. Не имѣете ли вы съ своей стороны какихъ-нибудь причинъ сомнѣваться въ немъ?

Удивительная быстрота ея соображенія помогла ей замѣтить, не то въ голосѣ моемъ, не то въ обращеніи, перемѣну, которая тотчасъ дала ей понять, что я все это говорилъ, имѣя въ виду дальнѣйшую цѣль. Она пріостановилась, и освободивъ свою руку, вопросительно посмотрѣла мнѣ въ лицо.

— Мистеръ Броффъ, сказала она: — вы хотите передать мнѣ что-то о мистерѣ Годфреѣ Абльвайтѣ. Скажите.

Я настолько зналъ ее, что поймалъ на словѣ и разказалъ все.

Она снова взяла меня подъ руку и тихо пошла со мной. Я чувствовалъ, какъ рука ея машинально сжимала мою руку; видѣлъ, что сама она становилась блѣднѣе и блѣднѣе, по мѣрѣ того какъ я распространялся,—но изъ устъ ея не вырвалось ни одного слова, пока я говорилъ. И когда я кончилъ, она все еще оставалась безмолвною. Слегка склонивъ голову, она шла возлѣ меня, не сознавая моего присутствія, не сознавая ничего окружающаго; потерянная, можно сказать, погребенная въ своихъ мысляхъ.

Digitized by Google

Я не хотѣлъ мѣшать ей. Зная ея характеръ, я въ этомъ случаѣ, какъ и въ прежнихъ, далъ ей время.

Дѣвушки вообще, услыхавъ что-нибудь интересующее ихъ и повинуясь первому побужденію, сначала забрасываютъ разспросами, а потомъ бѣгутъ обсудить это съ какою-нибудь любимою подругой. Первымъ побужденіемъ Рахили Вериндеръ въ такихъ обстоятельствахъ было замкнуться въ своихъ мысляхъ и обсудить про себя. Въ мущинѣ эта безусловная независимость великое качество. Въ женщинѣ она имѣетъ ту невыгоду, что нравственно выдѣляетъ ее изъ общей массы прекраснаго пола и подвергаетъ ее пересудамъ общаго мнѣнія. Я сильно подозрѣваю себя по этому предмету въ единомысліи съ остальнымъ свѣтомъ, за исключеніемъ мнѣнія объ одной Рахили Вериндеръ. Независимость ея характера была однимъ изъ качествъ, уважаемыхъ мной; частію, конечно, потому, что я искренно удивлялся ей и любилъ ее; частію потому, что взглядъ мой на ея отношеніе къ пропажѣ Луннаго камня основывался на тщательномъ изученіи ея характера. Какъ бы плохо ни складывались внѣшнія обстоятельства въ дѣлѣ алмаза,—какъ бы ни было прискорбно знать, что она сколько-нибудь замѣшана въ тайну нераскрытой кражи, — я тѣмъ не менѣе былъ убѣжденъ, что она не сдѣлала ничего недостойнаго ея, ибо я равно убѣжденъ былъ и въ томъ, что она въ этомъ дѣлѣ шага не ступила, не замкнувшись въ своихъ мысляхъ и не обдумавъ его про себя.

Мы прошли около мили, прежде чѣмъ Рахиль очнулась. Она вдругъ поглядѣла на меня съ чуть замѣтнымъ оттѣнкомъ улыбки прежняго, болѣе счастливаго времени, самой непреодолимой, какую когда-либо видалъ я на женскомъ лицѣ.

—Я уже многимъ обязана вашей добротѣ, сказала она,— а теперь чувствую себя въ большемъ долгу нежели прежде. Если по возвращеніи въ Лондонъ до васъ дойдетъ молва о моемъ замужствѣ, опровергайте ее тотчасъ же отъ моего имени.

— Вы рѣшились нарушить свое слово? спросилъ я.

— Можно ли въ этомъ сомнѣваться, гордо возразила она,— послѣ того, что̀ вы мнѣ передали?

— Милая миссъ Рахиль, вы очень молоды, и вамъ будетъ гораздо труднѣе выйдти изъ настоящаго положенія нежели

Digitized by Google

вы думаете. Нѣтъ ли у васъ кого-нибудь, само собой разумѣется, какой-нибудь леди, съ которою вы могли бы посовѣтоваться?

— Никого, отвѣтила она.

Меня огорчили, искренно огорчили ея слова. Такъ молода, такъ одинока, и такъ твердо выносить свое положеніе! Желаніе помочь ей пересилило всякія соображенія о пристойности, которыя могли возникнуть во мнѣ при подобныхъ обстоятельствахъ; пустивъ въ ходъ все свое умѣнье, я изложилъ ей по этому предмету все, что могло придти мнѣ въ голову подъ вліяніемъ минуты. Я на своемъ вѣку передавалъ многое множество совѣтовъ моимъ довѣрителямъ и не разъ имѣлъ дѣло съ величайшими затрудненіями; но въ настоящемъ случаѣ мнѣ еще впервые доводилось поучать молодую особу какъ ей добиться освобожденія отъ помолвки. Предложенный мною планъ, въ короткихъ словахъ, былъ слѣдующій. Я совѣтовалъ ей сказать мистеру Годфрею Абльвайту,—съ глазу на глазъ, разумѣется,—что ей достовѣрно извѣстно, какъ онъ обличилъ корыстное свойство своихъ цѣлей. Потомъ ей слѣдовало прибавить, что свадьба ихъ, послѣ такого открытія, стала просто невозможною, спросить его, что онъ считаетъ болѣе благоразумнымъ: обезпечить ли себѣ ея молчаніе, согласясь съ ея намѣреніями, или, противясь имъ, заставить ее разоблачить его цѣли во всеобщее свѣдѣніе. Если же онъ станетъ защищаться или отвергать факты, въ такомъ случаѣ пусть она обратится ко мнѣ.

Мисс Верндеръ со вниманіемъ выслушала меня до конца. Потомъ очень мило поблагодарила меня за совѣтъ, но въ то же время объявила мнѣ, что не можетъ ему послѣдовать.

— Смѣю ли спросить, сказалъ я,—что вы имѣете противъ него?

Она не рѣшалась сказать, потомъ вдругъ отвѣтила мнѣ встрѣчнымъ вопросомъ.

— Что еслибъ у васъ потребовали мнѣнія о поступкѣ мистера Годфрея Абльвайта? начала она.

— Я назвалъ бы его поступкомъ низкаго обманщика.

— Мистеръ Броффъ! я вѣрила въ этого человѣка. Могу ли я послѣ этого назвать его низкимъ, сказать, что онъ обманулъ меня, опозорить его въ глазахъ свѣта? Я унижалась, прочивъ его себѣ въ мужья; если я скажу ему то, что вы совѣтуете, значитъ, я признаюсь предъ нимъ въ своемъ уни-

Digitized by Google

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ЖУРНАЛЪ

5192

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ,

издаваемый

М. Катковымъ.

ТОМЪ СЕМЬДЕСЯТЪ ШЕСТОЙ.

МОСКВА.
Въ Университетской Типографіи (Катковъ и К°).
На Страстномъ бульварѣ.
1868.

19

Digitized by Google

женіи. Я не могу сдѣлать это послѣ всего происшедшаго между нами, не могу! Стыдъ этотъ для *него* ничто. Для *меня* этотъ стыдъ невыносимъ.

Вотъ еще одна изъ замѣчательнѣйшихъ особенностей ея характера открывалась предо мной: ея чуткій страхъ самого прикосновенія съ чѣмъ-нибудь низкимъ, затемнявшій въ ней всякую мысль о самой себѣ, толкавшій ее въ ложное положеніе, которое могло компрометтировать ее во мнѣніи всѣхъ ея друзей! До сихъ поръ я еще крошечку сомнѣвался въ пригодности даннаго мною совѣта. Но послѣ сказаннаго ею я несомнѣнно убѣдился, что это лучшій изъ всѣхъ возможныхъ совѣтовъ и не колебался еще разъ настоять на немъ.

Она только покачала головой и повторила свой отказъ въ другихъ выраженіяхъ.

— Онъ былъ со мной въ такихъ короткихъ отношеніяхъ, что просилъ моей руки. Онъ такъ высоко стоялъ въ моемъ мнѣніи, что получилъ согласіе. Не могу же я, послѣ этого, сказать ему, что онъ презрѣннѣйшее существо въ мірѣ.

— Но, милая миссъ Рахиль, увѣщевалъ я,—вамъ равно невозможно сказать ему, что вы отказываетесь отъ своего слова, не поставивъ ему на видъ никакой причины.

— Я скажу, что передумала и убѣдилась, что намъ обоимъ гораздо лучше будетъ, если мы разстанемся.

— И только?

— Только.

— Подумали ль вы о томъ, что̀ онъ можетъ сказать съ своей стороны?

— Пусть говоритъ что̀ угодно.

Невозможно было не удивляться ея деликатности и рѣшимости, и также нельзя было не почувствовать, что она впадала въ просакъ. Я умолялъ ее поразмыслить о собственномъ положеніи. Я напоминалъ ей, что она отдаетъ себя въ жертву отвратительнѣйшимъ истолкованіямъ ея цѣли.

— Вы не можете бравировать общественнымъ мнѣніемъ изъ-за личнаго чувства, сказалъ я.

— Могу, отвѣтила она,—не въ первый разъ это будетъ.

— Что̀ вы хотите сказать?

— Вы забыли о Лунномъ камнѣ, мистеръ Броффъ. Развѣ я *тогда* не бравировала общественнымъ мнѣніемъ ради своихъ собственныхъ причинъ?

Digitized by Google

Отвѣтъ ея заставилъ меня умолкнуть на минуту. Онъ подстрекнулъ меня къ попыткѣ объяснить себѣ ея поведеніе, во время пропажи Лунного камня, изъ загадочнаго признанія, которое только что сорвалось у ней съ языка. Будь я помоложе, пожалуй, мнѣ и удалось бы это. Теперь оно было не подъ силу.

Я въ послѣдній разъ попробовалъ уговорить ее, прежде нежели мы вернулись домой. Она осталась непреклонною. Въ этотъ день, когда я простился съ ней, въ умѣ моемъ странно боролись возбужденныя ею чувства. Она упрямилась; она ошибалась. Она влекла къ себѣ, она возбуждала восторгъ, она была достойна глубокаго сожалѣнія. Я взялъ съ нея обѣщаніе писать ко мнѣ тотчасъ же, какъ только ей нужно будетъ сообщить что-нибудь новое, и вернулся въ Лондонъ въ самомъ тревожномъ расположеніи духа.

Вечеромъ, въ день моего пріѣзда, прежде чѣмъ я могъ разчитывать на полученіе обѣщаннаго письма, я былъ удивленъ посѣщеніемъ мистера Абльвайта старшаго и узналъ, что мистеръ Годфрей въ тотъ же день получилъ отставку *и принялъ ее.*

При усвоенномъ мною взглядѣ на это дѣло, уже одинъ фактъ, изложенный въ подчеркнутыхъ словахъ, обличалъ причину покорности мистера Годфрея Абльвайта такъ же ясно, какъ бы онъ самъ въ ней сознался. Онъ нуждался въ значительной суммѣ; она ему нужна была къ сроку. Рахилины доходы, которые могли быть ему подмогой въ чемъ-нибудь иномъ, тутъ ему были не въ помощь. И такимъ образомъ Рахиль возвратила себѣ свободу, не встрѣтивъ съ его стороны ни минутнаго сопротивленія. Если мнѣ скажутъ что это однѣ догадки, я спрошу въ свою очередь: какою иною теоріей можно объяснить, что онъ отступился отъ брака, который доставилъ бы ему роскошную жизнь до конца дней?

Восхищенію, которое могло быть возбуждено во мнѣ счастливымъ оборотомъ дѣла, помѣшало то, что̀ произошло во время этого свиданія со старикомъ Абльвайтомъ. Онъ, разумѣется, захотѣлъ узнать, не могу ли я разъяснить ему необычайное поведеніе мисъ Верндеръ. Нѣтъ нужды упоминать о томъ, что я вовсе не могъ сообщить ему требуемое свѣдѣніе. Досада, которую онъ при этомъ почувствовалъ, въ связи съ раздраженіемъ, произведеннымъ въ немъ

Digitized by Google

недавнимъ свиданіемъ съ сыномъ, заставили мистера Абльвайта потерять самообладаніе. И взгляды, и выраженія его убѣдили меня, что миссъ Верриндеръ будетъ имѣть дѣло съ безпощаднымъ врагомъ, когда онъ на другой день пріѣдетъ къ брайтонскимъ дамамъ. Я провелъ тревожную ночь, размышляя о томъ что̀ мнѣ слѣдовало сдѣлать. Чѣмъ кончились мои размышленія, и насколько мое недовѣріе къ старику Абльвайту оказалось основательнымъ,—все это (говорятъ) было уже весьма точно и въ надлежащемъ мѣстѣ изложено примѣрною личностью, миссъ Клакъ. Мнѣ остается прибавить, для полноты разказа, что миссъ Верриндеръ нашла наконецъ въ моемъ Гампстедскомъ домѣ покой и отдыхъ, въ которыхъ она, бѣдняжка, такъ сильно нуждалась. Она почтила насъ долгою побывкой. Жена и дочери мои были ею очарованы, а я съ искреннею гордостью и удовольствіемъ долженъ сказать, что когда душеприкащики назначили новаго опекуна, наша гостья и семья моя разставались какъ старые друзья.

II.

Вслѣдъ за симъ слѣдуетъ изложить дополнительныя свѣдѣнія, которыми я располагаю относительно Лунного камня или, говоря правильнѣе, относительно заговора Индѣйцевъ похитить алмазъ. Хотя мнѣ остается разказать весьма немногое, но это немногое тѣмъ не менѣе имѣетъ (какъ я упоминалъ уже) нѣкоторую важность по своей замѣчательной связи съ послѣдующими событіями.

Спустя недѣлю и дней десять по отъѣздѣ миссъ Верриндеръ изъ нашего дома, одинъ изъ моихъ писцовъ, войдя въ пріемную моей конторы, подалъ мнѣ карточку и объявилъ, что какой-то джентльменъ дожидается внизу, желая поговорить со мной. Я посмотрѣлъ на карточку. На ней стояло иностранное имя, въ послѣдствіи изгладившееся изъ моей памяти. Затѣмъ на нижнемъ краю карточки слѣдовала строчка, написанная по-англійски, которую я хорошо помню: *по рекомендаціи мистера Септима Локера.* Дерзость человѣка съ такимъ положеніемъ, какъ мистеръ Локеръ, осмѣливающагося рекомендовать *мнѣ* кого бы то ни было, такъ внезапно озадачила меня, что я съ минуту молчалъ,

Digitized by Google

не вѣря собственнымъ глазамъ. Писецъ, замѣтивъ какъ я отеломленъ, соблаговолилъ передать мнѣ результатъ своихъ наблюденій надъ иностранцемъ, дожидавшимся внизу.

— Человѣкъ весьма замѣчательной наружности, сѣръ, и такой смуглолицый, что всѣ конторскіе тотчасъ приняли его за Индѣйца или что-нибудь въ этомъ родѣ.

Сопоставивъ мысль писца съ обидною строчкой на карточкѣ, которую держалъ въ рукѣ, я мигомъ заподозрилъ, что подъ этою рекомендаціей мистера Локера и посѣщеніемъ иностранца кроется Лунный камень. Къ удивленію моего писца, я тотчасъ рѣшился принять джентльмена, дожидавшагося внизу.

Въ оправданіе этой жертвы простому любопытству, крайне не свойственному моему званію, позвольте мнѣ напомнить читателю этихъ строкъ, что ни одно лицо (по крайней мѣрѣ въ Англіи) не было въ такой короткой связи съ романомъ индѣйскаго алмаза, какъ я. Полковникъ Геракль довѣрилъ мнѣ свой тайный планъ избѣжать руки убійцъ. Я получалъ его письма, періодически увѣдомлявшія меня, что онъ еще находится въ живыхъ. Я составилъ его завѣщаніе, по которому онъ дарилъ миссъ Верриндеръ Лунный камень. Я убѣдилъ его душеприкащика принять эту должность на тотъ случай, если камень окажется дѣйствительно цѣннымъ пріобрѣтеніемъ для семейства. Наконецъ я же боролся съ опасеніями мистера Франклина Блека и убѣдилъ его взяться за передачу алмаза въ домъ леди Верриндеръ. Если кто-нибудь можетъ заявить законныя права на участіе въ дѣлѣ Луннаго камня и всего сюда относящагося, мнѣ кажется, трудно отвергнуть, что это именно я.

Лишь только ввели моего таинственнаго кліента, я ощутилъ въ себѣ увѣренность, что нахожусь въ присутствіи одного изъ трехъ Индѣйцевъ, вѣроятно, самого начальника ихъ. Онъ былъ изысканно одѣтъ въ европейское платье. Но смуглаго цвѣта лица, высокаго роста съ гибкимъ станомъ и сдержанно-граціозной вѣжливости обращенія было достаточно, чтобъ обличить опытному глазу его восточное происхожденіе.

Я указалъ ему кресло и просилъ объяснить, какого рода дѣло имѣетъ онъ до меня.

Прежде всего извиняясь превосходно подобранными англійскими выраженіями въ смѣлости, съ которою онъ обез-

Digitized by Google

покоилъ меня, Индѣецъ досталъ небольшой сверточекъ въ парчевомъ футлярѣ. Снявъ его и еще вторую обертку изъ какой-то шелковой матеріи, онъ поставилъ на мой столъ маленькій ящичекъ или шкатулочку, чрезвычайно красиво и богато усыпанную драгоцѣнными каменьями по черному дереву.

— Я пришелъ, сэръ, проговорилъ онъ,—просить васъ ссудить меня нѣкоторою суммой. А это я оставлю въ обезпеченіе того, что долгъ будетъ уплаченъ мною.

Я указалъ ему на карточку.

— И вы обращаетесь ко мнѣ по рекомендаціи мистера Локера? сказалъ я.

Индѣецъ поклонился.

— Смѣю ли спросить, почему же мистеръ Локеръ самъ не ссудилъ васъ требуемою суммой.

— Мистеръ Локеръ сказалъ мнѣ, сэръ, что у него нѣтъ денегъ въ ссуду.

— И поэтому рекомендовалъ вамъ обратиться ко мнѣ?

Индѣецъ въ свою очередь указалъ на карточку.

— Тутъ написано, сказалъ онъ.

Отвѣтъ короткій и какъ нельзя болѣе идущій къ дѣлу! Будь Лунный камень въ моихъ рукахъ, я увѣренъ, что этотъ восточный джентльменъ убилъ бы меня, не задумываясь. Въ то же время, обходя этотъ легонькій изъянъ, я долженъ засвидѣтельствовать, что посѣтитель мой былъ истиннымъ образцомъ кліента. Онъ не пощадилъ бы моей жизни, но онъ сдѣлалъ то, чего никогда не дѣлали мои соотечественники, на сколько я знаю ихъ лично: онъ щадилъ мое время.

— Мнѣ весьма жаль, сказалъ я,—что вы побезпокоились придти ко мнѣ. Мистеръ Локеръ очень ошибся, пославъ васъ сюда. Мнѣ, подобно всѣмъ людямъ моей профессіи, довѣряютъ деньги для раздачи въ ссуду. Но я никогда не ссужаю иностранцевъ и никогда не ссужаю подъ такіе залоги, какъ представленный вами.

Даже не пытаясь убѣждать меня поослабить свои правила, что̀ другіе непремѣнно сдѣлали бы на его мѣстѣ, Индѣецъ отвѣсилъ мнѣ новый поклонъ, и не возражая ни слова, завернулъ свой ящичекъ въ оба футляра. Затѣмъ онъ всталъ, этотъ безподобный убійца, и собираясь уйдти, спросилъ:

— Изъ снисхожденія къ чужемцу, извините ли вы, если я на прощаньи предложу вамъ одинъ вопросъ?

Digitized by Google

Я поклонился въ свою очередь. Одинъ только вопросъ на прощаньи! Въ былое время я насчитывалъ ихъ до пятидесяти.

— Положимъ, сэръ, что *вы* нашли бы возможнымъ (и въ порядкѣ вещей) ссудить меня этими деньгами, сказалъ онъ:— въ какой срокъ было бы возможно *мнѣ* (обычнымъ порядкомъ) возвратить ихъ?

— По обычаю нашей страны, отвѣтилъ я,—вы могли бы (если угодно) заплатить деньги по истеченіи года отъ того числа, въ которое онѣ вамъ были выданы.

Индѣецъ отвѣсилъ мнѣ послѣдній поклонъ, ближайшій изъ всѣхъ, и разомъ вышелъ изъ комнаты, въ одинъ мигъ, неслышною, гибкою, кошачьею послупью, отъ которой я, признаюсь, даже слегка вздрогнулъ. Успокоясь на столько, что могъ размышлять, я тотчасъ пришелъ къ опредѣленному и единственно-понятному заключенію о гостѣ, почтившемъ меня своимъ посѣщеніемъ.

Находясь въ моемъ присутствіи, онъ до такой степени владѣлъ своимъ лицомъ, голосомъ и манерами, что всякая пытливость была бы напрасна. Но тѣмъ не менѣе онъ далъ мнѣ возможность заглянуть разокъ подъ эту гладь внѣшней оболочки. Онъ не выказывалъ ни малѣйшаго признака попытки удержать въ своей памяти что-либо изъ говореннаго мною, пока я не упомянулъ о времени, по истеченіи котораго обычай разрѣшалъ должнику самую раннюю уплату занятыхъ имъ денегъ. Когда я сообщалъ ему это свѣдѣніе, онъ въ первый разъ еще взглянулъ мнѣ прямо въ лицо. Изъ этого я заключилъ, что онъ предлагалъ мнѣ послѣдній вопросъ съ особенною цѣлью и особенно желалъ получить мой отвѣтъ. Чѣмъ осмотрительнѣе размышлялъ я о всемъ происшедшемъ между нами, тѣмъ упорнѣе подозрѣвалъ, что показъ этой шкатулочки и назначеніе ея въ залогъ были простыми формальностями съ цѣлью проложить дорожку къ прощальному вопросу, заданному мнѣ.

Я уже убѣдился въ вѣрности моего заключенія и хотѣлъ шагнуть нѣсколько далѣе, проникнуть самыя намѣренія Индѣйца, когда мнѣ принесли письмо, какъ оказалось, отъ мистера Локера. Онъ просилъ, въ рабскихъ до тошноты выраженіяхъ, извинить его и увѣрялъ, что удовлетворитъ меня полнымъ объясненіемъ дѣла, если я почту его согласіемъ на личное свиданіе.

Digitized by Google

Я принесъ еще одну, несвойственную моему званію жертву простому любопытству. Я почтилъ мистера Локера назначеніемъ свиданія въ моей конторѣ на слѣдующій день.

Мистеръ Локеръ былъ на столько ниже Индѣйца во всѣхъ отношеніяхъ, такъ вульгаренъ, гадокъ, раболѣпенъ и сухъ, что о немъ вовсе не стóитъ распространяться на этихъ страницахъ. Сущность того, чтó онъ имѣлъ передать мнѣ, главнымъ образомъ состояла въ слѣдующемъ:

Наканунѣ визита, сдѣланнаго мнѣ Индѣйцемъ, этотъ усовершенствованный джентльменъ почтилъ своимъ посѣщеніемъ самого мистера Локера. Несмотря на то что онъ былъ переодѣтъ по-европейски, мистеръ Локеръ тотчасъ призналъ въ своемъ гостѣ начальника трехъ Индѣйцевъ, который нѣкогда надоѣдалъ ему, бродя вокругъ его дома, и довелъ до обращенія въ судъ. Изъ этого внезапнаго открытія онъ поспѣшилъ заключить (и, признаться, весьма естественно), что находится въ присутствіи одного изъ трехъ человѣкъ, которые завязали ему глаза, обыскали его и отняли у него расписку банкира. Вслѣдствіе этого онъ окаменѣлъ отъ ужаса и былъ твердо увѣренъ, что часъ его пробилъ.

Съ своей стороны, Индѣецъ не выходилъ изъ роли совершенно незнакомаго человѣка. Онъ показалъ свою табатулочку и сдѣлалъ точь-въ-точь такое же предложеніе, какъ въ послѣдствіи мнѣ. Имѣя въ виду какъ можно скорѣе отдѣлаться отъ него, мистеръ Локеръ сразу объявилъ, что у него нѣтъ денегъ. Затѣмъ Индѣецъ просилъ указать ему наиболѣе подходящее и вѣрнѣйшее лицо, къ которому онъ могъ бы обратиться за нужною ему ссудой. Мистеръ Локеръ отвѣтилъ ему, что въ такихъ случаяхъ наиболѣе подходящимъ и вѣрнѣйшимъ обыкновенно бываетъ какой-нибудь почтенный адвокатъ. Когда же его просили назвать имя какой-нибудь личности изъ этого званія, мистеръ Локеръ упомянулъ обо мнѣ, по той простой причинѣ, что въ припадкѣ крайняго ужаса мое имя первое пришло ему въ голову. „Потъ съ меня катился градомъ, сэръ, заключилъ этотъ несчастный: Я самъ не зналъ, чтò такое говорю. Надѣюсь, вы взглянете на это сквозь пальцы, мистеръ Броффъ, принявъ во вниманіе, что я истинно обезумѣлъ отъ страха.“

Я довольно милостиво извинилъ собрата. То былъ удобнѣйшій способъ сбыть его съ глазъ долой. При выходѣ я задержалъ его еще однимъ вопросомъ. Не сказалъ ли Индѣецъ

Digitized by Google

чего-нибудь особенно замѣтнаго, разставаясь съ мистеромъ Локеромъ? Да. На прощаньи Индѣецъ предложилъ мистеру Локеру тотъ же самый вопросъ, что̀ и мнѣ, и разумѣется, получилъ отвѣтъ, одинаковый съ даннымъ ему мною. Что̀ же это значило? Объясненіе мистера Локера ничуть не помогло мнѣ разрѣшить задачу. Собственная моя ловкость, къ которой я обратился вслѣдъ затѣмъ, безъ посторонней помощи оказалась недостаточною, чтобы побороть это затрудненіе. Въ этотъ день я былъ отозванъ на обѣдъ и пошелъ къ себѣ на верхъ не совсѣмъ-то въ веселомъ расположеніи духа, вовсе не подозрѣвая, что путь въ гардеробную и путь къ открытію въ этомъ случаѣ лежали въ одномъ направленіи.

III.

Между приглашенными на обѣдъ, самое видное мѣсто занималъ, какъ мнѣ кажется, мистеръ Мортветъ.

По возвращеніи его въ Англію изъ дальнихъ странствій, общество сильно интересовалось путешественникомъ, который подвергался множеству опасностей и до сихъ поръ счастливо избѣгнулъ разказа о нихъ. Теперь же онъ объявилъ о своемъ намѣреніи вернуться на поприще своихъ подвиговъ и проникнуть въ мѣстности, еще не изслѣдованныя. Это дивное равнодушіе, съ которымъ онъ разчитывалъ на свое счастье и вторично подвергалъ себя гибельнымъ случайностямъ, оживило флюгерный интересъ поклонниковъ героя. Теорія вѣроятности явно противорѣчила тому, чтобъ онъ и на этотъ разъ уцѣлѣлъ. Не всякій день приходится встрѣчать человѣка, выходящаго изъ ряда обыкновенныхъ смертныхъ, и ощущать при этомъ весьма основательную надежду, что ближайшею вѣстью о немъ будетъ извѣстіе о его насильственной смерти.

Когда въ столовой остались одни джентльмены, я очутился ближайшимъ сосѣдомъ мистера Мортвета. Такъ какъ всѣ наличные гости были Англичане, то нѣтъ надобности упоминать, что по исчезновеніи благодѣтельнаго удержа въ лицѣ присутствовавшихъ дамъ, разговоръ неизбѣжно и тотчасъ же свернулъ на политику.

Что касается этой всепоглащающей національной темы, то я весьма не англійскій Англичанинъ въ этомъ отношеніи. Вообще всѣ политическіе толки я считаю самымъ сухимъ и

Digitized by Google

безполезнѣйшимъ разговоромъ. Когда бутылки обошли въ первый разъ вокругъ стола, я взглянулъ на мистера Мортвета и нашелъ, что онъ, повидимому, раздѣляетъ мой образъ мыслей. Онъ держалъ себя весьма ловко, со всевозможнымъ уваженіемъ къ чувствамъ хозяина дома, но тѣмъ не менѣе явно собирался вздремнуть. Мнѣ вдругъ блеснула мысль, что стоило бы попробовать въ видѣ опыта: нельзя ли пробудить его умѣреннымъ намекомъ на Лунный Камень, и если это удастся, то поразвѣдать, что̀ *онъ* думаетъ о новыхъ осложненіяхъ индѣйскаго заговора, на сколько они извѣстны въ непоэтическомъ вѣдомствѣ моей конторы.

— Если я не ошибаюсь, мистеръ Мортветъ, началъ я, — вы были знакомы съ покойною леди Вериндеръ и нѣсколько интересовались тою странною вереницей случайностей, которая кончилась пропажей Лунного камня?

Славный путешественникъ почтилъ меня мгновеннымъ пробужденіемъ и спросилъ кто я такой. Я разказалъ ему о моихъ дѣловыхъ отношеніяхъ къ семейству Геракаслей, не забывъ упомянуть и о забавномъ положеніи, какое занималъ я въ прошлыя времена относительно полковника и его алмаза.

Мистеръ Мортветъ повернулся въ своемъ креслѣ спиной къ остальному кружку (не разбирая консерваторовъ и либераловъ) и сосредоточилъ все свое вниманіе на нѣкоемъ мистерѣ Броффѣ изъ Грейзъ-Иннъ-Сквера.

— Не слыхали ли вы чего-нибудь объ Индѣйцахъ въ послѣднее время? спросилъ онъ.

— Я имѣю нѣкоторое основаніе думать, что одинъ изъ нихъ видѣлся вчера со мной въ моей конторѣ, отвѣтилъ я.

Не легко было удивить человѣка, подобнаго мистеру Мортвету; но отвѣтъ мой совершенно ошеломилъ его. Я разказалъ ему все случившееся съ мистеромъ Локеромъ и со мной, точь-въ-точь, какъ оно было описано мною на этихъ страницахъ.

— Ясно, что Индѣецъ не безъ цѣли сдѣлалъ прощальный вопросъ, прибавилъ я: — для чего бы ему такъ хотѣлось знать время, по истеченіи котораго обычай дозволяетъ заимавшему деньги возвратить ихъ?

— Возможно ли, чтобы вы не постигали его цѣли, мистеръ Броффъ.

— Я краснѣю за свою тупость, мистеръ Мортветъ,—но, право, не постигаю.

Digitized by Google

Великій путешественникъ заинтересовался промѣромъ необъятной бездны моего тупоумія въ самую глубь.

— Позвольте вамъ предложить одинъ вопросъ, сказалъ онъ: — въ какомъ положеніи теперь этотъ заговоръ овладѣть Лукнымъ камнемъ.

— Не знаю, отвѣтилъ я: — замыселъ Индѣйцевъ для меня загадка.

— Замыселъ ихъ, мистеръ Броффъ, можетъ быть загадкой лишь въ такомъ случаѣ, если вы никогда серіозно не вникали въ него. Не пробѣжать ли намъ его вмѣстѣ, съ тѣхъ поръ какъ вы составляли завѣщаніе полковника Геракасля и до того времени, когда Индѣецъ навѣдался къ вамъ въ контору? Ради интересовъ миссъ Верендеръ, въ вашемъ положеніи весьма важно составить себѣ ясное понятіе объ этомъ дѣлѣ на случай надобности. Имѣя это въ виду, скажите, угодно ли вамъ самому добраться до цѣли Индѣйца? Или вы желаете, чтобъ я избавилъ васъ отъ хлопотъ этого изслѣдованія?

Излишне говорить, что я вполнѣ оцѣнилъ практичность его намѣренія, и выбралъ изъ двухъ предложеній первое.

— Очень хорошо, сказалъ мистеръ Мортветъ: — прежде всего займемся возрастомъ трехъ Индѣйцевъ. Я могу засвидѣтельствовать, что всѣ они, повидимому, ровесники, — а вы въ состояніи сами рѣшить, какихъ лѣтъ былъ видѣнный вами человѣкъ,—въ цвѣтущей порѣ или нѣтъ. Вы полагаете, лѣтъ сорока? Я то же думаю. Скажемъ, около сорока лѣтъ. Теперь оглянитесь на то время, когда полковникъ Геракасль вернулся въ Англію и вы принимали участіе въ планѣ сохраненія его жизни. Не требую, чтобы вы пересчитывали года. Я хочу только сказать, что находящіеся здѣсь Индѣйцы, по возрасту ихъ, должны быть преемниками тѣхъ трехъ (всѣ они высшей касты браминовъ, мистеръ Броффъ, если покидаютъ отечество), которые послѣдовали за полковникомъ на берегъ Англіи. Очень хорошо. Наши молодцы наслѣдовали тѣмъ, которые были здѣсь до нихъ. Еслибъ они тѣмъ только и ограничились, не стоило бы толковать объ этомъ дѣлѣ. Но они пошли дальше. Они стали преемниками организаціи, учрежденной въ этой странѣ ихъ предшественниками. Не дивитесь! организація, по нашимъ понятіямъ, конечно, дѣло вздорное. Я полагаю, что въ ихъ распоряженіи есть деньги,

Digitized by Google

а слѣдовательно и услуги, когда понадобятся, тѣхъ темныхъ личностей, изъ Англичанъ, что существуютъ продѣлками насчетъ иностранцевъ, проживающихъ въ Лондонѣ; наконецъ, тайное сочувствіе немногихъ соотечественниковъ и (въ прежнее время, по крайней мѣрѣ) единовѣрцевъ, которымъ удалось найдти себѣ занятіе по многочисленнымъ потребностямъ этого громаднаго города. Какъ видите, все это не очень значительно! Все же не худо замѣтить это въ началѣ изслѣдованія, ибо въ послѣдствіи намъ, *пожалуй*, придется сослаться на эту скромную индѣйскую организацію. Расчистивъ такимъ образомъ дорогу, я хочу предложить вамъ одинъ вопросъ, и ожидаю, что ваша опытность разрѣшитъ его. Что подало Индѣйцамъ первый удобный случай овладѣть алмазомъ?

Я повялъ намекъ на мою опытность.

— Первый случай, отвѣтилъ я, — былъ явно поданъ имъ смертью полковника Геракасля. Безъ сомнѣнія, они знали о его смерти?

— Безъ сомнѣнія. И смерть его, какъ вы сказали, подала имъ первый удобный случай. До этого времени Лунный Камень не подвергался ни малѣйшей опасности въ кладовой банка. Вы составили завѣщаніе полковника, по которому онъ оставлялъ драгоцѣнность племянницѣ, и завѣщаніе было заявлено обычнымъ порядкомъ. Будучи адвокатомъ, вамъ не трудно догадаться, что послѣ этого должны были предпринять Индѣйцы, пользуясь совѣтами Англичанъ.

— Имъ слѣдовало запастись копіей съ завѣщанія изъ Докторсъ-Коммонса.

— Именно такъ. Какая-нибудь темная личность изъ тѣхъ Англичанъ, о которыхъ я упоминалъ уже, добыла имъ названную вами копію. Изъ этой копіи они узнали, что Лунный камень завѣщанъ дочери леди Вериндеръ, и что мистеръ Блекъ старшій или кто-нибудь иной, по его порученію, долженъ вручить алмазъ по принадлежности. Вы согласитесь, что, при общественномъ положеніи леди Вериндеръ и мистера Блека, развѣдать объ этихъ лицахъ ничего не стоило. Индѣйцамъ предстояло разрѣшить лишь одинъ вопросъ: не попытаться ли овладѣть алмазомъ во время перевозки его изъ банка или дождаться, пока его доставятъ въ Йоркширскій домъ леди Вериндеръ. Второй путь былъ явно безопаснѣе,—и вотъ вамъ разгадка появленія Индѣйцевъ въ Фризингаллѣ, переодѣтыхъ фокусниками и выжидающихъ

Digitized by Google

удобнаго времечка. Излишне говорить, что въ Лондонѣ къ ихъ услугамъ была организація, увѣдомлявшая ихъ о событіяхъ. На это хватало двухъ человѣкъ. Одинъ слѣдилъ за всѣми лицами, ходившими изъ дома мистера Блека въ банкъ, а другой угощалъ дворню пивомъ и запасся вѣстями о томъ, что̀ дѣлалось въ домѣ. Эти обыкновеннѣйшія мѣры помогли имъ узнать, что мистеръ Франклинъ Блекъ былъ въ банкѣ, и что онъ же единственное лицо въ домѣ, собирающееся посѣтить леди Вериндеръ. Вы, безъ сомнѣнія, не хуже меня помните все случившееся вслѣдъ за этою развѣдкой.

Я вспомнилъ, что Франклинъ Блекъ заподозрилъ одного изъ шпіоновъ на улицѣ, что вслѣдствіе того онъ ускорилъ свой пріѣздъ въ Йоркширъ нѣсколькими часами, и благодаря превосходному совѣту старика Бетереджа, помѣстилъ алмазъ во фризингальскомъ банкѣ, прежде чѣмъ Индѣйцы могли ожидать его прибытія въ этотъ околотокъ. До сихъ поръ все ясно. Но если Индѣйцы не знали объ этой предосторожности, почему они не пытались пробраться въ домъ леди Вериндеръ (гдѣ, по ихъ предположенію, долженъ былъ находиться алмазъ) въ теченіи всего времени до дня рожденія Рахили?

Поставивъ это противорѣчіе на видъ мистеру Мортвету, я счелъ нелишнимъ прибавить все слышанное мной о маленькомъ мальчикѣ, о каплѣ чернилъ и прочемъ, оговорясь притомъ, что всякое объясненіе, основанное на теоріи ясновидѣнія, по *моимъ* понятіямъ, нисколько не удовлетворитъ меня.

— И меня тоже, сказалъ мистеръ Мортветъ. — Ясновидѣніе въ этомъ случаѣ только раскрываетъ поэтическую сторону индѣйскаго характера. Эти люди возбуждали въ себѣ свѣжую силу и бодрость, вовсе непонятныя Англичанину, окруживъ утомительное и опасное предпріятіе нѣкоторымъ ореоломъ чудеснаго и сверхъестественнаго. Ихъ мальчикъ безспорно хорошій проводникъ месмерическаго вліянія, и подъ этимъ вліяніемъ, разумѣется, отражалъ въ себѣ то, что̀ было на умѣ магнетизера. Я опытомъ провѣрялъ теорію ясновидѣнія и убѣдился, что проявленія ея не идутъ дальше этого. Индѣйцы не такъ смотрятъ на этотъ вопросъ; Индѣйцы увѣрены, что ихъ мальчикъ видитъ вещи, невримыя ихъ очамъ,—и, повторяю, въ этомъ чудѣ находятъ источникъ новаго рвенія къ цѣли, соединяющей ихъ. Я остано-

Digitized by Google

вился на этомъ какъ на любопытной сторонѣ человѣческаго характера, имѣющей для васъ всю прелесть новизны. Въ нашемъ теперешнемъ изслѣдованіи вовсе не нужны ни ясновидѣніе, ни месмеризмъ и т. п. предметы, въ которые трудно вѣрится практическому человѣку. Развивая индѣйскій заговоръ шагъ за шагомъ, я имѣлъ въ виду разъяснить его послѣдствія раціональнымъ путемъ и естественными причинами. Удалось ли это мнѣ до сихъ поръ?

— Безъ сомнѣнія, мистеръ Мортветъ! Но я все-таки съ нетерпѣніемъ жду раціональнаго объясненія того противорѣчія, которое я только что имѣлъ честь представить вамъ.

Мистеръ Мортветъ улыбнулся.

— Изъ всѣхъ противорѣчій съ этимъ легче всего справиться, проговорилъ онъ.—Позвольте мнѣ прежде всего признаться, что вы совершенно безошибочно изложили это дѣло. Индѣйцы, безъ сомнѣнія, не знали о томъ, что̀ сдѣлалъ съ алмазомъ мистеръ Франклинъ Блекъ, — такъ какъ первая ошибка ихъ произошла въ первую же ночь по пріѣздѣ мистера Блека къ тетушкѣ.

— Первая ошибка ихъ? повторилъ я.

— Разумѣется! Ошибка въ томъ, что они позволили Габріелю Бетереджу подстеречь ихъ въ то время, какъ они ночью бродили у террасы. Однако, надо отдать имъ справедливость въ томъ, что они сами же сознали свой ложный шагъ, ибо, по вашимъ словамъ, вполнѣ располагая временемъ, они послѣ того въ теченіи цѣлыхъ недѣль не показывались вблизи дома.

— Для чего бы это, мистеръ Мортветъ? Вотъ что̀ мнѣ хотѣлось бы знать! Для чего?

— Для того, мистеръ Броффъ, что ни одинъ Индѣецъ не станетъ подвергаться ненужному риску. Изъ включеннаго вами въ завѣщаніе полковника Геркасля параграфа они знали (не правда ли?), что Лунный камень перейдетъ въ полное владѣніе миссъ Верриндеръ въ день ея рожденія. Очень хорошо. Скажите же, какой образъ дѣйствія былъ безопаснѣе въ ихъ положеніи? Попытаться овладѣть алмазомъ, пока онъ въ рукахъ мистера Франклина Блека, доказавшаго уже, что онъ въ состояніи заподозрить и перехитрить ихъ? Или подождать, пока алмазъ будетъ въ распоряженіи молодой дѣвушки, которая станетъ наивно радоваться всякому случаю надѣть великолѣпную драгоцѣнность? Можетъ-быть,

Digitized by Google

вы потребуете доказательства, что теорія моя вѣрна? Доказательство въ самомъ поведеніи Индѣйцевъ. Прождавъ нѣсколько недѣль, они появились около дома въ день рожденія миссъ Верендеръ и въ награду за терпѣливую точность ихъ разчетовъ увидали Лунный камень въ корсетѣ ея платья! Позднѣе въ тотъ же вечеръ, когда мнѣ разказывали исторію полковника и его алмаза, я до такой степени сознавалъ опасность, которой подвергался мистеръ Франклинъ Блекъ (на него непремѣнно бы напали, еслибъ ему не посчастливилось возвращаться къ леди Верендеръ въ обществѣ нѣсколькихъ человѣкъ), и такъ твердо убѣжденъ былъ въ сильнѣйшей опасности, грозящей самой миссъ Верендеръ, что совѣтовалъ послѣдовать плану полковника и уничтожить тождество драгоцѣннаго камня, распиливъ его на части. Затѣмъ, вамъ не менѣе меня извѣстно, какъ его странное исчезновеніе въ ту же ночь сдѣлало мой совѣтъ безполезнымъ, совершенно разстроивъ заговоръ, и какъ дальнѣйшія предпріятія Индѣйцевъ были парализованы на другой же день заключеніемъ ихъ въ тюрьму. Этимъ заканчивается первый актъ заговора. Прежде нежели мы перейдемъ ко второму, позвольте спросить, разъяснилъ ли я ваше противорѣчіе съ достаточною удовлетворительностью для практическаго ума?

Нельзя отвергать, что онъ прекрасно разъяснилъ это противорѣчіе, благодаря превосходному знанію индѣйскаго характера и тому обстоятельству, что умъ его не былъ обремененъ сотнями другихъ завѣщаній со времени смерти полковника Геркасла!

— До сихъ поръ, значитъ, все ладно, продолжалъ мистеръ Мортветъ. — Первый удобный случай овладѣть алмазомъ былъ потерянъ Индѣйцами въ тотъ день какъ ихъ посадили во фризингальскую тюрьму. Когда же онъ представился имъ вторично? Вторично онъ имъ представился,—на что я имѣю доказательства,—во время самаго заключенія ихъ.

Пріостановивъ разказъ, онъ вынулъ свою записную книжку и развернулъ ее на извѣстной страницѣ.

— Въ то время, продолжалъ онъ:—я гостилъ у знакомыхъ во Фризингаллѣ. За день или за два до освобожденія Индѣйцевъ (кажется, въ понедѣльникъ) смотритель тюрьмы принесъ мнѣ письмо. Оно было доставлено на имя Индѣйцевъ какою-то мистрисъ Макакинъ, у которой они нанимали квартиру, и было

Digitized by Google

получено ею наканунѣ по почтѣ. Тюремныя власти замѣтили, что на почтовомъ штемпелѣ значилось „Ламбетъ“, и форма адреса на кувертѣ, хотя и правильно написаннаго по-англійски, странно отличалась отъ обычныхъ надписей этого рода. Распечатавъ его, они увидѣли, что письмо писано на иностранномъ языкѣ, и не ошиблись, признавъ его индостанскимъ. Обращаясь ко мнѣ, они конечно желали, чтобъ я перевелъ имъ письмо. Я снялъ копію съ оригинала, вмѣстѣ съ переводомъ, въ свою записную книжку,—и вотъ они къ вашимъ услугамъ.

Онъ подалъ мнѣ развернутую книжку. Первою была копія съ адреса письма. Онъ былъ написанъ въ строку, безъ всякихъ знаковъ препинанія: „Тремъ Индѣйцамъ живущимъ у леди по имени Маканнъ во Фризингаллѣ въ Йоркширѣ.“ Затѣмъ слѣдовали индѣйскія буквы; англійскій переводъ былъ въ концѣ и заключался въ слѣдующихъ загадочныхъ словахъ:

„Во имя князя ночи, сѣдящаго на сайгѣ, объемлющаго руками четыре угла земли. Братія, станьте лицомъ на полдень и ступайте въ многошумную улицу, которая ведетъ на грязную рѣку. Потому что очи мои видѣли его.“

Тутъ письмо кончалось, безъ числа и подписи. Я возвратилъ его мистеру Мортвету и признался, что этотъ любопытный образчикъ индѣйской переписки нѣсколько озадачилъ меня.

— Я могу объяснить вамъ первую фразу, сказалъ онъ,— а поведеніе Индѣйцевъ объяснитъ остальныя. Въ индѣйской миѳологіи богъ луны изображается въ видѣ четверорукаго божества, сидящаго на сайгѣ, а князь ночи—это одинъ изъ его титуловъ. Вотъ уже въ самомъ началѣ нѣчто возбуждающее подозрѣніе своимъ сходствомъ съ косвеннымъ намекомъ на Лунный камень. Теперь посмотримъ, что же сдѣлали Индѣйцы послѣ того, какъ тюремныя власти дозволили имъ прочесть письмо. Въ тотъ самый день какъ ихъ выпустили на свободу, они тотчасъ пошли на станцію желѣзной дороги и взяли мѣста въ первомъ поѣздѣ отправлявшемся въ Лондонъ. Мы всѣ во Фризингаллѣ чрезвычайно сожалѣли, что за ихъ дѣйствіями не было тайнаго присмотра. Но, послѣ того какъ леди Верриндеръ отпустила полицейскаго офицера и остановила дальнѣйшее слѣдствіе о пропажѣ

Digitized by Google

Лунного камня, никто не осмѣливался ворошить это дѣло. Индѣйцы вольны были ѣхать въ Лондонъ и поѣхали. Что же мы вслѣдъ за тѣмъ услыхали о нихъ, мистеръ Броффъ?

— Они безпокоили мистера Локера, отвѣтилъ я,—бродя вокругъ его дома въ Ламбетѣ.

— Читали вы рапортъ о прошеніи мистера Локера въ судъ?

— Да.

— Излагая дѣло, онъ, между прочимъ, если вы не забыли, упоминаетъ объ иностранцѣ, нанявшемся къ нему въ работники, котораго онъ только что разчелъ по подозрѣнію въ попыткѣ на воровство и въ стачкѣ съ надоѣдавшими ему Индѣйцами. Изъ этого, мистеръ Броффъ, довольно просто выводится, кто именно писалъ вотъ это озадачившее васъ письмо, и которое изъ восточныхъ сокровищъ мистера Локера пытался украсть рабочій.

Выводъ (какъ я поспѣшилъ сознаться) былъ такъ простъ, что подсказывать его нѣтъ надобности. Я никогда не сомнѣвался, что въ то время, о которомъ говорилъ мистеръ Мортветъ, Лунный камень попалъ въ руки мистера Локера. Меня занималъ одинъ вопросъ: как развѣдали объ этомъ обстоятельствѣ Индѣйцы? И этотъ вопросъ (котораго разрѣшеніе, казалось мнѣ, труднѣе всѣхъ) теперь, подобно прочимъ, не остался безъ отвѣта. Несмотря на свое адвокатство, я начиналъ сознавать, что мистеру Мортвету можно позволить вести себя съ завязанными глазами въ послѣдніе закоулки того лабиринта, въ которомъ онъ служилъ мнѣ проводникомъ до сихъ поръ. Я сдѣлалъ ему комплиментъ въ такомъ смыслѣ, и онъ весьма милостиво принялъ эту маленькую уступку.

— Прежде чѣмъ я стану продолжать, вы въ свою очередь сообщите мнѣ нѣкоторое свѣдѣніе, сказалъ онъ:—кто-нибудь долженъ же былъ перевезти Лунный камень изъ Йоркшира въ Лондонъ. И кто-нибудь получилъ деньги подъ залогъ его, иначе онъ никогда не попалъ бы къ мистеру Локеру. Нѣтъ ли какого-нибудь свѣдѣнія относительно этой личности?

— Никакого, сколько мнѣ извѣстно.

— Кажется, ходилъ слухъ про мистера Годфрея Абльвайта. Говорятъ, онъ извѣстный филантропъ: начать съ того, что ужь это прямо не въ его пользу....

Digitized by Google

Я отъ всего сердца согласился съ мистеромъ Мортветомъ, но въ то же время считалъ своимъ долгомъ увѣдомить его (разумѣется, не упоминая имени миссъ Верриндеръ), что мистеръ Годфрей Абльвайтъ очистился отъ всякихъ подозрѣній, представивъ доказательства, за несомнѣнность которыхъ я могу поручиться.

— Очень хорошо, спокойно проговорилъ мистеръ Мортветъ:—предоставимъ времени разъяснить это дѣло. А пока, мистеръ Броффъ, для вашей пользы, вернемтесь опять къ Индѣйцамъ. Поѣздка ихъ въ Лондонъ окончилась тѣмъ только, что они стали жертвой новаго пораженія. Потерю втораго случая овладѣть алмазомъ надо приписать, какъ мнѣ кажется, единственно хитрости и предусмотрительности мистера Локера, который не даромъ же стоитъ во главѣ прибыльнаго и древняго промысла ростовщиковъ! Поспѣшно отказавъ нанятому имъ человѣку, онъ лишилъ Индѣйцевъ помощи, которую сообщникъ непремѣнно оказалъ бы имъ, однажды попавъ въ домъ. Спѣшнымъ перемѣщеніемъ Луннаго камня къ своему банкиру, онъ захватилъ заговорщиковъ врасплохъ, пока у нихъ еще не было на-готовѣ новаго плана ограбить его. Какимъ образомъ послѣ того Индѣйцы разузнали о его дѣйствіяхъ, и какъ они постарались овладѣть распиской его банкира, все это событія, слишкомъ свѣжія для того чтобы стоило на нихъ останавливаться. Довольно упомянуть, что Лунный камень, сданный (подъ общимъ названіемъ „драгоцѣнности") въ кладовую банкира, еще разъ выскользнулъ изъ ихъ рукъ. Теперь, мистеръ Броффъ, каковъ будетъ третій случай овладѣть алмазомъ? И когда онъ имъ представится?

Какъ только вопросъ этотъ сорвался у него съ языка, я наконецъ постигъ цѣль посѣщенія Индѣйцемъ моей конторы!

— Вижу! воскликнулъ я:—Индѣйцы не менѣе насъ увѣрены, что Лунный камень былъ заложенъ; имъ надлежало въ точности узнать самый ранній срокъ, чрезъ который можно выкупить залогъ,—потому что это будетъ самымъ раннимъ срокомъ, по истеченіи котораго алмазъ возьмутъ изъ-подъ сохраны въ банкѣ.

— Вѣдь я говорилъ, что вы сами доберетесь, мистеръ Броффъ, если только я дамъ вамъ хорошую заручку. Какъ только минетъ годъ со времени залога Луннаго камня,

Digitized by Google

Индѣйцы станутъ высматривать третьяго случая. Мистеръ Локеръ самъ имъ сказалъ сколько придется ждать, а вашъ почтенный авторитетъ убѣдилъ ихъ въ томъ, что мистеръ Локеръ сказалъ правду. Можемъ ли мы хоть приблизительно угадать время, около котораго алмазъ попалъ въ руки ростовщика?

— Около конца прошлаго іюня, отвѣтилъ я,—насколько я могу сообразить.

— А годъ у насъ теперь сорокъ-восьмой. Очень хорошо. Если неизвѣстное лицо, заложившее Лунный камень, сможетъ выкупить его черезъ годъ, то драгоцѣнность вернется въ его руки къ концу іюня сорокъ-девятаго. Къ тому времени я буду за тысячи миль отъ Англіи и здѣшнихъ вѣстей. Но *вамъ* не худо бы записать это на память и устроиться такъ, чтобъ на то время быть въ Лондонѣ.

— Вы думаете, что надо ждать чего-нибудь важнаго? спросилъ я.

— Я думаю, отвѣтилъ онъ,—что мнѣ безопаснѣе будетъ находиться среди свирѣпѣйшихъ фанатиковъ Средней Азіи нежели переступить порогъ банка съ Луннымъ камнемъ въ карманѣ. Замыслы Индѣйцевъ были дважды разстроены, мистеръ Броффъ. Я твердо увѣренъ, что въ третій разъ они этого не допустятъ.

То были послѣднія слова, сказанныя имъ по этому предмету. Подали кофе; гости встали изъ-за стола и разбрелись по комнатѣ; а мы пошли на верхъ, присоединиться къ бывшимъ на обѣдѣ дамамъ. Я записалъ число на память, и пожалуй не лишнимъ будетъ закончить мой разказъ воспроизведеніемъ этой отмѣтки:

Іюнь, сорокъ-девятаго. Къ концу мѣсяца ждать вѣстей объ Индѣйцахъ.

Сдѣлавъ это, я не имѣю болѣе никакихъ правъ пользоваться перомъ и передаю его непосредственно слѣдующему за мной разкащику.

Разсказъ 3-й, доставленный Франклиномъ Блекомъ.

I.

Весною 1849 года я скитался на Востокѣ и только что измѣнилъ планъ путешествія, составленный мною за нѣсколько

Digitized by Google

мѣсяцевъ предъ тѣмъ и сообщенный моимъ лондонскимъ представителямъ: адвокату и банкиру.

Вслѣдствіе этой перемѣны мнѣ надо было послать одного изъ служителей за полученіемъ писемъ и денегъ отъ англійскаго консула въ нѣкій городокъ, который, по новому маршруту, не входилъ уже въ число моихъ стоянокъ. Слуга долженъ былъ нагнать меня въ назначенномъ мѣстѣ, въ извѣстное время. Непредвидѣнный случай замедлилъ его возвращеніе. Около недѣли прождалъ я съ моими людьми, расположась лагеремъ на краю пустыни. Къ концу этого времени пропадавшій слуга явился въ мою палатку съ деньгами и письмами.

— Кажется, я привезъ вамъ дурныя вѣсти, сэръ, сказалъ онъ, указывая на одно изъ писемъ съ траурною каемочкой и почеркомъ мистера Броффа на адресѣ.

По мнѣ въ подобныхъ случаяхъ отсрочка всего невыносимѣе. Я прежде всего распечаталъ письмо съ траурною каемочкой.

Оно извѣщало меня, что отецъ мой померъ, и я сталъ наслѣдникомъ его значительнаго богатства. Состояніе, переходившее такимъ образомъ въ мои руки, влекло за собой и отвѣтственность, вслѣдствіе чего мистеръ Броффъ убѣждалъ меня возвратиться въ Англію, не теряя времени.

На разсвѣтѣ слѣдующаго утра я двинулся въ обратный путь къ родинѣ.

Портретъ мой, нарисованный старымъ дружищемъ Бетереджемъ около времени моего отъѣзда изъ Англіи, мнѣ кажется, нѣсколько утрированъ. Чудакъ, по-своему, пресеріозно передалъ одинъ изъ сатирическихъ намековъ молодой госпожи на мое заграничное воспитаніе и дошелъ до убѣжденія, что дѣйствительно видитъ во мнѣ тѣ французскіе, нѣмецкія и италіянскія стороны моего характера, которыя моя веселая кузина только въ шутку отыскивала и которыя дѣйствительно-то существовали лишь въ воображеніи нашего добраго Бетереджа. Но за исключеніемъ этой скидки, я долженъ сознаться, что онъ вполнѣ справедливо изобразилъ меня оскорбленнымъ обращеніемъ Рахили до глубины сердца и покидающимъ Англію въ припадкѣ нестерпимыхъ мукъ, причиненныхъ самымъ горькимъ разочарованіемъ въ жизни.

Digitized by Google

Я уѣзжалъ за границу, рѣшась, при помощи перемѣны мѣстъ и разлуки,—забыть ее. Я убѣжденъ въ неправильности взгляда на человѣческую природу, отрицающаго въ такихъ обстоятельствахъ *дѣйствительную* пользу перемѣны мѣстъ и отсутствія: они отвлекаютъ вниманіе человѣка отъ исключительнаго сосерцанія собственной скорби. Я никогда не забывалъ ея; но мучительныя воспоминанія теряли свою горечь по мѣрѣ того, какъ вліяніе времени, разстоянія и новизны возрастало между мной и Рахилью.

Съ другой стороны не менѣе вѣрно и то, что, какъ только я собрался домой,—лѣкарство, имѣвшее несомнѣнный успѣхъ, стало теперь также несомнѣнно терять свою цѣлебность. Чѣмъ ближе становилась страна, въ которой она живетъ, и надежда снова увидать ее, тѣмъ неодолимѣе начинало заявлять свою власть надо мной ея вліяніе. По возвращеніи въ Англію, она была первою, о комъ я спросилъ, встрѣтясь съ мистеромъ Броффомъ.

Я, конечно, узналъ о всемъ происходившемъ въ мое отсутствіе: другими словами, о всемъ изложенномъ здѣсь въ разказѣ Бетереджа, — за исключеніемъ одного обстоятельства. Въ то время мистеръ Броффъ не считалъ себя въ правѣ сообщить мнѣ причины, втайнѣ обусловившія размолвку Рахили и Годфрея Абльвайта. Я не докучалъ ему затруднительными вопросами по этому щекотливому предмету. Послѣ ревнивой досады, возбужденной во мнѣ слухомъ, что она нѣкогда помышляла о замужествѣ съ Годфреемъ, я нашелъ достаточное облегченіе въ увѣренности, что, поразмысливъ, она убѣдилась въ поспѣшности своего поступка и сама взяла назадъ свое слово.

Выслушавъ разказъ о прошломъ, я весьма естественно обратился къ текущимъ вопросамъ (и все объ Рахили!). На чье попеченіе перешла она изъ дома мистера Броффа? И гдѣ она живетъ?

Она жила у вдовой сестры покойнаго сэръ-Джона Веринадера,—нѣкоей мистрисъ Меррилью, которая была приглашена душеприкащиками леди Веринадеръ въ опекуши и приняла это предложеніе. По словамъ мистера Броффа, онѣ отлично поладили между собой и въ настоящее время устроились въ домѣ мистрисъ Меррилью въ Портлендъ-Плесѣ.

Полчаса спустя по полученіи этого извѣстія я шелъ по

Digitized by Google

дорогѣ къ Портлендъ-Плесу, не имѣвъ духу даже признаться въ этомъ мистеру Броффу! Человѣкъ, отворившій мнѣ дверь, не зналъ навѣрно, дома ли миссъ Вериндеръ. Я послалъ его на верхъ съ моею карточкой, въ видѣ скорѣйшаго способа разрѣшить вопросъ. Слуга вернулся ко мнѣ съ непроницаемымъ выраженіемъ въ лицѣ и объявилъ, что миссъ Вериндеръ нѣтъ дома.

Другихъ я могъ бы заподозрить въ преднамѣренномъ отказѣ принять меня. Но подозрѣвать Рахиль не было возможности. Я сказалъ, что зайду вечеркомъ часамъ къ шести.

Въ шесть часовъ мнѣ вторично объявили, что миссъ Вериндеръ нѣтъ дома. Не оставлено ли мнѣ записки? Никакой записки не оставлено. Развѣ миссъ Вериндеръ не получила моей карточки? Слуга просилъ извинить его: миссъ Вериндеръ *получила* карточку. Выводъ былъ слишкомъ простъ чтобы сомнѣваться въ немъ. Рахиль не хотѣла меня видѣть.

Съ своей стороны, я не могъ допускать подобнаго обращенія со мной, не сдѣлавъ по крайней мѣрѣ попытки разъяснить его причины. Я велѣлъ доложить о себѣ мистрисъ Мерридью и просилъ ее почтить меня свиданіемъ, назначивъ для этого удобнѣйшее время по ея усмотрѣнію.

Мистрисъ Мерридью безъ всякихъ затрудненій приняла меня тотчасъ же. Меня провели въ уютную гостиную, и я очутился въ присутствіи маленькой, весьма пріятной, пожилой леди. Она имѣла любезность весьма сожалѣть обо мнѣ и не мало удивляться. Впрочемъ, въ то же время, не могла вступить со мной въ какое-либо объясненіе или вліять на Рахиль въ дѣлѣ, касающемся, повидимому, только личныхъ ея чувствъ. Она не разъ повторяла это съ вѣжливымъ и нестощимымъ терпѣніемъ,—и вотъ все, чего я добился, обратясь къ мистрисъ Мерридью.

Оставалось писать къ Рахили. На другой день мой слуга понесъ ей письмо со строжайшимъ наказомъ дождаться отвѣта.

Доставленный мнѣ отвѣтъ заключался буквально въ одной фразѣ:

„Миссъ Вериндеръ проситъ позволенія уклониться отъ всякой переписки съ мистеромъ Франклиномъ Блекомъ.“

Какъ я ни любилъ ея, но вознегодовалъ на обиду, нанесенную мнѣ этимъ отвѣтомъ. Не успѣлъ я еще овладѣть собой, какъ мистеръ Броффъ пришелъ поговорить о моихъ

Digitized by Google

дѣлахъ. Я не хотѣлъ ничего слышать о дѣлахъ и разказалъ ему все происшедшее. Оказалось, что онъ, подобно самой миссъ Мерридью, не въ состояніи ничего разъяснить мнѣ. Я спросилъ, не дошла ли до Рахили какая-нибудь клевета на меня. Мистеръ Броффъ не зналъ никакой клеветы на мой счетъ. Не упоминала ли она обо мнѣ въ какомъ-нибудь смыслѣ, гостя у мистера Броффа? Ни разу. Неужели въ теченіе моего долгаго отсутствія она даже не спросила: живъ ли я или умеръ? Ничего подобнаго она никогда не спрашивала.

Я досталъ изъ бумажника письмо, которое бѣдная леди Верикдеръ написала мнѣ изъ Фризингалла въ тотъ день какъ я выѣхалъ изъ ея Йоркширскаго дома, и обратилъ вниманіе мистера Броффа на слѣдующія двѣ фразы:

„Въ теперешнемъ ужасномъ состояніи ея разсудка, Рахиль все еще не прощаетъ вамъ важной помощи, оказанной вами слѣдствію о пропажѣ драгоцѣннаго камня. Ваше слѣпое рвеніе въ этомъ дѣлѣ увеличило гнетъ ея волненій, такъ какъ усилія ваши неумышленно грозили открытіемъ ея тайны.“

— Возможно ли, спросилъ я,—чтобъ это враждебное чувство до сихъ поръ сохранило всю свою горечь?

Мистеръ Броффъ высказалъ непритворное огорченіе.

— Если вы настаиваете на отвѣтѣ, замѣтилъ онъ, — я долженъ сказать, что ничѣмъ инымъ не могу объяснить ея поведенія.

Позвонивъ, я приказалъ слугѣ уложить мой чемоданъ и послать за указателемъ желѣзныхъ дорогъ. Мистеръ Броффъ съ удивленіемъ спросилъ что̀ я хочу дѣлать.

— Я ѣду въ Йоркширъ, отвѣчалъ я,—съ первымъ поѣздомъ.

— Смѣю спросить, съ какою цѣлію?

— Мистеръ Броффъ, помощь, неумышленно оказанная мной слѣдствію объ алмазѣ, около году осталась, во мнѣніи Рахили, непрощаемою обидой и все еще не прощена мнѣ. Я не помирюсь съ такимъ положеніемъ! Я рѣшился проникнуть въ тайну ея молчанія предъ матерью и враждебности ко *мнѣ*. Если время, трудъ и деньги могутъ это сдѣлать, похитель Лунного камня будетъ у меня въ рукахъ!

Достойный старый джентльменъ попробовалъ было возражать—заставить меня внять разсудку, короче, исполнить свой долгъ въ отношеніи меня. Я былъ глухъ ко всѣмъ его

Digitized by Google

доводамъ. Въ эту минуту никакія соображенія не могли поколебать мою рѣшимость.

— Я возобновлю слѣдствіе, продолжалъ я,—съ того пункта, на которомъ оно было прервано, и прослѣжу его, шагъ за шагомъ, до настоящаго времени. Въ цѣпи уликъ, на сколько она была *мнѣ* извѣстна предъ моимъ отъѣздомъ, недостаетъ нѣсколькихъ звеньевъ, которыя могутъ быть пополнены Габріелемъ Бетереджемъ. Къ нему-то и поѣду!

Вечеркомъ, незадолго до захода солнца, я уже снова стоялъ на незабвенной террасѣ и еще разъ увидалъ мирный, старый, сельскій домъ. На безлюдномъ дворѣ первымъ попался мнѣ садовникъ. Часъ тому назадъ онъ оставилъ Бетереджа, грѣвшагося на солнцѣ въ любимомъ уголочкѣ задняго двора. Я хорошо зналъ это мѣсто и сказалъ, что самъ отыщу его.

Я обошелъ кругомъ по знакомымъ дорожкамъ и переходамъ и заглянулъ въ отворенную калитку на дворъ. Тамъ сидѣлъ онъ, добрый, старый товарищъ счастливыхъ, невозвратныхъ дней,—тамъ, на старомъ мѣстѣ, въ старомъ креслѣ, съ трубкой во рту и *Робинзономъ Крузо* на колѣнахъ, съ двумя друзьями, псами, дремавшими по обѣимъ сторонамъ его кресла! Я стоялъ такъ, что послѣдніе, косые лучи солнца отбрасывали тѣнь мою далеко впередъ. Ее ли увидали собаки, тонкое ли чутье дало имъ знать о моемъ приближеніи, только обѣ вскочили съ ворчаньемъ. Вставъ, въ свою очередь, старикъ успокоилъ ихъ однимъ словомъ, и заслоняя рукой слабѣвшіе глаза, вопросительно глядѣлъ на появившагося у калитки. А мои глаза переполнились слезами; я долженъ былъ переждать минутку, пока овладѣю собой, чтобы заговорить съ нимъ.

II.

— Бетереджъ! сказалъ я, указывая на незабвенную книгу, лежавшую у него на колѣнахъ: — предвѣщалъ ли вамъ нынче *Робинзонъ Крузо*, что вы можете ожидать къ себѣ Франклина Блека?

— Вотъ хоть лордомъ Гарри поклясться сейчасъ, мистеръ Франклинъ! воскликнулъ старикъ:—это самое и предсказывалъ *Робинзонъ Крузо*!

Опираясь на меня, онъ съ усиліемъ всталъ на ноги и

Digitized by Google

постоялъ съ минуту, поглядывая то на меня, то на *Робинзона*, повидимому, недоумѣвая, кто изъ насъ болѣе удивилъ его. Рѣшеніе послѣдовало въ пользу книги. Развернувъ ее предъ собой и держа въ обѣихъ рукахъ, онъ глядѣлъ на дивный томикъ съ непередаваемымъ выраженіемъ ожиданія въ глазахъ, словно надѣясь видѣть, что вотъ-вотъ самъ Робинзонъ-Крузо выступитъ изъ страницъ и почтитъ насъ личнымъ свиданіемъ.

— Вотъ онъ, отрывочекъ-то, мистеръ Франклинъ, сказалъ онъ тотчасъ же, какъ только вернулся къ нему даръ слова:— чтобы мнѣ хлѣба не ѣсть, сэръ, если это не тотъ самый отрывочекъ, что̀ я читалъ за минуту предъ вашимъ приходомъ! Страница сто пятьдесятъ шестая, слушайте: „Я стоялъ, какъ громомъ пораженный, или словно увидавъ привидѣніе.“ Если это не все равно что̀ сказать: „Ожидайте, сейчасъ явится мистеръ Франклинъ Блекъ“, значитъ въ англійскомъ языкѣ смысла нѣтъ!

Бетереджъ, тупо захлопнулъ книгу и освободя наконецъ одну руку, пожалъ поданную мною.

Въ такихъ обстоятельствахъ, я весьма естественно ждалъ, что онъ закидаетъ меня вопросами. Но нѣтъ, гостепріимство становилось первымъ побужденіемъ стараго слуги, какъ только кто-нибудь изъ членовъ семейства (какимъ бы то ни было путемъ) являлся гостемъ въ этотъ домъ.

— Взойдите, мистеръ Франклинъ, сказалъ онъ, отворяя дверь позади себя и отвѣшивая своеобразно-милый, старосвѣтскій поклонъ:—ужь я послѣ разспрошу, зачѣмъ пожаловали сюда, сначала надо васъ поудобнѣе устроить. Послѣ нашего отъѣзда тутъ все такія грустныя перемѣны. Домъ запертъ, прислуга вся разошлась. Ну, да что̀ нужды! Я состряпаю вамъ обѣдъ, а садовница постель оправитъ,—и если въ погребѣ осталась еще бутылочка нашего пресловутаго Латуровскаго бордо, найдется чѣмъ и горлышко промочить, мистеръ Франклинъ! Добро пожаловать, сэръ! Отъ всего сердца, добро пожаловать! проговорилъ старый бѣднага, мужественно поборая мрачное уныніе пустыннаго дома и принимая меня со всею общительностью и предупредительнымъ вниманіемъ прошлыхъ дней.

Мнѣ было прискорбно его разочаровывать. Но домъ этотъ принадлежалъ теперь Рахили. Могъ ли я въ немъ садиться за столъ или спать послѣ того, что̀ произошло въ Лондонѣ?

Digitized by Google

Простѣйшее чувство самоуваженія запрещало мнѣ,—именно запрещало,—переступить порогъ.

Я взялъ Бетереджа за руку и вывелъ его въ садъ. Нечего дѣлать. Я долженъ былъ сказать ему всю правду. Равно привязанный къ Рахили и ко мнѣ, онъ былъ прискорбно озадаченъ и огорченъ оборотомъ дѣла. Собственное его мнѣніе, высказанное при этомъ, отличалось обычною прямотой и пріятнымъ букетомъ самой положительной философіи изъ всѣхъ извѣстныхъ мнѣ, — философіи Бетереджевой школы.

— Я никогда не отрицалъ, что у миссъ Рахили есть недостатки, началъ онъ: — конекъ у нея бѣдовый, вотъ вамъ одинъ изъ нихъ. Она хотѣла взять верхъ надъ *вами*,—а вы и поддались. Э, Господи Боже мой, мистеръ Франклинъ, неужто вы о сю пору не раскусили женщинъ? Говаривалъ я вамъ о покойной мистрисъ Бетереджъ?

Онъ частенько говаривалъ мнѣ о покойной мистрисъ Бетереджъ, неизмѣнно ставя ее въ примѣръ врожденной слабости и испорченности прекраснаго пола. Онъ и теперь выставилъ ее съ этой стороны.

— Очень хорошо, мистеръ Франклинъ. Теперь выслушайте же меня. Что ни женщина, то и конекъ свой, особенный. Покойная мистрисъ Бетереджъ, случись мнѣ бывало отказать ей въ чемъ-нибудь, что ей по-сердцу, сейчасъ осѣдлаетъ любимаго коньки и поѣхала. Иду, бывало, домой, справивъ свою службу, и ужь знаю впередъ, что жена придетъ ко мнѣ наверхъ по кухонной лѣстницѣ и объявитъ: послѣ такихъ-де моихъ грубостей, у нея духу не хватило состряпать мнѣ обѣдъ. Сначала я поддавался,—точь-въ-точь какъ вы теперь поддаетесь миссъ Рахили. Наконецъ терпѣніе мое истощилось. Я пошелъ внизъ, взялъ миссъ Беттереджъ — нѣжно, разумѣется, — за руки и отвелъ ее въ лучшую комнату, гдѣ она обыкновенно принимала своихъ гостей. „Вотъ, говорю, настоящее ваше мѣсто, мой другъ“, а самъ вернулся въ кухню. Тамъ я заперся, снялъ сюртукъ, засучилъ рукава и состряпалъ себѣ обѣдъ. Когда онъ поспѣлъ, я накрылъ столъ, насколько хватило умѣнья, и покушалъ всласть. Потомъ выкурилъ трубочку, хватилъ капельку грогу, а затѣмъ опросталъ столъ, перемылъ посуду, вычистилъ ножи и вилки, убралъ все на мѣсто и вымелъ комнату. Когда все было вымыто и вычищено какъ слѣдуетъ, я отворилъ дверь и впустилъ миссъ Бетереджъ. „Я ужь

Digitized by Google

пообѣдалъ, дружокъ мой, говорю: и надѣюсь, что кухонный порядокъ удовлетворитъ самымъ пламеннымъ желаніямъ вашимъ.“ Пока эта женщина была въ живыхъ, мистеръ Франклинъ, я ужь ни разу больше не стряпалъ себѣ обѣда! Нравоученіе: въ Лондонѣ вы поддались миссъ Рахили; не поддавайтесь ей въ Йоркширѣ. Вернемтесь къ дому.

Неопровержимо, что̀ и говорить! Я могъ только увѣрить моего добраго друга, что даже *его* сила убѣжденія, въ этомъ случаѣ, не дѣйствуетъ на меня.

— Славный вечеръ! сказалъ я:—пройдусь я себѣ до Фризингалла, остановлюсь въ гостиницѣ, а вы завтра поутру приходите ко мнѣ завтракать, мнѣ кое-что надо вамъ сказать.

Бетереджъ задумчиво покачалъ головой.

— Сердечно жаль! проговорилъ онъ:—я надѣялся услыхать, мистеръ Франклинъ, что у васъ съ миссъ Рахилью все попрежнему гладко да ладно. Если ужь вы хотите поставить на своемъ, сэръ, продолжалъ онъ, съ минутку подумавъ,—такъ изъ-за ночлега не сто́итъ ходить сегодня въ Фризингаллъ. Можно и поближе найдти. Готтерстонова ферма всего въ двухъ миляхъ отсюда. *Тутъ*-то ужь миссъ Рахиль ни при чемъ, лукаво прибавилъ старикъ: Готтерстонъ проживаетъ на правахъ вольной аренды, мистеръ Франклинъ.

Я вспомнилъ объ этой мѣстности тотчасъ, какъ только Бетереджъ назвалъ ее. Ферма была расположена въ закрытой лощинѣ, на берегу одной изъ красивѣйшихъ рѣчекъ въ этой части Йоркшира; и у фермера пустовала лишняя спальня съ пріемною, обыкновенно отдаваемыя имъ внаймы художникамъ, рыболовамъ и всякаго рода туристамъ. Пріятнѣйшаго жилища, на время моего пребыванія въ околоткѣ, я не могъ бы и желать.

— Отдаются ли комнаты-то? спросилъ я.

— Миссъ Готтерстонъ, сэръ, вчера еще сама просила меня порекомендовать кому-нибудь эти комнаты добрымъ словечкомъ.

— Я съ величайшимъ удовольствіемъ возьму ихъ, Бетереджъ.

Мы вернулись на дворъ, гдѣ я оставилъ свой чемоданъ. Продѣвъ палку сквозь его ручку и закинувъ чемоданъ черезъ плечо, Бетереджъ, повидимому, снова впалъ въ столбнякъ, причиненный ему моимъ внезапнымъ появленіемъ давеча, когда я засталъ его въ креслѣ. Онъ недовѣрчиво

Digitized by Google

поглядѣлъ на домъ, потомъ повернулся на каблукахъ и еще недовѣрчивѣе посмотрѣлъ на меня.

— Давнымъ давно живу я на свѣтѣ, проговорилъ этотъ лучшій и милѣйшій изъ всѣхъ старыхъ слугъ,—но этакой штуки никакъ не думалъ дождаться. Вотъ онъ домъ стоитъ, а вотъ онъ мистеръ Франклинъ Блекъ, и что же, будь я проклятъ, если одинъ изъ нихъ не повернулся спиной къ другому и не идетъ спать на квартиру.

Онъ пошелъ впередъ, покачивая головой и зловѣще ворча.

— Теперь ужь *только* одного чуда не хватаетъ, сказалъ онъ мнѣ, оглядываясь черезъ плечо:—вамъ остается, мистеръ Франклинъ, заплатить мнѣ семь шиллинговъ и шесть пенсовъ, которые заняли у меня мальчикомъ.

Эта острота нѣсколько возстановила въ немъ хорошее расположеніе духа по отношенію къ себѣ самому и ко мнѣ. Пройдя дворъ, мы вышли за ворота. Какъ только мы очутились внѣ ограды, обязанности гостепріимства (по Бетереджеву уставу о нравахъ) прекращались, и любопытство заявило свои права.

Онъ замедлилъ шаги, чтобы дать мнѣ поравняться съ нимъ.

— Славный вечеръ для прогулки, мистеръ Франклинъ, сказалъ онъ, какъ будто мы случайно и только что встрѣтились другъ съ другомъ: — А вѣдь еслибы вы пошли во фризингалльскую гостинницу, сэръ....

— Ну, что же?

— Я имѣлъ бы честь поутру завтракать съ вами.

— Вмѣсто этого, приходите завтракать со мной въ Готтерстонскую ферму.

— Премного обязанъ вашей добротѣ, мистеръ Франклинъ. Но я собственно не къ завтраку подбирался-то. Кажется, вы упоминали, что хотите кое-что сказать мнѣ? Если это не тайна, сэръ, сказалъ Бетереджъ, внезапно мѣняя окольный путь на прямой: — то я сгараю желаніемъ знать, что именно такъ внезапно привело васъ въ эту сторону?

— Что привело меня сюда въ прошлый разъ? спросилъ я.

— Лунный камень, мистеръ Франклинъ. Но что же теперь-то приводитъ васъ?

— Опять Лунный же камень, Бетереджъ.

Старикъ остановился какъ вкопанный и глядѣлъ на меня.

Digitized by Google

въ сѣроватомъ сумракѣ, словно подозрѣвая свои уши въ обманѣ.

— Если это шутка, сэръ, сказалъ онъ,—такъ я, надо быть, глуповатъ становлюсь на старости лѣтъ. Никакъ не пойму.

— Вовсе не шутка, отвѣчалъ я:—я пріѣхалъ сюда возобновить слѣдствіе, прерванное предъ моимъ отъѣздомъ изъ Англіи. Я пріѣхалъ сюда затѣмъ, чего никто еще не сдѣлалъ,—я хочу разузнать кто взялъ алмазъ.

— Бросьте вы алмазъ, мистеръ Франклинъ! Вотъ вамъ мой совѣтъ, бросьте алмазъ! Эта проклятая индѣйская драгоцѣнность сбивала съ толку всѣхъ, кто ни подходилъ къ ней. Не тратьте денегъ и здоровья,—въ цвѣтѣ лѣтъ, сэръ,—на возню съ Луннымъ камнемъ. Можете ли вы надѣяться на успѣхъ (безъ ущерба себѣ), когда самъ приставъ Коффъ промахнулся? Приставъ Коффъ! повторилъ Бетереджъ, погрозивъ мнѣ указательнымъ пальцемъ:—первый полицейскій чиновникъ во всей Англіи!

— Я рѣшился, старый дружище. Не отступлю и предъ самимъ приставомъ Коффомъ. Кстати, рано или поздно мнѣ, быть-можетъ, понадобится переговорить съ нимъ. Не слыхали-ль вы о немъ чего-нибудь въ послѣднее время?

— Приставъ не поможетъ вамъ, мистеръ Франклинъ.

— Почему же?

— Со времени вашего отъѣзда, сэръ, въ полицейскихъ кружкахъ произошло нѣкоторое событіе. Великій Коффъ удалился отъ дѣлъ, пріобрѣлъ себѣ маленькій коттеджъ въ Доркингѣ и сидитъ по горло въ своихъ розахъ. Онъ собственноручно извѣстилъ меня объ этомъ, мистеръ Франклинъ. Онъ выростилъ бѣлую махровую розу, не прививая ея къ типовнику. И мистеръ Бегби, нашъ садовникъ, собирается въ Доркингъ признаваться, что приставъ наконецъ побѣдилъ его.

— Ну, не велика важность, сказалъ я:—обойдемся и безъ помощи пристава. На первыхъ порахъ я довѣрюсь вамъ.

Весьма вѣроятно, что я нѣсколько небрежно произнесъ это. Какъ бы то ни было, Бетереджа, повидимому, что-то задѣло за живое въ этомъ отвѣтѣ.

— Вы могли довѣриться кому-нибудь и похуже меня, мистеръ Франклинъ, вотъ что̀ я вамъ скажу, проговорилъ онъ съ нѣкоторою рѣзкостью.

Тонъ этого возраженія и нѣкоторое безпокойство, подмѣ-

Digitized by Google

ченное мной въ немъ послѣ этихъ словъ, подали мнѣ мысль, что онъ имѣетъ какія-то свѣдѣнія, которыхъ не рѣшается сообщить мнѣ.

— Я ожидаю, что вы поможете мнѣ, сказалъ я,—собрать отрывочныя улики, оставшіяся послѣ пристава Коффа. Я знаю, что вы можете это сдѣлать. Не можете ли вы сдѣлать еще чего-нибудь?

— Чего же еще можете вы ожидать отъ меня, сэръ? спросилъ Бетереджъ съ видомъ крайняго смиренія.

— Я жду бо́льшаго, судя по тому что̀ вы сейчасъ сказали.

— Это одно хвастовство мое, мистеръ Франклинъ, упрямо возразилъ старикъ: — нѣкоторые такъ и родятся хвастунами; до самой смерти не могутъ отвыкнуть. Вотъ и я такой-же.

Оставался еще одинъ способъ взяться за него. Я обратился къ его участію въ Рахили и во мнѣ.

— Бетереджъ, порадуетесь ли вы, если мы съ Рахилью опять станемъ добрыми друзьями?

— Я служилъ вашему семейству, сэръ, и для болѣе скромныхъ цѣлей, если ужь вы сомнѣваетесь въ этомъ!

— Помните ли вы, какъ со мной обращалась Рахиль предъ моимъ отъѣздомъ изъ Англіи?

— Такъ хорошо помню, словно это вчера еще было! Миледи написала вамъ собственноручное письмо насчетъ этого, а вы были такъ добры, что и мнѣ показали его. Оно извѣщало васъ, что миссъ Рахиль смертельно оскорбилась участіемъ, которое вы принимали въ стараніяхъ отыскать ея драгоцѣнный камень; и при этомъ ни миледи, ни вы, никто не могъ угадать причины этого гнѣва.

— Совершенно справедливо, Бетереджъ! И вотъ я вернулся изъ своего путешествія и нахожу ее попрежнему смертельно оскорбленною. Я зналъ, что въ прошломъ году причиной этому былъ алмазъ; и знаю, что алмазъ же причиной этому и теперь. Я хотѣлъ переговорить съ ней, а она и видѣть меня не хочетъ. Я попробовалъ написать къ ней, она не отвѣчаетъ мнѣ. Скажите же, ради Бога, какъ мнѣ разъяснить это дѣло? Рахиль сама не оставляетъ мнѣ иного способа разыскать пропажу Лунного камня, какъ путемъ слѣдствія!

Эти слова живо выказали ему все дѣло съ совершенно

Digitized by Google

новой точки зрѣнія. Онъ предложилъ мнѣ вопросъ, убѣдившій меня въ томъ, что я поколебалъ его.

— Нѣтъ ли тутъ какого-нибудь недоброжелательства съ вашей стороны, мистеръ Франклинъ,—вѣдь нѣтъ?

— Я съ негодованіемъ выѣхалъ изъ Лондона, отвѣтилъ я,— но теперь это все прошло. Я хочу добиться отъ Рахили объясненія, и больше мнѣ ничего не надо.

— А не боитесь вы, сэръ, — случись вамъ что-нибудь открыть, — не боитесь вы за тѣ открытія, которыя можете сдѣлать относительно миссъ Рахили?

Я вполнѣ понималъ ревнивую увѣренность въ молодой госпожѣ, подсказавшую ему эти слова.

— Я не менѣе васъ увѣренъ въ ней, отвѣтилъ я:—если мы вполнѣ узнаемъ ея тайны, въ ней не окажется ничего такого, что̀ могло бы поколебать ваше или мое уваженіе къ ней.

Послѣдніе остатки Бетереджевой сдержанности при этомъ исчезли.

— Одно только могу сказать, воскликнулъ онъ:—если я дурно дѣлаю, помогая вамъ, мистеръ Франклинъ, то нѣтъ еще малаго ребенка, который бы меньше моего смыслилъ! Я точно могу навести васъ на путь къ открытіямъ, если только вы сумѣете пойдти дальше одни. Помните вы одну изъ нашихъ дѣвушекъ, бѣдняжку Розанну Спермавъ?

— Конечно!

— Вы все думали, что она хотѣла признаться вамъ въ чемъ-то касательно этого дѣла о Лунномъ камнѣ?

— Иначе я, право, никакъ не могъ объяснить себѣ ея странное поведеніе.

— Вы можете разрѣшить свои сомнѣнія, когда угодно, мистеръ Франклинъ.

Я въ свою очередь остановился какъ вкопанный, напрасно пытаясь разглядѣть его лицо въ наступавшей темнотѣ. Въ первый мигъ изумленія я съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ спросилъ, что̀ онъ хочетъ этимъ сказать.

— Больше твердости, сэръ! продолжалъ Бетереджъ: — я именно то и хочу сказать что̀ говорю. Розанна Спермавъ оставила по себѣ запечатанное письмо,—письмо адресованное къ *вамъ*.

— Гдѣ оно?

— Въ рукахъ ея подруги, въ Коббсъ-Голѣ. Будучи здѣсь въ

Digitized by Google

послѣдній разъ, сэръ, вы должны были слышать о хромой Люси,—убогой дѣвушкѣ на костылѣ?

— Дочь рыбака?

— Она самая, мистеръ Франклинъ.

— Почему это письмо не переслали мнѣ?

— Хромая Люси очень упрама, сэръ. Она не хотѣла отдать его ни въ чьи руки, кромѣ вашихъ. А вы уѣхали изъ Англіи, прежде чѣмъ я успѣлъ написать вамъ.

— Вернемтесь, Бетереджъ, и выручимъ его тотчасъ-же.

— Сегодня поздно, сэръ. У насъ по всему берегу очень скупы на свѣчи; и въ Коббсъ-Голѣ рано ложатся.

— Вздоръ! Мы дойдемъ въ полчаса.

— *Вы*-то можете, сэръ. И то, добравшись, найдете всѣ двери на запорѣ.

Онъ показалъ мнѣ огонекъ, мерцавшій у насъ подъ ногами; въ тотъ же мигъ я услыхалъ въ тиши вечера журчаніе рѣчки.

— Вотъ и ферма, мистеръ Франклинъ! Отдохните-ка сегодня, а завтра поутру приходите ко мнѣ, если будете такъ добры.

— Вы пойдете со мной къ рыбаку въ Коттеджъ?

— Да, сэръ.

— Какъ рано?

— Какъ вамъ будетъ угодно, мистеръ Франклинъ.

Мы спустились по тропинкѣ, ведущей къ фермѣ.

III.

У меня осталось весьма неясное воспоминаніе о происходившемъ на Готтерстонской фермѣ.

Мнѣ помнится радушный пріемъ, непомѣрный ужинъ, котораго хватило бы накормить цѣлое селеніе на Востокѣ; очаровательно чистенькая спальня, гдѣ можно было сожалѣть лишь объ одномъ ненавистномъ произведеніи глупости нашихъ предковъ—о перинѣ; безсонная ночь, множество перепорченныхъ спичекъ и нѣсколько разъ зажигаемая свѣча; наконецъ, ощущеніе безпредѣльной радости при восходѣ солнца, когда представилась возможность встать.

Мы наканунѣ условились съ Бетереджемъ, что я зайду за нимъ по дорогѣ въ Коббсъ-Голь, когда мнѣ будетъ угодно, что̀, при моемъ нетерпѣніи выручить письмо, значило какъ

Digitized by Google

можно раньше. Не дожидаясь завтрака на фермѣ, я взялъ корку хлѣба и отправился въ путь, слегка опасаясь, не застать бы мнѣ милаго Бетереджа въ постели. Къ величайшему облегченію моему, оказалось, что онъ былъ не менѣе меня взволнованъ предстоящимъ событіемъ. Я нашелъ его совершенно готовымъ въ путь, съ тростью въ рукѣ.

— Какъ вы себя чувствуете нынче, Бетереджъ?

— Плохо, сэръ.

— Прискорбно слышать. На что же вы жалуетесь?

— Небывалая болѣзнь, мистеръ Франклинъ, собственнаго изобрѣтенія. Не хочу васъ пугать, а только и утро не минетъ, какъ вы сами, навѣрно, заразитесь.

— Чортъ возьми!

— Чувствуете ли вы этакій непріятный жаръ въ желудкѣ, сэръ? И точно васъ что-то постукиваетъ въ темя? А! Нѣтъ еще? Ну, такъ васъ схватитъ въ Коббсъ-Голѣ, мистеръ Франклинъ. Я это называю *слѣдственною* лихорадкой и впервые заразился ею въ обществѣ пристава Коффа.

— Эге! А лѣкарство на этотъ разъ, вѣроятно, въ письмѣ Розанны Спермавъ? Идемъ же и добудемъ его.

Несмотря на раннюю пору, мы застали жену рыбака за кухонною возней. Какъ только Бетереджъ представилъ меня, добрая миссъ Іолландъ исполнила нѣкій обрядъ общежитія, исключительно предназначенный (какъ я узналъ въ послѣдствіи) для почетныхъ посѣтителей. Она принесла на столъ бутылку голландскаго джину, пару чистыхъ трубокъ и начала разговоръ вступительною фразой: „Что новаго въ Лондонѣ, сэръ?“

Не успѣлъ я подыскать отвѣта на этотъ безгранично-обширный вопросъ, какъ изъ темнаго угла кухни ко мнѣ приблизился призракъ. Блѣдная дѣвушка, съ дикимъ, растеряннымъ видомъ и замѣчательно роскошными волосами, съ гнѣвнымъ и рѣзкимъ взглядомъ, ковылая на костылѣ, подошла къ столу, за которымъ я сидѣлъ, и стала смотрѣть на меня съ такимъ выраженіемъ, какъ будто я былъ какою-то вещью, возбуждавшею въ ней любопытство вмѣстѣ съ отвращеніемъ и волшебно притягивавшею ея взглядъ.

— Мистеръ Бетереджъ, сказала она, не спуская глазъ съ моего лица,—пожалуста, скажите еще разъ какъ его зовутъ.

— Этого джентльмена, отвѣтилъ Бетереджъ (съ сильнымъ

Digitized by Google

удареніемъ на словѣ *джентльменъ*) зовутъ мистеръ Франклинъ Блекъ.

Дѣвушка повернулась ко мнѣ спиной и вдругъ вышла изъ комнаты. Добрая миссъ Іолландъ, кажется, извинялась относительно страннаго поведенія своей дочери, а Бетереджъ (по всей вѣроятности) переводилъ это на вѣжливо-англійское нарѣчіе. Я говорю объ этомъ въ полнѣйшей неувѣренности. Все мое вниманіе было обращено на стукотню костыля этой дѣвушки. Тукъ-тукъ,—это вверхъ по деревянной лѣстницѣ; тукъ-тукъ,—это въ комнатѣ у насъ надъ головой; тукъ-тукъ,—это съ лѣстницы внизъ, и вотъ на порогѣ отворенной двери снова явился призракъ, съ письмомъ въ рукѣ, вымаливая меня за дверь.

Я ушелъ отъ нескончаемыхъ извиненій и послѣдовалъ за страннымъ существомъ, которое ковыляло впереди меня, все тибче и тибче, внизъ по отлогому скату набережья. Она провела меня куда-то за лодки, гдѣ никто изъ немногихъ жителей рыбачьяго селенія не могъ уже ни видѣть, ни слышать насъ, остановилась и въ первый разъ еще поглядѣла мнѣ прямо въ глаза.

— Стойте такъ, сказала она:—я хочу посмотрѣть на васъ.

Нельзя было ошибиться въ выраженіи ея лица. Я внушалъ ей чувства сильнѣйшаго ужаса и отвращенія. Я не такъ тщеславенъ, чтобы сказать, что еще ни одна женщина не смотрѣла на меня такимъ образомъ. Я лишь осмѣлюсь гораздо скромнѣе заявить, что ни одна еще не выказывала этого такъ явно. Есть предѣлъ, за которымъ человѣкъ уже не въ состояніи выдерживать подобнаго смотра при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ. Я попробовалъ отвлечь вниманіе хромой Люси на что-нибудь менѣе возмутительное нежели моя физіономія.

— Кажется, у васъ есть письмо для передачи мнѣ? началъ я: — не его ли это вы держите въ рукѣ?

— Повторите-ка, было мнѣ единственнымъ отвѣтомъ.

Я повторилъ мои слова, какъ умное дитя свой урокъ.

„Нѣтъ, сказала дѣвушка про себя, но все еще безпощадно уставивъ на меня глаза:—понять не могу, что̀ такое она видѣла въ его лицѣ. Не въ домекъ мнѣ, что̀ такое она слышала въ его голосѣ.“ Она вдругъ отвернулась отъ меня и томно склонила голову на верхушку своего костыля „Охъ, бѣдняжка моя, милая!“ проговорила она съ оттѣнкомъ

Digitized by Google

нѣжности, котораго я у нея еще не слыхивалъ. „Нѣтъ у меня моей любутки! Что ты могла видѣть въ этомъ человѣкѣ?“ Она гнѣвно подняла голову и еще разъ поглядѣла на меня.

— Можете ли вы ѣсть и пить? спросила она.

Я постарался сохранить всю серіозность и отвѣтилъ:

— Да.

— Можете ли вы спать?

— Да.

— И совѣсть не грызетъ васъ, когда вы видите бѣдную дѣвушку въ услуженіи?

— Разумѣется, нѣтъ. Съ чего бы это?

Она разомъ бросила мнѣ письмо (какъ говорится) прямо въ лицо.

— Возьмите! бѣшено воскликнула она: — до сихъ поръ я васъ въ глаза не видывала. Не попусти мнѣ Господи видѣть васъ еще когда-нибудь.

Съ этими словами на прощанье, она захромала отъ меня во всю свою прыть. Всякій, безъ сомнѣнія, предугадалъ уже единственное объясненіе, которое я могъ дать ея поступкамъ. Я просто счелъ ее сумасшедшею.

Достигнувъ этого неизбѣжнаго вывода, я обратился къ болѣе интересному предмету изслѣдованій, заключавшемуся въ письмѣ Розанны Спермань; на немъ былъ слѣдующій адресъ:

„Франклину Блеку, сквайру. Передать въ собственныя руки (не довѣряя никому другому) чрезъ посредство Люси Голландъ.“

Я сломалъ печать. Въ кувертѣ оказалось письмо, а въ немъ, въ свою очередь, клочокъ бумаги. Сначала я прочелъ письмо:

„Сэръ,—если вамъ любопытно знать причину моего обхожденія съ вами въ то время, какъ вы гостили въ домѣ моей госпожи, леди Веринадеръ, исполните, что сказано въ прилагаемой памятной запискѣ, и сдѣлайте это такъ, чтобы никто не могъ подсмотрѣть за вами. Ваша покорнѣйшая служанка,

„Розанна Спермань.“

Вслѣдъ затѣмъ я взялся за клочокъ бумаги. Вотъ точная копія съ него слово въ слово:

„Памятная записка:—Пойдти на зыбучіе пески, въ начадѣ прилива. Пройдти до Южной Иглы, пока вѣха Южной Иглы и флагштокъ на стоянкѣ береговой стражи за Коббсъ-Големъ не сравняются по прямой линіи, положить на утесъ палку или что-нибудь прямое для направленія руки, какъ разъ по

Digitized by Google

линіи вѣхи и флагштока. При этомъ соблюсти, чтобъ одинъ конецъ палки пришелся на ребрѣ утеса съ той стороны его, которая склоняется къ зыбучимъ пескамъ. Ощупью по палкѣ (начиная съ конца ея, обращеннаго къ вѣхѣ) искать въ морскомъ поростѣ цѣпь. Найдя ее, провести рукой вдоль цѣпи до той части, которая свѣшивается чрезъ ребро утеса въ зыбучій песокъ. *И затѣмъ тащить цѣпь.*"

Только-что я прочелъ послѣднія слова, подчеркнутыя въ оригиналѣ, какъ позади меня послышался голосъ Бетереджа. Изобрѣтатель слѣдственной лихорадки совершенно изнемогъ отъ этого тяжкаго недуга.

— Мнѣ ужь больше не въ терпежъ, мистеръ Франклинъ. Что она тамъ пишетъ, въ письмѣ-то? Помилосердуйте, сэръ, скажите намъ, что такое она пишетъ?

Я подалъ ему письмо и записку. Онъ прочелъ первое, повидимому, безъ особеннаго любопытства. Но вторая, то-есть записка, произвела на него сильное впечатлѣніе.

— А что говорилъ приставъ! воскликнулъ Бетереджъ: — съ перваго дня и до послѣдняго, сэръ, приставъ говорилъ, что у нея должно быть записано для памяти мѣсто спрятаннаго. И вотъ эта записка! Господи помилуй, мистеръ Франклинъ, тайна, которая ставила въ тупикъ всѣхъ, начиная съ великаго Коффа и ниже, только того и ждетъ, можно сказать, чтобъ открыться *вамъ*! Всякій можетъ видѣть, что теперь отливъ, сэръ. Долго ли ждать начала прилива?—Онъ поднялъ голову и увидалъ въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ насъ рабочаго паренька, чинившаго сѣть.—Темми Брайтъ! крикнулъ онъ во весь голосъ.

— Слы-ышу! откликнулся Темми.

— Скоро ли приливъ?

— Часъ повременить надо.

Каждый изъ насъ посмотрѣлъ на часы.

— Мы можемъ обойдти берегомъ, мистеръ Франклинъ, сказалъ Бетереджъ:—и добраться до зыбучихъ песковъ, на порядкахъ выгадавъ время. Что вы на это скажете, сэръ?

— Пойдемте.

По дорогѣ къ зыбучимъ пескамъ, я просилъ Бетереджа поживить мои воспоминанія о событіяхъ (касающихся Розанны Спермавъ) во время слѣдствія, произведеннаго приставомъ Коффомъ. Съ помощію стараго друга я скоро возобновилъ въ умѣ ясно и послѣдовательно всѣ обстоятельства.

Уходъ Розанны въ Фризингаллъ, когда всѣ домашніе думали, что она больная лежитъ въ своей комнатѣ;—таинственныя занятія по ночамъ, за дверью на замкѣ, при свѣчѣ, горящей до утра;—подозрительная покупка лакированнаго жестяного ящика и пары собачьихъ цѣпей у миссъ Іолландъ;—положительная увѣренность пристава въ томъ, что Розанна спрятала что-то въ зыбучихъ пескахъ, и совершенное невѣдѣніе спрятаннаго,—всѣ эти странные результаты недоношеннаго слѣдствія снова ясно представились мнѣ, когда мы достигли зыбучихъ песковъ и пошли по низменному хребту скалъ, называемыхъ Южною Иглой.

Съ помощью Бетереджа я скоро занялъ ту позицію, съ которой вѣхи и флагштокъ на стоянкѣ береговой стражи уравнивались въ одну линію. Руководясь замѣткой, мы вслѣдъ за тѣмъ положили мою трость въ надлежащемъ направленіи, насколько это было возможно при неровной поверхности утесовъ. Потомъ еще разъ посмотрѣли на часы.

Приливъ долженъ былъ начаться минутъ черезъ двадцать. Я предложилъ переждать лучше на берегу чѣмъ на сырой и скользкой поверхности утесовъ. Дойдя до сухаго песка, я собрался было сѣсть, но Бетереджъ, къ величайшему удивленію моему, собирался уйдти.

— За чѣмъ же вы уходите? спросилъ я.

— Загляните еще разикъ въ письмо, сэръ,—и увидите.

Съ одного взгляда на письмо я припомнилъ наказъ остаться одному, производя открытіе.

— Трудненько таки мнѣ теперь покидать васъ, сказалъ Бетереджъ,—но бѣдняжка умерла такою страшною смертію, и меня что-то заставляетъ дать потачку этой ея причудѣ, мистеръ Франклинъ. Притомъ же, прибавилъ онъ съ увѣренностью,—въ письмѣ не говорится, чтобы вы и въ послѣдствіи не выдавали тайны. Я поброжу въ ельникѣ и подожду, пока вы меня захватите по дорогѣ. Не мѣшкайте болѣе чѣмъ нужно, сэръ. Слѣдственная лихорадка вовсе не такая болѣзнь, чтобы съ ней легко было ладить при *этихъ* обстоятельствахъ.

Заявивъ это на прощанье, онъ ушелъ.

Интервалъ ожиданія, весьма короткій относительно времени, принималъ огромные размѣры по масштабу терпѣнія. Это былъ одинъ изъ тѣхъ случаевъ, въ которыхъ несравненная привычка курить становится особенно дорога и утѣшительна. Я закурилъ сигару и сѣлъ на склонѣ берега.

Съ безоблачнаго неба солнце разливало свою красу на всѣ видимые предметы. Несравненная свѣжесть воздуха придавала характеръ роскоши самому процессу жизни и дыханія. Даже пустынный заливчикъ—и тотъ привѣтствовалъ утро своимъ веселымъ видомъ, а сырая, обнаженная поверхность зыбучихъ песковъ скрывала ужасающее выраженіе своей коварной, темной физіономіи въ мимолетной улыбкѣ. Съ пріѣзда моего въ Англію еще не бывало такого чуднаго дня.

Не успѣлъ я докурить сигару, какъ начался приливъ. Я увидалъ предшествующее ему вспучиванье песковъ, а потомъ грозную дрожь, пробѣгавшую по всей поверхности ихъ,— точно какой-то духъ ужаса жилъ, двигался и трепеталъ подъ ними въ бездонной глубинѣ. Я бросилъ сигару и вернулся къ утесамъ.

Замѣтка указывала мнѣ пробираться ощупью вдоль по линіи, обозначаемой тростью, начиная съ того конца ея, который былъ обращенъ къ вѣхѣ.

Я прошелъ такимъ образомъ болѣе половины трости, не встрѣчая ничего, кромѣ реберъ утесовъ. За то вершка два подальше терпѣніе мое вознаградилось. Въ узкой впадинкѣ, куда едва входилъ указательный палецъ, я нащупалъ цѣпь. Пробуя вести по ней руку въ направленіи къ зыбучимъ пескамъ, я нашелъ преграду въ густотѣ морскаго пороста, сплоченнаго во впадинкѣ несомнѣнно въ теченіи времени, которое прошло съ тѣхъ поръ какъ Розанна Спермавъ выбрала это мѣстечко.

Выдергать поростъ или просунуть сквозь него руку не было никакой возможности. Замѣтивъ мѣсто, указанное концомъ трости обращеннымъ къ Зыбучимъ Пескамъ, я рѣшился продолжать поиски за цѣпью по новому плану собственнаго изобрѣтенія. Мнѣ пришло на мысль „пошарить“ на счастье тотчасъ за утесами, не найду ли я потерянный слѣдъ цѣпи въ томъ мѣстѣ, гдѣ она углубляется въ пески. Я взялъ трость и склонился надъ сѣвернымъ краемъ Южной Иглы.

Въ этомъ положеніи лицо мое находилось въ нѣсколькихъ футахъ надъ поверхностью зыбучихъ песковъ. Въ такой близи видъ этихъ песковъ, охватываемыхъ повременамъ отвратительнымъ припадкомъ дрожи, потрясалъ мои нервы. Ужасныя грезы о томъ, что умершая явится, пожалуй, на мѣстѣ самоубійства, чтобы помочь мнѣ въ поискахъ,—

Digitized by Google

невыразимая боязнь увидать, какъ она поднимется изъ пучившейся поверхности песковъ и укажетъ мѣсто, — овладѣли мной до озноба на солнечномъ припекѣ. Признаюсь, что я зажмурился, опуская конецъ трости въ зыбучій песокъ.

Мигъ спустя,—не успѣлъ я погрузить палку на нѣсколько вершковъ,—какъ уже освободился отъ суевѣрнаго страха и задрожалъ всѣмъ тѣломъ въ сильнѣйшемъ волненіи. При первой попыткѣ я опустилъ трость наугадъ, зажмурясь,— и сразу попалъ вѣрно. Трость моя звякнула по цѣпи. Крѣпко ухватясь лѣвою рукой за корни пороста, я свѣсился черезъ край утеса, а правою рукой искалъ подъ навѣсомъ его обрыва. Правая рука ощупала цѣпь.

Я вытащилъ ее безъ малѣйшаго затрудненія. На концѣ ея былъ прикрѣпленъ лакированный ящикъ.

Цѣпь до того заржавѣла въ водѣ, что я не могъ отстегнуть кольцо прикрѣплявшее ее къ ящику. Зажавъ ящикъ между колѣнъ и напрягая всѣ силы, я сорвалъ съ него крышку. Что-то бѣлое наполняло всю его внутренность. Я опустилъ руку и нашелъ, что это бѣлье.

Вытаскивая бѣлье, я вытащилъ скомканное вмѣстѣ съ нимъ письмо. Взглянувъ на адресъ и увидавъ свое имя, я положилъ письмо въ карманъ и окончательно вытащилъ бѣлье. Оно вытащилось плотнымъ сверткомъ, разумѣется, принявшимъ форму ящика, въ которомъ такъ долго лежало, вполнѣ предохраненное отъ морской воды.

Я перенесъ бѣлье на сухой песокъ берега, развернулъ и расправилъ его. Нельзя было ошибиться въ томъ, что это за одежда. То былъ спальный шлафрокъ.

Когда я разостлалъ его на пескѣ, лицевая сторона не представляла ничего, кромѣ безчисленныхъ сгибовъ и складокъ. Потомъ я осмотрѣлъ изнанку и тотчасъ увидалъ, что она запачкана краской съ двери Рахилиа будуара!

Взглядъ мой остановился, словно прикованный къ пятну, а мысли разомъ перескочили изъ настоящаго въ прошлое. Мнѣ вспомнились самыя слова пристава Коффа, точно онъ снова стоялъ возлѣ меня, подтверждая неопровержимое заключеніе, выведенное имъ изъ пятна на двери.

„Развѣдайте, нѣтъ ли въ домѣ какаго-нибудь платья съ пятномъ отъ этой краски. Развѣдайте, чье это платье. Развѣдайте, чѣмъ объяснитъ владѣлецъ его свое присутствіе въ той комнатѣ, гдѣ онъ запачкался, между полночью и тремя

Digitized by Google

часами утра. Если это лицо не дастъ удовлетворительнаго отвѣта, нечего далеко ходить за похитителемъ алмаза."

Одно за другимъ припоминались мнѣ эти слова, снова и снова повторяясь какъ-то утомительно-машинально. Я очнулся отъ столбняка, длившагося, какъ мнѣ казалось, нѣсколько часовъ,—въ сущности, безъ сомнѣнія, нѣсколько минутъ,—услыхавъ, что меня кличутъ. Я поднялъ голову и увидалъ Бетереджа, у котораго наконецъ лопнуло терпѣніе. Онъ только что показался въ песчаныхъ холмахъ на возвратномъ пути къ берегу.

Появленіе старика, тотчасъ какъ я увидалъ его, возвратило меня къ сознанію окружающихъ предметовъ и напомнило, что изслѣдованіе, доведенное мною до сихъ поръ, все еще не кончено. Я нашелъ пятно на шлафрокѣ. Чей же это шлафрокъ?

Сначала я хотѣлъ справиться по письму, которое было у меня въ карманѣ,—по письму, найденному въ ящикѣ.

Опустивъ за борть руку, я вспомнилъ, что есть легчайшій способъ узнать это. Самъ шлафрокъ обличитъ истину, такъ какъ, по всей вѣроятности, на немъ должна быть мѣтка владѣльца.

Я поднялъ его съ песку и сталъ искать мѣтки.

Нашелъ мѣтку и прочелъ—„собственное свое имя".

Знакомыя мнѣ буквы доказывали, что шлафрокъ мой. Я перевелъ взглядъ повыше: вокъ солнце, вокъ блестятъ воды залива, вокъ старикъ Бетереджъ все ближе да ближе подходитъ ко мнѣ. Я опять взглянулъ на буквы. Мое имя. Явная улика—собственное мое имя.

„Если время, трудъ и деньги могутъ сдѣлать, воръ, похитившій Лунный камень, будетъ у меня въ рукахъ", вотъ слова, съ которыми я выѣхалъ изъ Лондона: я проникъ въ тайну, которая скрывалась въ зыбучихъ пескахъ отъ всѣхъ живущихъ, и неопровержимое доказательство, пятно отъ краски, убѣдило меня, что я-то самъ и есть этотъ воръ.

IV.

О собственныхъ ощущеніяхъ ничего не могу сказать.

Мнѣ помнится, что нанесенный мнѣ ударъ совершенно лишилъ меня способности мыслить и чувствовать. Я, конечно, не сознавалъ что, со мной дѣлается, когда ко мнѣ

Digitized by Google

подошелъ Бетереджъ, такъ какъ, по свидѣтельству его, на вопросъ: въ чемъ дѣло, я засмѣялся, и передавъ ему шлафрокъ, сказалъ, чтобъ онъ самъ разобралъ загадку.

У меня не осталось ни малѣйшаго воспоминанія о томъ, что̀ было говорено между нами на берегу: Первая мѣстность, въ которой я снова ясно припоминаю себя,—ельникъ. Я вмѣстѣ съ Бетереджемъ иду назадъ, къ дому; Бетереджъ сообщаетъ мнѣ, что взглядъ мой проясняется, и его взглядъ тоже проясняется, когда мы хватимъ по стаканчику грогу.

Сцена перемѣняется, вмѣсто ельника—маленькая комнатка у Бетереджа. Мое рѣшеніе не входить въ Рахилинъ домъ забыто. Я съ благодарностью ощущаю прохладу, тѣнь и тишину комнаты: пью грогъ (вовсе невѣдомая мнѣ роскошь въ такое время дня), а добрый старый другъ мой подливаетъ въ него студеной, какъ ледъ холодной воды. При другой обстановкѣ напитокъ этотъ просто ошеломилъ бы меня. На этотъ разъ онъ возбуждаетъ мои нервы. „Взглядъ мой начинаетъ проясняться", какъ предсказывалъ Бетереджъ; и у самого Бетереджа тоже „проясняется взглядъ".

Картина, въ которой я изображаю себя, пожалуй, покажется весьма странною, чтобы не сказать больше. Къ чему прибѣгаю я на первыхъ порахъ въ такомъ положеніи, которое, полагаю, можно назвать безпримѣрнымъ? Удаляюсь ли я отъ всякаго общенія съ людьми? Напрягаю ли умъ свой къ изслѣдованію отвратительной несообразности, которая тѣмъ не менѣе изобличаетъ меня съ силою неопровержимаго факта? Спѣшу ли я съ первымъ поѣздомъ въ Лондонъ, чтобы посовѣтоваться съ высокосвѣдущими людьми и немедленно поднять на ноги сыскное слѣдствіе? Нѣтъ. Я принимаю предложенное мнѣ убѣжище въ томъ домѣ, куда войдти считалъ для себя униженіемъ, и сижу, прихлебывая водку съ водой, въ обществѣ стараго слуги, въ десять часовъ утра. Такого ли поступка слѣдовало ждать отъ человѣка, поставленнаго въ мое ужасное положеніе? Я могу дать лишь одинъ отвѣтъ: мнѣ было неизъяснимо отрадно видѣть предъ собой родное лицо старика Бетереджа, а приготовленный старикомъ Бетереджемъ грогъ такъ помогъ мнѣ, какъ едва ли помогло бы что-нибудь иное при полномъ упадкѣ силъ тѣлесныхъ и нравственныхъ, которому я подвергся. Вотъ единственное мое оправданіе, и затѣмъ мнѣ остается лишь удивляться неизмѣнному соблюденію собственнаго достоин-

Digitized by Google

ства и строго-логической последовательности поведенія во всѣхъ случайностяхъ жизни отъ колыбели до могилы, которыми обладаетъ мой читатель или читательница.

— Ну, мистеръ Франклинъ, по крайней мѣрѣ въ одномъ нельзя сомнѣваться, сказалъ Бетереджъ, бросая шлафрокъ предъ вами на столъ и указывая на него пальцемъ, точно это было живое существо, которое могло его слышать:—начать съ того, что *онъ* вретъ.

Я вовсе не съ такой утѣшительной точки зрѣнія смотрѣлъ на это дѣло.

— Я не менѣе васъ обрѣтаюсь въ невѣдѣніи, точно ли я похитилъ алмазъ, сказалъ я:—но вотъ что̀ свидѣтельствуетъ противъ меня! Пятно на шлафрокѣ, имя на шлафрокѣ—это факты.

Бетереджъ поднялъ со стола мой стаканъ и убѣдительно сунулъ его мнѣ въ руку.

— Факты? повторилъ онъ: — хватите еще капельку грогу, мистеръ Франклинъ, и вы отрѣшитесь отъ слабости вѣрить фактамъ! Подтасовка, сэръ! продолжалъ онъ, таинственно понизивъ голосъ:—вотъ какъ я объясняю эту загадку. Гдѣ-нибудь да подтасовано, — и намъ съ вами слѣдуетъ разыскать это. Не было ли еще чего въ жестяномъ ящикѣ, когда вы опускали туда руку?

Вопросъ этотъ мигомъ напомнилъ мнѣ о письмѣ, которое лежало у меня въ карманѣ. Я досталъ его и развернулъ. Оно было въ нѣсколько страницъ убористаго почерка. Я съ нетерпѣніемъ взглянулъ на подпись въ концѣ его: „Розанна Сперманъ“.

Какъ только я прочелъ это имя, внезапное воспоминаніе освѣтило мой умъ, и при свѣтѣ его возникло внезапное подозрѣніе.

— Постойте! воскликнулъ я:—вѣдь Розанна Сперманъ поступила къ тетушкѣ изъ исправительнаго пріюта? Розанна Сперманъ была когда-то воровкой?

— Безспорно, мистеръ Франклинъ. Что̀ же изъ этого, съ вашего позволенія?

— Что̀ изъ этого? Почемъ же мы знаемъ, наконецъ, что это не она украла алмазъ? Почемъ мы знаемъ, что она не могла умышленно выпачкать мой шлафрокъ въ краскѣ...?

Бетереджъ прервалъ мою рѣчь, положивъ мнѣ руку на плечо:

Digitized by Google

— Вы оправдаетесь, мистеръ Франкленъ, это не подлежитъ сомнѣнію. Но я надѣюсь, что вы оправдаетесь не этимъ способомъ. Просмотрите ея письмо. Во имя справедливости къ памяти этой дѣвушки, просмотрите ея письмо.

Искренность, съ которою онъ сказалъ это, подѣйствовала на меня, и подѣйствовала почти какъ выговоръ.

— Вы сами, составите себѣ сужденіе о ея письмѣ, сказалъ я:—я прочту его вслухъ.

Я началъ и прочелъ слѣдующія строки:

„Сэръ, я хочу кое-въ-чемъ признаться вамъ. Иное признаніе, несмотря на то что въ немъ заключается безна горя, можно сдѣлать въ очень немногихъ словахъ. Мое признаніе можетъ быть сдѣлано въ трехъ словахъ: я люблю васъ.“

Письмо выпало у меня изъ рукъ. Я взглянулъ на Бетереджа.

— Ради Бога, проговорилъ я,—что это значитъ?

Онъ, казалось, уклонялся отъ отвѣта на этотъ вопросъ.

— Сегодня утромъ, сэръ, вы были наединѣ съ хромою Люси, сказалъ онъ: — не говорила ли она чего-нибудь о Розаннѣ Спермань?

— Она даже не упоминала имени Розанны Спермань.

— Возьмитесь опять за письмо, мистеръ Франкленъ.—Я вамъ прямо скажу, что мнѣ вовсе не по-сердцу отсрочать васъ послѣ того, что вамъ пришлось уже вынести. Пусть она сама за себя говоритъ, сэръ. Да не забывайте своего грогу. Для вашей же пользы, не забывайте грогу.

Я продолжалъ чтеніе письма.

Мнѣ было бы очень позорно сознаться, еслибъ я оставалась въ живыхъ въ то время, когда вы будете читать это. Но когда вы найдете это письмо, я буду мертва и покрыту землю. Вотъ что придаетъ мнѣ смѣлости. Даже могилы не останется, чтобы напомнить обо мнѣ. Мнѣ можно говорить правду, когда зыбучіе пески готовы скорпить меня, послѣ того какъ напишутся эти слова.

„Кромѣ того, вы найдете въ моемъ тайникѣ вашъ плаффрокъ, запачканный краской, и пожелаете знать, какъ это случилось, что спрятала его именно я? И почему я ничего не говорила вамъ, пока жила на свѣтѣ? На это у меня только одно объясненіе. Всѣ эти странности происходили отъ того, что я васъ любила.

„Я не стану докучать вамъ разказомъ о себѣ или о своей жизни до того времени какъ вы пріѣхали въ домъ

моей госпожи. Леди Вериндеръ взяла меня въ исправительномъ пріютѣ. Въ пріютъ я перешла изъ тюрьмы. Посадили меня въ тюрьму за то, что я была воровка. Воровала я, потому что мать моя бродила по улицамъ безъ пристанища, когда я была еще маленькою дѣвочкой. Уличною же бродягой мать моя стала вслѣдствіе того, что джентльменъ, бывшій моимъ отцомъ, бросилъ ее. Нѣтъ надобности распространяться о такой обыкновенной исторіи. Она и безъ того слишкомъ часто разказывается въ газетахъ.

„Леди Вериндеръ была очень добра ко мнѣ, и мистеръ Бетереджъ также былъ весьма добръ. Они двое, да еще надзирательница въ исправительномъ пріютѣ, вотъ единственные добрые люди, которыхъ я встрѣчала во всю свою жизнь.

„Я могла бы прожить на своемъ мѣстѣ—не счастливо,—но все-таки прожить, не будь вашего посѣщенія. *Васъ* я не упрекаю, сэръ. Это моя вина, вся вина моя. Помните ли то утро какъ вы, отыскивая мистера Бетереджа, вышли къ намъ изъ-за песчаныхъ холмовъ? Вы показались мнѣ сказочнымъ принцемъ. Вы были похожи на суженаго, который является во снѣ. Я еще не видывала человѣка, столь достойнаго обожанія. Что-то похожее на вкушеніе земнаго счастія, котораго я никогда еще не знавала, взыграло во мнѣ въ тотъ же мигъ, какъ я увидѣла васъ. Не смѣйтесь надъ этимъ, если въ силахъ. О, еслибъ я могла дать вамъ почувствовать, какъ это нешуточно *во мнѣ!*

„Я вернулась домой, написала въ своемъ рабочемъ ящичкѣ ваше имя вмѣстѣ съ моимъ и начертила подъ ними узелъ вѣрныхъ любовниковъ. Тутъ какой-то демонъ, нѣтъ, лучше сказать, какой-то добрый ангелъ, шепнулъ мнѣ: „поди, поглядись въ зеркало“. Зеркало сказало мнѣ.... все равно, что бы то ни было. Я была слишкомъ глупа, чтобы внять предостереженію. Я все больше и больше влюблялась въ васъ, точно леди равнаго съ вами званія, или первая изъ всѣхъ красавицъ, которыми вы любовались. Я старалась,—Боже мой, какъ старалась!—чтобъ вы взглянули на меня. Еслибы вы знали какъ я плакала по ночамъ съ горя и досады, что вы никогда не замѣчали меня, вы, быть-можетъ, пожалѣли бы обо мнѣ и хоть изрѣдка дарили бы меня взглядомъ, чтобъ я могла жить имъ.

„Пожалуй, то былъ бы не совсѣмъ добрый взглядъ, еслибы вы знали какъ я ненавидѣла миссъ Рахиль. Я, кажется, прежде васъ самихъ догадалась, что вы влюблены въ нее. Она все

Digitized by Google

дарила вамъ розы въ петлицу. Ахъ, мистеръ Франклинъ, вы носили *мои* розы чаще нежели вамъ или ей приходило это въ голову! Въ то время единственное утѣшеніе мое состояло въ томъ, чтобы тайно замѣнить въ вашемъ стаканѣ съ водой ея розу моею и потомъ выбросить ея розу.

„Будь она въ самомъ дѣлѣ такъ хороша, какъ вамъ казалось, я бы, пожалуй, спокойнѣе перенесла это. Нѣтъ, я, кажется, еще больше бы злилась на нее. Что̀, еслибъ одѣть миссъ Рахиль въ платье служанки, снявъ съ нея всѣ украшенія?... Не знаю что̀ пользы въ томъ, что я вамъ пишу это. Нельзя отвергать, что она была дурно сложена; она была слишкомъ тонка. Но кто же знаетъ, что̀ нравится инымъ людямъ? Вѣдь молодымъ леди позволительны такіе поступки, за которые служанка поплатилась бы своимъ мѣстомъ. Это не мое дѣло. Я знаю, что вы не станете читать мое письмо, если я буду продолжать такимъ образомъ. Но горько слышать, какъ миссъ Рахиль называютъ хорошенькою, когда знаешь, что вся суть въ ея нарядѣ и самоувѣренности.

„Постарайтесь не выходить изъ терпѣнія, сэръ. Я перейду какъ можно скорѣе къ тому времени, которое вѣрно заинтересуетъ васъ, ко времени пропажи алмаза. Но прежде у меня на умѣ сказать вамъ еще одну вещь.

„Жизнь моя не особенно тяготила меня въ то время какъ я была воровкой. И лишь послѣ того какъ въ исправительномъ пріютѣ научили меня сознавать свое паденіе и стараться исправиться, настали долгіе, томительные дни. Мной овладѣли мысли о будущности. Я почувствовала, какимъ страшнымъ упрекомъ были мнѣ эти честные люди, даже добрѣйшіе изъ честныхъ людей. Куда бы я ни шла, что̀ бы я ни дѣлала, съ какими бы лицами не встрѣчалась, чувство одиночества разрывало мнѣ сердце. Я знаю, что должна была поладить съ прочею прислугой на новомъ мѣстѣ. Но мнѣ почему-то не удалось подружиться съ ними. У нихъ былъ такой видъ (или это мнѣ казалось только), какъ будто они подозрѣвали *чѣмъ* я была прежде. Я не сожалѣю, далеко нѣтъ, что во мнѣ пробудили усилія исправиться, но право же, право, жизнь эта была томительна. Вы сначала промелькнули въ ней лучомъ солнца, но потомъ и вы измѣнили мнѣ. Я имѣла безуміе любить васъ и никогда не могла привлечь ваше вниманіе. Въ этомъ была бездна горя, истинно бездна горя.

Digitized by Google

„Теперь я перехожу къ тому, что̀ хотѣла сказать вамъ. Въ тѣ дни скорби, я раза два или три, когда наступала моя очередь идти со двора, ходила на свое любимое мѣстечко, къ валу надъ зыбучими песками, и говорила про себя: „Кажется, здѣсь будетъ всему конецъ. Когда станетъ невыносимо, здѣсь будетъ всему конецъ.“ Вы поймете, сэръ, что еще до вашего пріѣзда это мѣсто въ нѣкоторомъ родѣ околдовало меня. Мнѣ все казалось, что со мной что-то случится на зыбучихъ пескахъ. Но я никогда не смотрѣла на нихъ какъ на средство раздѣлаться съ собой, пока не настало время, о которомъ я пишу теперь. Тутъ я подумала, что это мѣсто мигомъ положитъ конецъ всѣмъ моимъ огорченіямъ и скроетъ меня самое на вѣки.

„Вотъ все, что̀ я хотѣла разказать вамъ о себѣ съ того утра, какъ я впервые увидала васъ, и до того утра, когда поднялась тревога во всемъ домѣ по случаю пропажи алмаза.

„Я была такъ раздражена глупою болтовней служанокъ, доискивавшихся на кого именно должно пасть первое подозрѣніе, и такъ сердита на васъ (ничего еще не зная въ то время) за ваши заботы о розыскѣ алмаза и за приглашеніе полицейскихъ, что держалась какъ можно дальше отъ всѣхъ до тѣхъ поръ, пока не пріѣхалъ къ вечеру чиновникъ изъ Фризингалла. Мистеръ Сигревъ, какъ вы можете припомнить, началъ съ того, что поставилъ караулъ у спаленъ служанокъ, и всѣ женщины въ бѣшенствѣ пошли за нимъ на верхъ, требуя, чтобъ онъ объяснилъ нанесенное имъ оскорбленіе. Я пошла вмѣстѣ со всѣми, потому что, еслибы поведеніе мое отличалось отъ прочихъ, такого сорта человѣкъ какъ мистеръ Сигревъ тотчасъ бы заподозрилъ меня. Мы нашли его въ комнатѣ миссъ Рахили. Онъ сказалъ намъ, что здѣсь не мѣсто кучѣ женщинъ, указалъ пятно на раскрашенной двери, говоря, что это дѣло нашихъ юбокъ, и отослалъ насъ обратно внизъ.

„Выйдя изъ комнаты миссъ Рахили, я пріостановилась на одной изъ площадокъ лѣстницы, чтобы посмотрѣть, ужь не *мое* ли платье какъ-нибудь запачкалось этою краской. Пенелопа Бетереджъ (единственная служанка, съ которою я была на дружеской ногѣ) шла мимо и замѣтила что̀ я дѣлаю.

„— Не безпокойтесь, Розанна, сказала она, — краска на двери у миссъ Рахили высохла уже нѣсколько часовъ тому

Digitized by Google

назадъ. Еслибы мистеръ Сигревъ не поставилъ караула у нашихъ спалень, я бы и ему то же сказала. Не знаю, какъ *вамъ* кажется, а меня еще во всю жизнь мою такъ не оскорбляли!

„Пенелопа была дѣвушка нрава горячаго. Я успокоила ее и обратилась къ сказанному ею насчетъ того, что краска ужъ нѣсколько часовъ какъ высохла.

„— Почемъ вы это знаете? спросила я.

„— Вѣдь я все вчерашнее утро пробыла съ мистеромъ Франкликомъ и миссъ Рахилью, сказала Пенелопа:—готовила имъ краски, пока они доканчивали дверь. Я слышала какъ миссъ Рахиль спросила: высохнетъ ли дверь къ вечеру во-время, чтобы гости могли взглянуть на нее. А мистеръ Франкликъ покачалъ головой и сказалъ, что она высохнетъ часовъ черезъ двѣнадцать, не раньше. Дѣло было послѣ закуски, пробило три часа, а они еще не кончили. Какъ по вашей ариѳметикѣ выходитъ, Розанна? По-моему, дверь высохла сегодня въ три часа утра.

„— Кто-нибудь изъ дамъ не ходилъ ли вчера вечеромъ взглянуть на нее? спросила я. — Кажется, я слышала какъ миссъ Рахиль остерегала ихъ держаться подальше отъ двери.

„— Ни одна изъ дамъ не запачкалась, отвѣтила Пенелопа.—Я вчера уложила миссъ Рахиль въ постель въ двѣнадцать часовъ, осмотрѣла дверь, и никакой порчи на ней еще не было.

„— Не слѣдуетъ ли вамъ сказать это мистеру Сигреву, Пенелопа?

„— Я ни за что въ свѣтѣ и словомъ не помогу мистеру Сигреву!

„Она взялась за свое дѣло, а я за свое. Мое дѣло, сэръ, состояло въ томъ, чтобъ оправить вашу постель и убрать комнату. То были мои счастливѣйшіе часы во весь день. Я всегда цѣловала подушку, на которой ночью покоилась ваша голова. Не знаю кто вамъ служилъ въ послѣдствіи, но платье ваше никогда не было такъ тщательно сложено, какъ я складывала его для васъ. Изъ всѣхъ мелочей вашего туалета ни на одной пятнышка не бывало. Вы никогда не замѣчали этого, такъ же какъ не замѣчали меня самое. Простите меня, я забываюсь. Поспѣшу продолжать.

„Ну, такъ я пошла въ то утро убирать вашу комнату. На постели валялся вашъ шлафрокъ, какъ вы его сбросили. Я

Digitized by Google

бодрала его, хотѣла сложить и вдругъ увидѣла, что онъ запачканъ въ краскѣ съ двери миссъ Рахили!

„Я такъ испугалась этого открытія, что выбѣжала вонъ со шлафрокомъ въ рукахъ, пробралась чрезъ заднюю лѣстницу и заперлась въ своей комнатѣ, чтобъ осмотрѣть его въ такомъ мѣстѣ, гдѣ никто не помѣшалъ бы мнѣ.

„Какъ только я пришла въ себя, мнѣ тотчасъ вспомнился разговоръ съ Пенелопой, и я сказала себѣ: „вотъ доказательство, что онъ былъ въ комнатѣ миссъ Рахили между „прошлою полночью и тремя часами нынѣшняго утра!"

„Не стану разъяснять простыми словами, каково было первое подозрѣніе, промелькнувшее въ моемъ умѣ при этомъ открытіи. Вы только разсердились бы, а разсердясь, вы можете разорвать мое письмо и не дочитать его.

„Позвольте мнѣ ограничиться лишь слѣдующимъ. Обсудивъ, на сколько у меня хватило умѣнья, я поняла, что это невѣроятно, и я вамъ скажу почему именно. Еслибы вы были въ комнатѣ миссъ Рахили, въ такое время ночи, съ ея вѣдома (и еслибы вы неблагоразумно забыли остеречься отъ сырой двери), *она* бы напомнила вамъ, *она* бы не дозволила вамъ унести съ собой такую улику противъ нея, какова улика, на которую я смотрю теперь! Въ то же время сознаюсь, что я не была вполнѣ увѣрена въ ошибочности своихъ подозрѣній. Не забудьте, что я сознавалась въ ненависти къ миссъ Рахили. Припишите все это, если можете, небольшой долѣ той ненависти. Кончилось тѣмъ, что я рѣшилась удержать у себя шлафрокъ, выжидать и высматривать не пригодится ли онъ на что-нибудь. Помните, пожалуста, въ это время мнѣ еще и на мысль не приходило, что это *вы* украли алмазъ."

Тутъ я вторично прервалъ чтеніе письма.

Лично меня касавшіеся отрывки признанія несчастной женщины я прочелъ съ неподдѣльнымъ изумленіемъ и, говоря по совѣсти, съ искреннею скорбію. Я сожалѣлъ, искренно сожалѣлъ, что такъ легкомысленно оскорбилъ ея память, не видавъ ни строчки ея письма. Но когда я дошелъ до вышеприведеннаго отрывка, сознаюсь, что въ умѣ моемъ все болѣе и болѣе накоплялось горечи противъ Розанны Спермаэ, во мѣрѣ того какъ я продолжалъ чтеніе.

„Прочтите остальное про себя, сказалъ я, передавая письмо черезъ столъ Ветереджу. — Если тамъ есть что-

Digitized by Google

нибудь такое, что̀ мнѣ *слѣдуетъ* знать, вы можете передавать мнѣ по мѣрѣ чтенія.

— Понимаю васъ, мистеръ Франклинъ, отвѣтилъ онъ,—съ *вашей* стороны это совершенно естественно, сэръ. Но, да проститъ намъ Богъ! прибавилъ онъ, понизивъ голосъ:—оно не менѣе естественно и съ *ея* стороны.

Продолжаю списывать письмо съ оригинала, хранящагося у меня.

„Рѣшась удержать у себя шлафрокъ и посмотрѣть, какую пользу могу я извлечь изъ него въ будущемъ для своей любви или мести (право, не знаю чего именно), я должна была придумать какъ бы мнѣ удержать его, не рискуя тѣмъ что объ этомъ дознаются.

„Единственный способъ—сшить другой точно такой же шлафрокъ, прежде чѣмъ наступитъ суббота, въ которую явится прачка съ ея счетомъ бѣлья по всему дому.

„Я не хотѣла откладывать до слѣдующаго дня (пятницы), боясь, чтобы не случилось чего-нибудь въ этотъ промежутокъ. Я рѣшилась сшить новый шлафрокъ въ тотъ же день (въ четвергъ), пока еще могла разчитывать на свободное время, если ловко распоражусь своею игрой. Первымъ дѣломъ (послѣ того какъ я заперла шлафрокъ въ свой коммодъ) надо было вернуться къ вамъ въ спальню, не столько для уборки (это и Пенелопа сдѣлала бы за меня, еслибъ я попросила ее), сколько для того чтобы развѣдать, не запачкали ли вы своимъ шлафрокомъ постель или что-нибудь изъ комнатной меблировки.

„Я внимательно осмотрѣла все и, наконецъ, нашла нѣсколько чуть замѣтныхъ пятнышекъ краски на изнанкѣ вашей блузы,—не полотняной, которую вы обыкновенно носили въ лѣтнее время, но фланелевой блузы, также привезенной вами съ собою. Вы, должно-быть, озябли, расхаживая въ одномъ шлафрокѣ, и надѣли первое что̀ нашли потеплѣе. Какъ бы то ни было, эти пятнышки чуть виднѣлись на изнанкѣ блузы. Я легко уничтожила ихъ, выщипавъ мякоть фланели. Послѣ этого единственною уликой противъ васъ оставалась та, которую я заперла къ себѣ въ коммодъ.

„Только-что я кончила уборку вашей комнаты, меня позвали къ мистеру Сигреву на допросъ, вмѣстѣ съ остальною прислугой. Затѣмъ обыскали всѣ наши ящики. А затѣмъ послѣдовало самое чрезвычайное событіе въ тотъ день,—

Digitized by Google

для *меня*,—послѣ того, какъ я нашла пятно на вашемъ шлафрокѣ. Произошло оно по случаю вторичнаго допроса Пенелопы Бетереджъ мистеромъ Сигревомъ.

„Пенелопа вернулась къ намъ внѣ себя отъ бѣшенства на мистера Сигрева за его обращеніе съ ней. Онъ намекнулъ, какъ нельзя яснѣе, что подозрѣваетъ ее въ кражѣ. Всѣ мы равно удивились, услыхавъ это, и спрашивали: почему?

„— Потому что алмазъ былъ въ комнатѣ миссъ Рахили, отвѣтила Пенелопа,—и потому что я послѣднею вышла изъ этой комнаты прошлую ночь.

„Чуть ли не прежде чѣмъ слова эти вышли изъ устъ ея, я вспомнила, что другое лицо было въ этой комнатѣ позднѣе Пенелопы. Это лицо были вы. Голова у меня закружилась, и мысли страшно спутались. Между тѣмъ, нѣчто шептало мнѣ, что пятно на вашемъ шлафрокѣ можетъ имѣть совершенно иное значеніе нежели то, какое я придавала ему до сихъ поръ. „Если подозрѣвать послѣдняго бывшаго въ комнатѣ“, подумала я про себя: — „то воръ не Пенелопа, а мистеръ Франклинъ Блекъ!“ Будь это другой джентльменъ, мнѣ кажется, я устыдилась бы подозрѣвать его въ кражѣ, еслибы такое подозрѣніе промелькнуло у меня въ умѣ.

„Но одна мысль, что вы унизились до одного уровня со мной, и что завладѣвъ вашимъ шлафрокомъ, я въ то же время завладѣла и средствами предохранить васъ отъ открытія и позора на всю жизнь,—я говорю, сэръ, одна эта мысль подавала мнѣ такой поводъ надѣяться на вашу благосклонность, что я, можно сказать, зажмурясь перешла отъ подозрѣнія къ увѣренности. Я тутъ же порѣшила въ умѣ, что вы болѣе всѣхъ выказывали свои хлопоты о полиціи для того, чтобъ отвести намъ глаза, и что похищеніе алмаза не могло совершиться помимо вашихъ рукъ.

„Волненіе при этомъ новомъ открытіи, кажется, на время вскружило мнѣ голову; я почувствовала такое жгучее желаніе видѣть васъ,—попытать васъ словечкомъ или двумя насчетъ алмаза и такимъ образомъ *заставить* васъ посмотрѣть на меня, поговорить со мной,—что я убрала себѣ волосы, прихорошилась, какъ могла, и смѣло пошла въ библіотеку, гдѣ вы писали, какъ мнѣ было извѣстно.

„Вы оставили на верху одинъ изъ своихъ перстней, который послужилъ мнѣ наилучшимъ предлогомъ зайдти къ

Digitized by Google

вамъ, но если вы когда-нибудь любили, сэръ, вы поймете, какъ вся моя храбость остыла, когда я вошла въ комнату и очутилась въ вашемъ присутствіи. И тутъ вы такъ холодно взглянули на меня, такъ равнодушно поблагодарили меня за найденное кольцо, что у меня заморожали колѣна, и я боялась упасть на полъ къ вашимъ ногамъ. Поблагодаривъ меня, вы снова, если припомните, стали писать. Я была такъ раздосадована подобнымъ обращеніемъ, что собралась съ духомъ, чтобы заговорить. „Странное дѣло этотъ алмазъ, сэръ", сказала я. А вы опять подняли глаза и сказали: „да, странное!" Вы отвѣчали вѣжливо (я не отвергаю этого); но все-таки соблюдали разстояніе, — жестокое разстояніе между нами. Такъ какъ я думала, что пропавшій алмазъ спрятанъ у васъ гдѣ-нибудь при себѣ, то холодность вашихъ отвѣтовъ до того раздражила меня, что я осмѣлилась, въ пылу минуты, намекнуть вамъ. Я сказала: „вѣдь имъ никогда не найдти „алмаза, сэръ, не правда ли? Нѣтъ! Ни того кто его взялъ.— „ужь я за это поручусь." Я кивнула головой и улыбнулась вамъ, какъ бы говоря: знаю! *На этотъ* разъ вы взглянули на меня съ чѣмъ-то въ родѣ любопытства; и я почувствовала, что еще нѣсколько словъ съ вашей или съ моей стороны могутъ вызвать наружу всю истину. Но именно въ эту минуту все испортилъ мистеръ Бетереджъ, подойдя къ двери. Я узнала его походку и узнала также, что присутствіе мое въ библіотекѣ въ такое время дня противно его правиламъ, — ужь не говоря о присутствіи моемъ наединѣ съ вами. Я успѣла выйдти сама, прежде чѣмъ онъ могъ войдти и сказать мнѣ, чтобъ я шла. Я была сердита и ошиблась въ разчетахъ; но, несмотря на все это, еще не теряла надежды. Ледъ-то, понимаете ли, ужь тронулся между нами, а на слѣдующій разъ я надѣялась позаботиться о томъ, чтобы мистеръ Бетереджъ не подвертывался.

„Когда я вернулась въ людскую, колоколъ звалъ васъ къ обѣду. Полдень ужь прошелъ! А надо было еще доставать матеріалъ для новаго шлафрока! Достать его можно было лишь однимъ способомъ. За обѣдомъ я притворилась больною и такимъ образомъ обезпечила въ полное свое распоряженіе все время до вечерняго чаю.

„Нѣтъ надобности говорить вамъ чѣмъ я занималась, пока домашніе думали что я лежу въ постели въ своей комнатѣ, и какъ я провела ночь, послѣ того какъ опять притворилась

Digitized by Google

больною во время чаю и была отослана въ постель. Приставъ Коффъ открылъ по крайней мѣрѣ это, если не открылъ ничего болѣе. И я могу догадываться какимъ образомъ. Меня узнали (хотя и съ опущеннымъ вуалемъ) въ хлѣбной лавкѣ въ Фризингаллѣ. Какъ разъ противъ меня, за прилавкомъ, у котораго я покупала полотно, стояло зеркало; и въ этомъ-то зеркалѣ я увидала, какъ одинъ изъ прикащиковъ показалъ другому на мое плечо и шепнулъ что-то. Ночью, тайно работая взаперти въ своей комнатѣ, я слышала за дверью шепотъ служанокъ, которыя подсматривали за мной.

„Въ этомъ не было важности; нѣтъ ея и теперь. Въ пятницу поутру, задолго до пріѣзда пристава Коффа, новый шлафрокъ,—для пополненія вашего гардероба на мѣсто взятаго мною,—былъ сшитъ, вымытъ, высушенъ, выглаженъ, перемѣченъ, сложенъ точь-въ-точь какъ прачка складывала бѣлье, и положенъ къ вамъ въ комодъ. Нечего было бояться (въ случаѣ осмотра бѣлья по всему дому), что новизна шлафрока обличитъ меня. Когда вы пріѣхали въ нашъ домъ, ваше бѣлье было только-что куплено,—вѣроятно по случаю возвращенія домой изъ-за границы.

„Вслѣдъ затѣмъ прибылъ приставъ Коффъ, и каково же было мое удивленіе, когда я услыхала то, что̀ *онъ* думалъ о пятнѣ на двери.

„Я считала васъ виновнымъ (какъ я признавалась уже) скорѣе потому, что мнѣ хотѣлось этого. И вотъ приставъ совершенно инымъ путемъ пришелъ къ одинаковому со мной выводу! И платье, единственная улика противъ васъ, въ моихъ рукахъ! И ни одна живая душа, даже вы сами, не знаетъ этого! Я боюсь передавать вамъ, что̀ я почувствовала, вспомнивъ эти обстоятельства,—вы послѣ того возненавидѣли бы память обо мнѣ.“

На этомъ мѣстѣ Бетереджъ взглянулъ на меня чрезъ письмо.

— До сихъ поръ ни малѣйшаго проблеска, мистеръ Франклинъ! проговорилъ старикъ, снимая тяжелыя очки въ черепаховомъ станкѣ и слегка отодвигая отъ себя признаніе Розанны Сперманъ; — не пришли ли вы къ какому-нибудь заключенію, сэръ, пока я читалъ?

— Сперва докончите письмо, Бетереджъ, можетъ быть, въ концѣ найдется нѣчто бросающее свѣтъ. Послѣ того я скажу вамъ словечка два.

— Очень хорошо, сэръ. Я только дамъ отдохнуть глазамъ

Digitized by Google

и потомъ буду продолжать. А пока, мистеръ Франклинъ, я не тороплю васъ; но не потрудитесь ли сказать мнѣ хоть однимъ словечкомъ, видите ли вы, какъ вамъ выбраться изъ этой ужасной каши?

— Вижу только, что мнѣ надо выбраться отсюда опять въ Лондонъ, сказалъ я, — и посовѣтоваться съ мистеромъ Броффомъ. Если онъ не поможетъ мнѣ....

— Да, сэръ?

— И если приставъ не выйдетъ изъ своего уединенія въ Доркингѣ....

— Не выйдетъ, мистеръ Франклинъ!

— Въ такомъ случаѣ, Бетереджъ, — на сколько я понимаю теперь,—я истощилъ всѣ свои средства. Послѣ мистера Броффа и пристава я не знаю никого, кто бы могъ принести мнѣ хоть малѣйшую пользу.

Между тѣмъ какъ я говорилъ, кто-то постучался въ дверь.

Бетереджъ, повидимому, былъ столько же удивленъ какъ и раздосадованъ этою помѣхой.

— Войдите, раздражительно крикнулъ онъ, — кто тамъ такой!

Дверь отворилась, и къ намъ тихонько вошелъ человѣкъ такой замѣчательной наружности, какой мнѣ еще не случалось видать. Судя по его стану и тѣлодвиженіямъ, онъ былъ еще молодъ. Судя по его лицу, если сравнить его съ Бетереджемъ, онъ казался старѣе послѣдняго. Цвѣтъ его лица былъ цыгански смуглъ; исхудалыя щеки вдались глубокими впадинами, надъ которыми скулы выдавались навѣсомъ. Носъ у него былъ той изящной формы, что̀ такъ часто встрѣчается у древнихъ народовъ Востока и которую такъ рѣдко приходится видѣть у новѣйшихъ племенъ Запада. Лобъ его поднимался высоко и прямо отъ бровей, съ безчисленнымъ множествомъ морщинъ и складочекъ. Въ этомъ странномъ лицѣ еще страннѣе были глаза: нѣжно-каріе, задумчивые и грустные, глубоко впалые глаза эти смотрѣли на васъ и (по крайней мѣрѣ такъ было со мной) произвольно завладѣвали вашимъ вниманіемъ. Прибавьте къ этому массу густыхъ, низко-курчавыхъ волосъ, которые по какой-то прихоти природы посѣдѣли удивительно причудливо и только мѣстами. На маковкѣ они еще сохраняли свой природный цвѣтъ воронова крыла. Отъ висковъ же вокругъ головы, — безъ малѣйшаго перехода просѣди для умаленія

Digitized by Google

противоположности, — они совершенно побѣлѣли. Граница двухъ цвѣтовъ не представляла никакой правильности. Въ одномъ мѣстѣ бѣлые волосы взбѣгали въ чернь, въ другомъ черные ниспадали въ сѣдину. Я смотрѣлъ на этого человѣка съ любопытствомъ, котораго, стыдно сознаться, никакъ не могъ преодолѣть. Нѣжно-карiе глаза его кротко размѣнялись со мной взглядомъ, и онъ встрѣтилъ невольную грубость моего взгляда извиненiемъ, котораго я, по совѣсти, вовсе не заслуживалъ.

— Прошу прощенiя, сказалъ онъ, — я никакъ не думалъ, что мистеръ Бетереджъ занятъ.

Онъ вынулъ изъ кармана листъ бумаги и подалъ его Бетереджу.

— Списокъ на будущую недѣлю, проговорилъ онъ.

Глаза его лишь на одинъ мигъ остановились на мнѣ, и затѣмъ онъ такъ же тихо вышелъ изъ комнаты, какъ и вошелъ.

— Кто это? спросилъ я.

— Помощникъ мистера Канди, сказалъ Бетереджъ; — кстати, мистеръ Франклинъ, вамъ жаль будетъ слышать, что маленькiй докторъ до сихъ поръ еще не оправился отъ болѣзни, которую схватилъ, возвращаясь домой съ обѣда въ день рожденiя. Здоровье его такъ себѣ; но памяти онъ вовсе лишился во время горячки, и съ тѣхъ поръ отъ нея остались одни обрывки. Вся практика пала на помощника. Да ея теперь и немного, кромѣ бѣдныхъ. *Имъ*-то ужь нечего дѣлать. *Имъ* надо ужь довольствоваться этимъ пѣгимъ цыганомъ, а то и вовсе некому будетъ лѣчить ихъ.

— Вы, кажется, не любите его, Бетереджъ?

— Его никто не любитъ, сэръ.

— Отчего жь онъ такъ непопулярен?

— Ну, начать съ того, мистеръ Франклинъ, что и наружность не въ пользу его. А потомъ разказываютъ, что мистеръ Канди принялъ къ себѣ весьма темную личность. Никто не знаетъ кто онъ такой, и нѣтъ у него ни одного прiятеля въ околоткѣ. Какъ же ожидать, чтобъ его полюбили послѣ этого?

— Конечно, это невозможно! Позвольте узнать, что̀ ему нужно было, когда онъ передалъ вамъ этотъ лоскутокъ бумаги?

— Да вотъ принесъ мнѣ еженедѣльный списокъ больныхъ, которымъ нужно давать немножко вина. Миледи всегда

Digitized by Google

аккуратно раздавала добрый крѣпкій портвейнъ и хересъ больнымъ бѣднякамъ, и миссъ Рахиль желала, чтобъ обычай этотъ соблюдался. Не тѣ ужь времена-то! Не тѣ! Помню я, какъ мистеръ Кавди самъ приносилъ списокъ моей госпожѣ. Теперь помощникъ мистера Кавди приноситъ его мнѣ самому. Ужь я буду продолжать письмо, если позволите, сэръ, сказалъ Бетереджъ, потянувъ къ себѣ призваніе Розанны Спермана;—не весело его читать, согласенъ. Да все же лучше: не раскисну, вспоминая о прошломъ.

Онъ надѣлъ очки и уныло покачалъ головой.

— Сколько здраваго смысла, мистеръ Франклинъ, въ нашемъ поведеніи относительно матерей, когда онѣ впервые отправляютъ насъ въ жизненный путь. Всѣ мы болѣе или менѣе неохотно являемся на свѣтъ. И правы мы всѣ до единаго.

Помощникъ мистера Кавди произвелъ на меня слишкомъ сильное впечатлѣніе, чтобъ я могъ такъ скоро забыть о немъ. Я пропустилъ неопровержимое изреченіе Бетереджевой философіи и возвратился къ нѣгому человѣку.

— Какъ его имя? спросилъ я.

— Какъ нельзя быть хуже, проворчалъ Бетереджъ. — Ездра Дженнингсъ.

V.

Сказавъ мнѣ имя помощника мистера Кавди, Бетереджъ, повидимому, нашелъ, что уже довольно потрачено времени на пустяки. Онъ принялся за просмотръ письма Розанны Спермана. Съ своей стороны, я сидѣлъ у окна, поджидая пока онъ кончитъ. Мало-по-малу впечатлѣніе, произведенное на меня Ездрой Дженнингсомъ, изгладилось. Да и то уже кажется совершенно необъяснимо, что въ моемъ положеніи кто-нибудь могъ произвесть на меня какое бы то ни было впечатлѣніе. Мысли мои приняли прежнее направленіе. Еще разъ поневолилъ я себя смѣло взглянуть на свое невѣроятное положеніе. Еще разъ пробѣжалъ я въ умѣ тотъ планъ дѣйствія, который начерталъ себѣ на будущее время, коекакъ собравшись съ духомъ.

Нынче же вернуться въ Лондонъ, изложить все дѣло мистеру Броффу, и наконецъ главное: добиться (какимъ бы то ни было средствомъ, цѣной какихъ бы то ни было жертвъ) личнаго свиданія съ Рахилью,—вотъ каковъ былъ

Digitized by Google

мой планъ дѣйствія, насколько я могъ обдумать его въ то время. До отхода поѣзда оставалось еще болѣе часа. Кромѣ того, Бетереджъ, пожалуй, могъ найдти въ непрочитанной еще части письма нѣчто такое, что мнѣ пригодилось бы къ свѣдѣнію, прежде чѣмъ я выйду изъ дому, въ которомъ пропалъ алмазъ.

Письмо оканчивалось такъ:

„Вамъ не изъ чего гнѣваться, мистеръ Франклинъ, еслибъ я даже почувствовала нѣкоторое торжество, узнавъ, что вся ваша будущность у меня въ рукахъ. Тревога и страхъ скорехонько вернулись ко мнѣ. Вслѣдствіе принятой имъ точки зрѣнія на пропажу алмаза, приставъ Коффъ навѣрно кончилъ бы пересмотромъ вашего бѣлья и платья. Ни въ моей комнатѣ, ни во всемъ домѣ не было мѣста, которое я могла бы счесть безопаснымъ. Какъ же спрятать шлафрокъ такимъ образомъ, чтобы самъ приставъ не могъ найдти его? И какъ это сдѣлать, не теряя ни минуты драгоцѣннаго времени? Не легко было отвѣтить на эти вопросы. Нерѣшительность моя привела къ такому средству, которое можетъ заставить васъ разсмѣяться. Я раздѣлась и накинула шлафрокъ на себя. Вы носили его,—и то ужь нѣкоторое удовольствіе, что я надѣла его послѣ васъ. Вслѣдъ за тѣмъ вѣсти въ людской показали мнѣ, что я какъ разъ во-время успѣла спрятать шлафрокъ. Приставъ Коффъ потребовалъ на просмотръ книжку, въ которой велся счетъ прачки.

„Я нашла ее и привесла ему въ гостиную миледи. Въ прошлыя времена мы не разъ встрѣчались съ приставомъ Коффомъ. Я была увѣрена, что онъ узнаетъ меня,—но не знала что онъ предприметъ, увидавъ меня въ числѣ служанокъ дома, въ которомъ пропалъ драгоцѣнный камень. Въ такой неизвѣстности, я чувствовала, что мнѣ легче будетъ, если я встрѣчусь съ нимъ какъ можно скорѣе и сразу выясню себѣ, чего я должна ожидать.

„Когда я подала ему книжку со счетомъ бѣлья, онъ посмотрѣлъ на меня какъ на незнакомую и съ особенною вѣжливостью поблагодарилъ за то, что я привесла ее. Я сочла и то, и другое весьма плохимъ предзнаменованіемъ. Какъ знать, что онъ скажетъ обо мнѣ за-глаза; какъ знать, не возьмутъ ли меня подъ стражу, вслѣдствіе подозрѣнія, и не произведутъ ли обыска. Въ то время вы должны были

Digitized by Google

вернуться съ проводовъ мистера Годфрея Абльвайта на желѣзную дорогу. Я пошла на любимую вашу дорожку въ кустарникахъ попытать еще разъ, не удастся ли заговорить съ вами,—я вовсе не думала тогда, что это будетъ послѣднимъ разомъ, въ который попытка еще возможна.

„Вы не являлись, и что всего хуже: мистеръ Бетереджъ, съ приставомъ Коффомъ, прошли мимо того мѣста гдѣ я пряталась,—и приставъ замѣтилъ меня.

„Послѣ этого мнѣ ничего болѣе не оставалось какъ вернуться, до новыхъ бѣдъ, на свое мѣсто, къ своему дѣлу. Въ ту самую минуту какъ я хотѣла перейдти тропинку, вы прибыли съ желѣзной дороги. Вы шли прямо на кустарникъ, да вдругъ увидали меня,—я увѣрена, сэръ, что вы меня видѣли,—свернули въ сторону, словно отъ зачумленной, и вошли въ домъ. * Я кое-какъ вернулась домой чрезъ людской входъ. Въ это время въ прачешной никого не было, и я сѣла тамъ посидѣть. Я уже говорила вамъ, какія мысли приходили мнѣ въ голову на зыбучихъ пескахъ. Эти мысли вернулись ко мнѣ теперь. Я размышляла о томъ, что будетъ тяжелѣе,—если дѣла пойдутъ все также,—перенести ли равнодушіе мистера Франклина Блека, или кинуться въ песчаную зыбь и такимъ образомъ покончить на-вѣки вѣчные?

„Напрасно было бы требовать отъ меня, чтобъ я объяснила свое тогдашнее поведеніе. Я стараюсь,—но и сама не могу понять его.

„Зачѣмъ я не остановила васъ, когда вы такъ жестоко избѣгали меня? Зачѣмъ я не крикнула: мистеръ Франклинъ, мнѣ нужно кое-что сказать вамъ; это касается васъ, вы непремѣнно должны выслушать? Вы были въ моей власти, вы, какъ говорится, попались мнѣ на веревочку. И что всего лучше (еслибы вы только довѣрились мнѣ), я имѣла средства быть вамъ полезною въ будущемъ. Разумѣется, я никакъ не думала, чтобы вы, джентльменъ, украли алмазъ изъ любви къ воровству. Нѣтъ. Пенелопа слышала отъ миссъ Рахили, а я—отъ мистера Беттереджа, о вашемъ мотовствѣ и вашихъ долгахъ. Мнѣ было ясно, что вы взяли алмазъ,

* *Примѣчаніе Франклина Блека.* Бѣдняжка рѣшительно ошиблась. Я вовсе не видалъ ея. Я дѣйствительно хотѣлъ пройдтись по кустарнику. Но въ ту же минуту, вспомнивъ, что тетушка можетъ пожелать видѣть меня по возвращеніи съ желѣзной дороги, перемѣнилъ намѣреніе и вошелъ въ домъ.

Digitized by Google

чтобы продать или заложить его и такимъ образомъ достать денегъ, въ которыхъ нуждались. Ну! Я могла бы указать вамъ въ Лондонѣ одного человѣка, который ссудилъ бы вамъ кругленькую сумму подъ залогъ драгоцѣнности, не затрудняя васъ лишними разспросами насчетъ ея происхожденія.

„Зачѣмъ я не заговорила съ вами?

„Зачѣмъ не заговорила!

„Неужели страхъ и трудность сохраненія у себя шлафрока такъ поглотили всѣ мои способности, что ихъ не осталось для борьбы съ другими страхами и затрудненіями? Такъ могло быть съ иною женщиной, но не могло быть со мной. Въ прошлыя времена, будучи воровкой, я подвергалась во сто разъ худшимъ опасностямъ и выходила изъ такихъ затрудненій, предъ которыми *это* было просто ребяческою забавой. Я, можно сказать, обучалась плутнямъ и обманамъ; нѣкоторые изъ нихъ были ведены въ такихъ огромныхъ размѣрахъ и такъ ловко, что̀ прославились и являлись въ газетахъ. Могла ли такая мелочь, какъ укрывательство шлафрока, подавить мой разсудокъ и стѣснить сердце въ то время, когда мнѣ слѣдовало говорить съ вами? Нелѣпый вопросъ! Этого не могло быть.

„Что̀ пользы останавливаться на своей глупости? Вѣдь правда проста? За глаза я любила васъ всѣмъ сердцемъ, всею душой. Встрѣчаясь лицомъ къ лицу, — нечего запираться, — я боялась васъ; боялась, что̀ вы разгнѣваетесь на меня, боялась того, что̀ вы скажете мнѣ (хотя вы дѣйствительно *взяли* алмазъ), если я осмѣлюсь намекнуть вамъ о своемъ открытіи. Я была близехонько отъ этого, насколько хватило смѣлости, въ то время, какъ разговаривала съ вами въ библіотекѣ. Тогда вы не отвернулись отъ меня. Тогда вы не кинулись прочь отъ меня, какъ отъ зачумленной. Я старалась раздражить себя до гнѣва на васъ и такимъ бразомъ ободриться. Напрасно! Я ничего не ощущала кромѣ горя и отчаянія. „Ты простая дѣвушка; у тебя кривое плечо; ты просто горничная,—какой же смыслъ въ твоихъ попыткахъ „разговориться со мной?“ Вы не произносили этихъ словъ, мистеръ Франклинъ, но тѣмъ не менѣе вы все это высказали мнѣ! Есть ли возможность объяснить подобное безуміе? Нѣтъ, можно только сознаться въ немъ и не касаться его болѣе. Еще разъ прошу простить меня за это отступленіе. Не бойтесь, это не повторится. Теперь я скоро кончу.

Digitized by Google

„Пенелопа первая потревожила меня, войдя въ пустую комнату. Она давно провѣдала мою тайну, всѣми силами старалась возвратить меня къ разсудку и дѣлала это со всею добротой.

„— Ахъ, сказала она:—знаю я, чего вы тутъ сидите, да горюете въ одиночку. Самое лучшее и самое выгодное для васъ, Розанна, изо всего, что̀ можетъ случиться, это отъѣздъ мистера Франклина. Я думаю, что теперь онъ ужь не долго загостится въ вашемъ домѣ.

„Сколько я ни думала о васъ, мнѣ еще никогда не приходило въ голову, что вы уѣдете. Я не могла отвѣтить Пенелопѣ и только взглянула на нее.

„— Я сейчасъ отъ миссъ Рахили, продолжала Пенелопа.— Трудненько таки ладить съ ея характеромъ. Она говоритъ, что ей невыносимо быть въ этомъ домѣ вмѣстѣ съ полиціей, и рѣшилась поговорить нынче вечеромъ съ миледи, а завтра уѣхать къ своей тетушкѣ Абльвайтъ. Если она это сдѣлаетъ, то вслѣдъ за тѣмъ и у мистера Франклина найдется причина отъѣзда, будьте увѣрены!

„При этихъ словахъ я овладѣла своимъ языкомъ:

„— Вы думаете, мистеръ Франклинъ поѣдетъ съ нею? спросила я.

„— Съ величайшею охотой, еслибъ она позволила; только нѣтъ. *Ему* ужь дали почувствовать характеръ-то; *онъ* у нея тоже въ штрафной книгѣ,—и это послѣ всѣхъ его хлопотъ чтобы помочь ей, бѣдненькой! Нѣтъ, нѣтъ! Если они до завтра не поладятъ, вы увидите, что миссъ Рахиль поѣдетъ въ одну сторону, а мистеръ Франклинъ въ другую. Не знаю куда онъ направится, Розанна, только ужь не останется здѣсь по отъѣздѣ миссъ Рахили.

„Я постаралась одолѣть отчаяніе, которое почувствовала въ виду вашего отъѣзда. Правду сказать, мнѣ виднѣлся легкій проблескъ надежды въ томъ случаѣ, если у васъ съ миссъ Рахилью дѣйствительно произошла серіозная размолвка.

„— Не знаете ли, спросила я, — что̀ у нихъ за ссора?

„— Все со стороны миссъ Рахили, сказала Пенелопа,— и, что̀ бы тамъ ни говорили, все это ея характеръ и больше ничего. Мнѣ жаль огорчать васъ, Розанна; но не уходите отъ меня съ мыслію, чтобы мистеръ Франклинъ могъ когда-нибудь поссориться съ нею. Онъ слишкомъ сильно любитъ ее!

„Только что она договорила эти жестокія слова, какъ

Digitized by Google

насъ позвали къ мистеру Бетереджу. Вся домашняя прислуга должна была собраться въ залѣ. А затѣмъ всѣмъ намъ слѣдовало идти поодиночкѣ въ комнату мистера Бетереджа, на допросъ приставу Коффу.

„Послѣ допроса горничной миледи и служанки верхнихъ покоевъ настала моя очередь:

„Вопросы пристава Коффа, хотя онъ весьма хитро замаскировалъ ихъ, скоро показали мнѣ, что эти двѣ женщины (злѣйшіе враги мои во всемъ домѣ) подсматривали за мной изъ-за двери въ четвергъ послѣ полудня и въ ночь. Онѣ довольно поразказали приставу, чтобъ открыть ему глаза на нѣкоторую долю истины. Онъ справедливо полагалъ, что я тайно сшила новый шлафрокъ, но ошибался въ принадлежности мнѣ запачканнаго шлафрока. Изо всего сказаннаго имъ я убѣдилась еще въ одномъ обстоятельствѣ, котораго, впрочемъ, никакъ не могла понять. Онъ, разумѣется, подозрѣвалъ, что я замѣшана въ пропажѣ алмаза. Но въ то же время далъ мнѣ понять, съ умысломъ, какъ мнѣ казалось тогда, что не считаетъ меня главною виновницей пропажи драгоцѣннаго камня. Онъ, повидимому, думалъ, что я дѣйствовала по наущенію кого-нибудь другаго. Кто бы это могъ быть, я тогда не могла догадаться, не могу догадаться и теперь.

„Въ этой неизвѣстности ясно было только то, что приставъ Коффъ далеко не зналъ всей правды. Вы были безопасны до тѣхъ поръ, пока шлафрокъ не найденъ, и ни минуты долѣе.

„Я теряю надежду объяснить вамъ горе и ужасъ, которыя угнетали меня. Я не могла долѣе рисковать, нося вашъ шлафрокъ. Меня всякую минуту могли взять въ фризингальскую полицейскую управу, заподозрить и обыскать.

„Пока приставъ Коффъ оставитъ меня на свободѣ, мнѣ предстояло рѣшиться, и тотчасъ же, или уничтожить шлафрокъ, или спрятать его въ какое-нибудь безопасное мѣсто въ безопасномъ разстояніи отъ дому.

„Люби я васъ хоть немного поменьше, мнѣ кажется, я уничтожила бы его. Но, ахъ, могла ли я уничтожить единственную вещь бывшую въ моемъ распоряженіи, которая доказывала, что я спасла васъ? Еслибы мы дошли до объясненія другъ съ другомъ, и еслибы вы заподозрили меня въ какихъ-либо дурныхъ цѣляхъ и заперлись во всемъ, — чѣмъ бы могла я вымолить ваше довѣріе, когда шлафрока не будетъ у меня налицо? Развѣ я оказывала вамъ несправедливость,

Digitized by Google

думая въ то время, какъ и теперь, что вы поколеблетесь принять такую простую дѣвушку въ участницы своей тайны и сообщницы въ кражѣ, на которую соблазнились вслѣдствіе денежныхъ затрудненій? Если вы вспомните ваше холодное обхожденіе со мной, сэръ, то едва ли удивитесь моей неохотѣ уничтожить единственное право на ваше довѣріе и благодарность, которымъ я имѣла счастіе владѣть.

„Я рѣшилась его спрятать и выбрала наиболѣе знакомое мнѣ мѣсто—зыбучіе пески.

„Только что кончился допросъ, я извинилась подъ первымъ предлогомъ, который мнѣ пришелъ въ голову, и отпросилась подышать чистымъ воздухомъ. Я пошла прямо въ Кобсъ-Голь, въ коттеджъ мистера Іолланда. Жена и дочь его были мнѣ лучшими друзьями. Не думайте чтобъ я довѣрила имъ вашу тайну,—я никому не довѣряла. Мнѣ хотѣлось только написать вамъ это письмо и воспользоваться удобнымъ случаемъ снять съ себя шлафрокъ. Находясь подъ подозрѣніемъ, я не могла безопасно сдѣлать ни того, ни другаго у себя дома.

„И вотъ я подхожу почти къ концу своего длиннаго письма, которое пишу одна одинехонька въ спальнѣ Люси Іолландъ. Когда я кончу, то сойду внизъ и пронесу свернутый шлафрокъ подъ накидкой. Необходимыя средства для сохраненія его сухимъ и невредимымъ я найду въ кучѣ старья на кухнѣ миссъ Іолландъ. Потомъ пойду на зыбучіе пески,—не бойтесь, я не оставлю слѣдовъ, которые могли бы измѣнить мнѣ,—и спрячу шлафрокъ въ пескѣ, гдѣ его не отыщетъ ни одна живая душа, если я сама не открою тайны.

„А когда это будетъ сдѣлано, что̀ за тѣмъ?

„Затѣмъ, мистеръ Франклинъ, я, по двумъ причинамъ, попытаюсь еще разъ сказать вамъ тѣ слова, которыхъ до сихъ поръ еще не сказала. Если вы уѣдете, какъ думаетъ Пенелопа, и если я вамъ не скажу ихъ до этого, то навѣки потеряю случай. Вотъ первая причина. И кромѣ того, въ случаѣ еслибы вы прогнѣвались на мои слова,—меня утѣшаетъ сознаніе, что шлафрокъ у меня готовъ на защиту, лучше которой и быть не можетъ. Вотъ и вторая причина. Если обѣ онѣ вмѣстѣ вооружатъ мое сердце противъ холодности, которая до сихъ поръ леденила его (я разумѣю холодность вашего обращенія со мной), то настанетъ конецъ моимъ усиліямъ, и конецъ моей жизни.

Digitized by Google

„Да. Если я пропущу ближайшій случай,—если вы будете попрежнему жестоки ко мнѣ, и если я снова почувствую это, какъ чувствовала уже не разъ,—тогда прости бѣлый свѣтъ, поскупившійся для меня на счастье, которое даетъ другимъ. Прости жизнь, въ которой мнѣ болѣе нѣтъ никакой отрады, кромѣ *вашей* ласки, хотя бы незначительной. Не упрекайте себя, сэръ, если это такъ покончится. Но попробуйте, попытайтесь,—не можете ли вы простить и сколько-нибудь пожалѣть меня! Я позабочусь, чтобы вы узнали о томъ, что̀ я для васъ сдѣлала, когда мнѣ самой уже невозможно будетъ сказать вамъ. Помянете ли вы меня добрымъ словомъ, съ тою нѣжностью, съ которою вы обращаетесь къ миссъ Рахили? Если вы это сдѣлаете, и если тѣни умершихъ не выдумка,—мнѣ кажется, моя тѣнь услышитъ васъ въ трепетѣ восторга.

„Пора кончить. Я готова заплакать. Какъ же я отыщу куда спрятать шлафрокъ, если позволю слезамъ ослѣпить меня?

„Кромѣ того, зачѣмъ видѣть во всемъ одну мрачную сторону? Отчего не вѣрить, пока еще возможно, что все можетъ кончиться къ лучшему? Я могу застать васъ нынче въ добромъ расположеніи духа, а если нѣтъ, можетъ-быть, это удастся завтра утромъ. Вѣдь я не скрашу печалью бѣдное простенькое лицо,—не правда ли? Кто знаетъ, можетъ-быть, я напрасно исписала длинныя страницы этого письма? Оно будетъ спрятано вмѣстѣ съ шлафрокомъ, ради безопасности (есть и другая причина, но не въ томъ дѣло теперь). Трудно мнѣ было писать это письмо. Ахъ, еслибы мы наконецъ поняли другъ друга, съ какимъ наслажденіемъ я разорвала бы его! Остаюсь, сэръ, истинно любящая и покорная служанка ваша. *„Розанна Сперманъ.“*

Бетереджъ молча дочиталъ письмо, старательно вложилъ его обратно въ кувертъ и задумчиво опустилъ голову, потупивъ глаза въ землю.

— Бетереджъ, сказалъ я, — нѣтъ ли въ концѣ письма какого-нибудь намека, указанія?

Онъ медленно поднялъ голову съ тяжелымъ вздохомъ.

— Тутъ нѣтъ никакихъ указаній, мистеръ Франклинъ, отвѣтилъ онъ:—послушайтесь моего совѣта, не трогайте этого письма пока не кончатся теперешнія ваши заботы. Оно прискорбно опечалитъ васъ, когда бы вы ни прочли его. Не читайте его теперь.

Digitized by Google

Я положилъ письмо въ свой бумажникъ.

Пересмотръ шестнадцатой и семнадцатой главы Бетереджева разказа покажетъ, что я имѣлъ основаніе поберечь себя такимъ образомъ въ то время, когда силы мои подвергались жестокимъ испытаніямъ. Несчастная женщина послѣ того дважды рѣшалась на послѣднюю попытку заговорить со мной. И оба раза я имѣлъ несчастіе (видитъ Богъ, какъ неумышленно!) оттолкнуть ея начинанія. Въ пятницу вечеромъ, какъ это весьма вѣрно описываетъ Бетереджъ, она застала меня одного у билліарда. Обхожденіе и слова ея внушили мнѣ мысль,—и кому же они не внушили бы ея при такихъ обстоятельствахъ,—что она хотѣла сознаться въ преступномъ участіи относительно пропажи алмаза. Ради ея самой, я нарочно не выказалъ особеннаго любопытства, я нарочно смотрѣлъ на билліардные шары, вмѣсто того чтобы смотрѣть на *нее*,—и что̀ же было слѣдствіемъ этого? Она ушла отъ меня, оскорбленная до глубины сердца! Въ субботу,—когда она, послѣ сказаннаго ей Пенелопой, должна была предвидѣть что отъѣздъ мой близокъ, — насъ преслѣдовала та же роковая судьба. Она еще разъ попыталась встрѣтить меня на тропинкѣ у кустарниковъ и застала меня съ Бетереджемъ и приставомъ Коффомъ. Приставъ, имѣя въ виду тайную цѣль, сослался при ней на мое участіе въ Розаннѣ Спермавъ. А я снова, ради ея самой, бѣднажки, отвѣтилъ полицейскому чиновнику наотрѣзъ и громкимъ голосомъ, чтобъ она тоже могла *меня* слышать, и объявилъ, что „не принимаю никакого участія въ Розаннѣ Спермавъ". При этихъ словахъ, которыя должны были предостеречь отъ попытки къ разговору со мной наединѣ, она повернулась и ушла, сознавъ опасность, какъ мнѣ показалось тогда: на самомъ же дѣлѣ, какъ мнѣ извѣстно теперь, осудивъ себя на самоубійство. Далѣе я уже изложилъ цѣпь событій, которыя привели меня къ поразительному открытію на зыбучихъ пескахъ. Взглядъ на прошлое теперь дополненъ. Отъ самоубійства на зыбучихъ пескахъ, съ его страннымъ и страшнымъ вліяніемъ на теперешнее мое положеніе и планы будущаго, я перехожу къ интересамъ живыхъ людей въ этомъ разказѣ и къ тѣмъ событіямъ, которыя начинали уже мостить дорогу къ медленному и трудному пути изъ мрака на свѣтъ.

Digitized by Google

VI.

Само собой разумѣется, что я пошелъ на станцію желѣзной дороги въ сопровожденіи Бетереджа. Письмо я взялъ въ карманъ, а шлафрокъ бережно упаковалъ въ небольшой чемоданчикъ, съ цѣлью повергнуть то и другое на изслѣдованіе мистера Броффа въ тотъ же вечеръ.

Мы молча вышли изъ дома. Въ первый разъ еще старикъ Бетереджъ, будучи со мной, не находилъ словъ. Имѣя кое-что сказать ему съ своей стороны, я вступилъ въ разговоръ тотчасъ, какъ только мы вышли за ворота.

— Прежде чѣмъ я уѣду въ Лондонъ, началъ я,—надо предложить вамъ два вопроса. Они касаются меня и, вѣроятно, нѣсколько удивятъ васъ.

— Если только они могутъ выбить у меня изъ головы письмо этой бѣдняжки, мистеръ Франклинъ, то за остальнымъ я ужь не гонюсь. Пожалуста, сэръ, начинайте удивлять меня какъ можно скорѣе.

— Вотъ мой первый вопросъ, Бетереджъ. Не былъ ли я пьянъ вечеромъ въ день рожденія Рахили?

— *Вы*-то пьяны? воскликнулъ старикъ: — да, величайшій недостатокъ вашего характера, мистеръ Франклинъ, именно въ томъ, что вы пьете лишь за обѣдомъ, а потомъ капли въ ротъ не берете!

— Но вѣдь это былъ особенный случай, день рожденія. Въ этотъ вечеръ, не въ примѣръ прочимъ, я могъ бросить свои привычки.

Бетереджъ съ минуту подумалъ.

— Вы дѣйствительно вышли изъ нормы, сэръ, сказалъ онъ,—и вотъ какимъ образомъ. Вамъ, повидимому, сильно не здоровилось, и мы убѣдили васъ выпить капельку водки съ водой, чтобы развеселить васъ хоть немного.

— Я не привыкъ пить водку съ водой. Очень можетъ быть....

— Погодите кротечку, мистеръ Франклинъ. Я вѣдь тоже зналъ, что вы не привыкли. Я налилъ вамъ полрюмки нашего стараго, пятидесятилѣтняго коньяку и (къ стыду своему) утопилъ этотъ благородный напитокъ почти въ цѣломъ стаканѣ холодной воды. Ребенку не съ чего опьянѣть, — что̀ же толковать о взросломъ!

Я зналъ, что въ такомъ дѣлѣ можно положиться на его

Digitized by Google

память. Ясно, что пьянымъ я не могъ быть. Я перешелъ ко второму вопросу.

— Когда меня еще не отправляли за границу, Бетереджъ, вы часто видали меня ребенкомъ. Скажите откровенно, не замѣчали ль вы во мнѣ какихъ-нибудь странностей послѣ того какъ я ложился спать? Не видали ли вы меня когда-нибудь ходящимъ во снѣ?

Бетереджъ остановился, посмотрѣлъ на меня съ минуту, кивнулъ головой и снова пошелъ.

— Вижу теперь, куда вы мѣтите, мистеръ Франклинъ! сказалъ онъ: — вы стараетесь объяснить, какимъ образомъ запачкали шафрокъ, сами того не зная. Не подходящее дѣло, сэръ. Вы за тридевять земель отъ истины. Какъ—ходить во снѣ? Этого съ вами отъ роду не бывало!

Тутъ я снова почувствовалъ, что Бетереджъ долженъ быть правъ. Ни дома, ни за границей я никогда не велъ уединенной жизни. Будь я лунатикомъ, сотни людей замѣтили бы это и, въ интересахъ моей безопасности, предупредили бы меня объ этой наклонности и приняли бы мѣры къ ея пресѣченію.

Но допуская это, я все-таки, съ весьма естественнымъ и при такихъ обстоятельствахъ весьма извинительнымъ упорствомъ, придерживался той или другой изъ двухъ теорій, которыя сколько-нибудь разъясняли мое невыносимое положеніе. Замѣтивъ, что я еще неудовлетворенъ, Бетереджъ лукаво навелъ меня на нѣкоторыя позднѣйшія событія въ исторіи Лунного Камня и разомъ навсегда пустилъ по вѣтру обѣ мои теоріи.

— Попытаемъ инымъ путемъ, сэръ, сказалъ онъ:—держите про себя ваше мнѣніе и посмотримъ, какъ далеко поведетъ оно васъ къ открытію истины. Если вѣрить шафроку,—а я, начать съ того, вовсе не вѣрю ему,—то вы не только запачкали его въ дверной краскѣ, но и взяли алмазъ, сами того не зная. Такъ ли, до сихъ поръ?

— Совершенно такъ. Продолжайте.

— Очень хорошо, сэръ. Положимъ, вы были пьяны или бродили во снѣ, когда взяли драгоцѣнность. Этимъ объясняется ночь и утро послѣ дня рожденія. Но какъ объясните вы все случившееся съ тѣхъ поръ? Вѣдь съ тѣхъ поръ алмазъ перевезли въ Лондонъ, съ тѣхъ поръ его заложили мистеру Локеру. Неужели вы сдѣлали то и другое, опять-

Digitized by Google

таки сами того не зная? Развѣ, уѣзжая при мнѣ въ субботу вечеромъ на парѣ пони, вы были пьяны? И неужто вы во снѣ пришли къ мистеру Локеру, когда поѣздъ доставилъ васъ къ цѣли путешествія? Извините меня, мистеръ Франклинъ, но хлопоты эти васъ такъ перевернули, что вы сами не въ состояніи судить. Чѣмъ скорѣе вы столкуетесь съ мистеромъ Броффомъ, тѣмъ скорѣе увидите путь изъ трущобы, въ которую попали.

Мы пришли на станцію минуты за двѣ до отхода поѣзда. Я наскоро далъ Бетереджу мой лондонскій адресъ, чтобъ онъ могъ написать ко мнѣ въ случаѣ надобности, обѣщавъ съ своей стороны извѣстить его о новостяхъ, которыя могутъ представиться. Сдѣлавъ это и прощаясь съ нимъ, я случайно взглянулъ на прилавокъ, за которымъ продавались книги и газеты. Тамъ опять стоялъ замѣчательный помощникъ мистера Канди, разговаривая съ продавцомъ. Наши взгляды мигомъ встрѣтились. Ездра Дженнингсъ снялъ шляпу. Я отвѣтилъ ему поклономъ и вошелъ въ вагонъ въ ту минуту, какъ поѣздъ тронулся. Мнѣ, кажется, легче стало, когда мысли мои перенеслись на новое лицо, повидимому, не имѣвшее для меня никакого значенія. Во всякомъ случаѣ я началъ знаменательное путешествіе, долженствовавшее доставить меня къ мистеру Броффу, дивясь,—и, правду сказать, довольно глупо дивясь,—тому, что мнѣ пришлось видѣть пѣгаго человѣка дважды въ одинъ день!

Время дня, въ которое я прибылъ въ Лондонъ, лишало меня всякой надежды застать мистера Броффа на мѣстѣ его дѣятельности. Я проѣхалъ съ желѣзной дороги на квартиру его въ Гампстедѣ и обезпокоилъ стараго законника, одиноко дремавшаго въ столовой, съ любимою собачкой на колѣняхъ и бутылкой вина возлѣ него.

Я гораздо лучше передамъ впечатлѣніе, произведенное моимъ разказомъ на мистера Броффа, описавъ его поступки по выслушаніи меня до конца. Онъ приказалъ подать въ кабинетъ свѣчъ, крѣпкаго чаю, и послалъ сказать дамамъ своего семейства, чтобъ его не безпокоили ни подъ какимъ предлогомъ. Предварительно распорядясь такимъ образомъ, онъ сначала осмотрѣлъ шлафрокъ и затѣмъ посвятилъ себя чтенію письма Розанны Сперманъ.

Прочтя его, мистеръ Броффъ обратился ко мнѣ въ пер-

Digitized by Google

вый разъ еще съ тѣхъ поръ, какъ мы заперлись съ нимъ въ его комнатѣ.

— Франклинъ Блекъ, проговорилъ старый джентльменъ,— это весьма серіозное дѣло, во многихъ отношеніяхъ. По моему мнѣнію, оно такъ же близко касается Рахили, какъ и васъ. Необычайное поведеніе ея *болѣе* не тайна. Она думаетъ, что вы украли алмазъ.

Я не рѣшался путемъ собственнаго размышленія дойдти до этого возмутительнаго вывода. Но тѣмъ не менѣе онъ невольно овладѣвалъ мной. Моя рѣшимость добиться личнаго свиданія съ Рахилью основывалась именно на взглядѣ, только что высказанномъ мистеромъ Броффомъ.

— Первое, что̀ надо предпринять въ нашемъ изслѣдованіи, продолжалъ адвокатъ, — это обратиться къ Рахили. Она все это время молчала по причинамъ, которыя я (зная ея характеръ) легко могу понять. Послѣ всего происшедшаго, подчиняться этому молчанію болѣе невозможно. Ее надо убѣдить, или заставить, чтобъ она сказала намъ, на какихъ основаніяхъ она полагаетъ, что вы взяли Лунный Камень. Весьма вѣроятно, что все это дѣло, какъ бы теперь ни казалось оно серіознымъ, разлетится въ прахъ, если мы только сдѣлаемъ брешь въ закоснѣлой сдержанности Рахили и заставимъ ее высказаться.

— Для *меня* это мнѣніе весьма утѣшительно, сказалъ я:— но признаюсь, я желалъ бы знать....

— Вы желали бы знать, чѣмъ я могу подтвердить его, вставилъ мистеръ Броффъ: — минутку, — и я вамъ скажу. Вопервыхъ, примите во вниманіе, что я смотрю на это дѣло съ юридической точки зрѣнія. Для меня это вопросъ объ уликѣ. Очень хорошо. Прежде всего улика несостоятельна относительно весьма важнаго пункта.

— Какого пункта?

— А вотъ послушайте. Именная мѣтка доказываетъ, что шлафрокъ вашъ,—согласенъ. Красильное пятно доказываетъ, что шлафрокъ запачканъ объ Рахилину дверь. Но, — какъ въ вашихъ, такъ и въ моихъ глазахъ, — гдѣ же улика, что вы именно то лицо, на комъ былъ надѣтъ этотъ шлафрокъ?

Возраженіе подѣйствовало на меня электрическимъ толчкомъ. До сихъ поръ оно еще не приходило мнѣ въ голову.

— Что касается этого, продолжалъ адвокатъ, взявъ письмо Розанны Сперманъ, — я понимаю, что письмо разстраиваетъ

Digitized by Google

васъ. Понимаю, что вы не рѣшаетесь разобрать его съ совершенно безпристрастной точки зрѣнія. Но я вѣдь не въ вашемъ положеніи. Я могу приложить мой опытъ по профессіи къ этому документу точно такъ же, какъ и ко всякому другому. Не намекая даже на воровское поприще этой женщины, я замѣчу только, что письмо это показываетъ ее, по собственному признанію, искусною въ обманѣ. Изъ этого я вывожу, что позволительно подозрѣвать ее въ недомолвкѣ всей правды. Теперь пока я не стану строить предположеній о томъ, что̀ она могла сдѣлать или не сдѣлать. Я хочу только сказать, что если Рахиль подозрѣваетъ васъ, *основываясь лишь на уликѣ шлафрока*, то можно держать девяносто девять противъ одного, что шлафрокъ былъ показанъ ей Розанною Сперманъ; оно подтверждается и самымъ письмомъ этой женщины, сознающейся въ своей ревности къ Рахили, сознающейся въ подмѣнѣ розъ, сознающейся въ томъ, что видѣла проблескъ надежды по случаю предстоящей ссоры между Рахилью и вами. Я не останавливаюсь на вопросѣ о томъ, кто укралъ Лунный Камень (для достиженія своей цѣли, Розанна Сперманъ украла бы полсотни Лунныхъ Камней); я говорю только, что пропажа драгоцѣнности дала этой исправившейся и влюбленной въ васъ воровкѣ возможность поссорить васъ на всю жизнь съ Рахилью. Помните, что въ *то время* вѣдь она еще не рѣшилась погубить себя; и я положительно заявляю, что имѣя возможность, она, и по характеру, и по своему положенію, должна была воспользоваться ею. Что̀ вы на это скажете?

— Подобныя подозрѣнія, сказалъ я, — приходили мнѣ въ голову тотчасъ по распечатаніи письма.

— Именно такъ! А потомъ, прочтя письмо, вы сжалились надъ бѣдняжкой, и у васъ не хватило духа подозрѣвать ее. Это вамъ дѣлаетъ честь, милый сэръ,—дѣлаетъ вамъ честь!

— Ну, а положимъ, окажется, что шлафрокъ былъ на мнѣ? Что̀ тогда?

— Я не вижу чѣмъ это доказать, сказалъ мистеръ Броффъ:— но допуская возможность доказательства, не легко будетъ возстановить вашу невинность. Не будемъ теперь углубляться въ это. Подождемъ и посмотримъ, не подозрѣвала ли васъ Рахиль по одной уликѣ шлафрока.

— Боже мой, какъ вы хладнокровно говорите о томъ, что

Digitized by Google

Рахиль подозрѣваетъ меня! воскликнулъ я: — кто далъ ей право, по какимъ бы то ни было уликамъ, подозрѣвать меня въ воровствѣ?

— Весьма разумный вопросъ, милый сэръ. Горяченько поставленъ, а подумать о немъ все-таки не мѣшаетъ. Озабочивая васъ, онъ и меня озадачиваетъ. Припомните-ка и скажите мнѣ вотъ что̀. Въ то время, какъ вы гостили у нихъ въ домѣ, не случилось ли чего-нибудь, что̀ могло бы поколебать Рахилину вѣру,—не то чтобы въ честь вашу,—но положимъ (нѣтъ нужды, какъ бы ни былъ ничтоженъ поводъ), положимъ, ея вѣру вообще въ ваши правила?

Я задрожалъ въ неодолимомъ волненіи. Вопросъ адвоката, впервые со времени моего отъѣзда изъ Англіи, напоминалъ мнѣ нѣчто *дѣйствительно* случившееся.

Въ восьмой главѣ Бетереджева разказа есть описаніе прибытія въ тетушкинъ домъ незнакомаго иностранца, который пріѣхалъ повидаться со мной по дѣлу слѣдующаго свойства.

Нѣкогда, будучи, по обыкновенію, въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ, я имѣлъ неблагоразуміе принять ссуду отъ содержателя небольшаго ресторана въ Парижѣ, которому я былъ знакомъ какъ постоянный посѣтитель. Мы назначили срокъ уплаты денегъ, а когда срокъ насталъ, я (подобно тысячамъ другихъ честныхъ людей) не могъ исполнить свое обѣщаніе и послалъ этому человѣку вексель. Къ несчастію, мое имя на подобныхъ документахъ было слишкомъ хорошо извѣстно: ему не удалось продать вексель. Со времени моего займа дѣла его поразстроились; ему грозило банкротство, и одинъ изъ его родственниковъ, французскій адвокатъ, пріѣхалъ въ Англію съ тѣмъ, чтобъ отыскать меня и настоять на уплатѣ долга. Онъ былъ характера вспыльчиваго и дурно обошелся со мной. Послѣдовали съ обѣихъ сторонъ крупныя слова; а тетушка съ Рахилью, къ несчастію, были въ сосѣдней комнатѣ и слышали насъ. Леди Веринде̂ръ вошла и потребовала свѣдѣній въ чемъ дѣло. Французъ предъявилъ свою довѣренность и обвинилъ меня въ разореніи бѣднаго человѣка, который вѣрилъ моей чести. Тетушка тотчасъ же заплатила и отпустила его. Она, разумѣется, слишкомъ хорошо меня знала, чтобы раздѣлять взгляды Француза на это дѣло; но была поражена моею безпечностію и справедливо сердилась на меня за то,

Digitized by Google

что я поставилъ себя въ такое положеніе, которое, безъ ея вмѣшательства, могло сдѣлаться весьма позорнымъ. Ужь не знаю, отъ матери ли узнала Рахиль или сама слышала все происшедшее. Она взглянула на это дѣло по-своему, съ высоконе-романтической точки зрѣнія. У меня „сердца нѣтъ“; у меня „чести нѣтъ“; у меня „правилъ нѣтъ“: нельзя „ручаться за будущіе мои поступки“, — короче, наговорила мнѣ такихъ строгостей, какихъ я сроду еще не слыхивалъ изъ устъ молодой леди. Размолвка наша длилась весь слѣдующій день. Черезъ день я успѣлъ помириться и все забылъ. Неужели Рахиль вспомнила объ этомъ злосчастномъ случаѣ въ ту критическую минуту, когда ея уваженіе ко мнѣ подверглось новымъ и гораздо болѣе серіознымъ испытаніямъ? Мистеръ Броффъ отвѣтилъ утвердительно, тотчасъ какъ я разказалъ ему объ этомъ обстоятельствѣ.

— Оно должно было произвесть впечатлѣніе на ея умъ, серіозно проговорилъ онъ:—я желалъ бы, ради вашей пользы, чтобъ этого вовсе не было. Во всякомъ случаѣ, вотъ мы нашли предрасполагающее вліяніе противъ васъ и отдѣлались по крайней мѣрѣ отъ одного изъ сомнѣній. Мнѣ кажется, пока намъ нечего дѣлать. Остается обратиться къ Рахили.

Онъ всталъ и началъ задумчиво ходить изъ угла въ уголъ. Раза два я хотѣлъ сказать ему, что рѣшился лично повидать Рахиль; и оба раза, изъ уваженія къ его лѣтамъ и характеру, боялся застигнуть его врасплохъ въ неблагопріятную минуту.

— Главная трудность въ томъ, началъ онъ: — какимъ образомъ заставить ее не стѣсняясь высказать все что̀ у нея на умѣ. Не имѣете ли вы въ виду какого-нибудь средства?

— Мистеръ Броффъ, я рѣшилъ, что мнѣ слѣдуетъ лично переговорить съ Рахилью.

— Вамъ!—Онъ вдругъ остановился и посмотрѣлъ на меня, словно думая, что я съ ума сошелъ: — Любому, кому угодно, только не вамъ!—Онъ вдругъ осѣкся и прошелъ еще разъ по комнатѣ:—Погодите-ка, сказалъ онъ:—въ такихъ необыкновенныхъ случаяхъ кратчайшій путь иногда лучше всего.— Онъ подумалъ минуты съ двѣ объ этомъ вопросѣ съ новой точки зрѣнія и храбро заключилъ рѣшеніемъ въ мою пользу. — Ничѣмъ не рискуешь, ничего и не возьмешь, продолжалъ старый джентльменъ: — въ вашу пользу есть вѣроят-

Digitized by Google

вость, которой у меня нѣтъ: вамъ первому и слѣдуетъ попытаться.

— Вѣроятность въ мою пользу? повторилъ я съ величайшимъ удивленіемъ. Лицо мистера Броффа въ первый разъ еще смягчилось улыбкой.

— Вотъ какъ обстоитъ дѣло, сказалъ онъ:—я вамъ откровенно скажу, что не полагаюсь ни на вашу сдержанность, ни на вашъ характеръ. Но разчитываю на то, что Рахиль все еще хранитъ въ какомъ-то дальнемъ уголочкѣ своего сердца нѣкоторую безнравственную слабость къ *вамъ*. Сумѣйте ее затронуть, и повѣрьте, что слѣдствіемъ этого будетъ полнѣйшее объясненіе, на какое только способны уста женщины! Вопросъ вотъ въ чемъ, какъ вы съ ней увидитесь?

— Она гостила у васъ въ домѣ, отвѣтилъ я: — смѣю ли я предложить.... еслибы не говорить ей обо мнѣ заранѣе.... я могъ бы видѣть ее здѣсь?

— Холодновато! сказалъ мистеръ Броффъ. Съ этимъ словомъ, въ видѣ комментаріа на мой отвѣтъ, онъ еще разъ прошелся изъ угла въ уголъ. — По-просту, по-англійски, сказалъ онъ, — надо обратить мой домъ въ западню, чтобъ изловить миссъ Рахиль, на приманку въ видѣ приглашенія отъ моей жены и дочерей. Будь вы кто иной, а не Франклинъ Блекъ, или будь это дѣло хоть крошечку помаловажнѣй, я бы отказалъ наотрѣзъ. Въ теперешнихъ обстоятельствахъ, я твердо увѣренъ, что Рахиль, если живы будемъ, поблагодаритъ меня за измѣну ей на старости лѣтъ. Считайте меня сообщникомъ. Рахиль будетъ приглашена сюда на цѣлый день, а вы получите надлежащее увѣдомленіе.

— Когда же? Завтра?

— Завтра еще не успѣемъ получить и отвѣта ея. Ну, послѣзавтра.

— Какъ вы дадите мнѣ знать?

— Будьте дома все утро и ждите,—я зайду.

Я поблагодарилъ его съ искреннею признательностью за оказываемую мнѣ неоцѣненную помощь, и отклонивъ гостепріимное приглашеніе переночевать въ Гампстедѣ, вернулся на свою квартиру въ Лондонъ.

О слѣдующемъ днѣ я могу сказать лишь то, что продолжительнѣе его не видалъ во всю жизнь. Какъ ни сознавалъ я свою невинность, какъ ни былъ увѣренъ въ томъ, что подлый извѣтъ, тяготѣвшій надо мной, рано или поздно

Digitized by Google

разсѣется, тѣмъ не менѣе меня угнетало какое-то чувство самоуваженія, инстинктивно не дозволявшее мнѣ видѣться съ кѣмъ-нибудь изъ моихъ друзей. Мы часто слышимъ (почти всегда, впрочемъ, отъ поверхностныхъ наблюдателей), что преступленіе можетъ имѣть видъ невинности. Я считаю безконечно болѣе справедливою аксіомой, что невинность можетъ казаться преступленіемъ. Я дошелъ до того, что приказалъ отказывать всѣмъ, кто бы ни зашелъ посѣтить меня, и осмѣлился выйдти лишь подъ кровомъ ночи. На слѣдующее утро мистеръ Броффъ засталъ меня за чаемъ. Онъ подалъ мнѣ большой ключъ и объявилъ, что въ первый разъ отъ роду стыдится самого себя.

— Пріѣдетъ?

— Пріѣдетъ сегодня полдничать и провести время съ моею женой и дочерьми.

— А мистрисъ Броффъ и ваши дочери тоже въ секретѣ?

— Неизбѣжно. Но у женщинъ, какъ вы могли замѣтить, нѣтъ никакихъ правилъ. Моя семья не чувствуетъ моихъ угрызеній совѣсти. Такъ какъ цѣль этого — помирить васъ, то жена и дочери совершенно спокойно смотрятъ сквозь пальцы на употребляемыя средства, точно іезуиты.

— Безконечно обязанъ имъ. А что̀ это за ключъ?

— Отъ калитки въ стѣнѣ моего садика. Будьте тамъ въ три часа пополудни. Проберитесь садомъ и войдите въ домъ черезъ теплицу. Минуйте маленькую гостиную и отворите дверь, которая ведетъ въ комнату съ фортепіано. Тамъ вы найдете Рахиль,—и одну!

— Какъ мнѣ благодарить васъ!

— А вотъ какъ. Не вините *меня* въ томъ, что̀ будетъ послѣ.

Съ этими словами онъ ушелъ.

Мнѣ еще слѣдовало ждать нѣсколько томительныхъ часовъ. Чтобъ убить время, я просмотрѣлъ письма ко мнѣ. Въ числѣ ихъ было одно отъ Бетереджа.

Я торопливо распечаталъ его. Къ удивленію и разочарованію моему, оно начиналось извиненіемъ, увѣдомлявшимъ меня, чтобъ я не ждалъ важныхъ вѣстей. На слѣдующей строчкѣ появился вѣчный Ездра Дженкинсъ! Онъ остановилъ Бетереджа по дорогѣ со станціи и спросилъ кто я. Узнавъ мое имя, онъ разказалъ своему хозяину, мистеру Канди, о нашемъ свиданіи. Мистеръ Канди, услыхавъ это,

Digitized by Google

самъ поѣхалъ къ Бетереджу выразить ему сожалѣніе о томъ, что мы съ нимъ не встрѣтились. Онъ, по нѣкоторымъ причинамъ, особенно желалъ бы переговорить со мной и просилъ, чтобъ я увѣдомилъ его, въ слѣдующій разъ, какъ буду по близости Фризингалла. Вотъ въ чемъ заключалась вся суть письма моего корреспондента, если не считать кое-какихъ характеристичныхъ изреченій Бетереджевой философіи. Любящій, вѣрный старикъ сознавался, что написалъ письмо „просто изъ удовольствія писать ко мнѣ".

Я скомкалъ письмо къ себѣ въ карманъ и минуту спустя забылъ о немъ при всепоглощающемъ интересѣ предстоящаго свиданія съ Рахилью. Какъ только на Гампстедской церкви пробило три, я вложилъ данный мнѣ мистеромъ Броффомъ ключъ въ замокъ калитки у садовой стѣны. Едва вступя въ садъ и снова запирая калитку извнутри, я, надо сознаться, ощутилъ какую-то робость преступника относительно грядущаго. Я осторожно оглядѣлся на всѣ стороны, подозрѣвая присутствіе какихъ-то неожиданныхъ свидѣтелей въ одномъ изъ невѣдомыхъ закоулковъ сада. Но страхъ мой ничѣмъ не оправдывался. Тропинки, всѣ до одной, пустынны; птицы и пчелы—единственные свидѣтели.

Я пробрался садомъ, вошелъ черезъ теплицу и миновалъ маленькую гостиную. Взявшись за ручку противоположной двери, я услышалъ нѣсколько жалобныхъ аккордовъ, взятыхъ на фортепіано въ той комнатѣ. Она часто коротала свой досугъ сидя за инструментомъ, въ то время какъ я гостилъ въ домѣ ея матери. Я долженъ былъ немного переждать и собраться съ духомъ. Въ этотъ торжественный мигъ прошлое и настоящее возникли предо мной рядомъ, и противоположность ихъ потрясала меня.

Прошло нѣсколько минутъ; мужество мое пробудилось; я отворилъ дверь.

VII.

Какъ только я показался на порогѣ, Рахиль встала изъ-за фортепіано. Я затворилъ за собой дверь. Мы молча глядѣли другъ на друга чрезъ всю комнату. Вставъ съ мѣста, она, казалось, уже не могла пошевельнуться. Всѣ прочія способности ея, какъ тѣлесныя, такъ и душевныя, повидимому, сосредоточились въ ея взглядѣ.

Digitized by Google

Мнѣ пришло въ голову опасеніе, что я слишкомъ внезапно вошелъ. Я ступилъ нѣсколько шаговъ къ ней на встрѣчу. „Рахиль“, тихо проговорилъ я.

Звукъ моего голоса возвратилъ ей способность двигаться и краску на лицо. Она, съ своей стороны, тоже приблизилась, все еще молча. Медленно, словно подчиняясь независящему отъ нея вліянію, ближе и ближе подходила она ко мнѣ, а живой, темный румянецъ разливался у нея по щекамъ, и въ глазахъ, съ каждымъ мигомъ все ярче просвѣчивая, возстановлялось разумное выраженіе. Я забылъ ту цѣль, которая привела меня къ ней; забылъ про низкое подозрѣніе, тяготѣвшее надъ моимъ добрымъ именемъ, утратилъ всякое сознаніе прошлаго, настоящаго и будущаго. Я ничего не видалъ, кромѣ приближенія любимой женщины. Она дрожала; остановилась въ нерѣшительности. Я не могъ болѣе сдерживать себя, принялъ ее въ объятія и покрылъ поцѣлуями ея лицо. Была минута, когда мнѣ показалось, что поцѣлуи мои не остаются безъ отвѣта, словно и для нея также настала минута забвенія. Но не успѣла еще эта мысль образоваться въ умѣ моемъ, какъ первый сознательный поступокъ ея далъ мнѣ почувствовать, что она помнитъ. Съ крикомъ, похожимъ на крикъ ужаса, съ силой, которой едвали я могъ бы противиться, еслибъ и хотѣлъ, она толкнула меня прочь отъ себя. Я прочелъ въ глазахъ ея безпощадный гнѣвъ, безпощадное презрѣніе въ усмѣшкѣ. Она смѣрила меня взглядомъ съ головы до ногъ, какъ бы оскорбившаго ее незнакомаго человѣка.

— Трусъ! проговорила она:—низкій, негодный, бездушный трусъ!

То были первыя слова ея. Обращаясь ко мнѣ, она выбрала невыносимѣйшій укоръ, какой только можетъ услыхать мущина изъ устъ женщины.

— Мнѣ помнится время, Рахиль, сказалъ я,—когда вы умѣли болѣе достойнымъ образомъ выразить мнѣ, что я оскорбилъ васъ. Прошу прощенія.

Нѣкоторая доля ощущаемой мною горечи, повидимому, сообщилась моему голосу. При первыхъ словахъ моего отвѣта, глаза ея, мигъ тому назадъ отвращенные отъ меня, невольно снова остановились на мнѣ. Она отвѣчала, понизивъ голосъ и съ какою-то упрямою сдержанностью, до сихъ поръ мнѣ совершенно неизвѣстною въ ней.

Digitized by Google

— Мнѣ, быть-можетъ, извинительно, сказала она.—Послѣ того что̀ вы сдѣлали, мнѣ кажется, низко съ вашей стороны искать ко мнѣ доступа по-сегодняшнему; только трусъ, кажется, рѣшился бы произвести опытъ надъ моею слабостью, только трусъ, кажется, и могъ воспользоваться нечаянностью, когда я допустила разцѣловать себя врасплохъ. Впрочемъ, это женскій взглядъ. Я должна была знать, что онъ не могъ быть вашимъ взглядомъ. Лучше бы мнѣ удержаться и ничего не говорить.

Извиненіе было невыносимѣе обиды. Оно унизило бы падшаго изъ падшихъ.

— Еслибы честь моя не была въ вашихъ рукахъ, сказалъ я, — то я сейчасъ же ушелъ бы съ тѣмъ, чтобы никогда болѣе не видать васъ. Вы говорили о чемъ-то мною сдѣланномъ. Что̀ же я сдѣлалъ?

— Что̀ вы сдѣлали! *Вы* это спрашиваете у меня?

— Спрашиваю.

— Я сохранила втайнѣ вашъ позоръ, отвѣтила она,—и претерпѣла всѣ послѣдствія утайки. Ужели я не въ правѣ требовать, чтобы меня избавили отъ оскорбленія подобнымъ вопросомъ? Развѣ въ васъ умерло *всякое* чувство благородства? Вы когда-то были джентльменомъ. Вы когда-то были дороги моей матери и еще дороже мнѣ...

Голосъ измѣнилъ ей. Она упала въ кресло, отвернулась отъ меня и закрыла лицо руками.

Я переждалъ немного, пока могъ заговорить съ увѣренностью. Не знаю, что̀ я сильнѣе ощущалъ въ этотъ мигъ безмолвія — колкое ли ея презрѣніе или гордую рѣшимость, удерживавшую меня отъ всякаго сочувствія ея скорби.

— Если вы не заговорите первая, сказалъ я,—то я долженъ это сдѣлать. Я пришелъ сюда поговорить съ вами объ одномъ важномъ дѣлѣ. Угодно ли вамъ оказать мнѣ простую справедливость, выслушавъ то, что̀ я скажу?

Она не шевельнулась, ничего не отвѣтила. Я не повторялъ своей просьбы, я ни шагу не приблизился къ ея креслу. Съ гордостью, не уступавшею въ упорствѣ ея гордости, я разказалъ ей о своемъ открытіи на зыбучихъ пескахъ и обо всемъ, что̀ повело къ нему. Разказъ необходимо занялъ нѣсколько времени. Съ начала до конца, она ни разу не оглянулась на меня и не произнесла ни слова.

Я сдерживалъ свой гнѣвъ. Цѣлая будущность моя зависѣ-

Digitized by Google

ла, по всему вѣроятію, отъ того, чтобы не потерять самообладанія въ эту минуту. Настало время провѣрить опытомъ теорію мистера Броффа. Въ нетерпѣніи произвесть этотъ опытъ, я обошелъ кресло и сталъ прямо противъ нея.

— Я хочу предложить вамъ одинъ вопросъ, сказалъ я:—это заставляетъ меня снова вернуться къ помянутому предмету. Показывала вамъ Розанна Спермавъ этотъ шлафрокъ? Да,— или нѣтъ?

Она задрожала всѣмъ тѣломъ и подошла близко ко мнѣ. Глаза ея пытливо глядѣли мнѣ въ лицо, словно стараясь прочесть въ немъ что-то доселѣ неизвѣстное.

— Не съ ума ли вы сошли? спросила она.

Я все еще удерживался и спокойно проговорилъ:

— Рахиль, отвѣтите ли вы на мой вопросъ?

Она продолжала, не обращая вниманія.

— Или у васъ есть какая-нибудь цѣль, непонятная мнѣ? Какой-нибудь низкій страхъ за будущность, относительно меня? Говорятъ, вы стали богатымъ человѣкомъ по смерти отца. Не пришли ли вы вознаградить меня за утрату моего алмаза? Можетъ-быть, у васъ еще осталось на столько совѣсти, чтобы стыдиться этого? Не въ *этомъ* ли разгадка вашей претензіи на невинность и басни о Розаннѣ Спермавъ? Не стыдъ ли въ основѣ всей этой лжи, на этотъ разъ?

Тутъ я прервалъ ее. Я болѣе не владѣлъ собой.

— Вы нанесли мнѣ позорное оскорбленіе! горячо вырвалось у меня.—Вы подозрѣваете меня въ кражѣ вашего алмаза. Я имѣю право и *хочу* знать, по какой причинѣ?

— Подозрѣваю васъ! воскликнула она, не уступая мнѣ въ гнѣвѣ:—*безсовѣстный, я сама, своими глазами, видѣла, какъ вы взяли алмазъ.*

Открытіе, блеснувшее мнѣ въ этихъ словахъ, мгновенно ниспровергнувъ точку зрѣнія, на которую такъ полагался мистеръ Броффъ, поразило меня въ конецъ. При всей моей невинности, я безмолвно стоялъ предъ нею. Въ ея глазахъ, въ глазахъ всякаго, я долженъ былъ казаться человѣкомъ, ошеломленнымъ изобличеніемъ его вины.

Она отступила предъ зрѣлищемъ моего униженія и ея торжества. Внезапное безмолвіе, овладѣвшее мной, повидимому, пугало ее.

— Я щадила васъ въ то время, сказала она, — я пощадила бы васъ и теперь, еслибы вы не заставили меня говорить.

Digitized by Google

Она пошла прочь, какъ бы собираясь выйдти изъ комнаты, и пріостановилась въ нерѣшимости, не дойдя до двери.

— Зачѣмъ вы пришли сюда унижаться? спросила она:—зачѣмъ вы пришли унижать и меня?

Она прошла еще нѣсколько шаговъ и опять остановилась.

— Бога ради, скажите что-нибудь! воскликнула она въ порывѣ волненія:—если въ васъ осталось сколько-нибудь жалости, не дайте мнѣ такъ низко упасть въ своихъ глазахъ! Скажите что-нибудь и выгоните меня.

Я подошелъ къ ней, почти не сознавая что дѣлаю. Вѣроятно, у меня была смутная мысль удержать ее, пока она выскажется. Съ той минуты какъ я узналъ, что уликой, обвинявшею меня въ понятіи Рахили, было свидѣтельство ея собственныхъ глазъ, все—даже убѣжденіе въ своей невинности,—все спуталось у меня въ головѣ. Я взялъ ее за руку; старался говорить съ твердостью и дѣльно, но только и могъ сказать:

— Рахиль, вы когда-то любили меня.

Она затрепетала и отвернулась отъ меня. Рука ея безсильно дрожала въ моей рукѣ.

— Пустите, слабо проговорила она.

Мое прикосновеніе, повидимому, оказало на нее то же дѣйствіе, какъ звукъ моего голоса при входѣ въ комнату. Послѣ того какъ она назвала меня трусомъ, послѣ ея признанія, заклеймившаго меня воромъ, она все еще была въ моей власти, пока рука ея лежала въ моей рукѣ.

Я тихо вернулъ ее на средину комнаты и усадилъ рядомъ съ собой.

— Рахиль, сказалъ я,—я не могу объяснить вамъ противорѣчіе въ томъ, что хочу сказать. Я могу только высказать правду, какъ вы ее высказали. Вы видѣли, собственными глазами видѣли какъ я взялъ алмазъ. А я предъ Богомъ, который слышитъ насъ, объявляю вамъ, что теперь только убѣждаюсь въ томъ что взялъ его. Вы все еще сомнѣваетесь?

Она не обратила вниманія на мои слова и не слыхала меня. „Пустите мою руку“, слабо повторила она. То былъ единственный отвѣтъ. Голова ея склонилась ко мнѣ на плечо, а рука безсознательно сжала мою руку въ то самое время, какъ она просила пустить ее.

Я удерживался отъ повторенія вопроса. Но тутъ моя

Digitized by Google

сдержанность кончилась. Возможность когда-нибудь подать голову среди честныхъ людей зависѣла отъ возможности заставить ее сдѣлать полное признаніе. Единственная остававшаяся мнѣ надежда заключалась въ томъ, что Рахиль могла пропустить что-нибудь въ цѣпи уликъ,—быть-можетъ, какую-нибудь мелочь, которая тѣмъ не менѣе, при тщательномъ изслѣдованіи, могла стать средствомъ конечнаго возстановленія моей невинности. Сознаюсь, что я удержалъ ея руку. Сознаюсь, что заговорилъ съ нею, какъ въ былое время, со всѣмъ сочувствіемъ и довѣріемъ, насколько могъ ихъ въ себѣ вызвать.

— Я кое о чемъ попрошу васъ, сказалъ я,—я попрошу васъ разказать мнѣ все случившееся съ той минуты, какъ мы пожелали другъ другу покойной ночи, и до того времени, когда вы увидали, что я взялъ алмазъ.

Она подняла голову съ моего плеча и попробовала высвободить руку.

— Ахъ, зачѣмъ возвращаться къ этому? проговорила она: зачѣмъ вспоминать?

— Вотъ зачѣмъ, Рахиль. И вы, и я, оба мы жертвы какого-то чудовищнаго заблужденія подъ маской истины. Если мы вмѣстѣ прослѣдимъ все происшедшее въ день вашего рожденія, мы можемъ разсѣять наши недоразумѣнія.

Она снова склонила голову на мое плечо. Слезы переполнили ея глаза и тихо катились по щекамъ.

— Ахъ, сказала она, — развѣ у *меня-то* не было этой надежды? Развѣ я не пробовала взглянуть на это такъ же, какъ вы теперь смотрите?

— Вы пробовали однѣ, отвѣтилъ я,—вы не пробовали при моей помощи.

Эти слова, казалось, пробудили въ ней нѣкоторую долю надежды, какую я ощущалъ, когда произносилъ ихъ. Она отвѣчала на мои вопросы болѣе нежели съ покорностью, напрягала свой умъ, охотно открывала мнѣ всю свою душу.

— Начнемъ съ происшедшаго послѣ того, какъ мы пожелали другъ другу покойной ночи, сказалъ я.—Вы легли въ постель? Или сидѣли еще?

— Легла въ постель.

— Замѣтили вы время? Поздно было?

— Не очень. Кажется, около двѣнадцати часовъ.

— Что̀ же, вы заснули?

Digitized by Google

— Нѣтъ. Я не могла спать въ эту ночь.

— У васъ была безсонница?

— Я все думала о васъ.

Этотъ отвѣтъ почти обезсилилъ меня. Въ голосѣ, болѣе чѣмъ въ самыхъ словахъ, было что-то хватавшее за сердце. Лишь помедливъ немного, могъ я продолжать:

— У васъ былъ какой-нибудь свѣтъ въ комнатѣ? спросилъ я.

— Никакого, пока я не встала и не зажгла свѣчи.

— Много ли спустя послѣ того, какъ вы легли спать?

— Кажется, съ часъ. Около часу ночи.

— Вы вышли изъ спальни?

— Собиралась. Надѣла блузу и шла къ себѣ въ гостиную за книгой...

— Вы отворили дверь изъ спальни?

— Только что отворила.

— Но не пошли въ гостиную?

— Нѣтъ, мнѣ помѣшали.

— Что же вамъ помѣшало?

— Я увидала свѣтъ за дверью и услыхала приближающіеся шаги.

— Вы испугались?

— Не тотчасъ. Я знала, что бѣдной матушкѣ плохо спалось, и вспомнила, какъ она въ тотъ вечеръ старалась убѣдить меня, чтобъ я отдала ей алмазъ на сохраненіе. Мнѣ показалось тогда, что она безъ всякой причины безпокоится о комъ; а тутъ я вообразила, что это она идетъ посмотрѣть легла ли я и еще разъ поговорить со мной объ алмазѣ, если я не сплю.

— Что же вы сдѣлали?

— Я задула свѣчу, чтобъ она подумала будто я сплю. Съ своей стороны, я была тоже безразсудна и рѣшилась хранить алмазъ въ избранномъ мною мѣстѣ.

— Задувъ свѣчу, вы вернулись въ постель?

— Не успѣла. Въ тотъ мигъ какъ я задула свѣчу, дверь изъ гостиной отворилась, и я увидала....

— Вы увидали?

— Васъ.

— Въ обыкновенномъ платьѣ?

— Нѣтъ.

— Въ шлафрокѣ?

Digitized by Google

— Въ шлафрокѣ, со свѣчой въ рукѣ.

— Одною?

— Одною.

— Могли ли вы разглядѣть лицо?

— Да.

— Ясно?

— Совершенно ясно. Оно было освѣщено свѣчой, которую вы держали въ рукѣ.

— А глаза у меня открыты были?

— Да.

— Не замѣтили ли вы въ нихъ чего-нибудь страннаго? Въ родѣ неподвижнаго, блуждающаго выраженія?

— Ничего подобнаго. Ваши глаза блистали даже больше обыкновеннаго. Вы осматривались въ комнатѣ, какъ бы сознавая, что находитесь тамъ, гдѣ вамъ не слѣдовало быть, и точно боялись, чтобы васъ не увидали.

— Не замѣтили ли вы еще одного обстоятельства при входѣ моемъ въ комнату,—не замѣтили ли вы какъ я ступалъ?

— Какъ всегда. Вы дошли до средины комнаты, потомъ остановились и осмотрѣлись.

— Что̀ вы дѣлали, увидавъ меня?

— Ничего не могла сдѣлать. Я окаменѣла. Не могла ни говорить, ни крикнуть, ни даже двери своей притворить.

— Могъ ли я видѣть васъ тамъ, гдѣ вы стояли?

— Конечно, могли бы. Но вы ни разу не взглянули въ мою сторону. Напрасно вы это спрашиваете. Я увѣрена, что вы не видали меня.

— Почему же вы увѣрены?

— Иначе развѣ вы взяли бы алмазъ? Развѣ вы поступили бы такъ, какъ поступили послѣ того? Пришли ли бы вы сегодня, еслибы видѣли, что я не спала и смотрѣла на васъ? Не заставляйте меня говорить объ этомъ! Я хочу отвѣчать вамъ спокойно. Помогите мнѣ сохранить возможное спокойствіе. Перейдите къ чему-нибудь иному.

Она была права, во всѣхъ отношеніяхъ права. Я перешелъ къ другимъ обстоятельствамъ.

— Что̀ же я дѣлалъ, дойдя до средины комнаты и остановясь тамъ?

— Вы повернули и пошли прямо въ уголъ къ окну, гдѣ стоялъ мой коммодъ съ индѣйскими рѣдкостями.

Digitized by Google

— Когда я сталъ у коммода, я долженъ былъ повернуться къ вамъ спиной. Какъ же вы могли видѣть, что̀ я дѣлаю?

— Когда вы пошли, я также подвинулась.

— И могли видѣть, что̀ у меня было въ рукахъ?

— У меня въ гостиной три зеркала. Пока вы стояли тамъ, въ одномъ изъ нихъ я видѣла все что̀ вы дѣлали.

— Что̀ же вы видѣли?

— Вы поставили свѣчу на коммодъ; отворяли и затворяли ящикъ за ящикомъ, пока не дошли до того, въ который я положила мой алмазъ. Вы съ минуту глядѣли въ открытый ящикъ. Потомъ опустили руку и вынули алмазъ.

— Почему вы знаете, что я вынулъ алмазъ?

— Я видѣла какъ рука ваша опустилась въ ящикъ, и замѣтила блескъ алмаза между большимъ и указательнымъ пальцемъ, когда вы опять вынули руку изъ ящика.

— Рука моя больше не касалась ящика, напримѣръ, хоть для того чтобы затворить его?

— Нѣтъ. Въ правой рукѣ у васъ былъ алмазъ, а лѣвою вы взяли съ коммода свѣчу.

— Оглядывался ли я послѣ этого?

— Нѣтъ.

— Тотчасъ ли я вышелъ изъ комнаты?

— Нѣтъ. Вы стояли на мѣстѣ и, какъ мнѣ казалось, довольно долго. Я видѣла ваше лицо сбоку въ зеркалѣ. Вы были похожи на человѣка, размышлявшаго и недовольнаго своими мыслями.

— Что̀ же затѣмъ послѣдовало?

— Вы вдругъ очнулись и пошли прямо изъ комнаты.

— Затворилъ ли я за собой дверь?

— Нѣтъ. Вы проворно вышли въ корридоръ и оставили дверь отворенною.

— А потомъ?

— Потомъ свѣча изчезла вдали, звукъ шаговъ замолкъ, и я осталась одна въ потьмахъ.

— Не произошло ли чего-нибудь съ этого времени до того, когда всѣ домашніе узнали о пропажѣ алмаза?

— Ничего.

— Увѣрены ли вы въ этомъ? Развѣ вы не могли временно заснуть?

— Я вовсе не спала. Я вовсе не ложилась въ постель.

Digitized by Google

Ничего не было до прихода Пенелопы въ обычный часъ поутру.

Я выпустилъ ея руку, всталъ и протелся по комнатѣ. Всевозможные вопросы были разрѣшены. Всѣ подробности, какихъ только я могъ пожелать, были сообщены мнѣ. Я даже не возвращался къ мысли о лунатизмѣ и опьяненіи; безполезность того и другаго предположенія доказывалась на этотъ разъ свидѣтельствомъ очевидца. Что̀ еще сказать? Что̀ оставалось дѣлать? Предо мной возникалъ ужасный фактъ воровства,—единственный видимый, осязаемый фактъ посреди непроницаемаго мрака, заволакивавшаго все остальное. Ни проблеска путеводнаго свѣта въ то время какъ я овладѣлъ тайной Розанны Спермавъ на зыбучихъ пескахъ, и ни проблеска этого свѣта теперь, когда, обратясь къ самой Рахили, я выслушалъ изъ устъ ея ненавистный разказъ о той ночи.

На этотъ разъ она первая нарушила молчаніе.

— Ну? сказала она:—вы спрашивали, я отвѣчала. Вы заставили меня надѣяться на что-то, потому что *сами* надѣялись. Что̀ же вы скажете на это?

Тонъ ея предупредилъ меня, что мое вліяніе надъ нею снова потеряно.

— Мы должны были вмѣстѣ прослѣдить все происшедшее въ день моего рожденія, продолжала она,—и разсѣять наши недоразумѣнія. Удалось ли намъ?

Она безпощадно ждала отвѣта. Отвѣчая ей, я сдѣлалъ роковую ошибку: раздражающая безвыходность моего положенія пересилила во мнѣ самообладаніе. Я сталъ поспѣшно и совершенно безполезно укорять ее въ молчаніи, которое до сихъ поръ держало меня въ невѣдѣніи истины.

— Еслибы вы это высказали, когда слѣдовало, началъ я:— еслибы вы оказали мнѣ простую справедливость, объясясь....

Она перебила меня гнѣвнымъ крикомъ. Немногія слова, сказанныя мной, повидимому, вызвали въ ней мгновенный порывъ бѣшенства.

— Объясясь! повторила она:—О, да есть ли на свѣтѣ еще хоть одинъ человѣкъ подобный этому? Я щажу его, когда у меня сердце разрывается; я заслоняю его, когда дѣло идетъ о моей собственной репутаціи; *онъ* же, именно *онъ*, идетъ противъ меня и говоритъ, что я должна была объясниться! Послѣ моей вѣры въ него, послѣ моей любви къ нему, послѣ

Digitized by Google

моихъ думъ о немъ въ теченіи цѣлаго дня и грезъ по ночамъ, онъ дивится еще, зачѣмъ я не обвинила его въ позорѣ при первой встрѣчѣ: милый мой, вы воръ, я любила и уважала въ васъ моего героя, а вы пробрались въ мою комнату подъ кровомъ ночи и украли мой алмазъ! Не это ли должна я была сказать вамъ? Негодяй вы, ruskiй негодяй! Да я отдала бы полсотни алмазовъ, чтобы не видать такой лжи на вашемъ лицѣ, какую вижу сегодня!

Я взялся за шляпу.

Щадя *ее*,—да! по чести могу сказать: щадя *ее*, я молча пошелъ и отворилъ дверь, чрезъ которую входилъ давеча въ комнату.

Она послѣдовала за мной, вырвала у меня ручку двери, затворила ее и указала мнѣ на оставленное мѣсто.

— Нѣтъ, проговорила она: — погодите! Выходитъ, что я должна оправдать свое поведеніе предъ *вами*. Извольте же остаться и выслушать. Или вы унизитесь до подлѣйшей низости и силой вырветесь отсюда?

Сердце мое разрывалось при видѣ ея, сердце мое разрывалось отъ ея словъ; я только знакомъ и могъ отвѣтить ей, что подчиняюсь ея волѣ. Яркій румянецъ гнѣва сталъ отливать съ лица ея, когда я вернулся и молча сѣлъ на стулъ. Она помедлила, собираясь съ силами. Когда же заговорила, въ ней замѣтенъ былъ лишь одинъ признакъ волненія: она говорила, не глядя на меня; руки ея были крѣпко сжаты на колѣнахъ, а глаза потуплены въ землю.

— Такъ я должна была оказать вамъ простую справедливость, объясняясь, сказала она, повторяя мои слова.—Вы увидите, пробовала ли я оказать вамъ справедливость, или нѣтъ. Я вамъ сейчасъ говорила, что не спала и не ложилась въ постель, послѣ того какъ вы вышли изъ гостиной. Нѣтъ надобности докучать вамъ, останавливаясь на томъ что̀ я думала, вы не поймете моихъ мыслей,—я только скажу, что̀ я сдѣлала по прошествіи нѣкотораго времени, когда опомнилась. Я не хотѣла будить весь домъ и разказывать всѣмъ о случившемся, какъ бы слѣдовало сдѣлать. Несмотря на все видѣнное мной, я еще довольно любила васъ для того, чтобы скорѣе повѣрить—чему бы то ни было! любой небылицѣ,—нежели допустить мысль, что вы были сознательнымъ воромъ. Думала я, думала и рѣшилась наконецъ писать къ вамъ.

Digitized by Google

— Я не получалъ письма.

— Знаю, что не получали. Погодите, я вамъ скажу почему именно. Мое письмо ничего не высказывало прямо. Оно погубило бы васъ на всю жизнь, попавъ въ чужія руки. Въ немъ говорилось только,—хотя вы, вѣроятно, поняли бы меня, что я имѣю основаніе считать васъ несостоятельнымъ должникомъ, и знаю по собственному опыту и по опыту моей матери, какъ вы неосторожны и не слишкомъ разборчивы въ средствахъ доставать необходимыя деньги. Вы вспомнили бы о посѣщеніи насъ французскимъ адвокатомъ и поняли бы, на что я намекаю. Далѣе, читая съ нѣкоторымъ вниманіемъ, вы дошли бы до предложенія, которое я хотѣла вамъ сдѣлать, — тайнаго (ни слова, замѣтьте, не было бы сказано вслухъ даже между нами!) предложенія займа такой значительной суммы, какую только можно достать. И я достала бы! воскликнула она, снова вспыхивая румянцемъ и снова взглянувъ на меня:—я сама заложила бы алмазъ, еслибы не могла достать денегъ инымъ путемъ! Въ такихъ выраженіяхъ я и написала къ вамъ. Погодите, мало того. Я устроила такъ, чтобы Пенелопа отдала вамъ письмо, когда возлѣ васъ никого не будетъ. Я намѣревалась запереться въ своей спальнѣ и отворить гостиную на все утро. Я надѣялась, отъ всего сердца, отъ всей души надѣялась, что вы воспользуетесь случаемъ и тайно положите алмазъ обратно въ ящикъ.

Я попробовалъ заговорить. Она остановила меня нетерпѣливымъ движеніемъ руки. Ощущенія ея такъ быстро мѣнялись, что гнѣвъ уже снова закипалъ въ ней. Она встала съ кресла и подошла ко мнѣ.

— Знаю, что вы хотите сказать, продолжала она;—вы хотите опять напомнить мнѣ, что не получили моего письма. Это вотъ почему: я изорвала его.

— По какой причинѣ? спросилъ я.

— По самой уважительной. Я предпочла скорѣе разорвать его чѣмъ бросить такому человѣку какъ вы! Какова была первая вѣсть, дошедшая до меня поутру? Что я услыхала именно въ то самое время, когда мой замыселъ созрѣлъ? Я узнала, что вы — вы!!! — первый обратились къ полиціи. Вы были дѣятелемъ, начинателемъ; вы болѣе всѣхъ хлопотали о розыскѣ драгоцѣнности! Вы простирали свою смѣлость до того, что желали переговорить со *мной* о про-

Digitized by Google

пажѣ алмаза, того алмаза, который сами украли, того алмаза, что̀ все это время былъ въ вашихъ рукахъ! Послѣ этого доказательства вашего отвратительнаго лукавства и хитрости, я разорвала письмо. Но и тогда, — въ то время какъ меня до бѣшенства доводили пытливые разспросы полицейскаго, присланнаго *вами*, и тогда въ умѣ моемъ тяготѣло что-то роковое, не дозволявшее мнѣ выдать васъ. Я сказала себѣ: „онъ игралъ низкую комедію предъ всѣми домашними. Посмотримъ, сыграетъ ли онъ ее предо мной.“ Кто-то сказалъ мнѣ, что вы на террасѣ. Я заставила себя глядѣть на васъ и говорить съ вами. Вы забыли что̀ я вамъ говорила тогда?

Я могъ бы отвѣтить, что помню все до единаго слова. Но къ чему бы послужилъ этотъ отвѣтъ въ такую минуту? Могъ ли я сказать ей, что слова ея удивили меня, огорчили, выказали мнѣ ее въ состояніи опаснаго нервнаго раздраженія и даже возбудили во мнѣ минутное сомнѣніе, точно ли пропажа алмаза составляетъ для нея такую же тайну какъ и для всѣхъ насъ, но что я не видалъ въ нихъ ни проблеска дѣйствительной правды? Не имѣя ни малѣйшаго доказательства для возстановленія своей невинности, могъ ли я увѣрить ее, что я менѣе всякаго посторонняго человѣка догадывался объ истинномъ смыслѣ ея словъ, сказанныхъ мнѣ на террасѣ?

— Можетъ-быть, вамъ удобнѣе забыть это; мнѣ—приличнѣе вспомнить, продолжала она:—я знаю что̀ я говорила, потому что обдумала это про себя прежде чѣмъ сказать. Я давала вамъ возможность за возможностью сознаться въ правдѣ. Я ничего не пропустила изъ того, что̀ *могла* сказать, и развѣ только прямо не сказала вамъ, что знаю какъ вы совершили кражу. А вы, вмѣсто всякаго отвѣта, поглядѣли на меня съ видомъ удивленія и невинности въ лукавомъ лицѣ, точь-въ-точь какъ смотрѣли на меня сегодня, какъ и теперь смотрите! Въ то утро я разсталась съ вами, узнавъ наконецъ, что̀ вы такое были и есть,—самый низкій изъ всѣхъ негодяевъ.

— Еслибы вы въ то время высказались, Рахиль, вы могли бы разстаться со мной, зная, что жестоко оскорбили невиннаго.

— Еслибъ я высказалась предъ другими, возразила она съ новымъ взрывомъ негодованія:—вы были бы опозорены

Digitized by Google

на всю жизнь! Еслибъ я высказалась наединѣ съ вами, вы бы отвергли это, какъ и теперь отвергаете! Не думаете ли вы, что я бы вамъ повѣрила? Развѣ задумается солгать человѣкъ, сдѣлавшій то, что *вы* сдѣлали на моихъ глазахъ, и потомъ поступавшій такъ, какъ *вы* поступали при мнѣ? Повторяю вамъ, я ужаснулась вашей лжи послѣ ужаса при видѣ вашего воровства. Вы говорите объ этомъ какъ о недоразумѣніи, которое можно разсѣять нѣсколькими словами! Ну, вотъ конецъ недоразумѣнію. Что же, дѣло поправлено? Дѣло остается совершенно попрежнему. *Теперь* я вамъ не вѣрю! Не вѣрю тому что вы нашли шлафрокъ, не вѣрю въ письмо Розанны Спермана, не вѣрю ни слову изъ того что вы говорили. Вы украли его, — я это видѣла! Вы притворялись, будто помогаете полиціи,—я это видѣла! Вы заложили алмазъ лондонскому ростовщику,—я въ этомъ увѣрена! Вы набросили подозрѣніе въ вашемъ позорномъ дѣлѣ (благодаря моему молчанію) на человѣка невиннаго! Вы на другое утро бѣжали съ своею покражей на континентъ! Послѣ всѣхъ этихъ низостей оставалось лишь одно что вы *могли* еще сдѣлать: это придти сюда съ послѣднею ложью на устахъ,—придти сюда и сказать мнѣ, что я была несправедлива къ вамъ!

Останься я еще хоть на минуту, какъ знать, не вырвались ли бы у меня такія слова, о которыхъ въ послѣдствіи я сталъ бы вспоминать съ тщетнымъ раскаяніемъ и сожалѣніемъ. Я прошелъ мимо нея и вторично отворилъ дверь. И она вторично, съ бѣшеною назойливостью раздраженной женщины, схватила меня за руку и преградила мнѣ дорогу.

— Пустите меня, Рахиль! сказалъ я:—право лучше будетъ для насъ обоихъ. Пустите.

Истерическое волненіе колыхало ея грудь; ускоренное, судорожное дыханіе почти касалось моего лица, въ то время какъ она удерживала меня возлѣ двери.

— Зачѣмъ вы пришли сюда? упорствовала она въ отчаяніи.—Повторяю вамъ, зачѣмъ вы сюда пришли? Не боитесь ли вы что я васъ выдамъ? Теперь, когда вы стали богатымъ человѣкомъ, когда у васъ есть положеніе въ свѣтѣ, когда вы можете жениться на лучшей изъ всѣхъ здѣшнихъ женщинъ,—не боитесь ли вы, что я скажу то, чего не говорила до сихъ поръ никому кромѣ васъ? Я не могу это

Digitized by Google

сказать! Не могу выдать васъ! Если можно быть хуже васъ, то я хуже васъ самихъ!

Она разразилась рыданіемъ и слезами. Она гнѣвно старалась подавить ихъ и все крѣпче держала меня.

— Я не могу вырвать васъ изъ своего сердца, сказала она:—даже теперь можете расчитывать на постыдную, безсильную слабость!

Она внезапно выпустила меня, вскинула руки и безумно заломила ихъ въ воздухѣ.

— Ни одна женщина въ мірѣ не рѣшилась бы позорить себя прикосновеніемъ къ нему! воскликнула она:—Боже мой! я презираю себя болѣе чѣмъ *его* самого!

Слезы невольно рвались у меня изъ глазъ, ужасъ этого положенія становился невыносимымъ.

— Вы однако узнаете какъ несправедливо оскорбили меня, сказалъ я:—или мы никогда болѣе не увидимся!

Съ этими словами я оставилъ ее. Она вскочила съ кресла, на которое бросилась за минуту предъ тѣмъ; она встала, благородная душа, и послѣдовала за мной въ другую комнату, провожая словомъ милосердія на прощанье.

— Франклинъ! сказала она:—я прощаю васъ! О, Франклинъ, Франклинъ! Мы никогда больше не увидимся. Скажите, что вы *меня* прощаете!

Я обернулся, и она могла видѣть въ лицѣ моемъ, что я уже не въ состояніи говорить, обернулся, махнулъ рукой и едва разглядѣлъ ее въ туманѣ, какъ призракъ, сквозь одолѣвшія меня слезы. Мигъ спустя невыносимая горечь миновала. Я опять очутился въ саду и уже не видѣлъ, не слыхалъ ея.

VIII.

Поздно вечеромъ ко мнѣ на квартиру неожиданно зашелъ мистеръ Броффъ.

Обращеніе адвоката замѣтно перемѣнилось. Оно утратило обычную развязность и живость. Онъ первый разъ въ жизни молча пожалъ мнѣ руку.

— Вы ѣдете обратно въ Гампстедъ? сказалъ я первое, что̀ пришло въ голову.

— Я только что изъ Гампстеда, отвѣтилъ онъ: — мнѣ

Digitized by Google

извѣстно, мистеръ Франкликъ, что вы наконецъ добились правды. Но, говоря откровенно, еслибъ я могъ предвидѣть, чего это будетъ стоить, я предпочелъ бы оставить васъ въ невѣдѣніи.

— Вы видѣли Рахиль?

— Я зашелъ къ вамъ, проводивъ ее назадъ въ Портлендъ-Плесъ; отпустить ее одну въ экипажѣ не было возможности. Принимая во вниманіе, что вы видѣлись съ нею въ моемъ домѣ и съ моего позволенія, я почти не могу считать васъ виновнымъ въ томъ потрясеніи, которое произвело въ ней это несчастное свиданіе. Въ моей власти лишь позаботиться о томъ, чтобъ эта бѣда не повторялась. Она молода, въ ней много рѣшимости, время и покой помогутъ ей оправиться. Я хочу быть увѣреннымъ, что вы ничѣмъ не помѣшаете ея выздоровленію. Могу ли разчитывать на то, что вы не станете добиваться вторичнаго свиданія съ ней,— по крайней мѣрѣ безъ моего согласія и одобренія?

— Послѣ того что̀ она выстрадала, и послѣ того что̀ я самъ выстрадалъ, сказалъ я,—можете положиться на меня.

— Вы обѣщаете?

— Обѣщаю.

Это, повидимому, облегчило мистера Броффа. Онъ отложилъ шляпу и придвинулъ свое кресло поближе къ моему.

— Ну, это рѣшено! сказалъ онъ:—теперь о будущемъ,—я разумѣю *ваше* будущее. По-моему, результатъ необычайнаго оборота, который приняло теперь это дѣло, въ краткихъ словахъ вотъ каковъ: прежде всего, мы увѣрены, что Рахиль сказала вамъ всю правду и какъ нельзя болѣе откровенно. Вовторыхъ,—хотя мы и знаемъ, что тутъ должна быть какая-то ужасная ошибка,—едва ли можно осуждать ее за то, что она считаетъ васъ виновнымъ, основываясь на свидѣтельствѣ собственныхъ глазъ, подкрѣпляемомъ обстоятельствами, которыя, повидимому, неопровержимо говорятъ противъ васъ.

Тутъ я прервалъ его.

— Я не осуждаю Рахили, сказалъ я;—я только сожалѣю, что она не могла заставить себя высказаться яснѣе въ то время.

— Это все равно что̀ жалѣть, зачѣмъ она—Рахиль, а не другая, возразилъ мистеръ Броффъ.—Но даже и въ такомъ случаѣ я сомнѣваюсь, чтобы дѣвушка, нѣсколько деликатная и желавшая выйдти за васъ замужъ, смогла сказать

Digitized by Google

вамъ въ лицо что вы воръ. Какъ бы то ни было, это не въ характерѣ Рахили. Въ дѣлѣ вовсе не похожемъ на ваше, которое, впрочемъ, поставило ее въ положеніе нѣсколько сходное съ теперешнимъ относительно васъ, она, какъ мнѣ извѣстно, руководствовалась тѣми же побужденіями, которыя обусловили ея поступокъ съ вами. Кромѣ того, какъ она говорила мнѣ сегодня по дорогѣ въ городъ, еслибъ она въ то время и ясно высказалась, то все-таки не повѣрила бы вашему отрицанію, точно такъ же какъ не вѣритъ ему теперь. Что̀ вы на это отвѣтите? Тутъ нечего отвѣчать. Ну! Полно! Мой взглядъ на это дѣло, мистеръ Франклинъ, оказался совершенно ложнымъ, согласенъ,—но въ теперешнихъ обстоятельствахъ совѣтъ мой все-таки можетъ пригодиться. Я вамъ откровенно скажу, что мы будемъ напрасно тратить время и безъ всякой пользы ломать себѣ голову, если захотимъ возвращаться къ прошлому и размотывать эту страшную путаницу съ самаго начала. Закроемъ же глаза рѣшительно на все случившееся прошлый годъ въ деревенскомъ домѣ леди Верриндеръ; и отъ того, чего *нельзя* развѣдать въ прошломъ, обратимся къ тому, что̀ *можно* открыть въ будущемъ.

— Вы вѣрно забываете, сказалъ я: — что все дѣло существеннѣйшимъ образомъ заключается въ прошломъ, по крайней мѣрѣ насколько я въ немъ замѣшанъ?

— Вотъ что̀ вы мнѣ скажите, возразилъ мистеръ Броффъ:— въ чемъ вся бѣда-то, въ Лунномъ камнѣ или нѣтъ?

— Конечно, въ Лунномъ камнѣ.

— Очень хорошо. Что̀ же, по нашему мнѣнію, сдѣлали съ Луннымъ камнемъ, привезя его въ Лондонъ?

— Заложили его мистеру Локеру.

— Мы знаемъ, что не вы его заложили. Знаемъ ли мы кто именно?

— Нѣтъ.

— А гдѣ теперь Лунный камень, по нашему мнѣнію?

— Сданъ подъ сохраненіе банкирамъ мистера Локера.

— Точно такъ. Ну, слушайте же. У насъ теперь іюль мѣсяцъ. Къ концу его (я не могу въ точности опредѣлить дня) будетъ годъ съ тѣхъ поръ какъ, по нашему мнѣнію, алмазъ заложенъ. По меньшей мѣрѣ вѣроятно, что заложившее его лицо можетъ приготовиться къ выкупу его по прошествіи года. Если оно выкупитъ его, то мистеръ Локеръ,

Digitized by Google

по условію, долженъ будетъ лично принять его изъ рукъ банкира. Въ такомъ случаѣ я предлагаю въ концѣ настоящаго мѣсяца поставить у банка вѣстовыхъ и развѣдать, кому именно мистеръ Локеръ передастъ Лунный камень. Понимаете ли теперь?

Я согласился (нѣсколько неохотно), что мысль эта во всякомъ случаѣ нова.

— Мысль эта на половину принадлежитъ мистеру Мортвету, сказалъ мистеръ Броффъ:—она, пожалуй, никогда бы не пришла мнѣ въ голову, не будь у насъ въ то время извѣстнаго разговора. Если мистеръ Мортветъ не ошибается, Индѣйцы, вѣроятно, тоже будутъ высматривать у банка къ концу мѣсяца,—и очень можетъ быть, что изъ этого выйдетъ кое-что серіозное. Что̀ именно выйдетъ, до этого намъ съ вами дѣла нѣтъ,—если только оно не поможетъ намъ захватить таинственнаго незнакомца, заложившаго алмазъ. Это лицо, повѣрьте мнѣ, виновно (хотя я не беру на себя рѣшить какъ именно) въ теперешнемъ вашемъ положеніи; и только это лицо можетъ возстановить васъ въ Рахилиномъ уваженіи.

— Не смѣю отвергать, сказалъ я,—что предлагаемый вами планъ разрѣшаетъ затрудненіе весьма смѣлымъ, остроумнымъ и новымъ способомъ. Но....

— Но вы хотите что-то возразить?

— Да. Мое возраженіе состоитъ въ томъ, что онъ заставляетъ насъ ждать.

— Согласенъ. По моему разчету, вамъ слѣдуетъ подождать недѣли двѣ, или около того. Развѣ это такъ долго?

— Это цѣлый вѣкъ, мистеръ Броффъ, въ моемъ положеніи. Мнѣ просто невыносимо станетъ самое существованіе, если я тотчасъ не предприму чего-нибудь для оправданія своей личности.

— Ладно, ладно, я понимаю это. А вы ужь обдумали что̀ можете сдѣлать?

— Я хотѣлъ посовѣтоваться съ приставомъ Коффомъ.

— Онъ вышелъ изъ полиціи. Вы напрасно надѣетесь на его помощь.

— Я знаю гдѣ онъ живетъ; отчего не попытаться?

— Попробуйте, сказалъ мистеръ Броффъ, съ минуту подумавъ:—дѣло приняло такой необычайный видъ послѣ пристава Коффа, что вы *можете* оживить въ немъ интересъ

Digitized by Google

къ слѣдствію. Попробуйте и увѣдомьте меня о результатѣ. А между тѣмъ, продолжалъ онъ, вставая, — если вы ничего не развѣдаете къ концу мѣсяца, могу ли я попробовать, съ своей стороны, нельзя ли чего сдѣлать, поставивъ вѣстовыхъ у банка?

— Разумѣется, отвѣтилъ я:—если только я до того времени не освобожу васъ отъ необходимости производить опытъ?

Мистеръ Броффъ улыбнулся и взялъ свою шляпу.

— Скажите приставу Коффу, возразилъ онъ:—что, по-моему, открытіе истины зависитъ отъ открытія того лица, которое заложило алмазъ; и сообщите мнѣ что̀ на это скажетъ опытность пристава.

Такъ мы разстались въ тотъ вечеръ. На другой день, рано поутру, я отправился въ маленькій городокъ Доркингъ, мѣсто отдохновенія пристава Коффа, указанное мнѣ Бетереджемъ.

Разспросивъ въ гостиницѣ, я получилъ надлежащія свѣдѣнія о томъ какъ найдти коттеджъ пристава. Онъ стоялъ на проселочной дорогѣ, невдалекѣ отъ города, пріютясь посреди облегающаго его садика, защищеннаго сзади и сбоковъ прочною, кирпичною стѣной, а спереди высокою живою изгородью. Ярко-раскрашенныя рѣшетчатыя ворота были заперты. Позвонивъ въ колокольчикъ, я заглянулъ сквозь рѣшетку и увидалъ повсюду любимый цвѣтокъ великаго Коффа, въ саду, на крыльцѣ, подъ окнами. Вдали отъ преступленій и тайнъ большаго города, знаменитый ловецъ воровъ доживалъ сибаритомъ послѣдніе годы жизни, покоясь на розахъ!

Прилично одѣтая пожилая женщина отворила мнѣ ворота и сразу разрушила всѣ надежды, какія я питалъ на помощь пристава Коффа. Онъ только вчера выѣхалъ въ Ирландію.

— Что̀ же, онъ по дѣлу туда поѣхалъ? спросилъ я.

Женщина улыбнулась.

— Унего теперь одно дѣло, сэръ, сказала она:—это розы. Садовникъ какого-то ирландскаго вельможи нашелъ новый способъ выращивать розы,—вотъ мистеръ Коффъ и поѣхалъ разузнать.

— Извѣстно вамъ когда онъ вернется?

— Навѣрно нельзя сказать, сэръ. Мистеръ Коффъ говорилъ, что можетъ вернуться тотчасъ же, а то и пробыть

Digitized by Google

нѣсколько времени, смотря по тому, покажется ли ему новое открытіе стóящимъ того чтобы имъ позаняться. Если вамъ угодно оставить ему записку, я поберегу ее до его пріѣзда.

Я подалъ ей свою карточку, предварительно написавъ на ней карандашомъ. „Имѣю кое-что сообщить о Лунномъ камнѣ. Увѣдомьте меня тотчасъ по пріѣздѣ.“ Послѣ этого ничего не оставалось болѣе, какъ покориться силѣ обстоятельствъ и вернуться въ Лондонъ.

При раздраженномъ состояніи моего ума въ описываемое время, неудачная поѣздка въ коттеджъ пристава только усилила во мнѣ тревожное побужденіе дѣйствовать какъ бы то ни было. Въ день моего возвращенія изъ Доркинга я рѣшился на слѣдующее утро снова попытаться проложить себѣ дорогу, сквозь всѣ препятствія, изъ мрака на свѣтъ.

Въ какой формѣ должна была проявиться слѣдующая попытка? Будь со мной безцѣнный Бетереджъ, въ то время какъ я обсуждалъ этотъ вопросъ, и знай онъ мои тайныя мысли, онъ объявилъ бы, что на этотъ разъ во мнѣ преобладаетъ нѣмецкая сторона моего характера. Безъ шутокъ, очень можетъ быть, что нѣмецкое воспитаніе обусловило тотъ лабиринтъ безполезныхъ размышленій, въ которомъ я плуталъ. Почти всю ночь просидѣлъ я, куря и создавая теоріи, одна другой невѣроятнѣе. Когда же заснулъ, то мечты, въ которыя погружался на яву, преслѣдовали меня и въ грезахъ. Къ утру я проснулся, ощущая въ мозгу нераздѣльную путаницу объективной субъективности съ субъективною объективностью. Этотъ день,—долженствовавшій быть свидѣтелемъ новой попытки моей къ практическимъ предпріятіямъ,—я началъ тѣмъ, что усомнился, имѣю ли право (на основаніи чистой философіи) считать какой бы то ни было предметъ (въ томъ числѣ и алмазъ) дѣйствительно существующимъ.

Не могу сказать, долго ли провиталъ бы я въ туманѣ своей метафизики, еслибы мнѣ пришлось выбираться оттуда самому. Но оказалось, что на помощь мнѣ явился случай и благополучно выручилъ меня. Въ это утро я случайно надѣлъ тотъ самый сюртукъ, который былъ на мнѣ въ день моего свиданія съ Рахилью. Отыскивая что-то въ карманахъ, я нашелъ какую-то скомканную бумагу, и вытащивъ ее, увидѣлъ забытое мной письмо Бетереджа.

Digitized by Google

Было бы грубо оставить безъ отвѣта письмо добраго стараго друга. Я сѣлъ къ письменному столу и перечелъ письмо.

Не всегда легко отвѣчать на письма, не заключающія въ себѣ ничего важнаго. Настоящая попытка Бетереджа вступить въ переписку принадлежала именно къ этой категоріи. Помощникъ мистера Канди, онъ же Ездра Дженнингсъ, сказалъ своему хозяину что видѣлъ меня; а мистеръ Канди въ свою очередь желалъ меня видѣть и кое-что передать мнѣ въ слѣдующій разъ, какъ я буду во фризингальскомъ околоткѣ. Въ отвѣтъ на это не стоило тратить бумаги. Я сидѣлъ, отъ нечего дѣлать рисуя на память портреты замѣчательнаго помощника мистера Канди на листкѣ бумаги, который хотѣлъ посватить Бетереджу, какъ вдругъ мнѣ пришло въ голову, что неизбѣжный Ездра Дженнингсъ опять подвертывается мнѣ на пути! Я перебросалъ въ корзину съ ненужными бумагами по крайней мѣрѣ дюжину портретовъ пѣтаго человѣка (во всякомъ случаѣ, волосы выходили замѣчательно похожи), и время отъ времени дописывалъ отвѣтъ Бетереджу. Письмо цѣликомъ состояло изъ однихъ общихъ мѣстъ, но имѣло на меня превосходное вліяніе. Трудъ изложенія нѣсколькихъ мыслей простымъ англійскимъ языкомъ совершенно разчистилъ мой умъ отъ туманной чепухи, наполнявшей его со вчерашняго дня.

Посвативъ себя снова разбору непроницаемой безвыходности моего положенія, я старался разрѣшить всю трудность, изслѣдовавъ ее съ чисто-практической точки зрѣнія. Такъ какъ событія незабвенной ночи оставались все еще непонятными, то я старался оглянуться подальше назадъ, и припоминая первые часы дня рожденія, отыскивалъ тамъ какого-нибудь обстоятельства, которое помогло бы мнѣ найдти ключъ къ разрѣшенію загадки.

Не было ли чего-нибудь въ то время, какъ мы съ Рахилью докрашивали дверь? Или позже, когда я поѣхалъ верхомъ во Фризингаллъ, или послѣ того, когда я возвращался съ Годфреемъ Абльвайтомъ и его сестрами? Или еще позднѣе, когда я вручалъ Рахили Лунный камень? Или еще позже, когда гости уже собрались, и мы сѣли за столъ? Память моя довольно свободно располагала отвѣтами на эту вереницу вопросовъ, пока я не дошелъ до послѣдняго. Оглядываясь на обѣденныя происшествія въ день рожденія, я сталъ въ тупикъ при самомъ началѣ. Я не могъ даже въ точности

Digitized by Google

припомнить число гостей, съ которыми сидѣлъ за однимъ и тѣмъ же столомъ.

Почувствовать свою несостоятельность относительно этого пункта и тотчасъ заключить, что событія за обѣдомъ могутъ щедро вознаградить за трудъ изслѣдованія ихъ—было дѣломъ одного и того же умственнаго процесса. Мнѣ кажется, и другіе, находясь въ подобномъ положеніи, разсудили бы точно такъ же, какъ я. Когда преслѣдованіе нашихъ цѣлей заставляетъ насъ разбирать самихъ себя, мы естественно подозрительны относительно того, что̀ намъ неизвѣстно. Я рѣшился, какъ только мнѣ удастся припомнить имена всѣхъ присутствовавшихъ на обѣдѣ,—для пополненія дефицита въ собственной памяти, — прибѣгнуть къ воспоминаніямъ прочихъ гостей: записать все, что̀ они припомнятъ изъ происшествій во время обѣда, и полученный такимъ образомъ результатъ провѣрить при помощи случившагося послѣ того какъ гости разъѣхались по домамъ.

Это послѣдній и новѣйшій изъ замышляемыхъ мною опытовъ въ искусствѣ изслѣдованія,—который Бетереджъ, вѣроятно, приписалъ бы преобладанію во мнѣ на этотъ разъ свѣтлаго взгляда или французской стороны моего характера,—въ правѣ занять мѣсто на этихъ страницахъ въ силу своихъ качествъ. Какъ бы ни казалось это неправдоподобнымъ, но я дѣйствительно дорылся наконецъ до самаго корня этого дѣла. Я нуждался лишь въ намекѣ, который указалъ бы мнѣ въ какомъ направленіи сдѣлать первый шагъ. И не прошло дня, какъ этотъ намекъ былъ поданъ мнѣ однимъ изъ гостей, присутствовавшихъ на обѣдѣ въ день рожденія. Имѣя въ виду этотъ планъ дѣйствія, мнѣ прежде всего необходимо было достать полный списокъ гостей. Я легко могъ добыть его у Габріеля Бетереджа. Я рѣшился въ тотъ же день вернуться въ Йоркширъ и на другое утро начать предполагаемыя изслѣдованія.

Поѣздъ, отходящій изъ Лондона въ полдень, только что отправился. Ничего не оставалось какъ переждать часа три до отхода слѣдующаго поѣзда. Не было ли возможности заняться пока въ самомъ Лондонѣ чѣмъ-нибудь полезнымъ?

Мысли мои упорно возвращались къ обѣду въ день рожденія.

Хотя я забылъ число и многія имена гостей, а все же довольно ясно помнилъ, что бо́льшая часть ихъ пріѣзжала изъ

Digitized by Google

Фризингалла и окрестностей. Но бо́льшая часть еще не всѣ. Нѣкоторые изъ насъ не были постоянными жителями графства. Я самъ былъ одинъ изъ этихъ нѣкоторыхъ. Другимъ былъ мистеръ Мортветъ. Годфрей Абльвайтъ — третьимъ. Мистеръ Броффъ.... Нѣтъ: я вспомнилъ, что дѣла не позволяли мистеру Броффу пріѣхать. Не было ли между дамами постоянныхъ жительницъ Лондона? Изъ этой категоріи я могъ припомнить одну миссъ Клакъ. Во всякомъ случаѣ, здѣсь были трое изъ числа гостей, которыхъ мнѣ явно слѣдовало повидать до отъѣзда изъ города. Я тотчасъ поѣхалъ въ контору къ мистеру Броффу, такъ какъ не зналъ адреса разыскиваемыхъ мною лицъ и думалъ, что онъ можетъ навести меня на слѣдъ ихъ.

Мистеръ Броффъ оказался слишкомъ занятымъ для того, чтобъ удѣлить мнѣ болѣе минуты своего драгоцѣннаго времени. Впрочемъ, въ эту минуту онъ успѣлъ разрѣшить всѣ мои вопросы самымъ обезнадеживающимъ образомъ.

Вопервыхъ, онъ считалъ новоизобрѣтенный мною способъ найдти ключъ къ разгадкѣ слишкомъ фантастичнымъ, чтобы серіозно обсуждать его. Вовторыхъ, втретьихъ и вчетвертыхъ, мистеръ Мортветъ возвращался въ это время на поприще своихъ прошлыхъ приключеній. Миссъ Клакъ понесла убытки и поселилась, изъ экономическихъ разчетовъ, во Франціи; мистера Годфрея Абльвайта еще можно найдти гдѣ-нибудь въ Лондонѣ, а пожалуй и нельзя; не справлюсь ли я въ клубѣ? И не извиню ли я мистера Броффа, если онъ вернется къ своему дѣлу, пожелавъ мнѣ добраго утра?

Такъ какъ поле изслѣдованій въ Лондонѣ сузилось до того, что ограничилось одною потребностью достать адресъ Годфрея, то я воспользовался совѣтомъ адвоката и поѣхалъ въ клубъ.

Въ залѣ я встрѣтилъ одного изъ членовъ, стараго пріятеля моего кузена и вмѣстѣ моего знакомаго. Этотъ джентльменъ, давъ мнѣ адресъ Годфрея, сообщилъ о двухъ послѣднихъ событіяхъ въ его жизни, имѣвшихъ нѣкоторое значеніе и до сихъ поръ еще не дошедшихъ до моего слуха.

Оказалось, что Годфрей, далеко не падая духомъ вслѣдствіе отказа Рахили отъ своего слова, вскорѣ послѣ того сталъ ухаживать съ брачными цѣлями за другою молодою леди, славившеюся богатою наслѣдницей. Онъ имѣлъ успѣхъ,

Digitized by Google

и женитьба его считалась уже дѣломъ рѣшеннымъ и вѣрнымъ. Но и здѣсь внезапно и неожиданно произошла размолвка,—на этотъ разъ, какъ разказывали, благодаря серіозной разницѣ во мнѣніяхъ жениха и отца невѣсты по вопросу о приданомъ.

Вскорѣ послѣ того нѣкоторымъ утѣшеніемъ въ этомъ вторичномъ крушеніи брачныхъ надеждъ Годфрея послужило нѣжное и выгодное въ денежномъ отношеніи воспоминаніе, какое обнаружила относительно его одна изъ многочисленныхъ его поклонницъ. Богатая старушка, — пользовавшаяся большимъ почетомъ въ Материнскомъ Обществѣ обращенія на путь истинный и большая пріятельница миссъ Клакъ,—завѣщала достойному удивленія по заслугамъ Годфрею пять тысячъ фунтовъ. Получивъ эту кругленькую прибавку къ своимъ скромнымъ денежнымъ средствамъ, онъ во всеуслышаніе объявилъ, что ощущаетъ потребность въ небольшомъ отдыхѣ послѣ подвиговъ милосердія, и что докторъ предписалъ ему „пошляться на континентѣ, что̀, по всей вѣроятности, принесетъ въ будущемъ большую пользу его здоровью". Если мнѣ надо его видѣть, то не слѣдуетъ терять времени, откладывая посѣщеніе его.

Я тотчасъ же поѣхалъ къ нему. Что-то роковое, заставившее меня опоздать однимъ днемъ при посѣщеніи пристава Коффа, и теперь преслѣдовало меня въ поѣздкѣ къ Годфрею. Утромъ наканунѣ онъ выѣхалъ изъ Лондона съ пароходомъ въ Дувръ. Далѣе онъ долженъ былъ слѣдовать на Остенде; слуга его полагалъ, что онъ отправился въ Брюссель. Время возвращенія его навѣрно не извѣстно; но по всей вѣроятности, отсутствіе его продлится не менѣе трехъ мѣсяцевъ.

Я вернулся къ себѣ на квартиру, нѣсколько упавъ духомъ. Трехъ приглашенныхъ на обѣдъ въ день рожденія,—и трехъ умнѣйшихъ,—недоставало въ то самое время, когда мнѣ всего нужнѣе было бы войдти съ ними въ сношенія. Оставалась послѣдняя надежда на Бетереджа и на друзей покойной леди Веринадеръ, которыхъ я могъ еще найдти въ живыхъ по сосѣдству съ деревенскимъ домомъ Рахили.

На этотъ разъ я отправился прямо въ Фризингаллъ,—такъ какъ городъ этотъ былъ центральнымъ пунктомъ моихъ изслѣдованій. Я пріѣхалъ слишкомъ поздно вечеромъ чтобъ извѣстить Бетереджа. На слѣдующее утро я отправилъ къ

Digitized by Google

кему разсыльнаго съ запиской, въ которой просилъ его прибыть ко мнѣ въ гостиницу при первой возможности. Частію для сбереженія времени, частію ради удобства стараго слуги позаботясь отправить разсыльнаго въ одноколкѣ, я могъ благоразумно разчитывать, если не будетъ задержки, увидѣть старика часа черезъ два послѣ того какъ послалъ за нимъ. Въ теченіе этого времени я располагалъ начать задуманныя изслѣдованія съ тѣхъ изъ присутствовавшихъ на обѣдѣ въ день рожденія, которые были мнѣ знакомы и находились у меня подъ рукой. Таковы были родственники мои Абльвайты и мистеръ Канди. Докторъ особенно желалъ видѣть меня и жилъ въ сосѣдней улицѣ. Я и пошелъ прежде всего къ мистеру Канди.

Послѣ сказаннаго мнѣ Бетереджемъ, я весьма естественно думалъ найдти въ лицѣ доктора слѣды вынесенной имъ тяжелой болѣзни. Но я вовсе не былъ приготовленъ къ той перемѣнѣ, которую замѣтилъ въ немъ, когда онъ вошелъ въ комнату и пожалъ мнѣ руку. Глаза у него потускли; волосы совсѣмъ посѣдѣли; весь онъ опустился. Я глядѣлъ на маленькаго доктора, нѣкогда живаго, вѣтренаго, веселаго,— неразлучнаго въ моей памяти съ безчисленными проступками по части неизлѣчимой нескромности и ребяческихъ шалостей,—и ничего не видѣлъ въ немъ изъ прежняго, кромѣ старой склонности къ мѣщанской пестротѣ одежды. Самъ онъ сталъ развалиной; но платье и дорогія бездѣлушки,—какъ бы въ жестокую насмѣшку надъ происшедшею въ немъ перемѣной,—были пестры и роскошны попрежнему.

— Я часто вспоминалъ о васъ, мистеръ Блекъ, сказалъ онъ:— и сердечно радъ видѣть васъ наконецъ. Если у васъ есть ко мнѣ какая-нибудь надобность, располагайте, пожалуста, моими услугами, сэръ, пожалуста располагайте моими услугами!

Онъ проговорилъ эти обычныя фразы съ излишнею поспѣшностью, съ жаромъ и съ видимымъ желаніемъ знать, что̀ привело меня въ Йоркширъ,—желаніемъ, котораго онъ, можно сказать, совершенно по-дѣтски не умѣлъ скрыть.

Задавшись моею цѣлью, я, конечно, предвидѣлъ, что долженъ войдти въ нѣкоторыя объясненія, прежде чѣмъ успѣю заинтересовать въ моемъ дѣлѣ людей, большею частію посторонних. По дорогѣ въ Фризингаллъ я подготовилъ эти объясненія,—и воспользовался представлявшимся теперь случаемъ испытать ихъ дѣйствіе на мистерѣ Канди.

Digitized by Google

— Я на днях был в Йоркшире, и вот сегодня опять приехал с целью несколько романического свойства, сказал я. — Это дело, мистер Канди, в котором все друзья покойной леди Вериндер принимали некоторое участие. Вы помните таинственную пропажу индейского алмаза около года тому назад? В последнее время возникли некоторыя обстоятельства, подающія надежду отыскать его,— и я сам, как член семейства, заинтересован в этих розысках. В числе прочих затруднений является надобность снова собрать все показанія, добытыя в то время и, если можно, более того. В этом деле есть некоторыя особенности, вследствіе которых мне было бы желательно возобновить в своей памяти все происходившее в доме в день рожденія миссъ Вериндер. И я решаюсь обратиться к друзьям ея покойной матери, бывшим на этом празднике, чтоб они помогли мне своими воспоминаніями...

Прорепетировав свое объясненіе до этих слов, я вдруг остановился, явно читая в лице мистера Канди, что мой опыт над ним совершенно не удался.

Все время пока я говорил, маленькій докторъ сидел, тревожно пощипывая кончики пальцев. Мутные, влажные глаза его были устремлены прямо в лицо мне, с выраженіем какого-то безпредметнаго, разсеяннаго любопытства, на которое больно было смотреть. Кто его знает, о чем он думал. Одно было ясно—то, что с первых же слов мне вовсе не удалось сосредоточить его вниманіе. Единственная возможность привести его в себя, повидимому, заключалась в перемене разговора. Я тотчас попробовал дать ему другое направленіе.

— Так вот зачем я приехал в Фризингаллъ! весело проговорил я: — теперь ваша очередь, мистер Канди. Вы прислали мне весточку чрезъ Габріеля Бетереджа....

Он перестал щипать пальцы и вдруг просиял.

— Да! да! да! с жаром воскликнул он: — это так! Я послал вам весточку!

— А Бетереджъ не преминул сообщить мне ее в письме, продолжал я:—вы хотели что-то передать в следующій разъ, как я буду в вашем околотке. Ну, мистер Канди, вот я здесь налицо!

— Здесь налицо! повторил докторъ: — а Бетереджъ-то

Digitized by Google

вѣдь правъ былъ. Я хотѣлъ кое-что сказать вамъ. Вотъ въ этомъ и вѣсточка заключалась. Удивительный человѣкъ этотъ Бетереджъ. Какая память! Въ его лѣта и какая память!

Онъ опять замолкъ и снова сталъ пощипывать пальцы. Вспомнивъ слышанное мною отъ Бетереджа о вліяніи горячки на его память, я продолжалъ разговоръ въ надеждѣ на то, что могу навести его на точку отправленія.

— Давненько мы съ вами не видались, сказалъ я:—послѣдній разъ это было на обѣдѣ въ день рожденія, который бѣдная тетушка давала въ послѣдній разъ въ жизни.

— Вотъ, вотъ! воскликнулъ мистеръ Канди:—именно обѣдъ въ день рожденія!

Онъ нервно задрожалъ всѣмъ тѣломъ и поглядѣлъ на меня. Яркій румянецъ внезапно разлился у него на блѣдномъ лицѣ; онъ проворно сѣлъ на свое мѣсто, словно сознавая, что обличилъ свою слабость, которую ему хотѣлось скрыть. Ясно,— къ величайшему прискорбію,—ясно было, что онъ чувствовалъ недостатокъ памяти и стремился утаить его отъ наблюденія своихъ друзей.

До сихъ поръ онъ возбуждалъ во мнѣ лишь одно состраданіе. Но слова, произнесенныя имъ теперь, — при всей ихъ немногочисленности,—въ высшей степени затронули мое любопытство. Обѣдъ въ день рожденія уже и прежде былъ для меня единственнымъ событіемъ прошлыхъ дней, на которое я взиралъ, ощущая въ себѣ странную смѣсь чувства надежды и вмѣстѣ недовѣрія. И вотъ теперь этотъ обѣдъ несомнѣнно являлся тѣмъ самымъ, по поводу чего мистеръ Канди хотѣлъ мнѣ сообщить нѣчто важное!

Я попробовалъ снова помочь ему. Но на этотъ разъ основнымъ побужденіемъ къ состраданію были мои собственные интересы, и они-то заставили меня слишкомъ круто и поспѣшно повернуть къ цѣли, которую я имѣлъ въ виду.

— Вѣдь ужь скоро годъ, сказалъ я, — какъ мы съ вами такъ весело пировали. Не записали ли вы на память, — въ своемъ дневникѣ, или какъ-нибудь иначе, — то, что̀ хотѣли сообщить мнѣ?

Мистеръ Канди понялъ намекъ и далъ мнѣ почувствовать, что принялъ его за обиду.

— Я не нуждаюсь въ запискахъ для памяти, мистеръ Блекъ, проговорилъ онъ довольно гордо:—я еще не такъ старъ, и, слава Богу, могу еще вполнѣ полагаться на свою память!

Digitized by Google

Нѣтъ надобности упоминать о томъ, что я сдѣлалъ видъ, будто не замѣтилъ его обидчивости.

— Хорошо, еслибъ я могъ сказать то же о *своей* памяти, отвѣтилъ я: — когда я стараюсь припомнить прошлогодніе дѣла, мои воспоминанія рѣдко бываютъ такъ живы, какъ бы мнѣ хотѣлось. Возьмемъ, напримѣръ, обѣдъ у леди Веринадеръ....

Мистеръ Канди опять просіялъ, какъ только этотъ намекъ вышелъ изъ устъ моихъ.

— Ахъ, да! Обѣдъ, обѣдъ у леди Веринадеръ! воскликнулъ онъ горячѣе прежняго. — Я хотѣлъ вамъ кое-что̀ сказать о немъ.

Глаза его снова остановились на мнѣ съ выраженіемъ разсѣяннаго, безпредметнаго любопытства, безпомощно жалкаго на видъ. Онъ, очевидно, изо всѣхъ силъ и все-таки напрасно старался припомнить забытое.

— Весело попировали, вдругъ вырвалось у него, словно онъ это самое и хотѣлъ сообщить мнѣ, — вѣдь очень весело попировали, мистеръ Блекъ, неправда ли?

Онъ кивнулъ головой, улыбнулся и, кажется, думалъ, бѣдняга, что ему удалось-таки скрыть полнѣйшую несостоятельность памяти, своевременно пустивъ въ ходъ свою находчивость. Это подѣйствовало на меня такъ тяжело, что я тотчасъ, — какъ ни былъ глубоко заинтересованъ въ томъ чтобъ онъ припомнилъ забытое, — перевелъ разговоръ на мѣстные интересы. Тутъ у него пошло какъ по маслу. Сплетни о городскихъ скандальчикахъ и ссорахъ, случавшихся даже за мѣсяцъ тому назадъ, приходили ему на память. Онъ защебеталъ съ нѣкоторою долей гладкой, свободно текучей болтовни прежняго времени. Но и тутъ бывали минуты, когда онъ въ самомъ разгарѣ своей говорливости вдругъ запинался,—опять взглядывалъ на меня съ выраженіемъ безпредметнаго любопытства,—потомъ овладѣвалъ собою и продолжалъ. Я терпѣливо сносилъ свое мученіе (развѣ не мука, сочувствуя лишь всемірнымъ интересамъ, погружаться съ молчаливою покорностью въ новости провинціальнаго городка?), пока не увидалъ на каминныхъ часахъ, что визитъ мой продолжался уже болѣе получаса. Имѣя нѣкоторое право считать жертву принесенною, я сталъ прощаться. Пожимая мнѣ руку, мистеръ Канди еще разъ добровольно возвратился къ торжеству дня рожденія.

Digitized by Google

— Я такъ радъ, что мы съ вами встрѣтились, сказалъ онъ,—у меня все на умѣ было, право, мистеръ Блекъ, у меня было на умѣ поговорить съ вами. Насчетъ обѣда-то у леди Веридеръ, знаете? Весело попировали, очень весело попировали, не правда ли?

Повторяя эту фразу, онъ, кажется, менѣе чѣмъ въ первый разъ былъ увѣренъ въ томъ, что предотвратилъ мои подозрѣнія относительно утраты его памяти. Облако задумчивости омрачило его лицо; намѣреваясь, повидимому, проводить меня до крыльца, онъ вдругъ перемѣнилъ намѣреніе, позвонилъ слугу и остался въ гостиной.

Я тихо сошелъ съ лѣстницы, обезсиленный сознаніемъ, что онъ точно хотѣлъ сообщить мнѣ нѣчто существенно важное для меня и оказался нравственно несостоятельнымъ. Ослабѣвшая память его, очевидно, была способна лишь на усиліе, съ которымъ онъ припоминалъ что хотѣлъ поговорить со мной. Только что я сошелъ съ лѣстницы и поворачивалъ за уголъ въ переднюю, гдѣ-то въ нижнемъ этажѣ отворилась дверь, и тихій голосъ проговорилъ за мной:

— Вѣроятно, сэръ, вы нашли прискорбную перемѣну въ мистерѣ Канди?

Я обернулся и сталъ лицомъ къ лицу съ Ездрой Дженнингсомъ.

IX.

Хорошенькая служанка доктора поджидала меня, держа наготовѣ отворенную дверь на крыльцо. Утренній свѣтъ, ослѣпительно врываясь въ переднюю, озарялъ все лицо помощника мистера Канди въ тотъ мигъ, какъ я обернулся и поглядѣлъ на него. Не было возможности оспаривать заявленіе Бетереджа, что наружность Ездры Дженнингса вообще говорила не въ его пользу. Смуглый цвѣтъ лица, впалыя щеки, выдающіяся скулы, задумчивый взглядъ, выходящіе изъ ряду нѣгіе волосы, загадочное противорѣчіе между его лицомъ и станомъ, придававшее ему какъ-то разомъ видъ старика и молодаго человѣка,—все было въ немъ разчитано на произведеніе болѣе или менѣе неблагопріятнаго впечатлѣнія на постороннихъ. И однакоже, сознавая все это, я долженъ сказать, что Ездра Дженнингсъ возбуждалъ во мнѣ какое-то неповятное сочувствіе, котораго я никакъ не могъ

Digitized by Google

подавить. Въ то время какъ свѣтскость заставляла меня отвѣтить на его вопросъ, что я дѣйствительно нашелъ прискорбную перемѣну въ мистерѣ Канди, и затѣмъ выйдти изъ дому, участіе къ Ездрѣ Дженнингсу приковало меня къ мѣсту и дало ему возможность поговорить со мной о своемъ хозяинѣ, котораго онъ очевидно поджидалъ.

— Не по дорогѣ ли намъ, мистеръ Дженнингсъ? сказалъ я, видя, что онъ держитъ въ рукѣ шляпу, — я хочу зайдти къ моей тетушкѣ, мистрисъ Абльвайтъ.

Ездра Дженнингсъ отвѣчалъ, что ему надо повидать больнаго, и это будетъ по дорогѣ.

Мы вмѣстѣ вышли изъ дому. Я замѣтилъ, что хорошенькая служанка, — олицетворенная улыбка и любезность въ то время какъ я на прощаньи пожелалъ ей добраго утра,—выслушивая скромное заявленіе Ездры Дженнингса о томъ, когда онъ вернется домой, поджимала губки и явно старалась избѣгать его взгляда. Очевидно, бѣдняга не былъ домашнимъ любимцемъ. А внѣ дома, по увѣренію Бетереджа, его нигдѣ не любили. „Какова жизнь!“ подумалъ я, сходя съ докторскаго крыльца.

Упомянувъ о болѣзни мистера Канди, Ездра Дженнингсъ, повидимому, рѣшился предоставить мнѣ возобновленіе разговора. Молчаніе его какъ бы говорило: „теперь ваша очередь“. Я также имѣлъ причину коснуться болѣзни доктора и охотно принялъ на себя обязанность заговорить первый.

— Судя по той перемѣнѣ, которую я замѣчаю въ немъ, началъ я,—болѣзнь мистера Канди была гораздо серіознѣе нежели я думалъ.

— Ужь и то чудо, что онъ ее пережилъ, сказалъ Ездра Дженнингсъ.

— Что̀, у него всегда такая память какъ сегодня? Онъ все старался заговорить со мной....

— О чемъ-нибудь случившемся до его болѣзни? спросилъ помощникъ, видя, что я не рѣшался договорить.

— Да.

— Что̀ касается происшествій того времени, память его безнадежно плоха, сказалъ Ездра Дженнингсъ: — чуть ли не приходится сожалѣть и о томъ, что у него, бѣдняги, сохранились еще кое-какіе остатки ея. Когда онъ смутно припоминаетъ задуманные планы,—то или другое, что̀ собирался сказать или сдѣлать до болѣзни,—онъ вовсе не въ состояніи

Digitized by Google

вспомнить, въ чемъ заключались эти планы и что̀ именно хотѣлъ онъ сказать или сдѣлать. Онъ съ грустью сознаетъ свой недостатокъ и старается скрыть его, какъ вы могли замѣтить, отъ постороннихъ. Еслибъ онъ только могъ выздоровѣть, совершенно забывъ прошлое, онъ былъ бы счастливѣе. Мы всѣ, пожалуй, были бы счастливѣе, прибавилъ онъ съ грустною улыбкой, — еслибы могли вполнѣ забывать!

— Но вѣдь у всѣхъ людей есть и такія событія въ жизни, которыя весьма неохотно забываются? возразилъ я.

— Это, надѣюсь, можно сказать о большей части людей, мистеръ Блекъ. Но едвали это справедливо относительно *всѣхъ*. Имѣете вы нѣкоторое основаніе думать, что утраченное воспоминаніе, которое мистеръ Канди, говоря съ вами, старался возобновить въ себѣ, было бы важно для *васъ*?

Сказавъ эти слова, онъ самъ первый затронулъ именно тотъ пунктъ, о которомъ я хотѣлъ разспросить его. Участіе, питаемое мной къ этому странному человѣку, побудило меня прежде всего дать ему возможность высказаться; при этомъ я откладывалъ то, что̀ могъ съ своей стороны сказать объ его хозяинѣ, пока не увѣрюсь, что имѣю дѣло съ человѣкомъ, на деликатность и скромность котораго можно вполнѣ положиться. Немногое сказанное имъ до сихъ поръ достаточно убѣдило меня, что я говорю съ джентльменомъ. Въ немъ было, такъ-сказать, *непринужденное самообладаніе*, составляющее вѣрнѣйшій признакъ хорошаго воспитанія не только въ Англіи, но и всюду въ цивилизованномъ мірѣ. Съ какою бы цѣлью онъ ни предложилъ мнѣ послѣдній вопросъ, я не сомнѣвался въ томъ, что могу,—до сихъ поръ по крайней мѣрѣ,—отвѣчать ему не стѣсняясь.

— Мнѣ сдается, что я долженъ быть сильно заинтересованъ въ утраченномъ воспоминаніи, котораго мистеръ Канди не могъ припомнить, сказалъ я.—Смѣю ли я спросить, не можете ли вы указать мнѣ какое-нибудь средство помочь его памяти?

Ездра Джеккингсъ взглянулъ на меня со внезапнымъ проблескомъ участія въ задумчивыхъ темныхъ глазахъ.

— Память мистера Канди недоступна помощи, сказалъ онъ. — Со времени его выздоровленія я такъ часто пытался помочь ему, что въ этомъ отношеніи могу высказаться положительно.

Digitized by Google

Я опѣшилъ и откровенно сознался въ этомъ.

Ездра Дженнингсъ улыбнулся.

— Можетъ-быть, это и не окончательный отвѣтъ, мистеръ Блекъ. Можно, пожалуй, возстановить утраченное воспоминаніе мистера Канди, вовсе не прибѣгая къ самому мистеру Канди.

— Право? Можетъ-быть, это нескромно съ моей стороны, если я спрошу: какъ именно?

— Вовсе нѣтъ. Единственное затрудненіе для меня въ отвѣтѣ на вашъ вопросъ заключается въ томъ, чтобы вы поняли меня. Могу ли я разчитывать на ваше терпѣніе, если вновь коснусь болѣзни мистера Канди, и на этотъ разъ не обходя нѣкоторыхъ научныхъ подробностей?

— Пожалуста, продолжайте! Вы уже заинтересовали меня въ этихъ подробностяхъ.

Горячность моя, кажется, забавляла его или, вѣрнѣе, нравилась ему. Онъ опять улыбнулся. Тѣмъ временемъ послѣдніе городскіе дома остались позади насъ. Ездра Дженнингсъ пріостановился на минуту и сорвалъ нѣсколько дикихъ цвѣтовъ на придорожной изгороди.

— Что это за прелесть! проговорилъ онъ, показывая мнѣ маленькій букетъ: — и какъ мало ихъ цѣнятъ въ Англіи!

— Вы не постоянно жили въ Англіи? сказалъ я.

— Нѣтъ. Я родился и частію воспитанъ въ одной изъ нашихъ колоній. Отецъ мой былъ Англичанинъ, а мать.... Но мы удалились отъ нашего предмета, мистеръ Блекъ, и это моя вина. Дѣло въ томъ, что эти скромные придорожные цвѣточки напоминаютъ мнѣ.... Впрочемъ, это все равно; мы говорили о мистерѣ Канди, возвратимся же къ мистеру Канди.

Связавъ нѣсколько словъ, неохотно вырвавшихся у него о самомъ себѣ, съ тѣмъ грустнымъ взглядомъ на жизнь, который привелъ его къ тому чтобы полагать условіе человѣческаго счастія въ полномъ забвеніи прошлаго, я убѣдился, что лицо его не обмануло меня, по крайней мѣрѣ въ двухъ отношеніяхъ: онъ страдалъ, какъ немногіе страдаютъ, и въ англійской крови его была примѣсь чужеземной расы.

— Вы считали, если я не ошибаюсь, о настоящей причинѣ болѣзни мистера Канди? началъ онъ. — Въ тотъ вечеръ какъ леди Вериндеръ давала обѣдъ, шелъ проливной дождь. Хозяинъ мой возвращался назадъ въ одноколкѣ и пріѣхалъ домой насквозь мокрый. Тамъ онъ нашелъ записку отъ боль-

Digitized by Google

каго, дожидавшагося его и, къ несчастію, тотчасъ отправился извѣстить заболѣвшаго, даже не перемѣнивъ платья. Меня въ тотъ вечеръ тоже задержалъ одинъ больной въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Фризингалла. Вернувшись на слѣдующее утро, я засталъ грума мистера Канди, ожидавшаго меня въ большой тревогѣ; онъ тотчасъ провелъ меня въ комнату своего господина. Къ этому времени бѣда уже разыгралась: болѣзнь засѣла въ немъ.

— Мнѣ эту болѣзнь описывали подъ общимъ названіемъ горячки, сказалъ я.

— Да и я не могу описать ее точнѣе, отвѣтилъ Ездра Дженнингсъ:—съ самаго начала и до конца горячка эта не опредѣлялась специфически. Я тотчасъ послалъ за двумя городскими медиками, пріятелями мистера Канди, чтобъ они извѣстили его и сказали мнѣ свое мнѣніе о болѣзни. Они соглашались со мной, что это дѣло серіозное; но оба сильно противились моему взгляду на способъ лѣченія. Мы совершенно расходились въ заключеніяхъ, выведенныхъ нами по пульсу больнаго. Оба доктора, имѣя въ виду быстроту біенія, объявили единственно возможнымъ ослабляющій путь лѣченія. Съ своей стороны, я признавалъ быстроту пульсаціи, но кромѣ того обратилъ ихъ вниманіе на ея опасную слабость,—признакъ истощенія организма, явно требовавшаго возбудительныхъ лѣкарствъ. Оба доктора стояли за отваръ изъ гречневой муки, лимонадъ, ячменную воду и тому подобное. Я хотѣлъ давать ему шампанскаго или водки, аммiаку и хинину. Какъ видите, серіозное разногласіе во мнѣніяхъ! Разногласіе между двумя докторами, пользовавшимися упроченною, мѣстною репутаціей, и какимъ-то иностранцемъ, принятымъ въ помощники. Въ первые дни мнѣ ничего не оставалось болѣе, какъ уступить старшимъ и мудрѣйшимъ, а между тѣмъ больному становилось хуже да хуже. Я вторично попробовалъ обратиться къ ясному, неопровержимо ясному доказательству пульсаціи. Быстрота ея не угомонилась, а слабость возросла. Оба доктора обидѣлись моимъ упрямствомъ. „Вотъ что, мистеръ Дженнингсъ“, говорятъ:— „что-нибудь одно: или мы будемъ лѣчить его, или ужь вы лѣчите.“ Я говорю: „господа, позвольте мнѣ подумать минутъ пять, и я вамъ отвѣчу такъ же просто, какъ вы спрашиваете.“ Прошло пять минутъ, и отвѣтъ мой былъ готовъ. Спрашиваю ихъ: „Вы положительно отказываетесь испытать

Digitized by Google

возбудительныя средства?“ Они отказались. „А я, господа, намѣренъ тотчасъ же испытать ихъ.“—„Попробуйте, мистеръ Дженнингсъ,—и мы тотчасъ отказываемся лѣчить.“ Я послалъ въ погребъ за бутылкой шампанскаго, и собственноручно поднесъ больному полстакана. Оба доктора взялись за шляпы и вышли вонъ.

— Вы приняли на себя большую отвѣтственность, сказалъ я:—на вашемъ мѣстѣ я, кажется, побоялся бы.

— На моемъ мѣстѣ, мистеръ Блекъ, вы вспомнили бы, что мистеръ Канди взялъ васъ къ себѣ помощникомъ въ такихъ обстоятельствахъ, вслѣдствіе которыхъ вы стали должникомъ его на всю жизнь. На моемъ мѣстѣ, вы видѣли бы, что ему становится часъ отъ часу хуже, и скорѣе рискнули бы всѣмъ на свѣтѣ, чѣмъ допустили, чтобъ единственный на землѣ другъ умеръ на вашихъ глазахъ. Не думайте, что я вовсе не сознавалъ своего страшнаго положенія! Бывали минуты, когда я чувствовалъ все горе моего одиночества, всю опасность ужасной отвѣтственности. Будь я счастливый, зажиточный человѣкъ, мнѣ кажется, я палъ бы подъ бременемъ взятой на себя обязанности. Но у меня никогда не бывало счастливой поры, на которую я могъ бы оглянуться; никогда у меня не было спокойствія духа, которое я могъ бы поставить въ противоположность тогдашней тревогѣ ожиданія,—и я остался непоколебимо вѣренъ своей рѣшимости до конца. Въ то время дня, когда моему паціенту становилось лучше, я пользовался необходимымъ отдыхомъ. Въ остальныя же сутки, пока жизнь его была въ опасности, я не отходилъ отъ его постели. На закатѣ солнца, какъ всегда бываетъ, начинался свойственный горячкѣ бредъ. Онъ болѣе или менѣе длился всю ночь и вдругъ прекращался въ то страшное время ранняго утра, — отъ двухъ до пяти часовъ,—когда жизненныя силы самыхъ здоровыхъ людей наиболѣе ослаблены. Тогда-то смерть коситъ обильнѣйшую жатву жизни. Тогда-то я вступалъ въ бой со смертью у постели, споря за то, кому изъ насъ достанется лежащій на ней. Я ни разу не поколебался продолжать лѣченіе, на которое поставилъ все, какъ на карту. Когда вино оказалось недѣйствительнымъ, я испыталъ водку. Когда прочія возбудительныя утрачивали свое вліяніе, я удваивалъ пріемъ. Послѣ долгаго ожиданія,—подобнаго, надѣюсь, Богъ не допуститъ мнѣ пережить еще разъ,—насталъ день, когда быстрота

Digitized by Google

пульсаціи слегка, но все-таки замѣтно, уменьшилась; и что̀ еще лучше, въ самомъ біеніи пульса произошла перемѣна: оно стало несомнѣнно тверже и сильнѣе. *Тогда* я понялъ, что спасъ его; и тутъ, признаюсь, я не выдержалъ. Я положилъ исхудалую руку бѣдняги обратно на постель и всплакнулъ навзрыдъ. Истерическое облегченіе, мистеръ Блекъ, больше ничего! Физіологія учитъ, — и весьма справедливо, — что нѣкоторые мущины родятся съ женскимъ темпераментомъ,—и я одинъ изъ нихъ!

Онъ изложилъ это сухое, научное оправданіе своихъ слезъ совершенно спокойно и безыскусственно, какъ и все что̀ говорилъ до сихъ поръ. Тонъ и манера его съ начала и до конца обличали въ немъ особенное, почти болѣзненное желаніе не навязываться на мое участіе.

— Вы, можетъ-быть, спросите, зачѣмъ я докучалъ вамъ этими подробностями? продолжалъ онъ:—по моему, это было единственное средство, мистеръ Блекъ, подготовить васъ какъ слѣдуетъ къ тому, что̀ я хочу вамъ сказать. Теперь, когда вамъ извѣстно въ точности, каково было мое положеніе во время болѣзни мистера Канди, вы легко поймете, какъ сильно я нуждался по временамъ въ противодѣйствіи нравственному гнету какимъ-нибудь развлеченіемъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ я возымѣлъ претензію написать, въ часы досуга, книгу, посвященную собратьямъ по профессіи,—книгу по чрезвычайно запутанному и мудреному вопросу о мозгѣ и нервной системѣ. Трудъ мой, по всей вѣроятности, никогда не будетъ конченъ, и конечно, ужь никогда не напечатается. Тѣмъ не менѣе я часто коротал за нимъ часы одиночества, и онъ-то помогалъ мнѣ проводить тревожное время, исполненное ожиданій, у постели мистера Канди. Я, кажется, говорилъ вамъ, что онъ бредилъ? и указалъ время, въ которое бредъ начинался?

— Да.

— Я довелъ тогда мое сочиненіе до того отдѣла, который касался именно вопроса о бредѣ. Я не стану болѣе докучать вамъ моею теоріей по этому предмету; ограничусь лишь тѣмъ, что̀ вамъ теперь интересно будетъ узнать. Въ теченіи моей медицинской практики, мнѣ часто приходило въ голову сомнѣніе, имѣемъ ли мы право,—въ случаяхъ болѣзни съ бредомъ,—заключать, что утрата способности связно говорить необходимо влечетъ за собой утрату способ-

Digitized by Google

ности связно мыслить. Болѣзнь бѣднаго мистера Канди подала мнѣ возможность провѣрить это сомнѣніе на опытѣ. Я владѣю искусствомъ скорописанія и могъ записывать всѣ „бредни“ больнаго, по мѣрѣ того какъ онѣ вырывались изъ устъ его. Понимаете ли, мистеръ Блекъ, къ чему я привелъ васъ наконецъ?

Я понималъ это весьма ясно и съ нетерпѣніемъ ждалъ продолженія.

— Въ разное время, продолжалъ Ездра Дженнингсъ:—я воспроизводилъ скорописныя замѣтки обыкновеннымъ почеркомъ,—оставляя большіе пробѣлы между прерванными фразами и даже отдѣльными словами въ томъ порядкѣ, какъ ихъ произносилъ мистеръ Канди. Полученный результатъ я обработалъ на томъ же основаніи, какое прилагается къ складыванію дѣтскихъ „разрѣзныхъ картинокъ“. Сначала все перемѣшано; но потомъ можно привести въ порядокъ и надлежащую форму, если только вы возьметесь какъ слѣдуетъ. Поступая по этому плану, я наполнялъ пробѣлы на бумагѣ тѣмъ, что̀, судя по смыслу словъ и фразъ съ обѣихъ сторонъ пробѣла, желалъ сказать больной; перемѣнялъ слова и сызнова до тѣхъ поръ, пока мои прибавленія начинали естественно вытекать изъ предыдущихъ словъ и свободно примыкать къ послѣдующимъ. Вслѣдствіе этого я не только наполнилъ долгіе часы досуга и тревоги, но и достигъ (какъ мнѣ казалось) нѣкотораго подтвержденія своей теоріи. Говоря проще, когда я сложилъ прерванныя фразы, то нашелъ, что высшая способность мышленія продолжала дѣйствовать въ умѣ больнаго болѣе или менѣе послѣдовательно, между тѣмъ какъ низшая способность выраженія оказывалась крайне несостоятельною и разстроенною.

— Одно слово! горячо перебилъ я: — встрѣчается ли мое имя въ этихъ бредняхъ?

— А вотъ послушайте, мистеръ Блекъ. Въ числѣ письменныхъ доказательствъ поставленнаго мной тезиса,—или, лучше сказать, въ числѣ письменныхъ опытовъ, направленныхъ къ подтвержденію моего тезиса, — *есть* одно, въ которомъ встрѣчается ваше имя. Однажды голова мистера Канди цѣлую ночь была занята *чѣмъ-то* происшедшимъ между имъ и вами. Я записалъ на одномъ листкѣ бумаги его слова, по мѣрѣ того какъ онъ произносилъ ихъ, а на другомъ листочкѣ связалъ ихъ промежуточными фразами собственнаго

Digitized by Google

изобрѣтенія. Въ результатѣ (какъ говорятъ математики) получилось совершенно понятное изложеніе, — вопервыхъ, нѣкоего дѣйствительнаго происшествія въ прошломъ, и вовторыхъ, нѣкоего намѣренія мистера Канди въ будущемъ, которое онъ исполнилъ бы, еслибы не подвернулась болѣзнь и не помѣшала ему. Теперь вопросъ, то ли это, или не то воспоминаніе, которое онъ напрасно пытался возобновить въ себѣ, когда вы посѣтили его нынче утромъ.

— Безъ всякаго сомнѣнія! отвѣтилъ я: — Вернемтесь поскорѣе и просмотримъ эти бумаги.

— Невозможно, мистеръ Блекъ.

— Почему?

— Поставьте себя на минуту въ мое положеніе, сказалъ Ездра Дженнингсъ: — открыли ль бы вы постороннему то, что̀ безсознательно вырывалось изъ устъ больнаго страдальца и друга, не узнавъ сначала, точно ли въ этомъ есть необходимость, которая могла бы оправдать васъ?

Я сознавалъ, что онъ безспорно правъ въ этомъ отношеніи, но тѣмъ не менѣе попробовалъ обсудить вопросъ.

— Въ дѣлѣ столь щекотливомъ, какъ вы его описываете, возразилъ я:—мое поведеніе главнѣйшимъ образомъ зависило бы отъ самаго свойства этого открытія, смотря по тому, компрометтируетъ ли оно моего друга или нѣтъ.

— Я давно устранилъ всякую необходимость обсуждать вопросъ съ этой стороны, сказалъ Ездра Дженнингсъ: — въ тѣхъ случаяхъ, когда мои замѣтки заключали въ себѣ нѣчто такое, что̀ мистеръ Канди желалъ бы сохранить втайнѣ, я уничтожалъ самыя замѣтки. Теперь мои письменные опыты у постели друга не заключаютъ въ себѣ ничего такого, что̀ онъ поколебался бы сообщить другимъ, еслибы память его возвратилась. Въ настоящемъ же случаѣ, какъ я не безъ основанія полагаю, замѣтки мои содержатъ въ себѣ именно то, что̀ онъ хотѣлъ сказать вамъ....

— И все-таки не рѣшаетесь?

— И все-таки не рѣшаюсь. Вспомните, какимъ путемъ я добылъ эти свѣдѣнія! Какъ ни безвредны они, я все-таки не могу превозмочь себя и выдать ихъ вамъ, если вы сначала не убѣдите меня, что въ этомъ есть настоятельная надобность. Вѣдь онъ былъ такъ отчаянно боленъ, мистеръ Блекъ, такъ безсильно зависѣлъ отъ меня! Неужели я слишкомъ требователенъ, прося васъ только намекнуть мнѣ, чѣмъ вы

Digitized by Google

заинтересованы въ утраченномъ воспоминаніи, или въ чемъ оно заключается, по вашему мнѣнію?

Отвѣтить ему со всею откровенностью, на которую вызывали его рѣчь и самое обращеніе со мной, значило бы открыто сознаться, что меня подозрѣваютъ въ покражѣ алмаза. Но хотя Ездра Дженнингсъ и значительно усилилъ во мнѣ участіе, которое я почувствовалъ къ нему съ самаго начала, все жь онъ еще не одолѣлъ во мнѣ непобѣдимаго отвращенія отъ признанія въ своемъ позорномъ положеніи. Я снова прибѣгнулъ къ тѣмъ объяснительнымъ фразамъ, которыя подготовилъ въ отвѣтъ на любопытные разспросы постороннихъ.

На этотъ разъ я не могъ пожаловаться на недостатокъ вниманія со стороны того лица, къ которому я обращался. Ездра Дженнингсъ слушалъ меня терпѣливо и даже охотно до самаго конца.

— Мнѣ весьма прискорбно, мистеръ Блекъ, что я возбудилъ ваши ожиданія для того только чтобъ обмануть ихъ, сказалъ онъ:—въ теченіе всей болѣзни мистера Канди, отъ начала и до конца, у него не проскользнуло ни одного слова объ алмазѣ. Дѣло, въ связи съ которымъ онъ произносилъ ваше имя, увѣряю васъ, не имѣетъ никакого явнаго отношенія къ пропажѣ или розыску драгоцѣнности миссъ Верриндеръ.

Пока онъ договаривалъ, мы достигли того мѣста, гдѣ большая дорога, по которой мы шли, развѣтвляется на двѣ. Одна вела къ дому мистера Абльвайта; другая пролегала въ болотистой мѣстности и направлялась къ селенію миляхъ въ двухъ или трехъ. Ездра Дженнингсъ остановился у дороги, ведшей къ селенію.

— Мнѣ въ ту сторону, сказалъ онъ:—искренно сожалѣю, мистеръ Блекъ, что не могу быть вамъ полезнымъ.

Въ голосѣ его слышалась искренность. Кроткіе, темные глаза его остановились на мнѣ съ выраженіемъ грустнаго участія. Онъ поклонился, и не говоря болѣе ни слова, пошелъ по дорогѣ къ селенію.

Минуты двѣ я стоялъ, глядя, какъ онъ все дальше и дальше уходилъ отъ меня, все дальше и дальше унося съ собой то, что, по твердому убѣжденію моему, составляло отыскиваемый мною ключъ къ разрѣшенію загадки. Пройдя еще немного, онъ оглянулся. Видя меня все на томъ же мѣстѣ гдѣ мы разстались, онъ остановился, какъ бы раздумывая, не хочу

Digitized by Google

ли я еще поговорить съ нимъ. Некогда было мнѣ обсуждать свое положеніе,—я терялъ удобный случай, быть-можетъ на самой точкѣ перелома въ моей жизни, и все это изъ потворства пустому самолюбію! Я позвалъ мистера Дженнингса, сказавъ самому себѣ: „теперь нечего дѣлать. Надо открыть ему всю правду.“

Онъ тотчасъ вернулся. Я пошелъ по дорогѣ навстрѣчу къ нему.

— Мистеръ Дженнингсъ, сказалъ я:—я не совсѣмъ искренно отнесся къ вамъ. Я заинтересованъ въ утраченномъ воспоминаніи мистера Канди вовсе не Лунаямъ камнемъ. Я пріѣхалъ въ Йоркширъ по серіозному личному дѣлу. У меня лишь одно извиненіе въ томъ, что я не велъ дѣло на чистую. Мнѣ невыразимо тяжело передавать кому бы то ни было, каково мое настоящее положеніе.

Ездра Дженнингсъ поглядѣлъ на меня съ видомъ замѣшательства, которое я замѣчалъ въ немъ и прежде.

— Я не имѣю ни права, ни желанія вмѣшиваться въ ваши личныя дѣла, мистеръ Блекъ, сказалъ онъ: — позвольте мнѣ съ своей стороны извиниться въ томъ, что я (совершенно нечаянно) подвергнулъ васъ тягостному испытанію.

— Вы имѣете полное право, возразилъ я,—назначить условія, на которыхъ сочтете возможнымъ передать мнѣ сказанное вами у постели мистера Канди. Я понимаю и цѣню деликатность, руководящую васъ въ этомъ дѣлѣ. Какъ же я могу разчитывать на ваше довѣріе, если откажу вамъ въ своемъ? Вы должны знать и узнаете, почему я заинтересованъ тѣмъ, что мистеръ Канди желалъ сказать мнѣ. Если я ошибусь въ своихъ ожиданіяхъ, и если окажется, что вы не будете въ состояніи помочь мнѣ, узнавъ въ чемъ я дѣйствительно нуждаюсь,—то я ввѣряю свою тайну вашей чести,—и что-то говоритъ мнѣ, что я не напрасно ввѣряю ее.

— Постойте, мистеръ Блекъ. Прежде того, мнѣ надо вамъ сказать пару словъ.

Я взглянулъ на него съ удивленіемъ. Имъ, казалось, овладѣло какое-то ужасное волненіе и потрясло его до глубины души. Смуглый цвѣтъ его лица перешелъ въ зеленоватую, смертную блѣдность; глаза внезапно и дико заискрились; голосъ вдругъ упалъ и сталъ глуше, строже, смѣлѣе нежели до сихъ поръ. Тайныя свойства этого человѣка, добрыя или злыя,—трудно было рѣшить въ эту минуту,—выступили

Digitized by Google

наружу и промелькнули предо мной внезапно, какъ вспышка молніи.

— Прежде нежели вы что-нибудь извѣрите мнѣ, продолжалъ онъ:—вамъ слѣдуетъ знать и вы узнаете, при какихъ обстоятельствахъ я былъ принятъ въ домъ мистера Канди. Я не утомлю васъ длиннотами. Я не имѣю обыкновенія, сэръ, (какъ говорится) разказывать свою исторію кому бы то ни было. Моя исторія умретъ со мной. Я прошу позволенія сказать вамъ только то, что̀ я говорилъ мистеру Канди. Если, выслушавъ меня, вы все-таки рѣшитесь передать мнѣ то, что̀ хотѣли, тогда располагайте моимъ вниманіемъ и услугами. Не пройдитесь ли намъ?

Подчиняясь вліянію подавленной скорби въ его лицѣ, я молча, знакомъ, отвѣтилъ на вопросъ. Мы пошли.

Пройдя нѣсколько сотъ шаговъ, Ездра Дженнингсъ остановился у пролома въ грубо-сложенной каменной стѣнѣ, которая разгораживала здѣсь болото отъ дороги.

— Не хотите ли отдохнуть, мистеръ Блекъ? спросилъ онъ:—теперь я не то что̀ прежде, и нѣкоторыя вещи волнуютъ меня.

Я, конечно, согласился. Онъ вывелъ меня сквозь проломъ къ торфяной кучѣ въ кустарникѣ, защищенной со стороны дороги низенькими деревцами, а по ту сторону ея открывался унылый видъ на обширную, темную пустыню болота. Въ послѣдніе полчаса собрались тучи. Дневной свѣтъ померкъ; даль скрывалась въ туманѣ; природа глядѣла кротко, тихо, безцвѣтно,—безъ улыбки.

Мы сѣли молча. Ездра Дженнингсъ поставилъ возлѣ себя шляпу, устало провелъ рукой по лбу, устало поправилъ свои дикообразные волосы. Онъ бросилъ прочь маленькій букетецъ дикихъ цвѣтовъ, словно возбуждаемыя имъ воспоминанія теперь язвили его.

— Мистеръ Блекъ! вдругъ заговорилъ онъ:—вы попали въ дурное общество. На мнѣ тяготѣло въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ ужасное обвиненіе. Жизнь моя разбита, доброе имя утрачено.

Я хотѣлъ заговорить. Онъ остановилъ меня.

— Нѣтъ, сказалъ онъ:—извините меня; еще не время. Не спѣшите выражать участіе, о которомъ въ послѣдствіи можете пожалѣть. Я упоминалъ о тяготѣвшемъ надо мной обвиненіи. Въ связи съ нимъ есть обстоятельства, которыя

Digitized by Google

говорятъ противъ меня. Я не въ силахъ сознаться, въ чемъ заключается обвиненіе, и не въ состояніи, совершенно не въ состояніи, доказать свою невинность. Я могу лишь заявить ее. И я заявляю вамъ ее, сэръ, подтверждая клятвой, какъ христіаниномъ. Я могъ бы дать вамъ честное слово, но мое честное слово теперь не имѣетъ значенія.

Онъ опять замолчалъ. Я оглянулся на него; но онъ не отвѣтилъ мнѣ своимъ взглядомъ. Все бытіе его, повидимому, было поглощено мукою воспоминаній и усиліями высказаться.

— Я могъ бы многое поразказать вамъ, продолжалъ онъ:— о безпощадномъ обращеніи со мною собственной моей семьи и безпощадной враждѣ, которой я достался въ жертву. Но зло сдѣлано, и теперь его не поправишь. Я по возможности не желаю докучать вамъ, сэръ, и огорчать васъ. При началѣ моего поприща въ этой странѣ, подлая клевета, о которой я упоминалъ, поразила меня разъ и навсегда. Я отказался отъ видовъ на свою профессію, темная неизвѣстность осталась мнѣ единственною надеждой. Я разстался съ любимою женщиной: могъ ли я осудить ее на дѣлежъ моего позора? Въ одномъ изъ дальнихъ уголковъ Англіи открылось мѣсто помощника врача. Я взялъ это мѣсто. Оно сулило мнѣ спокойствіе; оно, повидимому, обѣщало мнѣ и неизвѣстность. Я ошибся. Злые толки, пользуясь временемъ и удобнымъ случаемъ, пробираются не спѣша и далеко доходятъ. Обвиненіе, отъ котораго я бѣжалъ, преслѣдовало меня. Я былъ предупрежденъ о его приближеніи и могъ добровольно покинуть свое мѣсто съ выслуженнымъ аттестатомъ, который доставилъ мнѣ другое въ другомъ отдаленномъ округѣ. Снова прошло нѣсколько времени, и снова клевета, губившая мое доброе имя, отыскала меня. На этотъ разъ я не получилъ предувѣдомленія. Хозяинъ сказалъ мнѣ: „мистеръ Дженнингсъ, я ни въ чемъ не могу на васъ пожаловаться; но вы должны оправдаться или оставить меня". Мнѣ предстоялъ только одинъ выборъ, — я оставилъ его. Безполезно останавливаться на томъ, что я вытерпѣлъ послѣ этого. Мнѣ всего сорокъ. Взгляните мнѣ въ лицо, и пусть оно разкажетъ вамъ исторію нѣсколькихъ бѣдственныхъ лѣтъ. Кончилось тѣмъ, что я забрелъ сюда и встрѣтилъ мистера Кандя. Ему нуженъ былъ помощникъ. Относительно моей способности я сослался на прежняго хозяина. Оставался вопросъ о моемъ добромъ имени. Я сказалъ ему то же,

Digitized by Google

что и вамъ теперь, и нѣсколько болѣе. Я предупредилъ его, что встрѣтятся затрудненія, хотя бы онъ и повѣрилъ мнѣ. „Здѣсь какъ и всюду, говорилъ я, — я презираю преступное укрывательство подъ вымышленнымъ именемъ: во Фризингаллѣ я не безопаснѣе чѣмъ въ иныхъ мѣстахъ отъ грозной тучи, которая несется за мной, куда бы я ни пошелъ.“ Онъ отвѣчалъ: „я ничего не дѣлаю вполовину, вѣрю вамъ и жалѣю васъ. Если вы рискнете на то что можетъ случиться, я также рискну.“ Благослови его Всемогущій Богъ! Онъ далъ мнѣ убѣжище, далъ занятія, далъ спокойствіе духа, и теперь вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ какъ я твердо увѣренъ въ невозможности ничего такого, что заставило бы его пожалѣть объ этомъ.

— Клевета заглохла? спросилъ я.

— Нѣтъ. Клевета дѣлаетъ свое дѣло попрежнему. Но когда она выслѣдитъ меня здѣсь, будетъ поздно.

— Вы оставите это мѣсто?

— Нѣтъ, мистеръ Блекъ, я умру. Вотъ уже десять лѣтъ какъ я страдаю неизлѣчимымъ, затаеннымъ недугомъ. Я не скрываю отъ васъ, что давно бы позволилъ этимъ страданіямъ убить меня, не будь у меня единственнаго и послѣдняго интереса въ жизни, который все еще придаетъ нѣкоторое значеніе моему существованію. Мнѣ надо обезпечить одну весьма дорогую особу, которой я никогда не увижу. Маленькаго моего наслѣдства едва достаточно для ея независимаго положенія на свѣтѣ. Надежда увеличить его нѣкоторою суммой, если только я проживу достаточное время, побуждала меня противиться болѣзни тѣми палліативными средствами, какія только я могъ придумать. Одинъ изъ дѣйствительнѣйшихъ палліативовъ въ моей болѣзни — опіумъ. Этому-то всемогущему и всеоблегчающему лѣкарству я одолженъ нѣсколькими годами отсрочки моего смертнаго приговора. Но даже его цѣлительная сила имѣетъ предѣлъ. Усиленіе болѣзни постепенно заставило меня перейдти отъ употребленія опіума къ злоупотребленію имъ. Я наконецъ ощущаю послѣдствія. Моя нервная система потрясена; мои ночи ужасны. Конецъ не далеко. Пусть его приходитъ, я не даромъ жилъ и трудился. Маленькая сумма почти сколочена, и у меня есть средства пополнить ее, въ случаѣ если послѣдніе остатки жизни измѣнятъ мнѣ скорѣе нежели я надѣюсь. Ужь право не знаю, какъ это я увлекся до того,

Digitized by Google

что разказалъ вамъ все это. Я не считаю себя столь низкимъ, чтобы возбуждать ваше сожалѣніе. Но, быть-можетъ, вы охотнѣе повѣрите мнѣ, узнавъ, что я сказалъ вамъ это при полной увѣренности въ близкой смерти. Нечего скрывать, мистеръ Блекъ, что вы меня интересуете. Я хотѣлъ воспользоваться утратой памяти моего друга для того, чтобы поближе познакомиться съ вами. Я разчитывалъ на мимолетное любопытство съ вашей стороны относительно того что̀ онъ хотѣлъ вамъ сказать и на возможность удовлетворить это любопытство съ моей стороны. Извинительна ли сколько-нибудь моя навязчивость? Пожалуй, отчасти. У человѣка, жившаго моею жизнью, бываютъ горькія минуты, когда онъ размышляетъ о человѣческой судьбѣ. Вы пользуетесь молодостью, здоровьемъ, богатствомъ, положеніемъ въ свѣтѣ, надеждами впереди, вы и подобные вамъ показываютъ мнѣ свѣтлую сторону человѣческой жизни и предъ конечной примиряютъ меня съ міромъ, который я покидаю. Чѣмъ бы ни кончился этотъ разговоръ между нами, я не забуду какое добро вы мнѣ сдѣлали этимъ. Теперь отъ васъ зависитъ, сэръ, сказать мнѣ то что̀ вы предполагали, или пожелать мнѣ добраго утра.

На это у меня былъ лишь одинъ отвѣтъ. Ни минуты не колеблясь, я разказалъ ему всю правду также откровенно, какъ она разказана мной на этихъ страницахъ. Онъ дрожалъ всѣмъ тѣломъ и глядѣлъ на меня, затая дыханіе, когда я дошелъ до главнаго событія въ моихъ приключеніяхъ.

— Несомнѣнно, что я входилъ въ комнату, сказалъ я,— несомнѣнно, что я взялъ алмазъ. На эти два факта я могу заявить лишь одно: что̀ бы я ни дѣлалъ, но это было сдѣлано мною безсознательно....

Ездра Дженнингсъ въ волненіи схватилъ меня за руку.

— Стойте! сказалъ онъ: — вы навели меня на большее чѣмъ вы думаете. *Вы* никогда не имѣли привычки употреблять опіумъ?

— Съ роду не пробовалъ.

— Не были ли ваши нервы разстроены въ то время прошлаго года? Не были ли вы сами безпокойны и раздражительны противъ обыкновенія?

— Да.

— И плохо спали?

Digitized by Google

— Ужасно. Многія ночи я вовсе не засыпалъ.

— Не былъ ли день рожденія исключеніемъ? Постарайтесь припомнить. Хорошо ли вы спали въ тотъ день?

— Помню! Я спалъ крѣпко.

Онъ выпустилъ мою руку такъ же внезапно какъ и взялъ ее и поглядѣлъ на меня подобно человѣку, освободившемуся отъ послѣдняго сомнѣнія.

— Это замѣчательный день и въ вашей, и въ моей жизни, важно проговорилъ онъ: — я совершенно увѣренъ, мистеръ Блекъ, вопервыхъ, что въ моихъ замѣткахъ, собранныхъ у постели больнаго, находится то, что̀ мистеръ Канди хотѣлъ сказать вамъ сегодня поутру. Погодите! Это еще не все. Я твердо убѣжденъ въ возможности представить доказательство, что вы безсознательно вошли въ комнату и взяли алмазъ. Дайте мнѣ время подумать и поразспросить васъ. Я думаю, что возстановленіе вашей невиновности въ моихъ рукахъ!

— Объяснитесь, ради Бога! Что̀ вы хотите сказать?

Въ жару нашего разговора, мы прошли нѣсколько шаговъ за купу молодой поросли, до сихъ поръ скрывавшую насъ изъ виду. Не успѣлъ Ездра Дженнингсъ отвѣтить мнѣ, какъ его окликнулъ съ большой дороги какой-то человѣкъ, сильно встревоженный и очевидно искавшій его.

— Иду! крикнулъ онъ въ ту сторону: — скорехонько иду!— Онъ обернулся ко мнѣ: — Вонъ въ томъ селеніи ждетъ меня трудно-больной; я долженъ былъ быть у него полчаса тому назадъ, надо сейчасъ же отправиться. Дайте мнѣ два часа сроку и заходите опять къ мистеру Канди; я обязуюсь быть къ вашимъ услугамъ.

— Могу ли я ждать? воскликнулъ я съ нетерпѣніемъ. — Нельзя ли вамъ успокоить меня хоть однимъ словомъ, прежде чѣмъ мы разстаемся?

— Это слишкомъ серіозное дѣло чтобы такъ поспѣшно объяснять его, мистеръ Блекъ. Я не по своей волѣ испытываю ваше терпѣніе, я только продлилъ бы ожиданіе, еслибы захотѣлъ облегчить его теперь же. Чрезъ два часа во Фризингаллѣ, сэръ!

Человѣкъ на большой дорогѣ опять окликнулъ его. Онъ поспѣшилъ къ нему и оставилъ меня.

Digitized by Google

X.

Не берусь рѣшить, какъ подѣйствовала бы на другихъ людей та отсрочка, на которую былъ осужденъ я. Двухчасовая проба *моего* терпѣнія такъ повліяла на меня, что физически я мѣста себѣ не находилъ, а въ нравственномъ отношеніи ни съ кѣмъ и говорить не могъ, до тѣхъ поръ пока не узнаю всего, что̀ хотѣлъ мнѣ сообщить Ездра Дженнингсъ. Въ такомъ настроеніи я не только отказался отъ посѣщенія мистрисъ Абльвайтъ, но даже уклонился отъ встрѣчи съ самимъ Габріелемъ Бетереджемъ.

Возвратясь во Фризингаллъ, я оставилъ Бетереджу записку, извѣщавшую его, что дѣла внезапно отозвали меня на нѣкоторое время, но что онъ навѣрно можетъ ожидать моего возвращенія къ тремъ часамъ пополудни. Я просилъ, чтобъ онъ, въ ожиданіи меня, потребовалъ себѣ обѣдъ въ обычный часъ и затѣмъ развлекся бы чѣмъ угодно. Я зналъ, что у него во Фризингаллѣ куча пріятелей, и безъ всякаго сомнѣнія, найдется чѣмъ наполнить время до моего возвращенія въ гостиницу.

Сдѣлавъ это, я какъ можно скорѣе выбрался изъ города и прослонялся въ пустынныхъ, болотистыхъ окрестностяхъ Фризингалла, пока не настала пора вернуться къ мистеру Кванди.

Ездра Дженнингсъ уже освободился и ждалъ меня.

Онъ одиноко сидѣлъ въ бѣдненькой комнаткѣ, отдѣленной стеклянною дверью отъ операціонной. Раскрашенные рисунки, изображавшіе отвратительныя послѣдствія отвратительныхъ болѣзней украшали ея голыя, темныя стѣны. Полка, уставленная пыльными, медицинскими книгами, увѣнчанная черепомъ, вмѣсто обычнаго бюста; огромный столъ сосноваго дерева, весь залитый чернилами; деревянныя стулья того сорта, что̀ попадаются въ кухняхъ и коттеджахъ; протертый шерстяной половикъ посреди комнаты; тазъ со стокомъ воды и краномъ, грубо вдѣланнымъ въ стѣну, непріятно намекавшій на свою связь съ хирургическими операціями,—таково было все убранство комнаты. Пчелы жужжали по цвѣтамъ, выставленнымъ въ горшкахъ за окномъ;

Digitized by Google

птицы пѣли въ саду; гдѣ-то въ сосѣднемъ домѣ чуть слышно, съ перерывами, бренчало разстроенное фортепіано, то затихая, то снова звуча. Во всякомъ другомъ мѣстѣ эти будничные звуки сладко напоминали бы о повседневной жизни окружающаго міра. Сюда же они врывались какъ бы помѣхой тишинѣ, которую имѣли право нарушать только людскія страданія. Я поглядѣлъ на ящикъ краснаго дерева съ инструментами, на большой свертокъ корпіи, помѣщавшіеся отдѣльно на книжныхъ полкахъ, и внутренно содрогнулся, подумавъ о звукахъ, свойственныхъ повседневному быту Ездры Дженнингса.

— Я не извиняюсь въ томъ, что принимаю васъ въ этой комнатѣ, мистеръ Блекъ, сказалъ онъ: — она единственная во всемъ домѣ, гдѣ въ эти часы мы можемъ быть увѣрены, что намъ не помѣшаютъ. Вотъ я приготовилъ для васъ мои бумаги; а вотъ это двѣ книги, на которыя намъ, вѣроятно, придется ссылаться во время занятій. Подвигайтесь къ столу, тогда намъ ловчѣе будетъ вмѣстѣ просматривать.

Я подвинулся къ столу, а Ездра Дженнингсъ подалъ мнѣ рукописныя замѣтки. Онѣ заключались въ двухъ большихъ листахъ бумаги. Поверхность одного изъ нихъ была покрыта четкимъ письмомъ съ пробѣлами. Другой же сверху до низу былъ исписанъ красными и черными чернилами. Въ эту минуту любопытство мое было такъ раздражено, что я, взглянувъ на второй листъ бумаги, въ отчаяніи сунулъ его прочь отъ себя.

— Сжальтесь надо мной хоть немного, сказалъ я,—прежде нежели я стану читать это, скажите, на что̀ я могу надѣяться?

— Охотно, мистеръ Блекъ! Позволите ли вы предложить вамъ вопроса два?

— Сколько угодно.

Онъ поглядѣлъ на меня съ грустною улыбкой и добрымъ, полнымъ участія выраженіемъ въ кроткихъ, темныхъ глазахъ.

— Вы уже говорили мнѣ, сказалъ онъ, — что съ роду, завѣдомо вамъ, не пробовали опіума.

— Завѣдомо мнѣ? повторилъ я.

— Вы сейчасъ увидите, зачѣмъ я дѣлаю эту оговорку. Будемъ продолжать. Вы не запомните, чтобы когда-нибудь принимали опіумъ. Прошлаго года въ это самое время вы страдали нервнымъ раздраженіемъ и плохо спали по ночамъ.

Digitized by Google

Однакоже ночь въ день рожденія оказалась исключеніемъ изъ общаго правила: вы спали крѣпко. Такъ ли я говорю до сихъ поръ?

— Совершенно такъ.

— Не извѣстно ли вамъ какой-нибудь причины, которой вы могли бы приписать это нервное страданіе и безсонницу.

— Нѣтъ, никакой. Старикъ Бетереджъ, помнится, угадывалъ причину. Но объ этомъ едва ли стóитъ упоминать.

— Извините. Въ подобномъ дѣлѣ все стóитъ упоминать. Бетереджъ объяснялъ же чѣмъ-нибудь вашу безсонницу. Чѣмъ же?

— Тѣмъ, что я бросилъ курить.

— А у васъ была постоянная привычка?

— Да.

— И вы ее оставили разомъ?

— Да.

— Бетереджъ былъ совершенно правъ, мистеръ Блекъ. Когда куреніе обратилось въ привычку, надо обладать необыкновеннымъ здоровьемъ, чтобы разомъ бросить ее безъ нѣкотораго, временнаго вреда для нервной системы. Теперь мнѣ понятна ваша безсонница. Слѣдующій вопросъ касается мистера Канди. Припомните-ка, не вступали ли вы съ нимъ въ какой-нибудь споръ,—за обѣдомъ или послѣ,—по предмету его профессіи?

Вопросъ этотъ мигомъ пробудилъ во мнѣ одно изъ дремлющихъ воспоминаній въ связи съ празднествомъ дня рожденія. Глупое состязаніе, происшедшее при этомъ случаѣ между мной и мистеромъ Канди, читатель найдетъ въ X главѣ Бетереджева разказа, гдѣ оно изложено гораздо пространнѣе чѣмъ заслуживаетъ. Я такъ мало думалъ о немъ въ послѣдствіи, что подробности этого спора совершенно изгладились въ моей памяти. Я могъ только вспомнить и передать Ездрѣ Дженнингсу, какъ я нападалъ за обѣдомъ на искусство врачеванія съ такою рѣзкостью и упорствомъ, что даже мистера Канди на минуту вывелъ изъ терпѣнія. Я вспомнилъ также, что сама леди Верндеръ прекратила споръ своимъ вмѣшательствомъ, и мы съ маленькимъ докторомъ, какъ говорятъ дѣти, „опять помирились“ и разстались къ ночи, попрежнему, добрыми пріятелями.

— Еще одно, сказалъ Ездра Дженнингсъ,— что̀ мнѣ весьма

Digitized by Google

важно знать, не было ли у васъ въ то время какой-нибудь особенной причины безпокоиться объ алмазѣ?

— У меня были самыя уважительныя причины безпокоиться о немъ; я зналъ, что насчетъ его составленъ заговоръ, и меня предупредили, чтобъ я принялъ мѣры относительно безопасности миссъ Верриндеръ, какъ владѣлицы камня.

— Вечеромъ въ день рожденія, предъ тѣмъ какъ ложиться спать, не говорили ли вы съ кѣмъ-нибудь объ обезпеченіи сохранности алмаза.

— Леди Верриндеръ говорила объ этомъ съ дочерью...

— При васъ?

— Да.

Ездра Дженнингсъ взялъ со стола замѣтки и подалъ ихъ мнѣ.

— Мистеръ Блекъ, сказалъ онъ: — если вы прочтете эти замѣтки теперь, когда мои вопросы и ваши отвѣты пролили новый свѣтъ на нихъ, то вы сдѣлаете два удивительныя открытія касательно васъ самихъ. Вы увидите: вопервыхъ, что вы вошли въ гостиную миссъ Верриндеръ и взяли алмазъ, находясь въ возбужденномъ состояніи, происшедшемъ отъ пріема опіума; вовторыхъ, что опіумъ былъ данъ вамъ мистеромъ Канди,— безъ вашего вѣдома,— въ видѣ практическаго опроверженія мнѣній, высказанныхъ вами за обѣдомъ.

Я остался съ бумагами въ рукѣ, совершенно ошеломленный.

— Читайте и простите бѣднаго мистера Канди, кротко проговорилъ помощникъ; — согласенъ, что онъ страшныхъ бѣдъ надѣлалъ, но вѣдь это было неумышленно. Просмотрѣвъ эти замѣтки, вы увидите, что онъ, еслибы не заболѣлъ, на другой же день вернулся бы къ леди Верриндеръ и сознался бы въ сыгранной надъ вами шуткѣ. Миссъ Верриндеръ услыхала бы объ этомъ, разспросила бы его, и правда, скрывавшаяся въ теченіи цѣлаго года, вышла бы наружу въ тотъ же день.

Я сталъ приходить въ себя.

— Мистеръ Канди внѣ всякаго гнѣва съ моей стороны, сердито проговорилъ я. — Но сыгранная надо мной шутка тѣмъ не менѣе коварный поступокъ. Я могу простить, но никогда не забуду его.

— Всякій врачъ совершаетъ подобныя коварства, мистеръ Блекъ, въ теченіи своей практики. Невѣжественная боязнь опіума (у васъ въ Англіи) не ограничивается низшими и

Digitized by Google

менѣе образованными классами. Всякій докторъ при большой практикѣ по временамъ бываетъ вынужденъ обманывать своихъ паціентовъ, какъ мистеръ Канди обманулъ васъ. Я не защищаю его шутки, безразсудно сыгранной надъ вами. Я только прошу васъ точнѣе и снисходительнѣе взглянуть на ея цѣль.

— Какъ это сдѣлали? спросилъ я: — кто же далъ мнѣ опіуму безъ моего вѣдома.

— Ужь этого я не знаю. Мистеръ Канди словечка не проронилъ объ этомъ во всю свою болѣзнь. Можетъ-быть, собственная ваша память укажетъ вамъ, кого слѣдуетъ подозрѣвать?

— Нѣтъ.

— Да оно и безполезно въ настоящемъ случаѣ. Опіумъ вамъ дали какъ-нибудь тайно. Оставимъ это и перейдемъ къ тому, что̀ для насъ именно теперь важно. Прочтите мои замѣтки, если разберете. Освойтесь со всѣми прошлыми событіями. Я хочу предложить вамъ, касательно будущаго, нѣчто весьма смѣлое и поразительное.

Эти слова заставили меня очнуться.

Я просмотрѣлъ бумаги въ томъ самомъ порядкѣ, какъ мнѣ ихъ передалъ Ездра Дженнингсъ. Менѣе исписанный листъ лежалъ сверху. Въ немъ заключались слѣдующіе разрозненныя слова и отрывки фразъ, вырвавшіяся у мистера Канди въ бреду:

„Мистеръ Франклинъ Блекъ.... и любезенъ.... заткнуть ротъ..... медицинѣ..... признался..... по ночамъ безсонница.... говорю ему..... разстроены.... лѣкарство.... онъ говоритъ мнѣ... и отыскивать дорогу въ потьмахъ одно и то же.... всею компаніей за столомъ.... я говорю... ищете сна... ничѣмъ, кромѣ лѣкарства.... Онъ говоритъ.... велъ слѣпаго... понимаю, что̀ это значитъ.... Остроумно... проспитъ всю ночь, несмотря на то.... надо уснуть... аптечка леди Верандеръ..... двадцать пять капель... безъ его вѣдома.... завтра поутру.... Ну, мистеръ Блекъ.... лѣкарства сегодня.... никогда.... безъ того.... Напротивъ, мистеръ Канди.... Отлично.... безъ того.... прихлопнуть его... правдой..... Кромѣ того..... отлично.... дозу опіуму, сэръ.... въ постель..... Что̀ же теперь.... медицинѣ-то."

Этимъ оканчивался первый изъ двухъ листовъ бумаги. Я возвратилъ его Ездрѣ Дженнингсу.

— Это не то ли, что̀ вы слышали у постели его? спросилъ я.

— Буквально то самое, что̀ я слышалъ, отвѣтилъ онъ,—

Digitized by Google

за исключеніемъ повтореній, которыхъ я не воспроизводилъ изъ моихъ скорописныхъ замѣтокъ. Онъ повторялъ нѣкоторыя слова и фразы разъ двѣнадцать кряду, даже разъ по пятидесяти, смотря по большей или меньшей важности, которую придавалъ выражаемой ими мысли. Такимъ образомъ эти повторенія нѣсколько помогли мнѣ связать отрывочныя фразы. Не думайте, прибавилъ онъ, показывая на второй листъ бумаги,—чтобъ я претендовалъ на воспроизведеніе тѣхъ самыхъ выраженій, которыя употребилъ бы самъ мистеръ Канди, еслибы могъ связно говорить. Я говорю только, что проникъ сквозь всѣ препятствія безсвязнаго выраженія до мысли, которая въ это время таилась въ немъ со всею своею послѣдовательностью. Судите сами.

Я взялся за второй листъ, служившій ключомъ къ первому, какъ мнѣ теперь стало извѣстно.

Бредни мистера Канди были вновь переписаны черными чернилами; а пробѣлы между фразами Ездра Дженнингсъ дополнилъ красными чернилами. Я воспроизвожу ихъ одинаковымъ почеркомъ, такъ какъ подлинникъ и дополненіе его на этихъ страницахъ довольно близко слѣдуютъ одно за другимъ, чтобъ ихъ легко можно было сравнить между собой.

„..... Мистеръ Франклинъ Блекъ умеръ и любезенъ, но ему надо заткнуть ротъ, когда онъ говоритъ о медицинѣ. Онъ признался, что у него по ночамъ безсонница. Я говорю ему, что нервы его разстроены и надо принять лѣкарство. А онъ говоритъ мнѣ, что лѣчиться и отыскивать дорогу въ потьмахъ—одно и то же. И это предъ всею компаніей, за столомъ. Я говорю: „это вы ищете сна и ничѣмъ кромѣ лѣкарства не добудете его.“ А онъ говоритъ мнѣ: „слыхалъ я, какъ слѣпой велъ слѣпаго, и теперь понимаю, что̀ это значитъ“. Остроумно, а все-таки онъ у меня проспитъ цѣлую ночь, несмотря на то. Ему непремѣнно надо уснуть; у меня подъ рукой аптечка леди Верриндеръ. Дать ему двадцать пять капель опіума на ночь, безъ его вѣдома, и зайдти завтра поутру. „Ну, мистеръ Блекъ, не принять ли вамъ немножко лѣкарства сегодня? Вы никакъ не усните безъ того.“—„А вотъ, напротивъ, мистеръ Канди, я отлично спалъ эту ночь и безъ того.“ Тутъ и прихлопнуть его всею правдой! Кромѣ того, что вы отлично спали, вы еще приняли дозу опіуму, сэръ, предъ тѣмъ какъ лечь въ постель. Что̀ же теперь вы скажете о медицинѣ-то?“

Возвративъ рукопись Ездрѣ Дженнингсу, я прежде всего весьма естественно пришелъ въ восторгъ отъ той ловкости,

Digitized by Google

съ которою онъ выработалъ эту гладкую и законченную ткань изъ перепутанной пасьмы. Я хотѣлъ-было выразить свое удивленіе въ нѣсколькихъ словахъ, но онъ скромно перебилъ ихъ, спросивъ, согласенъ ли его выводъ изъ этихъ записокъ съ моимъ.

— Увѣрены ли вы подобно мнѣ, сказалъ онъ, — что во всѣхъ вашихъ поступкахъ вечеромъ, въ день рожденія миссъ Верендеръ, вы дѣйствовали подъ вліяніемъ опіума?

— Я слишкомъ мало знаю о вліяніи опіума, чтобъ имѣть свое мнѣніе, отвѣтилъ я.—Я могу только слѣдить за вашимъ и убѣждаюсь, что вы правы.

— Очень хорошо. Слѣдующій вопросъ вотъ въ чемъ. Вы теперь убѣждены, я также убѣжденъ, но какъ намъ убѣдить другихъ?

Я показалъ ему на двѣ рукописи, лежавшія предъ нами на столѣ. Ездра Дженнингсъ покачалъ головой.

— Безполезно, мистеръ Блекъ! Совершенно безполезно въ силу трехъ неопровержимыхъ доводовъ. Вопервыхъ, эти замѣтки были сдѣланы при условіяхъ, совершенно чуждыхъ большинству людей. Вотъ вамъ одно уже не въ пользу ихъ! Вовторыхъ, эти замѣтки представляютъ собой медицинскую метафизическую теорію. Опять не въ пользу ихъ! Втретьихъ, эти замѣтки сдѣланы *мною*, ничто, кромѣ *моего* заявленія, не удостовѣряетъ, что это не поддѣлка. Припомните что̀ я вамъ говорилъ на болотѣ и подумайте, много ли сто̀итъ мое заявленіе. Нѣтъ! Относительно свѣтскаго приговора замѣтки мои имѣютъ лишь слѣдующую цѣну. Надо возстановить вашу невинность, ну, вотъ онѣ и показываютъ какъ это сдѣлать. Мы должны подтвердить наше убѣжденіе опытомъ, и подтвердите его *вы*.

— Какимъ образомъ? спросилъ я.

Онъ быстро наклонился ко мнѣ черезъ столъ, раздѣлявшій насъ.

— Рѣшитесь ли вы на смѣлый опытъ?

— Я готовъ на все чтобы разсѣять подозрѣніе, которое тяготѣетъ надо мной.

— Готовы ли вы подвергнуться на время нѣкоторому разстройству?

— Какому угодно, безъ разбора.

— Послѣдуете ли вы неуклонно моему совѣту? Онъ можетъ

Digitized by Google

выставить васъ на посмѣшище глупцамъ; онъ можетъ вызвать увѣщанія со стороны друзей, которыхъ мнѣнія вы обязаны уважать....

— Скажите что̀ дѣлать? нетерпѣливо воскликнулъ я.—Я сдѣлаю это, будь что̀ будетъ.

— Вотъ что̀ вы сдѣлаете, мистеръ Блекъ, отвѣтилъ онъ,— вы украдете алмазъ вторично, безсознательно, въ присутствіи свидѣтелей, которыхъ показанія будутъ неоспоримы.

Я задрожалъ всѣмъ тѣломъ. Пробовалъ заговорить и только глядѣлъ на него.

— Я думаю, что это *можно* сдѣлать, продолжалъ онъ,—и это *будетъ* сдѣлано, если только вы поможете мнѣ. Постарайтесь успокоиться, сядьте и выслушайте, что̀ я вамъ скажу. Вы опять начали курить, я это видѣлъ самъ. Давно ли вы начали?

— Скоро годъ.

— Какъ же вы курите, больше или меньше прежняго?

— Больше.

— Можете ли вы снова бросить эту привычку? только разомъ, какъ прежде бросили.

Я начиналъ смутно догадываться куда онъ мѣтитъ.

— Брошу съ этой же минуты, отвѣтилъ я.

— Если послѣдствія будутъ тѣ же, что̀ въ іюнѣ прошлаго года, сказалъ Ездра Дженнингсъ, — если вы опять станете страдать безсонницей, какъ страдали тогда, мы выиграемъ первый шагъ. Состояніе вашихъ нервовъ будетъ нѣсколько сходно съ тѣмъ, въ которомъ они находились въ день рожденія миссъ Вериндеръ. Если намъ удастся хоть приблизительно возобновить домашнюю обстановку, окружавшую васъ въ то время, и если намъ удастся занять вашъ умъ различными вопросами относительно алмаза, волновавшими васъ въ прежнее время, то вы придете приблизительно въ то же самое тѣлесное и душевное состояніе, въ которомъ опіумъ захватилъ васъ прошлаго года. Въ такомъ случаѣ мы можемъ питать весьма основательную надежду на то, что вторичный пріемъ его повлечетъ за собой въ большей или меньшей степени повтореніе тѣхъ же самыхъ послѣдствій. Вотъ мое предложеніе въ нѣсколькихъ словахъ, на скорую руку. Теперь вы увидите чѣмъ оно оправдывается.

Онъ взялъ одну изъ лежавшихъ возлѣ него книгъ и развернулъ ее на страницѣ, заложенной полоской бумаги.

Digitized by Google

— Не думайте, что я стану докучать вамъ лекціей физіологіи, сказалъ онъ:—я считаю своею обязанностью ради васъ обоихъ доказать, что прошу васъ подвергнуться этому опыту не въ силу какой-нибудь теоріи собственнаго изобрѣтенія. Взглядъ мой оправдывается общепринятыми основаніями и признанными авторитетами. Подарите мнѣ пять минутъ вниманія, и я покажу вамъ, что мое предложеніе, при всей кажущейся фантастичности его, основывается наукой. Вотъ, вопервыхъ, физіологическій принципъ, на основаніи котораго я дѣйствую, изложенный самимъ докторомъ Карпентеромъ. Прочтите про себя.

Онъ подалъ мнѣ полоску бумаги, заложенную въ книгу. На ней были написаны слѣдующія строки:

„По многимъ основаніямъ можно думать, что *всякое* чувственное впечатлѣніе, однажды воспринятое познавательною способностью, отмѣчается, такъ сказать, въ мозгу, и можетъ воспроизводиться въ послѣдствіи, хотя бы умъ и не сознавалъ его присутствія въ теченіи всего промежуточнаго времени."

— Ясно ли до сихъ поръ? спросилъ Ездра Дженнингсъ.

— Совершенно ясно.

Онъ подвинулъ ко мнѣ развернутую книгу и указалъ параграфъ, подчеркнутый карандашомъ.

— Теперь, сказалъ онъ,—прочтите вотъ этотъ отчетъ объ одномъ случаѣ, по-моему, прямо относящемся къ вашему положенію и къ опыту, на который я васъ подбиваю. Прежде всего замѣтьте, мистеръ Блекъ, что я ссылаюсь на величайшаго изъ англійскихъ физіологовъ. У васъ въ рукахъ физіологія человѣка, сочиненіе доктора Эллiотсона; а случай, приводимый докторомъ, подтверждается извѣстнымъ авторитетомъ мистера Комба.

Указанный мнѣ параграфъ содержалъ въ себѣ слѣдующее:

„Докторъ Абель сообщилъ мнѣ", пишетъ мистеръ Комбъ,—„объ одномъ Ирландцѣ, который состоялъ носильщикомъ при магазинѣ и въ трезвомъ состояніи забывалъ что̀ онъ дѣлалъ пьяный; но выпивъ снова, припоминалъ поступки совершенные имъ во время прежняго опьяненія. Однажды, будучи пьянъ, онъ потерялъ довольно цѣнный свертокъ, и протрезвясь, не могъ дать о немъ никакого отчета. Въ слѣдующій же разъ, какъ только напился, тотчасъ вспомнилъ, что оставилъ свертокъ въ одномъ домѣ, гдѣ тотъ, за неимѣніемъ на немъ адреса, и хранился въ цѣлости, пока за нимъ не зашли."

Digitized by Google

— И это ясно? спросилъ Ездра Дженнингсъ.

— Какъ нельзя болѣе.

Онъ заложилъ полоску бумаги обратно и закрылъ книгу.

— Теперь вы убѣждены, что я говорилъ не безъ авторитета для своей поддержки? спросилъ онъ:—если же нѣтъ еще, то мнѣ стóитъ только пойдти къ этимъ пóлкамъ, а вамъ останется лишь прочесть параграфы, какія я вамъ укажу.

— Я совершенно увѣренъ, сказалъ я:—безъ всякаго дальнѣйшаго чтенія.

— Въ такомъ случаѣ, мы можемъ вернуться къ тому, чтò насъ лично интересуетъ въ этомъ дѣлѣ. Я считаю своимъ долгомъ заявить вамъ все, чтò можно сказать противъ нашего опыта, равно какъ и въ пользу его. Еслибы въ нынѣшнемъ году мы могли воспроизвести условія вашей болѣзни точь-въ-точь, какъ они были прошлаго года, то физіологія порукой, что мы достигли бы того же самаго результата. Но это, надо сознаться, просто невозможно. Мы можемъ надѣяться лишь на приблизительное воспроизведеніе условій, и если намъ не удастся возвратить васъ въ прежнее состояніе, то попытка наша пропала. Если же намъ это удастся,—а я надѣюсь на успѣхъ,—тогда вы повторите свои поступки въ ночь послѣ дня рожденія по крайней мѣрѣ на столько, что убѣдите всѣхъ разсудительныхъ людей въ своей невинности, нравственной разумѣется, относительно покражи алмаза. Кажется, теперь, мистеръ Блекъ, я поставилъ вопросъ со всѣхъ сторонъ его возможно ясно. Если же осталось еще нѣчто неразъясненное, укажите мнѣ, и я разъясню вамъ, если это возможно.

— Я совершенно понимаю все, чтó вы объясняли мнѣ, сказалъ я:—но, признаюсь, меня озадачиваетъ одинъ пунктъ, котораго вы мнѣ еще не разъяснили.

— Какой же это?

— Я не понимаю самого дѣйствія опіума. Я не понимаю, какъ я могъ ходить внизъ по лѣстницѣ и вдоль по коррридорамъ, отворять и задвигать ящики коммода и снова вернуться въ свою комнату. Все это проявленіе дѣятельныхъ силъ. Я думалъ, что опіумъ сначала одуряетъ, а потомъ клонитъ ко сну.

— Это общее заблужденіе насчетъ опіума, мистеръ Блекъ!

Digitized by Google

Въ настоящую минуту я служу вамъ своимъ умомъ (какой есть) подъ вліяніемъ дозы опіума вдесятеро сильнѣйшей нежели данная вамъ мистеромъ Канди. Но не полагайтесь на мой авторитетъ даже въ личномъ моемъ опытѣ. Я предвидѣлъ ваше возраженіе и опять таки запасся безпристрастнымъ свидѣтельствомъ, которое будетъ имѣть надлежащій вѣсъ въ вашихъ глазахъ и въ глазахъ вашихъ друзей.

Онъ подалъ мнѣ вторую изъ двухъ лежавшихъ на столѣ книгъ.

— Вотъ, сказалъ онъ:—пресловутыя *Признанія англійскаго потребителя опіума*! Возьмите книгу съ собой и прочтите. На отмѣченной мною страницѣ вы увидите, что де-Квинсей, когда ему случалось, какъ онъ выражается, „не въ мѣру хватать опіуму", или шелъ въ раекъ оперного театра наслаждаться музыкой, или въ субботніе вечера шлялся по лондонскимъ рынкамъ и съ любопытствомъ слѣдилъ за всѣми плутнями и продѣлками бѣдняковъ, промышлявшихъ себѣ воскресный обѣдъ. Этого довольно для доказательства способности къ дѣятельнымъ занятіямъ и передвиженію съ мѣста на мѣсто подъ вліяніемъ опіума.

— Въ этомъ отношеніи я удовлетворенъ вашимъ отвѣтомъ, сказалъ я,—но я не вижу въ немъ, какъ именно дѣйствовалъ опіумъ на меня самого.

— Постараюсь отвѣтить на это въ нѣсколькихъ словахъ, сказалъ Ездра Дженнингсъ;—дѣйствіе опіума, въ большинствѣ случаевъ, заключается въ двухъ вліяніяхъ: сначала возбудительномъ, а потомъ усыпляющемъ. Подъ вліяніемъ возбужденія, послѣднія и самыя живыя впечатлѣнія, оставшіяся въ умѣ вашемъ,—именно впечатлѣнія, касавшіяся алмаза,—при болѣзненно раздраженномъ состояніи вашихъ нервовъ, весьма вѣроятно, должны были преобладать въ мозгу и подчинить себѣ вашъ разсудокъ вмѣстѣ съ волей, точь-въ-точь какъ ихъ подчиняетъ себѣ обыкновенное сновидѣніе. Мало-по-малу, подъ этимъ вліяніемъ, опасенія за цѣлость алмаза, ощущаемыя вами въ теченіе дня, стали весьма способны развиться изъ сомнѣній въ положительную увѣренность, побудить васъ къ дѣятельной попыткѣ предохранить драгоцѣнность, направить васъ съ этою цѣлью въ ту комнату, куда вы входили, и руководить васъ по ящикамъ коммода, пока вы не нашли того, въ которомъ лежалъ камень. Въ

Digitized by Google

опьяненіи опіумомъ вы все это могли сдѣлать. Позже, когда усыпляющее вліяніе его стало брать верхъ надъ возбудительнымъ, вы понемногу начали приходить въ оцѣпѣненіе и столбнякъ. Еще позднѣе вы впали въ глубокій сонъ. Когда же настало утро, и вы проснались отъ опіума, то проснулись въ совершенномъ невѣдѣніи своихъ поступковъ за-ночь, словно вы прожили это время у антиподовъ. Достаточно ли я разъяснилъ вамъ, до сихъ поръ?

— Вы настолько разъяснили мнѣ, сказалъ я,—что я попрошу васъ продолжать. Вы показали мнѣ, какъ я вошелъ въ комнату и взялъ алмазъ. Но миссъ Верриндеръ видѣла, какъ я вышелъ изъ комнаты съ алмазомъ въ рукѣ. Можете ли вы прослѣдить мои дѣйствія съ этой минуты? Можете ли вы угадать, что̀ я сдѣлалъ вслѣдъ затѣмъ?

— Вотъ къ этому-то я и веду теперь, возразилъ онъ:— это еще вопросъ, не пригодится ли опытъ,—предлагаемый мной въ видѣ средства возстановить вашу невинность,—въ то же время какъ средство для розыска пропавшаго алмаза. Выйдя изъ гостиной миссъ Верриндеръ, съ алмазомъ въ рукѣ, вы, по всей вѣроятности, вернулись въ свою комнату....

— Да? И что̀ же затѣмъ?

— Очень возможно, мистеръ Блекъ,—я не смѣю высказаться утвердительнѣе,—что мысль о сохраненіи алмаза весьма естественно и послѣдовательно привела васъ къ мысли спрятать алмазъ, и вы спрятали его гдѣ-нибудь въ вашей спальнѣ. Въ такомъ случаѣ происшествіе съ ирландскимъ носильщикомъ можетъ повториться и съ вами. Подъ вліяніемъ вторичнаго пріема опіума, вы, пожалуй, вспомните мѣсто, въ которомъ спрятали алмазъ подъ вліяніемъ перваго пріема.

Теперь настала моя очередь просвѣщать Ездру Дженнингса. Я прервалъ его на этихъ словахъ.

— Вы разчитываете, сказалъ я,—на результатъ, котораго быть не можетъ. Алмазъ въ настоящее время находится въ Лондонѣ.

Онъ вздрогнулъ и поглядѣлъ на меня съ величайшимъ удивленіемъ.

— Въ Лондонѣ? повторилъ онъ:—какъ же онъ попалъ въ Лондонъ изъ дома леди Верриндеръ?

— Этого никто не знаетъ.

Digitized by Google

— Вы собственноручно вынесли его изъ комнаты миссъ Верриндеръ. Какъ же его взяли у васъ?

— Я понятія не имѣю, какъ его у меня взяли.

— Видѣли вы его, проснувшись поутру?

— Нѣтъ.

— Мистеръ Блекъ! Тутъ, кажется, надо кое-что разъяснить. Смѣю ли я спросить, почему вы знаете, что алмазъ въ настоящее время находится въ Лондонѣ?

Этотъ самый вопросъ я предлагалъ мистеру Броффу, производя первыя изслѣдованія о Лунномъ камнѣ, по возвращеніи моемъ въ Англію. Поэтому, отвѣчая Ездрѣ Дженнингсу, я повторилъ только слышанное мною изъ собственныхъ устъ адвоката и уже извѣстное читателю.

Онъ явно высказалъ, что неудовлетворенъ моимъ отвѣтомъ.

— Со всѣмъ должнымъ уваженіемъ къ вамъ, сказалъ онъ,— и къ мистеру Боффу, я все-таки держусь того мнѣнія, которое сейчасъ выразилъ. Я очень хорошо знаю, что оно основывается на одномъ предположеніи. Простите, если я напомню вамъ, что и ваше мнѣніе также на одномъ предположеніи основано.

Этотъ взглядъ на дѣло былъ для меня совершенно новъ. Я съ нетерпѣніемъ ждалъ чѣмъ онъ оправдаетъ его.

— *Я* предполагаю, продолжалъ Ездра Дженнингсъ,—что вліяніе опіума, побудивъ васъ овладѣть алмазомъ съ цѣлію обезпеченія его цѣлости, могло точно также побудить васъ спрятать его, съ тою же цѣлью, гдѣ-нибудь въ своей комнатѣ. А *вы* предполагаете, что индѣйскіе заговорщики никоимъ образомъ не могли ошибиться. Индѣйцы пошли за алмазомъ въ домъ мистера Локера, и поэтому алмазъ непремѣнно долженъ быть у мистера Локера въ рукахъ! Есть ли у васъ какое-нибудь доказательство хоть бы того, что алмазъ дѣйствительно увезли въ Лондонъ? Вы даже не можете догадаться какъ или кѣмъ онъ былъ взятъ изъ дома леди Верриндеръ! А чѣмъ вы докажете, что онъ точно заложенъ мистеру Локеру? Онъ заявляетъ, что никогда и не слыхивалъ о Лунномъ камнѣ, и въ распискѣ его банкира ничего не видно, кромѣ пріема драгоцѣнности высокой стоимости. Индѣйцы полагаютъ, что мистеръ Локеръ лжетъ,—и вы опять-таки полагаете, что Индѣйцы правы. Въ защиту своего взгляда я говорю только, что онъ возмо-

Digitized by Google

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

5194

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ,

издаваемый

М. КАТКОВЫМЪ.

ТОМЪ СЕМЬДЕСЯТЪ СЕДЬМОЙ.

МОСКВА.
Въ Университетской Типографіи (Катковъ и К°).
На Страстномъ бульварѣ.
1868.

19

Digitized by Google

жевъ. Можете ли вы, основываясь на логикѣ или на законѣ, сказать нѣчто большее въ защиту вашего взгляда, мистеръ Блекъ?

Вопросъ былъ поставленъ твердо и,—нечего спорить—вполнѣ справедливо.

— Сознаюсь, что вы озадачили меня, отвѣтилъ я.—Вы ничего не имѣете противъ того, чтобъ я написалъ къ мистеру Броффу и сообщилъ ему сказанное вами?

— Напротивъ, я буду весьма радъ, если вы напишете мистеру Броффу. Посовѣтовавшись съ его опытностью, мы, пожалуй, увидимъ все дѣло въ иномъ свѣтѣ. Теперь же возвратимся къ нашему опыту съ опіумомъ. Итакъ, рѣшено, что вы съ этой минуты бросаете привычку курить?

— Бросаю съ этой минуты.

— Это первый шагъ. Второе—надо воспроизвести, какъ можно приблизительнѣе, домашнюю обстановку, окружавшую васъ въ прошломъ году.

Какъ же это сдѣлать? Леди Вериндеръ умерла. Мы съ Рахилью безвозвратно разошлись до тѣхъ поръ, пока на мнѣ будетъ лежать подозрѣніе въ кражѣ. Годфрей Абльвайтъ находился въ отсутствіи, путешествуя на континентѣ. Просто невозможно было собрать бывшихъ въ домѣ въ то время, когда я провелъ въ немъ послѣднюю ночь. Заявленіе этого препятствія, повидимому, не смутило Ездру Джемиэнгса. Онъ сказалъ, что придаетъ весьма мало значенія сбору этихъ людей, имѣя въ виду всю тщету надежды снова поставить ихъ въ разнообразныя положенія, какія занимали они относительно меня въ прошлое время. Но съ другой стороны, онъ считалъ существеннымъ залогомъ успѣха опыта, чтобъ я былъ окруженъ тѣми же самыми предметами, которые окружали меня въ послѣднюю мою побывку въ томъ домѣ.

— Важнѣе всего, сказалъ онъ,—чтобы вы спали въ той же комнатѣ, гдѣ ночевали въ день рожденія, и чтобъ она была точно такъ же меблирована. Лѣстница, корридоры и гостиная миссъ Вериндеръ должны быть возобновлены въ томъ же видѣ, какъ были при васъ. Въ этомъ отдѣленіи дома безусловно необходимо, мистеръ Блекъ, поставить на прежнее мѣсто всю мебель, которую теперь могли оттуда вынести. Вы напрасно пожертвуете своими сигарами, если мы не получимъ на это позволенія миссъ Вериндеръ.

Digitized by Google

— Кто же долженъ обратиться къ ней за позволеніемъ? спросилъ я.

— А *вамъ* развѣ нельзя?

— И думать нечего. Послѣ того что произошло между вами относительно пропажи алмаза, я не могу ни видѣть ея, ни писать къ ней, пока дѣла обстоятъ попрежнему.

Ездра Дженнингсъ помолчалъ и подумалъ съ минуту.

— Смѣю ли я предложить вамъ одинъ щекотливый вопросъ? проговорилъ онъ.

Я сдѣлалъ ему знакъ продолжать.

— Справедливо ли я предполагаю, мистеръ Блекъ (судя по двумъ-тремъ словамъ, которыя вы проронили), что вы питали не совсѣмъ обыкновенное участіе къ миссъ Верриндеръ въ прежнее время?

— Совершенно справедливо.

— Отвѣчали ль вамъ на это чувство?

— Отвѣчали.

— Какъ вы думаете, не будетъ ли миссъ Верриндеръ сильно заинтересована въ попыткѣ возстановить вашу невинность?

— Я въ этомъ увѣренъ.

— Въ такомъ случаѣ я напишу къ миссъ Верриндеръ, если вы мнѣ позволите.

— Сообщивъ ей о предложеніи, которое вы мнѣ сдѣлали?

— Сообщивъ ей о всемъ происшедшемъ сегодня между нами.

Нѣтъ нужды говорить, что я съ жаромъ принялъ предложенную мнѣ услугу.

— Я еще успѣю написать съ нынѣшнею почтой, сказалъ онъ, взглянувъ на часы:—не забудьте запереть сигары, когда вернетесь въ свою гостиницу! Завтра поутру я зайду освѣдомиться, каково проведете вы ночь.

Я сталъ прощаться съ нимъ и попробовалъ выразить ему искреннюю благодарность за его доброту.

Онъ тихо пожалъ мнѣ руку.

— Припомните что я говорилъ вамъ на болотѣ, сказалъ онъ:—если мнѣ удастся оказать вамъ услугу, мистеръ Блекъ, для меня это будетъ какъ бы послѣдній проблескъ солнца на вечерней зарѣ долгаго и пасмурнаго дня.

Мы разстались. То было пятнадцатое іюня. Событія слѣдующихъ десяти дней, — всѣ до одного болѣе или менѣе

Digitized by Google

касающіяся опыта, пассивнымъ предметомъ котораго былъ я,—записаны, по мѣрѣ того какъ происходили, въ дневникѣ помощника мистера Канди. На страницахъ, писанныхъ Ездрою Дженнингсомъ, ничто не утаено, ничто не забыто. Пусть же Ездра Дженнингсъ и разкажетъ теперь, какъ произведенъ былъ опытъ съ опіумомъ и чѣмъ онъ кончился.

Разказъ 4-ый. Извлечено изъ дневника Ездры Дженнингса.

1849 г., іюня 15-го..... Несмотря на то что меня отвлекали и больные, и собственное страданіе, я все-таки во-время кончилъ письмо къ миссъ Верриндеръ, чтобы сегодня же отправить его на почту. Мнѣ хотѣлось бы, чтобъ оно было кратко, но это не удалось; за то, кажется, вышло ясно. Оно предоставляетъ ей полную свободу выбора. Если она согласится присутствовать при опытѣ, то это будетъ по собственной ея волѣ, а не изъ милости къ мистеру Блеку, или ко мнѣ.

Іюня 16-го. Поздно всталъ, проведя ужасную ночь; вчерашній пріемъ опіума далъ себя знать, наказавъ меня цѣлою вереницей страшныхъ сновидѣній. То кружился я вихремъ въ пустомъ пространствѣ, съ призраками умершихъ,—друзей и враговъ. То милое лицо, котораго я никогда болѣе не увижу, возникало у моего изголовья, фосфорично и непріятно свѣтясь въ черной мглѣ, уставлялось на меня страшнымъ взглядомъ и смѣялось, оскаливъ зубы. Легкій припадокъ давнишней боли, въ обычное время ранняго утра, порадовалъ меня какъ перемѣна. Онъ разогналъ видѣнія и вслѣдствіе того былъ сносенъ.

По случаю дурно проведенной ночи, я нѣсколько опоздалъ поутру къ мистеру Франклину Блеку; я засталъ его лежащимъ въ растяжку на диванѣ за завтракомъ, который состоялъ изъ водки съ содовою водой и сухаго бисквита.

— Я такъ славно началъ, что вамъ и желать ничего не остается, сказалъ онъ:—ночью несносная безсонница; поутру полнѣйшее отсутствіе аппетита. Точь-въ-точь что было въ прошломъ году, когда я отказался отъ сигаръ. Чѣмъ скорѣе я подготовлюсь ко вторичному пріему опіума, тѣмъ это для меня будетъ пріятнѣе.

Digitized by Google

— Вы примете его въ тотъ же день, какъ только это станетъ возможно, отвѣтилъ я:—а между тѣмъ надо какъ можно болѣе позаботиться о вашемъ здоровьи. Если допустить васъ до истощенія, то легко потерпѣть неудачу. Вамъ надо промыслить себѣ аппетитъ къ обѣду. Иначе сказать, вы должны предпринять поѣздку верхомъ, или прогулку на чистомъ воздухѣ.

— Я поѣду верхомъ, если мнѣ достанутъ здѣсь лошадь. Кстати, я вчера писалъ къ мистеру Броффу. А вы написали мистрисъ Вериндеръ?

— Да, со вчерашнею почтой.

— Очень хорошо. Значитъ, завтра мы сообщимъ другъ другу кой-какія интересныя вѣсти. Постойте, не уходите еще! Я хочу вамъ сказать одно словечко. Вы, кажется, полагали вчера, что нѣкоторые изъ моихъ друзей не совсѣмъ благосклонно отнесутся къ нашему опыту съ опіумомъ. Вы были совершенно правы. Я считаю старика Бетереджа въ числѣ своихъ друзей; и васъ позабавитъ, если я вамъ скажу, какъ сильно протестовалъ онъ при вчерашнемъ свиданіи со мной. „Въ теченіи вашей жизни, мистеръ Франклинъ, вы надѣлали столько глупостей, что удивляться надо; но ужь эта—верхъ всего!“ Вотъ какого мнѣнія Бетереджъ. Но я увѣренъ, что вы извините его предразсудки, если встрѣтитесь съ нимъ.

Я разстался съ мистеромъ Блекомъ и пошелъ въ обходъ по больнымъ, чувствуя себя здоровѣе и счастливѣе послѣ свиданія съ нимъ, хотя и короткаго. Въ чемъ же заключается тайна моего влеченія къ этому человѣку? Неужели въ одномъ чувствѣ противоположности между его чистосердечною добротой, съ которою онъ допустилъ меня въ число своихъ знакомыхъ, и жестокосердымъ отвращеніемъ и недовѣріемъ, встрѣчаемыми мной въ другихъ людяхъ? Или въ немъ дѣйствительно есть нѣчто, удовлетворяющее ту жажду хоть капли людскаго участія, которая пережила во мнѣ одиночество и преслѣдованія въ теченіи многихъ лѣтъ и становится все томительнѣй, по мѣрѣ того какъ подходитъ время, когда я перестану страдать и чувствовать? Что̀ пользы задавать себѣ эти вопросы? Мистеръ Блекъ доставилъ мнѣ новый интересъ въ жизни. Удовольствуемся же тѣмъ, не доискиваясь въ чемъ состоитъ этотъ новый интересъ.

Іюня 17-го. Поутру, предъ завтракомъ, мистеръ Канди

Digitized by Google

сообщилъ мнѣ, что уѣзжаетъ недѣли на двѣ погостить къ одному пріятелю, на югъ Англіи. Бѣдняга надавалъ мнѣ такое множество разныхъ порученій относительно больныхъ, какъ будто у него все та же обширная практика, что̀ была до болѣзни. Практика наша теперь почти что ничего не стоитъ! *Его* замѣнили другіе доктора; *меня* же всѣ, по возможности, обходятъ. Оно, пожалуй, и лучше, что онъ именно теперь уѣзжаетъ. Онъ былъ бы огорченъ, еслибъ я не сообщилъ ему объ опытѣ, который собираюсь произвесть надъ мистеромъ Блекомъ. А если сообщить ему тайну, то нельзя ручаться, чтобъ изъ того не вышло какихъ-либо весьма нежелательныхъ послѣдствій. Такъ оно и лучше. Безспорно лучше.

По отъѣздѣ мистера Канди мнѣ доставили съ почты отвѣтъ мистрисъ Верриндеръ.

Очаровательное письмо! Я сталъ весьма высокаго мнѣнія о ней. Ни малѣйшей попытки скрыть, насколько она заинтересована въ нашемъ предпріятіи. Она, въ самыхъ прелестныхъ выраженіяхъ, сообщаетъ мнѣ, что письмо мое убѣдило ее въ невинности мистера Блека и (по крайней мѣрѣ въ ея глазахъ) вовсе не нуждается въ подтвержденіи опытомъ. Она даже укоряетъ себя,—вовсе незаслуженно, бѣдняжка,—что не догадалась тогда же объ истинномъ смыслѣ загадки. Скрытая цѣль всего этого очевидно состоитъ кое-въ-чемъ посильнѣе великодушнаго желанія вознаградить за зло, невинно причиненное ею другому. Ясно, что она любила его, несмотря на все отчужденіе ихъ другъ отъ друга. Во многихъ мѣстахъ восторгъ отъ сознанія, что онъ достоинъ любви, наивно проглядываетъ въ строжайшихъ формальностяхъ выраженій и даже преодолѣваетъ еще болѣе строгую сдержанность письма къ незнакомому человѣку. Возможно ли (спрашиваю я себя, читая это очаровательное письмо), чтобъ изъ всѣхъ людей на свѣтѣ именно я былъ выбранъ средствомъ примиренія этой молодой парочки? Собственное мое счастье попирали ногами; любовь мою отняли у меня. Доживу ли я до того, чтобъ увидѣть хоть чужое счастіе, мною созданное возобновленіе любви, мною возвращенной? О, милосердая смерть, дай мнѣ увидать это прежде чѣмъ примешь меня въ объятья и голосъ твой шепнетъ мнѣ: вотъ наконецъ успокоеніе!

Письмо заключаетъ въ себѣ двѣ просьбы. Первая: не

Digitized by Google

показывать его мистеру Франклину Блеку. Мнѣ разрѣшается сказать ему, что мистрисъ Верриндеръ охотно предоставляетъ свой домъ въ его распоряженіе; за тѣмъ просятъ ничего не прибавлять.

До сихъ поръ ея желанія легко исполнимы. Но вторая просьба серіозно затрудняетъ меня.

Не довольствуясь письменнымъ порученіемъ мистеру Бетереджу выполнять всѣ распоряженія, какія бы я ни сдѣлалъ, мистрисъ Верриндеръ проситъ позволенія помочь мнѣ личнымъ своимъ надзоромъ за работами въ собственной ея гостиной. Мнѣ стóитъ только черкнуть ей словечко въ отвѣтъ, для того чтобъ она пріѣхала въ Йоркширъ и присутствовала въ числѣ свидѣтелей вторичнаго пріема опіума.

Въ этомъ опять кроется тайная цѣль; и мнѣ снова сдается, что я могу разгадать ее.

То, чтò запрещено мнѣ говорить мистеру Франклину Блеку, она (какъ мнѣ кажется) страстно желаетъ сказать ему сама, *прежде* чѣмъ онъ подвергается опыту, долженствующему возстановить его добрую славу въ глазахъ другихъ. Я понимаю и цѣню великодушное нетерпѣніе, съ которымъ она спѣшитъ оправдать его, не дожидаясь, будетъ ли или не будетъ доказана его невинность. Этимъ самымъ она, бѣдняжка, жаждетъ вознаградить его за неумышленную и неизбѣжную ея несправедливость къ нему. Но это невозможно. Я положительно увѣренъ, что обоюдное волненіе при этой встрѣчѣ,—прежнія чувства и новыя надежды, которыя она пробудитъ, — почти навѣрное подѣйствуютъ на мистера Блека самымъ гибельнымъ образомъ въ отношеніи успѣха нашего опыта. И безъ того трудно воспроизвести условія, хоть приблизительно сходныя съ прошлогодними. При новыхъ интересахъ, при новыхъ волненіяхъ, попытка была бы просто безполезна.

И однакоже, несмотря на полное сознаніе этого, у меня не хватаетъ духу отказать ей. Надо попытаться до отхода почты, нельзя ли какъ-нибудь иначе уладить это, чтобы можно было дать утвердительный отвѣтъ миссъ Верриндеръ, не вредя той услугѣ, которую я обязался оказать мистеру Франклину Блеку.

Два часа пополудни. Я только что вернулся съ обхода своихъ больныхъ, начавъ, разумѣется, съ гостиницы.

Отчетъ мистера Блека объ этой ночи тотъ же, чтò и

Digitized by Google

въ прошлый разъ. Повременамъ ему удавалось задремать не надолго, и только. Но сегодня онъ меньше тяготится этимъ, выспавшись вчера послѣ обѣда. Этотъ послѣобѣденный сонъ, безъ сомнѣнія, слѣдствіе прогулки верхомъ, которую я ему посовѣтовалъ. Боюсь, не пришлось бы мнѣ прекратить эти цѣлебныя упражненія на чистомъ воздухѣ. Надо чтобъ онъ былъ не слишкомъ здоровъ и не очень боленъ. Тутъ слѣдуетъ весьма ловко держать руль, какъ говорятъ матросы.

Онъ еще не имѣетъ вѣстей отъ мистера Броффа и съ нетерпѣніемъ освѣдомлялся, получилъ ли я отвѣтъ миссъ Веринде́ръ. Я сказалъ ему только то, что̀ мнѣ было разрѣшено; излишне было бы придумывать извиненія въ томъ, что я не показываю ему самого письма ея. Онъ, бѣдняга, не безъ горечи сказалъ мнѣ, что вполнѣ понимаетъ деликатность, не дозволяющую мнѣ представить письмо: „Она, конечно, соглашается изъ простой вѣжливости и справедливости, сказалъ онъ:—но остается при своемъ мнѣніи обо мнѣ и ждетъ результата.“ Мнѣ до страсти хотѣлось намекнуть ему, что въ этомъ отношеніи онъ такъ же несправедливъ къ ней, какъ она была несправедлива къ нему. Но поразсудивъ, я не захотѣлъ предвосхищать у нея двойнаго наслажденія: сначала удивить, а потомъ простить его.

Посѣщеніе мое не долго длилось. Послѣ вчерашней ночи я долженъ былъ вновь отказаться отъ обычнаго пріема опіума. Неизбѣжнымъ слѣдствіемъ того было что болѣзнь моя опять стала превозмогать. Я почувствовалъ приближеніе припадка и на̀-скоро простился, чтобы не тревожить и не огорчать мистера Блека. На этотъ разъ припадокъ продолжался не болѣе четверти часа, такъ что я былъ еще въ силахъ продолжать свое дѣло.

Пять часовъ. Я написалъ отвѣтъ миссъ Веринде́ръ.

Я предлагаю такъ уладить это дѣло, что если она будетъ согласна, то интересы обѣихъ сторонъ вполнѣ примирятся. Изложивъ ей сначала всѣ невыгоды встрѣчи ея съ мистеромъ Блекомъ до произведенія опыта, я совѣтовалъ ей такъ распорядиться своею поѣздкой, чтобы тайно прибыть въ домъ къ ночи предъ самымъ опытомъ. Выѣхавъ изъ Лондона съ полуденнымъ поѣздомъ, она поспѣетъ не ранѣе девяти часовъ. А въ это время я беру на себя задержать мистера Блека въ его спальнѣ, и такимъ образомъ миссъ

Digitized by Google

Верандеръ безпрепятственно займетъ свои комнаты, до тѣхъ поръ пока не настанетъ время принимать опіумъ. Когда же и это будетъ сдѣлано, ничто не помѣшаетъ ей наблюдать послѣдствія вмѣстѣ съ нами. На другое же утро, если ей будетъ угодно, она можетъ показать мистеру Блеку переписку со мной и убѣдить его въ томъ, что онъ былъ оправданъ въ ея мнѣніи еще до подтвержденія его невинности опытомъ.

Въ такомъ смыслѣ я и написалъ ей. Вотъ все, что̀ я могъ сдѣлать сегодня. Завтра надо повидать мистера Бетереджа и сообщить ему необходимыя распоряженія по уборкѣ дома.

Іюня 18-го. Опять опоздалъ къ мистеру Блеку. Предъ разсвѣтомъ у меня была ужаснѣйшая боль, сопровождавшаяся на этотъ разъ полнѣйшимъ изнеможеніемъ въ теченіи нѣсколькихъ часовъ. Я предвижу, что мнѣ придется въ сотый разъ прибѣгнуть къ опіуму, хотя въ послѣдствіи я опять стану раскаиваться въ этомъ. Еслибъ я заботился лишь объ одномъ себѣ, то предпочелъ бы жестокую боль страшнымъ грезамъ. Но тѣлесное страданіе истощаетъ меня. Если я допущу себя до изнеможенія, пожалуй, кончится тѣмъ, что я стану безполезенъ мистеру Блеку въ то время, когда онъ будетъ наиболѣе нуждаться во мнѣ.

Я не могъ ранѣе часа пополудни отправиться въ гостиницу. Это посѣщеніе, даже при всемъ нездоровьи, чрезвычайно позабавило меня, единственно благодаря присутствію Габріеля Бетереджа.

Я засталъ его въ комнатѣ мистера Блека. Онъ отошелъ къ окну и сталъ смотрѣть на улицу, пока я, по обыкновенію, разспрашивалъ своего паціента. Мистеръ Блекъ опять весьма дурно спалъ и сегодня сильнѣе прежняго чувствовалъ потерю сна.

Затѣмъ я спросилъ, не получалъ ли онъ вѣстей отъ мистера Броффа. Письмо пришло сегодня поутру. Мистеръ Броффъ выражалъ сильнѣйшее неодобреніе образу дѣйствій, принятому его довѣрителемъ и другомъ по моему совѣту. Этотъ образъ дѣйствій обманчивъ,—потому что возбуждаетъ надежды, которыя могутъ вовсе не осуществиться,—и вовсе непонятенъ *ему*, за исключеніемъ нѣкотораго сходства съ шарлатанствомъ, подобнымъ месмеризму, ясновидѣнію и пр. Разстроивъ все въ домѣ миссъ Верандеръ, онъ кончится

Digitized by Google

тѣмъ, что разстроитъ самое миссъ Вериндеръ. Мистеръ Броффъ излагалъ это дѣло (не называя именъ) извѣстному доктору; знаменитый врачъ улыбнулся, покачалъ головой и ничего не отвѣтилъ. Въ силу этого мистеръ Броффъ оканчивалъ свое письмо протестомъ. Слѣдующій вопросъ мой касался Лунного камня. Представилъ ли адвокатъ какое-нибудь доказательство, что алмазъ точно въ Лондонѣ? Нѣтъ, адвокатъ просто отказался обсуждать этотъ вопросъ. Онъ былъ убѣжденъ, что Лунный камень заложенъ мистеру Локеру. Отсутствующій другъ его, знаменитый мистеръ Мортветъ (а его глубокія познанія о характерѣ Индѣйцевъ не подлежатъ никакому сомнѣнію), также убѣжденъ въ этомъ. Въ силу этихъ доводовъ и при множествѣ дѣлъ, съ которыми къ нему обращаются, онъ долженъ отказаться отъ преній по предмету, очевидно доказанному. Современемъ видѣе будетъ, и мистеръ Броффъ не прочь подождать.

Ясно было,—еслибы даже мистеръ Блекъ не разъяснилъ этого еще болѣе, рѣшившись передать мнѣ только содержаніе письма, вмѣсто того чтобы прочесть его цѣликомъ,—что въ основѣ всего этого лежало недовѣріе ко *мнѣ*. Давно предвидѣвъ это, я ничуть не обидѣлся и даже не удивился. Только спросилъ мистера Блека, не поколебалъ ли его дружескій протестъ. Онъ съ жаромъ отвѣчалъ, что это не произвело на него ни малѣйшаго впечатлѣнія. Послѣ этого я въ правѣ былъ выключить мистера Броффа изъ своихъ соображеній, и выключилъ. Разговоръ нашъ прекратился на этомъ, и Габріель Бетереджъ выступилъ изъ своего убѣжища подъ окномъ.

— Не удостоите ли выслушать меня, сэръ? спросилъ онъ обращаясь ко мнѣ.

— Я весь къ вашимъ услугамъ, отвѣтилъ я.

Бетереджъ взялъ кресло, сѣлъ къ столу, и досталъ огромный, старомодный кожаный бумажникъ съ карандашомъ такихъ же размѣровъ какъ очки; надѣвъ очки, онъ развернулъ бумажникъ на бѣлой страницѣ и еще разъ обратился ко мнѣ.

— Я прожилъ, сказалъ Бетереджъ, строго поглядывая на меня,—лѣтъ пятьдесятъ на службѣ у покойной госпожи. До этого служилъ въ пажахъ у стараго лорда, отца ея. Отъ роду мнѣ теперь что-то промежь семидесяти и восьмидесяти,—нужды нѣтъ сколько именно! Говорятъ, что я не

Digitized by Google

хуже другихъ узналъ свѣтъ—и вдоль, и поперекъ. И чѣмъ же все это кончается? Кончается это, мистеръ Ездра Дженнингсъ, тѣмъ, что помощникъ доктора выкидываетъ надъ мистеромъ Франкливомъ Блекомъ колдовскую штуку съ бутылкой опіуму, а меня, прости Господи, приставили на старости лѣтъ къ колдуну въ мальчишки!

Мистеръ Блекъ разразился взрывомъ хохота. Я хотѣлъ заговорить, но Бетереджъ поднялъ руку въ знакъ того, что еще не кончилъ.

— Ни слова, мистеръ Дженнингсъ! сказалъ онъ: — мнѣ больше ни слова не нужно, сэръ. Я, слава Богу, не безъ правилъ. Если мнѣ даютъ приказъ, который доводится роднымъ братцемъ приказамъ изъ Бедлама, — нужды нѣтъ! Пока я получаю его отъ своего господина или отъ своей госпожи,—повинуюсь. У меня можетъ быть собственное мнѣніе, которое, буде вамъ угодно припомнить, раздѣляетъ и мистеръ Броффъ—великій мистеръ Броффъ! сказалъ Бетереджъ, возвышая голосъ и торжественно кивая мнѣ головой:—нужды нѣтъ; я беру назадъ свое мнѣніе. Молодая госпожа говоритъ: „исполнить". И я тотчасъ отвѣчаю: „миссъ, будетъ исполнено". Вотъ я здѣсь на лицо съ бумажникомъ и карандашомъ,—послѣдній не такъ остеръ, какъ бы мнѣ хотѣлось,—но когда сами христіане сходятъ съ ума, гдѣ жь тутъ надѣяться, чтобы карандаши не притуплялись? Давайте ваши приказанія, мистеръ Дженнингсъ. Я ихъ запишу, сэръ. Я ужь такъ положилъ себѣ, чтобы ни на волосъ не отставать отъ нихъ и не превышать ихъ. Я слѣпое орудіе,— вотъ что̀ я такое. Слѣпое орудіе! повторилъ Бетереджъ, безконечно-довольный собственнымъ опредѣленіемъ.

— Мнѣ очень жаль, началъ я, — что вы несогласны со мной....

— Не путайте вы *меня*-то сюда! перебилъ Бетереджъ:— тутъ вовсе не въ согласіи дѣло, дѣло въ повиновеніи. Извольте распоряжаться, сэръ, распоряжаться извольте!

Мистеръ Блекъ подалъ мнѣ знакъ чтобъ я поймалъ его на словѣ. Я „изволилъ распорядиться" какъ можно яснѣй и серіознѣй.

— Надо отпереть нѣкоторыя отдѣленія дома, сказалъ я,— и обставить ихъ точь-въ-точь, какъ они были обставлены въ прошломъ году.

Бетереджъ предварительно лизнулъ кончикъ не совсѣмъ хорошо очиненнаго карандаша:

Digitized by Google

— Укажите какія именно отдѣленія, мистеръ Дженнингсъ! величественно проговорилъ онъ.

— Вопервыхъ, внутреннія сѣни, ведущія на главную лѣстницу.

— „Вопервыхъ, внутреннія сѣни", писалъ Бетереджъ,—начать съ того, что ихъ невозможно обставить такъ, какъ они были обставлены въ прошломъ году.

— Почему?

— Потому что въ прошломъ году въ сѣняхъ стояла ястребиная чучела, мистеръ Дженнингсъ. Когда семейство выѣхало, чучелу вынесли вмѣстѣ съ прочими вещами. Когда ее выносили, она разлетѣлась въ прахъ.

— Ну, такъ выключимъ чучелу.

Бетереджъ записалъ это исключеніе.

— „Внутреннія сѣни обставить какъ въ прошломъ году. За исключеніемъ въ прахъ разлетѣвшагося ястреба." Извольте продолжать, мистеръ Дженнингсъ.

— На лѣстницѣ попрежнему послать коверъ.

— „На лѣстницѣ попрежнему послать коверъ." Жаль огорчать васъ, сэръ. Но и этого нельзя сдѣлать.

— Почему же?

— Потому что человѣкъ, настилавшій коверъ, умеръ, мистеръ Дженнингсъ, а подобнаго ему относительно приговки ковра къ поворотамъ не найдешь во всей Англіи, ищите гдѣ угодно.

— Очень хорошо. Попробуемъ, не найдется ли въ Англіи другаго мастера.

Бетереджъ сдѣлалъ другую замѣтку, и я продолжалъ „распоряжаться".

— Гостиную миссъ Верендеръ возобновить въ томъ же видѣ, какъ она была въ прошломъ году. Также корридоръ ведущій изъ гостиной въ первый этажъ. Также второй корридоръ, ведущій изъ втораго этажа въ лучшія спальни. Также спальню, занятую въ іюнѣ прошлаго года мистеромъ Франкликомъ Блекомъ.

Тупой карандашъ Бетереджа добросовѣстно поспѣвалъ за мной слово-въ-слово.

— Продолжайте, сэръ, проговорилъ Бетереджъ съ саркастическою важностію, — карандаша еще хватитъ на цѣлую кучу письма.

Я сказалъ ему, что у меня больше нѣтъ никакихъ распоряженій.

Digitized by Google

— Въ такомъ случаѣ, сэръ, сказалъ Бетереджъ, я коснусь одного или двухъ пунктовъ относительно самого себя. Онъ развернулъ бумажникъ на другой страницѣ и снова предварительно лизнулъ неистощимый карандашъ.

— Я желаю знать, началъ онъ,—могу ли я, или нѣтъ, умыть себѣ руки....

— Положительно можете, сказалъ мистеръ Блекъ,—я сейчасъ позвоню слугу.

— .....относительно нѣкоторой отвѣтственности, продолжалъ Бетереджъ, упорно отказываясь признать чье-либо присутствіе въ комнатѣ, кромѣ его собственнаго и моего:— начать съ гостиной миссъ Вериндеръ. Когда мы въ прошломъ году снимали коверъ, мистеръ Дженнингсъ, то нашли на съ чѣмъ несообразное количество булавокъ. Обязанъ ли я раскидать булавки попрежнему?

— Разумѣется, нѣтъ.

Беттереджъ тотчасъ же записалъ уступку.

— Затѣмъ, касательно перваго корридора, продолжалъ онъ,—когда мы выносили оттуда разные орнаменты, то вынесли вмѣстѣ съ ними статую жирнаго, голаго ребенка, кощунственно названнаго въ домашнемъ каталогѣ Купидономъ, богомъ любви. Прошлаго года на мясистыхъ частяхъ плечъ у него было два крыла. Я какъ-то не досмотрѣлъ, одного крыла какъ не бывало. Отвѣтственъ ли я за Купидоново крыло?

Я сдѣлалъ другую уступку, а Бетереджъ вторую замѣтку.

— Что касается до втораго корридора, продолжалъ онъ,— то въ немъ прошлаго года ничего не было, кромѣ дверей (въ цѣлости ихъ я готовъ принять присягу, если понадобится), и я долженъ сознаться, что совершенно покоенъ относительно этого отдѣленія дома. Но вотъ насчетъ спальни мистера Франклина (если *ее* тоже возстановлять попрежнему) я желалъ бы знать, кто возьмется постоянно обращать ее въ хлѣвъ, какъ бы часто ее ни убирали: тамъ панталоны, тутъ полотенце, а французскіе романы повсюду... такъ я говорю, кто изъ насъ обязанъ разбрасывать все послѣ уборки, онъ или я?

Мистеръ Блекъ объявилъ, что съ величайшимъ удовольствіемъ приметъ на себя полную отвѣтственность. Бетереджъ упорно отказывался принять какое-либо рѣшеніе вопроса безъ моего согласія и одобренія. Я принялъ пред-

Digitized by Google

ложеніе мистера Блека, и Бетереджъ внесъ эту послѣднюю уступку въ свой бумажникъ.

— Заходите, когда угодно, мистеръ Дженнингсъ, начиная съ завтрашняго дня, сказалъ онъ, вставая: — вы застанете меня за работой, съ необходимыми помощниками. Почтительнѣйше прошу позволенія поблагодарить васъ за то, что посмотрѣли сквозь пальцы на ястребиную чучелу и Купидоново крыло, а также и за разрѣшеніе мнѣ умыть себѣ руки относительно булавокъ на коврѣ и хлѣва въ комнатѣ мистера Франклина. Какъ слуга, я глубоко обязанъ вамъ. Какъ человѣкъ, я думаю, что ваша голова биткомъ набита чортиками, и свидѣтельствую противъ вашего опыта, ибо это обманъ и ловушка. Но не бойтесь насчетъ того, чтобы человѣческія чувства помѣшали мнѣ исполнить долгъ слуги! Я буду повиноваться вамъ, несмотря на чортиковъ, сэръ, буду повиноваться, хоть бы вы наконецъ подожгли домъ,—будь я проклятъ, если пошлю за пожарными трубами, прежде чѣмъ вы позвоните и прикажете это сдѣлать!

Съ этимъ заключительнымъ увѣреніемъ онъ поклонился мнѣ и вышелъ изъ комнаты.

— Какъ вы думаете, можно ли на него положиться? спросилъ я.

— Безусловно, отвѣтилъ мистеръ Блекъ.—Вотъ посмотрите, когда мы зайдемъ туда, вы увидите, что онъ ничѣмъ не пренебрегъ и ничего не забылъ.

Іюня 19-го. Новый протестъ противъ замышляемыхъ нами предпріятій! На этотъ разъ отъ дамы.

Утренняя почта доставила мнѣ два письма. Одно отъ миссъ Верриндеръ, въ которомъ она самымъ любезнымъ образомъ соглашается на мое предложеніе. Другое—отъ опекунши ея, нѣкоей мистрисъ Мерридью.

Мистрисъ Мерридью свидѣтельствуетъ мнѣ свое почтеніе и заявляетъ, что она не беретъ на себя входить въ научное значеніе предмета, по которому я вступилъ въ переписку съ миссъ Верриндеръ. Но съ общественной точки зрѣнія она въ правѣ высказать свое мнѣніе. Мнѣ, вѣроятно, неизвѣстно, полагаетъ мистрисъ Мерридью,—что миссъ Верриндеръ всего 19 лѣтъ отъ роду. Позволить молодой леди, въ такомъ возрастѣ, присутствовать (безъ „дуэньи") въ домѣ, наполненномъ мущинами производящими медицинскій опытъ, было бы

Digitized by Google

оскорбленіемъ приличій, котораго мистрисъ Мерридью никакъ не можетъ допустить. Если дѣло это непремѣнно должно состояться, она сочтетъ своимъ долгомъ, жертвуя своимъ личнымъ спокойствіемъ, сопровождать миссъ Веріндеръ въ Йоркширъ. Въ такихъ обстоятельствахъ она осмѣливается просить меня о пересмотрѣ дѣла, имѣя въ виду, что миссъ Веріндеръ не желаетъ руководствоваться чьимъ мнѣніемъ кромѣ моего. Едва ли присутствіе ея такъ необходимо; одного слова съ моей стороны въ такомъ смыслѣ было бы достаточно для избавленія и мистрисъ Мерридью, и меня самого отъ весьма непріятной отвѣтственности.

Въ переводѣ на простую англійскую рѣчь, эти вѣжливообщія мѣста значили, по моему разумѣнію, что мистрисъ Мерридью смертельно боится мнѣнія свѣта. По несчастію, она обратилась къ послѣднему изъ людей, имѣющихъ какое-нибудь основаніе уважать это мнѣніе. Я не хочу отказать миссъ Веріндеръ и не стану откладывать примиренія двухъ молодыхъ людей, которые любятъ другъ друга и ужь давненько разлучены. Въ переводѣ съ простой англійской рѣчи на вѣжливый языкъ общихъ мѣстъ, это значило, что мистеръ Дженнингсъ свидѣтельствуетъ свое почтеніе миссъ Мерридью и сожалѣетъ, что не можетъ счесть себя въ правѣ на дальнѣйшее вмѣшательство въ это дѣло.

Отчетъ о здоровьѣ мистера Блека въ это утро тотъ же, что̀ и прежде. Мы рѣшили не безпокоить и сегодня Бетереджа своимъ наблюденіемъ за работами въ домѣ. Завтра еще будетъ время для перваго посѣщенія и осмотра.

Іюня 20-го. Мистеръ Блекъ начинаетъ тяготиться постоянною безсонницей по ночамъ. Теперь чѣмъ скорѣе приготовятъ комнаты, тѣмъ лучше.

Сегодня утромъ, когда мы шли къ дому, онъ съ нервною нетерпѣливостью и нерѣшительностью спрашивалъ моего мнѣнія о письмѣ пристава Коффа, пересланномъ ему изъ Лондона. Приставъ пишетъ изъ Ирландіи. Увѣдомляетъ, что онъ получилъ (отъ своей служанки) записку на карточкѣ, оставленную мистеромъ Блекомъ въ его домѣ, близь Доркинга, и объявляетъ, что возвращеніе его въ Англію послѣдуетъ, вѣроятно, чрезъ недѣльку. А между тѣмъ проситъ почтить его сообщеніемъ повода, по которому мистеръ Блекъ желаетъ переговорить съ нимъ (какъ изложено въ запискѣ) насчетъ Луннаго камня. Если мистеръ Блекъ

Digitized by Google

въ состояніи доказать ему, что онъ сдѣлалъ важную ошибку въ производствѣ прошлогодняго слѣдствія объ алмазѣ, то онъ (послѣ всѣхъ щедротъ покойной леди Верриндеръ) сочтетъ своимъ долгомъ отдать себя въ распоряженіе этого джентльмена. Если же нѣтъ, то проситъ позволенія остаться въ своемъ уединеніи, гдѣ его окружаютъ мирныя прелести цвѣтоводства и сельской жизни.

Прочтя это письмо, я, не колеблясь, посовѣтовалъ мистеру Блеку извѣстить пристава Коффа о всемъ происшедшемъ съ того времени, какъ слѣдствіе было пріостановлено въ прошломъ году, и предоставить ему выводъ собственнаго заключенія, на основаніи голыхъ фактовъ.

Подумавъ еще разъ, я также подалъ ему мысль пригласить пристава къ опыту, въ случаѣ если онъ во-время вернется въ Англію. Такимъ свидѣтелемъ во всякомъ случаѣ слѣдуетъ дорожить; а если окажется что я ошибаюсь, считая алмазъ спрятаннымъ въ комнатѣ мистера Блека, то совѣтъ его весьма можетъ пригодиться въ дальнѣйшихъ предпріятіяхъ, которыя будутъ уже не въ моей власти. Это послѣднее соображеніе, повидимому, преодолѣло нерѣшительность мистера Блека. Онъ обѣщалъ послѣдовать моему совѣту.

Когда мы вступили на подъѣздъ, стукъ молотка увѣдомилъ насъ, что работа по возобновленію дома кипитъ въ самомъ разгарѣ. Въ сѣняхъ насъ встрѣтилъ Бетереджъ, принаряженный по этому случаю въ красную рабочую шапочку и фартукъ изъ зеленой саржи. Чуть завидѣвъ меня, онъ тотчасъ досталъ свой бумажникъ съ карандашомъ и упорно записывалъ все, что̀ я ни говорилъ ему. Куда мы ни заглядывали, работа, по предсказанію мистера Блека, всюду велась какъ нельзя болѣе умно и проворно. Но ея еще на порядкахъ оставалось во внутреннихъ сѣняхъ и въ комнатѣ миссъ Верриндеръ. Сомнительно, будетъ ли домъ готовъ ранѣе конца недѣли.

Поздравивъ Бетереджа съ успѣхомъ (онъ упорно дѣлалъ свои замѣтки всякій разъ, какъ я разѣвалъ ротъ, и въ то же время пропускалъ безъ малѣйшаго вниманія все говоренное мистеромъ Блекомъ) и обѣщавъ чрезъ день или два снова посѣтить его,—мы собирались выйдти изъ дому и отправиться въ обратный путь; но не успѣли еще выбраться изъ корридора подъ лѣстницей, какъ Бетереджъ остановилъ

Digitized by Google

меня въ то время, когда я проходилъ мимо двери, ведущей въ его комнату.

— Нельзя ли мнѣ сказать вамъ словечка два наединѣ? спросилъ онъ таинственнымъ шепотомъ.

Я, конечно, согласился. Мистеръ Блекъ пошелъ подождать меня въ саду, а я послѣдовалъ за Бетереджемъ въ его комнату. Я такъ и ждалъ, что онъ потребуетъ какихъ-нибудь новыхъ уступокъ, въ родѣ предшествовавшихъ и улаженныхъ уже насчетъ ястребиной чучелы и Купидонова крыла. Къ величайшему изумленію моему, Бетереджъ дружески положилъ мнѣ руку на плечо и предложилъ слѣдующій странный вопросъ:

— Мистеръ Джеккинсъ, знакомы ли вы съ *Робинзономъ Крузо*?

Я отвѣтилъ, что въ дѣтствѣ читалъ *Робинзона Крузо*.

— А съ тѣхъ поръ не перечитывали?

— Нѣтъ, не перечитывалъ.

Онъ отступилъ на нѣсколько шаговъ и поглядѣлъ на меня съ выраженіемъ сострадательнаго любопытства, сдержаннаго суевѣрнымъ страхомъ.

— Съ дѣтства не читалъ *Робинзона Крузо*, проговорилъ Бетереджъ болѣе про себя чѣмъ обращаясь ко мнѣ:—попробовать, каково-то теперь подѣйствуетъ на него *Робинзонъ Крузо*!

Онъ отперъ въ углу шкафъ и досталъ испачканную, истрепанную книгу, распространявшую запахъ махорки, когда онъ перевертывалъ страницы. Найдя одинъ отрывокъ, который, повидимому, отыскивалъ, онъ, все также таинственно и шепотомъ, попросилъ меня отойдти съ нимъ къ сторонкѣ.

— Что̀ касается вашего фокусъ-покуса съ опіумомъ и мистеромъ Франкліномъ Блекомъ, сэръ, началъ онъ,—то пока рабочіе въ домѣ, долгъ слуги одолѣваетъ во мнѣ человѣческія чувства. Какъ только рабочіе расходятся, человѣческія чувства одолѣваютъ во мнѣ долгъ слуги. Очень хорошо. Въ прошедшую ночь, мистеръ Джеккинсъ, мнѣ безотвязно лѣзло въ голову, что ваше новое медицинское предпріятіе дурно кончится. Еслибъ я уступилъ этому тайному внушенію, то собственноручно вынесъ бы сызнова всю мебель и на утро выгналъ бы изъ дому всѣхъ работниковъ.

Digitized by Google

— Судя по видѣнному мною на верху, сказалъ я,—я радуюсь, что вы противились тайному внушенію.

— Какое ужъ тутъ противился, отвѣтилъ Бетереджъ: — просто состязался, вотъ какъ надо сказать. Я состязался и съ тѣмъ, что̀ безмолвно приказывало сердце, толкая меня въ одну сторону, и съ письменнымъ приказомъ въ бумажникѣ, толкавшимъ совершенно въ другую сторону, пока меня (съ позволенія сказать) холодный потъ прошибъ. Къ какому же средству прибѣгъ я въ такомъ ужасномъ коловоротѣ ума и безсиліи тѣла? Къ средству, которое никогда не измѣняло мнѣ въ теченіи послѣднихъ тридцати лѣтъ и даже раньше, сэръ,—вотъ къ этой книгѣ!

И звучно хлопнувъ ладонью по книгѣ, онъ вышибъ изъ нея сильнѣйшій запахъ махорки, крѣпче прежняго.

— Что̀ же я нашелъ здѣсь, продолжалъ Бетереджъ, — на первой же страницѣ, которую развернулъ? Вотъ это страшное мѣсто, сэръ, страница сто семьдесятъ восьмая:

„Послѣ этихъ и многихъ подобныхъ размышленій, я поставилъ себѣ за правило: когда бы я ни ощутилъ въ себѣ тайные намеки или побужденія сдѣлать то-то или не дѣлать того-то, пойдти въ ту сторону или въ другую, — всегда неуклонно повиноваться тайному внушенію.“

— Чтобы мнѣ хлѣба не ѣсть, мистеръ Дженнингсъ, если не эти самыя слова попали мнѣ на глаза именно въ то время, когда я боролся съ тайнымъ внушеніемъ! Неужели вы не видите вовсе ничего сверхъестественнаго въ этомъ, сэръ?

— Вижу случайное совпаденіе,—и только.

— Васъ это ничуть не смущаетъ, мистеръ Дженнингсъ, относительно медицинскаго-то предпріятія?

— Ни крошечки.

Бетереджъ вытаращилъ на меня глаза посреди мертвой тишины; въ глубокомъ раздумьи закрылъ книгу; необыкновенно заботливо заперъ ее снова въ шкафъ; повернулся на каблукахъ и еще разъ вытаращилъ на меня глаза. Потомъ заговорилъ.

— Сэръ, сказалъ онъ съ важностью,—многое можно простить тому, кто съ дѣтства не перечитывалъ *Робинзона Крузо*. Желаю вамъ добраго утра.

Онъ отворилъ мнѣ дверь съ низкимъ поклономъ и предоставилъ мнѣ свободу, какъ знаю, выбираться въ садъ. Я встрѣтилъ мистера Блека, возвращавшагося къ дому.

Digitized by Google

— Не разказывайте мнѣ что̀ тамъ у васъ произошло, сказалъ онъ; — Бетереджъ вынелъ съ послѣдней карты: откопалъ новое пророчество въ *Робинзонѣ Крузо*. Поддакнули ли вы его любимому заблужденію? Нѣтъ? Вы дали ему замѣтить, что не вѣрите въ *Робинзона Крузо*? Ну, мистеръ Дженнингсъ! Вы до послѣдней степени упали во мнѣніи Бетереджа. Что̀ бы вы ни говорили теперь, что̀ бы вы ни дѣлали впредь, вы увидите, что онъ васъ и словочкомъ больше не подаритъ.

Іюня 21-го. Сегодня мнѣ придется внести въ свой дневникъ весьма немногое.

Мистеръ Блекъ провелъ ночь хуже всѣхъ предшествовавшихъ. Я долженъ былъ, весьма неохотно, прописать ему рецептъ. Къ счастію, люди съ такою чуткою организаціей очень воспріимчивы къ дѣйствію лѣкарственныхъ средствъ. Иначе я сталъ бы бояться, что онъ будетъ вовсе не годенъ къ опыту, когда настанетъ время произвести его. Что̀ касается меня самого, то послѣ нѣкотораго облегченія моихъ страданій въ послѣдніе два дня, нынче утромъ опять былъ припадокъ, о которомъ я скажу лишь одно, что онъ побудилъ меня возвратиться къ опіуму. Закрывъ эту тетрадь, я приму полную свою дозу—пятьсотъ капель.

Іюня 22-го. Сегодня надежда намъ улыбается. Нервное страданіе мистера Блека значительно легче. Онъ немного уснулъ въ прошлую ночь. Я, благодаря опіуму, спалъ эту ночь какъ убитый. Нельзя даже сказать, что я проснулся поутру; вѣрнѣе, что я ожилъ.

Мы поѣхали въ домъ посмотрѣть, не окончена ли обстановка. Ее завершаютъ завтра, въ субботу. Какъ предсказывалъ мистеръ Блекъ, Бетереджъ уже не возбуждалъ дальнѣйшихъ препятствій. Съ начала и до конца онъ былъ зловѣще вѣжливъ и зловѣще молчаливъ.

Теперь мое медицинское предпріятіе (какъ его называетъ Бетереджъ) неизбѣжно должно быть отложено до понедѣльника. Завтра вечеромъ рабочіе опоздаются въ домѣ. На слѣдующій день обычная тиранія воскресенья,—одного изъ учрежденій этой свободной страны,—такъ распредѣляетъ поѣзды, что нѣтъ возможности приглашать кого-нибудь пріѣхать къ намъ изъ Лондона. До понедѣльника остается только тщательно слѣдить за мистеромъ Блекомъ и, по

Digitized by Google

возможности, поддерживать его въ томъ же положеніи, въ которомъ я нашелъ его сегодня. Между тѣмъ я убѣдилъ его написать къ мистеру Броффу и попросить его присутствія въ числѣ свидѣтелей. Я въ особенности выбралъ адвоката, потому что онъ сильно предубѣжденъ противъ насъ. Если мы убѣдимъ *его*, то побѣда наша—безспорна.

Мистеръ Блекъ писалъ также къ приставу Коффу, а я послалъ строчки двѣ миссъ Верендеръ. Ихъ да старика Бетереджа (который не тутя играетъ важную роль въ семействѣ) довольно будетъ въ свидѣтели,—не считая миссъ Мерридью, если она упорно пожелаетъ принести себя въ жертву мнѣнію свѣта.

Іюня 23-го. Послѣдствія опіума опять сказались во мнѣ прошлою ночью. Нужды нѣтъ; надо продолжать его до понедѣльника включительно.

Мистеру Блеку сегодня опять нездоровится. Онъ признался, что нынче въ два часа пополуночи открылъ было ящикъ, въ которомъ спрятаны его сигары, и ему стоило величайшихъ усилій снова запереть ихъ. Вслѣдъ за тѣмъ онъ на всякій случай выбросилъ ключъ за окно. Слуга принесъ его сегодня поутру, найдя на днѣ пустаго колодца,—такова судьба! Я завладѣлъ ключомъ до вторника.

Іюня 24-го. Мы съ мистеромъ Блекомъ долго катались въ коляскѣ. Оба мы наслаждались благодатнымъ вѣяніемъ теплаго лѣтняго воздуха. Я обѣдалъ съ нимъ въ гостиницѣ. Къ величайшему облегченію моему, ибо поутру я нашелъ его не въ мѣру истомленнымъ и раздраженнымъ, онъ послѣ обѣда крѣпко уснулъ на диванѣ часика два. Теперь, хотя бы онъ и дурно провелъ эту ночь, я не боюсь послѣдствій.

Іюня 25-го. Понедѣльникъ. Сегодня опытъ! Теперь пять часовъ пополудни. Мы только что прибыли въ домъ.

Первый и главнѣйшій вопросъ: каково состояніе здоровья мистера Блека.

Насколько я могу судить, есть надежда, что онъ (по крайней мѣрѣ физически) будетъ столь же воспріимчивъ къ дѣйствію опіума сегодня, какъ и въ прошломъ году. Нынче съ самаго полудня нервы его такъ чувствительны, что имъ недалеко до полнаго раздраженія. Цвѣтъ лица его то и дѣло мѣняется; рука не совсѣмъ тверда; самъ онъ вздрагиваетъ

Digitized by Google

при малѣйшемъ шумѣ и внезапномъ появленіи новыхъ лицъ или предметовъ.

Это все результатъ безсонницы, которая, въ свою очередь, зависитъ отъ привычки курить, внезапно прерванной въ то время, какъ она доведена была до крайности. Прошлогоднія причины вступаютъ въ дѣйствіе и, кажется, производятъ тѣ же самыя послѣдствія. Поддержится ли эта параллель во время послѣдняго опыта? Нынѣшняя ночь рѣшитъ это на дѣлѣ.

Пока я пишу эти строки, мистеръ Блекъ забавляется въ залѣ на билліардѣ, упражняясь въ различныхъ ударахъ, какъ онъ имѣлъ обыкновеніе упражняться, гостя здѣсь въ іюнѣ прошлаго года; я захватилъ съ собой дневникъ, частію для того чтобы наполнить праздное время,—котораго у меня, вѣроятно, вдоволь будетъ отнынѣ и до завтрашняго утра,—частію въ надеждѣ на возможность такого случая, который нелишне будетъ тутъ же и записать.

Не пропустилъ я чего-нибудь о сю пору? Просмотрѣвъ вчерашнія замѣтки, я вижу, что забылъ внести въ дневникъ приходъ утренней почты. Исправимъ эту оплошность прежде чѣмъ закрыть тетрадь и пойдти къ мистеру Блеку.

Итакъ я получилъ вчера нѣсколько строкъ отъ миссъ Верндеръ. Она располагаетъ отправиться съ полуденнымъ поѣздомъ, какъ я совѣтовалъ. Миссъ Мерридью настояла на томъ, чтобы сопутствовать ей. Въ письмѣ есть намекъ, что старушка, противъ обыкновенія, немножко не въ духѣ и требуетъ всевозможной снисходительности изъ уваженія къ ея лѣтамъ и привычкамъ. Я постараюсь, въ своихъ отношеніяхъ къ миссъ Мерридью, подражать умѣренности, которую Бетереджъ выказываетъ въ сношеніяхъ со мной. Сегодня онъ принялъ насъ, зловѣще облачась въ лучшую черную пару и высочайшій бѣлый галстухъ. Когда ему случается взглянуть въ мою сторону, онъ тотчасъ вспоминаетъ, что я съ дѣтства не перечитывалъ *Робинзона Крузо*, и почтительно сожалѣетъ о мнѣ.

Кромѣ того, вчера мистеръ Блекъ получилъ отвѣтъ адвоката. Мистеръ Броффъ принимаетъ приглашеніе, но съ оговоркой. Онъ считаетъ очевидно необходимымъ, чтобы какой-нибудь джентльменъ, обладающій извѣстною долей здраваго смысла, сопровождалъ миссъ Верндеръ на предстоящую сцену, которую онъ назвалъ бы выставкой. За

Digitized by Google

неимѣніемъ лучшаго, этимъ спутникомъ будетъ самъ мистеръ Броффъ. Такимъ образомъ у бѣдной миссъ Вериадеръ теперь въ запасѣ двѣ „дуэньи". По крайней мѣрѣ утѣшительно думать, что мнѣніе свѣта навѣрно удовлетворится этимъ!

О приставѣ Коффѣ ничего не слышно; безъ сомнѣнія, онъ все еще въ Ирландіи. Сегодня его нечего ждать.

Бетереджъ пришелъ сказать, что меня ожидаетъ мистеръ Блекъ.

Надо пока отложить перо.

Семь часовъ. Мы опять осмотрѣли всѣ комнаты, всѣ лѣстницы и весьма пріятно прогулялись въ кустарникахъ, любимомъ мѣстѣ прогулокъ мистера Блека въ то время, когда онъ гостилъ здѣсь въ послѣдній разъ. Такимъ образомъ я надѣюсь возможно живѣе воскресить въ умѣ его прежнія впечатлѣнія мѣстъ и окружающихъ предметовъ.

Теперь мы собираемся обѣдать, въ тотъ самый часъ, когда прошлаго года давался обѣдъ въ день рожденія. Въ этомъ случаѣ у меня, разумѣется, чисто медицинскія соображенія. Опіумъ долженъ захватить процессъ пищеваренія по возможности черезъ столько же часовъ, какъ и въ прошломъ году.

Спуста приличное время послѣ обѣда, я намѣреваюсь, какъ можно безыскусственнѣе, навести разговоръ на алмазъ и заговоръ Индѣйцевъ насчетъ его похищенія. Занявъ умъ его этими темами, я исполню все, что̀ отъ меня зависитъ, до тѣхъ поръ пока настанетъ время дать ему вторичный пріемъ.

Половина девятаго. Я только теперь нашелъ возможность сдѣлать самое главное: отыскать въ семейной аптечкѣ опіумъ, который употреблялъ мистеръ Канди въ прошломъ году.

Десять минутъ тому назадъ я поймалъ Бетереджа въ мигъ досуга и сказалъ ему что̀ мнѣ надо. Не возразивъ ни слова, даже не хватаясь за бумажникъ, онъ повелъ меня (уступая дорогу на каждомъ шагу) въ кладовую, гдѣ хранилась аптечка.

Я нашелъ бутылку, тщательно закупоренную стеклянною пробкой, обтянутою сверху кожей. Содержимый въ ней препаратъ опіума, какъ я предугадывалъ, оказался простымъ

Digitized by Google

настоемъ. Видя что бутылка полна, я рѣшился употребить этотъ опіумъ, предпочтя его двумъ препаратамъ, которыми запасся на всякій случай.

Меня нѣсколько затруднялъ вопросъ о количествѣ, которое надлежало дать. Я подумалъ и рѣшился увеличить пріемъ.

Изъ моихъ замѣтокъ видно, что мистеръ Канди давалъ только двадцать пятъ капель. Этого пріема было бы слишкомъ мало для произведенія тогдашнихъ послѣдствій, даже при всей воспріимчивости мистера Блека. Я считаю въ высшей степени вѣроятнымъ, что мистеръ Канди далъ гораздо болѣе нежели думалъ,—такъ какъ я знаю, что онъ весьма любитъ попировать и отмѣривалъ опіумъ послѣ обѣда. Во всякомъ случаѣ, я рискну увеличить пріемъ капель до сорока. На этотъ разъ мистеръ Блекъ заранѣе знаетъ что онъ будетъ принимать опіумъ,—а это, по физіологіи, равняется нѣкоторой (безсознательной) способности противостоять его дѣйствію. Если я не ошибаюсь, то теперь требуется гораздо большее количество для произведенія тѣхъ послѣдствій, которыя въ прошломъ году были достигнуты меньшимъ количествомъ.

Десять часовъ. Свидѣтели или гости (какъ ихъ назвать?) прибыли сюда часъ тому назадъ.

Около девяти часовъ я заставилъ мистера Блека пойдти со мной въ его спальню, подъ тѣмъ предлогомъ, чтобъ онъ осмотрѣлъ ее въ послѣдній разъ и увѣрился, не забыто ли чего-нибудь въ обстановкѣ комнаты. Я еще прежде условился съ Бетереджемъ, чтобы рядомъ съ комнатой мистера Блека помѣстить мистера Броффа и дать мнѣ знать о пріѣздѣ адвоката,—постучавъ въ дверь. Минутъ пять спустя послѣ того какъ зальные часы пробили девять, я услыхалъ стукъ, и тотчасъ же выйдя въ корридоръ, встрѣтилъ мистера Броффа.

Моя наружность (по обыкновенію) оказалась не въ мою пользу. Недовѣріе ко мнѣ явно проглядывало въ глазахъ мистера Броффа. Давно привыкнувъ къ производимому мной впечатлѣнію на незнакомыхъ, я ни минуты не задумался сказать ему то что̀ хотѣлъ, прежде чѣмъ онъ войдетъ въ комнату мистера Блека.

— Я полагаю, что вы пріѣхали сюда вмѣстѣ съ миссъ Меррилью и миссъ Верриндеръ? спросилъ я.

Digitized by Google

— Да, отвѣтилъ мистеръ Броффъ какъ нельзя суше.

— Миссъ Верриндеръ, вѣроятно, сообщила вамъ о моемъ желаніи, чтобы присутствіе ея здѣсь (а также и миссъ Мерридью, разумѣется) было сохранено втайнѣ отъ мистера Блека, пока мой опытъ не кончится?

— Знаю, что надо держать языкъ на привязи, сэръ! нетерпѣливо проговорилъ мистеръ Броффъ.—Не имѣя обыкновенія разбалтывать людскія глупости, я тѣмъ охотнѣе зажму ротъ въ этомъ случаѣ. Довольны ли вы?

Я поклонился и предоставилъ Бетереджу проводить его въ назначенную ему комнату.

Послѣ этого надо было представиться двумъ дамамъ. Я спустился по лѣстницѣ,—сознаюсь, не безъ нервнаго волненія,—направляясь въ гостиную миссъ Верриндеръ.

Въ корридорѣ перваго этажа меня встрѣтила жена садовника (которой было поручено прислуживать дамамъ). Добрая женщина относится ко мнѣ съ чрезвычайною вѣжливостью, явно происходящею отъ подавленнаго ужаса. Она таращитъ глаза, дрожитъ и присѣдаетъ, какъ только я заговорю съ ней. На вопросъ мой о миссъ Верриндеръ, она вытаращила глаза, задрожала и, безъ сомнѣнія, присѣла бы, еслибы сама миссъ Верриндеръ не прервала этой церемоніи, внезапно отворивъ дверь гостиной.

— Это мистеръ Дженнингсъ? спросила она.

Не успѣлъ я отвѣтить, какъ она уже торопливо вышла ко мнѣ въ корридоръ. Мы встрѣтились при свѣтѣ стѣнной лампы. Съ перваго взгляда на меня, миссъ Верриндеръ остановилась въ нерѣшительности; но тотчасъ пришла въ себя, вспыхнула на мигъ и затѣмъ съ очаровательною смѣлостью протянула мнѣ руку.

— Я не могу обращаться съ вами какъ съ незнакомымъ мистеръ Дженнингсъ, сказала она:—о, еслибы вы знали, какъ осчастливили меня ваши письма!

Она поглядѣла на мое невзрачное, морщинистое лицо съ выраженіемъ благодарности, до того новой для меня со стороны моихъ ближнихъ, что я не нашелся какъ ей отвѣтить. Я вовсе не былъ приготовленъ къ ея любезности и красотѣ. Горе многихъ лѣтъ, благодаря Бога, не ожесточило моего сердца. Я былъ неловокъ и застѣнчивъ при ней, какъ мальчишка.

— Гдѣ онъ теперь? спросила она, уступая преобладающему

Digitized by Google

въ ней интересу,—интересу относительно мистера Блека:—Что̀ онъ дѣлаетъ? Говорилъ онъ обо мнѣ? Въ хорошемъ расположеніи духа? Какъ ему показался домъ послѣ всего случившагося прошлаго года? Когда вы хотите давать ему опіумъ? Можно мнѣ посмотрѣть, какъ вы станете наливать? Я такъ интересуюсь; я въ такомъ волненіи—мнѣ надо сказать вамъ тысячу разныхъ разностей, и все это разомъ вертится у меня въ головѣ, такъ что я и не знаю съ чего начать. Васъ удивляетъ, что я такъ интересуюсь этимъ?

— Нѣтъ, сказалъ я:—я осмѣливаюсь думать, что вполнѣ понимаю васъ.

Она была выше жалкаго притворства въ смущеніи. Она отвѣтила мнѣ какъ бы отцу или брату.

— Вы какъ рукой сняли съ меня невыразимое горе; вы мнѣ жизнь возвратили. Буду ли я такъ неблагодарна, чтобы скрывать что-нибудь отъ васъ? Я люблю его, просто проговорила она:—я любила его съ начала и до конца, даже въ то время, когда была такъ несправедлива къ нему въ помыслахъ, такъ безпощадно жестока на словахъ. Найдется ли мнѣ извиненіе? Надѣюсь, найдется и, кажется, одно только и есть. Завтра, когда онъ узнаетъ что я здѣсь, какъ вы думаете....?

Она снова замолчала и жадно глядѣла на меня.

— Завтра, сказалъ я:—мнѣ кажется, вамъ стóитъ только сказать ему то, что̀ вы мнѣ сейчасъ сказали.

Лицо ея просіяло; она подвинулась ко мнѣ; рука ея нервно перебирала цвѣтокъ, сорванный мной въ саду и заложенный въ петличку сюртука.

— Вы часто видали его въ послѣднее время, сказала она:—скажите по сущей правдѣ, точно ли вы въ *этомъ* увѣрены?

— По сущей правдѣ, отвѣчалъ я:—я совершенно увѣренъ въ томъ, что̀ произойдетъ завтра. Желалъ бы я такой увѣренности въ томъ, что̀ произойдетъ иначе.

На этихъ словахъ разговоръ нашъ былъ прерванъ появленіемъ Бетереджа съ чайнымъ приборомъ на подносѣ. Мы пошли за нимъ въ гостиную. Маленькая старушка, очень мило одѣтая, сидѣвшая въ уголкѣ и углубившаяся въ вышиванье какого-то пестраго узора, уронила работу на колѣна, слабо вскрикнувъ при первомъ взглядѣ на мою цыганскую наружность и пѣгіе волосы.

Digitized by Google

— Миссъ Мерридью, сказала миссъ Верендеръ:—вотъ мистеръ Дженнингсъ.

— Прошу мистера Дженнингса извинить меня, сказала старушка, говоря со *мной*, а глядя на миссъ Верендеръ:— поѣздки по желѣзной дорогѣ всегда разстраиваютъ мои нервы. Я стараюсь успокоиться, занимаясь всегдашнею работой. Но, можетъ-быть, мое вышиванье неумѣстно при такомъ необыкновенномъ случаѣ. Если оно несогласно съ медицинскими воззрѣніями мистера Дженнингса, я, разумѣется, съ удовольствіемъ отложу его.

Я поспѣшилъ разрѣшить присутствіе вышиванья, точь-въ-точь какъ разрѣшилъ отсутствіе впрахъ разлетѣвшагося ястреба и Купидонова крыла. Миссъ Мерридью попробовала, изъ благодарности, взглянуть на мои волосы. Нѣтъ! Этому не суждено было свершиться. Миссъ Мерридью опять перевела взглядъ на миссъ Верендеръ.

— Если мистеръ Дженнингсъ позволитъ мнѣ, продолжала старушка: — я попрошу у него одной милости. Мистеръ Дженнингсъ собирается производить сегодня научный опытъ. Когда я была въ школѣ маленькою дѣвочкой, то постоянно присутствовала при научныхъ опытахъ. Они всѣ безъ изъятія оканчивались взрывомъ. Если мистеръ Дженнингсъ будетъ такъ добръ, я желала бы, чтобы меня предупредили на этотъ разъ, когда произойдетъ взрывъ. Я намѣрена, если можно, до тѣхъ поръ не ложиться въ постель, пока не переживу его.

Я попробовалъ было увѣрить миссъ Мерридью, что на этотъ разъ въ мою программу вовсе не входитъ взрыва.

— Нѣтъ, сказала старушка:—я весьма благодарна мистеру Дженнингсу, я знаю, что онъ для моей же пользы меня обманываетъ. Но, по-моему, лучше вести дѣло на чистоту. Я совершенно мирюсь со взрывомъ, только *хочу*, если можно, до тѣхъ поръ не ложиться въ постель, пока не переживу его.

При этихъ словахъ дверь отворилась, и миссъ Мерридью опять слабо вскрикнула. Что̀ это — явленіе взрыва? Нѣтъ: пока только явленіе Бетереджа.

— Извините, мистеръ Дженнингсъ, сказалъ Бетереджъ съ самою изысканною таинственностью:—мистеръ Франклинъ освѣдомляется о васъ. Вы приказали мнѣ обманывать его насчетъ присутствія моей молодой госпожи въ этомъ домѣ, я и сказалъ ему, что не знаю. Не угодно ли вамъ замѣтить,

Digitized by Google

что это ложь. Такъ какъ я уже стою одною ногой въ могилѣ, сэръ, то чѣмъ меньше вы потребуете отъ меня лжи, тѣмъ болѣе я вамъ буду признателенъ, когда пробьетъ мой часъ, и совѣсть заговоритъ во мнѣ.

Ни минуты нельзя было терять на-чисто философскій вопросъ о Бетереджевой совѣсти. Мистеръ Блекъ, отыскивая меня, могъ явиться сюда, если я тотчасъ же не приду въ его комнату. Миссъ Верриндеръ послѣдовала за мной въ корридоръ.

— Они, кажется, въ заговорѣ не давать вамъ покою, сказала она:—что̀ бы это значило?

— Единственно протестъ общества, миссъ Верриндеръ, въ самыхъ маленькихъ размѣрахъ, противъ всякой новизны.

— Что̀ намъ дѣлать съ миссъ Мерридью?

— Скажите ей, что взрывъ послѣдуетъ завтра въ девять часовъ утра.

— Чтобъ она улеглась?

— Да,—чтобъ она улеглась.

Миссъ Верриндеръ вернулась въ гостиную, а я пошелъ наверхъ къ мистеру Блеку.

Къ удивленію моему, я засталъ его одного, тревожно расхаживающаго по комнатѣ и нѣсколько раздраженнаго тѣмъ, что его всѣ оставили.

— Гдѣ же мистеръ Броффъ? спросилъ я.

Онъ указалъ на запертую дверь между двумя комнатами. Мистеръ Броффъ заходилъ къ нему на минутку; попробовалъ было возобновить свой протестъ противъ нашего предпріятія; но ему снова не удалось произвести ни малѣйшаго впечатлѣнія на мистера Блека. Послѣ этого законникъ нашелъ себѣ прибѣжище въ черномъ кожаномъ портфелѣ, который только что не лопался отъ набитыхъ въ него дѣловыхъ бумагъ. „Серіозныя житейскія заботы, съ прискорбіемъ соглашался онъ,—весьма не умѣстны въ подобномъ случаѣ; но тѣмъ не менѣе серіозныя житейскія заботы должны идти своимъ чередомъ. Быть-можетъ, мистеръ Блекъ любезно проститъ старосвѣтскимъ привычкамъ занятаго человѣка. Время—деньги.... А что касается мистера Дженнингса, то онъ положительно можетъ разчитывать на появленіе мистера Броффа, когда его вызовутъ.“ Съ этимъ извиненіемъ адвокатъ вернулся въ свою комнату и упрямо погрузился въ свой черный портфель.

Я подумалъ о миссъ Мерридью съ ея вышиваньемъ и о

Digitized by Google

Бетереджѣ съ его совѣстью. Удивительно тождество солидныхъ сторонъ англійскаго характера, точно такъ же, какъ удивительно тождество солидныхъ выраженій въ англійскихъ лицахъ.

— Когда же вы думаете дать мнѣ опіуму? нетерпѣливо спросилъ мистеръ Блекъ.

— Надо еще немножко подождать, сказалъ я; — я посижу съ вами, пока настанетъ время.

Не было еще и десяти часовъ. А разспросы, которые я въ разное время предлагалъ Бетереджу и мистеру Блеку привели меня къ заключенію, что мистеръ Канди никакъ не могъ дать мистеру Блеку опіумъ ранѣе одиннадцати. Поэтому я рѣшился не испытывать вторичнаго пріема до этого времени.

Мы немного поговорили; но оба мы были слишкомъ озабочены предстоящимъ испытаніемъ. Разговоръ не клеился, потомъ и вовсе заглохъ. Мистеръ Блекъ разсѣянно перелистывалъ книги на столѣ. Я имѣлъ предосторожность просмотрѣть ихъ еще въ первый приходъ нашъ. То были: *Стражъ*, *Собесѣдникъ*, Ричардсонова *Памела*, Маккензіевъ *Чувствительный*, Росціевъ *Лоренцо де-Медичи* и Робертсоновъ *Карлъ V*,—все классическія сочиненія; всѣ они были (разумѣется) безконечно выше какихъ бы то ни было произведеній позднѣйшаго времени; и всѣ до единаго (на мой взглядъ) имѣли то великое достоинство, что̀ никого не могли заинтересовать и никому не вскружили бы головы. Я предоставилъ мистера Блека успокоительному вліянію литературы и занялся внесеніемъ этихъ строкъ въ свой дневникъ.

На моихъ часахъ скорехонько одиннадцать. Снова закрываю эти страницы.

* * *

Два часа пополуночи. Опытъ произведенъ. Я сейчасъ разскажу, каковъ былъ его результатъ.

Въ одиннадцать часовъ я позвонилъ Бетереджа и сказалъ мистеру Блеку, что онъ можетъ, наконецъ, ложиться въ постель.

Я посмотрѣлъ въ окно какова ночь. Она была тиха, дождлива и весьма похожа въ этомъ отношеніи на ту, что̀ наступила послѣ дня рожденія,—21-го іюня прошлаго года.

Digitized by Google

Хотя я вовсе не вѣрю въ предзнаменованія, но все-таки меня ободряло отсутствіе въ атмосферѣ явленій, прямо вліяющихъ на нервы,—какова буря или скопленіе электричества. Подошелъ Бетереджъ и таинственно сунулъ мнѣ въ руку небольшой клочокъ бумаги. На немъ было написано:

„Миссъ Мерридью легла въ постель съ уговоромъ, чтобы взрывъ послѣдовалъ завтра въ девять часовъ утра, и чтобъ я не ступала ни шагу изъ этого отдѣленія дома, пока она не придетъ сама и не выпуститъ меня. Ей и въ голову не приходитъ, чтобы моя гостиная была главнымъ мѣстомъ дѣйствія при произведеніи опыта,—иначе она осталась бы въ ней на всю ночь! Я одна и въ большой тревогѣ. Пожалуста, позвольте мнѣ посмотрѣть, какъ вы будете отмѣривать опіумъ; мнѣ хотѣлось бы присутствовать при этомъ хотя въ незначащей роли зрительницы. *Р. В.*“

Я вышелъ изъ комнаты за Бетереджемъ и велѣлъ ему перенести аптечку въ гостиную миссъ Верриндеръ. Это приказаніе, повидимому, захватило его совершенно врасплохъ. Онъ, кажется, заподозрилъ меня въ какихъ-то тайныхъ медицинскихъ умыслахъ противъ миссъ Верриндеръ!

— Осмѣлюсь ли спросить, сказалъ онъ,—что̀ за дѣло моей молодой госпожѣ до аптечки?

— Оставайтесь въ гостиной и увидите.

Бетереджъ, повидимому, усомнился въ собственной способности усмотрѣть за мной безъ посторонней помощи съ тѣхъ поръ, какъ въ число операцій вошла аптечка.

— Можетъ-быть, вы не желаете, сэръ, принять въ долю мистера Броффа? спросилъ онъ.

— Напротивъ! Я иду пригласить мистера Броффа слѣдовать за нами внизъ.

Не говоря болѣе ни слова, Бетереджъ ушелъ за аптечкой. Я вернулся въ комнату мистера Блека и постучалъ въ дверь, которая сообщала ее съ другою.

Мистеръ Броффъ отворилъ ее, держа въ рукахъ свои бумаги, — весь погруженный въ законъ и недоступный медицинѣ.

— Мнѣ весьма прискорбно безпокоить васъ, сказалъ я,— но я собираюсь приготовлять опіумъ для мистера Блека и долженъ просить вашего присутствія, чтобы вы видѣли что̀ я дѣлаю.

— Да? сказалъ мистеръ Броффъ, неохотно удѣляя мнѣ

Digitized by Google

одну десятую своего вниманія, между тѣмъ какъ девять десятихъ были пригвождены къ его бумагамъ,—а еще что?

— Я долженъ побезпокоить васъ, чтобы вы вернулись со мной сюда и посмотрѣли, какъ я дамъ ему пріемъ.

— А еще что?

— Еще одно только. Я долженъ подвергнуть васъ неудобству остаться въ комнатѣ мистера Блека и ожидать послѣдствій.

— Ахъ, очень хорошо! сказалъ мистеръ Броффъ:—что моя комната, что мистера Блека,—мнѣ все равно; я вездѣ могу заняться своими бумагами, если только вы не противъ того, чтобъ я внесъ вотъ *это* количество здраваго смысла въ наши дѣйствія, мистеръ Дженнингсъ?

Не успѣлъ я отвѣтить, какъ мистеръ Блекъ обратился къ адвокату, лежа въ постели.

— Неужто вы въ правду хотите сказать, что нисколько не заинтересованы въ нашихъ дѣйствіяхъ? спросилъ онъ.— Мистеръ Броффъ, у васъ просто коровье воображеніе!

— Корова полезное животное, мистеръ Блекъ, сказалъ адвокатъ. Съ этими словами онъ пошелъ за мной, все еще не разставаясь съ своими бумагами.

Когда мы вошли въ гостиную, миссъ Вериндеръ, блѣдная и взволнованная, тревожно ходила изъ угла въ уголъ. Бетереджъ стоялъ на караулѣ у аптечки, возлѣ угольнаго столика. Мистеръ Броффъ сѣлъ въ первое попавшееся кресло и (соревнуя въ полезности коровѣ) тотчасъ погрузился въ свои бумаги. Миссъ Вериндеръ отвела меня къ сторонкѣ и мигомъ обратилась къ единственному, всепоглощающему интересу ея,—насчетъ мистера Блека.

— Каковъ онъ теперь? спросила она:—что его нервы? Не выходитъ ли онъ изъ терпѣнія? Какъ вы думаете, удастся это? Вы увѣрены, что это безвредно?

— Совершенно увѣренъ. Пожалуйте сюда, посмотрите какъ я отмѣряю.

— Минуточку! Теперь слишкомъ одиннадцать часовъ. Долго ли придется ждать какихъ-нибудь послѣдствій?

— Трудно сказать. Пожалуй, часъ.

— Я думаю, въ комнатѣ должны быть потемки, какъ прошлаго года?

— Конечно.

— Я подожду въ своей спальнѣ,—точь-въ-точь какъ тогда.

Digitized by Google

Дверь я кротечку притворю. Въ прошломъ году она была кротечку отворена. Я стану смотрѣть на дверь гостиной; какъ только она двинется, я задую свѣчу. Все это было такъ въ день моего рожденія. Такъ вѣдь оно и теперь должно быть, не правда ли?

— Увѣрены ли вы, что можете владѣть собой, миссъ Верриндеръ?

— Въ *его* интересахъ я все могу! страстно воскликнула она.

Съ одного взгляда въ ея лицо, я убѣдился, что ей можно вѣрить, и снова обратился къ мистеру Броффу:

— Я долженъ просить васъ, чтобы вы отложили на минуту свои занятія, сказалъ я.

— О, извольте!

Онъ вскочилъ съ мѣста, вздрогнувъ, какъ будто я помѣшалъ ему на самомъ интересномъ мѣстѣ, и послѣдовалъ за мной къ аптечкѣ. Тутъ, лишенный этого несравненнаго интереса, сопряженнаго съ отправленіемъ его должности, онъ взглянулъ на Бетереджа и устало зѣвнулъ.

Миссъ Верриндеръ подошла ко мнѣ со стекляннымъ кувшиномъ холодной воды, который взяла со стола.

— Позвольте мнѣ влить воду, шепнула она; — я *должна* раздѣлить вашъ трудъ!

Я отмѣрилъ сорокъ капель изъ бутылки и вылилъ опіумъ въ лѣкарственную рюмку. „Наполните ее до трехъ четвертей“, сказалъ я, подавая рюмку миссъ Верриндеръ. Потомъ приказалъ Бетереджу запереть аптечку, сообщивъ ему, что ея больше не надо. Въ лицѣ стараго слуги проступило невыразимое облегченіе. Онъ явно подозрѣвалъ меня въ медицинскихъ умыслахъ противъ молодой госпожи!

Подливая воду по моему указанію, миссъ Верриндеръ воспользовалась минутой, пока Бетереджъ запиралъ аптечку, а мистеръ Броффъ снова взялся за бумаги,—и украдкой поцѣловала край лѣкарственной рюмки.

— Когда станете подавать ему, шепнула очаровательница,—подайте ему съ этой стороны!

Я вынулъ изъ кармана кусокъ хрусталю, который долженъ былъ изображать алмазъ, и вручилъ ей.

— Вотъ вамъ еще доля въ этомъ дѣлѣ, сказалъ я:—положите его туда, куда клали въ прошломъ году Лунный камень.

Она привела насъ къ индѣйскому коммоду и положила поддѣльный алмазъ въ тотъ ящикъ, гдѣ въ день рожденія

Digitized by Google

лежалъ настоящій. Мистеръ Броффъ присутствовалъ при этомъ, протестуя, какъ и при всемъ прочемъ. Но Бетереджъ (къ немалой забавѣ моей) оказался не въ силахъ противодѣйствовать способностью самообладанія драматическому интересу, который начиналъ принимать нашъ опытъ. Когда онъ свѣтилъ намъ, рука его задрожала, и онъ тревожно прошепталъ: „тотъ ли это ящикъ-то, миссъ?“

Я пошелъ впередъ, неся разбавленный опіумъ, и пріостановился въ дверяхъ, чтобы сказать послѣднее слово миссъ Вериндеръ.

— Тушите свѣчи, не мѣшкая, проговорилъ я.

— Потушу сейчасъ же, отвѣтила она,—и стану ждать въ своей спальнѣ съ одною свѣчой.

Она затворила за нами дверь гостиной. Я же, въ сопровожденіи мистера Броффа и Бетереджа, вернулся въ комнату мистера Блека. Онъ безпокойно ворочался въ постели съ боку на бокъ и раздражительно спрашивалъ, дадутъ ли ему сегодня опіуму. Въ присутствіи двухъ свидѣтелей я далъ ему пріемъ, взбилъ подушки и сказалъ, чтобъ онъ снова легъ и терпѣливо ожидалъ послѣдствій. Кровать его, снабженная легкими ситцевыми занавѣсками, стояла изголовьемъ къ стѣнѣ, оставляя большіе свободные проходы по обоимъ бокамъ. Съ одной стороны я совершенно задернулъ занавѣски, и такимъ образомъ скрывъ отъ него часть комнаты, помѣстилъ въ ней мистера Броффа и Бетереджа, чтобъ они могли видѣть результатъ. Въ ногахъ у постели я задернулъ занавѣски вполовину и поставилъ свой стулъ въ нѣкоторомъ отдаленіи, такъ чтобы можно было показываться ему или не показываться, говорить съ нимъ или не говорить, смотря по обстоятельствамъ. Зная уже, по разсказамъ, что во время сна у него въ комнатѣ всегда горитъ свѣча, я поставилъ одну изъ двухъ свѣчей на маленькомъ столикѣ у изголовья постели, такъ чтобы свѣтъ ея не рѣзалъ ему глаза. Другую же свѣчу я отдалъ мистеру Броффу; свѣтъ съ той стороны умѣрялся ситцевыми занавѣсками. Окно было открыто вверху, для освѣженія комнаты. Тихо кропилъ дождь, и въ домѣ все было тихо. Когда я кончилъ эти приготовленія и занялъ свое мѣсто у постели, по моимъ часамъ было двадцать минутъ двѣнадцатаго.

Мистеръ Броффъ принялся за свои бумаги съ видомъ всегдашняго, глубокаго интереса. Но теперь, глядя въ его

Digitized by Google

сторону, я замѣчалъ по нѣкоторымъ признакамъ, что законъ уже начиналъ терять свою власть надъ нимъ. Предстоящій интересъ положенія, въ которомъ мы находились, мало-по-малу оказывалъ свое вліяніе даже на его бѣдный воображеніемъ складъ ума. Что касается Бетереджа, то его твердость правилъ и достоинство поведенія стали пустыми словами. Онъ забылъ, что я выкидываю колдовскую штуку надъ мистеромъ Блекомъ; забылъ, что я переверну́лъ весь домъ вверхъ дномъ; забылъ, что я съ дѣтства не перечитывалъ *Робинзона Крузо*.

— Ради Господа Бога, сэръ, тепнулъ оно мнѣ:—скажите, когда же это начнется.

— Не раньше полуночи, тепнулъ я въ отвѣтъ:—молчите и сидите смирно.

Бетереджъ снизошелъ въ самую глубь фамиліарности со мной, даже не стараясь оградить себя. Онъ отвѣтилъ мнѣ просто кивкомъ! Затѣмъ, взглянувъ на мистера Блека, я нашелъ его въ прежнемъ безпокойномъ состояніи; онъ съ досадой спрашивалъ, почему опіумъ не начинаетъ дѣйствовать на него. Безполезно было говорить ему, въ теперешнемъ расположеніи его духа, что чѣмъ болѣе будетъ онъ досадовать и волноваться, тѣмъ болѣе отсрочитъ ожидаемый результатъ. Гораздо умнѣе было бы выгнать изъ его головы мысль объ опіумѣ, незамѣтно занявъ его какимъ-нибудь инымъ предметомъ.

Съ этою цѣлью, я сталъ вызывать его на разговоръ, стараясь съ своей стороны направить его такъ, чтобы снова вернуться къ предмету, занимавшему насъ въ началѣ вечера, то-есть къ алмазу. Я старался возвратиться къ той части исторіи Луннаго камня, что касалась перевоза его изъ Лондона въ Йоркширъ, опасности, которой подвергался мистеръ Блекъ, взявъ его изъ фризингальскаго банка, и неожиданнаго появленія Индѣйцевъ возлѣ дома вечеромъ въ день рожденія. Упоминая объ этихъ событіяхъ, я умышленно притворялся, будто не понялъ многаго изъ того, что разсказывалъ мнѣ мистеръ Блекъ за нѣсколько часовъ предъ тѣмъ. Такимъ образомъ я заставилъ его разговориться о томъ предметѣ, которымъ существенно необходимо было наполнить умъ его, не давая ему подозрѣвать, что я съ намѣреніемъ заставляю его разговориться. Мало-по-малу онъ такъ заинтересовался поправкой моихъ упущеній, что

Digitized by Google

пересталъ ворочаться въ постели. Мысли его совершенно удалились отъ вопроса объ опіумѣ въ тотъ важнѣйшій мигъ, когда я прочелъ у него въ глазахъ, что опіумъ начинаетъ овладѣвать имъ.

Я поглядѣлъ на часы. Было безъ пяти минутъ двѣнадцать, когда показались первые признаки дѣйствія опіума.

Въ это время неопытный глазъ еще не примѣтилъ бы въ немъ никакой перемѣны. Но по мѣрѣ того какъ минуты новаго дня шли одна за другой, все яснѣе обозначалось вкрадчиво-быстрое развитіе этого вліянія. Дивное опьяненіе опіумомъ засверкало въ глазахъ его; легкая испарина росой залоснилась на лицѣ его. Минутъ пять спустя, разговоръ, который онъ все еще велъ со мной, сталъ безсвязенъ. Онъ крѣпко держался алмаза, но уже не доканчивалъ своихъ фразъ. Еще немного, и фразы перешли въ отрывочныя слова. Затѣмъ наступила минута молчанія; потомъ онъ сѣлъ въ постели, и все еще занятый алмазомъ, снова заговорилъ, но уже не со мной, а про себя. Изъ этой перемѣны я увидѣлъ, что настала первая фаза опыта. Возбудительное вліяніе опіума овладѣло имъ.

Въ то время было двадцать три минуты перваго. Самое большее чрезъ полчаса долженъ былъ рѣшиться вопросъ: встанетъ ли онъ съ постели и выйдетъ ли изъ комнаты, или нѣтъ.

Увлеченный наблюденіями за нимъ, видя съ невыразимымъ торжествомъ, что первое послѣдствіе опыта проявляется точно такъ и почти въ то самое время какъ я предсказывалъ,—я совершенно забылъ о двухъ товарищахъ, бодрствовавшихъ со мной въ эту ночь. Теперь же, оглянувшись на нихъ, я увидалъ, что законъ (представляемый бумагами мистера Броффа) въ небреженіи валялся на полу. Самъ же мистеръ Броффъ жадно смотрѣлъ въ отверстіе, оставленное межъ неплотно задернутыхъ занавѣсокъ постели. А Бетереджъ, забывая всякое уваженіе къ общественному неравенству, заглядывалъ чрезъ плечо мистера Броффа.

Видя что я гляжу на нихъ, они оба отскочили, какъ школьники, пойманные учителемъ въ шалости. Я сдѣлалъ имъ знакъ потихоньку снять сапоги, какъ я свои. Еслибы мистеръ Блекъ подалъ намъ случай слѣдить за нимъ, надо было идти безо всякаго шума.

Digitized by Google

Прошло десять минутъ,—и ничего еще не было. Потомъ онъ внезапно сбросилъ съ себя одѣяло. Спустилъ одну ногу съ кровати. Помедлилъ.

— Лучше бы мнѣ вовсе не брать его изъ банка, тихо проговорилъ онъ:—въ банкѣ онъ былъ сохраннѣе.

Сердце во мнѣ часто затрепетало; височныя артеріи бѣшено забились. Сомнѣніе относительно цѣлости алмаза опять преобладало въ мозгу его! На этой тпилькѣ вертѣлся весь успѣхъ опыта. Нервы мои не вынесли внезапно улыбнувшейся надежды. Я долженъ былъ отвернуться отъ него,—иначе потерялъ бы самообладаніе.

Наступилъ снова мигъ тишины.

Когда я укрѣпился настолько, чтобъ опять взглянуть на него, онъ уже всталъ съ постели и держался на ногахъ возлѣ нея. Зрачки его сузились; глаза искрились отблесками свѣчи, когда онъ медленно поворачивалъ голову по сторонамъ. Онъ видимо думалъ о чемъ-то, недоумѣвалъ и снова заговорилъ.

— Почемъ знать? сказалъ онъ:—Индѣйцы могли спрятаться въ домѣ!

Онъ замолчалъ и медленно прошелъ на тотъ конецъ комнаты. Оборотился, постоялъ,—и вернулся къ постели.

— Даже не запертъ, продолжалъ онъ,—тамъ въ ящикѣ ея коммода. А ящикъ-то не запирается.

Онъ сѣлъ на край постели.

— Всякій можетъ взять, проговорилъ онъ.

Онъ снова тревожно всталъ и повторилъ свои первыя слова.

— Почемъ знать? Индѣйцы могли спрятаться въ домѣ.

И снова медлилъ. Я скрылся за половинку занавѣсокъ у постели. Онъ осматривалъ комнату, странно сверкая глазами. То былъ мигъ невыразимаго ожиданія. Насталъ какой-то перерывъ. Прекращалось ли это дѣйствіе опіума? или дѣятельность мозга? Кто могъ сказать? Все зависѣло теперь отъ того, что̀ онъ сдѣлаетъ вслѣдъ за этимъ.

Онъ опять улегся въ постель!

Ужасное сомнѣніе мелькнуло у меня въ головѣ. Возможно ли, чтобъ усыпительное вліяніе опіума дало уже себя почувствовать? До сихъ поръ этого не встрѣчалось въ моей практикѣ. Но къ чему служитъ практика, когда дѣло идетъ объ опіумѣ? По всему вѣроятію, не найдется и двухъ людей, на

Digitized by Google

которыхъ бы это питье дѣйствовало совершенно одинаковымъ образомъ. Не было ли въ его организмѣ какой-нибудь особенности, на которой это вліяніе отразилось еще неизвѣстнымъ путемъ? Неужели намъ предстояла неудача на самой границѣ успѣха?

Нѣтъ! Онъ снова порывисто поднялся.

— Куда же къ чорту заснуть, когда *это* нейдетъ изъ головы, проговорилъ онъ.

Онъ посмотрѣлъ на свѣчу, горѣвшую на столѣ у изголовья постели. Минуту спустя, онъ держалъ свѣчу въ рукѣ.

Я задулъ другую свѣчу, горѣвшую позади задернутыхъ занавѣсокъ. Я отошелъ съ мистеромъ Броффомъ и Бетереджемъ въ самый уголъ за кроватью и подалъ имъ знакъ притаиться такъ, будто самая жизнь ихъ отъ этого зависила.

Мы ждали,—ничего не видя и не слыша. Мы ждали, спрятавшись отъ него за занавѣсками.

Свѣча, которую онъ держалъ по ту сторону отъ насъ вдругъ задвигалась. Мигъ спустя, онъ быстро и беззвучно прошелъ мимо насъ со свѣчой въ рукѣ.

Онъ отворилъ дверь спальни и вышелъ.

Мы пошли за нимъ по корридору, внизъ по лѣстницѣ и вдоль втораго корридора. Онъ ни разу не оглянулся, ни разу не пріостанавливался.

Онъ отворилъ дверь гостиной и вошелъ, оставивъ ее настежь. Дверь эта была навѣшена (подобно всѣмъ прочимъ въ домѣ) на большихъ, старинныхъ петляхъ. Когда она отворилась, между половинкой и притолкой образовалась щель. Я сдѣлалъ знакъ моимъ спутникамъ, чтобъ они смотрѣли въ нее, не показываясь. Самъ я сталъ тоже по сю сторону двери, но съ другаго бока. Влѣвѣ отъ меня была ниша въ стѣнѣ, въ которую я мигомъ бы спрятался, еслибъ онъ выказалъ намѣреніе вернуться въ корридоръ.

Онъ дошелъ до средины комнаты, держа свѣчу въ рукѣ: онъ осматривался,—но ни разу не оглянулся.

Я видѣлъ, что дверь спальни миссъ Вериндеръ полуотворена. Она погасила свою свѣчу. Она доблестно владѣла собой. Я ничего не могъ разглядѣть, кромѣ туманно-бѣлаго очерка лѣтняго платья. Не зная заранѣе, никто бы не догадался, что въ комнатѣ есть живое существо. Она держалась вдали, въ потемкахъ, не измѣняя себѣ ни однимъ словомъ, ни однимъ движеніемъ.

Digitized by Google

Было десять минутъ втораго. Въ мертвой тишинѣ мнѣ слышалось тихое накрапываніе дождя и трепетный шумъ вѣтра, пролетавшаго въ деревьяхъ.

Переждавъ минутку или болѣе посреди комнаты, какъ бы въ нерѣшительности, онъ пошелъ въ уголъ къ окну, гдѣ стоялъ индѣйскій коммодъ. Поставилъ свѣчу на коммодъ. Сталъ отворять и задвигать ящики, пока не дошелъ до того, въ которомъ лежалъ фальшивый алмазъ. Съ минуту глядѣлъ въ ящикъ. Потомъ правою рукой взялъ фальшивый алмазъ, а другою снялъ съ коммода свѣчу.

Повернулся, прошелъ нѣсколько шаговъ на средину комнаты и вновь остановился.

До сихъ поръ онъ повторялъ точь-въ-точь то, что дѣлалъ въ день рожденія. Я ждалъ, не окажутся ли слѣдующіе поступки его тѣми же, какъ и въ прошломъ году. Я ждалъ, не выйдетъ ли онъ изъ комнаты, не вернется ли въ свою спальню, какъ долженъ былъ, по моему предположенію, вернуться въ то время, не покажетъ ли намъ куда онъ дѣвалъ алмазъ, вернувшись въ свою комнату.

Оказалось, что перваго онъ не сдѣлалъ; онъ поставилъ свѣчу на столъ и прошелъ немного на дальній конецъ комнаты. Тамъ стоялъ диванъ, онъ тяжело оперся лѣвою рукой на спинку его,— потомъ очнулся и возвратился на средину комнаты. Теперь я могъ разсмотрѣть его глаза. Они тускли, смыкались; блескъ ихъ быстро исчезалъ.

Миссъ Верндеръ не вынесла мучительнаго ожиданія. Она подалась нѣсколько шаговъ впередъ, — потомъ остановилась, Мистеръ Броффъ и Бетереджъ появились на порогѣ и въ первый разъ взглянули на меня. Они, подобно мнѣ, предвидѣли наступающую неудачу. Но пока онъ стоялъ тамъ, все еще оставалась надежда. Мы ждали, въ невыразимомъ нетерпѣніи, что будетъ дальше.

Слѣдующее мгновенье рѣшило все: онъ выронилъ изъ руки фальшивый алмазъ.

Бездѣлушка упала какъ разъ у порога, на самомъ виду и для него, и для каждаго изъ насъ. Онъ не старался поднять ее. Только посмотрѣлъ на нее мутнымъ взглядомъ, и голова его склонилась на грудь. Онъ вздрогнулъ, очнулся на минуту, нетвердою походкой вернулся къ дивану и сѣлъ. Тутъ онъ сдѣлалъ послѣднее усиліе,—попробовалъ приподняться и упалъ назадъ. Голова его опустилась на диванныя подушки. Было

Digitized by Google

двадцать пять минутъ втораго. Не успѣлъ я положить часы обратно въ карманъ, онъ уже заснулъ.

Теперь все миновало. Усыпительное вліяніе опіума овладѣло имъ. Опытъ кончился.

Я вошелъ въ комнату, сказавъ мистеру Броффу и Бетереджу, что они могутъ слѣдовать за мной. Нечего было опасаться разбудить его. Мы могли свободно ходить и говорить.

— Прежде всего, сказалъ я,—надо рѣшить вопросъ, что̀ намъ дѣлать съ нимъ. Теперь онъ, по всей вѣроятности, проспитъ часовъ шесть или семь, нести его въ его комнату далеко. Будь я помоложе, я сдѣлалъ бы это одинъ. Но теперь у меня ужь не то здоровье, не та и сила,— я долженъ просить васъ помочь мнѣ.

Не успѣли они отвѣтить, какъ меня тихонько кликнула миссъ Верриндеръ. Она встрѣтила меня въ дверяхъ своей комнаты, неся легкую шаль и одѣяло съ своей постели.

— Вы намѣрены сидѣть около него, пока онъ спитъ? спросила она.

— Да. Я не совсѣмъ увѣренъ въ томъ какъ подѣйствуетъ на него опіумъ и неохотно оставилъ бы его одного.

Она подала мнѣ шаль и одѣяло.

— Зачѣмъ его безпокоить? шепнула она:—приготовьте ему постель на диванѣ. Я могу затвориться и побыть въ своей комнатѣ.

Этотъ способъ устроить его на ночь былъ безконечно проще и безопаснѣе. Я передалъ это предложеніе мистеру Броффу и Бетереджу, оба его одобрили. Въ пять минутъ я уложилъ его на диванѣ, слегка прикрывъ одѣяломъ и шалью. Миссъ Верриндеръ пожелала намъ покойной ночи и затворила свою дверь. По моей просьбѣ, мы всѣ трое собрались вокругъ стола, на которомъ осталась свѣча и были разложены письменныя принадлежности.

— Прежде чѣмъ разойдемся, началъ я,—надо вамъ сказать кое-что насчетъ нынѣшняго опыта. Я хотѣлъ достигнуть имъ двухъ различныхъ цѣлей. Первою было доказательство, что мистеръ Блекъ въ прошломъ году входилъ сюда и взялъ алмазъ совершенно безсознательно и безотвѣтственно, подъ вліяніемъ опіума. Убѣждены ли вы въ этомъ послѣ всего видѣннаго вами?

Они, не колеблясь, дали мнѣ утвердительный отвѣтъ.

Digitized by Google

— Второю цѣлью, продолжалъ я, было развѣдать, куда онъ дѣвалъ алмазъ послѣ того, какъ мисъ Верандеръ видѣла, что онъ вынесъ его изъ гостиной ночью, послѣ дня рожденія. Достиженіе этой цѣли, конечно, зависило отъ точнаго повторенія его прошлогоднихъ дѣйствій. Это не удалось и, слѣдовательно, цѣль не достигнута. Не скажу, чтобъ это вовсе не было досадно мнѣ, но по чести могу сказать, что это нисколько не удивляетъ меня. Я съ самаго начала говорилъ мистеру Блеку, что полный успѣхъ зависитъ отъ полнѣйшаго воспроизведенія въ немъ прошлогоднихъ условій, какъ физическихъ такъ и нравственныхъ, и предупредилъ его, что это почти невозможно. Мы лишь отчасти воспроизвели условія, и вслѣдствіе того опытъ удался только частію. Весьма возможно также, что я далъ ему слишкомъ сильный пріемъ опіума. Но лично я считаю первую причину истинною виновницей того, что намъ пришлось пожаловаться на неудачу и въ то же время торжествовать успѣхъ.

Сказавъ это, я подвинулъ мистеру Броффу письменный приборъ и спросилъ, не угодно ли ему, прежде нежели мы разойдемся на ночь, составить и подписать полное изложеніе всего видѣннаго имъ. Онъ тотчасъ взялъ перо и составилъ изложеніе съ безостановочнымъ проворствомъ опытной руки.

— Я обязанъ сдѣлать это для васъ, проговорилъ онъ, подписывая документъ,—въ видѣ нѣкотораго вознагражденія за то, что произошло между нами давеча. Прошу извинить меня, мистеръ Дженнингсъ, что я не довѣрялъ вамъ. Вы оказали Франклину Блеку безцѣнную услугу. Вы, что говорится у насъ, у законниковъ, защитили дѣло.

Извиненіе Бетереджа было весьма характеристично.

— Мистеръ Дженнингсъ, проговорилъ онъ:—когда вы станете перечитывать *Робинзона Крузо* (а я непремѣнно совѣтую вамъ заняться этимъ), вы увидите, что онъ никогда не стыдится признанія, если ему случается быть неправымъ. Пожалуста, сэръ, считайте, что я въ этомъ случаѣ исполняю то же, что и Робинзонъ Крузо.

Съ этими словами, онъ въ свою очередь подписалъ документъ.

Когда мы встали изъ-за стола, мистеръ Броффъ отвелъ меня въ сторону.

— Одно слово насчетъ алмаза. По вашему предположенію, Франкливъ Блекъ спряталъ Лунный камень въ своей комнатѣ.

Digitized by Google

По моему предположенію, Лунный камень въ Лондонѣ, у банкира мистера Локера. Не будемъ спорить кто изъ насъ правъ. Спрашивается только, кто изъ насъ въ состояніи подтвердить свое предположеніе опытомъ.

— Мой опытъ производился нынче, отвѣтилъ я:—и не удался.

— А мой опытъ, возразилъ мистеръ Броффъ,—и теперь еще производится. Дня два тому назадъ я приказалъ сторожить мистера Локера у банка и не распущу этого караула до послѣдняго дня нынѣшняго мѣсяца. Я знаю, что онъ долженъ лично принять алмазъ изъ рукъ банкира, и поступаю такъ на случай, если лицо, заложившее алмазъ, заставитъ его сдѣлать это, выкупивъ залогъ. Въ такомъ случаѣ я могу захватить въ свои руки это лицо. И въ этомъ есть надежда разъяснить загадку, какъ разъ съ того пункта, который теперь затрудняетъ насъ! Согласны ли вы съ этимъ?

Я охотно согласился.

— Я вернусь въ столицу съ десяти-часовымъ поѣздомъ, продолжалъ адвокатъ:—вернувшись, я могу узнать о какихъ-нибудь открытіяхъ, и мнѣ, пожалуй, весьма важно будетъ имѣть подъ рукой Франклина Блека, чтобъ обратиться къ нему, буде понадобится. Послѣ всего происшедшаго, могу ли я разчитывать, что вы поддержите меня своимъ вліяніемъ?

— Конечно! сказалъ я.

Мистеръ Броффъ пожалъ мнѣ руку и вышелъ. За нимъ послѣдовалъ и Бетереджъ.

Я пошелъ къ дивану взглянуть на мистера Блека. Онъ не шевельнулся съ тѣхъ поръ, какъ я положилъ его и приготовилъ ему постель, онъ спалъ глубокимъ и спокойнымъ сномъ.

Я все еще смотрѣлъ на него, когда дверь спальни тихонько отворилась. На порогѣ снова показалась миссъ Беридверъ, въ своемъ прелестномъ лѣтнемъ платьѣ.

— Окажите мнѣ послѣднюю милость, шепнула она:—позвольте мнѣ остаться съ вами возлѣ него.

Я колебался, не въ интересахъ приличія, а только въ интересахъ ея отдыха. Она подошла ко мнѣ и взяла меня за руку.

— Я не могу спать; не могу даже сидѣть въ своей комнатѣ, сказала она:—О! мистеръ Дженнингсъ, еслибы вы были

Digitized by Google

на моемъ мѣстѣ, какъ бы вамъ хотѣлось остаться здѣсь и смотрѣть на него. Ну, скажите: да! Пожалуста!

Надо ли говорить, что я уступилъ? Разумѣется, не надо.

Она подвинула кресло къ ногамъ его. Она смотрѣла на него въ безмолвномъ восторгѣ блаженства, пока слезы не проступили на глазахъ ея. Осушивъ ихъ, она сказала, что принесетъ свою работу. Принесла и ни разу не тронула ея иглой. Работа лежала у нея на колѣнахъ, она глазъ не могла отвести отъ него, чтобы вдѣть нитку въ иглу. Я вспомнилъ свою молодость; я вспомнилъ кроткіе глаза, нѣкогда *мнѣ* свѣтившіе любовью. Сердце мое стѣснилось, я взялся за свой дневникъ и внесъ въ него то, что̀ здѣсь написано:

Итакъ мы оба молча сидѣли около него. Одинъ, погрузясь въ свой дневникъ; другая—въ свою любовь. Шелъ часъ за часомъ, а онъ покоился глубокимъ сномъ. Лучи новой денницы разливались по комнатѣ, а онъ ни разу не шевельнулся.

Часамъ къ шести я ощутилъ въ себѣ признаки вновь наступающихъ страданій. Я долженъ былъ на время оставить ее съ нимъ одну. Я сказалъ, что пойду наверхъ и принесу ему другую подушку изъ его спальни. На этотъ разъ припадокъ мой не долго длился. Немного погодя, я могъ вернуться и показаться ей.

Вернувшись, я засталъ ее у изголовья дивана. Она только что коснулась губами его чела. Я покачалъ головой, какъ могъ серіознѣе, и указалъ ей на кресло. Она отвѣтила мнѣ свѣтлою улыбкой и очаровательно покраснѣла.

— Вы сами сдѣлали бы то же на моемъ мѣстѣ, прошептала она.

Только что пробило восемь часовъ. Онъ впервые начинаетъ шевелиться.

Миссъ Вериндеръ склонилась на колѣна у дивана. Она помѣстилась такъ, что пробуждаясь, онъ откроетъ глаза прямо въ лицо ей.

Оставить ихъ вдвоемъ?

Да!

Одиннадцать часовъ. Они уладили все между собой и всѣ уѣхали въ Лондонъ съ десяти-часовымъ поѣздомъ. Прошла моя греза кратковременнаго счастія. Снова пробуждаетъ меня дѣйствительность всѣми забытой, одинокой жизни.

Не берусь передать тѣ добрыя слова, которыми

Digitized by Google

осыпали меня, особенно миссъ Верриндеръ и мистеръ Блекъ. Эти слова будутъ припоминаться мнѣ въ часы одиночества и облегчатъ остатокъ жизненнаго пути. Мистеръ Блекъ напишетъ мнѣ и разкажетъ, что̀ произойдетъ въ Лондонѣ. Миссъ Верриндеръ осенью вернется въ Йоркширъ (безъ сомнѣнія, къ своей свадьбѣ), а я возьму отпускъ и буду гостемъ въ ея домѣ. О, что̀ я чувствовалъ, когда глаза ея сіяли благодарнымъ счастіемъ, а теплое пожатіе руки словно говорило: „Это вашихъ рукъ дѣло!"

Бѣдные больные ждутъ меня. Опять надо возвращаться по утрамъ къ старой рутинѣ, вечеромъ—къ ужасному выбору между опіумомъ и страданіями!

Но благословенъ Богъ за его милосердіе! И мнѣ крошечку посвѣтило солнце, и у меня была минута счастія.

Разказъ 5-ый, снова излагаемый Франкликомъ Блекомъ.

I.

Съ моей стороны довольно будетъ нѣсколькихъ словъ для дополненія разказа, взятаго изъ дневника Ездры Дженнингса.

О самомъ себѣ я могу лишь одно сказать: проснулся я утромъ двадцать шестаго числа, вовсе не помня того, что̀ я говорилъ и дѣлалъ подъ вліяніемъ опіума,—съ той минуты, какъ питье впервые подѣйствовало на меня, и до того времени, когда я открылъ глаза, лежа на диванѣ въ Рахилиной гостиной. Я не чувствую себя призваннымъ отдавать подробный отчетъ въ томъ, что̀ произошло послѣ моего пробужденія. Ограничиваясь одними послѣдствіями, могу сказать, что мы съ Рахилью совершенно поладили между собой, прежде нежели съ той или съ другой стороны послѣдовало хоть одно слово въ объясненіе. И я, и Рахиль, оба мы отказываемся разъяснять необычайное проворство нашего примиренія. Милостивый государь и милостивая государыня, оглянитесь на то время, когда вы были страстно привязаны другъ къ другу, и вамъ не менѣе меня самого станетъ извѣстно все происшедшее послѣ того, какъ Ездра Дженнингсъ затворилъ дверь гостиной.

Digitized by Google

Впрочемъ, я могу прибавить, что миссъ Мерридью непремѣнно застала бы васъ, не будь Рахилиной находчивости. Она услыхала шелестъ платья старушки въ коррндорѣ и тотчасъ выбѣжала къ ней навстрѣчу. Я слышалъ, какъ миссъ Мерридью спросила: „что̀ такое?“ и какъ Рахиль отвѣтила: „взрывъ!“ Миссъ Мерридью тотчасъ позволила взять себя подъ руку и увести въ садъ, подальше отъ грозившаго потрясенія. Возвратясь же въ домъ, она встрѣтила меня въ залѣ и заявила, что сильно поражена огромными успѣхами въ наукѣ съ тѣхъ поръ, какъ она была дѣвочкой въ школѣ. „Взрывы, мистеръ Блекъ, стали гораздо легче прежнихъ. Увѣряю васъ, что я едва разслышала въ саду взрывъ мистера Джеккингса. И вотъ мы теперь вошли въ домъ, а я не чувствую никакого запаху! Я непремѣнно должна извиниться предъ вашимъ ученымъ пріятелемъ. Надо отдать ему справедливость, онъ прекрасно распорядился!“

Такимъ образомъ, побѣдивъ Бетереджа и мистера Броффа, Езира Джеккингсъ побѣдилъ и миссъ Мерридью. Въ свѣтѣ все-таки много таится великодушія!

Во время завтрака мистеръ Броффъ не скрывалъ причинъ, по которымъ ему хотѣлось, чтобъ я отправился съ нимъ въ Лондонъ съ утреннимъ поѣздомъ. Караулъ, поставленный у банка, и возможныя послѣдствія его такъ затронули любопытство Рахили, что она тотчасъ рѣшилась (если миссъ Мерридью не противъ этого) вернуться съ нами въ столицу, чтобы какъ можно скорѣе получать извѣстія о нашихъ предпріятіяхъ.

Послѣ примѣрно-почтительнаго поведенія взрыва, миссъ Мерридью оказалась исполненною уступокъ и снисходительности; вслѣдствіе чего Бетереджу сообщено было, что мы всѣ четверо отправимся съ утреннимъ поѣздомъ. Я такъ и ждалъ, что онъ попросится съ нами. Но Рахиль весьма умно припасла вѣрному, старому слугѣ интересное для него занятіе. Ему поручили окончательно возобновить весь домъ, и онъ былъ слишкомъ поглощенъ домашними обязанностями, чтобы страдать „слѣдственною лихорадкой“, какъ это могло съ нимъ случиться при другихъ обстоятельствахъ.

Итакъ, уѣзжая въ Лондонъ, мы жалѣли только о необходимости разстаться съ Эздрой Джеккингсомъ гораздо скорѣе нежели мы желали. Не было возможности уговорить его поѣхать съ нами. Я обѣщалъ писать ему, а Рахиль

Digitized by Google

настояла на томъ, чтобъ онъ посѣтилъ ее, когда она вернется въ Йоркширъ. По всей вѣроятности, мы должны были встрѣтиться чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, но все же очень грустно было смотрѣть на лучшаго и дражайшаго нашего друга, когда поѣздъ тронулся со станціи, оставивъ его одиноко стоящаго на платформѣ.

По прибытіи нашемъ въ Лондонъ, къ мистеру Броффу еще на станціи подошелъ маленькій мальчикъ, одѣтый въ курточку и штаны ветхаго чернаго сукна и особенно замѣтный по необыкновенной выпуклости глазъ. Они у него такъ выкатывались и разбѣгались до такой степени безъ удержу, что становилось неловко при мысли, какъ бы они не выскочили изъ впадинъ. Выслушавъ мальчика, мистеръ Броффъ просилъ дамъ извинить насъ въ томъ, что мы не проводимъ ихъ до Портлендъ-Плеса. Едва успѣлъ я обѣщать Рахили вернуться и разказать обо всемъ, какъ мистеръ Броффъ схватилъ меня за руку и потащилъ въ кебъ. Мальчикъ, у котораго такъ плохо держались глаза, взобрался на козлы съ кучеромъ, а кучеру приказано было ѣхать въ Ломбардъ-Стритъ.

— Вѣсть изъ банка? спросилъ я, когда мы тронулись.

— Вѣсть о мистерѣ Локерѣ, сказалъ мистеръ Броффъ:— часъ тому назадъ его видѣли въ Ламбетѣ, какъ онъ выѣхалъ изъ дому въ кебѣ съ двумя людьми, которыхъ *мои* люди признали за переодѣтыхъ полицейскихъ чиновниковъ. Если въ основѣ этой предосторожности мистера Локера лежитъ боязнь Индѣйцевъ, то выводъ отсюда весьма простъ. Онъ ѣдетъ въ банкъ за алмазомъ.

— А мы ѣдемъ въ банкъ поглядѣть что̀ изъ этого выйдетъ?

— Да,—или узнать что̀ изъ этого вышло, если къ тому времени все кончится. Замѣтили ль вы моего мальчишку — на козлахъ-то?

— Я глаза его замѣтилъ.

Мистеръ Броффъ засмѣялся.

— У меня въ конторѣ прозвали плутишку „Крыжовникомъ", сказалъ онъ:—онъ у меня на посылкахъ,—и желалъ бы я, чтобы на моихъ писцовъ, которые дали ему это прозвище, можно было такъ смѣло полагаться какъ на него. Крыжовникъ одинъ изъ самыхъ острыхъ мальчугановъ по всемъ Лондонѣ, мистеръ Блекъ, даромъ что у него такіе глаза.

Digitized by Google

Мы подъѣхали къ Ломбардъ-Стритскому банку безъ двадцати минутъ въ пять часовъ. Крыжовникъ жалобно посмотрѣлъ на своего хозяина, когда тотъ вылѣзъ изъ кэба.

— Что̀, тебѣ тоже хочется взойдати? ласково спросилъ мистеръ Броффъ:—ну, пойдемъ и слѣдуй за мной по пятамъ до перваго приказа. Онъ проворевъ какъ молнія, тепнулъ мнѣ мистеръ Броффъ:—Крыжовнику довольно двухъ словъ, гдѣ иному и двадцати мало.

Мы вошли въ банкъ. Пріемная контора съ длиннымъ прилавкомъ, за которымъ сидѣли кассиры, была полна народу; всѣ ждали своей очереди получить или внести деньги до пяти часовъ, когда банкъ закроется. Какъ только мистеръ Броффъ показался, къ нему тотчасъ подошли двое изъ толпы.

— Ну, спросилъ адвокатъ:—видѣли вы его?

— Онъ прошелъ мимо насъ полчаса тому назадъ вонъ въ ту контору, подальше-то.

— Онъ еще не выходилъ оттуда?

— Нѣтъ, сэръ.

Мистеръ Броффъ повернулся ко мнѣ.

— Подождемте, сказалъ онъ.

Я сталъ осматривать окружавшую меня толпу, отыскивая въ ней трехъ Индѣйцевъ. Нигдѣ нѣтъ ни малѣйшаго признака ихъ. Единственною чертою замѣтно-смуглаго цвѣта былъ человѣкъ высокаго роста, одѣтый лоцманомъ, въ круглой шляпѣ, съ виду морякъ. Не переодѣлся ли это кто-нибудь изъ нихъ? Невозможно! Человѣкъ этотъ былъ выше каждаго изъ Индѣйцевъ, и лицо его, гдѣ его не скрывала густая, черная борода, было по крайней мѣрѣ вдвое шире ихъ лицъ.

— У нихъ долженъ быть гдѣ-нибудь тутъ свой шпіонъ, сказалъ мистеръ Броффъ, глядя въ свою очередь на смуглаго моряка.—Пожалуй, это онъ самый и есть.

Не успѣлъ онъ договорить, какъ его почтительно дернулъ за фалду служащій ему бѣсенокъ съ кружовнико-образными глазами.

Мистеръ Броффъ взглянулъ въ ту сторону, куда глядѣлъ мальчикъ.

— Тише! сказалъ онъ:—вотъ мистеръ Локеръ!

Мистеръ Локеръ вышелъ изъ внутреннихъ покоевъ банка въ сопровожденіи двухъ переодѣтыхъ полицейскихъ, которые оберегали его.

Digitized by Google

— Не спускайте съ него глазъ, шепнулъ мистеръ Броффъ:— если онъ передастъ алмазъ кому-нибудь, то передастъ его не выходя отсюда.

Не замѣчая никого изъ насъ, мистеръ Локеръ медленно пробирался къ двери, то въ самой тѣснотѣ, то въ болѣе рѣдкой толпѣ. Я весьма ясно замѣтилъ движеніе его руки въ то время, какъ онъ проходилъ мимо низенькаго, плотнаго человѣка, прилично одѣтаго въ скромное сѣрое платье. Человѣчекъ слегка вздрогнулъ и поглядѣлъ ему вслѣдъ. Мистеръ Локеръ медленно подвигался въ толпѣ. У двери полицейскіе примкнули къ нему. За всѣми тремя послѣдовалъ одинъ изъ людей мистера Броффа, и я болѣе не видалъ ихъ.

Я оглянулся на адвоката и значительно показалъ ему глазами на человѣка въ скромномъ сѣромъ платьѣ.—„Да! шепнулъ мистеръ Броффъ: — я самъ видѣлъ!“ Онъ посмотрѣлъ кругомъ, отыскивая втораго изъ своихъ людей. Его нигдѣ не было видно. Онъ обернулся назадъ къ служившему ему бѣсенку. Крыжовникъ исчезъ.

— Что̀ за чертовщина! сердито проговорилъ мистеръ Броффъ:—оба пропали въ самое горячее время.

Человѣку въ сѣромъ, настала очередь покончить свое дѣло у прилавка; онъ внесъ чекъ, получилъ расписку и пошелъ къ выходу.

— Что̀ намъ дѣлать? спросилъ мистеръ Броффъ: — *Намъ* нельзя срамиться, слѣдя за нимъ.

— *Мнѣ* можно! сказалъ я: — давайте мнѣ десять тысячъ фунтовъ, я все-таки не выпущу изъ виду̀ этого человѣка!

— Въ такомъ случаѣ, возразилъ мистеръ Броффъ:—я ужь *васъ* не выпущу изъ виду, хотя бы мнѣ давали вдвое больше. Славное занятіе при моемъ положеніи, ворчалъ онъ про себя во дорогѣ за незнакомцемъ изъ банка.—Ради Бога, не разказывайте этого! Я погибъ, если это разнесется.

Человѣкъ въ сѣромъ сѣлъ въ омнибусъ, отходившій въ западную часть города. Мы вошли за нимъ.

Въ мистерѣ Броффѣ сохранялись еще остатки юности. Положительно заявляю: усаживаясь въ омнибусѣ, онъ покраснѣлъ!

Въ Оксфордъ-Стритѣ человѣкъ въ сѣромъ остановилъ омнибусъ и вышелъ. Мы снова послѣдовали за нимъ. Онъ вошелъ въ москательную лавку.

Digitized by Google

Мистеръ Броффъ вздрогнулъ.

— Я всегда покупаю въ этой лавкѣ! воскликнулъ онъ.— Кажется, мы ошиблись.

Мы вошли въ лавку. Мистеръ Броффъ обмѣнялся съ хозяиномъ нѣсколькими словами по секрету. Потомъ адвокатъ съ унылымъ лицомъ подошелъ ко мнѣ.

— Большую честь намъ дѣлаетъ, проговорилъ онъ, взявъ меня подъ руку и выходя изъ лавки:—нечего сказать, утѣшительно!

— Что̀ же дѣлаетъ намъ честь? спросилъ я.

— Мистеръ Блекъ! Изъ всѣхъ сыщиковъ-любителей, когда-либо набивавшихъ руку въ этомъ ремеслѣ, хуже насъ съ вами не найдти. Человѣкъ въ сѣромъ тридцать лѣтъ прослужилъ у москательщика. Онъ ходилъ въ банкъ заплатить деньги по порученію хозяина; ребенокъ во чревѣ матери,—и тотъ больше его знаетъ о Луномъ камнѣ.

Я спросилъ' что̀ намъ предстояло дѣлать.

— Вернемтесь въ мою контору, сказалъ мистеръ Броффъ:— Крыжовникъ и еще одинъ изъ моихъ людей очевидно за кѣмъ-то слѣдили. Будемъ надѣяться, что *они* по крайней мѣрѣ не потеряли глазъ.

Придя въ Грейзъ-Иннъ-Скверъ, мы застали тамъ втораго изъ людей мистера Броффа. Онъ ожидалъ насъ болѣе четверти часа.

— Ну, спросилъ мистеръ Броффъ:—что̀ скажете?

— Прискорбно сказать, сэръ, отвѣтилъ тотъ: — ошибся! Я готовъ былъ присягнуть, что видѣлъ, какъ мистеръ Локеръ передалъ что-то пожилому джентльмену въ свѣтленькомъ пальто. Оказывается, сэръ, что этотъ пожилой джентльменъ весьма почтенный торговецъ желѣзомъ въ Остчипѣ.

— Гдѣ Крыжовникъ? спросилъ мистеръ Броффъ, покоряясь неудачѣ.

Тотъ вытаращилъ глаза.

— Я не знаю, сэръ. Я его не видалъ съ тѣхъ поръ какъ ушелъ изъ банка.

Мистеръ Броффъ отпустилъ этого человѣка.

— Одно изъ двухъ, сказалъ онъ мнѣ: — или Крыжовникъ совсѣмъ убѣжалъ, или онъ охотится самъ по себѣ. Какъ вы думаете, не пообѣдать ли намъ здѣсь, на случай если малый вернется часика черезъ два? У меня тутъ въ погребѣ порядочное вино, а закусить—пошлемъ въ трактиръ.

Мы отобѣдали въ конторѣ мистера Броффа. Не успѣли

Digitized by Google

собрать со стола, какъ адвокату было доложено, что „нѣкто“ желаетъ переговорить съ нимъ. Не Крыжовникъ ли? Нѣтъ: это былъ тотъ, что̀ слѣдилъ за мистеромъ Локеромъ по выходѣ его изъ банка.

На этотъ разъ отчетъ не представлялъ ни малѣйшаго интереса. Мистеръ Локеръ вернулся къ себѣ домой и отпустилъ свою стражу. Послѣ этого онъ не выходилъ изъ дому. Въ сумерки въ домѣ закрыли ставни и заперлись на-глухо. На улицѣ предъ домомъ и въ проходѣ позади зорко сторожили. Ни малѣйшаго признака Индѣйцевъ не оказалось. Ни одна душа не бродила вокругъ дома. Сообщивъ эти факты, посланный ожидалъ дальнѣйшихъ приказаній. Мистеръ Броффъ отпустилъ его на сегодня.

— Вы думаете, что мистеръ Локеръ взялъ домой Лунный камень? спросилъ я.

— Онъ-то? сказалъ мистеръ Броффъ:—онъ ни за что̀ бы не отпустилъ двухъ полицейскихъ, еслибы снова подвергся риску хранить алмазъ у себя въ домѣ.

Мы еще прождали мальчика съ полчаса и прождали напрасно. Мистеру Броффу пора было ѣхать въ Гампстедъ, а мнѣ въ Портлендъ-Плесъ. Я оставилъ конторскому дворнику свою карточку, на которой написалъ, что буду сегодня у себя дома въ половинѣ одиннадцатаго. Карточку эту приказано было отдать мальчику, еслибъ онъ вернулся.

Нѣкоторые имѣютъ способность аккуратно являться въ назначенное время; другіе имѣютъ способность пропускать его. Я изъ числа послѣднихъ. Прибавьте къ этому, что я провелъ вечеръ въ Портлендъ-Плесѣ, сидя рядомъ съ Рахилью, и миссъ Меррилью была съ нами на томъ концѣ комнаты, имѣвшей сорокъ футовъ длины. Неужели кого-нибудь удивитъ, что я, вмѣсто половины одиннадцатаго, вернулся домой въ половинѣ перваго? Какъ безсердечна должна быть эта особа! И какъ я искренно надѣюсь, что никогда не буду знакомъ съ нею!

Впуская меня, слуга подалъ мнѣ лоскутокъ бумаги.

Я прочелъ слѣдующія слова, написанныя красивымъ судейскимъ почеркомъ: „Не во гнѣвъ вамъ, сэръ, мнѣ спать хочется. Я зайду завтра поутру отъ девяти до десяти.“ По разспросамъ оказалось, что заходилъ мальчикъ, необыкновенно глазастый, показалъ мою карточку съ запиской, ждалъ около часу, только и дѣлалъ что дремалъ да снова просыпался, написалъ мнѣ строчки двѣ и ушелъ домой, преважно

Digitized by Google

заявивъ слугѣ, будто бы онъ, ни на что не годенъ, если не выспится за ночь".

На слѣдующее утро я съ девяти часовъ поджидалъ своего гостя. Въ половинѣ десятаго я услыхалъ шаги за дверью и крикнулъ: — „Войдите, Крыжовникъ!"—„Покорно благодарю, сэръ," отвѣтилъ сдержанный и грустный голосъ. Дверь отворилась. Я вскочилъ съ мѣста и встрѣтилъ лицомъ къ лицу пристава Коффа.

— Прежде чѣмъ писать въ Йоркширъ, мистеръ Блекъ, я подумалъ: дай-ка зайду сюда, не въ городѣ ли вы?

Онъ былъ все также страшенъ и худъ. Глаза его не утратили прежняго выраженія (весьма ловко подмѣченнаго въ разказѣ Бетереджа), „какъ будто хотѣли прочесть въ васъ больше того, что вамъ самимъ извѣстно". Насколько же платье можетъ измѣнить человѣка, великій Коффъ былъ неузнаваемъ. Онъ носилъ бѣлую шляпу съ широкими полями, легкую охотничью жакетку, бѣлые штаны и драповые штиблеты. Съ нимъ была толстая дубовая палка. Вся цѣль его, повидимому, состояла въ томъ, чтобы показаться человѣкомъ, всю жизнь свою прожившимъ въ деревнѣ. Когда я поздравилъ его съ метаморфозой, онъ отказался принять это въ шутку. Онъ совершенно серіозно жаловался на шумъ и вонь Лондона. Право, я не вполнѣ увѣренъ, чуть ли онъ даже не говорилъ съ легкимъ оттѣнкомъ деревенскаго говора! Я предложилъ ему позавтракать. Невинный поселянинъ даже оскорбился. Онъ завтракаетъ въ половинѣ седьмаго, а спать ложится вмѣстѣ съ курами.

— Я вчера вечеромъ только что пріѣхалъ изъ Ирландіи, сказалъ приставъ, съ обычною недоступностью перехода къ прямой цѣли своего посѣщенія.—Ложась въ постель, я прочелъ ваше письмо, въ которомъ вы сообщаете мнѣ о всемъ происшедшемъ съ того времени, какъ мое слѣдствіе о пропажѣ алмаза было пріостановлено въ прошломъ году. Съ своей стороны, я только одно замѣчу объ этомъ дѣлѣ. Я чисто промахнулся. Не знаю, могъ ли бы иной кто видѣть вещи въ настоящемъ свѣтѣ, будучи на моемъ мѣстѣ. Но это не измѣняетъ фактовъ. Сознаюсь, что я далъ промахъ. Не первый промахъ, мистеръ Блекъ, въ теченіи моего поприща! Вѣдь сыщики только въ романахъ стоятъ выше всякой возможности сдѣлать ошибку.

Digitized by Google

— Вы подоспѣли какъ разъ кстати, чтобы возстановить свою репутацію, сказалъ я.

— Извините меня, мистеръ Блекъ, возразилъ приставъ,— теперь, какъ я удалился отъ дѣлъ, я ни крошечки не заботусь о своей репутаціи. Я покончилъ съ нею, благодаря Бога! Я пріѣхалъ сюда, сэръ, изъ признательности и въ память щедрости ко мнѣ покойной леди Верриндеръ. Я возьмусь за прежнее дѣло,—если я вамъ нуженъ и вы довѣряете мнѣ,—единственно по этой причинѣ, а не по какой иной. Я не приму отъ васъ ни одного фартинга. Это дѣло чести. Теперь же, мистеръ Блекъ, сообщите мнѣ, какъ обстоитъ дѣло съ тѣхъ поръ, какъ вы мнѣ писали.

Я разказалъ ему опытъ съ опіумомъ и то, что̀ въ послѣдствіи произошло въ Ломбардъ-Стритскомъ банкѣ. Онъ былъ сильно пораженъ опытомъ—для него это было нѣчто новое. Онъ въ особенности заинтересовался предположеніемъ Ездры Дженнингса о томъ, куда я дѣвалъ алмазъ, выйдя изъ гостиной Рахили въ день рожденія.

— Я не раздѣляю мнѣнія мистера Дженнингса, будто вы спрятали Лунный камень, сказалъ приставъ Коффъ: — но согласенъ съ нимъ въ томъ, что вы, безъ сомнѣнія, привесли его къ себѣ въ комнату.

— Ну? спросилъ я:—что̀ же было послѣ?

— А сами-то вы не подозрѣваете, что̀ было послѣ, сэръ?

— Нѣтъ, нисколько.

— Мистеръ Броффъ тоже не подозрѣваетъ.

— Не болѣе меня.

Приставъ Коффъ всталъ и подошелъ къ моему письменному столу.

Онъ вернулся съ запечатаннымъ пакетомъ; на немъ было надписано: „по секрету“; онъ былъ адресованъ ко мнѣ, а на уголкѣ стояла подпись пристава.

— Въ прошломъ году я ошибся, подозрѣвая одну особу, сказалъ онъ:—могу ошибиться и теперь. Погодите распечатывать этотъ пакетъ, мистеръ Блекъ, пока не узнаете всей правды. Тогда сравните имя виновной особы съ именемъ, которое я написалъ въ этомъ запечатанномъ письмѣ.

Я положилъ письмо въ карманъ и затѣмъ спросилъ пристава, какого онъ мнѣнія о мѣрахъ, которыя мы принимали въ банкѣ.

— Очень хорошо задумано, сэръ, отвѣтилъ онъ: — самое

Digitized by Google

настоящее дѣло. Только надо было слѣдить еще за одною особой, кромѣ мистера Локера.

— За тою особой, что̀ поименована въ письмѣ, которое вы мнѣ сейчасъ дали?

— Да, мистеръ Блекъ, за тою особой, что̀ поименована въ письмѣ. Теперь этому не поможетъ. Когда настанетъ время, сэръ, я кое-что предложу вамъ и мистеру Броффу. Сначала подождемъ и посмотримъ, не скажетъ ли вамъ мальчикъ чего-нибудь, стоящаго вниманія.

Было уже около десяти часовъ, а мальчикъ еще не являлся. Пристафъ Коффъ заговорилъ о другомъ. Онъ освѣдомлялся о своемъ старомъ пріятелѣ Бетереджѣ и о бывшемъ врагѣ-садовникѣ. Минуту спустя, онъ, безъ сомнѣнія, перешелъ бы отъ этого предмета къ любимымъ розамъ, еслибы мой слуга не прервалъ насъ, доложивъ что мальчикъ внизу.

Войдя въ комнату, Крыжовникъ остановился на порогѣ и недовѣрчиво поглядѣлъ на сидѣвшаго со мной незнакомца. Я позвалъ мальчика къ себѣ.

— Можете говорить при этомъ джентльменѣ, сказалъ я:— онъ пріѣхалъ помогать мнѣ и знаетъ уже обо всемъ. Приставъ Коффъ, прибавилъ я,—вотъ мальчикъ изъ конторы мистера Броффа.

Въ современной системѣ цивилизаціи знаменитость (какого бы то ни было рода) есть рычагъ, который можетъ поколебать что̀ угодно. Слава великаго Коффа уже дошла до слуха маленькаго Крыжовника. Плохо державшіеся глаза мальчугана до того выкатились, когда я произнесъ это знаменитое имя, что я не шутя побоялся, какъ бы они не выпали на коверъ.

— Подите сюда, парень, сказалъ приставъ:—послушаемъ, что̀ вы намъ скажете.

Видъ великаго человѣка,—героя многихъ пресловутыхъ разказовъ по всѣмъ адвокатскимъ конторамъ Лондона,— повидимому, околдовалъ мальчика. Онъ сталъ противъ пристава Коффа, заложивъ руки назадъ, подобно новичку, котораго спрашиваютъ изъ катехизиса.

— Какъ ваше имя? спросилъ приставъ, начиная экзаменъ.

— Октавій Гай, отвѣтилъ мальчикъ:—въ конторѣ-то меня зовутъ Крыжовникомъ, оттого что у меня такіе глаза.

— Октавій Гай, Крыжовникъ тожь, продолжалъ приставъ съ крайнею важностью:—вчера васъ хватились въ банкѣ. Куда вы дѣвались?

Digitized by Google

— Не во гнѣвъ вамъ, сэръ, я слѣдилъ за однимъ человѣкомъ.

— За какимъ?

— Высокій такой, съ черною бородищей, одѣтъ морякомъ.

— Я помню этого человѣка! вступился я:—мы съ мистеромъ Броффомъ думали, что это шпіонъ Индѣйцевъ.

Пристава Коффа, повидимому, не слишкомъ поразило то, что̀ мы думали съ мистеромъ Броффомъ. Онъ продолжалъ экзаменовать Крыжовника.

— Ну? сказалъ онъ:—для чего же вы слѣдили за морякомъ?

— Не во гнѣвъ вамъ, сэръ, мистеръ Броффъ желалъ узнать, не передалъ ли мистеръ Локеръ чего-нибудь кому-нибудь, выходя изъ банка. Я видѣлъ, какъ мистеръ Локеръ передалъ что-то чернобородому моряку.

— Почему жь вы не сказали этого мистеру Броффу?

— Не хватило времени, сэръ, потому что морякъ поспѣшно вышелъ вонъ.

— А вы и выбѣжали за нимъ,—а?

— Да, сэръ.

— Крыжовникъ, сказалъ приставъ, глядя его по головѣ:— у васъ головенка таки набита кое-чѣмъ, да и не хлопкомъ. Я, пока, весьма доволенъ вами.

Мальчикъ покраснѣлъ отъ удовольствія. Приставъ продолжалъ.

— Ну? Что̀ же сдѣлалъ морякъ, выйдя на улицу?

— Онъ кликнулъ кэбъ, сэръ.

— А вы?

— Не отставая, побѣжалъ за нимъ.

Не успѣлъ приставъ предложить слѣдующаго вопроса, какъ доложили о другомъ посѣтителѣ,—то былъ главный письмоводитель конторы мистера Броффа.

Сознавая, какъ важно было не мѣшать приставу Коффу разспросить мальчика, я принялъ письмоводителя въ другой комнатѣ. Онъ принесъ дурную вѣсть о своемъ хозяинѣ. Волненія и тревоги за послѣдніе два дня одолѣли мистера Броффа. Сегодня поутру онъ проснулся, чувствуя припадокъ подагры, и не могъ выйдти изъ своей комнаты въ Гампстедѣ; въ настоящемъ критическомъ положеніи нашихъ дѣлъ, онъ сильно безпокоился о томъ, что долженъ оставить меня одного, безъ совѣтовъ и помощи опытнаго человѣка. Письмоводитель получилъ приказъ отдать себя въ мое распоряженіе и охотно готовъ былъ замѣнить мистера

Digitized by Google

Броффа. Я тотчасъ написалъ письмо, чтобъ успокоить стараго джентльмена, сообщивъ ему о пріѣздѣ пристава Коффа, прибавивъ, что Крыжовникъ въ настоящую минуту на экзаменѣ, и обѣщая лично или письменно извѣстить мистера Броффа обо всемъ, что̀ произойдетъ въ теченіе дня. Отправивъ письмоводителя съ запиской въ Гампстедъ, я вернулся въ первую комнату и засталъ пристава Коффа у камина въ ту самую минуту, какъ онъ звонилъ въ колокольчикъ.

— Извините, мистеръ Блекъ, сказалъ приставъ: — я ужь хотѣлъ послать сказать, что мнѣ нужно поговорить съ вами. Я ничуть не сомнѣваюсь, что этотъ мальчикъ предостойный малый, прибавилъ приставъ, гладя Крыжовника по головѣ:—слѣдилъ именно за кѣмъ надлежало. Гибель времени потеряно, сэръ, оттого что вы, къ несчастью, не поспѣли вчера домой къ половинѣ одиннадцатаго. Все что̀ намъ остается дѣлать—это немедленно послать за кэбомъ.

Пять минутъ спустя приставъ Коффъ и я (съ Крыжовникомъ на козлахъ, для того чтобъ указывать дорогу кучеру) ѣхали на восточную часть города, къ Сити.

— Недалеко время, сказалъ приставъ, указывая въ переднее окошечко кэба:—когда этотъ мальчикъ будетъ ворочать большими дѣлами въ бывшей моей профессіи. Я еще не видывалъ такого смышленаго и даровитаго плутишки. Я вамъ сообщу, мистеръ Блекъ, всю суть того, что̀ онъ разказывалъ мнѣ, пока васъ не было. Вѣдь это еще при васъ, кажется, онъ говорилъ, что не отставая побѣжалъ за кэбомъ?

— Да.

— Ну вотъ, сэръ, кэбъ отправился изъ Ломбардъ-Стрита къ Товерской пристани. Чернобородый морякъ вышелъ изъ кэба и переговорилъ съ капитаномъ парохода отправлявшагося на слѣдующее утро въ Роттердамъ. Онъ спросилъ, нельзя ли ему тотчасъ же взойдти на бортъ и переночевать на койкѣ. Капитанъ отвѣтилъ что нельзя. Въ этотъ вечеръ происходила чистка и уборка каютъ, коекъ, палубы, и ни одинъ пассажиръ не могъ быть допущенъ на бортъ ранѣе утра. Морякъ повернулся и ушелъ съ пристани. Когда онъ опять вышелъ на улицу, мальчикъ въ первый разъ еще замѣтилъ человѣка, степенно-одѣтаго рабочимъ, шедшаго по другой сторонѣ улицы, явно не теряя изъ виду моряка. Морякъ остановился у ближней харчевни и зашелъ въ нее. Мальчикъ примкнулъ къ другимъ мальчишкамъ,

Digitized by Google

глазѣвшимъ на выставленныя въ окнѣ харчевни лакомства. Онъ замѣтилъ, что рабочій, подобно ему, остановился и ждетъ,— но все еще на противоположной сторонѣ улицы. Минуту спустя, медленно подъѣхалъ кэбъ и остановился возлѣ рабочаго. Мальчикъ могъ ясно разглядѣть только одного изъ сидѣвшихъ въ кэбѣ, который высунулся изъ окна, разговаривая съ рабочимъ. Онъ, безъ всякаго поощренія съ моей стороны, описалъ эту особу очень смуглою и похожею на Индѣйца.

Теперь ясно было, что мы съ мистеромъ Броффомъ сдѣлали еще одну ошибку. Чернобородый морякъ, очевидно, вовсе не былъ шпіономъ Индѣйцевъ. Возможно ли, чтобъ онъ былъ тѣмъ, кто завладѣлъ алмазомъ?

— Немного погодя, продолжалъ приставъ,—кэбъ медленно поѣхалъ вдоль по улицѣ. Рабочій перешелъ чрезъ дорогу и вошелъ въ харчевню. Мальчикъ ждалъ на улицѣ, пока не почувствовалъ голода и усталости,—а тогда онъ въ свою очередь вошелъ въ харчевню. У него былъ въ карманѣ одинъ шиллингъ, и онъ, какъ самъ разказываетъ, роскошно пообѣдалъ колбасой и пирогомъ съ угрями, съ бутылкой имбирнаго пива. Чего *не* переваритъ мальчуганъ? До сихъ поръ такого вещества еще не найдено.

— Что̀ же онъ видѣлъ въ харчевнѣ? спросилъ я.

— Въ харчевнѣ, мистеръ Блекъ, онъ увидалъ моряка, читавшаго газету за однимъ столомъ, и рабочаго, читавшаго газету за другимъ столомъ. Уже смерклось, когда морякъ всталъ и ушелъ изъ харчевни. Выйдя на улицу, онъ подозрительно осматривался по сторонамъ. На мальчика,— что̀ же такое мальчикъ?—онъ не обратилъ вниманія. Рабочій не выходилъ еще. Морякъ пошелъ, оглядываясь, и, повидимому, не совсѣмъ-то зналъ куда идти. Рабочій опять появился на противоположной сторонѣ улицы. Морякъ все шелъ до самаго Шоръ-Лена, ведущаго въ Ловеръ-Темзъ-стритъ. Тутъ онъ остановился предъ гостиницей подъ вывѣской: *Колесо Фортуны*, и осмотрѣвъ домъ снаружи, вошелъ въ него. Крыжовникъ вошелъ за нимъ. У стойки толпилось много народу, большею частію чистаго народу. Колесо Фортуны—самое почтенное заведеніе, мистеръ Блекъ; славится портеромъ и пирогами со свининой.

Отступленія пристава раздражили меня. Онъ замѣтилъ это и, продолжая, сталъ построже придерживаться показаній Крыжовника.

Digitized by Google

— Моракъ спросилъ, можетъ ли онъ получить ночлегъ, продолжалъ приставъ:—хозяинъ отвѣчалъ: нѣтъ; все занято. Буфетчица поправила его, сказавъ, что „десятый номеръ свободенъ". Послали за слугой чтобы проводить морака въ десятый номеръ. Какъ разъ передъ тѣмъ Крыжовникъ замѣтилъ рабочаго въ толпѣ у стойки. Не успѣлъ слуга явиться на зовъ, рабочій исчезъ. Морака повели въ номеръ. Не зная что̀ дѣлать, Крыжовникъ мудро порѣшилъ выжидать что̀ будетъ. И дѣйствительно, что-то случилось. Позвали хозяина. На верху послышался гнѣвный говоръ. Вдругъ снова появился хозяинъ, таща за воротъ рабочаго, казавшагося пьянымъ, къ величайшему удивленію Крыжовника. Хозяинъ вытолкнулъ его за дверь и погрозилъ полиціей, если онъ вернется. Пока это происходило, изъ пререканій между ними оказалось, что этого человѣка застали въ десятомъ номерѣ, гдѣ онъ, съ упрямствомъ пьяваго, объявилъ, что комната занята имъ. Крыжовникъ былъ такъ пораженъ этимъ внезапнымъ опьяненіемъ недавно еще трезваго человѣка, что не могъ удержаться и не выбѣжать за рабочимъ на улицу. Тотъ шатался позорнѣйшимъ образомъ, пока былъ въ виду гостиницы. Но какъ только повернулъ за уголъ улицы, равновѣсіе его внезапно возстановилось, и онъ сталъ какъ нельзя болѣе трезвымъ членомъ общества. Крайне озадаченный Крыжовникъ вернулся въ Колесо Фортуны. Онъ еще подождалъ, не будетъ ли чего. Ничего не было; моракъ не показывался; о немъ ничего не говорили. Крыжовникъ рѣшился вернуться въ контору. Только что онъ пришелъ къ этому заключенію, откуда ни возьмись, вновь появился рабочій, по обыкновенію, на противоположной сторонѣ улицы! Онъ глядѣлъ наверхъ въ одно изъ оконъ на крышѣ дома, единственное, въ которомъ еще свѣтился огонь. Этотъ огонь, повидимому, успокоилъ его. Онъ тотчасъ ушелъ. Мальчикъ вернулся въ Грейзъ-Иннъ, получилъ карточку съ запиской, потелъ къ вамъ и не засталъ васъ. Вотъ вамъ изложеніе дѣла, мистеръ Блекъ, какъ оно обстоитъ въ настоящее время.

— Что̀ вы думаете объ этомъ, приставъ?

— Я думаю, что это дѣло серіозное, сэръ. Вопервыхъ, судя по тому что̀ видѣлъ мальчикъ, въ этомъ замѣшаны Индѣйцы.

— Да. И моракъ очевидно тотъ самый, кому мистеръ Локеръ передалъ алмазъ. Странно однакожъ, что и мистеръ

Digitized by Google

Броффъ, и я, и подчиненный мистера Броффа, всѣ мы ошиблись.

— Вовсе не странно, мистеръ Блекъ. Принимая во вниманіе опасность, которой подвергалось это лицо, весьма вѣроятно, что мистеръ Локеръ умышленно провелъ васъ, предварительно уговорясь съ нимъ.

— Понятны ли вамъ поступки въ гостиницѣ? Тотъ, что разыгрывалъ рабочаго, конечно былъ подкупленъ Индѣйцами. Но я не менѣе самого Крыжовника становлюсь въ тупикъ предъ объясненіемъ, зачѣмъ онъ внезапно прикинулся пьянымъ.

— Кажется, я догадываюсь, что это значитъ, сэръ, сказалъ приставъ:—подумавъ нѣсколько, вы поймете, что этотъ человѣкъ имѣлъ строжайшій наказъ отъ Индѣйцевъ. Сами они были слишкомъ замѣтны, чтобы рисковать показаться въ банкѣ или въ гостиницѣ, и должны были многое повѣрить своему посланцу. Очень хорошо. При этомъ посланцѣ вдругъ называютъ номеръ гостиницы, въ которомъ морякъ долженъ провести ночь, въ томъ же номерѣ (если мы не ошибаемся) будетъ лежать и алмазъ. Въ такомъ случаѣ можете быть увѣрены, что Индѣйцы непремѣнно потребовали бы описанія этой комнаты, ея мѣстоположенія въ домѣ, возможности проникнуть въ нее извнѣ, и такъ далѣе. Что же оставалось дѣлать тому человѣку съ такимъ приказомъ? Именно то, что онъ сдѣлалъ! Онъ побѣжалъ наверхъ заглянуть въ эту комнату, прежде чѣмъ введутъ моряка. Его застали тамъ во время осмотра, и онъ притворился пьянымъ, чтобы легчайшимъ способомъ выйдти изъ затруднительнаго положенія. Вотъ какъ я объясняю эту загадку. Когда его вытолкали изъ гостиницы, онъ, вѣроятно, пошелъ съ отчетомъ туда, гдѣ его поджидали хозяева. А хозяева, безъ сомнѣнія, послали его опять назадъ убѣдиться въ томъ, что морякъ точно остается въ гостиницѣ до утра. Что же касается происходившаго въ Колесѣ-Фортуны послѣ того какъ мальчикъ ушелъ оттуда,—мы должны были развѣдать это вчера. Теперь одиннадцать часовъ утра. Намъ остается надѣяться на самое лучшее и развѣдать что можемъ.

Черезъ четверть часа кэбъ остановился въ Шоръ-Лекѣ, и Крыжовникъ отворилъ намъ дверцу.

— Тутъ? спросилъ приставъ.

— Тутъ, отвѣтилъ мальчикъ.

Digitized by Google

Какъ только мы вошли въ Колесо Фортуны, даже моему неопытному глазу стало примѣтно, что въ домѣ что-то не ладно.

За стойкой, гдѣ продавались напитки, стояла одна-одинехонька растерянная служанка, совершенно непривычная къ этому занятію. Человѣка два обычныхъ посѣтителей дожидались утренняго глоточка, нетерпѣливо стуча деньгами по стойкѣ. Буфетчица показалась изъ внутреннихъ залъ, взволнованная и озабоченная. На вопросъ пристава Коффа о хозяинѣ, она рѣзко отвѣтила, что хозяинъ пошелъ наверхъ, и теперь ему не до помѣхъ.

— Идите за мной, сэръ, сказалъ приставъ Коффъ, хладнокровно отправляясь наверхъ и кивнувъ мальчику идти за нами.

Буфетчица крикнула хозяину и предупредила его, что чужіе ломятся въ домъ. Во второмъ этажѣ насъ встрѣтилъ раздраженный хозяинъ, бѣжавшій внизъ чтобъ узнать въ чемъ дѣло.

— Кто вы такой, чортъ побери? И что̀ вамъ тутъ надо? спросилъ онъ.

— Потише, спокойно сказалъ приставъ:—начать съ того, кто я такой. Я приставъ Коффъ.

Славное имя мигомъ подѣйствовало. Разгнѣванный хозяинъ распахнулъ дверь одной изъ пріемныхъ и попросилъ у пристава извиненія.

— Я раздосадованъ и не въ духѣ, сэръ, вотъ въ чемъ дѣло, сказалъ онъ:—сегодня поутру у насъ въ домѣ непріятность. Въ нашемъ дѣлѣ безпрестанно выходишь изъ себя, приставъ Коффъ.

— Вѣрю, сказалъ приставъ: — если позволите, я тотчасъ перейду къ тому, что̀ привело насъ. Этотъ джентльменъ и я хотимъ побезпокоить васъ нѣсколькими вопросами объ одномъ дѣлѣ, интересующемъ насъ обоихъ.

— Насчетъ чего, сэръ? спросилъ хозяинъ.

— Насчетъ черноватаго господина, одѣтаго морякомъ, который вчера заночевалъ у васъ.

— Боже милостивый! Вѣдь этотъ самый человѣкъ теперь и взбудоражилъ весь домъ! воскликнулъ хозяинъ: — можетъ быть, вы, или этотъ джентльменъ, знаете его?

— Мы не можемъ сказать навѣрное, пока не увидимъ его, отвѣтилъ приставъ.

— Пока не увидите? отозвался хозяинъ:—вотъ этого-то никто и не могъ добиться нынче съ семи часовъ утра. Онъ

Digitized by Google

вчера велѣлъ разбудить себя въ это самое время. Его будили,—но отвѣта не было, и дверь не отпиралась, и никто не зналъ что̀ тамъ дѣлается. Попытались еще въ восемь часовъ, и еще разъ—въ девять. Напрасно! дверь оставалась на заперти,—въ комнатѣ ни звука! Я поутру выходилъ со двора и вернулся лишь четверть часа тому назадъ. Я самъ колотилъ въ дверь—и безъ всякой пользы. Послано за столяромъ. Если вамъ можно подождать нѣсколько минутъ, джентльмены, мы отворимъ дверь и посмотримъ что̀ это значитъ.

— Не былъ ли онъ пьянъ вчера? спросилъ приставъ Коффъ.

— Совершенно трезвъ, сэръ, иначе я ни за что̀ не пустилъ бы его ночевать.

— Онъ впередъ заплатилъ за ночлегъ?

— Нѣтъ.

— А не могъ ли онъ какъ-нибудь выбраться изъ комнаты, помимо двери?

— Эта комната на чердачкѣ, сказалъ хозяинъ:—но въ по́толкѣ точно есть опускная дверь, которая ведетъ на крышу, а рядомъ на улицѣ перестраивается пустой домъ. Какъ вы думаете, приставъ, не удралъ ли мошенникъ этимъ путемъ, чтобы не платить?

— Моракъ, сказалъ приставъ Коффъ:—пожалуй, могъ бы это сдѣлать рано поутру, когда на улицѣ не было еще народу. Онъ привыкъ лазить, у него голова не закружится на крышѣ.

При этихъ словахъ доложили о приходѣ столяра. Мы всѣ тотчасъ пошли въ самый верхній этажъ. Я замѣтилъ, что приставъ былъ необыкновенно серіозенъ, даже для *него*. Меня поразило также, что онъ велѣлъ мальчику остаться внизу до нашего возвращенія, тогда какъ прежде самъ поощрялъ его слѣдовать за нами.

Столяръ въ нѣсколько минутъ мо́лотомъ и долото́мъ преодолѣлъ сопротивленіе двери. Но изнутри она была заставлена мебелью, въ видѣ баррикады. Налегая на дверь, мы отодвинули эту преграду и получили доступъ въ комнату. Хозяинъ вошелъ первый; за нимъ приставъ; за нимъ я; остальные послѣдовали за нами.

Мы всѣ поглядѣли на кровать и всѣ вздрогнули. Моракъ былъ тутъ. Онъ лежалъ, одѣтый, въ постели,—съ бѣлою подушкой на лицѣ, совершенно его закрывавшею.

— Что̀ это значитъ? сказалъ хозяинъ, показывая на подушку.

Digitized by Google

Приставъ Коффъ, не отвѣчая, подошелъ къ постели и поднялъ подушку.

Смуглое лицо лежавшаго было кротко и спокойно; черные волосы и борода слегка, чуть-чуть, растрепаны; широко раскрытые глаза, какъ бы стеклянные, безсмысленно уставились въ потолокъ, мутный взглядъ и неподвижное выраженіе ихъ ужаснули меня. Я отвернулся и отошелъ къ открытому окну. Прочіе оставались съ приставомъ Коффомъ у постели.

— Онъ въ обморокѣ! сказалъ хозяинъ.

— Онъ мертвъ, отвѣтилъ приставъ.—Пошлите за ближайшимъ докторомъ и за полиціей.

Послали слугу за тѣмъ и за другимъ.

Что-то странно-чарующее, повидимому, удерживало пристава у постели. Какое-то странное любопытство удерживало прочихъ, желавшихъ видѣть что̀ предприметъ приставъ.

Я опять отвернулся къ окну. Минуту спустя, я почувствовалъ, что меня слегка дергаютъ за фалды, и дѣтскій голосъ шепнулъ:

— Посмотрите-ка, сэръ!

Крыжовникъ послѣдовалъ за нами. Глаза его страшно вытаращились,—не отъ ужаса, но отъ восторга. Онъ самъ по себѣ сдѣлалъ находку.

— Посмотрите-ка, сэръ, повторилъ онъ, подводя меня къ столу въ углу комнаты.

На столѣ лежала деревянная коробочка, раскрытая и пустая. Возлѣ нея валялся клочокъ ваты, употребляемой ювелирами. Съ другаго боку лежалъ оторванный лоскутокъ бумаги съ полупопорченною печатью и вполнѣ уцѣлѣвшею надписью. Она заключалась въ слѣдующихъ словахъ: „Гг. Ботъ, Лайзафтъ и Ботъ приняли на сохраненіе отъ мистера Септима Локера изъ Мидльсексъ-Плеса деревянную коробочку, запечатанную въ этомъ пакетѣ и содержащую драгоцѣнность высокой стоимости. Коробочку эту гг. Ботъ и К° должны отдать, по востребованію, лично въ руки мистера Локера.

Эти строки разсѣяли всякое сомнѣніе по крайней мѣрѣ касательно одного пункта. Моракъ, выходя вчера изъ банка, имѣлъ при себѣ Лунный камень.

Я снова почувствовалъ, что меня дергаютъ за фалды. Крыжовникъ еще не покончилъ со мной.

— Грабежъ! прошепталъ мальчикъ, съ высокимъ наслажденіемъ показывая на пустую коробочку.

Digitized by Google

— Вамъ велѣно ждать внизу, сказалъ я:—подите отсюда.

— И убійство! прибавилъ Крыжовникъ, еще съ бо́льшимъ наслажденіемъ указывая на лежавшаго въ постели.

Это наслажденіе ребенка ужаснымъ зрѣлищемъ было такъ отвратительно, что я взялъ его за плеча и вывелъ вонъ.

Переступая порогъ, я услыхалъ голосъ пристава Коффа, который звалъ меня. Когда я вернулся, приставъ пошелъ ко мнѣ навстрѣчу и заставилъ меня вернуться къ постели.

— Мистеръ Блекъ, сказалъ онъ: — взгляните-ка въ лицо этому человѣку. Это поддѣльное лицо,—и вотъ вамъ доказательство!

Онъ провелъ пальцемъ по тонкой чертѣ смертно-блѣднаго цвѣта на лбу мертвеца, отдѣлявшей смуглый цвѣтъ его кожи отъ слегка растрепанныхъ черныхъ волосъ.

— Посмотримъ что̀ подъ этимъ, сказалъ приставъ, внезапно хватая черные волосы твердою рукой.

Мои нервы не выносили этого. Я снова отошелъ отъ постели.

Первымъ попавшимся мнѣ на глаза въ той сторонѣ комнаты былъ неукротимый Крыжовникъ, который взмостился на стулъ и глядѣлъ, затаивъ дыханіе, черезъ головы старшихъ на дѣйствія пристава.

— Вонъ онъ парикъ съ него тащитъ, шепталъ Крыжовникъ, сочувствуя моему положенію, откуда я,—одинъ изъ всѣхъ присутствовавшихъ,—ничего не видалъ.

Настала тишина, потомъ крикъ удивленія въ средѣ стоявшихъ у постели.

— Бороду тащитъ! вскрикнулъ Крыжовникъ.

Опять настала тишина. Приставъ Коффъ чего-то потребовалъ. Хозяинъ пошелъ къ умывальнику и возвратился съ тазомъ воды и полотенцемъ.

Крыжовникъ въ восторгѣ заплясалъ на стулѣ.

— Пожалуйте сюда ко мнѣ, сэръ! Цвѣтъ лица ему смываютъ!

Вдругъ приставъ проложилъ себѣ дорогу въ тѣснившемся вокругъ него народѣ и съ ужасомъ въ лицѣ пошелъ прямо на меня.

— Пожалуйте къ постели, сэръ! началъ было онъ, да поглядѣлъ на меня повнимательнѣй и остановился:—Нѣтъ, продолжалъ онъ, — сначала вскройте запечатанное письмо, то, что̀ я далъ вамъ сегодня утромъ.

Я распечаталъ письмо.

Digitized by Google

— Прочтите имя, которое я написалъ тамъ, мистеръ Блекъ.

Я прочелъ имя. То было: *Годфрей Абльвайтъ.*

— Теперь, сказалъ приставъ:—пойдемте со мной, взгляните кто лежитъ на постели.

Я потелъ за нимъ, взглянулъ....

ГОДФРЕЙ АБЛЬВАЙТЪ!

Разказъ 6-ой, доставленный приставомъ Коффомъ.

I.

Доркингъ, Соррей, іюля 30-го 1849 г. Франклину Блеку, сквайру:—Сэръ! Позвольте мнѣ оправдаться относительно задержки, происшедшей въ составленіи рапорта, которымъ я обязался снабдить васъ. Я хотѣлъ сообщить ему возможную полноту, но встрѣчалъ тамъ-и-сямъ затрудненія, которыя могли быть устранены только съ извѣстною тратой терпѣнія и времени.

Цѣль моя теперь, надѣюсь, достигнута. Вы найдете въ этихъ страницахъ отвѣты на многіе (если не на всѣ) вопросы касательно покойнаго мистера Годфрея Абльвайта, которые приходили вамъ въ голову, когда я имѣлъ честь въ послѣдній разъ видѣться съ вами.

Я хочу передать вамъ, вопервыхъ, то, что̀ извѣстно о родѣ смерти вашего кузена, съ присовокупленіемъ тѣхъ выводовъ и заключеній, которые мы (по моему мнѣнію) имѣемъ право сдѣлать изъ фактовъ. Вовторыхъ, я съ вами поделюсь тѣмъ, что̀ мнѣ удалось развѣдать о поступкахъ мистера Го́дфрея Абльвайта до тѣхъ поръ, во время и послѣ того, какъ вы встрѣтились съ нимъ, гостя въ деревенскомъ домѣ покойной леди Веринджеръ.

II.

Итакъ, вопервыхъ, о смерти вашего кузена.

Мнѣ кажется, нѣтъ повода сомнѣваться въ томъ, что его убили (сонного или тотчасъ по пробужденіи), задушивъ подушкой въ постели, что лица, виновныя въ убійствѣ, суть три Индѣйца, а предполагаемою (и достигнутою) цѣлью этого преступленія было завладѣніе алмазомъ, называемымъ Лунным камнемъ.

Digitized by Google

Факты, изъ которыхъ выводится это заключеніе, добыты частію осмотромъ комнаты въ гостиницѣ, частію изъ показаній при слѣдствіи коронера.

По взломѣ двери въ комнату, покойный джентльменъ былъ найденъ мертвымъ, съ подушкой на лицѣ. Врачъ, производившій осмотръ тѣла, будучи увѣдомленъ объ этомъ обстоятельствѣ, находилъ посмертные признаки вполнѣ совмѣстными съ убійствомъ посредствомъ задушенія, то-есть съ убійствомъ, совершеннымъ однимъ или нѣсколькими лицами, которые зажимали подушкой носъ и ротъ покойнаго до тѣхъ поръ, пока отъ прилива крови къ легкимъ послѣдовала смерть.

Затѣмъ о цѣли преступленія.

Въ комнатѣ на столѣ найдена была открытая и пустая коробочка съ оторваннымъ отъ нея, припечатаннымъ лоскуткомъ бумаги, на которомъ была надпись. Мистеръ Локеръ самолично призналъ коробочку, печать и надпись. Онъ объявилъ, что въ коробочкѣ дѣйствительно заключался алмазъ, называемый Луннымъ камнемъ, и сознался въ томъ, что двадцать шестаго іюня, послѣ полудня, онъ передалъ эту коробочку (запечатанную такимъ образомъ) мистеру Годфрею Абльвайту (въ то время переодѣтому). Отсюда весьма справедливо заключить, что цѣлью преступленія было похищеніе Луннаго камня.

Затѣмъ о способѣ совершенія преступленія.

По осмотрѣ комнаты (имѣющей только семь футовъ вышины) опускная дверь въ потолкѣ, ведущая на крышу, найдена открытою. Коротенькая лѣсенка, употреблявшаяся для входа въ эту дверь (и хранившаяся подъ кроватью) найдена приставленною къ отверстію, такъ чтобы лицо или лица, находившіяся въ комнатѣ, имѣли возможность легко изъ нея выбраться. На поверхности опускной двери найдено четвероугольное отверстіе, прорѣзанное въ деревѣ необыкновенно острымъ инструментомъ, какъ разъ позади задвижки, запиравшей дверь изнутри. Такимъ образомъ всякій могъ снаружи отпереть задвижку, поднять дверь и спрыгнуть (или быть спущеннымъ безъ тума сообщникомъ) въ комнату, высота которой, какъ уже замѣчено, не превышала семи футовъ. Что это лицо, или эти лица вошли именно такимъ образомъ, подтверждается найденнымъ отверстіемъ. Относительно способа, которымъ они (или оно) пробрались на крышу гостиницы, надо замѣтить, что третій домъ отъ

Digitized by Google

нея внизъ по улицѣ былъ пустъ и перестраивался; что рабочіе оставили на немъ длинную лѣстницу съ мостовой на крышу, — и что утромъ 27-го числа, возвратясь на работу, они нашли доску, которую они привязали поперекъ лѣстницы, чтобъ никто ею не пользовался въ отсутствіе ихъ,—отвязанною и лежащею на землѣ. Что̀ же касается возможности, не будучи замѣченнымъ, лазить по этой лѣстницѣ на верхъ, переходить по крышѣ, возвращаться и слѣзать внизъ,—то изъ показаній ночнаго сторожа оказывается, что онъ только дважды въ часъ проходитъ Шоръ-Ленъ дозоромъ. Свидѣтельство обывателей также подтверждаетъ, что Шоръ-Ленъ за̀-полночь одна изъ самыхъ тихихъ и безлюдныхъ улицъ Лондона. Отсюда опять можно вывести, что,—при самой простой осторожности и присутствіи духа,—одинъ или нѣсколько человѣкъ могли влѣзть на лѣстницу и спуститься съ нея незамѣченными. Затѣмъ было доказано опытомъ, что человѣкъ, однажды взобравшись на крышу, могъ, лежа на ней, прорѣзать отверстіе въ опускной двери, а парапетъ съ лицеваго фасада скрывалъ бы его отъ глазъ проходящихъ по улицѣ.

Наконецъ о лицѣ, или о лицахъ, которыми совершено преступленіе.

Извѣстно, 1) что Индѣйцы были заинтересованы въ завладѣніи алмазомъ; 2) по крайней мѣрѣ вѣроятно, что человѣкъ похожій съ виду на Индѣйца, котораго Октавій Гай видѣлъ въ оконцѣ кэба разговаривающимъ съ человѣкомъ, одѣтымъ рабочимъ, былъ одинъ изъ трехъ индѣйскихъ заговорщиковъ; 3) несомнѣнно, что человѣка, одѣтаго рабочимъ, видѣли слѣдящимъ за мистеромъ Годфреемъ Абльвайтомъ въ теченіе всего вечера 26-го числа и застали его въ спальнѣ (прежде чѣмъ провели въ нее мистера Абльвайта) при обстоятельствахъ, которыя повели къ подозрѣнію, что онъ осматривалъ комнату; 4) въ спальнѣ былъ поднятъ обрывокъ золотой парчи, который свѣдущими въ этомъ людьми признанъ за индѣйское издѣліе, неизвѣстное въ Англіи; 5) утромъ 27-го трехъ человѣкъ, по описанію сходныхъ съ тремя Индѣйцами, видѣли въ Ловеръ-Темзъ-Стритѣ и выслѣдили до Товерской пристани, откуда они выѣхали на пароходѣ изъ Лондона въ Роттердамъ.

Вотъ вамъ нравственное, если не юридическое, доказательство того, что убійство совершено Индѣйцами.

Digitized by Google

Невозможно рѣшить, былъ или не былъ сообщникомъ въ преступленіи человѣкъ, разыгрывавшій рабочаго. Чтобъ онъ могъ совершить убійство одинъ,—это выходитъ изъ границъ всякаго вѣроятія. Дѣйствуя одинъ, едва ли онъ могъ задушить мистера Абльвайта,—который былъ выше и сильнѣе его,—безъ борьбы и такъ, чтобы не было слышно крику. Служанка, спавшая въ сосѣдней комнатѣ, ничего не слыхала. Хозяинъ, спавшій подъ этою комнатой, тоже ничего не слыхалъ. Всѣ показанія ведутъ къ тому заключенію, что въ преступленіи замѣшано болѣе одного человѣка, и обстоятельства, повторяю, нравственно подкрѣпляютъ выводъ, что оно совершено Индѣйцами.

Мнѣ остается прибавить, что при слѣдствіи коронера постановленъ приговоръ о преднамѣренномъ убійствѣ однимъ или нѣсколькими неизвѣстными лицами. Семейство мистера Абльвайта предложило награду за открытіе виновныхъ и не щадило усилій. Человѣкъ, одѣтый рабочимъ, избѣгнулъ розысковъ. Но слѣдъ Индѣйцевъ найденъ. Что̀ касается надежды захватить ихъ въ послѣдствіи, то я скажу о ней нѣсколько словъ въ концѣ этого рапорта.

А теперь, изложивъ все существенное о смерти мистера Годфрея Абльвайта, я могу перейдти къ разказу о его дѣйствіяхъ до той поры, во время и послѣ того, какъ вы встрѣтились съ нимъ въ домѣ покойной леди Веринджеръ.

III.

Касательно этого предмета я прежде всего долженъ замѣтить, что въ жизни мистера Годфрея Абльвайта были двѣ стороны.

Сторона, обращенная публикѣ на видъ, представляла зрѣлище джентльмена, пользовавшагося значительною репутаціей оратора въ человѣколюбивыхъ сборищахъ и надѣленнаго административными способностями, которыя онъ отдалъ въ распоряженіе разнообразныхъ обществъ милосердія, большею частію составленныхъ женщинами. Сторона же, скрываемая отъ глазъ общества, выставляла того джентльмена въ совершенно противоположномъ свѣтѣ,—какъ человѣка, живущаго въ свое удовольствіе, имѣющаго въ предмѣстьи виллу, не на свое имя, и въ этой виллѣ даму, также не на свое имя. По моимъ справкамъ, въ виллѣ оказалось нѣсколько превосходныхъ картинъ и статуй; мебель изящнаго выбора

Digitized by Google

и дивной работы; теплица съ рѣдкими цвѣтами, которымъ подобныхъ нелегко найдти во всемъ Лондонѣ. По моимъ же справкамъ, у дамы оказались бриллiанты, достойные цвѣтовъ, экипажи и лошади, которые (по достоинству) производили впечатлѣніе въ паркѣ на лицъ, весьма способныхъ судить о работѣ первыхъ и породѣ послѣднихъ.

Все это пока довольно обыкновенно. Вилла и дама до того въ порядкѣ лондонской жизни, что я долженъ извиниться по поводу отмѣтки ихъ здѣсь. Но вотъ что̀ не совсѣмъ обыкновенно (говорю по опыту): всѣ эти цѣнныя вещи не только заказывались, но и оплачивались. Слѣдствіе, къ неописанному изумленію моему, показало, что за всѣ эти картины, статуи, цвѣты, бриллiанты, экипажи и лошади—не было ни сикспенса долгу. Что̀ же касается виллы, она также куплена была на чистыя деньги и переведена на имя дамы. Я, можетъ-быть, напрасно пытался бы разъяснить себѣ смыслъ этой загадки, еслибы не смерть мистера Годфрея Абльвайта, повлекшая за собой повѣрку его дѣлъ.

Повѣрка обнаружила тотъ фактъ, что мистеру Годфрею Абльвайту была поручена опека на сумму двадцати тысячъ фунтовъ, въ качествѣ одного изъ опекуновъ молодаго джентльмена, который въ 1848 году былъ еще несовершеннолѣтнимъ; что опека прекращалась, и молодой джентльменъ долженъ былъ получить эти двадцать тысячъ фунтовъ по достиженіи имъ совершеннолѣтія, то-есть въ февралѣ 1850 года; что до наступленія этого срока оба опекуна должны были выплачивать ему 600 фунтовъ ежегоднаго дохода по полугодіямъ, предъ Рождествомъ и въ Ивановъ день; что доходъ этотъ былъ аккуратно выплачиваемъ ему дѣйствительнымъ опекуномъ, мистеромъ Годфреемъ Абльвайтомъ; что капиталъ двадцать тысячъ фунтовъ (съ которыхъ, по мнѣнію всѣхъ, получался этотъ доходъ) до послѣдняго фартинга былъ спущенъ въ разное время до 1848 года; что довѣренности атторнея, уполномочивавшія банкировъ продавать капиталъ, и различныя письменныя требованія, указывавшія какую именно сумму продать, были подписаны обоими опекунами; что подпись втораго опекуна (отставнаго армейскаго офицера, живущаго въ деревнѣ) была непремѣнно поддѣлана дѣйствительнымъ опекуномъ,—иначе мистеромъ Годфреемъ Абльвайтомъ.

Вотъ чѣмъ объясняется благородное поведеніе мистера

Digitized by Google

Годфрея при уплатѣ долговъ за виллу съ дамой и, какъ вы увидите, еще многое другое.

Теперь можемъ перейдти къ 21-му іюня, то-есть ко дню рожденія миссъ Верриндеръ (въ 1848 году). Наканунѣ мистеръ Годфрей Абльвайтъ пріѣхалъ къ отцу и (какъ я слышалъ отъ самого мистера Абльвайта старшаго) просилъ у него взаймы триста фунтовъ. Замѣтьте сумму и вспомните, что срокъ полугодичной уплаты молодому джентльмену наступалъ 24-го числа того же мѣсяца. Вспомните также, что все состояніе молодаго джентльмена было промотано опекуномъ къ концу 48 года. Мистеръ Абльвайтъ старшій не далъ сыну и фартинга. На другой день мистеръ Годфрей Абльвайтъ пріѣхалъ съ вами верхомъ къ леди Верриндеръ. Нѣсколько часовъ спустя (какъ вы сами разказывали мнѣ) мистеръ Годфрей сдѣлалъ предложеніе миссъ Верриндеръ. Въ этомъ предложеніи, еслибъ оно было принято, онъ, разумѣется, видѣлъ конецъ всѣмъ своимъ денежнымъ затрудненіямъ, настоящимъ и будущимъ. Но что же изъ этого вышло въ дѣйствительности? Миссъ Верриндеръ отказала ему.

Поэтому вечеромъ въ день рожденія денежныя обстоятельства мистера Годфрея Абльвайта были таковы: ему предстояло достать триста фунтовъ къ двадцать четвертому числу этого мѣсяца и двадцать тысячъ фунтовъ—къ февралю тысяча восемьсотъ пятидесятаго года. Если же ему не удастся добыть эти суммы въ означенное время,—онъ погибъ.

Что же оказывается?

Вы раздражаете доктора, мистера Канди, задѣвъ его за живое по предмету его профессіи; а онъ, въ отместку, разыгрываетъ надъ вами медицинскую штуку, при помощи дозы опіума. Онъ поручаетъ поднести вамъ эту дозу (приготовленную въ маленькой стклянночкѣ) мистеру Годфрею Абльвайту, который самъ признался въ своемъ участіи, а по какому случаю онъ признался, это вамъ вскорѣ будетъ разказано. Мистеръ Годфрей вступаетъ въ заговоръ тѣмъ охотнѣе, что и самъ, въ теченіи вечера, потерпѣлъ отъ вашего язычка; присоединяется къ Бетереджу, убѣждая васъ выпить на сонъ грядущій немного водки съ водой, и тайно вливаетъ въ холодный грогъ дозу опіума, а вы ее выпиваете.

Теперь перенесемте мѣсто дѣйствія въ Ламбетъ, къ мистеру Локеру. И позвольте мнѣ замѣтить, въ видѣ предисловія, что мы съ мистеромъ Броффомъ нашли средство

Digitized by Google

заставить ростовщика высказать всю правду. Мы тщательно просѣяли данное намъ показаніе, и вотъ оно къ вашимъ услугамъ.

IV.

Въ пятницу, двадцать третьяго іюня (сорокъ восьмаго года), поздно вечеромъ, мистеръ Локеръ былъ удивленъ посѣщеніемъ мистера Годфрея Абльвайта и болѣе чѣмъ удивленъ, когда мистеръ Годфрей предъявилъ ему Лунный камень. Такимъ алмазомъ (по мнѣнію мистера Локера) не владѣло ни одно частное лицо въ Европѣ.

У мистера Годфрея Абльвайта были два скромныя предложенія относительно этой великолѣпной драгоцѣнности. Во-первыхъ, не будетъ ли мистеръ Локеръ такъ добръ, чтобы купить ее? Во-вторыхъ, не пожелаетъ ли мистеръ Локеръ (въ случаѣ невозможности купить ее) принять ее на коммиссію для продажи и заплатить нѣкоторую сумму впередъ?

Мистеръ Локеръ испробовалъ алмазъ, взвѣсилъ и оцѣнилъ его, не отвѣчая еще ни слова. По *его* оцѣнкѣ (принимая въ разчетъ плеву на камнѣ), алмазъ стоилъ тридцать тысячъ фунтовъ.

Убѣдясь въ этомъ, мистеръ Локеръ отверзъ уста и предложилъ вопросъ: „какимъ же образомъ это вамъ досталось?“ Всего шесть словъ! Но въ нихъ цѣлые томы значенія!

Мистеръ Годфрей началъ что-то разказывать. Мистеръ Локеръ снова отверзъ уста, и на этотъ разъ произнесъ только три слова: „Никуда не годится!“

Мистеръ Годфрей Абльвайтъ началъ еще что-то разказывать. Мистеръ Локеръ не сталъ и словъ тратить. Онъ всталъ и позвонилъ слугу проводить этого джентльмена.

При такомъ поощреніи, мистеръ Годфрей сдѣлалъ надъ собой усиліе и сызнова изложилъ все дѣло по правдѣ, какъ далѣе слѣдуетъ.

Украдкой подливъ опіуму въ холодный грогъ, онъ пожелалъ вамъ покойной ночи и пошелъ въ свою комнату. Она была рядомъ съ вашею и сообщалась дверью. Войдя къ себѣ въ комнату, мистеръ Годфрей (какъ ему показалось тогда) затворилъ дверь. Денежныя затрудненія не давали ему спать. Онъ около часу просидѣлъ въ шлафрокѣ и въ туфляхъ, обдумывая свое положеніе. Только что онъ хотѣлъ лечь въ постель, какъ услыхалъ, что вы разговариваете сами съ

Digitized by Google

собой въ своей комнатѣ, и подойдя къ двери, увидѣлъ, что вовсе не затворилъ ея, какъ ему показалось давеча. Онъ заглянулъ въ вашу комнату, желая знать въ чемъ дѣло; увидалъ васъ выходящимъ изъ спальни со свѣчой въ рукѣ, и слышалъ, какъ вы проговорили несвоимъ голосомъ: „Почемъ знать? Индѣйцы могли спрятаться въ домѣ.“

До сихъ поръ онъ полагалъ, что давая вамъ опіумъ, дѣлаетъ васъ жертвой безвредной шутки. Теперь ему пришло въ голову, что опіумъ оказалъ на васъ какое-то вліяніе, котораго они съ докторомъ не предвидѣли. Опасаясь бѣды, онъ тихо пошелъ за вами посмотрѣть, что̀ вы станете дѣлать.

Онъ послѣдовалъ за вами до гостиной миссъ Верриндеръ и видѣлъ, какъ вы вошли въ нее. Вы оставили дверь незатворенною. Онъ посмотрѣлъ въ щель, образовавшуюся между половинкой и притолкой, не рѣшаясь еще войдти въ комнату.

Оттуда онъ не только видѣлъ какъ вы взяли алмазъ изъ ящика, но разглядѣлъ и миссъ Верриндеръ, молча слѣдившую за вами изъ спальни въ отворенную дверь. Онъ видѣлъ, что она *тоже* видѣла какъ вы взяли алмазъ.

Выходя изъ гостиной, вы немного пріостановились. Мистеръ Годфрей воспользовался этою медленностью, чтобы вернуться въ свою спальню прежде чѣмъ вы выйдете и найдете его. Онъ опередилъ васъ однимъ мигомъ и полагалъ, что вы видѣли его въ то время, какъ онъ переступалъ чрезъ порогъ двери между вашими комнатами. Какъ бы то ни было, но вы кликнули его страннымъ, сонным голосомъ.

Онъ вернулся къ вамъ. Вы поглядѣли на него мутнымъ, сонным взглядомъ; подали ему алмазъ, и сказали: „отвезите его назадъ, Годфрей, къ банкиру вашего батюшки. Тамъ онъ сохраннѣе, а здѣсь ему не уцѣлѣть.“ Вы отошли нетвердою поступью и надѣли блузу; сѣли въ длинное кресло, стоявшее у васъ въ комнатѣ, и проговорили: „самъ-то я не могу отвезти его въ банкъ. Голова точно свинецъ,—ногъ подъ собой не слышу.“ Голова у васъ откинулась на спинку кресла, вы вздохнули тяжко, тяжко такъ, и заснули.

Мистеръ Годфрей Абльвайтъ вернулся съ алмазомъ въ свою комнату. Онъ утверждалъ, что въ то время еще ни на что̀ не рѣшился и хотѣлъ выждать что̀ будетъ поутру.

Когда же настало утро, изъ вашихъ словъ и поступковъ оказалось, что вы вовсе не помните того, что̀ говорили и дѣлали ночью. Въ то же время слова и поступки миссъ

Digitized by Google

Верриндеръ показывали, что она рѣшилась, щадя васъ, ничего не говорить съ своей стороны. Еслибы мистеру Годфрею Абльвайту угодно было удержать у себя алмазъ, онъ могъ бы это сдѣлать совершенно безнаказанно. Лунный камень заслонялъ его отъ гибели. Онъ спряталъ Лунный камень въ карманъ.

V.

Вотъ что̀ вашъ кузенъ (по необходимости) разказалъ мистеру Локеру. Мистеръ Локеръ счелъ эту исторію правдивою во всѣхъ главныхъ статьяхъ,—на томъ основаніи, что мистеръ Годфрей Абльвайтъ былъ слишкомъ глупъ для такой выдумки. Мистеръ Броффъ и я оба согласны съ мистеромъ Локеромъ и считаемъ это подтвержденіе правдивости разсказа вполнѣ достовѣрнымъ.

Затѣмъ мистеру Локеру предстоялъ вопросъ какъ поступить въ дѣлѣ Луннаго камня. Онъ предложилъ слѣдующія и единственныя условія, на которыхъ онъ соглашался впутаться въ сомнительное и опасное дѣло (даже при *его* родѣ занятій).

Мистеръ Локеръ соглашался дать мистеру Годфрею Абльвайту взаймы двѣ тысячи фунтовъ съ тѣмъ, чтобы Лунный камень былъ оставленъ ему въ залогъ. Если по истеченіи года съ этого числа мистеръ Годфрей Абльвайтъ заплатитъ мистеру Локеру три тысячи фунтовъ, то можетъ получить алмазъ обратно, какъ выкупленный залогъ. Если же онъ не внесетъ этихъ денегъ по прошествіи года, залогъ (иначе Лунный камень) перейдетъ въ собственность мистера Локера, который въ такомъ случаѣ великодушно подаритъ мистеру Годфрею нѣкоторыя заемныя обязательства (по прежнимъ ихъ сдѣлкамъ), находящіяся въ рукахъ у ростовщика.

Нѣтъ надобности говорить, что мистеръ Годфрей съ негодованіемъ отвергъ эти чудовищныя условія. А мистеръ Локеръ возвратилъ ему алмазъ и пожелалъ покойной ночи.

Вашъ кузенъ пошелъ было къ двери, но вернулся и спросилъ: кто ему поручится, что нынѣшній разговоръ останется въ строжайшей тайнѣ между нимъ и его пріятелемъ?

Мистеръ Локеръ оказался немогузнайкой. Еслибы мистеръ Годфрей согласился на его условія, то сдѣлалъ бы его своимъ сообщникомъ и навѣрное могъ бы разчитывать на его скромность. Но при настоящемъ положеніи дѣла, мистеръ Локеръ долженъ руководиться собственными

Digitized by Google

выгодами. Въ случаѣ непріятнаго допроса, можно ли ожидать, что онъ скомпрометтируетъ себя ради того, кто отказался имѣть съ нимъ дѣло?

Получивъ этотъ отвѣтъ, мистеръ Годфрей Абльвайтъ поступилъ такъ, какъ поступаютъ всѣ животныя (человѣкъ и прочія), видя себя пойманными въ западню. Онъ сталъ оглядываться въ безнадежномъ отчаяніи. Взглядъ его случайно упалъ на число мѣсяца, выставленное на чистенькой карточкѣ въ картонажѣ на каминѣ ростовщика. То было двадцать третье іюня. Двадцать четвертаго онъ долженъ былъ уплатить триста фунтовъ молодому джентльмену, при которомъ состоялъ опекуномъ,—и ни малѣйшей надежды добыть эти деньги, кромѣ возможности, предлагаемой мистеромъ Локеромъ. Не будь этого несчастнаго затрудненія, онъ могъ бы отвезти алмазъ въ Амстердамъ и сдѣлать его удобнымъ для продажи, расколовъ на отдѣльные камни. Въ настоящемъ положеніи дѣлъ ему только и оставалось принять условія мистера Локера. Наконецъ, онъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи цѣлый годъ, въ теченіи котораго еще могъ добыть эти три тысячи фунтовъ, — а въ году времени много.

Мистеръ Локеръ тотчасъ же составилъ потребные документы. Когда же они были подписаны, далъ мистеру Годфрею Абльвайту два чека. Одинъ, помѣченный 23-мъ іюня, на триста фунтовъ. Другой, помѣченный недѣлей позже, на остальную сумму,—тысячу семьсотъ фунтовъ. Вы уже знаете какъ Лунный камень былъ отданъ на сохраненіе банкирамъ мистера Локера и какъ (послѣ того) поступили Индѣйцы съ мистеромъ Локеромъ и мистеромъ Годфреемъ.

Слѣдующее событіе въ жизни вашего кузена снова касается миссъ Верриндеръ. Онъ вторично сдѣлалъ ей предложеніе и (послѣ того какъ оно было принято) согласился считать свадьбу несостоявшеюся. Мистеръ Броффъ проникъ въ одну изъ причинъ этой уступчивости. Миссъ Верриндеръ пользовалась только пожизненными процентами съ имѣнія ея матери, — *тутъ* нельзя было добыть недостающихъ двадцати тысячъ фунтовъ.

Но вы скажете, что женясь, онъ могъ бы накопить три тысячи фунтовъ для выкупа заложеннаго алмаза. Конечно, онъ могъ бы это сдѣлать, если предположить, что ни жена его, ни опекуны ея не препятствовали бы ему въ первый же годъ послѣ свадьбы взять впередъ болѣе половины дохода

Digitized by Google

въ свое распоряженіе для неизвѣстной цѣли. Но еслибъ онъ и перешагнулъ эту преграду, его ждала другая съ тылу. Дама, проживавшая въ виллѣ, слышала о томъ, что онъ замышляетъ жениться. Дивная женщина, мистеръ Блекъ, того сорта, съ которымъ не шутятъ: свѣтлокожая съ римскимъ носомъ. Она питала величайшее презрѣніе къ мистеру Годфрею Абльвайту. Презрѣніе это было бы безмолвно, еслибъ онъ хорошо обезпечилъ ее. Иначе у этого презрѣнія развязался бы языкъ. Пожизненные проценты мистеръ Верандеръ не подавали ему надежды на это „обезпеченіе", такъ же какъ и на двадцать тысячъ фунтовъ. Онъ не могъ жениться, — никоимъ образомъ не могъ жениться въ такихъ обстоятельствахъ.

Вы уже знаете, какъ онъ попыталъ счастья съ другою особой, и какъ *та* свадьба тоже разстроилась изъ-за денегъ. Вамъ извѣстно также о наслѣдствѣ въ пять тысячъ фунтовъ, завѣщанномъ ему вскорѣ послѣ того одною изъ многихъ его поклонницъ, которыхъ милости умѣлъ заслужить этотъ очаровательь. Наслѣдство-то (какъ оказалось) и привело его къ погибели.

По моимъ справкамъ оказалось, что отправясь за границу по полученіи пяти тысячъ фунтовъ, онъ ѣздилъ въ Амстердамъ. Тамъ онъ уладилъ всѣ необходимыя подготовленія, чтобы расколоть алмазъ на отдѣльные камни. Онъ вернулся (переодѣтый) и выкупилъ Лунный камень въ назначенный срокъ. Затѣмъ пропустили нѣсколько дней (въ видѣ предосторожности, условленной между обѣими сторонами) прежде чѣмъ взять алмазъ изъ банка. Еслибъ онъ благополучно прибылъ съ нимъ въ Амстердамъ, то съ іюля сорокъ девятаго года по февраль пятидесятаго (когда молодой джентльменъ становился совершеннолѣтнимъ) какъ разъ только что успѣли бы расколоть алмазъ и сдѣлать отдѣльные камни (граненые или нѣтъ) удобными для продажи. Судите поэтому, что̀ побуждало его подвергаться опасности, которой онъ дѣйствительно подвергся. Если кому-нибудь приходилось рисковать „головой или всѣмъ", то именно ему.

Мнѣ остается напомнить вамъ, предъ заключеніемъ этого рапорта, что есть надежда захватить Индѣйцевъ и выручить Лунный камень. Они теперь (по всей вѣроятности) плывутъ въ Бомбей на остъ-индскомъ купеческомъ суднѣ. Корабль (за исключеніемъ непредвидѣнныхъ случаевъ) нигдѣ по дорогѣ не останавливается; и бомбейскія власти (которымъ

Digitized by Google

сообщено письменно съ сухопутною почтой) будутъ готовы оцѣнить судно, какъ только оно войдетъ въ гавань.

Имѣю честь остаться вашимъ, дорогой сэръ, покорнымъ слугой, Ричардъ Коффъ (бывшій приставъ сыскной полиціи). *Скотлендъ Ярдъ, Лондонъ.* *

Разказъ 7-ой. Въ письмѣ мистера Канди.

Фризингаллъ, среда, 26-го сентября 1849 г. — Дорогой мистеръ Франклинъ Блекъ, вы угадаете грустную вѣсть, сообщаемую мною, найдя ваше письмо къ Ездрѣ Дженнингсу возвращеннымъ въ этомъ пакетѣ и нераспечатаннымъ. Онъ умеръ на моихъ рукахъ при восходѣ солнца въ прошлую среду.

Не упрекайте меня въ томъ, что я не извѣстилъ васъ о близости его кончины. Онъ нарочито запретилъ мнѣ писать къ вамъ. „Я обязанъ мистеру Франклину Блеку нѣсколькими днями счастія, говорилъ онъ:—не огорчайте же его, мистеръ Канди,—не огорчайте его.“

Страшно было смотрѣть на его страданія до послѣднихъ шести часовъ его жизни. Въ промежуткахъ между припадками, когда онъ приходилъ въ память, я умолялъ его назвать мнѣ своихъ родственниковъ, которымъ я могъ бы написать. Онъ просилъ простить его за отказъ *мнѣ* въ чемъ бы то ни было. И затѣмъ сказалъ,—безъ горечи,—что умретъ, какъ жилъ, забытый и неизвѣстный. Онъ до конца остался вѣренъ этому рѣшенію. Теперь нѣтъ надежды что-нибудь развѣдать о немъ. Его исторія—бѣлая страница.

За день до смерти онъ сказалъ мнѣ гдѣ лежатъ его бумаги. Я принесъ ихъ къ нему на постель. Въ числѣ ихъ была небольшая связка старыхъ писемъ, которую онъ отложилъ. Тутъ же находилось его неоконченное сочиненіе и *Дневникъ* во многихъ томахъ съ застежками на замочкѣ. Онъ развернулъ томъ за нынѣшній годъ и вырвалъ одну за другою страницы, относившіяся къ той порѣ, когда вы встрѣчались съ нимъ. „Эти отдайте мистеру Франклину Блеку, сказалъ онъ:—пройдутъ года, онъ, можетъ-быть, пожелаетъ оглянуться на то, что здѣсь написано.“ Тутъ онъ сложилъ руки,

* *Примѣчаніе.* Въ тѣхъ частяхъ, гдѣ этотъ рапортъ касается происшествій въ день рожденія или послѣдующихъ трехъ дней, сравните его съ Бетереджевымъ разказомъ, главы VIII—XIII.

Digitized by Google

усердно моля Бога благословить и васъ, и тѣхъ кто вамъ дорогъ. Онъ говорилъ, что ему хотѣлось бы еще разъ повидаться съ вами. Но минуту спустя перемѣнилъ намѣреніе. „Нѣтъ, сказалъ онъ въ отвѣтъ на мое предложеніе написать къ вамъ:—не хочу огорчать его! Не хочу его огорчать!“

Затѣмъ, по просьбѣ его, я собралъ остальныя бумаги,—то-есть связку писемъ, неоконченное сочиненіе и томы *Дневника*,—и завернувъ ихъ въ одну обертку, запечаталъ своею печатью. „Обѣщайте мнѣ, сказалъ онъ:—положить это своими руками со мною въ гробъ и позаботиться о томъ, чтобы ничьи руки уже не касались этого.“

Я далъ ему обѣщаніе. Оно исполнено.

Онъ просилъ меня еще объ одномъ, и мнѣ стоило тяжелой борьбы согласиться. Онъ сказалъ: „пусть могила моя будетъ забыта. Дайте мнѣ честное слово, что вы не допустите ни малѣйшаго памятника,—даже самаго простаго камня,—для указанія мѣста моего погребенія. Пусть я почію безъ имени; пусть я упокоюсь въ неизвѣстности.“ Когда я сталъ убѣждать его перемѣнить свое рѣшеніе, онъ въ первый и единственный разъ пришелъ въ сильный гнѣвъ. Я не могъ этого выносить и уступилъ. На мѣстѣ его успокоенія нѣтъ ничего кромѣ дерновой насыпи. Со временемъ вокругъ нея возникнутъ памятники; слѣдующее за нами поколѣніе будетъ глядѣть и дивиться на безыменную могилу.

Какъ я уже сообщилъ вамъ, часовъ за шесть до кончины страданія его прекратились. Онъ немного задремалъ. Мнѣ казалось, что онъ грезитъ. Разъ или два онъ улыбнулся. Уста его часто повторяли одно имя, вѣроятно женское,—имя „Эллы“. За нѣсколько мгновеній до смерти онъ просилъ меня приподнять его на подушкахъ, чтобъ онъ могъ видѣть въ окно восходъ солнца. Онъ былъ очень слабъ. Голова его склонилась на мое плечо. Онъ шепнулъ: „настаетъ!“ Потомъ сказалъ: „поцѣлуйте меня!“ Я поцѣловалъ его въ лобъ. Вдругъ онъ поднялъ голову. Солнечный свѣтъ озарилъ его лицо. Чудное выраженіе, ангельское выраженіе проступило въ немъ. Онъ трижды воскликнулъ: „миръ! миръ! миръ!“ Голова его снова упала ко мнѣ на плечо, и горе многихъ лѣтъ его жизни миновало.

Онъ покинулъ насъ. Это былъ, сдается мнѣ, великій человѣкъ,—хотя міръ его не позналъ. Онъ мужественно вынесъ тяжкую жизнь. Я еще не встрѣчалъ такого кроткаго

Digitized by Google

характера. Утративъ его, я сильнѣе чувствую свое одиночество. Я, пожалуй, ни разу вполнѣ-то не приходилъ въ себя съ самой моей болѣзни. Иногда мнѣ думается бросить практику, уѣхать и попытать, не помогутъ ли мнѣ какія-нибудь заграничныя воды и купанья.

Здѣсь говорятъ, что въ будущемъ мѣсяцѣ вы женитесь на миссъ Верендеръ. Удостойте принять мои сердечныя поздравленія.

Страницы изъ дневника моего бѣднаго друга ожидаютъ васъ у меня въ домѣ, запечатанныя въ пакетѣ на ваше имя. Я боялся довѣрить ихъ почтѣ.

Свидѣтельствую свое почтеніе съ пожеланіемъ всего лучшаго миссъ Верендеръ. Остаюсь, дорогой мистеръ Франклинъ Блекъ, преданный вамъ Томасъ Канди.

Разказъ 8-ой, доставленный Габріелемъ Бетереджемъ.

Я (какъ вы, безъ сомнѣнія, помните) первый началъ разказъ и ввелъ васъ въ эти страницы. Я же какъ бы остался позади, чтобы замкнуть его.

Да не подумаетъ кто-нибудь, что я хочу сказать послѣднее слово объ индѣйскомъ алмазѣ. Я питаю отвращеніе къ этой злополучной драгоцѣнности и отсылаю васъ къ инымъ авторитетамъ за тѣми вѣстями о Лунномъ камнѣ, которыхъ вы можете ожидать въ настоящее время. Я намѣренъ изложить здѣсь одинъ фактъ изъ семейной хроники, всѣми пропущенный, но который я не позволю такъ непочтительно сгладить. Фактъ, на который я намекаю,—свадьба миссъ Рахили и мистера Франклина Блека. Это интересное событіе свершилось въ нашемъ Йоркширскомъ домѣ во вторникъ, 9-го октября 1849 года. На тотъ случай я сшилъ себѣ новую пару платья. А брачная чета отправилась проводить медовый мѣсяцъ въ Шотландію.

Такъ какъ семейныя празднества были довольно рѣдки въ нашемъ домѣ со времени смерти бѣдной госпожи моей, то признаюсь, что, по случаю свадьбы, я къ вечеру-то хватилъ для куражу капельку лишняго.

Если вы дѣлывали то же самое, то поймете меня и посочувствуете. Если же нѣтъ, вы, вѣроятно, скажете: „противный старикъ! Къ чему онъ это разказываетъ намъ?“ Причина тому слѣдующая.

Digitized by Google

Хвативъ стало-быть капельку (Богъ съ вами! Вѣдь у васъ тоже есть любимый грѣшокъ; только у васъ свой, а у меня свой), я прибѣгнулъ къ неизмѣнному лѣкарству, а это лѣкарство, какъ вамъ извѣстно, *Робинзонъ Крузо*. Ужь не помню, право, на чемъ я раскрылъ эту несравненную книгу, на чемъ же у меня печатныя строки перепутались подъ конецъ, это я отлично помню, то была триста восемнадцатая страница, слѣдующій отрывочекъ домашняго характера, относящійся до женитьбы Робинзона Крузо:

„Съ такими-то мыслями я вникалъ въ свои новыя обязанности, имѣя жену (замѣтьте! точь-въ-точь какъ мистеръ Франкливъ!), новорожденнаго ребенка. (Замѣтьте опять! Вѣдь это можетъ быть и съ мистеромъ Франкливомъ!) При этомъ жена моя,"—что ужь „при этомъ" сдѣлала или чего не дѣлала жена Робинзона Крузо—я не желалъ знать. Я подчеркнулъ карандашомъ насчетъ ребенка-то и заложилъ полоску бумаги, чтобъ отмѣтить этотъ отрывокъ. „Лежи себѣ тутъ, сказалъ я,—пока свадьбѣ мистера Франклина и миссъ Рахили исполнится нѣсколько мѣсяцевъ, тогда и увидимъ!

Мѣсяцы шли (превышая числомъ мои разчеты), но все еще не представлялось случая потревожить замѣтку въ книгѣ. И только въ текущемъ ноябрѣ 1850 года вошелъ однажды ко мнѣ въ комнату мистеръ Франкливъ превеселый-веселый, и сказалъ:

— Бетереджъ! Я принесъ вамъ славную вѣсточку! Не пройдетъ нѣсколькихъ мѣсяцевъ, у насъ въ домѣ кое-что случится.

— А что, оно касается до семейства, сэръ? спросилъ я.

— Рѣшительно касается, отвѣтилъ мистеръ Франкливъ.

— А вашей женушкѣ есть до этого какое-нибудь дѣло, сэръ?

— Ей тутъ пропасть дѣла, сказалъ мистеръ Франкливъ, начиная нѣсколько удивляться.

— Не говорите мнѣ больше ни слова, сэръ! отвѣтилъ я:— Богъ въ помочь вамъ обоимъ! Сердечно радъ слышать.

Мистеръ Франкливъ вытаращилъ глаза, какъ громомъ пораженный.

— Смѣю ли спросить, откуда вы получили это извѣстіе? спросилъ онъ:—я самъ получилъ его (подъ строжайшимъ секретомъ) всего пять минутъ тому назадъ.

Вотъ когда насталъ случай предъявить *Робинзона Крузо*! Вотъ онъ случай прочесть тотъ отрывочекъ домашняго содержанія насчетъ ребенка-то, что я отмѣтилъ въ день свадьбы

Digitized by Google

мистера Франклина! Я прочелъ эти дивныя слова съ должнымъ удареніемъ и потомъ строго посмотрѣлъ ему въ лицо.

— Ну, *теперь*, сэръ, вѣрите ли вы *Робинзону Крузо*? спросилъ я съ приличною этому случаю торжественностію.

— Бетереджъ! сказалъ мистеръ Франклинъ съ такою же торжественностію:—наконецъ и я убѣжденъ.

Онъ пожалъ мнѣ руку, и я понялъ, что обратилъ его.

Вмѣстѣ съ разказомъ объ этомъ необычайномъ обстоятельствѣ приходитъ конецъ и моему появленію на этихъ страницахъ. Не смѣйтесь надъ этимъ единственнымъ анекдотомъ. Забавляйтесь сколько угодно надъ всѣмъ прочимъ что̀ я писалъ. Но когда я пишу о *Робинзонѣ Крузо*, клянусь Богомъ,—это не шутка, прошу васъ такъ и понимать это!

Когда *это* сказано,—значитъ все сказано. Леди и джентльмены, кланяюсь вамъ и замыкаю разказъ.

ЭПИЛОГЪ. НАХОДКА АЛМАЗА.

I. Показаніе посланнаго приставомъ Коффомъ. (1849.)

Двадцать седьмаго іюня я получилъ отъ пристава Коффа приказаніе слѣдить за тремя людьми, подозрѣваемыми въ убійствѣ, Индѣйцами по описанію. Въ то утро ихъ видѣли въ Товерской пристани, гдѣ они сѣли на пароходъ въ Роттердамъ.

Я выѣхалъ изъ Лондона на принадлежащемъ другой Компаніи пароходѣ, который отправился утромъ въ четвергъ, двадцать восьмаго числа. По прибытіи въ Роттердамъ, мнѣ удалось найдти капитана парохода, ушедшаго въ среду. Онъ сообщилъ мнѣ, что Индѣйцы дѣйствительно были въ числѣ пассажировъ его судна, но только до Гравезенда. На этой станціи одинъ изъ трехъ спросилъ, въ которомъ часу они пріѣдутъ въ Кале. Когда ему сказали, что пароходъ идетъ въ Роттердамъ, говорившій отъ лица всѣхъ высказалъ величайшее удивленіе и досадовалъ на сдѣланную имъ съ пріятелями ошибку. Они всѣ (говорилъ онъ) охотно пожертвуютъ платой за проѣздъ, если только капитанъ парохода высадитъ ихъ на берегъ. Соболѣзнуя положенію иностранцевъ въ чужой землѣ и не имѣя причинъ задерживать ихъ, капитанъ подалъ сигналъ береговому судну, и всѣ трое покинули пароходъ.

Digitized by Google

Такъ какъ этотъ поступокъ Индѣйцевъ явно былъ заранѣе разчитанъ, въ видахъ предохраненія ихъ отъ погони, то я, не теряя времени, вернулся въ Англію. Я сошелъ съ парохода въ Гравезендѣ и узналъ, что Индѣйцы оттуда поѣхали въ Лондонъ; отсюда я снова прослѣдилъ ихъ до Плимута. По справкамъ въ Плимутѣ оказалось, что они двое сутокъ тому назадъ отплыли на остъ-индскомъ купеческомъ суднѣ *Бьюлей-Касль*, шедшемъ прямо въ Бомбей.

Получивъ объ этомъ свѣдѣніе, приставъ Коффъ сообщилъ о томъ сухопутною почтой бомбейскимъ властямъ, чтобъ оцѣпить судно полиціей тотчасъ по приходѣ въ гавань. По принятіи этой мѣры мое участіе въ этомъ дѣлѣ кончилось. Съ тѣхъ поръ я больше не слыхалъ о немъ.

II. Показаніе капитана (1849).

По требованію пристава Коффа, излагаю письменно нѣкоторые факты, касающіеся трехъ человѣкъ (слывущихъ Индѣйцами), которые были пассажирами на кораблѣ *Бьюлей-Касль*, отправлявшемся прошлымъ лѣтомъ въ Бомбей подъ моимъ начальствомъ.

Индѣйцы присоединились къ намъ въ Плимутѣ. Во время плаванія я не слыхалъ жалобъ на ихъ поведеніе. Они спали въ койкахъ на передней части корабля. Мнѣ весьма рѣдко случалось видѣть ихъ.

Подъ конецъ путешествія мы имѣли несчастіе попасть на трое сутокъ въ штиль близь береговъ Индіи. У меня нѣтъ подъ руками корабельнаго журнала для справокъ, и потому я не припомню теперь широты и долготы. Итакъ, относительно нашего положенія, я могу лишь вообще сказать, что теченіе влекло насъ къ берегу, и когда вѣтеръ снова захватилъ насъ, то мы чрезъ двадцать четыре часа вошли въ гавань.

Корабельная дисциплина (какъ извѣстно всѣмъ мореплавателямъ) ослабляется во время продолжительнаго штиля. Нѣкоторые джентльмены изъ числа пассажировъ спустили мелкія суда и забавлялись катаньемъ и плаваньемъ по вечерамъ, когда солнечный жаръ, утихая, позволялъ имъ развлекаться такимъ образомъ. По окончаніи забавы слѣдовало бы втаскивать суда обратно. Вмѣсто того ихъ оставляли на буксирѣ у корабля. Отъ жары ли, отъ досады ли на

Digitized by Google

погоду, только ни у офицеровъ, ни у матросовъ, повидимому, не лежало сердце къ исполненію долга, пока длился штиль.

На третью ночь сторожъ на палубѣ не видалъ и не слыхалъ ничего выходящаго изъ порядка вещей. Но когда настало утро, самой маленькой лодки не доставало, а вслѣдъ затѣмъ донесли, что не хватаетъ и трехъ Индѣйцевъ.

Если эти люди украли лодку вскорѣ послѣ сумерекъ (въ чемъ я и не сомнѣваюсь), то, судя по близости нашей къ землѣ, безполезно было бы посылать за ними погоню, когда объ этомъ узнали только поутру. Я не сомнѣваюсь, что въ такую тихую погоду (принимая въ разчетъ усталость и неумѣнье грести) они все-таки пристали къ берегу до разсвѣта. Войдя въ гавань, я впервые узналъ причину, по которой трое моихъ пассажировъ воспользовались возможностью бѣжать съ корабля. Я могъ лишь сообщить властямъ тотъ же отчетъ, который излагаю здѣсь. Они упрекали меня въ томъ, что я допустилъ на кораблѣ ослабленіе дисциплины.

Я выразилъ на этотъ счетъ мое сожалѣніе имъ и своимъ хозяевамъ. Съ тѣхъ поръ я ничего не слыхалъ о трехъ Индѣйцахъ. Больше мнѣ прибавлять нечего.

III. Показаніе мистера Мортвета (1850 года). (Въ письмѣ къ мистеру Броффу.)

Осталось ли у васъ, дорогой сэръ, какое-нибудь воспоминаніе о полудикой личности, которую вы встрѣтили на обѣдѣ въ Лондонѣ осенью сорокъ восьмаго года? Позвольте мнѣ напомнить вамъ, что личность эту зовутъ Мортветомъ, и что мы съ вами имѣли продолжительный разговоръ послѣ обѣда. Разговоръ этотъ касался индѣйскаго алмаза, называемаго Луннымъ камнемъ, и существовавшаго въ то время заговора овладѣть имъ.

Съ той поры я все шатался по Средней Азіи. Оттуда попалъ на мѣсто прежнихъ своихъ приключеній, на сѣверъ и сѣверо-западъ Индіи. Недѣли двѣ тому назадъ я очутился въ нѣкоемъ округѣ или провинціи (мало извѣстной Европейцамъ) называемой Каттіаваръ.

Тутъ со мной случилось приключеніе, въ которомъ вы (какъ бы это ни казалось невѣроятно) лично заинтересованы.

Въ дикихъ мѣстностяхъ Каттіавара (насколько онѣ дики, можете судить изъ того, что даже земледѣльцы на пахотѣ вооружены съ головы до ногъ) населеніе фанатически

Digitized by Google

предано прежней индѣйской религіи, — древнему обожанію Брамы и Вишну. Немногія магометанскія семейства, изрѣдка разсѣянныя по внутреннимъ селеніямъ, боятся вкушать мясо какого бы то ни было рода. Магометанина, при малѣйшемъ подозрѣніи въ убійствѣ священнаго животнаго, то-есть коровы, неизбѣжно и безъ пощады предаютъ смерти окружающіе его благочестивые сосѣди. Какъ бы въ поддержку религіозной восторженности народа, двѣ знаменитѣйшія святыни индѣйскаго странничества лежатъ въ границахъ Каттіавара. Одно изъ нихъ есть Дварка, мѣсторожденіе бога Кришны. Другое—священный городъ Сомнаутъ, осажденный и разрушенный въ одиннадцатомъ вѣкѣ магометанскимъ завоевателемъ Махмудомъ Гизни. Очутясь вторично въ этой поэтической мѣстности, я рѣшился не выѣзжать изъ Каттіавара, не повидавъ еще разъ великолѣпныхъ развалинъ Сомнаута. Оттуда, гдѣ я замыслилъ это, мнѣ предстояло (по приблизительному разчету) три дня ходьбы до священнаго города.

Не успѣлъ я немного пройдти по дорогѣ, какъ замѣтилъ, что и другіе,—по двое, по трое,—идутъ, повидимому, въ одномъ со мной направленіи.

Тѣмъ изъ нихъ, которые со мной заговаривали, я выдавалъ себя за Индѣйца-буддиста, странствующаго по обѣту изъ дальняго округа. Нѣтъ нужды упоминать, что костюмъ мой вполнѣ соотвѣтствовалъ этой роли. Прибавьте къ тому, что я знаю языкъ не хуже роднаго, и что я достаточно худъ и смуглъ для того, чтобы во мнѣ было не такъ-то легко признать Европейца, и вы поймете, что я не робѣлъ на смотру предъ этими людьми, представляясь чужакомъ изъ отдаленнаго округа ихъ же страны.

На слѣдующій день число Индѣйцевъ, шедшихъ въ одномъ со мной направленіи, разрослось въ полсотни и цѣлыя сотни. На третій день въ толпѣ волновались тысячи, стекаясь къ одному пункту,—городу Сомнаутъ.

Небольшая услуга, которую мнѣ удалось оказать одному изъ товарищей по странствію на третій день путешествія, дала мнѣ средство представиться нѣсколькимъ Индѣйцамъ высшей касты. Отъ этихъ людей я узналъ, что толпа идетъ на большое религіозное торжество, которое должно происходить на холмѣ, неподалеку отъ Сомнаута. Торжество это праздновалось въ честь бога Луны и должно было совершиться въ эту ночь.

Digitized by Google

Толпа задерживала насъ по мѣрѣ того, какъ мы приближались къ мѣсту празднества. Въ то время какъ мы достигли холма, луна стояла уже высоко въ небѣ. Мои пріятели Индѣйцы пользовались нѣкоторыми особыми преимуществами, открывавшими имъ доступъ къ самой святынѣ. Они любезно позволили мнѣ сопровождать ихъ. Придя на мѣсто, мы нашли святыню скрытою отъ глазъ занавѣсомъ, повѣшеннымъ межъ двухъ великолѣпныхъ деревьевъ. Подъ деревьями выдавалась плоская отлогость утеса и образовала родъ естественнаго помоста. Внизу около него и помѣстился я съ моими пріятелями Индѣйцами.

При взглядѣ съ холма внизъ представлялось величественнѣйшее зрѣлище природы и человѣка, какое когда-либо было видано мною. Послѣдніе склоны возвышенности непримѣтно таяли въ травянистой равнинѣ, урочищѣ сліянія трехъ рѣкъ. По сю сторону тянулись вдаль красивыя извилины ихъ водъ, то скрываясь въ древесныхъ купахъ, то снова появляясь, на сколько хваталъ глазъ. По ту сторону опочилъ въ тиши ночи успокоенный Океанъ. Оживите этотъ восхитительный видъ десятками тысячъ людей, одѣтыхъ въ бѣломъ, растянутыхъ нитью по склонамъ холма, переполняющихъ равнину и каймящихъ ближайшіе берега извилистыхъ рѣкъ. Освѣтите эту стоянку богомольцевъ ярокраснымъ пламенемъ огней и факеловъ, прорывающимся то тамъ, то сямъ по всей безчисленной толпѣ. Вообразите себѣ восточный лунный свѣтъ, разлитый въ безоблачномъ сіяніи надъ всѣмъ этимъ,—и вы составите себѣ понятіе о видѣ, который представился мнѣ, когда я взглянулъ съ вершины холма.

Жалобные звуки струнныхъ инструментовъ и флейтъ обратили мое вниманіе на скрытую святыню.

Я обернулся и увидалъ на утесистомъ помостѣ фигуры трехъ людей. Въ средней фигурѣ изъ трехъ я узналъ того человѣка, съ которымъ говорилъ въ Англіи, когда Индѣйцы появились на террасѣ въ домѣ леди Верриндеръ. Остальные двое, сопровождавшіе его теперь были, безъ сомнѣнія, его тогдашніе товарищи.

Одинъ изъ стоявшихъ возлѣ меня Индѣйцевъ видѣлъ какъ я вздрогнулъ. Онъ шепотомъ объяснилъ мнѣ появленіе этихъ трехъ фигуръ на утесистомъ помостѣ.

По его словамъ, то были брамины, утратившіе достоинство своей касты на служеніи богу. Богъ повелѣлъ имъ очиститься

Digitized by Google

страшствіемъ. Въ эту ночь они всѣ трое должны были разстаться и отправиться на богомолье къ святынямъ Индіи въ три разныя стороны. Никогда болѣе не видать имъ другъ друга въ лицо. Никогда не отдыхать имъ отъ своего странствія со дня разлуки до дня смерти.

Пока онъ шепталъ мнѣ эти слова, жалобная музыка смолкла. Всѣ трое повергнись на помостъ предъ завѣсой, скрывавшею святыню; встали, поглядѣли другъ на друга, обнялись. Потомъ сошли врозь къ народу. Толпа разступалась въ мертвомъ безмолвіи. Въ одинъ и тотъ же мигъ я видѣлъ, какъ толпа раздалась въ трехъ различныхъ направленіяхъ. Огромная бѣлая масса народа медленно сомкнулась. Самый слѣдъ этихъ трехъ осужденныхъ изгладился въ рядахъ ихъ смертныхъ собратьевъ. Мы ихъ болѣе не видали.

Въ скрытомъ святилищѣ снова раздались звуки музыки,— громкіе, ликующіе. Толпа вокругъ меня дрогнула и стѣснилась.

Завѣса межъ деревьевъ распахнулась, и святилище предстало предъ нами.

Тамъ, на высокомъ тронѣ, сидя на своей типичной сайгѣ, простирая всѣ четыре длани ко всѣмъ четыремъ угламъ земли, мрачно и грозно возвышался надъ нами въ мистическомъ свѣтѣ небесъ богъ Луны. А въ челѣ божества искрился желтый алмазъ, котораго лучи въ послѣдній разъ сіяли мнѣ въ Англіи съ корсажа женскаго платья!

Да! По истеченіи восьми вѣковъ, Лунный камень снова глядитъ чрезъ стѣны священнаго города, въ которомъ началась его исторія. Какимъ образомъ попалъ онъ въ свою дикую родину,—какимъ случаемъ или какимъ преступленіемъ возвратили себѣ Индѣйцы священный клейнодъ свой,—вамъ, быть-можетъ, это извѣстно; мнѣ же—нѣтъ. Вы потеряли его изъ виду въ Англіи и (если я смыслю что-нибудь въ этомъ народѣ) потеряли его на вѣки.

Такъ идутъ года и повторяются одинъ въ другомъ; такъ одни и тѣ же событія круговращаются во времени. Каковы-то будутъ слѣдующія приключенія Лунного камня? Почемъ знать!

КОНЕЦЪ.

Digitized by Google